4
И-71

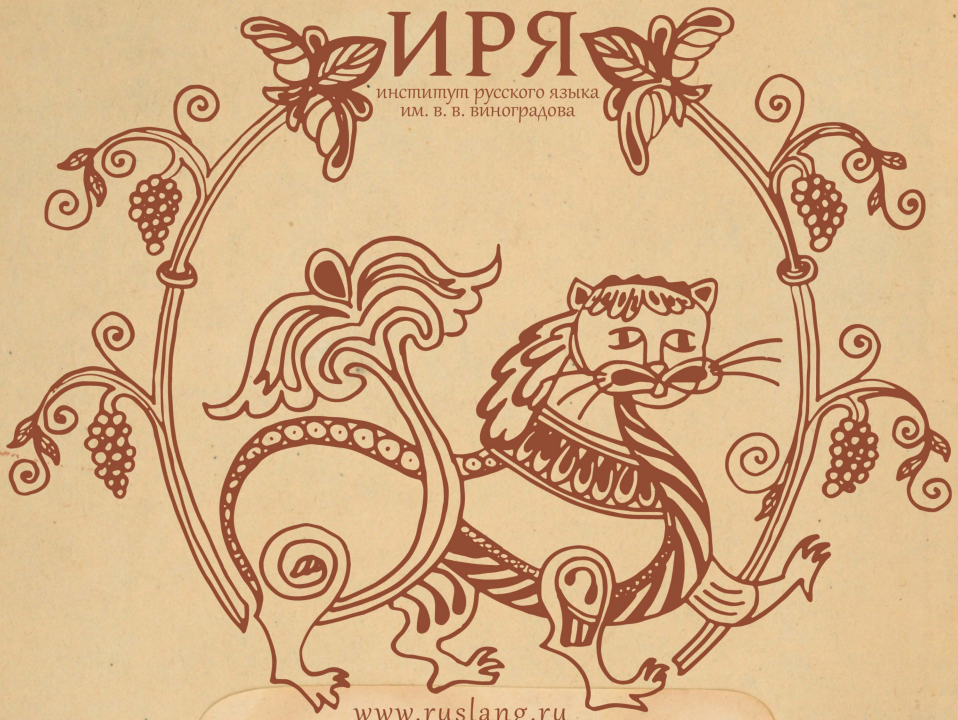
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ

VIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО
АКАДЕМИИ НАУК СССР

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

www.ruslang.ru

52697

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

[illegible]
ИНСТИТУТ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ
АН СССР

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Том VIII

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
Москва 1957

4
И-71
БИБЛИОТЕКА
Института
Языкознания
А Н. СССР
20
52647

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. БОРКОВСКИЙ (ответственный редактор),
Н. А. БАСКАКОВ, Е. А. БОКАРЕВ (зам. ответственного редактора),
В. В. ГОРНУНГ, С. И. КОТКОВ, Ф. Ф. КУЗЬМИН,
А. С. ЛЬВОВ (ответственный секретарь), *С. И. ОЖЕГОВ*

РЕДАКТОР ТОМА

Р. И. АВАНЕСОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Восьмой том «Трудов Института языкознания» посвящен вопросам истории русского языка и подготовлен Сектором истории русского языка и диалектологии Института. В его состав входят шесть монографических исследований. Том распадается на два отдела.

Первый отдел составляют работы, посвященные палеографическому, орфографическому и фонетическому исследованию трех важных с точки зрения истории русского языка памятников XIV в., относящихся к северо-восточной (Галич Костромской, Москва) и северо-западной (Псков) Руси. Это — монографии Л. П. Жуковской «Из истории языка северо-восточной Руси в середине XIV в. (Фонетика галичского говора по материалам Галичского евангелия 1357 г.)», О. А. Князевской «К истории русского языка в северо-восточной Руси в середине XIV в. (Палеографическое и фонетическое описание рукописи Московского евангелия 1358 г.)» и Т. Н. Кандауровой «К истории древнепсковского диалекта XIV в. (О языке Псковского пролога 1383 г.)». Таким образом, в названных работах изучаются памятники, относящиеся к начальному периоду формирования языка великорусской народности. Весьма ценным является то, что извлеченный из исследуемых памятников материал авторам удается в большей или меньшей мере связать с данными русской исторической диалектологии. Значение этих работ особенно возрастает в связи с тем, что в течение последних десятилетий древние рукописные памятники разрабатывались лингвистами очень мало, ввиду чего их исследование (а среди неизданных памятников имеются памятники большого научного значения, относящиеся к XI и последующим векам) в настоящее время становится одной из актуальных задач русского языкознания.

Второй отдел посвящен неисследованным и мало исследованным вопросам исторической грамматики русского языка. Это работы: В. И. Борковского о бессоюзных сложных предложениях в языке древнерусских грамот; С. В. Бромлей об истории форм сравнительной степени, построенная на большом фактическом материале русского языка XI—XVIII вв. с учетом данных современного русского языка и содержащая конкретную историю форм сравнительной степени в русском языке; Н. С. Рыжкова о морфологии и семантике отыменных (от существитель-

ных) наречий в русском языке XI—XIV вв. Все эти работы вводят в науку о русском языке новые, ранее неисследованные материалы.

Все статьи, публикуемые в настоящем томе «Трудов Института языкознания», могут быть использованы при построении курса исторической грамматики русского языка. За исключением работы о бессоюзных сложных предложениях в языке древнерусских грамот (автор — проф. В. И. Борковский), все исследования принадлежат молодым авторам и представляют собой обработанные кандидатские диссертации или главы из них. Работа Н. С. Рыжкова написана под руководством проф. В. И. Борковского, остальные — под руководством проф. Р. И. Аванесова.

По поручению Ученого совета Института языкознания настоящий том «Трудов Института языкознания» подготовлен и отредактирован Р. И. Аванесовым.

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Том VIII 1957

Л. П. Жуковская

ИЗ ИСТОРИИ ЯЗЫКА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ В СЕРЕДИНЕ XIV в.

(Фонетика галичского говора по материалам Галичского евангелия 1357 г.)

Настоящая работа основана на изучении рукописи Государственного исторического музея (Собрание Патриаршей библиотеки № 68), так называемого Галичского евангелия 1357 г. В ходе исследования также привлекались материалы современных русских говоров на территории Галичского и прилегающих к нему районов Костромской области, собранные диалектологическими экспедициями Ярославского государственного педагогического института и Галичского учительского института в 1945—1949 гг. Анализу фонетики предшествует палеографическое описание рукописи, имеющее целью ознакомить с памятником вообще и, главное, определить число писцов, принимавших участие в его создании, и по возможности точнее установить границы работы каждого из них. Весь последующий лингвистический анализ построен на различении материалов, относящихся к каждому из четырех писцов Галичского евангелия 1357 г.

До настоящего времени язык этой рукописи не был описан, имеются лишь небольшие палеографические замечания о ней в труде А. В. Горского и К. И. Невоструева «Описание славянских рукописей...»[1] и в «Древних памятниках русского письма и языка» И. И. Срезневского[2]. Еще более краткие замечания об этой рукописи содержатся в работах Г. А. Воскресенского[3]. Рукопись евангелия 1357 г. была знакома академику А. И. Соболевскому, так как ссылки на нее он делает в своих «Лекциях по истории русского языка»[4].

---

[1] [А. В. Горский и К. И. Невоструев]. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки, отдел первый. М., 1855, стр. 221—223.

[2] И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка X—XIV вв. Общее повременное обозрение. Изд. 2-е. СПб., 1882, стр. 213.

[3] Г. А. Воскресенский. Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста с разночтениями из 108 рукописей евангелия XI—XVI вв. Сергиев Посад, 1894, стр. 49—50; его же. Характеристические черты четырех славянских переводов евангелия от Марка по 112 рукописям евангелия XI—XVI вв. М., 1896, стр. 39—40.

[4] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М., 1907.

Снимок с рукописи издан Саввой[5], заставка и некоторые инициалы помещены в альбоме В. В. Стасова[6].

Более подробных указаний на особенности языка и письма этой рукописи в научной литературе нет. Между тем исследование ее должно представлять значительный интерес потому, что древние памятники Ростово-Суздальской земли, особенно северо-восточной ее части, сохранились в небольшом количестве и притом изучены мало. Можно указать лишь работы В. И. Борковского о языке Суздальской летописи[7], П. С. Кузнецова о Переяславском евангелии 1354 г.[8], кандидатскую диссертацию К. И. Ходовой о лексике Жития Нифонта по списку 1219 г.[9] Кроме того, имеется несколько исследований о языке московских памятников, которые отражают говор Москвы, представлявшей в то время юго-западную окраину Ростово-Суздальской земли. Из них последнее по времени исследование, близкое по тематике к настоящей работе, — кандидатская диссертация О. А. Князевской[10], где приведена библиография по вопросу о языке московских памятников.

Московские памятники, наряду со многими другими, были исследованы А. И. Соболевским. Однако А. И. Соболевский приводит материал из них лишь выборочно и в небольшом количестве, ограничиваясь общим негативным утверждением: «Что касается до средне-русского говора — говора древних вятичей [?! — *Л. Ж.*] и их колонистов на обоих берегах верхней Волги, от которого ведет начало та часть великорусского наречия, которая не знает мены *ц* и *ч*, — то он, как можно заключить на основании ростовских памятников первой четверти XIII в., Рязанской Кормчей 1284 г., Галицкого (Костромской губ.) евангелия 1357 г., переяславского списка Поучений Ефрема Сирина 1377 г., Лаврентьевского списка летописей и др., не имел в древности никаких резких особенностей и отличался от других говоров только тем, что в нем отсутствовали те особенности, которые отличали эти говоры»[11] (разрядка моя. — *Л. Ж.*).

---

[5] «Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей Московской синодальной библиотеки VI—XVII вв.». Издал Савва, епископ Можайский. М., 1863, табл. 1а.

[6] «Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени». Собрал и исследовал Владимир Стасов. СПб., 1884, табл. 87.

[7] В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку. «Труды комиссии по русск. яз.», т. I. Л., 1931.

[8] П. С. Кузнецов. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров. «Докл. и сообщ. Ин-та русс. яз. АН СССР», 1948, вып. 2.

[9] К. И. Ходова. Наблюдения в области словарного состава древнего славянского памятника («Житие Нифонта» в русском списке 1219 г.), автореферат. М., 1952.

[10] О. А. Князевская. К исторической фонетике русского языка в Московской Руси середины XIV в. (О языке Московского евангелия 1358 г.), автореферат. М., 1952.

[11] А. И. Соболевский. Лекции... стр. 37.

Р. И. Аванесов в работе «Вопросы образования русского языка в его говорах», определяя диалектные особенности, свойственные говорам Ростово-Суздальской земли, пишет: «Ростово-Суздальская земля, как известно, с самого начала отличалась диалектным многообразием, что было обусловлено неоднородностью ее первоначальной славянской колонизации, в которой приняли участие восточные кривичи, а также словене, кроме того, вятичи, а частично, возможно, и другие племена. Однако количественно преобладающими и «задающими тон» в социально-экономическом и культурном отношении были потомки восточных кривичей с их говорами, имевшими *г* взрывное, различавшими *ц* и *ч*, не знавшими изменения *о* и *е* в новых и закрытых слогах, развившими *ô* и *ê* соответственно на месте *о* под восходящим ударением и *ѣ*»[12] (разрядка моя. — *Л. Ж.*).

После появления в части русских говоров аканья говоры Ростово-Суздальской земли не развили его и продолжали различать в безударных слогах гласные неверхнего подъема, т. е. были окающими[13].

Таким образом, в имеющейся литературе на основании изучения ряда памятников сформулированы лишь общие, хотя и наиболее важные, черты говоров Ростово-Суздальской земли. Настоящая работа ставит задачу изучить детально, со всеми частностями орфографию одного памятника Ростово-Суздальской земли с целью возможно более полного установления звуковой системы того времени в районе Галича Костромского.

Изучая в историческом плане тот или иной диалект, необходимо принимать во внимание историю народа, которому он принадлежит. История носителей галичского диалекта имеет свои особенности, которые нельзя не учитывать при изучении как современных галичских говоров, так и их состояния в прошлом.

А. Н. Насонов, специально исследовавший пути складывания древнерусской государственности, указывает, что «в середине XII в., судя по известию о нападении болгар на Ярославль в 1152 г., восточнее Ярославля «городов» на Волге не было... Под 1238 г. летопись впервые упоминает Галич Мерьский, в качестве окраинного места, куда доходили от Волги татары («доже и до Галича Мерьскаго»)»[14].

Исследуемый нами памятник написан в 1357 г. На протяжении примерно 200 лет ростово-суздальский диалект на территории Галича и окружающих мест, надо полагать, еще не мог обособиться, растерять свои старые черты и приобрести существенные новые. Единство материала, представляемого исследуемой рукописью и другими памятниками

---

[12] Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах. «Вестник МГУ», вып. 9, 1947, стр. 136.

[13] См. там же, стр. 138.

[14] А. Н. Насонов. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства. М., Изд-во АН СССР, 1951, стр. 193—194.

того же времени, написанными на территории восточных частей Ростово-Суздальской земли, является доказательством этого положения.

Для выявления реального звукового значения тех или иных написаний памятника письменности необходимо изучить данные современных живых говоров и прежде всего данные говоров той территории, на которой написан памятник. С этой целью нами были изучены материалы говоров Галичского и прилегающих к нему районов Костромской области[15]. Однако, используя современные диалектологические материалы, приходилось учитывать и позднейшие переселения на территорию «Чухломского края», благодаря которым позднее образовался так называемый Чухломский акающий остров, где говор населения претерпел значительные изменения после XVI в.

Н. Н. Виноградов, специально изучивший вопрос о перемещении населения в этих краях, пишет: «В 1619—1620 гг. здесь (в Чухломском крае — *Л. Ж.*) были испомещены и наделены вотчинами служилые люди, оказавшие своею службою большую услугу новому правительству и способствовавшие восстановлению в государстве законного порядка... Вся эта масса новых людей принесла с собой и новый говор — говор местностей, расположенных около Москвы, к югу, юго-востоку и юго-западу от нее, одним словом — говор средневеликорусский. Несомненно, что говор новопоселенцев, как людей более культурных и, кроме того, имевших высшее, начальственное положение, не мог не повлиять на говор окрестного менее культурного и поставленного в подчиненное положение населения. Оно понемногу усвоило все особенности средневеликорусского наречия. Вот непосредственная причина неожиданного появления аканья в сплошной массе северновеликорусских окающих говоров»[16].

Появление аканья могло сопровождаться проникновением и других языковых черт. Мало того, отдельные языковые черты могли проникнуть в соседние говоры, в которых аканье не привилось.

Отсюда вытекает, что при сопоставлении материалов изучаемого памятника с материалами современных говоров важно проводить сравнение не только с говорами окружающего Галич населения, но и зна-

---

[15] Ниже в работе учитываются современные диалектные данные, собранные Ярославским государственным педагогическим институтом им. К. Д. Ушинского и Галичским учительским институтом по «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» (Академия наук СССР, Ин-т русск. яз., М.—Л., 1947 и др. изд.). Так, были изучены материалы по деревням Богчино, Житково, Михайловское, Самылово, Куземино, Иваньково, Пронино, Дыхалово, Фотьяново, Даниловское, Козино Галичского района Костромской области и прилегающих к ним в соседних районах деревень: Дор Сусанинского района, Красново, Матвеевское, Ожегино, Коптево Ореховского района, Михалево, Кузнецово-Луковцино Чухломского района, Шувакино, Филино, Макарово, Помчище Антроповского района.

[16] Н. Н. Виноградов. Причины и время возникновения аканья в Чухломском крае. «Изв. ОРЯС», 1917, т. XXII, кн. 2, стр. 15—16.

чительно шире, с северновеликорусскими говорами в целом и среди них в особенности с говорами вологодско-вятской и владимирско-поволжской групп, так как там могли сохраниться отдельные архаические черты, не сохранившиеся в районе Чухломы и даже Галича.

Однако при сопоставлении данных памятника письменности с современными говорами для того, чтобы установить правильную историческую перспективу, необходимо иметь в виду, что в современных говорах, с одной стороны, могут быть черты новые, возникшие в них после времени написания памятника, с другой стороны, надо учитывать и то обстоятельство, что современные говоры могли в процессе развития утратить особенности, присущие им в период написания того или иного памятника. Таким образом, при сравнении данных рукописи с данными современных диалектов необходимо выяснить вопрос, представляет ли то или иное диалектное явление архаизм или оно является новообразованием, появившимся после времени написания памятника.

Вследствие этого при сравнении материалов древней письменности и живых говоров необходимо ориентироваться также на данные истории русского языка в целом, на основании которых и оцениваются данные современных диалектов. Так, например, можно установить путь от первоначального различения фонемы [ê] или [ие̂] (ѣ) наряду с фонемами [е] и [и] к последующему совпадению их в одном звуке [е] или [и], от первоначальной мягкости шипящих и [ц] к последующему отвердению, от первоначальных сложных звуков [ш'ч'] и [ж'д'ж'] к последующим более простым [ш'ш'] ([шш]), [ж'ж'] ([жж]) и т. п., а не наоборот, если не иметь в виду междиалектного взаимодействия, в процессе которого возможно также усвоение вариантов более архаических по сравнению с тем, что имеет диалект.

Таким образом, на основе изучения орфографии и отклонений от нее по Галичскому евангелию 1357 г. в целом и по отношению к каждому из четырех писцов рукописи в отдельности, на основе сравнения этих материалов с данными, извлеченными из других древних памятников Ростово-Суздальской земли, и сравнения этих материалов с данными современной диалектологии, мы ставим задачу выявления качества отдельных звуков и фонетической системы галичского говора середины XIV в., а также его отношения к другим говорам Ростово-Суздальской земли и языку великорусской народности в целом.

Глава I

ПАЛЕОГРАФИЯ

1. Задачи палеографического описания

Палеографическое описание является составной частью описания любого древнего памятника письменности. Основная задача его — определить время и место написания памятника. Палеографическое описание

памятников датированных имеет целью дать материал, который может быть использован для определения времени и места написания памятников недатированных, так как датированных памятников немного.

Анализируя язык памятника письменности, исследователь не может удовлетвориться знанием лишь времени и места его написания. Не менее, если не более, необходимо знать, сколькими лицами создавалась рукопись, определить границы работы каждого из них, чтобы затем определить индивидуальные особенности графики и орфографии, а по ним и особенности языка каждого писца и вывести общие закономерности. Из того, что в записи рассматриваемой рукописи (см. ниже) указан в качестве писца только Фофан, не следует непременно, что писал он один. Как будет показано ниже, текст рукописи переписывался четырьмя писцами. Каждый из них мог в разной степени отражать особенности живой речи на письме в силу разной степени владения орфографическими нормами своего времени; нормы эти могли быть различными в разных школах письма и, кроме того, писцы могли быть носителями разных диалектов.

Поэтому необходимо точно установить границы почерков путем палеографического исследования, чтобы в лингвистической части работы можно было анализировать отдельно материал каждого писца. В этом случае никакие палеографические «мелочи» не могут быть лишними.

Таким образом, задачи настоящего палеографического описания сводятся к следующему: первая и основная — возможно более точно установить границы работы отдельных писцов, вторая — проверить свидетельство записи о времени и месте написания рукописи, третья — выявить черты, свойственные всем писцам данного списка, для определения в будущем особенностей палеографии и графики рукописей середины XIV в., написанных на территории, примыкающей к Галичу.

2. Внешние палеографические данные рукописи

Внешний вид. Пергамен. Сохранность. Исследуемый памятник представляет собой пергаменную рукопись в лист, писанную в два столбца уставом. Она содержит 178 листов размером 21,5 см на 28 см. Листы пронумерованы арабскими цифрами при хранении. Нумерация последовательная, без перерывов. В столбцах рукописи от 26 до 32 строк в каждом.

Рукопись заключена в картонный переплет, обтянутый тонкой кожей. Переплет поздний. Старый заменен в 1794 г. у этой рукописи, как и у других рукописей Патриаршей библиотеки.

Пергамен рукописи различного качества, что отчетливо видно, например, на л. 93, склеенном из двух частей. Часто встречаются зашитые разрывы и дыры, образовавшиеся при выделке кожи. В одном из них (л. 110) видна белая шерсть, что указывает на недостаточно тщатель-

ную выработку пергамена. Сшивание разрывов и дыр производилось льняными нитками. В некоторых местах они от ветхости выпали, и остались лишь следы проколов от прежнего шва. Кроме того, есть большое число дыр, оставшихся несшитыми. Листы пергамена нарезались очень экономно. Многие из них подклеены в правом нижнем углу. На л. 156 вместо шва употреблена единственная во всей рукописи наклейка из кусочка пергамена. Два внутренние двойные листа тетрадей, заключенные между крайними и средними (внутренними) двойными листами, часто составлены из двух половинок, не склеенных между собой. Эти листы удерживаются лишь потому, что тетради сшиты в корешке. Такие средние листы чаще бывают дефектными, например, в тетрадях XXI и XXIII они составлены из листов пергамена меньшего размера и с оборванными краями.

Большинство листов рукописи полностью или частично были залиты жидкостью, оставившей коричневые пятна. Как нам сообщила заведующая отделом древних рукописей Государственного исторического музея М. В. Щепкина, рукописи Патриаршей библиотеки (по-видимому, после 70-х годов XIX в.) были политы по корешку и обрезам каким-то составом, чтобы спасти их от вредителей, точивших переплеты. Несмотря на то, что вредители точили только переплет, а пергамен не трогали, многие листы рукописи залиты настолько сильно, что корешки и крайние листы смежных тетрадей не только потемнели, но и склеились. Это затрудняет подсчет тетрадей и даже понимание текста на некоторых листах рукописи.

3. Палеографические сведения о рукописи, способствующие определению границ почерков

Тетради. Первые 177 листов рукописи входят в состав 23 тетрадей. Последний лист, 178-й, приклеен к последнему листу XXIII тетради, 177-му по общему счету. Подклеен лист, по-видимому, писцом и во всяком случае до того, как была написана рукопись, так как в некоторых случаях буквы заходят на планку, которой этот лист приклеен к корешку предыдущей тетради.

Все тетради, кроме двух, кватернионы. Одна из этих двух тетрадей — IV по порядковому счету — имеет только три листа — лл. 25, 26, 27 по общему счету. Из них лл. 26 и 27 составляют целый двойной лист, а от л. 25 отрезана половина, дополнявшая его до двойного листа. Место отреза хорошо видно между 27 и 28 листами рукописи. Вырезан лист, первоначально оставленный незаполненным. Это явствует из того, что пропусков в тексте нет. Наоборот, столбец 27б[17] почти совсем не-

[17] Здесь и в дальнейшем столбцы рукописи помечаются буквами русского алфавита по порядку таким образом, что столбцы, расположенные на лицевой стороне листа, обозначаются слева направо буквами а и б, а на оборотной —

заполнен, а 27 в, г содержат миниатюру. С л. 28 начинается новый апракосный цикл (евангелие от Луки первой недели по пятидесятнице) с новым счетом недель.

Вторая отклоняющаяся от нормы тетрадь, XVII по порядковому счету, содержит лл. 124—129 рукописи и состоит из трех двойных листов. В середине этой тетради между лл. 126 и 127 нет последовательной связи в содержании, можно предположить, что между ними утрачены листы и что утрата эта произошла до нумерации листов, так как она не отразилась на нумерации. Анализ содержания показывает, что пропущены чтения Мт. XXII. 38 — Мт. XXIII. 34. В этом тексте заключается 2636 печатных знаков позднего канонизированного церковнославянского текста. На соседнем двойном листе рассматриваемой рукописи содержится примерно столько же рукописных знаков (л. 126 имеет 1319 знаков и л. 127—1369, т. е. вместе 2688 знаков). Это позволяет утверждать, что утрачен один двойной лист. Имеющееся расхождение в 52 знака вполне допустимо и может объясняться несколькими причинами: 1) количество знаков на каждом листе у писца колеблется, даже между лл. 126 и 127 разница в 50 знаков; 2) в чтениях рукописи встречаются отклонения от принятого церковно-славянского текста; 3) в рукописи имеется больше знаков ъ и ь, чем в канонизированном тексте, за счет того, что они иногда употребляются в середине слова в слабой позиции редуцированных. Все это вместе взятое позволяет утверждать, что из середины XVII тетради утрачен один двойной лист и что XVII тетрадь представляла собой первоначально также кватернион, обычный для нашей рукописи. Таким образом, рукопись первоначально состояла из 22 кватернионов (I—III, V—XXIII тетради), одной неполной тетради в три листа (IV тетрадь) и отдельного листа, по современной нумерации 178-го. Как будет показано в анализе разлиновки, этот 178-й лист первоначально составлял двойной лист с 25-м и относился к неполной IV тетради.

Нумерация тетрадей. Помимо поздней нумерации листов, в рукописи имеются следы старой нумерации тетрадей. Буква-номер стоит в середине нижнего поля листа.

В рукописи имеются две группы нумерованных тетрадей. Характер нумерации их отличен. Первый тип нумерации состоит в том, что одной и той же буквой помечается оборот последнего листа предыдущей тетради и начальный лист последующей тетради, к которой и относится номер. При другом типе нумерации помечается только оборот последнего листа тетради.

в и г. Цифра, стоящая в некоторых случаях следом за буквой, обозначающей столбец, указывает номер строки (всегда сверху вниз). Ниже при приведении языковых примеров номер строки, как правило, не указывается, а цифра, стоящая следом за буквой (она в этих случаях заключается в круглые скобки), указывает число встречающихся примеров в данном столбце.

Первая группа нумерованных тетрадей заключает VI—IX тетради (по порядковому счету). Здесь лл. 35об. и 36 обозначены буквой а̄, 43об. и 44 — буквой в̄, 51об. и 52 — буквой г̄, 59об. и 60 — буквой д̄.

Нумерация второго типа начинается с XVI тетради и идет до конца с перебоями на лл. 161 и 169 Первый из перебоев объясняется тем, что на месте, где должен находиться и, возможно, находился знак, вырван кусок пергамена. На месте второго перерыва в нумерации (л. 169) есть какие-то неясные следы, по-видимому, оставленные чернилами. Можно думать, что первоначально и на этом листе был написан знак, но очень слабо, поэтому он теперь незаметен, так как лист сильно залит желтым составом. В остальных случаях нумерация видна более ясно. Лист 123об. помечен буквой а̄, 129об. менее заметно помечен буквой в̄, 137об. — буквой г̄, 145об. — буквой д̄, 153об. — буквой е̄, 177об. — буквой ӣ. Таким образом, писец, нумеруя тетради, насчитал всего восемь тетрадей, т. е. учел и те две тетради, на которых в настоящее время нумерация не видна.

Кроме указанных двух групп нумерованных тетрадей, на остальных тетрадях рукописи не обнаруживается следов какой бы то ни было нумерации (см. ниже таблицу почерков и тетрадей).

Разлиновка рукописи и состав тетрадей. Рукопись писана в два столбца шириной 7,5—8 см. Между столбцами остается поле шириной 1,5 см. Размеры боковых и верхних полей различны и колеблются от 1,5 до 4 см. Рукопись, по-видимому, несколько раз обрезалась.

На первый взгляд рукопись кажется разлинованной однотипно. Однако при детальном рассмотрении оказывается, что в отношении разлиновки, как и во многих других, она делится на две части. Первая охватывает листы с 1 по 115 включительно, и к ней примыкает л. 178, вторая часть — с л. 116 по 177 включительно. Первая часть не представляет единства в отношении разлиновки, вторая — однообразна.

Поскольку разлиновка имеет значение для определения границ работы отдельных писцов и особенно писца, оставившего запись на л. 178, нужно подробно остановиться на ней.

При анализе разлиновки и состава тетрадей учитываются следующие данные.

1. Как сделаны проколы по краям листов: на всей ли тетради, с какой стороны (это видно по выпуклостям и углублениям на местах прокола), по прямой линии или с отклонениями на месте той или иной точки прокола вправо или влево, на каком расстоянии друг от друга (при этом выяснилось, что проколы производились не шилом, а плоским острым предметом, так как от точек на месте проколов часто идут очень тонкие углубления — разрезы листа, как если бы проколы были сделаны острием ножа с конусообразным концом).

2. Расстояние между вертикальными линиями и между горизонтальными.

3. Количество вертикальных и горизонтальных линий и соответствие их количеству точек проколов.

4. Длина соответствующих вертикальных и, особенно, горизонтальных линий в сравниваемых листах (различия в длине последних наиболее отчетливо видны на среднем свободном поле, разделяющем заполненные текстом столбцы).

5. С какой стороны производилась разлиновка — с лицевой или с оборотной. Большей частью это легко поддается определению, так как со стороны нажима видна отчетливая тонкая линия, а с оборотной стороны листа образовалась выпуклость и сама линия толще.

6. С какого листа производилась разлиновка. Обычно на первом листе — более тонкая и более заметная линия, встречаются даже прорезанные листы, например 1, 8, 28 и др. На втором и последующих листах впадина более широкая, и на последних, особенно на четвертых (если линуются сразу четыре листа), линия едва заметна по нажиму и наиболее широка.

Разлиновка всей рукописи состоит из нанесения четырех вертикальных линий, образующих столбцы: три узких — поля́ и два широких между ними, на которых размещается текст. Поперек листа внутри широких столбцов проводятся горизонтали. Число их колеблется от 26 до 32. На горизонталях писцы располагали буквы, а один из писцов, как увидим ниже, также и знаки препинания — точки.

Приемы разлиновки тетрадей первой части рукописи, заключающей I—XV тетради, весьма разнообразны, хотя число горизонталей в них одинаково — 30, кроме IV тетради, где их 32. За неимением места остановимся подробно лишь на разлиновке IV тетради, которая представляет особый интерес.

IV тетрадь в настоящее время состоит из трех листов (лл. 25—27). Горизонтальные линии проведены по развернутой тетради изнутри, их 32 (на л. 25 последняя линия осталась незаполненной). Вертикали менее заметны, они не были проведены ни по одному из листов тетради. Сравнительное рассмотрение разлиновки всей рукописи позволяет считать, что IV тетрадь первоначально состояла из двух двойных листов. Со стороны четвертого, ныне отсутствующего листа была проколота вся тетрадь и были проведены сразу все вертикали. Этим четвертым листом оказался л. 178 рукописи. Он не входит в состав последней тетради, но лишь приклеен к ней. Вертикали IV тетради проведены именно по этому листу, точки проколов на нем заметнее и расположены так же, как в остальных листах IV тетради. Проведены следующие сквозные горизонтали: на лл. 25, 26 сквозные 31 и 32, на лл. 27, 178 — 20, 27, 29, 30, 31, 32 горизонтали. Кроме того, на среднее белое поле между заполненными столбцами выступают на половину или две трети размера этого поля горизонтали 13, 18, 19, 22, 23, 25, 28. Соответственно л. 26 на л. 178г выступают на белое поле те же горизонтали. Это еще раз

подтверждает, что л. 178 до написания памятника относился к IV тетради.

Тетради XVI—XXIII, в противоположность первым пятнадцати, разлинованы одним способом. В тетрадях XVI, XVII, XIX, XX проколы для горизонталей сделаны лишь на наружном двойном листе со стороны первого. На тетрадях XVIII, XXI, XXII, XXIII следов от проколов не сохранилось. По-видимому, проколы были нанесены близко к краям листа и при последующем обрезании полей рукописи были срезаны. Разлиновка производилась со стороны лл. 1 и 8 в развернутом виде на всех четырех двойных листах сразу. Сначала проводились вертикальные линии, затем между ними горизонтальные, из которых две верхние и одна нижняя проводились через весь лист, образуя рамку. Несмотря на то, что приемы разлиновки этих тетрадей одинаковы, число горизонталей в них различно. Тетради XVI и XVII имеют по 30 горизонталей, XVIII — 29, в следующей, XIX тетради, как бы для исправления допущенной ошибки, проведена 31 горизонталь, но в последующих тетрадях число горизонталей убывает: XX, XXI, XXII тетради имеют по 28 горизонталей, последняя, XXIII тетрадь — 26. По-видимому, писец, линовавший тетради, увидев, что пергамена достаточно, решил размещать в листе меньшее количество строк текста. Следовательно, можно полагать, что тетради второй части рукописи линовались одним лицом, имеющим сложившиеся и твердо закрепленные навыки разлиновки, но линовались они не все сразу, а по мере надобности.

Таким образом, разлиновка рукописи показывает, что листы с 1 по 115 и л. 178 и листы со 116 по 177 линовались разными лицами.

Чернила. Чернила, которыми написана рукопись, темнокоричневые, местами очень бледные, местами настолько густые, что приближаются к черным. По внешнему виду различия в чернилах по отдельным тетрадям нет. Чернила постепенно бледнеют (писец разбавлял их — ?) и потом сразу сменяются густыми несколько раз в различных местах рукописи и в том числе после лл. 27, 35 и 115.

Краски. Кроме чернил, в рукописи употребляется киноварь.

На протяжении рукописи киноварь используется неодинаково. На лл. 1—115 и 178, как правило, исключительно киноварью обозначаются дни, недели и имена евангелистов, из которых взято чтение. Лишь в столбцах 28б, 29г, 33а, 33б наряду с киноварью употребляются обычные чернила. Кроме того, киноварь употреблена для инициалов — больших (в начале ежедневных чтений) и малых (в зачалах). На лл. 116—177 киновари значительно меньше: в названиях дней преобладают чернила, киноварь встречается только в инициалах, причем даже и они пишутся не чистой киноварью, но в основном чернилами, а киноварью закрашиваются промежутки. Помимо киновари, в рукописи употреблена зеленая краска. Она служит фоном в заставке на л. 1в, и потом, по-видимому, остатки ее используются в больших инициалах на первых семи

листах. Никаких других красок в рукописи не употребляется, за исключением красок в миниатюре.

Миниатюра. Перед началом евангелия от Матфея на л. 27об. находится единственная миниатюра рукописи. Она составлена из четырех самостоятельных изображений евангелистов, что встречается редко в древних рукописях и притом главным образом в написанных в отдаленных от центров местностях. В столбце 27в вверху изображен Иоанн, о чем свидетельствует надпись и книга в его руках со словами *искони бѣ слово;* внизу под ним Матфей, в столбце 27г наверху рядом с Иоанном — Лука, внизу — Марк. Изображения сделаны в четыре цвета: желтый, синий, зеленый и красный. Контуры обведены чернилами. Миниатюры рисованы примитивно и грубо. Вполне допустимо признать, что рисовал сам писец, тем более, что почерк надписей в миниатюре не отличается от почерка, которым сделаны все киноварные строки в первой части рукописи, а они принадлежат писцу, написавшему бо́льшую часть текста (см. ниже).

М. В. Щепкина следующим образом характеризует эту миниатюру: «На л. 27, разделенном палатным письмом на 4 поля, изображены четыре евангелиста. Письмо очень простое, неискусное, но решительное, показывает большое обрусение типов. Головы несоразмерно велики»[18].

Заставка. Перед началом рукописи на л. 1об. в наружном столбце имеется единственная заставка. Заставка выполнена в тератологическом стиле. На зеленом фоне изображены киноварью две, сплетенные хвостами, чудовищные птицы. Они повернуты в разные стороны и выпускают из клювов узлы, оканчивающиеся ниспадающими чудовищами. Глаза у тех и других выделены чернилами. Заставка приведена в альбоме Стасова[19] и ранее, менее точно, у Саввы[20].

Инициалы. В отношении больших инициалов, т. е. инициалов, стоящих перед чтениями на определенный день, рукопись резко делится на две части точно так же, как и в отношении разлиновки: на лл. 1—115 и 178 и 116—177. Инициалы первой части более красивы, сложны и разнообразны. В альбоме Стасова уделено значительное внимание инициалам первой части Галичского евангелия 1357 г. (помимо заставки в нем приводятся еще 14 инициалов; из них только № 25 относится ко второй части рукописи). При рассмотрении их, однако, необходимо учитывать, что приведенные образцы представляют главным образом примеры единичные, не типичные для всех инициалов рукописи (таковы № 19, 20, 25, 27, 30). Вся масса больших инициалов в рукописи, как и

---

[18] М. В. Щепкина. Описание славянских лицевых рукописей Синодального собрания Отдела рукописей Государственного исторического музея (ГИМ) (рукопись).

[19] «Славянский и восточный орнамент...», табл. 87.

[20] «Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей...», табл. ла.

в любом евангелии-апракос, падает на буквы *В* и *Р*. Первая из них начинает традиционный оборот: *въ оно время*, вторая — *рече гъ*. Конечно, для каждого инициала писец каждый раз не мог найти вполне оригинальное решение, особенно если учесть количество их: только в первой части инициал *В* повторяется около двухсот раз и *Р* более ста раз. Поэтому не удивительно, что в инициалах встречаются не только общие мотивы, но и повторяются отдельные частности. Общее выражается не только в отдельных рисунках инициала *В* или *Р*, но и в отношениях их между собой. Например, в столбце 28а инициал *Р* и в столбце 39б инициал *В* имеют совершенно тождественные верхнюю петлю и мачту. Однако следует отметить, что случаи полного тождества инициалов все же редки.

Если отвлечься от частностей, то в I части рукописи можно обнаружить группы инициалов, где доминирующим является какой-либо определенный элемент, и тогда намечаются следующие типы инициалов: 1) византийская ветка, 2) плетеные жгуты, 3) тератологические формы, 4) буквы устава, осложненные гребнями или веткой, 5) единичные виды.

Как правило, инициалы пишутся киноварью, но есть отклонения. Так, на лл. 1—7б все киноварные инициалы частично покрыты зеленой краской. Краска та же, что и в заставке на л. 1в. Поскольку, кроме указанных листов, она больше нигде не появляется, можно думать, что писец использовал здесь оставшуюся после выполнения заставки краску. Другая группа инициалов, расположенных в разных местах рукописи, писана чернилами и лишь подведена киноварью. Это инициалы на лл. 17в, 17г, 19а, 19б, 21в, 22а, 22в, 22г, 49в, 49г, 50в, 50г, 51б, 55в, 55г, 75б, 97г.

Для инициалов отводится всегда определенное число строк. На лл. 1—27, 36—115 всегда по четыре строки, на лл. 28—35 по пять строк. Но это лишь в тех случаях, если инициал не размещается в конце столбца, где недостающее место может быть восполнено за счет нижнего поля. Единственное исключение, где оставлено три строки, — л. 49г.

Вопрос об исполнителе больших инициалов интересует нас лишь с одной точки зрения — принадлежат ли они перу писца основного текста или другому лицу. Есть основания считать первое предположение более вероятным. Прежде всего за него говорит тот факт, что на некоторых листах рукописи встретились в само́м тексте, написанном чернилами, элементы, свойственные большим инициалам. Так, например, на л. 19в малый инициал *О* состоит из двух переплетенных колец, просветы между которыми заполнены киноварью. Это сложное переплетение выполнено безукоризненно. На лл. 48г и 51б в целях экономии пергамена писец помещает последнюю строчку текста вне разлинованных строк внизу на поле. В том и другом случае эта дополнительная 31 строка, как бы поддерживается лежащей фигурной скобкой,

БИБЛИОТЕКА Института Языкознания А Н. СССР

из середины которой спускается завиток типа византийской ветки инициалов. На л. 99г пять последних букв, относящихся к предшествующему чтению, помещены как бы в вазе, поддерживаемой рукой. Таков же на л. 42а инициал *Р*, также поддерживаемый рукой. Рука на л. 99г меньшего размера, но исполнена не менее искусно, чем в инициале на л. 42а.

Таким образом, если писец мог выполнять сложное плетение и другие элементы, свойственные большим инициалам, вполне возможно, что он рисовал и инициалы в целом.

По-видимому, перу писца основного текста принадлежат также те 17 инициалов, которые выполнены в основном чернилами и лишь подведены киноварью. За это говорит одинаковая консистенция чернил основного текста и инициалов.

Последовательность в работе, при которой сначала пишется инициал, а затем текст (это бывает хорошо видно, когда чернила проведены по киновари инициала, см., например, 37в, 67а, 72в), также свидетельствует о принадлежности инициала руке писца основного текста. В противном случае необходимо предположить почти непрерывное присутствие при работе писца какого-то мастера более высокой квалификации для выполнения инициалов, что мало вероятно. Это же относится и к инициалам, рисованным чернилами того же качества, что и чернила основного текста.

Суммируя вышеизложенное, можно сказать, что инициалы первой части рукописи и листы 17в, г, 19а, б, в, 21в, 22а, в, г, 37в, 48г, 49в, г, 51б, в, 55г, 67а, 72в, 97г, 99г принадлежат руке одного лица.

Большие инициалы второй части очень просты и сделаны значительно менее искусно, чем даже самые простые в первой части. Они представляют собой всегда букву устава, в которой вертикальные линии проведены дважды чернилами; промежуток между ними заполнен киноварью, отчего они кажутся широкими, а горизонтали — обычные тонкие линии, проведенные чернилами. Мачты букв обрамлены слева гребнями. Гребни очень простые, большей частью они состоят из трех вершин, средняя из которых заполнена киноварью. Штрихи киновари во всех частях инициалов весьма небрежны и неточны. Петли инициалов иногда внутри украшены цветком — верхняя (см. в альбоме Стасова табл. 87 № 25), или ресничками — нижняя. Высота букв обычно составляет три строки. По ширине инициалы кажутся пропорциональными за счет гребня, без него — узки и вытянуты.

Простота больших инициалов второй части рукописи не оставляет никакого сомнения в том, что они принадлежат руке писца второй части. Но инициалы второй части отличаются от инициалов первой части, как отличалась разлиновка (что уже было указано) и отличаются некоторые начертания букв (что будет показано ниже).

Малые инициалы всей рукописи сходны. Они представляют собой буквы устава с двойными вертикальными линиями, пространство между

которыми заполняется киноварью, отчего они кажутся как бы обведенными чернилами. В первой части рукописи, особенно на лл. 28—35, часто встречаются малые инициалы, написанные без чернил, только киноварью. Увеличение размера малых инициалов в высоту достигается тем, что их середина проходит по линии, на которой размещаются буквы, при этом верхняя часть их совпадает с высотой букв основного текста (так же и в больших инициалах), а нижняя опускается почти до букв, помещенных на следующей строке.

Заголовки чтений. В первой части рукописи заголовки чтений пишутся киноварью, и это выделяет их. Во второй части киноварью заполняется только первая буква, но она в два раза больше строчных букв, т. е. такая, как обычный малый инициал в зачалах. Последующие буквы заголовка во второй части пишутся тем же почерком и чернилами, что и основной текст.

4. Состав рукописи

Рукопись представляет собой евангелие-полный апракос с месяцесловом, поскольку в нем имеются чтения на праздники, празднуемые во все месяцы года. В рукописи есть случаи, когда отсутствуют какие-либо повторяющиеся чтения, но в таком случае делается ссылка на тот день, в какой это чтение написано. Наличие таких ссылок не делает апракоса кратким. В памятнике нет лишь чтений «на разные случаи»: крещение, брак, погребение, болезни, непогоду и пр.

Отдельные циклы и месяцеслов занимают в рукописи следующие листы: I цикл (от Иоанна) — 1—27; II цикл (от Матфея и Луки и чтения мясопустной и сыропустной недель) — 28—115; III цикл (недели предпасхального поста) — 116—157; месяцеслов — 158—178. Между I и II циклами помещена миниатюра, и остается свободный столбец; между II и III — указатель воскресных чтений и свободные полстолбца; между III и месяцесловом перерыва нет. Эти обстоятельства также необходимо иметь в виду при определении границ работы писцов.

5. Анализ почерков. Писцы рукописи

Еще некоторые указания на границы работы писцов. Как мы уже видели, исследуемую рукопись можно условно разделить на две части (первая — лл. 1—115, вторая — лл. 116—177) по таким показателям, как разлиновка, способ нумерации тетрадей, употребление киновари в заголовках, типы и размеры больших инициалов. Кроме того, отличительной приметой второй части является отсутствие на полях пометок, обозначающих чтение, помещенное на данном листе рукописи; обычно они представляют собой повторение чернилами киноварного заголовка, предшествующего чтению. Пишутся эти пометки на краях полей внизу и по бокам; они частично были срезаны при более позднем обрезании краев рукописи, в этих случаях

сохранились лишь верхние края букв. По почерку и чернилам пометки на краях полей следует отнести ко времени написания основного текста рукописи.

Первая и вторая части памятника отчетливо разделяются и по содержанию. В первую часть, как уже говорилось, входят I и II циклы чтений, во вторую — III цикл и месяцеслов. Между первой и второй частями оставлена свободной часть листа. Это вряд ли было бы возможно, если бы процесс переписки текста был строго последовательным. Правда, пропуски между циклами наблюдаются в некоторых богатых древних рукописях, например в Остромировом евангелии, где оставлено место на л. 56 и свободен весь л. 57 перед текстом от Матфея и на л. 124 перед текстом от Луки; но перед месяцесловом даже и в Остромировом евангелии пропуска нет. В более скромных рукописях переписка текста обычно производилась подряд, и циклы чтений отделялись лишь более или менее сложными заставками. Так обстоит дело в Сийском евангелии 1339 г., в сербском Мирославовом евангелии около 1200 г., в евангелии № 117 Библиотеки им. Ленина, в № 66 собрания Патриаршей библиотеки в Историческом музее и многих других.

В нашей рукописи совершенно очевидно стремление писцов к экономии пергамена. Они часто помещают киноварное название дня на той же строке, где кончается предыдущий текст (например, на лл. 10г, 51а, 55б, 59а, 64г, 76а, 76в, 90в, 91г, 105в, 106г); название чтения пишется даже на последней строке столбца, при этом инициал и весь текст размещаются в следующем столбце (например, на лл. 11в, 12а, 31б, 36г, 44г, 49в, 55б, 74б, 81г, 87в, 101б) или на нулевой строке вверху (49а, 51в). Встречаются названия, вынесенные на поля между столбцами (45а, 55в, г, 111в, г). Чтобы уписать весь текст дня в определенном столбце, писцы прибегают к наращению строк внизу столбца вне разлиновки (например, 48г, 51б, 99г). Писцы не пропускают необоснованно ни одной строки. Пропуски допущены лишь в следующих местах: 1) на л. 33в — из двух строк, оставленных писцом для обозначения киноварью названия дня, была заполнена только одна, вторая осталась свободной; 2) на л. 25 оставлена свободной последняя, 32-я строка; 3) на л. 55в — две последние строки; 4) на л. 75в одна последняя строка не заполнена вследствие плохого качества пергамена (буквы, написанные на лицевой стороне листа, проступили на оборотную).

Столь очевидное стремление писцов к экономии пергамена, а также то, что между евангелиями от Матфея и от Луки на л. 68 и между чтениями поста и месяцесловом пропуска нет и что рукопись в целом довольно проста и бедна, делают вполне вероятным предположение об отсутствии последовательности в переписке текста: по-видимому, пропуск пергамена на л. 115 объясняется тем, что, начиная с л. 116, рукопись какой-то период времени создавалась независимо от предшествующей части (кстати, следует отметить, что между лл. 115 и 116 проходит граница тетрадей).

Такой же пропуск строк есть на л. 27: в столбце б заполнена лишь верхняя строка, затем на следующих десяти строках размещается, расположенная независимо от строк, поздняя (XVI в.) запись скорописью; оборот л. 27 занят миниатюрой; следующий лист вырезан. Все это свидетельствует о том, что ко времени заполнения л. 27 и всей IV тетради следующая за ней V тетрадь была уже написана, и писцу невольно пришлось подгонять к ней размеры IV тетради (отсюда и отмеченное выше несоблюдение в ней обычного количества строк). Такая не прямая последовательность в работе была возможна лишь в том случае, если V тетрадь писал кто-то другой, а не писец первых четырех.

Отдельные замечания о начертаниях строчных букв рукописи. В рассматриваемой рукописи употребляются следующие буквы: а, б, в, г, д, є, ѕ, ж, ꙁ, и, і, к, л, м, н, о, п, р, с, т, оу, ѳ, ѵ, ф, х, ѡ, ц, ч, ш, щ, ъ, ы, ѣ, ѣ, ѣ, ѧ, ѩ. Часть из них, согласно традиции, употребляется для обозначения чисел. Кроме того, в числовом значении употребляются буквы ѕ, с головкой повернутой влево, типа ҁ, и ꙉ.

В кратком описании изучаемой рукописи Горский и Невоструев отметили, что евангелие «писано уставом разными руками»[21]. Количество писцов точнее они не определили.

При первом же знакомстве с рукописью заметно различие в почерке между лл. 115 и 116, 177 и 178. Почерк лл. 116—177, которые выше были названы второй частью рукописи, заметно отличается от почерка первой части. Отличие заключается прежде всего в значительной ширине букв сравнительно с их высотой.

Письмо здесь свободное, причем широко расставлены не только и не столько отдельные буквы, сколько части букв. Например, колено буквы *к* совсем не примыкает к мачте, оно слабо изогнуто и напоминает букву *с*, поэтому буква *к* производит впечатление как бы составленной из не связанных между собой частей (как, например, буква *оу*). Значительно бóльшая ширина буквы *м* во второй части по сравнению с *м* в первой части рукописи достигается тем, что овал, соединяющий мачты, далеко отстоит от мачт и связан с ними прямыми горизонталями — уступами — вверху, отчего и образуются промежутки между овалом и мачтами. В первой части рукописи овал в букве *м* вверху непосредственно примыкает к мачтам, образуя только утолщения, без промежутков. Особенностью почерка второй части является также хвостик в букве *щ*, который не всегда доходит внизу до букв следующей строки, но большей частью имеет острый росчерк справа вниз налево.

Что касается других букв, то они пишутся сходно и имеют лишь незначительные вариации написаний как в первой, так и во второй

[21] [А. В. Горский и К. И. Невоструев]. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. . ., стр. 221.

части рукописи. Так, завышенные перекладины в буквах *т*, *ю*, *и*, *н*, *ѣ* пишутся наклонно и лежат в верхней трети букв. Встречаются отклонения, когда они размещены в верхней половине высоты букв или пишутся строго горизонтально (редко). В букве *ѣ* перекладина не совпадает с язычком, который исходит из середины овала. В букве *н* перекладина наклонена слева направо и идет от верхней трети левой мачты к середине правой.

В букве *ѣ* мачта выступает из середины строки, петля занимает несколько меньше половины высоты мачты, коромысло лежит на уровне высоты остальных букв, иногда правая часть его чуть приподнята. В букве *р* большая узкая головка имеет нормальную высоту букв и лежит на строке, ножка опущена вертикально вниз и иногда даже касается букв следующей строки. Это же относится к хвостикам букв *у*, *ц* и крючку буквы *ꙁ*. Буква *ч* имеет округлую или угловатую, не всегда симметричную чашу, занимающую от половины до двух третьих общей высоты букв. Одностороннее *ч* не встречено. Буква *ж* имеет очень небольшую верхнюю часть и пишется как буква *л*, к которой слева вверху приписывается ресничка, а иногда просто квадратная точка (см. лл. 99б, 102в, г и др.); справа мачта дополняется коленом, изогнутым в верхней четверти ее или в верхней трети. Лишь на лл. 28—35 буква *ж* имеет симметричную верхнюю часть. Буква *ы* всегда пишется как *ъı*, но не *ы*. В букве *ꙁ* угловатая головка всегда лежит на строке, хвост в разной степени изогнут и откинут вправо. Общим для всей рукописи является наличие изломанного в нижней точке овала буквы *м*. Это указывает на то, что внутренний овал в букве *м* писался в два приема: сверху вниз направо и сверху вниз налево. Вследствие этого одна линия с другой не всегда точно сопрягаются в нижней точке овала. Таким образом, буква *м* писалась за четыре приема: отдельно две мачты и в два приема овал.

В памятнике имеется несколько своеобразных начертаний отдельных букв, например, *ж* с точкой вместо верхней левой дужки (62б 8, 74в 26, 99б 2, 102в 15, 102г 13) и с ресничкой в том же положении (99в 11). Встретилось написание буквы *ф* с ресничками внутри овалов, 41а 24.

Буква *о* с двумя ресничками, направленными сверху и снизу внутрь овала, отмечена несколько раз у первого писца; начальное *о* широкое с точкой внутри овала встретилось в слове *обрящи* 41в 29; единичное надстрочное *у* в виде уголка представлено в слове *искꙋ|шаемъ*[22] 49в 15/16. В остальных случаях надстрочное *у* имеет обычную форму и отличается от написанных на строке лишь меньшим размером. Один раз встретилось написание буквы *р* с маленькой головкой и с мачтой, не спускающейся вниз через линию строки, но стоящей на строке на уровне других букв: *прозрѣньe* 93г 5.

[22] Значком| здесь и ниже обозначается конец строки.

В слоге на конце строки отмечено *т* более высокое, чем остальные буквы. По-видимому, этот прием употреблен писцом для сокращения места, занимаемого буквой на строке, ср. слова: ѡкТо | 66в 21; напасТь | 76б; к пилаТу | 8в. На конце строки встретилась также буква *ѣ*, подобная высокому *т*, с более высокой мачтой и перекладиной, вынесенной над остальными буквами: свѣ|тло 78в, приведѣ|82г.

О почерках первой части рукописи. Поскольку начертания отдельных букв в исследуемой рукописи не играют существенной роли в выяснении границ работы писцов первой части рукописи, приходится искать другие указания на этот счет.

Почерк V тетради по сравнению с почерком первых тетрадей производит впечатление более аккуратного и геометричного. Анализ мелких графических особенностей (но не начертаний букв), позволяет утверждать, что здесь имеют место разные почерки. К числу таких особенностей относятся: место постановки разделительной точки (в первых четырех тетрадях точки ставятся на середине высоты буквы, но не на линейке, в V тетради точки ставятся обычно внизу на строке и очень редко в нижней трети, с VI тетради и далее точки располагаются как и в первых четырех тетрадях, но встречаются места, где точки стоят на линейке у основания букв), отсутствие настрочных знаков в V тетради и употребление их в почерке первых четырех тетрадей, различные формы титл и др. Характерно также, что писец V тетради оставлял для больших инициалов по пяти строк при обычных для первой части рукописи четырех строках в остальных тетрадях.

Предпочтительное употребление того или иного варианта написаний букв, имеющих графические варианты, также позволяет выделить работу особого, второго, писца в V тетради.

Наблюдение над теми же графическими особенностями далее, до конца первой части рукописи, приводит к открытию еще нового почерка, который бессистемно несколько раз чередуется с первым. Этот новый почерк в дальнейшем называется третьим[23]. Первый и третий почерки чередуются несколько раз на лл. 76—115.

Первые два писца характеризуются бо́льшею близостью почерка. Начертания отдельных букв у них однотипны. Общий вид их более строгий. Мачты букв всегда утолщены. Это особенно наглядно видно при сопоставлении с третьим почерком, где те же буквы не производят впечатления единства, подчас кажутся наклоненными в разные стороны. В третьем почерке нет также такого контраста тонких и утолщенных линий, как в первых двух (не через появление ли почерков, подобных третьему, начинался переход от устава к полуставу?).

---

[23] Как говорилось выше (стр. 20), вторая часть рукописи написана особым почерком (назовем его четвертым), значительно отличающимся от почерков, которыми написана первая часть рукописи и л. 178.

Кроме того, первые два писца всегда несколько утолщают внизу мачты букв и заканчивают их тонкими росчерками по направлению строк влево и вправо. Эти росчерки иногда бывают заметны и наверху, но там они большей частью направлены только слева к букве. Благодаря таким росчеркам буквы более четко ограничены со всех сторон. Третий писец не делает ни утолщений, ни росчерков. Разница особенно заметна в начертании буквы *м*, которая не только не имеет штрихов у третьего писца, но даже производит впечатление как бы висящей на строке.

Особенностью третьего почерка является также начертание букв, имеющих в своем составе мачту [j], т. е. ѩ, ѭ, ю. Перекладина в этих буквах, особенно в букве ѩ, у третьего писца касается самой верхней точки овала, тогда как у первых двух писцов она упирается в верхнюю часть овала буквы. При этом в первом почерке перекладина начинается на мачте от точки более низко расположенной, чем у второго и третьего писцов.

В нижеследующих таблицах рассмотрены особенности графики, которые позволяют точно определить столбец и даже отдельные строки, принадлежащие руке того или иного писца.

Некоторые примеры к приведенным таблицам. 1) Надстрочные знаки у I писца[24]. Надстрочные знаки над буквами — точки — не имели никакого реального значения и ставились первым писцом совершенно произвольно. Вот некоторые примеры: гла҃ки і҃съ 14г 27; гла҃ки і҃съ 14в 18; гла҃ки і҃съ 14в 14; даръ твои 26б 11; даръ твой 26б 15; даи 14в 10; дай 14а 30; не имамъ (1 л. ед. ч.) 14в 17; не ймамъ 14в 20; мои (местоим.) 16а 14; мой 16а 24; июдьи 15г 30; июдьй (им. п. мн. ч.) 15г 9/10; июдьй (им. п. ед. ч) 14б 6; йюдьй 13в 30; моисьй 12в 29; мойсьи 12в 3/4.

На оканчивающей иногда строку букве ѧ (в тех случаях, когда она пишется не после согласного) I писец ставит или не ставит настрочные точки также без какой бы то ни было последовательности, например, ставит одну точку: таковаѧ 72а; мюрнаѧ 103в; ставит две точки: посланаѧ 110а; исаиѧ 2а; ицьлиѧ 25г; иноѧ|зычникъ 25б; совсем не ставит точек: тьмьнаѧ 112а; мр҃твыѧ 6г; мокѧ 15в и т.д.

2) Буквы *оу*, *у* и ѹ у I и III писцов. I писец употребляет букву *у* на конце строки, букву *оу* в середине строки. Эта закономерность проявляется не только в разных, но и в одинаковых словах и формах, например: воду|живоу 14б; водоу живу|14б; идоу и приду|22а.

---

[24] Ниже римскими цифрами обозначаются писцы рукописи. Первая цифра, римская, стоящая после примера из рукописи, перед арабской цифрой, обозначающей лист рукописи, указывает на принадлежность данного написания тому или иному писцу.

Таблица 1

Надстрочные и разделительные знаки в рукописи по почеркам

I почерк	II почерк	III почерк	IV почерк
1) Место постановки разделительной точки			
Середина высоты буквы и нижняя треть.	Внизу на строке, очень редко в нижней четверти.	Всегда внизу на строке.	Непосредственно над строкой или в нижней трети.
2) Место постановки знака:			
Верхняя точка на уровне высоты букв, нижняя несколько выше линейки.	На различной высоте над линией строки, но всегда в пределах высоты буквы.	Располагается как у I писца, но более симметрично, и точки ближе друг к другу.	В нижней половине высоты буквы, нижняя точка на линейке.
3) Надстрочные знаки над буквами*			
Употребляются надстрочные знаки — точка и две точки. Ставятся они непоследовательно над буквами: *а*, *о*, *w*, *е*, *ѣ*, *ѥ*, *и*, *і* и изредка над *ѧ* в положении на конце строки.	Как правило, отсутствуют. Исключение 29в (2 случая), 30а (5 случаев).	Две точки ставятся только над *w*, изредка над *о* широким. Над *а*, *о*, *ѥ*, *и*, *і* ставится одна точка, если эти буквы стоят в начале слога.	В начале слога над буквами, обозначающими гласный, ставятся точка и две точки. Две точки ставятся над *е*, *ю*, *и*, *о*, *ѹ*; одна — над *и*, *ю*. Над *о* в выражении «Въ ӧно время» — две точки.
4) Форма надстрочных точек			
Точки, первоначально круглые, постепенно становятся все более небрежными и расплывшимися справа вниз налево. Наряду с ними употребляются острые штрихи такого же направления. Это создает впечатление беглости почерка.		Очень аккуратные круглые или квадратные точки.	Круглые точки.

* Примеры см. выше, п. 1).

Таблица 1 *(продолжение)*

I почерк	II почерк	III почерк	IV почерк
5) Формы титл			
Над выносными буквами ставится дужка ⌒ или уголок ^. Обычно титла имеют форму ⌒. Этот тип варьируется: могут отсутствовать завершающие вертикальные штрихи и даже перечеркивание. С листа 38б встречается аккуратное титло формы ¬, которое ставится главным образом над словами: бг̄ъ, сн̄ъ, іс̄ъ.	Над выносными буквами ставится очень слабо изогнутая дужка. Титло всегда аккуратное, с перечеркиванием, но может быть без вертикальных ограничительных штрихов.	Над выносными буквами ставится дужка. Обычные титла чаще употребляются без перечеркиваний и без правого штриха вниз, но бывают и как во II почерке.	Над выносными буквами — слабо изогнутая дужка с ответвлением слева или просто прямая линия. Титло — прямая линия с точечным перечеркиванием, концы котор й — оба — обращены вверх или вверх только левый, а правый вниз.

Таблица 2

Употребление писцами букв, имеющих графические варианты

I почерк	II почерк	III почерк	IV почерк
1) Употребление букв *оу*, *у*, ѹ*			
В середине слова и в начале употребляется *оу*. Лишь на конце строки для экономии места писец допускает *у*. Лигатура ѹ, появившаяся впервые на л. 52г, употребляется редко, главным образом в начале слова и на конце строки.	В начале слова *оу*, в середине — *у*. Исключение: в середине слова *оу* — 31а, 33б. Других знаков не встретилось.	В начале слова *оу*, в середине—*у*. На конце строк иногда *оу*. Исключение: *оу* в середине слова л. 78б, 79а. Изредка встречается ѹ.	В начале слова только *оу*, в середине — *оу*, *у*. ѹ единичен — 139в. Встретилось особое написание *о* — 136в, 162г.

* Примеры см. выше, п. 2.

Таблица 2 *(продолжение)*

I почерк	II почерк	III почерк	IV почерк
2) Употребление букв *и*, *і* (не в числовом значении)			
Встречаются оба знака даже в однородных условиях. Буква *і* часто бывает перечеркнута посередине.	Буква *і* употребляется только на конце строк и в слове *ісъ*.		Всегда употребляется *и*, но в слове *ісъ* всегда *і*.
3) Употребление букв ѧ, ѫ*			
После согласных обычно пишется ѧ, после гласных и в начале слова ѩ. Иногда на конце строки после гласных I писец пишет ѧ. Единичное исключение — ѩ после согласного: *женѩ | тся* 46г.	II, III и IV писцы всегда последовательно употребляют после согласных букву ѧ, после гласных и в начале слова букву ѩ, независимо от этимологии.		
4) Употребление *о* — широкого и *ѡ*			
Все писцы соблюдают различие между *о* узким, употребляемым в середине слова после согласных и в *оу*, и *о* широким, употребляемым всегда в начале слова и в большинстве случаев в начале слога. В тех же положениях, что и *о* широкое, употребляется *ѡ* (например, *въ ѻ҃ца* 13г 22, *въ ѿ҃ца* — 13г 21). Почти исключительно *ѡ* употребляется всеми писцами в лигатуре ѿ — предлог-приставка *отъ*. Употребление *ѡ* и *о* широкого отдельными писцами таково:			
ѡ употребляется наряду с *о* широким. *О* широкое иногда дополняется двумя ресничками вверху и внизу или точкой в центре. Встретились случаи *о* широкого, имеющего внутри форму креста: ⊕	Употребляется только *о* широкое и без всяких украшений. Один раз встретилась *ѡ* — 32б.	В начале слова постоянно употребляется ѡ̈ с двумя точками. Редко (37 сл.) встречается ѻ̈ широкое с двумя точками. *ѡ* начальная без двух точек 83г, 93б.	Употребляется *о* широкое без украшений и *ѡ*.

* Примеры см. ниже, п. 3.

Таблица 2 (*продолжение*)

I почерк	II почерк	III почерк	IV почерк
5) Употребление буквы ѹ и ꙋ (якорное)			
Оба знака всеми писцами употребляются лишь в начале слова и после гласных.			
Наряду с ѹ встречается ꙋ якорное разных типов.	Всегда ѹ. Исключения, где ꙋ: 32в, 33г, 34б, и два в слове *ꙋоуа(г)ии* 30а.	Обычно ѹ, при переносе иногда ꙋ, кроме того, ꙋ не при переносе: *тво*ꙋ 114г, *єсть* 91а, *ꙗр(с)лмь* 91г.	Только ꙋ. Якорь из нижней половины или трети направлен вверх и часто выдается вправо по сравнению с верхним и нижним овалами. Исключения, где ѹ: 124б, 125в, 168а, 168в, 172б.
Употребление лигатур			
му—24 раза, мъ—13, нъ—9, нк—6, мн—6, ну—5, пу—3, ны—3, по два раза встретились мь, мы, мн, лю, лг, по одному: мѣ, нѣ, нь, нц, пщ, лу, лы, шю, лщє.	му—5 раз, ну—1, мь—1, вк—1 раз.	му—4 раза, ну—1, лм—1 раз; других не встретилось.	му—23 раза, ну—1 раз; других не встретилось.

Таблица 3

Буква ѹ встретилась у I писца в следующих случаях: ѹсрамляются 52г; ѹбо 53а; к немѹ д.|ти 96а; гр.|яся ѹ огня 107б; дрѹзии 107б; единого ѹжни|ка 108б; ѹпѹщаше 108в; прошахѹ 108в.

Таким образом, буква ѹ вместо *оу* пишется не только на конце строки, но и во всяком положении в слове и на строке: в начале слога и в середине после согласных, в середине строки и на конце строки.

У III писца буква ѹ встретилась в следующих случаях: ѹ|бо 79а; не ѹ|боитеся 79в; ѹвѣщати 85в; во ѹбрусѣ 87б; ко дрѹ|гу 89б; ѹчтль 94б; бѹдеть 113г.

3) Случаи употребления буквы ѧ, а не по общей графической норме. Писцы Галичского евангелия 1357 г., как правило, последовательно выдерживают орфографическую норму писать букву а после согласных и букву ѧ после гласных (т. е. после гласного + *j*). Но встретились следующие исключения: исаиа | 2а; мртвыа 6г; злаа | 7б; а|же 7в; таа | 8в; не обиноуа|ся 12в; бесѣды моеа | 15в; иноа|зычникъ 25б; ицѣ-

ли ѧ 25г; в ближнѧѧ | 42в; въ свиньѧ | 54в; ѧ'дшихъ 57г; таковѧ | 72а; мюрнѧ | 103в; ѧ|ко 108б; посланѧ | 110а; тьмьнѧ | 112а; кроме того, в заголовке, написанном киноварью; ѿ маѧ | 25в.

Все эти примеры относятся к листам рукописи, написанным I писцом. У того же I писца встретилось на конце строки единичное обратное написание — буква ѣ после согласного: женѣ|тся 46г.

У IV писца вставлена сверху буква ѧ, пропущенная после буквы ъ: пить(ѧ) не имать 175б. Кроме того, встретились при пропуске предшествующего гласного или согласного написания букв ѣ, ѧ, неправильные с точки зрения нормы, если учитывать смысл слова, но правильные с формально-графической стороны; бояхоу бо(с)ѣ 131г, знамян(ь)ѧ 123г (в приведенных написаниях пропущенные буквы поставлены в скобки).

Графические приемы писцов в написании оборота *въ оно время*. Обращает на себя внимание различное написание оборота *въ оно время*, которым очень часто начинаются чтения в евангелии—апракос. Способы сокращения этого оборота различны на отдельных листах и, совпадая с другими показателями, по которым различаются почерки, являются еще одним критерием для установления их границ.

На первых 27 листах рукописи, написанных первым почерком, употребляется несколько способов сокращения оборота *въ оно время*. Различие способов сокращения предлога имеет в своей основе фонетический характер и должно рассматриваться особо. Графические же различия заключаются в следующем. I писец всегда пишет предлог *в* с *о* или ъ, затем местоимение *оно*, в котором всегда соблюдается различие между начальным *о* широким и *о* конечным, всегда узким. *О* начальное бывает трех типов: 1) обычное *о* широкое, 2) омега (один раз на л. 8в), 3) *о* широкое с ресничками сверху и снизу (два раза: 4в и 17г). Слово *время* сокращается и пишется всегда в виде буквы *в*, вынесенной над словом *оно*. Выносная буква прикрывается титлом в виде дужки или уголка. Надстрочные знаки поставлены лишь в двух случаях: над начальным *о* в слове *оно* на л. 19а, где стоят две точки, и на л. 19б — одна точка. В одном случае (на л. 3а) приходится признать, что указанное сокращение написано с ошибкой. Здесь пропущено начальное *о* в слове *оно*, и сокращение выглядит так: во ѻно. Что пропущено именно начальное *о*, а не *о* предлога, следует из того, что после *в* написано *о* узкое, а не широкое.

Отдельные виды написаний сокращения *въ оно время* встретились на разных листах и в различной последовательности (при рассмотрении их следует помнить, что начальное *в* предлога является большим инициалом и не пишется в строке). 1) С предлогом *во*. С *в*, вынесенным под дужкой: во ѻно — 4а, 6а; во ѻно — 17г; во ѻно — 3а; под уголком: во ѻно — 8а, 9а, 19а, 19б, 21в. 2) С ъ в предлоге. Под дужкой: въ ѻно — 14а, 24а, 25в; въ ѻно — 4в (*о* — широкое с «ресничками»); под уголком:

въ о̂н̂о — 2б, 5а 10г, 11б, 16б, 20б, 23б. Кроме того, встретилось особое написание: дужка в виде более выпуклой дуги и с росчерками вправо и влево, в слове *оно* — омега: въ ѡ̂но — 8в.

На лл. 28—35 второй писец пишет сокращение *въ оно время* строго единообразно. В предлоге всегда ъ, но не *о*, слово *оно* он пишет целиком, без сокращения, с различением *о* широкого и *о* узкого, конечного. Никаких надстрочных знаков писец не ставит. Слово *время* он сокращает до одной начальной буквы, помещаемой над словом *оно*, и прикрывает сверху продолговатой, слегка округлой, чертой: въ о̂н̂о — 29а, 29б, 29г, 30а, 33а, 33в, 33г, 34а, 34б, 34в, 34г, 35б, 35г. Единственное отклонение — на л. 32б, где все выражение *въ оно время* написано целиком, без сокращения и с ѡ вместо начального *о* широкого. Написано оно так же аккуратно и тем же почерком, который занимает лл. 28—35.

На лл. 36—115 бессистемно несколько раз сменяются два почерка. Поэтому для установления их границ особое значение приобретают все «мелочи» и в том числе способ сокращения оборота *въ оно время*. Поскольку на этих листах наиболее последовательно выражается индивидуальность III писца, который приступает к работе с л. 76 и далее работает, чередуясь с I писцом, рассмотрим сначала способ сокращения III писца. Основной вид этого сокращения таков: в предлоге пишется ъ, слово *оно* всегда пишется через омегу в начале, имеющую надстрочный знак — две точки — несколько угловатой, почти квадратной формы. Слово *время* сокращается до одной начальной буквы, которая пишется над словом *оно* справа и всегда прикрыта дужкой: въ ѡ̈н̂о — 76в, 79г, 80а, 82б, 82в, 82г, 83б, 83г, 84а, 85б, 85г, 86в, 86г, 87г, 88а, 88в, 88г, 89в, 90в, 91б; затем перерыв и снова на листах; 93а, 93б, 93в, 94а, 94б, 94г, 95в. В двух случаях точки над омегой пропущены: 77в, 78а. Также в двух случаях ъ в предлоге заменен буквой *о* (как и в предыдущих случаях, у I писца, эту замену следует считать явлением фонетическим) 80в, 82а. Других отклонений нет.

Сложнее обстоит с первым почерком, которым написаны, кроме лл. 1—27, также лл. 36—76б, части л. 92 и далее с л. 96 до 115 с перерывами. Здесь у I писца появляется новая манера сокращения, по сравнению с приемами, употребляемыми на лл. 1—27. Слово *время* и предлог *въ* пишутся так же, как и на лл. 1—27, формы титл те же, а именно: дужка, уголок, дужка с росчерками, но слово *оно* пишется иначе. Оно сокращается до одной лишь начальной буквы; большей частью это омега, а не *о* широкое. Поскольку в выборе отдельных графических вариантов букв, а также и в начертаниях, у этого писца нет строгого единообразия, а по почерку лл. 36, 37 и далее те, которые не относятся к III писцу, не отличаются от лл. 1—27, следует признать, что они принадлежат одному лицу, несмотря на разный вид сокращения слова *оно* в выражении *въ оно время*.

На лл. 36—76 и далее (с перерывами) имеют место следующие способы сокращения выражения *въ оно время*. 1) С *о* в предлоге при выносном *в* под дужкой: во ѿ — 98в, 108в; во ѻ — 50а; и под уголком: во ѹ — 48в (2), 68б. 2) С *ъ* в предлоге, под дужкой: а) слово *оно* сокращено в омегу (42 раза): въ ѿ — 36б, 38б, 38г (2), 39г, 40г, 41г, 42в, 42г, 44а, 45б, 45в, 46г, 48в, 50в, 52а, 52в, 53а, 55а, 56г, 57а, 65б, 68б, 67г, 69г, 70в, 71а, 73б, 75а, 76а (пропуск), 92а, 92г (пропуск), 99в, 100а, 100б, 101в, 106г, 108а, 110а, 111в, 112г (пропуск), 178а (!); б) слово *оно* сокращено в *о* широкое (17 раз): въ ѻ — 45а, 45г, 50г, 54б, 56б, 57б, 57г, 58б, 59а, 65г, 66а, 66г, 67а, 70г, 72в (пропуск) 103в, 105в; под уголком: а) въ ѿ — 37в, 38в, 38г, 39б, 40а, 40в, 41б, 44в, 46в, 51в, 51г, 55в, 63б, 67б, 67в, 71г, 72а, 74а, 74в (пропуск), 100в — всего 20 раз, б) въ ѻ 47а, 49г, 50б, 51б, 58в, 59в, 64в, 64г, 71в, 72б (пропуск, 96а, 97б, 97в, 97г — всего 14 раз; в) буква *в* стоит под сильно изогнутой дужкой с росчерками, направленными от ее концов вправо и влево, при этом росчерки и дужка пишутся за один прием: въ ѿ 60а, 60б, 60в, 64а, 64б.

Кроме указанных написаний, имеющих соответствие в подобных сокращениях первых 27 листов рукописи (различается лишь написание слова *оно*), встретились три отклонения. Два из них представляют написание, типичное для первых 27 листов рукописи: въ ѻно 36а, 49в. Третье отклонение представляет собой совершенно своеобразное написание: въ ѻ врѣ 105а.

Столь же разнообразно, как и I писец, пишет оборот *въ оно время* IV писец на лл. 116—176. Преобладающим написанием у него является такое, когда слово *время* в виде одной начальной буквы пишется над словом *оно* под титлом в виде слабо изогнутой дужки, или более изогнутой с росчерками, или даже совсем без титл; в предлогах IV писец всегда пишет *ъ*, а не *о*; различие *о* широкого и *о* узкого он соблюдает последовательно; въ ѻно — 144г, 146г, 148а, 149в, 150б, 150г, 151б, 151в, 156в, 156г, 158г, 159а, 162г, 163б, 164б, 167в, 168б, 170б, 170в, 170г, 172г, 173б, 174а, 176в, 177а. Другой тип сокращения, когда в слове *время* пишутся первые три буквы и над ними выносное *м*: въ оно врѣ — 116б, 117б, 133г, 143г, 155б, 157г; въ ѿно врѣ — 116в, 116г, 121в, 123а. Иногда при таком же написании слова *время* сокращается и слово *оно* до одного *о* широкого или омеги с выносным *н*; въ ѻ врѣ — 118б, въ ѿ врѣ — 119а, 119б, 124в. Встретилось три случая, когда все выражение пишется целиком без сокращения: въ оно время — 116а, 145в, въ ѿно время — 119г.

Таким образом, большинство сокращений оборота *въ оно время* у IV писца находит себе параллели в первых трех почерках. Кроме того, встретилось одно исключение, которое следует признать опиской: в онъ — 177в (на конце слова *оно* ошибочно написана буква *ъ*).

Описки писцов. Не все описки писцов являются показательными для определения границ почерков. Часть из них, например, пропуски и ошибочная мена букв, встречается у всех писцов, за исключением II писца (II писцом написана только одна, пятая, тетрадь; работал он внимательно, не делая описок). Ошибочные повторения встречаются только у I и IV писцов. Исправления описок в тексте сравнительно немногочисленны и разнотипны. Классификация их не имеет решающего значения для определения границ почерков.

В описании рукописи перечень описок нужен для того, чтобы не придавать каждому написанию писца звукового значения. Помещаем описки писцов среди палеографических явлений для того, чтобы разгрузить отдел фонетики от вопросов, непосредственно не относящихся к нему. За неимением места не останавливаемся на сравнительно многочисленных ошибочных пропусках и повторениях, как исправленных, так и оставленных без исправления. Рассмотрим лишь ошибочную мену букв, так как читатель в отдельных случаях вправе придавать им фонетическое значение.

1. Ошибочные написания с последующими исправлениями. У I писца: нашь 13г 26 (*н* переправлено из *в*); заблюжь|шия 25б 3 (*ю* переправлено на *у*); ему|9б 7 (*у* переправлено из *ъ*); насытп|ша (с) 45а 26, от избытка 104а 9 (в двух последних случаях *ы* переправлено из неправильно написанного *ъ*, при исправлении вторая мачта, дополняющаяся *ъ* до *ы*, была вставлена в соответствующем месте над строкой). Над неправильно написанным *о* в словах *но можеть* сверху поставлен крючок, чтобы исправить *о* на *е* — 41а 7/8. У III писца описок такого рода мало: во|доми 91а 23/24 (написано *о* вместо *е*, но потом исправлено: над *о* узким поставлена прямая черточка). У IV писца описок также мало: печаль ваша 141г 23 (конечное *а* переправлено из *ь*), народы 147б 20 вместо *народоу*, правильно написанного в том же чтении ниже — 152а 19 (Мт. XXVII 15).

2. Ошибочные написания, оставленные в тексте без исправления.

а) Часто встречаются ошибочные написания буквы из следующего слога. Таковы — у I писца: *ѣ* вместо *е*: претьрпѣвыи 102в 3; *и* вместо *е*: ащи ли 43а16; *о* вместо *а*: но гороу 65а15; *а* вместо *е*: что ища|та 3б3; *о* вместо *ъ*: едино с̃наимникъ 104б27, в этом случае возможно и фонетическое объяснение; *о* вместо *ъ*: оно ро(ч) 17г3; *д* вместо *л*: гда|ди 101г11; *п* вместо *т*: в перпѣньи 73б 20; *т* вместо *п*: при ту|ти 45в27; *е* вместо *б*: гл̃говѣстити 67а7. У III писца: *о* вместо *е*: но боися 80в1; *а* вместо *е*: прадаю тебь д̃хъ мои 114а1; *о* вместо *а*: моломощныя 83в19; *у* вместо *а*: бу̃ту 95а19; *е* вместо *я*: ди̃вле|шеся 89г13/14; *и* вместо *ю*: трепещици 80б14; *ѣ* вместо *е*: галѣлѣанъ 82а11; *ѣ* вместо *и*: фарѣсѣи|78в17; *ъ* вместо *о*: чл̃вкъ|мъ 115а 11/12; *щ* вместо *ж*: еще аще 83б20 (вместо: еже аще); кроме того, у III писца встретилось при переносе неправильное написание буквы гласного из последующего слога: изба|раных 90в15/16

помыше|леньемь 83а12/13; у IV писца: *б* вместо *г*: изъ бробъ 153в24; *ъ* вместо *а*: кто то есть въ|съ болии 132г3/4.

б) Ошибочных написаний буквы из предыдущего слога встретилось меньше. Так, у I писца *о* вместо *а*: по ногоу (в значении 'по нагому телу') 107а27; у III писца *л* вместо *т*: лѣло 82б18 (вместо лѣто); у IV писца: *ъ* вместо *оу*: ѿтъдоу 161б27.

в) Описки, которые нельзя объяснить влиянием ближайших слогов. Таких описок особенно много у I писца: *а* вместо *ъ*: во мнѣ мира имате (впрочем, может быть, этот случай следовало бы объяснить синтаксически); *о* вместо *а*: доже 62в4 (вместо даже); *а* вместо *ъ*: нага и... 109в21; *ъ* вместо *о*: якъ| 38б5; *ь* вместо *е*: емоу же хощеть кождо просить и боудеть вамъ 22в10/12 (2 раза); *ы* вместо *и*: мымо идыи 70в20; *ъ* вместо *ы*: тъ ли еси 70а7; старѣиши|нъ жречьскы (им. мн.) 108а 18/19; *ы* вместо *ъ*: рекы 110в7. У III писца встретились следующие описки, которые нельзя объяснить влиянием ближайших слогов: *п* вместо *б*: опаче 87в13; *о* вместо *е*: възносеть(с)| 94г15; *е* вместо *а*: отвѣще|въ 94в13/14; ошибочная вставка буквы: възврадовася 87в19. У IV писца: *оу* вместо *ъ* либо *ъ* вместо *оу*: одиноу кровъ 177г5.

У I писца встретились также ошибочные написания, показывающие, что он не всегда понимал переписываемый им текст: глаголъ моихъ 24г7/8 ошибочно написано вместо глаголомь ихъ (в О.е. в соответствующем месте: словъмь ихъ); о̑ць измещеть ся 24б14 — ошибочно написано *ся*; ти тогда 47г30 вместо: и тогда; се не изгониться 47в2 вместо: сеи изгониться; яко же всѣмь 4а4 вместо: вѣмь; аще 17г3 вместо азъ, как в О.е.; от о̑ць 17б26, что согласно обычным сокращениям всех писцов обозначает: от отьць, тогда как в О. е. — овьць; другъ и солникъ 75а28, вместо: другыи сотьникъ; паки 19г18, в О. е. — како; исправить 2а25 вместо: исправите; вѣроуемъ 23в18 вместо вѣруете; бл̑гвивъ| преломивъ 106а15/16, вместо аориста ошибочно употреблена форма причастия; ошибочно написано число 12 вместо 38; чл̑вкъ. в̑.I лѣ(т) 10г26/27, в О.е. в соответствующем месте: тридесяте и осмь, ь Сийском евангелии: л̑.и.и̑.; ме|сѣя 14г13/14 написано вместо: моисѣя, перед *с* что-то выскоблено. Непонимание отдельных мест текста третьим писцом отражено в следующих ошибочных написаниях. Слово бывше употреблено вместо бивше: бывше оубьють 86г20; н̑бу и земли леци имь|ете искушати 81г9/11, вместо: лице небу и земли, как это место написано в М. и З.; о иа|въванѣ 89а 11/12 вместо: о иоанѣ. У IV писца: *тъ* вместо *ты* — аще тъ взялъ 157а11; хоужьшю 174г22 написано вместо слова: хождьшю; изложю вамъ вонъ 146б3 вместо: извожю и вамъ вонъ, как в З.; вседоста родителя вместо: въведоста, как в О.е.; подъемлеть 127в21 вместо: поемлеть, как в М., З., О.е.; само бо о̑ць любить вы 142а 27, вместо: самъ, как в М.,З.; смѣшение змоурно и алъвино 151а25/26 вместо: алгоуино, как в М., или: олгоуино, как в З.

Писцы рукописи. Рассмотренные выше вместе взятые показатели, как разные виды надстрочных и разделительных знаков, выбор

тех или других графических вариантов букв, написание оборота *в оно время*, перенос слов, сокращенных под титлами, и другие, позволяют четко разграничить почерки в рукописи. Благодаря им, выясняется, что I почерком написаны следующие листы, столбцы и строки: лл. 1—27, 36а — 76б2, 92а — 92в9, 93в23 — 95г30, 96а — 106б6, 106в — 113г14, 115б12 — 115г; II почерком: лл. 28—35; III почерком: лл. 76б3 — 91г30, 92в10 — 92в22, 93а — 95г30; 106б7 — 106б30, 113г14 — 115б8; IV почерком: лл. 116—177. Ниже приводим таблицу почерков. В этой таблице наиболее важны первые два столбца, в которых показаны границы работы писцов (см. также примечание 2); последующие четыре столбца лишь в более систематизированном виде представляют изложенные выше данные о составе тетрадей и их нумерации.

Анализ почерка, разлиновки и больших инициалов показал, что л. 178 рукописи относится к IV тетради и по почерку тоже принадлежит I писцу. На л. 178, которым завершается рукопись, есть запись киноварью. В записи писец говорит о себе: «... написано бы(с) сто̄е еу(г)е... роукою грѣшного Фофана...» Поскольку эта киноварная запись (полностью она приведена ниже, на стр. 41) по почерку не отличается от основного текста, занимающего л. 178, весь текст, который определен выше как принадлежащий I писцу, следует теперь признать принадлежащим Фофану. Таким образом, Фофаном написана половина рукописи: начата, писана в середине и завершена; ему принадлежат большие инициалы первой части рукописи и, по всей вероятности, миниатюра. Фофан, по-видимому, руководил всей работой, но передал часть ее II писцу (тетрадь V) и IV (тетради XVI—XXIII). III писец работал совместно с Фофаном, попеременно. По некоторым палеографическим данным (предпочтение *у* перед *оу*, нормализация употребления графических дублетов, начертание йотированных букв с более высоко расположенной перекладиной, характер почерка, создающий впечатление перехода к полууставу) можно признать, что III писец принадлежал к более молодой школе, чем Фофан. Правда, неустойчивый характер его устава может быть объяснен и меньшей, чем у Фофана, тренированностью в письме. Тщательность и аккуратность в постановке надстрочных знаков тоже говорят об этом. Фофан, уверенный в своем умении и непогрешимости, писал быстро и менее тщательно.

Пробу пера III писца в киновари можно видеть на лл. 84в, 85а, 85б, где в заголовке встречается *е* якорное, слишком узкое вверху и наклоненное вправо, какого нет у Фофана, но встретилось у III писца в основном тексте (77г15); разделительные точки в заголовке стоят на строке, как всегда у III писца.

Тот факт, что Фофан, создавая эту рукопись, работал не один, но в записи назвал только себя, не является чем-то необычным в истории древнерусской письменности[25].

[25] См. о ряде подобных случаев в кн.: А. И. Соболевский. Славяно-русская палеография. Изд. 2-е. СПб. 1908, стр. 30.

Таблица 4

Почерки и состав тетрадей

Писец	Листы рукописи по современной нумерации	Нумерация тетрадей: №№ п/п	Нумерация тетрадей: Нумерация в рукописи	Количество листов в тетради	Количество строк по разлиновке	Писец	Листы рукописи по современной нумерации	Нумерация тетрадей: №№ п/п	Нумерация тетрадей: Нумерация в рукописи	Количество листов в тетради	Количество строк по разлиновке
I	1—8	I		8	30	I и III**	76—83	XI		8	30
I	9—16	II		8	30	»	84—91	XII		8	30
I	17—24	III		8	30	»	92—99	XIII		8	30
I	25—27	IV		3	32*	»	100—107	XIV		8	30
II	28—35	V	35 об. а^{1}	8	30	»	108—115	XV		8	30
I	36—43	VI	36 а^{1}; 43 об. в^{1}	8	30	IV	116—123	XVI	123 об. а^{1}	8	30
I	44—51	VII	44 в^{1}; 51 об. г^{1}	8	30	IV	124—129	XVII	129 об. в^{1}	6***	30
I	52—59	VIII	52 г^{1}; 59 об. д^{1}	8	30	IV	130—137	XVIII	137 об. г^{1}	8	29
I	60—67	IX	60 д^{1}	8	30	IV	138—(145)****	XIX	145 об. д^{1}	8	31
I	68—75	X		8	30	IV	(146—153)	XX	153 об. е^{1}	8	28
						IV	(154—161)	XXI	*****	8	28
						IV	(162)—169	XXII	******	8	28
						IV	170—177	XXIII	177 об. и^{1}	8	26
						I	178*******	—		1	32

* На л. 25 заполнена лишь 31 строка.

** Чередование I и III почерка на лл. 76—115:

I почерк		III почерк	
36а1—76б2	96а1 —106б6	76б3 —91г30	93а1 — 95г30
92а1—92в9	106в1 —113г14	92в10—92в22	106б7 —106б30
92в23—92г30	115б12—115г		113г14—115б8

*** Между лл. 126 и 127 утерян один двойной лист.

**** Между лл. 138—169 границы тетрадей приняты условно (на таблице относящиеся к тетрадям листы заключены в скобки), так как корешки листов тесно склеены между собой. Старая нумерация этих тетрадей и принятое в рукописи обычное число листов в тетрадях подтверждают приведенное в таблице разделение тетрадей.

***** Из нижнего поля л. 161, где должен стоять номер тетради, вырвана часть.

****** Нижнее поле л. 169, где должен стоять номер, залито красной.

******* л. 178 пришит и приклеен к предыдущему, л. 177.

Вопрос о личности писцов. На этот вопрос ответить трудно. Фофан называет себя только «грешный». Е. Ф. Карский в «Славянской кирилловской палеографии»[26] относит его в категорию «разные другие писцы», т. е. не духовные лица и не лица княжеского происхождения. Точнее утверждать что-либо рукопись не позволяет.

О других писцах тем более ничего нельзя сказать, кроме того, что II и IV писцы работали, по-видимому, по заказу Фофана и были профессиональными писцами. Профессиональным писцом мог быть и Фофан, который был, очевидно, и самым старшим изо всех четырех писцов. Это видно, во-первых, по его уверенному почерку с размашистыми надстрочными знаками и, во-вторых, по отсутствию у него определенных норм правописания в области употребления надстрочных знаков и графических вариантов букв. У остальных писцов находит выражение то последовательное правописание, которое, по мнению В. Н. Щепкина[27], установилось к середине XIV в. Отсутствие у Фофана норм, которыми уже овладели (а может быть, и сами вырабатывали под влиянием общей тенденции того времени) остальные писцы рукописи, характеризует Фофана как старшего среди них, прошедшего выучку еще до возобладания нормализованного правописания.

6. Проблема оригинала

Поскольку установлено, что исследуемая рукопись писана четырьмя писцами и некоторые из них могли работать одновременно, закономерно поставить вопрос о количестве оригиналов, использованных писцами рукописи.

Можно считать, что три писца первой части рукописи, с одной стороны, и IV писец, которому принадлежит вторая часть рукописи, с другой, переписывали текст с разных списков, так как разделение труда между ними, несомненно, было произведено «скорости ради». Но и первая часть создавалась не одним писцом, а тремя, из которых двое работали по одному оригиналу, это — Фофан и III писец на листах 36 — 115. Для второго писца можно предположить особый оригинал, поскольку тетрадь, написанная им, начинается со второго цикла евангельских чтений и не зависит от предыдущего текста. Таким образом, если Фофан писал первые 27 листов с оригинала А, то II писец мог писать лл. 28—35 с оригинала Б, и, следовательно, эти части могли создаваться одновременно. Если так, то начиная с л. 36, когда рукопись перешла снова к Фофану, он мог продолжать работу как по оригиналу А, так и по оригиналу Б. Для IV писца можно предполагать один из этих оригиналов, но только не тот, с которого Фофан и III писец писали лл. 36—115, или какой-то третий оригинал В. В последнем случае Фофан, завершая

[26] Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 263.
[27] Проф. В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1920, стр. 106.

рукопись, мог переписывать л. 178 с любого из трех предполагаемых оригиналов. Однако предположение о наличии двух-трех оригиналов желательно проверить на фактическом материале.

При чтении памятника обращает на себя внимание единство лексики одной части рукописи и наличие разных вариантов в переводе одного и того же греческого слова в другой части. Единство представляют вторая часть рукописи, написанная рукой IV писца, и первые 27 листов, написанные Фофаном. Для них, следовательно, можно было бы предположить один оригинал. Разночтения в лексике представлены, главным образом, на лл. 28—115. Разночтения заключаются в том, что: 1) имеется слово греческое и перевод его на славянский, 2) имеются два славянские слова, представляющие перевод одного и того же греческого.

Таким образом, лл. 1—27, 116—178 (до записи) имеют, как правило, грецизм, которому соответствует тот же грецизм или его перевод на лл. 28—115, например:

лл. 1—27, 116—178	лл. 28—115
аминь	аминь, право
архиерѣи	архиерѣи, старѣишины жречьскы
геена	геена, езеро огньное, дебрь огньная
июдѣискыи	июдѣискыи, жидовьскыи
олеи	олеи, масло и т. д.

На лл. 1—27, 116—178 могут быть также определенные славянские слова, которым на лл. 28—115 соответствуют те же слова, но чередующиеся с другими славянскими же словами, например:

лл. 1—27, 116—178	лл. 28—115
вскрилие	вскрилие, подолокъ
всякъ	всякъ, весь
горе	горе, лютѣ
женихъ	женихъ, невѣстьникъ
животъ	животъ, жизнь
пастырь	пастырь, пастоухъ
полъ (в выражении *онъ полъ*: πέραν)	полъ, страна
ради	ради, дѣля (слово *дѣля* встретилось также в записи на л. 178)
свѣдѣтельство	свѣдѣтельство, послоушьство
сонмище	сонмище, сборище
шюица	шюица, лѣвица
языкъ	языкъ, страна (в значении ἔθνος) и др.

Варианты слов, помещенные лишь в правых столбцах, не встретились в словаре Мариинского евангелия, в котором имеется только лексика левых столбцов. Остромирово евангелие из указанной лексики содержит, главным образом, слова левых столбцов и лишь частично те,

которые составляют особенность правых. Зографское в этих случаях, по-видимому, согласно с Мариинским (последовательно сравнение чтений Мариинского и Зографского не проводилось). Однако разночтения эти часто совпадают с Сийским евангелием 1339 г. и многими другими полными апракосами, русскими по происхождению.

Эти лексические различия свидетельствуют о том, что изучение лексических вариантов является правильным путем для разрешения вопроса об оригиналах, с которых писали рассматриваемую рукопись отдельные писцы. Однако во время работы над рукописью собирания материала для составления словаря не производилось, так как это не входило в задачу настоящей работы. Между тем для того, чтобы судить о разных оригиналах на основании имеющихся лексических разночтений или отказаться от этой попытки, нужно было уточнить лексические варианты и их место в определенных частях рукописи. С этой целью были подвергнуты детальному сравнению листы рукописи, имеющие один и тот же текст.

Чтений, в которых дважды повторяется один и тот же текст, довольно много в рукописи, и повторения встречаются в разных местах ее. Так, повторяются чтения: Мт. VII 15—21; X 1, 5—8, 24—31; XIII 45—48, 51—54; XXI 18—20, 23—46; XXII 34—39; XXIV 3—13, 27—51; XXV 1—46; М. I 9—11; V 24—34; VII 27—29; XIII 9, 11—31; XV 43—47; Л. X 1—3, 10—12, 19—21; XII 8—12; XIX 29—40; XXII 7—39; XXIII 33—34, 39—49; И. I 43; III 13—21; XIV 1—21; XIV 27—XV. I; XV 17; XVI 12—13, 15—23; трижды написано чтение М. XIV 3—9.

Но и после сравнения этих мест не оказалось возможным установить отчетливые границы разных оригиналов. Лексические варианты, указанные выше, и многие другие, здесь не приведенные, чередуются группами, но не по тетрадям, почеркам или отдельным листам, а переходят друг в друга на первый взгляд без определенной закономерности. Выяснилось лишь, что слова, специфические для указанных выше правых столбцов, преобладают в чтениях от пятидесятницы до поста, хотя в них встречаются и слова, общие для обоих столбцов.

В целях разрешения поставленного вопроса была изучена имеющаяся литература. Оказалось, что нет ни одного издания рукописи полного апракоса (тип евангелия, к которому относится исследуемая рукопись), которое можно было бы сравнить с изданным И. В. Ягичем Мариинским евангелием, Саввиной книгой В. Н. Щепкина или Остромировым евангелием, изданным А. Х. Востоковым. В истории изучения и издания древнего славянского письменного наследия удачнее сложилась судьба тетраевангелий (изданы Зографское, Мариинское, Галичское 1144 г.) и кратких апракосов[28] (Ассеманиево, Остромирово,

[28] Правильнее избегать общепринятого термина «сокращенный» апракос, так как есть основания полагать, что этот тип евангелия не был сокращен, но на

Саввина книга, Архангельское евангелие). Издан без сокращений лишь один полный апракос — сербское Мирославово евангелие (около 1200 г.). Поэтому знакомиться с полными апракосами можно лишь по рукописям. Изучение описаний и исследований рукописей, знакомство с другими рукописями евангелия XII—XV вв., из числа находящихся в Московском историческом музее, в Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина и Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, показало, что при современном состоянии изучения вопроса о составе евангелия и времени перевода отдельных частей его, нельзя судить о разных оригиналах[1] на основании лексики. Ряд ученых (И. В. Ягич, М. Н. Сперанский, В. Вондрак, Н. Ван-Вейк, В. Погорелов и др.) согласно с указанием «Жития Кирилла» и свидетельством Иоанна Экзарха в его «Богословии» утверждали первенство перевода апракоса и вторичность происхождения частей, дополняющих апракос до тетра. Однако состав первоначального апракоса (был ли он полный или краткий) ими не рассматривался. Особая лексика Галичского евангелия 1357 г., приведенная выше в правых столбцах, находит себе соответствие в других полных апракосах, например в № 66, № 69 (из собр. Синодальной библиотеки), в № 3651 (так называемое евангелие Оболенского) Государственного исторического музея, в Волоколамском № 1 Государственной библиотеки им. В. И. Ленина, Погодинском 12 Государственной публичной библиотеки им. Салтыкова-Щедрина и многих других. Это соответствие распространяется в значительной степени на евангелие от Марка по 54 рукописям евангелий редакции Б, установленной Г. А. Воскресенским, если судить по разночтениям, приведенным в его работе «Евангелие от Марка...»[29].

Это соответствие наталкивает на мысль, что полные апракосы еще более позднего происхождения, чем тетры. Представляют ли они особую редакцию, или эта лексика относится лишь к частям, являющимся дополнением краткого апракоса до полного? Чтобы ответить на этот вопрос, нужно изучить лексику, синтаксис и морфологию не только в разрезе сопоставления сходных частей внутри одной рукописи, но провести такое сравнение по всем чтениям полных и кратких апракосов и тетраевангелий по возможно большему числу рукописей. До той поры, пока этого не сделано, приходится признать, что на основании лексических разночтений нельзя судить об оригиналах, служивших для написания отдельных частей как Галичского евангелия 1357 г., так и любой другой рукописи евангелия древнейшей поры.

славянской почве появился первоначально, «полный» же был дополнен позднее. Поэтому в дальнейшем в работе употребляются термины «полный апракос», с одной стороны, и «краткий» — с другой.

[29] Г. А. Воскресенский. Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций славянского текста с разночтениями из 108 рукописей евангелия XI—XVI вв. Сергиев Посад, 1894.

Проливают некоторый свет на проблему оригиналов написания корня *чист-* || *цѣст-* в нашей рукописи, поскольку они не связаны с определенными циклами чтений. Слова, производные от корня *цѣст-*, отмечены на лл. 5а, 6а, 67а, 70а, 102б у I писца и на л. 91а у III писца. У II и IV писцов написания с корнем *цѣст-* не отмечены. Производные от корня *чист-* встретились на листе 30б у II писца, 116г у IV писца и, возможно, в других местах (нет уверенности, что они все взяты на учет; написания *цѣст-* отмечены все). Поскольку наличие *цѣ-* — в одних случаях и *чи-* — в других к фонетике живого говора писцов не относится (см. стр. 72) и объясняется весьма древними чередованиями дифтонгов «oi» || «ei» и вытекающими отсюда изменениями задненебного «к», следует полагать, что они появились в Галичском евангелии 1357 г. вслед за разными оригиналами. Следовательно, оригинал, с которого списывал IV писец свою часть работы, не совпадал с оригиналом, с которого писал Фофан лл. 1—27, однако он мог быть тем же самым оригиналом, с которого II писец писал лл. 28—35 рукописи. Оригинал, с которого писали I и III писцы лл. 1—27 и 36—115, был, по-видимому, один и тот же: именно этому оригиналу были свойственны написания с корнем *цѣст-*.

На разные оригиналы указывают также слова *свѣдѣтель*, *свѣдѣтельство*, с одной стороны, *свѣдитель*, *свѣдительство*, с другой стороны. Написание то буквы *ѣ*, то буквы *и* в слоге под ударением не связано с особенностями говора писцов (этимологическое «ě» (*ѣ*) в слоге под ударением в говоре писцов представляло особый звук, отличавшийся от других гласных, см. ниже) и должно быть отнесено также за счет разных оригиналов. Написания свѣдитель, свѣдительство, свѣдительствовать отмечены в 25 случаях у IV писца (при трех написаниях: свѣдѣтельство, свѣдѣтельствую IV 116г, 123в, 144в) и только три раза у I и III писцов: лжисвѣдитель III 94г; свѣдительство I 2в; свѣдительствоуемъ I 4в — при 38 написаниях: свѣдѣтель, свѣдѣтельство, свѣдѣтельствовати и других форм этих слов. В этих случаях количественное соотношение написаний с буквой *и* в слоге под ударением и буквой *ѣ* также позволяет выделить как особый оригинал тот, с которого IV писец писал свою часть работы. К сожалению, производные от основ *свѣдѣтел-*, *свѣдител-* не встретились в V тетради, написанной II писцом (там встретилось лишь два раза слово *свѣдѣние*, которое нельзя ставить в один ряд со словом *свѣдѣтельство* и пр.), и тем самым нет новых указаний на оригинал, с которого писал II писец свою часть работы.

Других убедительных данных, которые позволили бы судить об оригиналах, пока отметить не удалось, хотя в рукописи они, может быть, имеются.

В дальнейшем при описании языковых явлений материал памятника группируется только по почеркам в соответствии с тем, как они были установлены выше. Однако следует учитывать, что некоторые

особенности как языкового, так и графического порядка могут восходить к различию оригиналов: одного для I и III писцов, другого для IV и, возможно, для II писца.

7. Время и место написания рукописи, дальнейшая судьба ее

Время и место написания. Предмет настоящего описания — рукопись датированная. На последнем листе рукописи, 178об., имеется следующая запись: «В лѣ(т) · ѕ҃ ѿ҃ ѯ҃ ѕ҃. инди(к). і҃ · е кроуга слн҃чного · с҃ · е м(с)ца февра(л). кв҃. на памя(т). сто҃го. ц҃а ц҃фонасьѧ написано бы(с). сто҃е еу(г)е въ гра(д). в галичѣ при княженьи велико(г) князя. ивана иванови(ч). роукою грѣшного фофана. ц҃же боудоу не ісправи(л). в коемь мѣстѣ. исправя ба҃ дѣ(л). чтите. а не кленѣте». При наличии такой записи значительно упрощается вопрос об определении места и времени написания рукописи и, следовательно, остается лишь проверить дату.

Следов подделки записи нет. Почерк записи, как уже отмечалось, вполне сходен с почерком, которым написан весь л. 178, а также лл. 1—27, 36—76 и далее с перерывами до л. 115. Поэтому тем более нет оснований не доверять записи.

Таким образом, год написания рукописи определяется как 6865 «от сотворения мира», или 1357 г. (6865—5508, так как рукопись написана в феврале). Индикт для этого года определен правильно, как десятый, но в определение солнечного круга вкралась ошибка. Он должен был быть определен как пятый, в записи же указан шестой. Эта ошибка могла произойти таким же путем, как происходили ошибки при исчислении индиктов, о которых Л. В. Черепнин пишет: «Пользуясь индиктным счетом, заимствованным из Византии, древнерусские писцы не всегда учитывали колебаний индиктов, происходивших от разницы мартовского (русского) и сентябрьского (византийского) стилей, и поэтому, проставляя индикты, допускали иногда ряд ошибок»[30].

Допущенная ошибка требует проверки и других данных записи.

Указание Фофана на то, что писалась книга при великом князе Иване Ивановиче, который княжил недолго (1353—1359), является доказательством в пользу правильности даты.

У Соболевского дата 1357 г. и место написания — город Галич, по-видимому, не вызывали сомнения.

Палеографические особенности рукописей середины XIV в. с территории Галича и прилегающих мест науке неизвестны. Но общие палеографические особенности нашей рукописи не препятствуют отнесению ее к XIV в. и Галичу. Например, зеленый колорит орнамента (заставка на первом листе, зелень в инициалах первых семи листов и в миниатюре) указывает на то, что рукопись написана не в Новгороде XIV в., так как, по указанию В. Н. Щепкина, «в России зеленый колорит

[30] Л. В. Черепнин. Русская хронология. М., 1944, стр. 37.

орнамента в XIII веке распространен по всей территории, в XIV только вне новгородского государства»[31]. Византийский и тератологический мотивы орнамента указывают также на XIV в.

Отмеченные выше палеографические особенности отдельных букв, свойственные всем писцам, и употребление буквенных дублетов тоже указывают на XIV в., причем не на конец его, а на период до так называемого второго южнославянского влияния.

На основании этих соображений следует признать запись подлинной.

Итак, год написания рукописи — 1357, место написания — Галич, и потому рукопись вполне имеет право называться Галичским евангелием 1357 г.

Дальнейшая судьба рукописи. О дальнейшей судьбе Галичского евангелия сообщает запись более поздняя, написанная скорописью на л. 27б. Она гласит следующее: «лѣта ѕо пе(р)ваго да(л) гаврило ма(т)-вие(в) снъ рылиевъ на престо(л) николѣ чюдотворцю в бок(р)ско(м) лугу стоженцѣ нове(н)ские земли». Из этой записи можно заключить, что рукопись и в 1563 г. продолжала находиться в Галиче в церкви св. Николая.

В Галиче в разное время были два монастыря с церквами св. Николая.

Один из них В. В. Зверинский характеризует следующим образом: «№ 1034... Костромской губ., Галичского у., в $1^1/_2$ верстах к западу от Галича, при слободе Овиновой на южном берегу Галичского озера. Он уже существовал в XIV стол. и назывался Николаевским по церкви св. Николая...»[32]. Однако архимандрит Амвросий об этом монастыре сообщает следующее: «Монастырь сей, именуемый ныне Паисиев по имени возобновителя своего Паисия,... прежде назывался по бывшему во оном св. Николая храму Николаевский; когда же основан и кем, сведений не имеется, а во времена великого князя Дмитрия Ивановича Донского переименован был Успенским, по храму, устроенному вместо Николаевского...»[33]. Из этого следует, что в 1563 г. этот монастырь назывался уже Успенским.

Кроме этого монастыря в Галиче был еще один монастырь с церковью св. Николая.

«№ 1005. Николаевский — Староторжский... в уездн. гор. Галиче, Костромской губ. на берегу озера, близ урочища, называемого Столбище или Старое Городище. Полагают, что основан в XV в. преп. Иаковом. В м-ре находится чудотворная икона св. Николая»[34]. Амвросий сооб-

---

[31] В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии..., стр. 4.

[32] В. В. Зверинский. Материалы для историко-топографического исследования о православных монастырях Российской империи, т. II. СПб., 1892, стр. 259.

[33] Амвросий. История российской иерархии, собранная... архимандритом Амвросием, ч. V. М., 1813, стр. 447.

[34] В. В. Зверинский. Материалы..., т. II, стр. 235—236.

щает об этом монастыре следующее: «Староторжский Николаевский Галицкий Костромской епархии 3 класса девичь монастырь находится в конце уездного города Галича к северу на полуденном берегу Галицкого озера, окружен 1) с озерной стороны прикосновенным к нему старым городским валом, внутри коего находящееся место никем не населенное именуется Старое городище, и вероятно, что за валом, где стоит теперь монастырь, при населении Старого городища, производима была торговля, отчего и монастырь, построенный на том месте, прозван Староторжским; 2) с полуденной или южной стороны прилегающим к нему градским селением; 3) с юго-западной стороны Галицким озером. В монастыре сем имеется соборная церковь во имя святого Николая, по которой монастырь именуется и Николаевским, а по городу Галицким. До штатов 1764 года было за монастырем сим крестьян 97 душ»[35]. По-видимому, именно в этом монастыре и находилось Галичское евангелие 1357 г. в 1563 г., когда была сделана запись на л. 27б.

В Патриаршую библиотеку рукопись, надо полагать, попала в период исправления Никоном богослужебных книг (хотя прямых указаний на нее нет в списке книг, привезенных для этой цели).

В настоящее время рукопись находится в Государственном историческом музее, собрание Патриаршей библиотеки № 68.

8. Некоторые графические нормы писцов Галичского евангелия 1357 г.

К середине XIV в. складываются более или менее последовательные графические нормы в русском правописании[36].

В Галичском евангелии 1357 г., как мы уже видели, писцы проводят следующие графические нормы.

1. Все писцы употребляют в начале слова только «широкие» варианты букв, имеющих «широкие» и «узкие» графические варианты начертания (кроме *і* и *и*). Так, они последовательно употребляют *оу* и иногда Ᲊ вместо *у*; ѥ и є якорное широкое и наклонное, но не *е* узкое прямое; *о* широкое с точками, ресничками или без них, а также ѡ, но не *о* узкое. Норма употребления букв ѣ и ѧ совпадает с нормой употребления широких и узких вариантов букв в начале слова. В начале слога все писцы употребляют буквы *оу*, є якорное или ѥ и *о* широкое или ѡ вместо «узких» вариантов написаний. Но I писец в конце строки иногда наоборот заменяет букву ѣ буквой ѧ, употребляемой обычно только после согласных.

2. Последовательно на конце слов, не имеющих энклитик, писцы употребляют буквы ъ и ь, если слова оканчиваются на согласный.

---

[35] Амвросий. История российской иерархии..., ч. VI, стр. 319—320.

[36] См. В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии..., стр. 106.

Буквы ъ, ь последовательно ставятся даже на конце слов, сокращенных под титлом, кроме слова ꙗ̑.

3. Все писцы придерживаются правила оканчивать строку буквой гласного или ъ и ь. Этот «закон конца строки» очень важен для рассмотрения судьбы этимологических редуцированных в рукописи.

4. Все писцы, кроме Фофана, пытаются упорядочить употребление букв *и* и *і*. Букву *і* они постоянно пишут в слове ісъ и иногда в целях экономии места в конце строки.

5. Все писцы (редкие исключения встречаются у Фофана в конце строк) употребляют букву ѧ только после согласных как на месте этимологического «ę», так и на месте этимологического «а» после мягких согласных.

В положении после гласного и в начале слова в этих случаях употребляется только буква ꙗ.

6. II, III и IV писцы ограниченно пользуются лигатурами. Фофан особенно свободно употребляет многие лигатуры.

7. Употребление надстрочных знаков (точек) над буквами пытаются систематизировать только III и IV писцы, II писец вообще избегает их, Фофан ставит без определенной системы.

Глава II.

ПРАВОПИСАНИЕ И ВОКАЛИЗМ

1. Об этимологических редуцированных звуках

В галичском говоре середины XIV в. этимологические редуцированные как особые фонемы уже не существовали. Будучи в слабом положении, они исчезли еще в языке предшествовавших поколений (если они не задерживались как очень слабые призвуки гласного элемента в определенных группах согласных). Сильные редуцированные изменились в гласные полного образования, совпавшие с гласными [о], [е] на месте этимологических [о] (не под восходящим ударением) и [е].

Как показывает материал Галичского евангелия 1357 г.[37], сильные редуцированные в языке предшествовавшей эпохи были представлены в следующих положениях: 1) в слоге, находящемся перед слогом со слабым редуцированным; 2) в любых сочетаниях с плавными между согласными; 3) после сонорных, не примыкавших к предшествующему слогу, перед некоторыми согласными (чаще группой согласных), где

[37] Галичское евангелие 1357 г. дает значительный материал для выяснения самой истории редуцированных и особенно в последний период их существования в качестве особых фонем. Поскольку этот вопрос представляет особый интерес для истории русского языка, он подробно рассматривается в отдельной работе.

в случае утраты редуцированных образовались бы группы согласных, не имевшие себе подобных до периода падения редуцированных и потому представлявшие трудности для носителей языка той эпохи; 4) очень рано были обобщены в сильном положении редуцированные в некоторых корнях слов перед следующими слогами с [ъ], [ь], [ы] редуцированным и [и] редуцированным, если последние в различных морфологических формах одного и того же слова оказывались то в слабом, то в сильном положении.

Подробно на этом вопросе мы не останавливаемся, поскольку судьба редуцированных не имеет непосредственного отношения к вокализму галичского говора середины XIV в.

2. Этимологическое «ě» и буква ѣ

Изучение вопроса об этимологическом «ě» в письменном памятнике складывается из наблюдения над употреблением тех или иных букв на месте этимологического «ě», с одной стороны, и написаниями буквы ѣ на месте иных этимологических звуков, с другой.

Прежде чем рассматривать материал, относящийся к звуку, произносимому на месте этимологического «ě» и написаниям буквы ѣ, и давать характеристику соответствующего звука в галичском говоре середины XIV в., ниже делаются предварительные замечания о написаниях отдельных слов или определенных форм, свойственных лишь церковно-книжному языку и потому не имеющих значения для решения вопроса о «ě» в живом языке писцов. Эта группа случаев выделена вследствие того, что в лексике и формах, не свойственных живому разговорному языку, в древнерусских памятниках отмечается непоследовательность в написаниях буквы ѣ, а в отдельных категориях даже последовательная замена буквы ѣ, представляемой в старославянских памятниках, буквами *е* и ѧ (ѧ). Не составляет исключения в этом отношении и Галичское евангелие 1357 г.

Основной материал также предваряется замечаниями о корнях, в которых представлены морфологические чередования, и о близких по значению корнях с этимологическими «ě» и «и».

Буквы ѣ, *е*, ѧ в церковнославянской лексике и формах слов. 1) Буква *е* вместо буквы ѣ. В исследуемом памятнике широко представлено написание буквы *е* вместо ѣ в неполногласных формах. Вследствие того, что слова с неполногласием были чужды древнерусскому языку и написание буквы ѣ в них не поддерживалось живым произношением, старославянский [ě] (ѣ) в этимологических сочетаниях «tert» в древнерусских рукописях издавна передавался посредством буквы *е*. Это явление, как известно, служит одной из основных черт памятников восточнославянского извода. Галичское евангелие 1357 г. также не является исключением в этом отношении.

Буква *е* последовательно пишется в следующих словах[38]: брегъ; небрегоша, небрежеши; бремена; привлекоу, облече, съвлекоша; вредивъ; время; повреши, въвреши; древо (встретилось единственное написание с *ѣ*: от дрѣва IV 121г), древянымь, от древнихъ, древникомъ; жребья (κλῆρος); жребя (πῶλος); мрежа; оумрети; преже, предъ, пред-, пре- (единичные: прѣданъ I 111а; прѣдающего IV 132в); среда, посреди, посредѣ (единично у I, III, IV писцов: посрѣдѣ I 39а, III 94а, посрѣди IV 141а); стрегоуще, стрежахоуть; треба, отребить, потребу, требования, требоуемъ; чрево; чреды, чреженье; о чреслѣхъ.

Следующие отдельные слова преобладают с написаниями буквы *ѣ* в неполногласных формах: плѣнъ III 77а; плѣньникомъ I 65в; запрѣти, прѣщахоуть, въспрѣщахоуть I 42а, 54б, 63б, 66г, 96а, 97г, II 29а, IV 117в, 118а, 121а, 149г, 153а, 164б, при написаниях *е*: прещаше I 51б, запрети III 82г, 93б.

К особой группе следует отнести слова, отдельные формы которых различались в старославянском и древнерусском языках. В тех случаях, когда в Галичском евангелии употребляется форма, не свойственная обыденному языку писцов, они пишут букву *е* в соответствии с буквой *ѣ* старославянских памятников. Указанное явление широко известно и по другим древнерусским рукописям.

а) Косвенные падежи единственного числа существительного *тѣло*. В книжной форме с основой на *-с-* пишется буква *е* в следующих случаях: телеси I 2г, II 32а, III 80г; телесе (род. п. ед. ч.) IV 156а; телеса (вин. п. мн. ч.) IV 150в, 153в. В формах, свойственных только разговорному языку, у всех писцов представлена буква *ѣ*: тѣла I 5а, 8в, IV 150г, 154а; тѣлоу II 31г, III 78б; тѣломь, тѣломъ I 56в, 99г, II 32а, III 80г, IV 163в, 168б. В формах именительного и винительного падежей единственного числа, не имеющих различия в разговорном и книжном языке, также последовательно представлена в корне буква *ѣ*: тѣло I 8в, 26в(2), 39б, 63в, 103г, 106а, 110г, 178г, II 31а (3), 31г, 32а, III 78б (2), 78в, 79в, 80г, 86б, 114а, 114б, IV 130г, 131б, 132б, 134в, 135г, 151а (3), 154а (2), 162б (2).

б) Отмечены написания буквы *е* вместо *ѣ* в отсутствующих в разговорном языке формах аориста: простьреся III 87в; оумре III 80б, IV 126в.

в) Формы дательного и местного падежей единственного числа местоимений *тебѣ*, *себѣ* в древнерусском языке имели основу *тоб-*, *соб-*,

---

[38] При приведении материала здесь и ниже не восстанавливаются основные формы слов, если они отсутствуют в памятнике. В этих случаях указываются формы косвенных падежей, личные формы глаголов вместо инфинитива, причем из встретившихся в памятнике приводятся наиболее показательные. Все встретившиеся формы различного словообразования от того или иного корня указываются. В отдельных случаях приводится несколько форм одного и того же слова, чтобы показать ударенное и безударное положение для «ѣ» (*ѣ*) и положение перед следующим твердым или мягким согласным.

встречающуюся и в настоящее время в народных говорах. Несоотносимость фонем разговорной формы, выявляющихся в написаниях *тобѣ*, *собѣ*, и книжной формы (*тебѣ*, *себѣ*) приводила к мене букв *ѣ* и *е* на конце этих последних, известную многим русским памятникам. Эта мена, возможно, поддерживалась влиянием написаний форм родительного падежа единственного числа тех же местоимений.

Галичское евангелие 1357 г. представляет такой материал в этом отношении: тобѣ I 21г, 23г, II 33а, 34б, IV 174г, 177б; тебѣ I—54 случая, II 33б (3), III — 14 случаев; IV — 36 случаев; тебе I 3в, 106в, III 81г, 114в; собѣ I 2а, 2б, 2в... 26 случаев; IV 163в, 169в; себѣ I — 36 случаев, II 34а, III — 16 случаев, IV — 20 случаев; себе I 2б, 3а, 46а, 50а, 53б, 104б, 111а. В приведенном материале важно то обстоятельство, что формы *тобѣ*, *собѣ* с основой [тоб-], [соб-], свойственные только разговорному языку, не отмечены с буквой *е* на конце, но только с буквой *ѣ*.

Не может рассматриваться в одном ряду с употреблением буквы *ѣ* в словах, бытующих в разговорном языке, ее употребление в заимствованных греческих словах, главным образом, именах собственных (материал этот приводится ниже, так как он дает косвенные показания для суждения о качестве звука, обозначаемого буквой *ѣ*).

Написание буквы *е* вместо *ѣ* в положении под ударением отмечено в одном случае в слове *потьбѣга*: подъпегою I 48г (но: потьбѣгоу I 26в). Оно объясняется, по-видимому, тем, что этимология этого не употреблявшегося в живой речи слова была неясна не только писцам нашей рукописи, но и лицам, переписывавшим предыдущие списки.

2) Написание буквы ѩ (ѧ) в соответствии с «ě». Буква *ѣ* отмечена в корне *-ěd-* как в середине слова после префиксов, где сохранение ее закономерно с точки зрения этимологической, так и в начале слова, где следовало бы ожидать сочетание [ja]. Наряду с буквой *ѣ* в тех же положениях отмечена буква ѩ, наличие которой закономерно лишь для начала слова ([je] → [ja]). Отсутствие определенной закономерности в этих случаях, конечно, не сохраняется с доисторических времен, когда имело место взаимовлияние форм с префиксами и без них, но появилось под влиянием церковно-книжного языка. Еще в доисторическую эпоху в различных славянских языках происходила унификация форм с «ě» в корне и с «ja»[39]. В древнерусском языке возобладало «ě» (звучало [ê] или [i͡e]). В южнославянских языках «ě» и «ja» в корне *-ěd-* унифицировались в [ja]. Таким образом, в нашем памятнике, как и в других древнерусских канонических памятниках, сосуществование написаний буквы *ѣ* и буквы ѩ в корне *-ěд-* в одних и тех же случаях обязано влиянию со стороны старославянского языка, а не указывает непосредственно на совпадение звуков, обозначаемых в других словах буквами *ѣ* и ѩ (ѧ).

[39] См. А. Мейе. Общеславянский язык, М., 1951, стр. 68, 96—97.

Слова с корнем *-ěd-* с буквой ѣ отмечены в следующих случаях: ѣсти I 51г, 55б, II 32а; ѣсть I 10а; ѣмы II 28б, 32б; изъѣдають, изъѣсть, изъѣдъ I 98а, 103г, 104г, изѣ II 33в; снѣмь IV 132а; снѣсть, снѣдаете I 47в, IV 116в; снѣдно I 20в; обѣдъ I 56а, III 81в; обѣда III 78в; обѣдаеть III 78в; обѣдоуите IV 157г; с буквой ꙗ: ꙗсти, ꙗсть I 9в, 10а 15а... 18 случаев; II 33в, 33г; III 80в, 81а; ꙗдять I 16в, 39в, 59б (3)... 9 случаев; III 80в, 81а, 81б, 83в, 94в; IV 128а, 129г, 130а... 8 случаев; ꙗмь, ꙗмъ I 99в, 105г, 110в (2), IV 131г; ꙗси I 99в, 105в; ꙗсть I 36а, 65а, 70г, 74б, III 83в, 84б, IV 119а; ꙗсте I 111а, III 80г, IV 132г; ꙗже I 15а; ꙗжь I 15а; ꙗдѣте I 74г, 106а; ꙗхъ, ꙗхомъ I 66б, 92в; ꙗша I 8б, 9в, 10а... 8 случаев; ꙗдяхоу I 72в, III 86а, ꙗлъ, ꙗли I 8в, 71а; ꙗдъ, ꙗды(и), ꙗдшимъ, ꙗдоущимъ и др. I 10б, 11г (3), 16в... 19 случаев; II 33а, IV 119а, 127в, 135в, 135г, 169а; А|дшихъ I 57г; поꙗдающеи I 101б; обыꙗденьемь I 109б; ꙗдець II 33а; ꙗди (сущ.) III 80 г.

Для рассмотрения вопроса о звуке, развившемся на месте этимологического «ё», также не является показательным единичное написание: вѣдяхъ I 61г вместо: вѣдѣхъ (в других памятниках аорист) в форме прошедшего времени, отсутствующей в период создания Галичского евангелия 1357 г. в разговорном языке.

Форму *вѣдяхъ* можно рассматривать также и как стяженную форму имперфекта. И в том и в другом случае это написание не характеризует обыденное произношение писцов и к фонетике отношения не имеет.

В исследуемой рукописи встречаются написания буквы ѣ в одних случаях и написания буквы *е* в тех же формах в других случаях в глаголе *вмести*. Они обязаны своим появлением, по-видимому, морфологическому чередованию, вследствие которого в одних случаях была представлена ступень долготы в корне, в других — отсутствие таковой: *вмету — вмести*, с одной стороны, и *вмѣтаю — вмѣтати* (βάλλω), с другой. С буквой ѣ употреблены следующие формы: вмѣтають, вмѣтающихъ I 22в, 101б (2), 104а, II 28г, IV 168г; но и: вмѣщюща I 49г; мѣщеть I 101б; формы с *е* в корне употреблены правильно: измещеться I 22б; мещете I 17в; ни помещѣте II 29в; мещѣте I 66б; вмещемо II 32б; вмечющема II 29г; вмещемѣ III 81а; мещащая I 103г.

Буквы ѣ, *и* в словах, близких по значению (ложная этимология). В частях, написанных III и IV писцами, отражена путаница корней *вид-* и *вѣд-* в глаголах *видѣти* и *вѣдѣти*, известная и другим русским памятникам, а в дальнейшем развитии языка нашедшая отражение даже в литературном языке (ср. современное *свидетель, свидетельство* при более раннем *съвѣдѣтель, съвѣдѣтельство*). Так, в памятнике отмечено: видите, видѣ, видѣлъ III 81б, 90а, 91г, вместо: вѣдите и др.; видяше же июда IV 143в (И. XVIII.2; М., З. — вѣдѣаше).

Может быть, сказывается влияние глагола *вѣдѣти* в форме повели-

тельного наклонения в случае: видѣта IV 154г, вместо: видита (как в М. и З.). Однако единичная форма: ведять IV 149г (М., З. — вѣдять) не может быть объяснена таким образом.

Не было ясно писцам и соотношение между корнями *мир-*, *мѣр-* в значении 'мир' (εἰρήνη), с одной стороны, и 'смирение' (ταπείνωσις), с другой стороны, представленное написаниями: смѣряющеся I 25г (Мт. V 9; в М., З., С. кн. — смираѭщеисѧ); смирися I 26б (Мт. V 24, М., З. съмирися); смѣренъ II 33в (Мт. XI 29; М., З., С. кн. — съмѣренъ); смѣриться IV 169б (Л. III 5; М., З., С. кн. — съмѣриться); смѣренье IV 173а (Л. I 48; М., З., С. кн. — съмѣрение).

Весь приведенный материал написаний букв *е*, ѣ (ѧ), *и* на месте «ѣ» при суждении о наличии особого звука, обозначаемого буквой ѣ, или отсутствии его, а также о его качестве (в случае наличия) должен быть отведен, как не отражающий фонетической системы говора писцов.

Остальной материал Галичского евангелия 1357 г., как относящийся к передаче этимологического «ѣ» разными буквами, так и все случаи употребления на письме буквы ѣ, рассматривается ниже. При этом ввиду обилия материала и значительной однородности его, в ряде случаев дается лишь общая характеристика его, однако приводятся без исключения все отклонения (кроме тех, которые указаны и истолкованы выше).

Вопрос об «ѣ» (ѣ) рассматривается далее в такой последовательности: 1) написания на месте этимологического «ѣ» в корнях слов, 2) в основах инфинитива глаголов III, IV классов и образованных от этих глаголов существительных, 3) в суффиксах и во флексиях (по частям речи); в последнем случае материал приводится со сравнительно меньшей полнотой, так как чисто морфологический аспект исследования выходит за пределы проблем, поставленных в настоящей работе.

Этимологическое «ѣ» (ѣ) в корнях слов. Материал на «ѣ» (ѣ) в корнях слов приводится в алфавитном порядке корней независимо от места по отношению к ударению и твердости—мягкости следующего за «ѣ» (ѣ) согласного. Объединение материала допущено вследствие того, что: 1) твердость—мягкость последующего согласного не имеет значения для суждения о «е» (ѣ) в исследуемом памятнике; 2) этимологический «ѣ» сохраняется в говоре писцов как особый звук как в положении под ударением (независимо от качества следующего согласного), так и в предударном положении; 3) поскольку Галичское евангелие — рукопись не акцентованная, в отдельных случаях затруднительно определить место ударения вследствие его перемещения на протяжении истории языка.

В следующих корнях слов последовательно пишется буква ѣ на месте этимологического «ѣ»:

бесѣдоу, бесѣдоваста, бесѣдоующемоу; болѣзни, болѣзна, болѣзньнии, болѣхъ; бѣгаютъ, бѣжить, бѣжаша, оубѣжати, разбѣгнуться; въ бѣдѣ, бѣдноу, бѣднѣносима; бѣствовавши (вместо: бѣство ваше — φυγή; по-види-

мому, переосмыслено писцами данного памятника или более отдаленного оригинала как производное от корня *бѣд-*), бѣство; бѣлъ, небѣлена, набѣлена; бѣсъ, бѣсныя, бѣсовьскыи, бѣсновавыи, бѣситься, бѣсящеюся;

вѣдыи, вѣмъ (вѣси, вѣсть, вѣмы), исповѣмь, вѣдяще, вѣдоущи, вѣдѣ, повѣда, повѣжь, увѣдѣвъ, заповѣда, исповѣда, проповѣдая, въ проповѣданьи, заповѣди, проповѣдите, вѣдѣли (33г), блговѣстить, блговѣстоують, възвѣстить, възвѣщю, вѣстникы; вѣкъ, вѣчныи; вѣнець; вѣра, вѣрныи, вѣренъ, вѣроуите, вѣроуяи, вѣроующихъ, вѣрованье, маловѣри; свѣсиша, обѣсять (в значении 'повесят'), обѣшеною, завѣса; завѣтъ, отвѣтъ, извѣты, отвѣща, завѣща, обѣщания, обѣтованье; вѣтвь, вѣтви, вѣтвие, вѣя, вѣиа (существительное[40]), възвѣяша; вѣтръ, вѣтрена;

гнѣвъ, гнѣвашеся, прогнѣвася, разгнѣвася; гнѣздо, гнѣздитися; гнѣтающь, оугнѣтахоуть, възгнѣтившимъ (же имъ огнь — περιάπτω); грѣяся; грѣхъ, грѣшникъ, грѣшница, грѣшенъ, прегрѣшении, сгрѣшить;

въздрѣмаша; дѣло, дѣлатель, дѣлати, дѣлающии, дѣлана, дѣяти, дѣите, дѣета, дѣянии, надѣяхомся, любодѣица, прелюбодѣи, любодѣинаго, прелюбодѣинаго, злодѣи, задѣша (ἀγγαρεύω), придѣша (προσφέρω); раздѣлить, раздѣляюще, предѣлы; дѣля (διά); дѣти, дѣтищь, дѣтескъ;

желѣзный;

звѣзды; съ звѣрми; зѣло;

клѣть, клѣти; колѣблемы; колѣна, колѣни, колѣноу; крѣпокъ, крѣпляшеся, оукрѣпляя, крѣплии, въсъ|крѣси, въсъ|крѣсноути (обычно же этот корень сокращается под титлом), въскрѣшению, въскрѣшаите; коупѣль;

лѣвица, олѣвоую; прилѣжно, прилѣжьнѣе; облѣжающе (Мт. VI. 16; ἀφανίζω); слѣзи, излѣзъшю, влѣзъ, влѣсти, вълѣзоша; пролѣеться; лѣнивыи; прилѣпиться, прилѣпися; лѣто; нѣ(с)лѣть (οὐκ ἔξεστι);

мѣди, мѣдници, мѣднымь; измѣноу, мѣнится, вмѣниться, мѣнитася (Мт. X 29; πωλέομαι; М. вѣнимѣ); мѣроу, мѣрите, възмѣрится, смѣряющеся, лицемѣри, лицемѣрия; мѣсто, вмѣстити, вмѣщается; мѣхы, мѣси, мѣшца; смѣси, съмѣшение, смѣшенъ;

невѣста, невѣстьникъ; нѣмъ;

олѣи; опрѣснокъ;

первѣньца; побѣдоу, побѣхъ (ошибочно, вместо: побѣдихъ); посѣти; пѣнами; пѣнязь, пѣняжники; на пѣсцѣ; пѣши;

рѣзахоуть, оурѣза, обрѣзаете, обрѣзанье, отрѣза; рѣкы, рѣцѣ; рѣхъ (рѣша, рѣста), рѣчь (ошибочно несколько раз вместо: рече); разрѣшите (разрѣшити), отрѣшите, отрѣшивша, отрѣшьша; обрѣте, обрѣты, обрѣтоша, приобрѣте, срѣте, срѣтенье;

свѣтъ (φῶς), свѣтлоу, свѣтилницы, на свѣтилѣ, свѣтится, просвѣтяться, просвѣщаеть; свѣтъ (συμβούλιον), свѣтьникъ, свѣщаша; слѣдъ,

[40] Однако И. XII 13 — ваия.

въслѣдиша, въслѣдуетъ, наслѣдять, наслѣдье, наслѣдникъ, наслѣдоуите, наслѣдъствоуите, послѣдѣнии, послѣдоующемоу, послѣдокъ, послѣдъ, послѣжь; слѣпъ, слѣпыи; не смѣяхуть (τολμάω); смѣющеся (γελάω); снѣгъ; сѣвера; сѣде, сѣсти, сѣдѣти, сѣдяи, сѣдяше, сѣдалища, присѣдить, соусѣдъ, соусѣди, предъсѣдания, прежесѣдания, въсѣлъ; сѣмя, сѣмене, сѣяше, сѣялъ, сѣяи, сѣявшемоу, сѣяния, въсѣялъ, въсѣяное, по насѣянью; оусѣкноу, сѣченъ, оусѣци, оусѣкновенье, отсѣкахоу, отсѣци, посѣкають, оусѣкателя; сѣмо (ὧδε); сѣно; сѣнь (σκιά), под сѣнью, сѣни смертьнѣя, осѣнить, осѣня(и) (ἐπισκιάζω); три сѣни (σκηνή; М. скинїѧ); посѣти, посѣтисте;

тѣсенъ, тѣсная, оутѣшняеть; тѣскъ (ληνός);

оубѣди; оутѣхы, оутѣшатся;

хлѣбъ, хлѣбнаго[41];

цвѣтець; цѣлъ, цѣлая, цѣля, ицѣлить, ицѣляите, ицѣлѣвыи, ицѣляться, ицѣлиться, ицѣлѣеть, ицѣлившемоу; цѣловати, цѣлоуите, цѣлование; цѣна, цѣниша, многоцѣненъ, многоцѣньны; оцѣпѣеть (вместо: оцѣпѣнѣеть);

человѣкъ, человѣчь, чловѣчьскы;

ѣди, ѣхахоу, поѣхаша, ѣдоущю.

В Галичском евангелии широко представлен корень *цѣст-* с этимологически правильным написанием буквы *ѣ*, вместо более частого *чист-*, что указывает, по-видимому, на доисторическое чередование гласных *ei* || *oi*: оцѣсти I 102б, оцѣщеньи I 5а, оцѣщенью I 6а, о оцѣщении I 67а, оцѣщают(с) I 70а. Однако у II писца — очищаите II 30б, у IV — очищенье IV 116г.

Буква *ѣ* последовательно пишется в словах, первая часть которых представляет собой отрицание *нѣ* (из более древнего сложения *не есть*): нѣсмь, нѣси, нѣ (=нѣсть), нѣсте; нѣкыи; нѣ в коемь; на мѣстѣ нѣкацѣмь; нѣкто; нѣчто; нѣкоторыи; нѣции.

В приведенном материале указаны только те корни, в которых последовательно всеми писцами пишется буква *ѣ*. В него не вошли слова *свѣдѣтельство*, *свѣдѣтель*, *свѣдѣтельствовати*, которые последовательно пишутся с буквой *ѣ* в первом слоге всеми писцами, но во втором слоге наряду с написаниями *ѣ* отмечены написания буквы *и*. Именно, у I писца при 38 написаниях: свѣдѣтель, свѣдѣтельство, свѣдѣтельствовати — встретилось два написания буквы *и* в слоге под ударением: свѣдительство I 2в, свѣдительствоуемь I 4в; у II писца всего два раза встретилось слово: свѣдѣние (с *ѣ* в рассматриваемом положении), слов: свѣдѣтельство, свѣдѣтель, свѣдѣтельствовати у него не встретились; у III писца: свѣдѣнье III 8а, лжисвѣдитель III 94г; у IV писца преобладают написания *и* в слоге под ударением: свѣдѣтельство IV 116г, 123в; свѣдѣтельствую IV 144в свѣдительство IV 150г,

[41] Написание *хлиби* I 65а в выражении *да боудуть хлиби* вместо *да боудеть хлѣбъ*, как в М., является порчей текста.

153г, 160г, 174г; свѣдитель, свѣдителя IV 137в (2), 137г, 144г (2), 145а; свѣдительствуеть и другие формы этого глагола: IV 122г, 137г, 141а (2)... всего 15 случаев, т. е. три написания *ѣ* при 25 написаниях буквы *и*.

Последовательно с буквой *е* вместо *ѣ* отмечены следующие слова: гибель I 63б, IV 130г, 134в; изгыбель I 103в; погыбельныи I 22а, IV 143а; голени, голению IV 150в (3), 153г (3), 160в (2), 160г; обитель, обители I 20г, IV 138г, 139в, 165г. Характерно, что во всех этих случаях звук, обозначаемый буквой *е* на месте «ѣ», находится в заударном положении. Наряду с ними отмечено единичное *первѣница* правильно с буквой *ѣ*.

Что касается слова *свѣдительство*, то написание *и* вместо *ѣ* в положении под ударением перед следующем мягким согласным только в одном слове не может служить указанием на совпадение соответствующего звука со звуком [и] в этом положении. Написание *и* вместо *ѣ* только в одном слове может указывать либо на бытование этого слова со звуком [и] в языке писцов Галичского евангелия 1357 г. (т. е. на заимствование ими этого слова из говора, знающего совпадение звука на месте этимологического «ѣ» со звуком [и] в указанном положении), либо свидетельствует об отражении этого фонетического явления в каком-то из более ранних списков.

Возможно, что предполагаемый список был южнорусского происхождения. Относительно слова *свѣдительство* И. В. Ягич писал: «Давно указывается также на форму «свѣдительство», свойственную преимущественно южнорусским памятникам. За этими и другими подобного рода формами..., знаменательными для происхождения памятников, надо зорко следить; иные из них потом вышли из своих первоначальных пределов и с того времени, конечно, перестали иметь значение диалектических примет. Так напр. «свѣдительство» сделалось потом очень распространенным словом»[42]. Ввиду особого характера создания Галичского евангелия 1357 г. — оно писалось четырьмя писцами, из них по крайней мере двое работали одновременно и, следовательно, пользовались разными оригиналами, — более вероятно предположение, что в оригинале, с которого списывал IV писец вторую часть рукописи и I писец первые листы рукописи (но не в оригинале или оригиналах, с которых списывал II писец свою часть работы и I и III писцы 36—114 листы рукописи), рассматриваемое слово уже было в написании с буквой *и* вместо *ѣ* под ударением: свѣдительство.

Если бы произношение слова *свѣдительство* с [и] было в языке писцов, это нашло бы более последовательное отражение у I писца. Будь совпадение звуков на месте «ѣ» со звуком [и] свойственно галичскому говору середины XIV в., оно должно было бы отразиться и в других морфемах в указанном положении. Между тем приведенный материал показывает,

---

[42] И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889, стр. 27.

что в положении под ударением даже и перед следующим мягким согласным в корнях слов (тем более в положении перед твердым согласным) последовательно употребляется буква ѣ, например: болѣзни, болѣзньнии, бѣсится, вѣстѣ, вѣдяще, свѣсиша, вѣтви, вѣя, грѣяся, дѣите, любодѣинаго, раздѣлить, дѣти, дѣтескъ, клѣть, клѣти, колѣни, коупѣль, лѣть, мѣнится, лицемѣри, вмѣстити, олѣи, пѣнязь, наслѣдье, смѣяхоуть, сѣнь, сѣни, сѣмя, въсѣяное, тѣсенъ, многоцѣньны, человѣчь, ѣди и др.

Таким образом, массовые показания памятника относительно этимологически правильного употребления буквы ѣ в положении под ударением между мягкими согласными позволяет при суждении о наличии особого звука на месте этимологического «ě» отвести написания *свѣдитель* и производные, как не имеющие отношения к отражению фонетической системы рассматриваемого говора.

Этимологическое «ě» (ѣ) в основах инфинитива глаголов III и IV классов. В Галичском евангелии 1357 г. последовательно пишется буква ѣ в глагольных формах, образуемых от основы инфинитива глаголов на- «— eti», и в именах существительных, образованных от этих глаголов. Единичные исключения приводятся ниже наряду со случаями, типичными для всех писцов.

Кроме указанных выше слов (болѣзнь, болѣхъ; вѣдѣти; задѣти и родственных им), сюда относятся: бъдѣти, бдѣлъ; повелѣ, повелѣное; видѣлъ, ненавидѣти, възненавидѣша, видѣвше, привидѣние (так у всех писцов, кроме III, у которого встречаем: видети III 82в, видевъ же III 114а, видехомъ III 94б, видевы III 83б); грѣяся, грѣющаяся; оудѣбелѣ; довлѣеть; желѣти, въжелѣхъ; оузрѣвъ, зазрѣти, възрѣвы, прозрѣнье; имѣти, имѣя, имѣнье; окаменьнѣло, окамянѣло; заматерѣвши; омладѣла; мнѣтися (в значении 'уменьшаться'); мнѣвша, мнѣша (в значении 'думать', 'полагать'); обидилъ I 99г; одѣсте, одѣша, одѣеть, одѣнъ, въ одѣньи, одѣнье (однако всегда: одежа, во одежѣ, одежю); запечатлѣ; опустѣеть, запоустѣнья; въспѣ, въспѣвше, пѣние, в пѣ(с)ныхъ (М.—въ кънигахъ псаломъскыхъ); скорбѣти, оскорбѣ; оскоудѣеть, оскоудѣема; ослабѣють; ни смѣ; старѣеши, старѣишина (34 сл.), старѣи (встретившееся один раз у I писца написание: от стареи жрець и книжьникъ — вместо: от старьць, архиереи и кънижьникъ, как в М. и З., при: старѣи I 44в, 99в, 104в, могло появиться вследствие непонимания писцом данного текста); претерпѣвыи, в терпѣньи; оудолѣють; оуспѣеть, оуспѣвши, спѣяше, поспѣвающю; оумѣете; разоумѣеть, разоумѣвъ; хотѣсте, въсхотѣ, хотѣниемь, похотѣнья; ицѣлѣти, ицѣлѣеть, ицѣлѣвша.

Этимологическое «ě» (ѣ) в сравнительной степени. Буква ѣ последовательно пишется в сравнительной степени в следующих словах: горѣе I 11б; добрѣе I 106а, III 95б (3), IV 135г; прилѣжьнѣе VI 136в; мнѣе I 37б; отраднѣе I 74г, 75а, II 30в, IV 153а; скорѣе IV 156в; оудобѣе I 51а, 68в, 96в (2), III 85а, 95а, IV 117а; оунѣе I 22г; ч(с)тнѣе III 94в; должьнѣиша III 85а; лютѣиши II 35б; первѣиши I 100г; старѣиши—и существительное: старѣишина (много раз); встретившееся написание:

грѣшнеише III 82а, ввиду его единичности, по-видимому, следует признать опиской, обусловленной буквой *е* в последующем слоге.

У I и II писцов встретилось по одному написанию с буквой ѣ вместо ожидаемого *е*: мнѣ I 53г; болѣ II 35а, при обычных: мне, боле. Написание ѣ в этих случаях, видимо, явилось следствием взаимовлияния форм сравнительной степени с суффиксом «-ѣje» и «-е», поддерживаемого к тому же стяжением гласных в первом из суффиксов (стяженные формы членных прилагательных широко представлены в памятнике).

У I писца отмечены написания: первие I 37а, 60в, 69в, при более правильных с этимологической точки зрения написаниях: первѣе I 74в, III 79б, IV 144а, 156г, 165в, 170в.

Этимологическое «ѣ» (ѣ) в падежных окончаниях имен существительных. В падежных окончаниях имен существительных в соответствии с этимологическим «ѣ» последовательно пишется буква ѣ:

1) в местн. п. ед. ч. твердой разновидности «о»- и «а»-основ;
2) в дат. п. ед. ч. «а-»основ;
3) в им.-вин. п. дв. ч. «а»-основ и слов среднего рода «о»-основ;
4) в местн. п. мн. ч. «о»-основ.

Кроме того, в отдельных случаях буква ѣ пишется по аналогии в тех же падежных окончаниях в разрушающихся типах склонения, а также в мягкой разновидности «о-» и «а-»основ. Так, в местном падеже по аналогии отмечено написание ѣ в мягкой разновидности «о-» и «а-»основ: князѣ III 76г; в Галичѣ I 178г запись; во оцѣ I 21б, 21в, при правильном с этимологической точки зрения: во оци I 17г, 21г, 23б и др.; поустынѣ I 9в, 10а, 11г, при: в поустыни, на поустыни I 2а, 4а, 4в, 45а, 49в..., IV 168г (2), 169а, 169б, 176б и др,; в темницѣ I 109в, II 32б, IV 129г, при: в темници I 5а, IV 130 а (2), 130б; во одежѣ I 70б. В основах на согласные отмечено: въ оцѣ I 69б(3), II 29в(2), но: во очеси I 69б; во мн. ч.: бременѣхъ III 78г; на небесѣхъ III 114б, на нб(с)ѣхъ III 89г, 96а, 115б.

Этимологическое «ѣ» (ѣ) в наречиях. В следующих наречиях, являющихся по происхождению формами местного падежа единственного числа, и производных от них, а также наречиях места (по значению), последовательно пишется буква ѣ: бѣднѣ II 34а; вкоупѣ I 15б, 112а, III 86б, IV 157б (кроме того, встретилась форма: вкоупь IV 156в, не имеющая отношения к «ѣ»—ѣ); внѣ, вънѣ I 52а, 59г, 60а, 105б, II 35б, III 77в, 92в, IV 138а, 144а, 145а, 156г; внѣшнее III 78в, внѣшьнимъ I 53б; вскорѣ I 102а, III 94б; всюдѣ IV 135г; добрѣ I 14в, 15г, 39в, 59б... 6 случаев; III 91а, 95а, IV 117в, 134а, 135б, 144в; илѣ (илѣ живъ — ἡμιθανής) III 83а; доколѣ I 17б, 42а, 47б (2), III 84г (2), IV 118в (2); не на долзѣ (времени, а также без последующего существительного) I 101г, 112б; донелѣ же I 26б; доселѣ I 6б, 6в, 23б, II 32г, IV 123г, 142а; досюдѣ III 113г; злѣ I 42а, IV 125г, 144в; кромѣ III 78б; промѣ (описка, вместо — кромѣ) III 82в; лютѣ I 43а(2), 102в, 106а, 111а, III 78г(5), 79а, 79б(2), 91в; в малѣ, о малѣ, по малѣ I 23а(7), 61в, 61г, 97а(2), 108а, IV 129а(2), 141в(2), 141г(5); во мнозѣ, по мнозѣ (времени — и без существительных) I 61в, 97а; моудрѣ III

85а; ноудѣ I 16г; отнелѣ же I 71в, III 82б, IV 118в; отселѣ I 21а, 62в, 66в, 110г, 112в, III 81в, IV 132б(2), 137г, 145а, 173а; отсюдѣ IV 140а; (отъ)толѣ I 12а, 41б, IV 131в, 134г, 171в; поздѣ I 5в, 8а, 42в... 8 случаев; II 33г, IV 154а, 157б; поистьнѣ I 108а (*ѣ* в предпоследнем слоге — описка); послѣ (-же, -жь) I 26в, 99а, 100б, 101г, III 90г; послѣдь I 46б, 65а, 97а; послѣди же I 46а, 46в, 52г, 63г, IV 125а, 125б, 125в... 10 случаев; развѣ I 26в, 42г, 45б, 48г, 100г; сквозѣ I 51а, 60б, 68а... 9 случаев; II 35а, III 77а, 77в, 80а... 6 случаев, IV 116а, 118г; възъквозѣ IV 118г; смысленѣ I 101а; твердѣ I 107а; тоудѣ I 54в, 99г; явѣ I 11 6 (2), 19б, 51б, 178а, III 93в, 114в, 115а, IV 138а, 145б, 164б. Сюда же можно отнести наречие *посредѣ* I 39а, III 94а и, кроме того, посреде I 107в (это слово обведено другой рукой чернилами по ранее смазанному, вероятно, позднее времени написания памятника, поэтому написание в данном случае буквы *е* на конце слова непоказательно). Обычно это наречие пишется с *и* на конце, что указывает на образование от другой исходной формы (*срѣдь*, а не *срѣда*) или на влияние со стороны «і-»основ. Написания *среди*, *посреди* представлены в следующих случаях: посреди, среди I 2б, 5в, 16б... 16 случаев; посрѣди — I 111а; наряду с ними — посредѣ I 5г, 42г, 47а, II 30в, III 91в, 94а, IV 116б, 132г, 158г, 160б, 168а. Написание *и* в данном случае к фонетике отношения не имеет.

К рассмотренным наречиям относятся также наречия, имеющие на конце частицу *-дѣ*: весьдѣ, идѣ, кдѣ, сдѣ, ондѣ и др. В этих случаях старославянские памятники последовательно представляют частицу *-де*. Характерной чертой древнерусских памятников являются написания *-дѣ* в исходе слова.

В Галичском евангелии 1357 г. в указанных наречиях правописание непоследовательно: в одних случаях пишется буква *ѣ*, поддерживаемая аналогией со стороны тех наречий на «ě» (*ѣ*), в которых «ě» было ранее окончанием местного падежа; в других случаях пишется буква *е* в соответствии с нормой старославянских рукописей. Относящийся сюда материал таков: весдѣ I 62а; досюдѣ III 113г; иде(же) I 9а, 11б, 11г... 10 случаев; III 95б, 95в, IV 120г, 121а, 143в(2)... 10 случаев; 'идѣ I 14в, 23г, 55б, III 86б, IV 117а, 121б, 124а... 14 случаев; кде (где) I 8г, 105в, 105г, 110в(2), III 85г; никде I 2а, IV 121а, 151а; кдѣ (гдѣ) I 3б(2), 11в, 13а... 8 случаев; III 85б, 86б, IV 131г, 132а, 134г... 8 случаев; сде(зде) I 8г, 112г, II 33г, 35г, III 106б, 121а; сдѣ(здь) I 16б, 20в, 39а... 17 случаев; II 35а, III 78б(2), 85г, 86а, IV 118а, 120в, 123г... 10 случаев; онъде I 101г; ондѣ I 62в, III 85г, 86а, IV 123г.

В следующих единичных наречиях отмечены отклонения от описанного употребления буквы *ѣ*. Так, несколько раз отмечена буква ѧ в наречиях *нынѣ*, *донынѣ*. Именно, при написаниях: нынѣ, донынѣ 32 раза I писцом и 32 раза IV писцом у них отмечено: нынѧ — I 19г, 23в(2), 111б, IV 133а, 172а. У III писца только: нынѣ III 78в, 88в. Отмечено наречие *поне* (κάν) I 39б, 59а с буквой *е* на конце его.

Этимологическое «ě» (ѣ) в падежных окончаниях местоимений. В падежных окончаниях местоимений буква ѣ пишется последовательно во всех тех случаях, где этимологически был звук «ě». Сюда относятся: дат. и местн. п. ед. ч. личного местоимения: мнѣ; им. п. дв. ч.: вѣ; формы дв. ч. указательного местоимения: онѣ; творит. п. ед. ч. м. р.: тѣмь (тѣмъ), всѣмь (всѣмъ), кацѣмь, инѣмь (сюда же относятся: единѣм же III 78г); род. и местн. п. мн. ч.: тѣхъ, всѣхъ, инѣхъ, тацѣхъ; дат. п. мн. ч.: тѣмъ (тѣмь), всѣмъ (всѣмь), инѣмъ, онѣмъ же; творит. п. мн. ч.: тѣми, всѣми, тацѣми; дат. п. дв. ч.: онѣма.

Написаний букв *е* или *и* в указанных формах не встретилось ни у одного из писцов. Отмечено одно написание буквы ѣ вместо *и*: въ своя приде и своѣ его не прияша I 1г. Написание ѣ в этом случае свидетельствует об определенном образовании формы именительного падежа множественного числа местоимения *свои* (если ѣ написано не из-за экономии места на конце строки); отношения к фонетике и к произношению звука на месте буквы ѣ указанная форма не имеет.

Этимологическое «ě» (ѣ) в падежных окончаниях имен прилагательных и причастий. В именах прилагательных буква ѣ употребляется в следующих падежных окончаниях:

1) в местн. п. ед. ч. всех родов: нб(с)нѣмь, неправеднѣмь, единѣмь (единѣмъ); гоморьстѣи, въ жидовьстѣи, елеоньстѣи, содомьстѣи, въверженѣ и др.;

2) в дат. п. ед. ч. ж. р. и им. п. дв. ч. ж. р.;

3) в местн. п. мн. ч. м. р. нечленных прилагательных: заоуленѣхъ и др.;

4) в формах им.-вин. п. дв. ч. слов ср. р.: блѫжнѣи очи; очи тяжьцѣ; игльнѣи оуши; очи им отягченѣ, всквозѣ оугленѣи оуши III 95а.

5) единичен пример с ѣ в окончании род. п. ед. ч. ж. р.: сто҃ѣ бц҃а I 178а, 178г; обычно в этой форме пишется в соответствии с нормами старославянских памятников буква ꙗ (ѧ).

Не встретилось форм с ѣ на конце и в винительном падеже множественного числа мягкой разновидности мужского рода.

Этимологическое «ě» (ѣ) в числительных. Последовательно пишется буква ѣ в соответствии с этимологией в окончаниях двойственного числа числительных *два*, *оба*:

а) им.-вин. п. дв. ч. ж. и ср. р.: во двѣ ризѣ I 57а; двѣ мелющия I 61б, IV 127в; двѣ рыбы I 45в; двѣ цаты I 104а; двѣ тысящи I 54г; двѣ очи I 43б;

б) в окончании дат.-тв. п. дв. ч. м. р.: двѣма г(с)нома I 97а, II 32а; съ двѣма на ·і· (оучн(к)ома) I 97г, 105в, 105г; двѣма от нихъ IV 155в; двѣма стома сребреникъ I 57в; и посла по двѣма I 74в; обѣма на десять (оучн-(к)ома, колѣнома) I 12а, 40в, IV 132г, 135а; обѣма же на ·і· II 30а, 31б и др.

Этимологическое «ě» (ѣ) в окончаниях и суффиксах глаголов. Отмечены случаи написания буквы ѣ в соответствии с этимологией в формах 1-го лица двойственного числа настоящего времени глаголов: есвѣ I 17в; идевѣ IV 139в; искаховѣ IV 168а; можевѣ I 44б, IV 119в; приемлевѣ IV 150а, 153а; прославѣ IV 119в; сядевѣ IV 119в;

створивѣ IV 139в; оуготоваевѣ I 110в, IV 131г; всегда *ѣ* в аористе *бѣ*.

Буквы *ѣ*, *е*, *и* на месте «ě» в окончаниях повелительного наклонения. В подавляющем большинстве случаев в окончании множественного и двойственного чисел повелительного наклонения в глаголах I и II классов в соответствии с этимологией пишется буква *ѣ*, однако наряду с ней встречаются и написания буквы *и*: сберѣте I 16в, 37б; блюдѣте I 25а, 41а, 43б... всего 14 случаев, II 28в, 30г, III 77б, 80г, 91в, 93а, IV 123а; в этом же слове отмечено *е*: съблюдете IV 139б; не бранѣте I 43в; в глаголе *быть* в повелительном наклонении отмечены только написания букв *е* и *и*: боудите I 48б, 61б, III 114б, IV 127г, 140а, 140б; будете III 90а, 115а, IV 169г; небрезѣте I 43б; ведѣте, приведѣта I 15а, 105а, 107а, 110а, IV 121г; верзѣте I 56б; вѣдѣте, свѣдѣте I 61б, 74г, 103а; грядѣте III 90б; въздвигнѣте III 91г; пожьдѣте I 106в, IV 136а; встретилось одно написание *и*: пожните III 86а; призовѣте I 56а; идѣте, идѣта, придѣте, внидѣте, изидѣте, идѣмъ I 3б, 9а, 11в... 25 случаев; II 28в, 29а, 29г... 6 случаев; III 82г, 86а, 87в, 88а(2), IV 116в, 120а, 120б... 24 случая; отмечено одно написание этого слова с буквой *е*: идета I 105в; имѣте, примѣте, возмѣте I 5в, 32в, 56б, 62в, 98б, 106а, 110г, II 33в, III 79г, 87б, IV 123г, 129б, 132б... 8 случаев; в этом же слове отмечено написание буквы *и*: возмите I 4г, 61г, и буквы *е*: имете I 102г; кленѣте I 178г запись; принесѣте, изнесѣте I 6а, 42в, 104в; облецѣте I 104 в; помянѣте IV 156а; пропнѣте IV 146б, 159г; рцѣте, рцѣта I 9а, 40г, 56а... 6 случаев; II 31а, III 82б, 88а, IV 121г, 132а, 134г... 7 случаев; встанѣте, останѣте I 22б, 43в, 60б... 6 случаев; IV 140а, 177г; в этом же корне зафиксировано написание *е*: встанете, останете IV 130г, 136г; сѣцѣте III 87в; въстерьгнѣте I 37а; сядѣте I 111б, IV 136б, с написанием *е*: сядете I 20г, III 106б; оттрясѣте I 57г, II 30в, III 80а; почерпѣте I 6а.

В следующих случаях имеет место написание буквы *ѣ* в глаголах III и IV классов, вместо этимологически правильного *и*: видѣта IV 154г; внемлѣте I 99б, 103г, III 79б, IV 161г, смотрѣте III 93а; при написаниях *и* у того же писца: посмотрите III 80г 114б; после шипящих: свяжѣте I 37а; ищѣте I 7г, II 29г, 32б, III 76в(2), 81а; наряду с ними отмечено: ищете III 81а; покажѣте I 52в, 93г, а также: покажете III 89г, при этимологически правильном: покажите IV 126а и др.; мещѣте I 66б, II 29в; плачѣте I 113г, III 80в; не ропчѣте I 9г; стяжѣте III 91б; осяжѣте I 20б.

Отмечено написание буквы *ѣ* вместо *е* в описательной форме повелительного наклонения (форма наст. вр. с союзом *да*): да възмѣть I 111в.

Рассмотренный материал показывает, что буква *ѣ* в окончаниях множественного и двойственного числа повелительного наклонения пишется не всегда последовательно. В одних случаях вместо ожидаемого *ѣ* имеет место написание буквы *е*. Например, съблюдете, идета, имете, встанете, останете, сядете В других случаях наблюдается мена букв *ѣ* и *и* в одних и тех же словах и формах, причем эта мена относится как

к глаголам I класса, где вместо ѣ пишется буква *и* (например, боудите, пожните, возмите), так и к глаголам IV класса, в которых пишется буква ѣ вместо соответствующей этимологии *и* (видѣта, смотрѣте, внемлѣте), а также и глаголах III класса после шипящих (свяжѣте, покажѣте, стяжѣте, осяжѣте, плачѣте, ропчѣте, ищѣте, мещѣте).

Написания буквы *е* в окончаниях повелительного наклонения I и IV писцами и более часто III писцом встречаются как на месте этимологического «ě» (ѣ) (например, съблюдете, идета, имете, встанете, сядете, останете), так и в соответствии с этимологическим «и» (например, ищете, покажете)[43].

Все это указывает на то, что в говоре писцов старое различие в образовании повелительного наклонения от глаголов I и II классов, с одной стороны, и глаголов III и IV классов, с другой стороны, было утрачено. История русского языка показывает, что унификация в образовании этой формы шла за счет вытеснения форм с «ě» (ѣ) (двойственное и множественное числа глаголов I и II классов) формами с гласным [и], свойственным III и IV классам и формам единственного числа всех классов. Поэтому можно полагать, что говору писцов также было свойственно произношение звука [и] во всех числах повелительного наклонения глаголов всех классов, несмотря на то, что в памятнике преобладают написания с буквой ѣ в глаголах I и II классов (что само по себе в других случаях могло бы указывать на произношение звука, обозначаемого буквой ѣ).

Написание буквы ѣ в повелительном наклонении было орфографической нормой, которой писцы должны были следовать. Они знали правило, что в ряде случаев в повелительном наклонении следует произносить не [и], как в их собственном обыденном произношении, а другой звук. Поэтому в церковном произношении у них мог быть звук [е]. Этим и объясняются написания указанных форм с буквой *е*. Они подобны рассмотренным выше формам *тебѣ*, *себѣ*, свойственным лишь книжному языку, при наличии в обыденном языке форм *тобѣ*, *собѣ* (в последних написание буквы ѣ строго выдерживается всеми писцами).

Существованием правила, требующего писать букву ѣ в формах, «повелительного чина», объясняется и написание ѣ в выражении: да възмѣть I 111в.

Из всего изложенного следует, что наличие в окончаниях повелительного наклонения мены букв ѣ, *и*, *е* не имеет отношения к фонетической системе говора писцов. Оно является особенностью только данной морфологической категории.

Буква ѣ и ее замены в иноязычных личных именах, в названиях стран и народов и пр. Буква ѣ и ее замены в ино-

[43] Последние примеры можно рассматривать как написания буквы *е* на месте ѣ, поскольку написание буквы ѣ в подобных случаях (после шипящих) засвидетельствовано уже в старославянских памятниках, тем более что мену *и* и *е* в этих случаях фонетически объяснить трудно.

язычных заимствованиях — именах собственных, названиях праздников и лиц, встречающихся в евангельском тексте, — отмечена в следующих корнях слов:

1) аньгѣлы I 37в, IV 175в, аньгѣли I 49в; Вартимѣсъ I 97в; предъ гѣмономь IV 147а; игѣмонъ, игѣмоноу IV 138б, 147б (2), 147г, 152б, но и: иге|моноу IV 147б; в Ефремъ I 19б; Зѣлота I 67г;... отока Кѣдрьска IV 143в (2); кѣсарь, кѣсария IV 118а, 126а, 126б (2)... 8 случаев; наряду с ними: кесаревъ III 89г (3), IV 126б, 146в; параскѣвгии IV 160а, наряду с ним: параскивгии, параскивгию IV 146г, 151б, 153г, 160в и параскевгии IV 150в; преторъ IV 143а, 144в, 145г и др.;

2) в словах на *-ѣи*:

Алфѣева I 51в, 67г, IV 119а; Андрѣи, Андрѣя, Андрѣевъ, I 3б, 3в, 16г... 10 случаев; II 29г, 30б; от Аримафѣя I 8в, III 114а; от Аримаѳия IV 150г, 151а, 154а; архиерѣи, архиерѣови и др. I 2в, 19а (3), 19б (2), 24г, 100а, IV 116а, 118б, 119б... 52 случая; Варфломѣи II 30б; Валъфромѣя I 51в, 67г; Галелѣя, галелѣанинъ, галелѣискъ, галелѣистѣмь и др. I 3б, 9а, 9б... 23 случая; III 106б, 114а, 114в, IV 116б, 116в, 117б... 20 случаев; Галилѣю, галилѣистѣмь I 65б, II 29г, 30а, III 82а (3); галѣлѣанъ III 82а; га|лѣискъ I 113а (с пропуском слога); еврѣискы I 10г, IV 146г, 160а (2), 160б; Елисѣи I 65г; Закхѣи, Закхѣю I 99в, 99г (2); Зеведѣемь, Зеведѣева, Зеведѣова I 44б, 49г, 51в, 66в, II 29г (2), 30б, IV 119в, 136б, 157б, Зеведеевоу IV 154а; от Идоумѣя I 51б; иерѣи, иерѣя, иерѣомъ, ерѣемъ, ерѣискомоу I 2а, 92г, II 31г, 34г, IV 116а, 116г, 175а (2); Иеремѣю, Еремѣемь, Еремѣю IV 118а, 151г, 167б, 176в; Иоаньнѣ|евъ (вместо Ианнаевъ Л. III 24) I 64в; Иосѣинъ I 56г; Июдѣя, июдѣи, июдѣистѣмь, июдѣискъ, июдѣистѣи I 2а, 4а, 4г (2)... 74 случая; III 78в, 79а, IV 120а (2), 120в, 120г... 51 случай; в кюринѣискоу IV 148б; коуриниска IV 152г; Малелѣиловъ I 64г; Матфѣя (имя евангелиста в заголовках чтений сюда не включено) I 51в, 67г, II 30б, 35г; Моисѣи, Моисѣемь, Моисѣови I 1г, 2г, 3в... 19 случаев; IV 116г, 172а, 177б (2), 177в, 177г; Моисии II 31г, IV 126б, 159в; ме|сѣя I 14г (часть слова в начале строки выскоблена); Садоукѣя, садоукѣи, садоукѣиска I 41а, IV 126б, 126г; 168в; Самарѣя, самарѣянъ, самарѣискъ I 14а (2), 15б; Тимѣевъ I 97в; Фадѣи, Фадѣя I 51в, II 30б; фарисѣи, фарисѣомъ, фарисѣиска, фарисѣисти I 2а, 4а, 12г... 51 случай; II 29б, 31в, 33в, 34в (2), III 78в (2), 78г (3), 79а... 15 случаев; IV 116а, 119а, 126а... 7 случаев; кроме того, встретились две описки (пропуски букв): фарѣи I 102а, фарии I 102а; фарѣсѣи III 78в может и не быть опиской; хананѣиска I 64а.

Поскольку исследуемый нами список евангелия не является непосредственным переводом с греческого, приведенные выше слова не могут представлять интереса с точки зрения соответствия их написания греческим параллелям. Поэтому нас не может интересовать, всегда ли буква *ѣ* в нашем памятнике соответствует греческому дифтонгу αι или в отдельных случаях (и они встречаются) буква *ѣ* стоит в соответствии греческим ε, η. Представляет интерес лишь последовательность употреб-

ления буквы ѣ в написаниях одного и того же слова или отсутствие последовательности.

Как показывает материал, одно и то же греческое слово в отдельных случаях передается писцами то с буквой ѣ, то с буквами *е* или *и*. Например, таковы слова: *параскевгия*, *галелѣя*, в которых отмечены буквы ѣ, *е*, *и*. Слово *кесарь* отмечено в написании с ѣ и *е* в первом слоге слова.

Эти случаи наряду с другими представляют косвенные показания для суждения о произношении звука, обозначаемого буквой ѣ (см. ниже).

Буква ѣ на месте этимологических «е», «и». Кроме отмеченных выше случаев употребления буквы ѣ на месте этимологических «е», «и», встретились следующие случаи подобной замены.

Буква ѣ в соответствии с этимологическим «е» отмечена в слове: въ скоудѣлници I 110в при этимологически правильном: въ скоуделници I 105в, IV 132а. Это слово, как не свойственное обыденному языку писцов, должно быть отведено при выяснении вопроса о качестве звука, обозначаемого буквой ѣ.

У III писца, как уже отмечалось, встречается написание буквы *е* вместо ѣ в глаголе *видѣти* и его формах: видети III 82в; видехомъ III 94б; видевъ же III 114а; видевы III 83б.

Следующие три написания рассматриваются нами как описки: претѣрпѣвыи I 102в; набѣлѣна I 50б; будетѣ двѣ III 86б.

Выводы. Правильное различение на письме букв ѣ, *е* и *и* в соответствии с этимологией указывает на то, что в галичском говоре середины XIV в. существовал особый звук, обозначаемый буквой ѣ. В положении под ударением и в предударных слогах как перед твердыми, так и перед мягкими согласными он отличался от звуков, обозначаемых буквами *е*, *и*. Наиболее показательная категория — корни слов, — менее всего поддающаяся влиянию аналогии, указывает на то, что ѣ пишется последовательно в соответствии с этимологией: 1) в положении под ударением перед твердыми согласными (бесѣда, бѣдноу, бѣлъ, бѣсъ, вѣдыи, заповѣда, вѣкъ, вѣра, гнѣвъ, дѣло, желѣзо, колѣна, крѣпокъ, олѣвоую, влѣзъ, лѣто, мѣроу, мѣсто и др.); 2) в положении под ударением перед мягкими согласными (болѣзни, болѣзньнии, бѣсится, вѣсть, вѣдяще, свѣсиша, вѣтви, грѣяся, дѣите, дѣти, клѣти, колѣни, коупѣль, сѣмя и др.); 3) в предударных слогах (первом и втором) перед твердыми согласными (обѣтованье, гнѣздо, въздрѣмаша, прежесѣдания, оусѣкновенье, посѣкають и др.); 4) в предударных слогах перед мягкими согласными (в бѣдѣ, блговѣстить, възвѣстить, вѣнець, обѣщания, завѣща, възгнѣтившимъ, раздѣляюще, лѣнивыи, вмѣстити, свѣщаша, сѣдѣти, ицѣлѣеть и др.).

В соответствии с этимологией под ударением и в предударном слоге независимо от качества следующего согласного употребляется буква ѣ в основах инфинитива глаголов III и IV классов, в суффиксах сравнительной степени.

Случаи взаимной мены букв *ѣ*—*е*, когда соответствующий звук находится под ударением, имеющие место в рукописи, относятся, главным образом, к церковнокнижным словам и формам, а также к некоторым лексемам не церковнокнижного происхождения (например, *свѣдительство*). Кроме того, случаи взаимной мены букв *ѣ*—*и* встречаются в отдельных категориях: в повелительном наклонении, в некоторых падежных окончаниях мягкой разновидности имен существительных «о-» и «а-» основ, а также основ на согласные, в которых они объясняются определенными морфологическими процессами.

В предударных слогах первом и втором (в последнем случае материала мало) отклонения в написаниях также относятся за счет церковнокнижной лексики и отдельных лексем, в отношении которых могли возникать ассоциации ложной этимологии.

Что касается заударного положения, то в нем можно предполагать процессы, благодаря которым звуки, обозначаемые буквами *ѣ* и *е*, оказались близкими в акустическом и физиологическом отношениях.

Материал, относящийся к заударному положению, не велик по объему. Падежные окончания существительных и личные окончания глаголов, в которых буква *ѣ* употребляется вместо буквы *е*, должны быть отведены, поскольку в них наблюдается особенно сильное влияние морфологической аналогии. Среди основ с буквой *ѣ* правильно употреблено слово *первѣнца*. В суффиксах отмечен ряд написаний *е* вместо *ѣ*: гибель, обитель, видети, видевъ, видехомъ, а также *и*: обидилъ (если последний случай — не описка). Отмечена сравнительная форма *первие* с заударным *и* вместо *ѣ*. Кроме того, встречается наречие *ныня* с буквой ѧ на конце при более частом *нынѣ* и наречие *поне* с конечным *е*.

Этот материал позволяет полагать, что в заударном положении звук, произносившийся на месте этимологического «ѣ», и звук [е] были близки, а возможно, и совпадали в произношении писцов Галичского евангелия (и особенно III писца, за счет которого относится бóльшая часть написаний с буквой *е*), причем в конечном открытом слоге можно предполагать более открытое образование рассматриваемого гласного звука.

Вывод о том, что в галичском говоре середины XIV в. существовала особая фонема, обозначаемая на письме буквой *ѣ*, не противоречит показаниям других памятников, написанных в северо-восточной части Ростово-Суздальской Руси. Таковы Лаврентьевская летопись[44], Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку, («... в произношении писцэ *ѣ* являлось звуком, отличным от *е* только в словах живого языка, и буквы *ѣ* и *е* употреблялись в них не только на основании графических традиций...»)[45], и отчасти Переяславское евангелие 1354 г. («*ѣ* и *е* в говоре

---

[44] См. Н. П. Некрасов. О языке Повести временных лет по Лаврентьевскому списку. «Сб. ОРЯС», т. 65, № 4, 1897, стр. 58—60, 68—70.

[45] В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку..., стр. 32.

рассматриваемого памятника в положении перед мягкими согласными, по-видимому, не различались... Говорить о совпадении *е* и *ѣ* в положении перед твердым согласным мы не имеем оснований»[46], однако в положении перед мягкими согласными и в безударном положении есть случаи мены *ѣ*, *е*, *и*)[47]. Московское евангелие 1358 г. указывает на последовательное различение во всех слогах по отношению к ударению, кроме конечного открытого, «ě» (*ѣ*) и остальных гласных неверхнего подъема, в том числе и перед мягкими согласными[48].

Таким образом, памятники, написанные в XIII—XIV вв. на территории центра Ростово-Суздальской Руси, представляют собой сравнительное единство в отражении на письме звука, обозначаемого буквой *ѣ*.

Однако сказать, что гласный звук, обозначаемый буквой *ѣ*, отличался от звуков [е] и [и] и был противопоставлен им в своем употреблении, — мало. Важно определить качество этого звука, что трудно сделать на материале памятника, в котором нет отклонений от этимологически правильных написаний.

Известно, что в древнерусских говорах на месте этимологического «ě» произносился звук [ê] либо [ие͡].

Современные говоры Галичского и прилегающих районов, насколько о них можно судить по материалам, собранным для Диалектологического атласа русского языка Ярославским педагогическим институтом и Галичским учительским институтом, в основном на месте старого [ê] [ие͡] имеют [е] в положении под ударением как перед твердым, так и перед мягким согласным. Однако в положении перед твердым согласным и на конце слова в д. Филино Антроповского района отмечено закрытое произношение [ê], близкое к [и]: хлип («реже» — пометка лиц, собиравших материал), сêно («реже»); в д. Луковцино Чухломского района: на столê; в д. Фотьяново Галичского района: «Под ударением вместо *е* (на месте старого *ѣ*) произносится гласный, средний между *е* и *и* (*ê*): а) перед твердыми согласными: хлêб, лêс, мêсто, дêло, сêно, свêт, нêт, бêлый, сêрый, полêно, запêл, йêхать...; б) на конце слов: на столê, к женê, на землê, на рукê, гдê; в дательном и предложном падежах употребляется форма: мнê, тебê».

В положении перед мягкими согласными в целом ряде населенных пунктов отмечено произношение звука, близкого к [и], который должен был в свое время образоваться из особого звука. Так, в говоре д. Матвеевское Ореховского района, по которому представлены заслуживающие доверия материалы, наряду с [е] перед мягкими согласными отмечено [и] л'и́с'енка, л'и́с'н'ица, с л'и́сн'ицей, на л'и́с'енк'е, за р'и́чкой, коло

---

[46] П. С. Кузнецов. К исторической фонетике Ростово-Суздальских говоров..., стр. 138.

[47] Там же, стр. 138, 140.

[48] О. А. Князевская. К исторической фонетике русского языка в Московской Руси середины XIV в. ..., стр. 11—12.

р'и́ч'к'и, п'и́с'енок, в'и́н'ик'и, кл'ит', зас'и́йот, зд'и́с', зд'и́с'а, пойи́с'. В следующих деревнях наряду с произношением [е] перед твердыми и перед мягкими согласными отмечено произношение [и] перед мягкими согласными в отдельных словах: в д. Богчино и д. Даниловское Галичского района, д. Коптево Ореховского района: з'д'и́с', йис'(т'); в д. Помчище Антроповского района и д. Михалёво Чухломского района: йис'(т'); в д. Кузёмино Галичского района: витёр, ми́сец, ись, си́еть; в д. Иваньково Галичского района: писня, виник, здись, мидь, си́ять, ись, недиля; в д. Дор Сусанинского района: писня, мисяц, виник, здись, си́ять, йисть; в д. Красново Ореховсого района: си́еть; в д. Ожегино того же района: писня, йисть; в д. Шувакино Антроповского района: си́ять, ись, писни.

Не всем современным галичским говорам свойственна особая фонема на месте этимологического «ѣ». Так, в материалах по говорам деревень Житково, Михайловское, Дыхолово, Козино Галичского района отмечен звук [е] на месте этимологического «ѣ» под ударением, как в положении перед твердыми, так и перед мягкими согласными и на конце слова. По нашим наблюдениям, говоры, не знающие особой фонемы в соответствии с этимологическим «ѣ», находятся также на северном берегу Галичского озера. Это говоры деревень, в конце XIX и начале XX в. тесно связанных с Петербургом, куда на отхожие промыслы уходило почти все взрослое мужское населе́ние.

Говоры населенных пунктов Галичского райо́на, отдаленных от Галича, нам не удалось наблюдать. Однако приведенный выше материал дает все основания предполагать закрытый характер звука, встречающегося на месте этимологического «ѣ», перед твердыми согласными (см. выше материалы по деревням Филино и Фотьяново), а также широко распространенную близость этого звука со звуком [и] в положении под ударением перед мягким согласным.

При сопоставлении данных исследуемого памятника и данных современной диалектологии целесообразно произвести и более широкое сопоставление, именно — сопоставление с данными по Костромской области в целом. Это диктуется тем, что в северную часть современного Галичского района и прилегающие территории после XIV в. переселилось население с акающими говорами («Чухломской акающий остров»). Переселенцы могли изменить старые отношения, существующие на территории Галича и прилегающих районов[49]. Данные же по Костромской области свидетельствуют о наличии особой фонемы [ê] или [и͡е] и в современных говорах. Совокупность данных современной диалектологии и материалов исследуемого памятника позволяет с еще большей уверенностью утверждать существование особого звука на месте этимологического «ѣ» под ударением в положении перед твердыми согласными, на

[49] Не говоря уже о том, что сопоставляя данные XIV в. с данными XX в., надо учитывать возможность последующих изменений.

конце слова и перед мягкими согласными. Этот звук в говоре писцов произносился, по-видимому, как [ê]. Он представлял особую фонему и писцы хорошо отличали его как от звука [е], так и от звука [и], произносимых на месте этимологических «е», «и».

Указанная выше мена букв *ѣ*, *е*, *и* в отдельных книжных словах и заимствованных именах собственных также указывает на характер образования звука, обозначаемого буквой *ѣ*, — средний между [е] и [и], т. е. типа [ê].

Рассмотренный выше материал позволяет также говорить об утрате закрытого характера [ê] и, следовательно, о совпадении этого звука с [е] в заударном положении.

О существовании особого звука на месте этимологического «ě» в галичском говоре середины XIV в. и о характере его произношения как [ê] свидетельствует также запись, сделанная на л. 27б Галичского евангелия 1357 г. в середине XVI в. (эта запись приведена выше, на стр. 42 настоящей работы). Отдельные написания этой записи указывают, что в положении под ударением перед мягкими согласными в галичском говоре середины XVI в. на месте этимологического «ě» произносился очень закрытый звук, близкий к [и] или полностью совпадающий с [и], см. написания: рылиевъ, матвиевъ. В положении под ударением перед твердым согласным это был особый звук. Он обозначен писцом буквой *ѣ* (лѣта). Этот же звук отмечен во флексиях (стоженцѣ, николѣ). Можно полагать, что в положении не перед мягкими согласными этот звук имел более открытый характер, т. е. отличался от [и] и произносился как [ê].

Таким образом, данные записи середины XVI в. (1563 г.) подтверждают положение о существовании особой фонемы [ê] на месте этимологического «ě» в галичском говоре в середине XIV в.

3. Вопрос об [ô].

Исследование языка Галичского евангелия 1357 г. не дает указаний о наличии особого звука [ô] или отсутствии его в говоре писцов. В рукописи не употребляется знак каморы (ˆ) над *о*, нет случаев мены букв *о* и *у*, нет случаев мены *о* и ъ, которые могли бы дать материал по этому вопросу (например, если бы мена ъ и *о* наблюдалась только на месте [о], а отсутствие мены на месте [ô]).

Однако, как показывают карты Атласа русских говоров центральных областей к востоку от Москвы, наличие в говорах фонемы [ê] на месте этимологического «ě» во многих случаях сопровождается наличием особого звука [ô] на месте старого «ô» под восходящим ударением.

В современных говорах Галичского и прилегающих районов по данным, полученным Ярославским педагогическим институтом, также отмечено наличие особого звука на месте старого «ô» под восходящим уда-

рением. Однако материалы эти немногочисленны, что может объясняться особой трудностью восприятия этого звука малоподготовленными лицами.

В населенных пунктах Матвеевское, Ожегино, Коптево, Луковцино, Филино, Богчино, Житково, Михайловское, Куземино, Иваньково, Дыхолово, Даниловское, Козино нет указаний на наличие особого звука на месте старого «ô» под восходящим ударением.

В д. Фотьяново отмечено: «Под ударением вместо обычного *о* произносится звук, средний между *о* и *у* (ô): вôля, корôва, ворôта, сорôка, дорôга, болôто, высôкий, ширôкий, старикôв, домôв, селô, весло, ведрô, стенôй, женôй, в сырôй, к больнôй, к слепôй». Принимая во внимание эти сведения, а также то, что звук [ô] ([у͡о]) часто сопутствует звуку [ê] в русских говорах, можно предполагать и в говоре писцов Галичского евангелия наличие особого гласного [ô] (или дифтонга [у͡о]), но утверждать это определенно материал памятника не позволяет.

4. Об изменении [е] в [о] перед твердыми согласными

В Галичском евангелии встретились лишь единичные случаи написаний буквы *о* вместо *е* в положении под ударением перед твердым согласным: рожоное I 3г; лжомъ свѣдителемъ IV 137в, 144г; оц҃мь I 21 в. Последний пример является формой творительного падежа единственного числа, в которой произошло отвердение конечного [м] (что нашло отражение в памятнике, см. ниже), и, таким образом, в нем [о] закономерно появляется в соответствующих фонетических условиях Однако пример этот, по-видимому, показался А. И. Соболевскому недостаточно надежным (если только он не ошибочно пропустил его)[50], может быть, вследствие того, что в данном случае буква *о* является выносной.

Незначительное количество представленных в памятнике примеров, иллюстрирующих переход [е] в [о], вряд ли свидетельствует об отсутствии последовательного изменения [е] в [о], в указанном положении в говоре писцов. При рассмотрении соответствующего материала следует иметь в виду, что в тех случаях, когда гласному, о котором идет речь, предшествовали согласные парные по твердости и мягкости, у писцов не было средств для обозначения и мягкости согласного и одновременно изменения [е] в [о]. Писцы должны были либо писать букву *о* и тем самым отказаться от отражения на письме мягкости согласного, либо писать букву *е*, показывая тем самым мягкость согласного, но игнорируя при этом изменение [е] в [о]. А. И. Соболевский так характеризует это обстоятельство: «Древнерусские писцы не умели передавать *о* после этих согласных (точно так же, как не умеем передавать и мы), и поэтому, если решались изображать *о*, должны были или прибегать к какому-либо особому способу изображения этого *о*, или отказаться от изображения мягкости согласного»[51].

[50] См. А. И. Соболевский. Лекции..., стр. 61.

[51] Там же.

Переписчики древних русских рукописей предпочитали не отражать на письме переход [е] в [о], и писали букву *е*. Однако есть сравнительно редкие случаи, когда писцы поступали иначе. Об этом свидетельствуют, например, написания *возмоть*, *померкноть* в Переяславском евангелии 1354 г.[52], написания *нобомъ*, *берости* и *Потра* в новгородских берестяных грамотах № 10, 27, 56, открытых А. В. Арциховским[53], и в других памятниках.

В положении после согласных непарных по твердости—мягкости, т. е. практически после шипящих и [ц], писцы чаще показывали переход [е] в [о], так как обозначать мягкость непарного согласного не было необходимым. Отсюда вытекает возможность написаний, подобных приведенным выше: рожоное, лжомъ, оц(о)мь. Однако в большинстве подобных случаев писцы Галичского евангелия писали согласно традиции и, по-видимому, согласно нормам церковного произношения букву *е*. Таковы, например: роженое I 3г(2), 4б(2), 4в, 14а, 18г, II 32г и др.

В корневых морфемах в исследуемой рукописи постоянно пишется буква *е* в положении после шипящих перед твердым согласным под ударением, например: женъ, шелъ, шедъ, пчелъ, вжегъ и др. Это подтверждает гипотезу И. В. Ягича о том, что первоначально изменение [е] в [о] происходило во флексиях и только позднее, не раньше XIV в., начался переход [е] в [о] в корневых морфемах. «В окончаниях падежей, иногда даже лиц, примеры сочетаний *жо*, *що*, *цо* уже с конца XII столетия не редкость, и они не ограничиваются какою-либо одною местностью или областью языка, а встречаются повсюду, как в памятниках южно- и западнорусских, так и северных (хотя в последних примеров все-таки, кажется, меньше)»[54].

Представленные единичные написания, отражающие переход [е] в [о] после согласных непарных по твердости—мягкости в некорневых морфемах, дают основание полагать, что в обыденном разговорном языке писцов Галичского евангелия 1357 г., во всяком случае в некорневых морфемах, уже совершился процесс изменения [е] в [о] в положении под ударением перед твердыми согласными, поскольку в некорневых морфемах и особенно падежных флексиях имен должно было иметь место сильное влияние аналогии со стороны старой твердой разновидности. Лишь церковнокнижное произношение и сложившиеся нормы орфографии помешали более последовательному отражению на письме этого явления.

---

[52] П. С. Кузнецов. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров... стр. 135.

[53] А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте. М., Изд-во АН СССР, 1953, стр. 10; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.), М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 29, 56.

[54] И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка. СПб., 1889, стр. 36.

Что касается корневых морфем, то в них, по-видимому, тоже уже мог быть фонетический процесс перехода [е] в [о] под ударением перед твердым согласным. Слабое отражение его на письме объясняется тем, что во-первых, в корнях легко было проверить наличие [е] на чередованиях [о] || [е] в ударенном и безударном положениях, во-вторых, потому, что писцы могли легко запомнить правило, по которому после букв шипящих и *ц* следует писать *е*, но не *о*, что и нашло отражение в подавляющем большинстве написаний (последнее, впрочем, относится и к некорневым морфемам). Именно так обстоит дело в исследуемом нами памятнике.

5. Об изменении ударенного [а] между мягкими согласными в [е]

В отличие от [ô] и ['о], которые писцы не имели возможности отразить на письме, изменение [а] в [е] может быть отражено на письме: если это явление свойственно говору писцов, оно должно выразиться на письме в мене букв *а* и *е* на месте этимологического «а» между мягкими согласными (как из «а», так и из «ѧ»).

Относящийся сюда материал нашей рукописи однообразен. Написаний, показывающих отклонение от этимологии, почти нет. Встретилось лишь написание *самарене* I 15б, которое может быть и опиской. Это не позволяет сделать вывод об изменении [а] в [е] в положении между мягкими согласными в говоре писцов исследуемой рукописи. В противном случае наш материал представлял бы для памятников Ростово-Суздальской Руси древнейшее указание на переход [а] в [е].

Современные говоры Галичского и прилегающих районов знают изменение ударенного [а] в положении между мягкими согласными в звук более переднего ряда, более верхнего подъема и более закрытый.

Отсутствие материала, указывающего на изменение [а] в [е] между мягкими согласными, в исследуемом памятнике свидетельствует о том, что этот процесс был пережит галичскими говорами после XIV в.

6. О звуках [и]—[ы]

Соотношение [и]—[ы]. В рассматриваемом памятнике звуки [и] и [ы], по-видимому, функционально объединились и были уже в тех отношениях, которые характерны для современного русского языка: наличие [ы] или [и] стало обусловливаться твердостью или мягкостью предшествующего согласного. Звук [ы] мог быть только после твердых согласных, звук [и] только после мягких согласных и в начале слова (если он сохранялся). В положении после приставок, оканчивающихся на твердый согласный, [и] заменяется [ы], что нашло отражение в написаниях взыграите I 68б; въ|зыграся IV 172г; възы|грася IV 173а.

Замена начального *и* буквой *ы* после букв, обозначающих твердые согласные предлогов-приставок, отмечена и в других рукописях, написанных на территории Ростово-Суздальской Руси. Так, в Суздальской

летописи по Лаврентьевскому списку отмечены: с ыною дружиною, в ыно(м) дворѣ, михалко с ывано(м)[55].

Таким образом, буква *ы* употребляется только после твердых парных согласных. После согласных, не парных по твердости и мягкости, последовательно употребляется буква *и*. Следовательно, в языке писцов Галичского евангелия 1357 г. [и] и [ы] не употреблялись в тождественных условиях и замещали друг друга в зависимости от качества предыдущего согласного.

Начальный [и] после гласного. Написания исследуемого памятника дают некоторый материал, свидетельствующий о редукции начального неударенного [и] в положении после гласных предшествующего слова: июда скариодьскы I 105в, 106г; прозываемого скариота I 92а; и юдинъ. и симоновъ I 56г; и. скопа в немъ тескъ I 82г. В последнем случае в рукописи после *и* стоит знак препинания — точка. Этот случай можно рассматривать не только как указание на редукцию [и] в слове *ископа* (как и в других древних памятниках), но и как результат отпадения начального [в] ([w]) перед согласными в живом говоре писцов. В остальных случаях безусловно отпадение начального [и].

7. Безударные гласные неверхнего подъема после твердых согласных

Этимологические гласные «а» и «о» последовательно различаются всеми писцами Галичского евангелия 1357 г. как в первом предударном слоге, так и во втором предударном и заударных слогах.

Встретились лишь такие три случая мены *а* и *о* в первом предударном слоге: 1) облачашеся I 75б, в этом случае начальное *о* переправлено из *а*; 2) въстаяи I 5б (в О. е.: въстоѧи); 3) разаряеть IV 153б, при: разоряеть IV 149а, в тексте с тем же содержанием.

Все эти случаи, если они и не являются описками, все же не могут служить достоверным материалом при решении вопроса о наличии неразличения [о] и [а] в предударном слоге в говоре писцов, тем более, что последние два примера можно рассматривать как образовавшиеся путем чередования гласных [о] || [а] в основе, типа *носити—нашати*, *возити—важати* и т. д., или по аналогии с такими чередованиями.

Кроме указанных примеров, встретилось написание: моломощныя III 83в, которое является, по-видимому, опиской.

Единичное написание *о* вместо *а* в слове *даже*: доже и доселѣ I 62в, — где буква *о* написана на месте [а] ударенного, не может быть обусловлено фонетикой слова.

Вывод об оканье в языке писцов Галичского евангелия 1357 г. подтверждается и данными современной диалектологии. Современные галичские говоры являются в основном окающими, лишь на севере они

[55] В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи. . ., стр. 40.

соприкасаются с «Чухломским акающим островом». Появление аканья на этой территории — явление позднее, возникшее едва ли ранее начала XVII в.[56]

Для суждения о сохранении и произношении звука [о] во втором предударном и заударных слогах рукопись дает однородный материал: во всех положениях в соответствии с этимологией пишутся буквы *о*, *а*, *ы*.

Некоторые процессы сближения безударных гласных после мягких согласных (см. ниже) не противоречат наличию оканья в заударных слогах в северных говорах. Можно предполагать заударное оканье и для нашего памятника.

8. Безударные гласные неверхнего подъема после мягких согласных

Первый предударный слог. Выше был приведен материал памятника, характеризующий сохранение фонемы [ê][57] и произношение на ее месте особого звука в предударном положении как перед твердыми, так и перед мягкими согласными.

Гласный [е] (из «е» и «ь») последовательно как в положении перед твердым, так и перед мягким согласным передается буквой *е*. Звук [а] после мягких согласных независимо от этимологии (т. е. как из «ę», так и из «'а») передается буквами ѧ, ꙗ (последняя буква употребляется после согласного [j]). Это говорит о различении в говоре писцов Галичского евангелия трех гласных неверхнего подъема в положении после мягких согласных. Как показывает материал, окружение шипящими в данном случае значения не имеет.

На материале нашего памятника мы, однако, имеем возможность лишь констатировать различие трех гласных неверхнего подъема после мягких согласных в предударном положении. Определить качество звуков, обозначаемых буквами ѣ и *е*, в этих случаях нельзя. Можно предполагать, что различие между звуками, обозначаемыми буквами ѣ, *е*, в предударном положении идентично их различию в ударенном положении, а именно: там, где писцы пишут букву ѣ, они произносят [ê], там же, где пишут *е* (т. е. на месте этимологических «е», «ь»), произносят [е] открытое. Однако данные современной диалектологии допускают возможность изменения гласного [е] в [о] перед твердым согласным в предударном слоге и в других неударных слогах, как это имеет место в современных владимирско-поволжских и вологодско-вятских группах севернорусских говоров, в том числе и в галичских говорах. Гласный [ê] при этом

---

[56] См. Н. Н. Виноградов. Причины и время возникновения аканья в Чухломском крае. «Изв. ОРЯС», 1917, т. XXII, кн. 2, стр. 16.

[57] В единично встретившихся написаниях знамянавше IV 151в, 154в, во времяна I 53а можно видеть влияние формы именительного падежа единственного числа, хотя можно полагать, что это влияние могло осуществляться только при наличии некоторой редукции неударного гласного [е].

в предударном положении мог либо терять закрытый характер своего образования и становиться более открытым, либо сохранять его. В том и другом случае он должен был отличаться от гласного [е] (на месте этимологических «е», «ь»), если последний изменился в гласный [о]. Если же изменения [е] в [о] не было, то, видимо, [ê] свое качество сохранял. Об этом свидетельствует строго выдержанное с этимологической точки зрения различение букв *ѣ* и *е* в предударном слоге в написаниях исследуемого памятника.

Таким образом, на основании последовательного с этимологической точки зрения употребления на письме букв *е*, *ѣ* можно лишь указать на различение физиологической и акустической характеристики этих звуков в говоре писцов, но не на то или иное качество этих звуков. Вопрос о качестве их остается открытым. Можно утверждать лишь, что во всяком случае [ê] в предударном слоге перед твердым согласным в галичском говоре в середине XIV в. еще не изменился в [о], поскольку это изменение могло произойти лишь после изменения [е] (из «е», «ь») в ['о]́ в аналогичном положении. Последнее означало бы совпадение [ê] и [е] в одном звуке, что неизбежно должно было бы найти отражение на письме в мене букв *ѣ*, *е* в предударных слогах, чего в действительности в рассматриваемом нами памятнике нет.

Второй предударный слог. Можно предполагать, что во втором предударном слоге гласные [е], [ê], [а] после мягких согласных подвергались редукции. Предположение это делается на том основании, что гласный [и] во втором предударном подвергался редукции. Это нашло отражение в написаниях буквы *и* в одних случаях и буквы *ь* в других случаях в слове *генисаретьскии*: геньсаретьскоу I 45в; геньсаритьскоу I 36а, 39б; но: генисаретьскоу I 58б; генисаритьстѣ I 66б. Однако степень редукции звуков [е], [ê], [а], [и] была незначительной, эти гласные не теряли своего основного качества и оставались противопоставленными один другому. На это указывает почти полное отсутствие мены соответствующих букв на письме.

Заударные слоги. В Галичском евангелии 1357 г. имеется некоторый материал, свидетельствующий о неразличении заударных [е] и [ê] (см. выше), которое указывает на открытое образование звука [ê] в заударном конечном открытом слоге.

В заударном положении [е] передается написаниями буквы *а* и буквы *и* в конечном открытом слоге и буквы *и* в неконечных заударных слогах. Ниже приводится материал, иллюстрирующий это обстоятельство, причем приводятся только отклонения от этимологически правильных написаний.

1. Буква *а* вместо *е* в заударном конечном открытом слоге: больша (им. п. мн. ч. м. р.) I 21б; горша (боудеть послѣдняя... горша первыхъ) II 35б; легчая II 33б; издалеча I 54в, 60г, 75в, 92г, 102а, 108г, 112а, III 114а, IV 137в, 150в; отдалеча I 107б; при: далече I 36а, 104а и др., издалече I 101а.

Приведенное написание *издалеча* (как и *отдалеча*) не имеет большой показательной силы, так как в этом случае можно видеть влияние приставки *из-*, которая позволяла рассматривать это слово как форму родительного падежа; во всяком случае в этом написании могло проявиться влияние родительного падежа.

Также отводим написания: знамянье IV 123а(2), 124а, при: знаменье I 4г, 5г, 6б...24 случая; II 34г, 35а(3), III 76г, 78а(4), 91в, 93а(3), IV 137а, 155г, 166а, 172б, в которых сказывается влияние формы именительного падежа единственного числа (хотя можно думать, что это влияние могло проявляться только там, где соответствующий гласный подвергался некоторой редукции).

2. Мена букв *е*, *и* в заударных слогах: боли (ср. р.) I 17в, при обычном: боле; отимиться IV 159б; кораблецемъ IV 157г (если в последнем случае не отразилось образование [ец] из «ьц»). Часто встречается взаимная мена букв *е*, *и* в именительном падеже множественного числа причастий как в формах мужского, так и женского рода. Так, в одном и том же тексте пишется: глющи (им. п. ж. р.) IV 138а, но: глюще IV 145б; приступльше IV 145б, но: приступльши IV 138а; в именительном падеже множественного числа мужского рода пишется: пришедши IV 160в; покывающи IV 148в, а в женском роде — зряще IV 150б. Наряду с этими написаниями имеются и написания, соответствующие этимологии. Очевидно, в этом случае имеет место не фонетический, а морфологический процесс (поэтому не приводим весь относящийся сюда материал).

Взаимная мена букв *е*, *и* в конечном открытом слоге наблюдается также в падежных окончаниях существительных основ на согласные, например в именительном падеже множественного числа: жатели I 37в; тяжатели I 99а (возможно, что в этих примерах имеет значение мягкость конечного согласного основы и наличие соответствующего суффикса); при: самарене I 15б; ер(с)мь|ляне IV 169а и др.; в родительном падеже единственного числа отмечены: имени I 58в, 62б; племени I 38а, но: словесе I 36г, 60в и др. (характерно, что это же явление имеет место и в ударенном положении, ср.: съ нбсе I 46а, 47г, 62в, 64б, 98г(2), при: съ нбси I 40г, 49в и в родительном падеже единственного числа: телеси I 2г). Весь этот материал и остальной (бóльшая часть), который не приводится, характеризует лишь определенные морфемы, а не фонетическое положение и потому не подлежит рассмотрению в настоящей работе.

Таким образом, надежных случаев, показательных в фонетическом отношении, указывающих на более открытое образование [е] в заударном конечном открытом слоге, а также на близость звуков [е], [и] в заударном неконечном слоге, почти нет, а это лишает возможности сделать соответствующий вывод и скорее свидетельствует о том, что сближения рассмотренных гласных после мягких согласных и тем более совпадения их в заударных слогах, скорее, не было.

Глава III

ПРАВОПИСАНИЕ И КОНСОНАНТИЗМ

1. Звуки [ц], [ч]

В Галичском евангелии 1357 г., как и в других памятниках, написанных на территории Ростово-Суздальской земли, буквы *ц* и *ч* употребляются в соответствии с этимологией.

Написание домы вдовича I 103г вместо обычного в этом случае *домы вдовиць*, представленного в других памятниках, объясняется иным словоупотреблением: притяжательное прилагательное вместо существительного в родительном падеже. Сосуществование слов *оцѣщенье*, *оцѣсти* и других с корнем *цѣст-* в частях, написанных I и III писцами, и слов *очищенье*, *очищаите* и других с корнем *чист-* в частях, написанных II и IV писцами (см. стр. 40), к смешению звуков [ц] и [ч] отношения не имеет.

На основании отсутствия случаев мены *ц* и *ч* в написаниях памятника можно полагать, что цоканье не было свойственно говору писцов Галичского евангелия.

В современных галичских говорах нет данных, опровергающих показания нашего памятника об отсутствии неразличения звуков [ц] и [ч].

Вопрос о цоканье в памятниках, написанных на территории Ростово-Суздальской земли, подробно рассмотрен П. С. Кузнецовым в его работе о Переяславском евангелии 1354 г. «Цоканье, т. е. неразличение *ц* и *ч*, — пишет он, — скорее всего было свойственно тем древнерусским говорам, которые подверглись иноязычному влиянию или представляли собой говоры обрусевшего, но исконно нерусского населения... Древнейшие центры Ростово-Суздальской земли сложились именно на территории нецокающих говоров. Поэтому цоканье и не отразилось (или почти не отразилось) в древнейших Ростово-Суздальских памятниках»[58].

2. Губные [в] — [ф]

О звуке, обозначаемом буквами *ф* и *ѳ*. В Галичском евангелии буква *ф* (изредка *ѳ*) употребляется только в заимствованных словах, главным образом в именах собственных, встречающихся в евангельском тексте, а также в записи, где указано имя писца — Фофан.

Буквы *ф* и *ѳ* в таких случаях употребляются безразлично как для передачи греческой ϑ, так и φ. Это обстоятельство известно уже древнейшим русским памятникам письменности. Так, академик С. П. Обнорский уже в Минеях XI в.[59] обнаружил случаи употребления *ѳ* вместо *ф*

[58] П. С. Кузнецов. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров..., стр. 152, 153.

[59] С. П. Обнорский. Исследование о языке минеи за ноябрь 1097 г. «Изв. ОРЯС», т. XXIX, Л., 1925, стр. 173.

и несколько реже *ф* вместо *в* наряду с примерами правильной передачи греческих букв ϑ и φ. С течением времени дублетность букв *ф* и *в* в русских памятниках еще более усилилась.

Наш памятник в этом отношении исключения не составляет. Случаев мены букв *ф* и *х* в нем не встретилось. Не встретилось также и случаев употребления буквы *ф* вместо *в*.

Можно полагать, что писцы на месте *ф* произносили особый глухой фрикативный звук, вероятно, губно-зубной, но употреблялся он только в словах книжных, а в обыденной речи лишь в именах собственных, являющихся по происхождению также заимствованными.

О звуке, обозначаемом буквой *в*. В положении на конце слова и перед следующими глухими согласными в Галичском евангелии последовательно употребляется буква *в*, которая никогда в этих случаях не заменяется буквой *ф*. Однако сам по себе этот факт еще не указывает на то, что согласный [в] не оглушился в этом положении или что в результате оглушения [в] получался какой-то иной звук, который не совпадал со звуком, обозначаемым писцами буквой *ф*. Как мы увидим ниже, в этой рукописи вообще не встретилось написаний, отражающих оглушение конечных звонких согласных на конце самостоятельных слов. Кроме того, написания *ф + буква глухого согласного* или *ф* + ъ (или ь) на конце слов, употреблявшихся в живой речи, вообще отсутствовали в предшествующей письменности, что должно было сдерживающим образом влиять на орфографию писцов и мешать отражению оглушения [в] в [ф], если оно имело место. Поэтому только на основании отсутствия случаев взаимной мены *в* и *ф* нельзя утверждать, что соответствующие звуки отличались чем-то иным, кроме наличия и отсутствия голоса.

В положении перед звонкими согласными буква *в*, как и следовало ожидать, употребляется этимологически правильно; исключение представляет заимствованное слово, которое пишется как с *в*, так и с *оу*: левгинъ I 64в и леоугинъ I 64в. Эти написания свидетельствуют об акустической близости звуков, обозначаемых буквами *в* и *у* в говоре писца.

Написания *в* и *оу* перед буквами, обозначающими гласные, подтверждают правильность этого предположения.

1) Встретился случай написания предлога *въ* вместо *оу* перед буквой гласного [о]: видѣхъ въ о̄ца моего I 13 г.

2) В положении перед буквой гласного [у] буква *в* опускается. Эти случаи в основном относятся за счет заимствованных слов: вельзаоуломь I 51г, II 31а, 34в, 34г, III 76г (3), IV 162а; заоулонѣхъ IV 171б; кроме того, в заголовке чтения: Ваоулы IV 158г. Аналогичное положение отмечено в слове: бл̄говѣстують II 32в, если только оно представляет собой результат фонетического изменения, а не образование от глагола *благовѣстовати*. Опущение буквы *в* перед *у* в написаниях нашего памятника свидетельствует скорее о губно-губном образовании

звука [w] ([ў]) в говоре писцов, который в положении перед [у] ослаблялся и утрачивался.

3) В положении перед буквой нелабиализованного гласного [а] отмечено написание *оу*, ср.: иоуановъ I 5а, при обычном: иоанъ, иоаноу и др. и более редком: иванъ, ивановъ.

4) Буква *у*, как и в других памятниках, последовательно пишется в слове *евангелие* (еуа҃лие, еу҃а), употребляющемся главным образом в заголовках чтений.

Приведенный материал, хотя он очень мал по количеству и слаб в качественном отношении (он относится в значительной степени к именам собственным, которые могли быть так написаны уже в оригинале), все же, возможно, указывает на губно-губное образование губного звонкого фрикативного согласного. Может быть при этом, что в положении перед гласными нелабиализованными в говоре писцов уже наметилось изменение [w] в губно-зубное [в]. Об этом свидетельствуют встречающиеся написания *иванъ*, *ивановъ* при единичном *иоуанъ*, а также появление нового [в] в интервокальном положении в слове елевωньстѣи III 88б, при елеωньстѣи III 88а и в других случаях. Впрочем, написание буквы *в*, а не *оу* или *у* не обязательно указывает на произношение [в], а не [w], так как обозначать звук [w] буквами *у* или *оу* не было принято, ибо эти буквы обозначали гласный [у].

Наличие случаев взаимного смешения на письме букв *в* и *оу* в Галичском евангелии 1357 г., в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку (нооугородци, в нас вместо: у нас, вчинены вместо: оучинены, в оужеска вместо: оу оужеска[60]), в Московском евангелии 1358 г. (оустрѣтенье, оустани, а также часто в греческих именах)[61] колеблет положение Н. Н. Дурново о том, что будто бы «нет смешения „в“ и „оу“ и в памятниках суздальских и московских, поскольку они не списаны с южнорусских и западнорусских оригиналов»[62].

На основании отсутствия смешения букв *в* и *оу* в новгородских грамотах Н. Н. Дурново делает вывод о том, что в новгородском говоре общеславянские «в^{ъ}», «в^{ь}» не перешли в [у]. Так же, по-видимому, он считал и в отношении московских и суздальских говоров. С нашей точки зрения, случаи употребления на письме буквы *оу* вместо *в* и наоборот не должны непременно свидетельствовать об изменении [в] или [w] в [у]. При наличии написаний, указывающих на изменение [ву] (или [wy]) в [у] в каком-либо памятнике, случаи мены букв *в* и *у* в них могут служить лишь указанием на губно-губное произношение [w] в говоре писцов, но не на изменение [в] ([w]) в [у].

---

[60] В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи. . ., стр. 40.

[61] О. А. Князевская. К исторической фонетике русского языка в Московской Руси середины XIV в. (О языке Московского евангелия 1358 г.). М., 1952. Канд. дисс. (машинопись) стр. 204.

[62] Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка. М.—Л., 1924, стр. 175.

ИРЯ Институт русского языка www.ruslang.ru

Так же следует рассматривать и положение дел в Галичском евангелии 1357 г.: говору писцов, писавших его, было, видимо, свойственно губногубное образование звука [w].

3. Качество звука [г]

Буква *г* употребляется этимологически правильно всеми писцами во всех положениях в слове и в том числе также на конце слова, что может в равной степени свидетельствовать и о взрывном образовании [г] и о фрикативном — [γ].

Однако территория распространения [г] взрывного и данные современной диалектологии об образовании согласного [г] в галичских говорах и их широком окружении не оставляют сомнения в том, что и в говоре писцов Галичского евангелия [г] должно было быть взрывным.

Единичное написание оукроугъ III 93б, вместо обычного *оукроухъ* (κλάσμα) отражает, по-видимому, ложную этимологию писца, но не фрикативное произношение согласного в этом слове и во всяком случае не указывает на фрикативное образование фонемы [γ] как элемента фонетической системы.

4. Долгие шипящие

Долгий звонкий шипящий, полученный из древних сочетаний «zgj», «zg'» перед гласным переднего ряда и «zdj», в Галичском евангелии передается непоследовательно: в одних случаях согласно церковнославянской традиции через *жд*, в других через *ж*. Так, в слове *дождь* отмечено написание *жд*: дождь II 31в; одъждить I 27а, а в словах *ижденуть* и *рождье* написание *жд* чередуется с написанием *ж*: ижденоуть и другие формы I 26а, II 34б, III 79а, 82г, 91а, IV 141а, 155г; но: иженоу, иженеть, иженоуть I 9г, 10б, 10г, 17а, 60в, 110г, IV 118б, ижьноуть IV 140г; рождье I 22б, но: рожье IV 140а.

Вопрос о произношении на основании этих написаний решить трудно. Современные галичские говоры знают долгий звонкий твердый шипящий без взрыва и долгий звонкий мягкий шипящий без взрыва. На основании того, что в говоре писцов Галичского евангелия недолгие шипящие и [ц] были мягки (см. ниже), можно утверждать мягкость и долгих шипящих, так как долгие шипящие отвердевают в русских говорах (если отвердевают) позже отвердения [ж], [ш]. Таким образом, можно утверждать долготу, мягкость и звонкость рассматриваемого звука.

Однако важно установить также наличие или отсутствие взрывного элемента в образовании долгого звонкого шипящего. Для обозначения долгого звонкого шипящего на месте древнего сочетания «жьж» у писцов было средство: обычно они писали *жьж*, например: въжьженъ I 53в; зажьже I 56а, но наряду с такими написаниями отмечено и написание одного *ж*: сожеть IV 170а, в котором долгота согласного на письме не отражена.

Отсюда следует, что в Галичском евангелии для обозначения долгого согласного может употребляться и одна буква, т. е. долгота согласного не отражается специально на письме.

Это делает правомерным предположение о том, что в написаниях *рожье*, *иженуть* также отражен долгий согласный на месте звонкого мягкого шипящего. Написание сочетания *жд* в других случаях в тех же словах должно указывать, по-видимому, на наличие взрывного элемента в образовании долгого звонкого шипящего, но не на произношение жд[63].

Написание *жд*, соответствующее произношению [ж'д], встречается в памятнике на месте старых сочетаний «жьд» или «шьд», например: колиждо, комуждо, когождо, кождо, седмижды, дважды и др., при сосуществующих написаниях *жьд*: многажьды, колижьдо и др., отражающих то же произношение. Во всех этих случаях следует предполагать зубное образование [д], твердого перед гласными заднего ряда и мягкого перед гласными переднего ряда, и предшествующее ему мягкое [ж'].

Двоякая передача на письме долгого звонкого согласного в Галичском евангелии посредством *ж* и *жд* (если она не связана с произношением в отдельных лексемах [жд]) указывает на близость его к [ж'ж'], с одной стороны, и близость к сочетанию [ж'д] ([ж'д']), с другой стороны. Близость с первым состояла в том, что рассматриваемый звонкий шипящий был долгим мягким, как и тот звонкий шипящий, который образовался после падения редуцированных из существовавших до того времени сочетаний «жьж». Близость ко второму сказывается в наличии взрывного элемента в этимологическом долгом шипящем ([ж'д'ж']). Можно признать поэтому, что долгий звонкий шипящий в галичском говоре произносился мягко и с взрывным элементом, а именно [ж'д'ж'].

О месте образования взрыва по имеющимся написаниям судить еще более трудно, чем о способе образования. А. М. Селищев считал, что встречающееся в ряде севернорусских памятников написание *жг* передает палатальное сочетание [ж'д']: «Полагаю, — писал он, — что написанием *жг* передавалось палатальное сочетание $\check{z}d'$, с палатальным затвором, а не с фрикацией *j*; палатальное *d'* в акустическом отношении близко к *g'*(*z'*)»[64].

В Галичском евангелии написаний *жг* для передачи долгого звонкого шипящего не встретилось. Однако это может объясняться двоякими

---

[63] В связи с этим следует отметить, что нашему памятнику, как и другим древнерусским, написанным до второго южнославянского влияния, не была свойственна лексика с сочетанием [жд] на месте старого сочетания «dj»; в нем в соответствии с звуковой системой русского языка последовательно пишется в этих случаях буква *ж*, например: вожь, гражане, ноужа, ноужаста, одежа, чюжихъ, чюжахоуся, вижю, повѣжь, съгражю, жажю, обижю, соужю, расоужати, осоужати, троужаеши, хожаше, обихожаше, заблоужьшихъ, всаженоу, преже и др.

[64] А. М. Селищев. «Н. Дурново. Очерк истории русского языка. Москва, 1924, 276 стр.» — рецензия. «Изв. ОРЯС», т. XXXII и последний, 1927, стр. 324.

причинами: 1) тем, что в говоре писцов был фрикативный элемент в конце долгого звонкого согласного, и потому у писцов не сложилось традиции обозначать этот звук сочетанием *жг*; 2) тем, что в их говоре взрывной элемент в [ж'д'ж'] мог и не иметь нёбного образования.

Таким образом, в говоре писцов Галичского евангелия был долгий звонкий шипящий с взрывным элементом (место образования его точно мы определить не можем), который отличался от долгого шипящего, появившегося после падения редуцированных в определенных позиционных условиях из сочетаний «жьж», «сьж», «зьж», «съж», «зъж» способом образования (первый имел взрывной элемент, второй не имел его) и совпадал с ним в отношении мягкости и долготы.

Долгий глухой шипящий последовательно передается на письме всеми писцами посредством буквы *щ*. Эта буква употребляется не только для обозначения долгого шипящего на месте древнейших «skj», «sk'», «stj», но в ряде случаев и на месте звука из сочетания «tj» в церковнокнижных словах и некоторых словах обиходного языка. Однако в последнем случае сосуществуют и написания с буквой *ч*, например: очютять I 73г; очюти IV 163в; не ропчѣте I 9г; изо дчере I 60в; чужахоуся I 55а, 57а, 58а; вмечющема II 29г и др.

Буква *щ* обозначала, по-видимому, звук [ш'ч']. На такое именно произношение долгого глухого шипящего в говоре писцов указывают прежде всего имеющиеся случаи написания буквы *щ* на месте сочетаний «зч» («сч») на стыке морфем: ищрева I 48г, 113г, IV 175б; бещада III 90в; ищадья IV 168в, 169в; ищтени II 31б; ищьтени IV 162б; ращтѣть III 83г; ищистишася I 92г (2); бесщести I 38г (при: безъ чьсти I 56 и др.). Их можно было бы рассматривать и как копии с более древних южнославянских списков, в которых написания *щ* или *шт* отражали ассимиляцию [с] (из [з] > [с]) и [ч] на стыке приставок *из*, *без*, *раз* и [ч] корня еще до процесса падения редуцированных. К таким написаниям, например, относятся в Мариинском евангелии бещьстъна 163.4; ищистити 21.20—21; ищистисѧ 21.22; ищистишѧ 276.24; ищѧдьѣ 85.28; иштьтени 253.3; ишътени 32.16; иштистити 119 15—16[65] и др.

Однако полагать, что все встретившиеся написания буквы *щ* на месте „с+ч“ на стыках морфем обязаны своим существованием только южнославянским протооригиналам, нет оснований. В течение нескольких столетий бытования евангельского текста на Руси в многочисленных списках неэтимологические написания должны были бы быть утрачены и восстановлено написание по основному виду корня, как было сделано, например, в отношении целого ряда предлогов-приставок. Сосуществование написаний *щ* и *сч* также говорит о том, что написание *щ* поддерживалось живым произношением писцов. Поэтому можно

[65] Материал приводится по изданию И. В. Ягича, первая цифра означает страницу, вторая строку.

считать, что буквой *щ* писцы обозначали долгий глухой шипящий мягкий[66] с взрывной артикуляцией.

В современных галичских говорах наряду с произношением долгого глухого шипящего без взрыва (в одних случаях, он тверд, в других мягок, но это не имеет отношения к нашему рассуждению, так как отвердение, безусловно, процесс поздний) представлено произношение с взрывом. Произношение [ш'ч'] отмечено в населенных пунктах Богчино и Житково, расположенных вблизи Галича по направлению на восток, произношение [шч] — в д. Самылово (еще восточнее, но в пределах Галичского района); звук [ш'ч'] в слове *щи* отмечен в деревнях Михайловское, Иваньково Галичского района (направление на восток и юго-запад).

Полагаем, что утрата взрыва в согласном [ш'ч'] в части говоров Галичского района — явление более позднее, чем период создания Галичского евангелия 1357 г., и поэтому предположение о произношении звука, обозначаемого на письме буквой *щ*, как [ш'ч'] правильно.

Выше указывалось, что соответствующий долгий звонкий шипящий произносился также с взрывным элементом. Наличие взрывного элемента в артикуляции звонкого согласного обычно предполагает наличие взрыва и у соответствующего глухого, так как утрата взрыва легче осуществлялась у звонких, где он был более слабым, чем у глухих, имевших значительно более сильный взрывной элемент[67].

Материалы и карты Атласа русских говоров центральных областей к востоку от Москвы иллюстрируют это положение: в них отражено, что утрата взрыва скорее происходит в долгом звонком шипящем при сохранении его еще в течение некоторого времени в артикуляции глухого шипящего.

Выше мы видели, что для писцов Галичского евангелия 1357 г. можно предполагать произношение звонкого шипящего с взрывным элементом, тем более должен был сохранить его глухой долгий шипящий.

5. Мягкость шипящих и [ц]

В исследуемом памятнике нет достоверных указаний на отвердение шипящих и [ц], что является косвенным свидетельством в пользу сохранения шипящими и [ц] в говоре своей исконной мягкости.

На отвердение шипящих и [ц] могли бы указывать хотя бы единичные написания букв *ж*, *ш*, *щ*, *ц*, *ч* с последующими *ъ*, *ы*. Таких написаний не встретилось. Но и положительные показания в пользу сохранения шипящими и [ц] своей исконной мягкости, которыми могли бы считаться написания с буквой *ь* после соответствующих букв, не

[66] Согласный [ш'ч'] следует считать мягким по тем же основаниям, по которым выше мы говорили о мягкости [ж'д'ж'].

[67] Р. И. Аванесов. Долгие шипящие в русском языке. «Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ», 1948, в. 6, стр. 26.

могут быть признаны вполне убедительными, так как их можно объяснить как этимологические написания.

Лишь единичный случай, когда на конце строки после *ш* стоит буква старого редуцированного, не обусловленного этимологией, и этой буквой является ъ: помышь|ляющимъ IV 169г, — в некоторой степени является положительным свидетельством в пользу мягкости [ш']. Однако буква ъ и в этом случае могла появиться вследствие применения усвоенного писцами правила писать после *ш*, *ж* всегда букву ь, а не ъ.

В положении перед буквами согласных буква ь после шипящих и *ц* писцами Галичского евангелия употребляется непоследовательно. Однако отсутствие последовательности в отражении на письме мягкости предшествующего согласного в группе согласных проявляется не только в отношении шипящих, но и в отношении всех других согласных (см. ниже). «Следует иметь в виду, — писал А. И. Соболевский, — что старые русские писцы мало заботились об обозначении мягкости и твердости согласных в середине слов перед согласными, и даже в лучших московских рукописях XVII в. мы находим: волный, силный и др. (постоянно без ь после *л*)»[68]. Таково же положение и в исследуемой рукописи, в том числе и по отношению к шипящим, обозначать мягкость которых было еще менее необходимо вследствие отсутствия противопоставления их по твердости и мягкости.

Буква ь в группах согласных после *ж*, *ш*, *ч*, *ц* ставится или пропускается писцами произвольно. Так, в положении перед согласными наличие буквы ь в указанном окружении не зависит от твердости или мягкости следующего за шипящими или *ц* согласного.

Для изучения вопроса о мягкости—твердости шипящих и [ц] имеют значение не только сочетания соответствующих букв с буквами ь, ъ, но и с буквами, обозначающими гласные звуки.

Написания с последующей буквой *е* не показательны, поскольку в практике писцов не сложилось традиции употреблять букву ѥ вообще после согласных и в том числе после шипящих и *ц*. После согласных они употребляли только букву *е*.

Написаний с буквой *ы* вместо *и*, которые должны были бы свидетельствовать в пользу отвердения какого-либо шипящего или [ц], не встретилось, что является косвенным свидетельством в пользу мягкости их.

Написания с буквой *ю* являются традиционными, и потому они не показательны при суждении о твердости—мягкости шипящих и [ц], но показательны только написания с *оу* (*у*).

В положении после букв, обозначающих соответственно звуки [ч] и [ц] (дольше, чем [ж], [ш], сохранявших свою исходную мягкость), а также звук [щ], написаний буквы *оу* (*у*) не встретилось. Исключение составляет единичное написание *оу*: ощоутиша IV 127в. По всей вероятности, оно является опиской: под влиянием предшествующей буквы *о*

[68] А. И. Соболевский. Лекции. . ., стр. 115.

писец написал *оу*, начинающееся с буквы *о*. Если бы это написание не было похоже на описку, оно должно было бы свидетельствовать о начавшемся отвердении долгого глухого шипящего. Для обозначения гласного [у], находящегося в положении после [ж], встретилось дважды написание *оу* вместо обычного *ю*: моужоу II 31в (там же: моужю) и: моу|жоу IV 173б. Оба эти написания в еще большей степени внешне похожи на описки.

Буквы *а* и ѧ вследствие утраты носовых гласных в восточнославянских диалектах вступили в те же отношения в системе русской графики, что буквы *оу—ю*: после букв, обозначающих парные по твердости—мягкости согласные, буква *а* стала употребляться, если предшествующий согласный был твердым, буква ѧ — если он был мягким (буква ꙗ употреблялась после гласных и обозначала сочетание [ja]). Что касается употребления букв *а*, ѧ после букв шипящих и *ц*, то — ввиду непарности соответствующих согласных по твердости—мягкости, а также в связи с тем, что буквы *а*, ѧ обозначали в старославянском качественно различные гласные, — здесь определенной последовательности не сложилось. Вследствие этого написания букв шипящих и *ц* с буквой *а* в нашем памятнике не могут указывать на твердость согласного, хотя, впрочем, написания букв шипящих или *ц* с буквой ѧ скорее указывают на мягкость соответствующего согласного.

В нашем памятнике после *ш*, *ч*, *щ* последовательно пишется буква *а*. После *ж* встретилось единичное написание буквы ѧ: мрежѧ I 66б. После *ц* написания буквы ѧ представлены шире: къ овцѧмъ I 64а; нарѣцѧеть, нарѣцѧемыи I 5г, 18а, 58г (2), 70г, IV 175г; от смоковницѧ I 62г; цѧту III 89г; цвѣтцѧ (им. п. мн. ч.) III 81а; кюрицѧ (им. п. ед. ч.) III 82в — при многочисленных написаниях буквы *а* в других случаях, в том числе и в приведенных словах, как на месте этимологичестого «а», так и на месте «ę».

Написания *ж*+ѧ, *ц*+ѧ, а также приведенное выше *ш*+ъ (в слове *помышь|ляющимъ*) свидетельствуют в пользу мягкости согласных [ж'], [ш'], [ц']. Поскольку же неизвестны говоры, в которых произносились бы твердые [ч] и долгие шипящие при наличии мягкости у [ж'], [ш'], можно предполагать, что мягкими были также [ч'], [ж'д'ж'], [ш'ч'].

Совокупность всех приведенных выше данных, а именно: 1) отсутствие достоверных сведений о процессе отвердения шипящих и [ц'] в говоре писцов, 2) встретившиеся наряду с традиционными написаниями буквы *а* после шипящих и *ц* написания жѧ и цѧ, указывающие на сохранение мягкости предшествующего согласного, 3) употребление после всех шипящих и *ц* буквы ь (на конце слов, в группах согласных на месте этимологического «ь», в случаях переносов как на месте этимологического «ъ», так и вообще согласно закону конца строки) и отсутствие написаний буквы ъ в этих случаях, 4) отсутствие пропуска конечного ь перед энклитиками — все это вместе взятое указывает на мягкость всех шипящих и [ц] в говоре писцов Галичского евангелия.

В современных галичских говорах, как можно судить на основании изученных нами диалектологических материалов с очень плохой транскрипцией твердости—мягкости всех согласных и особенно непарных по твердости—мягкости, согласные [ж], [ш], [ц] всегда тверды, согласный [ч'] в основном мягок, но в деревнях Житково и Даниловское Галичского района, расположенных к востоку (первая) и югу (вторая) от Галича, отмечено уже твердое произношение [ч][69].

Материалы Галичского евангелия 1357 г. показывают, что в середине XIV в. все шипящие и [ц'] были еще мягки и что отвердение [ж'], [ш'], [ц'] и частично [ч'], [ш'ч'] ([ш'ш']), [ж'д'ж'] ([ж'ж']) в галичских говорах совершилось позднее.

6. Изменение сочетаний [кы], [гы], [хы] в [к'и], [г'и], [х'и]

В истории русских говоров вплоть до XVI в. важным является процесс изменения сочетаний [кы], [гы], [хы] в [к'и], [г'и], [х'и]. Наиболее показательными при рассмотрении вопроса, связанного с этим изменением, являются случаи написаний *ки*, *ги*, *хи* в незаимствованных словах и особенно в корнях этих слов, где не могло сказываться влияние аналогии. В рукописи имеется достаточное количество материала для утверждения о том, что в галичском говоре середины XIV в. сочетания [кы], [гы], [хы] изменялись в сочетания [к'и], [г'и], [х'и] (приводим его полностью). В корнях: вскысе I 37б, 92б; покывающи IV 148в, 149а; секыра IV 168в; секира IV 169в; погыбнеть, погыбельныи, изгыбель, изгыблъ и др. I 4а, 4в, 6б... 21 случай; III 82а (2), 85б; погибноуть, гибель и др. I 63б, 67в, II 29а, 29б, III 85б, 91б, IV 134в, 137а, 143а, 148б, 162г; въсхытить, въсхыщаеть, хыщници I 3б, 8а, 17в (2), 53б, IV 158в, 161г; въсхи|щаше III 77в; въсхитають II 31г.

Рассмотрим случаи, в которых могло сказаться влияние морфологической аналогии[70]; при этом, поскольку нас интересует фонетический процесс, ниже не различаются случаи, где [к'и], [г'и], [х'и] появились из [кы], [гы], [хы] по фонетическим причинам и где вследствие выравнивания звукового вида основы вместо [ц'и], [з'и], [с'и]. Последних случаев значительно меньше, так как в памятнике широко представлены окончания *ци*, *зи*, *си*, так же, как *цѣ*, *зѣ*, *сѣ*.

Написания *ки*, *ги*, *хи*, и *кы*, *гы*, *хы* на стыке основы слова и окончания в именах существительных представлены следующим материалом: безаконьникы I 111в, IV 133б; вла(д)кы II 30г; въ в[illegible]кы I 10а, 11г,

[69] Диалектологические данные о долгих шипящих рассмотрены выше.

[70] Изучение роли, которую играл морфологический фактор в процессе перехода [кы], [гы], [хы], в [к'и], [г'и], [х'и] выходит за рамки настоящей работы, оно должно быть, кроме того, произведено на большем количественном отношении материале, чем материал, содержащийся в написаниях четырех писцов Галичского евангелия.

13г (2)... всего 13 случаев; III 114г, IV 120г, 124в, 133г, 135а, 139б, 173в; въ вѣки I 14в; вѣстники I 74б; грѣшники I 36а, 70г; доскы I 4г, 44г; избыѣкы I 42г, 45а, 72в; избытки I 60г; книжники I 108а, III 94а (2), IV 148г, 149а, 166в; ликы (в значении 'ликования') I 104г; моукы I 110г, IV 132б; наимьники IV 158в (2); останкы I 16в; отрокы IV 122а, 167а; паскы IV 167г; пищальники I 38б; подолкы I 55в; праздникы I 113б; пр(о)ркы I 75г, 92в, II 28а, 33б, III 79а, 82в, 85а, IV 127а, 167в; пр̄ки I 26а; в разбоиники III 83а, 83б; роукы I 12г, 17в, 66г, 106г, 112а, III 91а, роуки I 24г; рѣкы I 24в, II 31в; свѣтилники I 63в, 63г (2), IV 128а, 128б (3); смокы I 44г (2), 45г (2), IV 124в, 161г; смоки I 98б; сребреники I 105в, IV 131а; оурокы IV 169г; оученикы I 36а, 42г, 45а... всего 17 случаев; II 35б, III 93в (2), 94а, IV 118а, 119а (2), 126а... всего 12 случаев; оучн̄ки I 8б, 19б, 23в; цр̄кы I 25б; цр̄ки I 5а, 25б; чл̄вкы I 26а, 66в, 70в, II 28а (2), 31б, III 73г, 79в, 85а, 93г, 114б, IV 158а, 158б, 162б, 162в (2); языкы I 58в, IV 128б, 155б, 155г; б̄гы I 17г; вериги I 54б; влагы I 73а; врагы I 27а, 58г, 68г, 69а, 101а, III 87б, 91а; долгы III 76б, 114г; дроугы III 84б, 84в, 85а, 91б; дроуги I 104г, IV 140в (2); книгы I 7в, 17г, 22а, 48в, 65в, III 95в; книги I 3а, 12б, 65в (2), III 84г, 85а, IV 137б (2), 143а, 150б... 9 случаев; недоугы I 40г, 50а, 51в, 66г, II 34а, III 79г; недоуги I 39б; ноги IV 171а; сапогы I 104в; слоугы I 24г (2), 107г, IV 143в; слоуги I 6б, 6в, IV 144а, 144б, 145г, 174г; грѣхы I 5в, 68б, 71в, IV 117а, 117б, 168б; грѣхи IV 170в; мѣхы I 50 (3), 67в (2), 111в, II 29б; мѣхи I 67в; антипасхы IV 157б; посохы I 106г, 107а, 112а.

В местоимениях, прилагательных и причастиях отмечены следующие написания: англ̄ьскыя I 47г; бѣсовьскымь I 51г; великыи, великы и др. I 18а, 24в, 53а, 54б, 113в, III 77в, 78а, IV 121б, 124б, 153б, 157г, 173а; великимь III 88б, 113г; галилѣискыи I 19б, 68б, IV 157б; геньсаритьскы I 39б, 59а; герьгесиньскыя III 78а; гречьскы IV 160б; дамафаньскы I 61а; еврѣискы I 10г, IV 146г, 160а (2), 160б; ер(с)лмьскы I 113г; жидовьскыя I 51б, 67г, 68а, 75а; житиискыми I 73б; жречьскы I 45г, 63б, 92а (2)... 21 случай, III 88г (2), 89г; скариодьскы I 105в, 106г; искариотьскы IV 122б, 131а, 134г, 139в; июдѣискы I 67а, IV 144а; крѣпкыи III 77а; кыи I 48а, 50г, 61б, 111а (2), III 84а, 114а IV 132в; кии III 84б, 84в; о кихъ I 2в; кимь (М. цѣмъ) III 94в; нѣкыи I 46а, 46б, 46г.. всего 18 случаев, III 78г, 82а, 82г ... всего 10 случаев; IV 125а, 125б; нѣкии III 86г; нѣкия I 71в; нѣкии I 32а; людьскыя III 88г, IV 166в; магдалыньскы I 45б; мужьскы I 1г; мякъкы I 70б; мякъки II 32в; пекиися III 80г; плотьскы I 1г; польскыхъ II 32в; пр(о)рчьскы I 47г, III 79а; IV 137б; римьскы IV 160б; сидоньскы I 60б (2), 64а; сурьскы I 26б; толикы I 75б; толики II 34б; тоурьскы I 60б (2), 64а; оузъкыми II 28в, IV 161в; члвч(с)кы I 4а, 4в, 8в ... 18 случаев; IV 116а, 117б, 117г ... 17 случаев; оболкы I 113а; пекыися I 96б; рекы I 11а, 110в, бл̄гыя, бл̄гыи I 27а, 27б, 50г, 61в, 96а, III 87а, 94г, IV 129а; драги IV 130в; дроугыи I 43г, 61б, 71б ...7 случаев;

II 30г, III 77б, 85в, 86б, 89б, 90б; дроугии I 67а, 102а, III 86б, 87а, IV 127в, 144а, 149б ... 10 случаев; многы I 5а, 20г, 40а ... 22 случая; II 35в, III 90б, IV 123б; многи, многихъ II 29а, IV 119г, 123а, 123в ... 11 случаев; оубогыя, оубогымъ I 51а, 63в, 96б, 103в; могыи I 48г; отвергиися IV 162в; ветхы I 50в, 67в (2), II 29б; глухыи IV 113г. Написания *кы* и *ки* в отдельных словах: акы I 54г, 58г, 100в ... 7 случаев; III 93г, IV 116б, 136в, 151в, 154в, 159б; аки II 30в, III 86в; пакы I — 42случая, III — 5 случаев, IV — 29 случаев (*паки* — не отмечено).

Еще меньшее значение для хронологии рассматриваемого процесса имеет изменение «кы», «гы», «хы» в иностранных словах, в которых написания *ки*, *ги*, *хи* (так же, как *ке*, *кѣ*, *кю*, *ге*, *гѣ*, *гю* и т. п.) были нормой уже в первых памятниках письменности. В Галичском евангелии есть лишь одно отклонение: левъгыты I 2а при: ле|вгинъ I 64в; левгитъIII 83б и др. В остальных случаях последовательно пишутся *ки*, *ги*, *хи*.

Сосуществование традиционных написаний букв заднеязычных в сочетаниях с буквой *ы* и новых написаний с *и*, отражающих произношение писцов, указывает на то, что в говоре писцов произошло изменение сочетаний [кы], [гы], [хы] в [к'и], [г'и], [х'и]. Это изменение могло иметь место уже в языке писцов списков, с которых переписывали свою рукопись писцы Галичского евангелия, но вероятнее, что написания *ки*, *ги*, *хи* были свойственны этим оригиналам в меньшей степени. Об этом говорит относительно большое количество написаний с *ы* у III писца. Полагаем, что они появились в рукописи вслед за оригиналом.

Приведенный материал в целом показывает, что отдельные писцы в разной степени и по-разному в разных морфологических категориях отражают новое явление — переход [кы], [гы], [хы] в [к'и], [г'и], [х'и].

На стыке корня и окончания в именах существительных сочетание *ки* употребляет только I писец, в именах прилагательных I, II и III писцы, но все они делают это сравнительно редко. В именах прилагательных I, II и III писцами чаще употребляется *кы*, чем *ки*. IV писец в этом положении употребляет только *кы*.

В корнях слов у I, II и III писцов отмечен больший процент написаний *гы*, чем на стыке морфем, где чаще отмечаются написания *ги*, причем у II писца и особенно у IV написания *ги* преобладают над написаниями *гы*. Приведенный материал, таким образом, показывает, что в говоре II и IV писцов задненебный звонкий быстрее изменился в соответствующий средненебный, чем глухой. Однако написания I и III писцов этого положения не подкрепляют.

Можно полагать, что более свободное произношение сочетания [ги] по сравнению с [ки] связано с индивидуальными особенностями речи II и IV писцов, если только более частые написания *ги* у них не связаны с особенностью оригинала, с которого они списывали свои части работы.

Данные нашего памятника не позволяют проверить гипотезу А. М. Селищева о том, что изменение [х'ы] в [х'и] происходило

в последнюю очередь по сравнению с [кы] и [гы][71]. У каждого из писцов отмечено только по одному написанию *хи* при написаниях *хы* I писцом в двадцати случаях, II — в двух, IV — в семи. У III писца *хы* не встретилось. Материал слишком мал и не позволяет сделать какой-либо вывод.

Переход сочетаний [кы], [гы], [хы] в [к'и], [г'и], [х'и], наличие написаний букв *к*, *г*, *х* в сочетаниях с буквами *ѣ*, *е*, *ю* указывают на то, что в говоре писцов согласные [к], [г], [х] уже вступили в основном в те же отношения по твердости — мягкости с согласными [к'], [г'], [х'], которые характерны для современного русского языка и которые отсутствовали в эпоху, предшествующую времени написания исследуемого памятника.

7. Позиционная твердость — мягкость согласных

Анализ употребления букв ъ, ь в Галичском евангелии 1357 г.[72] показывает, что в ряде случаев эти буквы являются знаками твердости (ъ) и мягкости (ь) предшествующих согласных. Однако для обозначения твердости и мягкости согласных эти буквы употребляются непоследовательно: в середине слова перед согласным (материал конца слов рассматривается ниже) в подавляющем большинстве случаев не только твердость согласных, но и мягкость их (как самостоятельная, так и позиционно обусловленная) не обозначается на письме. Поэтому случаи опущения буквы ь в середине слов перед согласными не должны рассматриваться как дающие указание на твердость предшествующего согласного.

Материал для суждения о твердости — мягкости согласных перед согласными дают главным образом переносы слов, при которых писцы считали необходимым кончать строку буквами ъ, ь, если она не могла быть окончена буквой гласного. Указание на твердость дает сосуществование написаний с буквой ъ после буквы определенного согласного и без нее (однако при отсутствии написаний с буквой ь), например, *дерꙗзноу*, *на слѣдꙗствоуите* при *дерзноу*, *наслѣдствоуите* (при отсутствии написаний *дерꙗзноу* и подобных). Указание на мягкость согласного в положении перед согласным дает сосуществование в тех или иных случаях написаний с буквой ь и без нее (при непременном отсутствии написаний с буквой ъ), например, *тьма* и *тма*, *церькве* и *церкве*, *больна* и *болна* (при отсутствии написаний *тъма* и подобных).

В случае сосуществования написаний с буквами ъ и ь после согласного в тех или иных морфемах в положении перед согласным (при этом написания с опущением букв ъ и ь, естественно, непоказательны)

---

[71] А. М. Селищев. «Н. Дурново. Очерк истории русского языка. Москва, 1924, 276 стр.», рецензия. . ., стр. 324.

[72] Относящийся к этому материал, весьма значительный по объему, рассматривается в отдельной работе.

фонетическая интерпретация производится на основе показаний живого русского языка в его говорах, рисующих общую картину направления тех или иных процессов в отношении твердости—мягкости согласных, как и во всех других отношениях, и данные истории языка предшествующей эпохи.

Материал, имеющийся в Галичском евангелии, свидетельствует о том, что этимологически твердые губные в положении перед мягкими губными в говоре писцов приобретали позиционную мягкость: любьви IV 140б; любьве IV 140в.

Этимологически смягченных губных в положении перед твердыми губными не встретилось. Единственное написание е|мъманоуилъ IV 165б (при емьманоуилъ в М.) не дает достоверного доказательства в пользу отвердения.

В положении перед твердыми зубными губные (если они были смягченными здесь в предыдущую эпоху) уже отвердели, так — во всяком случае — в говоре IV писца, у которого отмечены написания: въ правъдоу IV 150а; гробъновъ IV 151б; пропъноу IV 146г, 160а; распъ|ноуть IV 148б, при: распноуть IV 147г, 160а; оумърыи IV 122б. Как видно из приведенных примеров, почти все случаи отвердения относятся к корням слов. В суффиксах более последовательно сохраняется написание ъ не только у I, II, III писцов, которые вообще не дают написаний с ъ, но и у IV писца, например: црковьная I 108г, IV 149в, 150а, 153в; бѣсовьскымь I 51г, II 34г; жидовьскыя I 51г, 68а, III 114а; жидовь|скыя I 67г; подобьна IV 126г; скорбь|ны IV 142б; земьная I 48а; чьрмьноу I 41а; темь|но II 32а; темьная III 112а; хри|змьная IV 130г; лихоимьствоуи I 96б; ер(с)лмьскы I 111г, по римьскы IV 160б, и др.

Можно полагать, что этимологически правильные написания буквы ь после губных перед твердыми зубными в некоторых суффиксах указывают на определенное орфографическое правило, но не на то, что губные в этих положениях были непременно мягки.

Твердые губные в положении перед мягкими зубными позиционному смягчению не подвергались, как и в современном русском языке[73]. На это указывает отсутствие написания буквы ь после губного при

[73] Следует иметь в виду, что вопрос о позиционной твердости или мягкости согласных перед следующим согласным в современной диалектологии изучен мало, причем для изучения его в будущем собранные в настоящее время материалы (в том числе и по Галичскому району) могут дать очень мало, так как в их транскрипции мягкость согласных в группах согласных отмечается не всегда последовательно. Между тем можно полагать, что по говорам в этих отношениях имеется существенная разница. Возможно, отмеченный проф. Р. И. Аванесовым факт, что «во многих случаях старое московское произношение в отношении смягчения согласных перед мягкими согласными перестало быть нормой современного русского литературного произношения» (Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. Учпедгиз, 1950, стр. 71), имеет под собой диалектную основу.

наличии написаний буквы ъ: бъ|дите I 103в, 106в, IV 165г; бъдить, бъдите I 103б (2), 106в, 109б, IV 127г, 128в; бъдѣти, бъдѣ I 106в, IV 127г. Так же, как и в современном русском языке, этимологически твердые губные в положении перед шипящими и аффрикатами, которые были мягки, не смягчались. Написания буквы ь, не соответствующие этимологии, после губных в этом положении не встретились, но встретились этимологически правильные написания буквы ъ: ропъщють I 11г, лобъжю I 106г, 111г, IV 137а, а также последовательное написание буквы ъ в суффиксе *-ъш-* после губных и суффикса *-въш-*.

В положении перед среднеязычным мягким согласным [j] губные подвергались позиционному смягчению: обьемлють I 69в, II 28г, IV 161г; обьяденьемь I 109б, при сохранении ъ в некоторых написаниях по традиции: объемлють I 69в. В рукописи не оказалось материала с губными перед мягкими заднеязычными.

Смягченные зубные предшествующей эпохи в положении перед твердыми губными сохранили свою мягкость. Об этом свидетельствует отсутствие написаний буквы ъ после них при наличии написаний буквы ь в словах: тьма II 32а, IV 149а, 150а, 153б; тьмоу IV 129в; ть|ма I 19г; тьмоу IV 130б; полоть|ма IV 128а.

В положении перед мягкими губными этимологически твердые зубные смягчались; на это указывают следующие отклонения от этимологических написаний: сь|миромь IV 172б; дь|вѣ IV 169в; жать|вѣ IV 158г (в последнем случае [т] в сочетании [тв'] могло быть смягчено в более раннюю эпоху, поскольку согласные [т] и [в] всегда были в одном слоге, так как не были разделены редуцированным.

В положении перед твердыми зубными смягченные зубные предшествующей эпохи отвердели в говоре писцов Галичского евангелия, как это имеет место и в современном русском языке. На это указывают написания буквы ъ между рассматриваемыми зубными согласными, не обусловленные этимологией: праведъныи I 102а; въслѣ|дъствоующими IV 155г; наслѣдьствоуите I 109в; невъзъблгорадитъ|ныя I 68г. Однако наряду с ними отмечены также написания буквы ь в указанном положении: бездьная II 35а[74], прапроудь|ноу IV 146а; прапроудьноую IV 146б; праздь|ною IV 165г; праздьнымъ IV 123г; благодать|ная IV 173в; суботь|ныи III 94в, IV 154в; беще|стьна I 99а; извѣсть|но III 89а; извѣ|стьныхъ IV 174г; смерть|но IV 155г; лозь|наго IV 132б; лозьнаго I 110г, IV 135а; порозьныя IV 116в и др.

В положении перед твердыми зубными согласный [р] в древних сочетаниях «tьrt», где он был в восточнославянских диалектах смягчен-

[74] В говоре писцов произносилось [д'но] из «дьно», однако на основании только что рассмотренных написаний ясно, что [д'но] должно было уже измениться в [дно]. Написание *бездьная*, таким образом, указывает либо на оригинал, либо на то, что отвердение зубных перед твердыми зубными в говоре писцов еще не было вполне последовательно.

ным, также ассимилируется по твердости твердым зубным. На это указывают написания: деръзноу IV 150г; деръ|зноу I 8в; жертвоу IV 172а; мерътвыя, мерътвыхъ IV 126г, 154г, 155в, 156а, 156б, 156г, 157г, 162г; ме|ртвыхъ IV 122б, 126в, 157б; перъ|ста, перъ|стомъ I 55в, 75в.

Встретившееся написание: меръ|твии IV 121б можно рассматривать наряду с приведенными выше (мертвыя и др.), ибо можно предполагать, что [т] в этом сочетании был твердым, поскольку окончание *-ии* было свойственно только форме книжного языка, а сочетания [тв] с гласным непереднего ряда были представлены в большинстве форм.

Единственное встретившееся написание суффикса *-ьств-* с буквой ь после *ст* (*-ьстьв-*) в слове: свѣдительсть|вують IV 137г, является, по-видимому, опиской, так как встретившиеся написания этого же суффикса с ъ на месте этимологического «ь» (наслѣдъствоуите, въслѣдъствоующими) не позволяют видеть в нем отражение мягкости.

Можно полагать, что твердые зубные подвергались смягчению перед мягкими зубными, кроме шипящих и [ц], перед которыми последовательно сохраняются этимологически правильные в отношении твердости и мягкости написания. На смягчение указывает написание сь|свѣтилы IV 143в. Других случаев отражения на письме смягчения этимологически твердых зубных перед следующими мягкими зубными не встретилось.

Вследствие ограниченного количества имеющихся в памятнике примеров с согласным [р] в старых сочетаниях «tъrt» невозможно установить, подвергался ли согласный [р] в этом положении позиционному смягчению перед мягкими согласными. Сюда относятся лишь написания горъ|стью I 59б; торъжникомъ I 4г, 44г, IV 129б. Последние три случая даже и не имеют прямого отношения к указанному положению, так как перед шипящими и [ц] позиционного смягчения не происходило.

Так же, как и в современном живом языке, не подвергался позиционному смягчению согласный [л] в старых сочетаниях «tъlt» (исконных и из «tьlt»): волъсви IV 166б; долъжни и др. I 49а, 71б, 84г, 99в, IV 134а; молъ|чаше IV 137г.

О смягчении или сохранении твердости зубных перед [j] судить нельзя, так как встретившийся материал чрезвычайно ограничен в количественном отношении, и написания буква зубного + ъ + *j* на месте старых «зубной + ь + j» не встретились. Это положение представлено лишь написаниями подъя II 34а; подъемлеть IV 121г, 127в.

Смягчение зубных перед мягкими заднеязычными отражено в написаниях: от арь|хиерьи IV 113б; от арь|хиерьовъ IV 144б.

В положении перед буквами, обозначающими новые мягкие [к'], [г'], [х'] (в сочетаниях [к'и], [г'и], [х'и]), встретились лишь соответствующие этимологии написания с буквой ъ после зубных, что может свидетельствовать о традиционной орфографии, но также и о том, что перед новыми [к'], [г'], [х'] смягчения зубных не происходило.

Заднеязычные согласные не подвергались позиционному смягчению перед губными и зубными согласными; за это говорят последовательные написания с буквой ъ после *к*: въ це|ркъви IV 147а; смокъви III 82в; кѣдѣ IV 31г, 134г. Отсутствие смягчения в положении перед шипящими отражено в написании после букв соответствующих заднеязычных только буквы ъ: книгъчия I 49г; небре|гъше I 56а; извлекъше I 66в; померкъшю IV 150а и др.

На положение заднеязычных перед мягкими заднеязычными же материала почти нет. Имеющиеся примеры (написания мя|къки II 32в и мякъки I 70б, II 32в) показательной силы не имеют.

8. Мягкость — твердость парных согласных, не вызываемая влиянием следующих согласных

Отвердение конечного [м] в падежных формах и личных формах. В исследуемой рукописи имеется значительный по количеству материал, показывающий, что губной [м] в положении на конце слова отвердел в окончаниях творительного падежа единственного числа существительных мужского и среднего рода всех типов склонения и прилагательных мужского и среднего рода, в местном падеже единственного числа прилагательных мужского и среднего рода, а также в 1-м лице единственного числа нетематических глаголов. Благодаря этому отвердению указанные падежные формы совпали с формами дательного падежа множественного числа соответствующих существительных и прилагательных и соответствующие формы 1-го лица единственного числа с формами 1-го лица множественного числа. Между тем, писцы стремились выдерживать этимологические написания. Однако отсутствие в живом говоре критерия для различения этих форм привело к тому, что этимологический принцип написания нарушается: в формах творительного и местного падежей появляются написания *мъ*, а дательного падежа множественного числа — *мь*. Наряду с написаниями, отклоняющимися от этимологии, встречаются, естественно, и написания, согласные с этимологией. Беспорядочное употребление букв ъ, ь в этих формах проявляется не только в том, что в определенных категориях слов в разных местах рукописи употребляются разные буквы (как ъ, так и ь), но и в том, что даже в одном и том же словосочетании писцы употребляют обе эти буквы, например: надо всѣмь именьемь своимъ III 81б; ни единѣм же перстомъ вашимь III 78г; страхомъ великымь III 78а; кацѣмь же недоугомъ I 10г; дѣлателемъ тѣмь IV 125г; всѣмъ разоумомь своимь IV 126г и др.

Естественно, что при наличии мены букв ъ, ь на конце слов после *м* употребление букв вопреки этимологии чаще отмечается в тех случаях, где раньше был мягкий (полумягкий)[75] звук [м']. В тех же случаях, где

[75] К сожалению, до сих пор не удалось установить, происходило ли после утраты конечных слабых редуцированных отвердение [м'] из положения полумяг-

раньше был твердый согласный, написания буквы ь встречается реже, чем буквы ъ, так как написания ъ поддерживаются не только произношением писцов, но и зрительными образами оригиналов, с которых списывали писцы. Так, в формах дательного падежа множественного числа у Фофана на 200 случаев правильного употребления буквы ъ имеются лишь три написания с буквой ь: торжникомь I 61г; вѣтромь I 72а; причастникомь I 66в. Второй писец дает написания исключительно с ъ, их 13. Третий писец на 32 написания с ъ имеет 4 написания с ь: влдч(с)твомь III 79г; младенцемь III 87в; народомь III 78а; другомъ моимь III 79в. Четвертый писец более чем на 80 написаний с ъ имеет 9 написаний, не соответствующих этимологии: к нимь IV 158г; намь IV 164а; словесемь моимь IV 175в; словесемь ихъ IV 143а; зоубомь IV 128а, 129в; дѣлателемъ тѣмь IV 125г; а̄нгломъ своимь IV 171а.

В местном падеже единственного числа имен прилагательных, местоимений и причастий сравнительно последовательно пишется буква ь после *м*. Так, у II и IV писцов совсем не встретилось отклонений от этимологических написаний (у II писца всего шесть написаний, у IV писца — 51). У III писца на 28 написаний ь в соответствии с этимологией отмечено два написания с пропуском конечного ь (ъ): потом же III 84г, 86б. Этот пропуск следует рассматривать как отражение отвердения, поскольку опускаться может только конечный ъ после твердых согласных. У Фофана встретилось три написания с буквой ъ на конце: потомъ I 73а; о немъ же I 53б; ни о комъ I 52в, при 108 написаниях буквы ь в соответствии с этимологией.

В формах творительного падежа единственного числа у II и III писцов чаще отмечено употребление буквы ъ, что не соответствует этимологии этих форм. Встречаются они также и у I и IV писцов. Так, у Фофана имеется: древникомъ I 26б, 26г, причем в первом случае буква ъ переправлена (!) из ь; кроме того: чимъ коупимъ I 16б; недоугомъ I 10г; предъ снмъ члв(с)кымъ I 109б; надъ оучителе(мъ) I 69б (последние две буквы надписаны сверху); съ единемъ I 43а; бѣсомъ I 50а; вѣтромъ I 33в, 70б; и один раз с пропуском конечного ъ: тѣм же I 75б — при 179 написаниях буквы ь в этой же категории; у II писца: судомъ II 29в; надъ оучителемъ II 31а; княземъ II 34г — при 31 написании конечного ь; у III писца: великымъ III 77в; своимъ III 81б; добрымъ III 91б; пред|нимъ III 94в; всѣмъ III 83а; гноемъ III 82в; родомъ III 91б; страхомъ III 78а; съ соудомъ III 78б; съ суперникомъ III 81г; с пропуском конечного ь (ъ): тѣм же III 95г; единѣм же III 78г — при 47 написаниях буквы ь после *м*. У IV писца при 130 написаниях с ь на конце отмечены: имъ IV 151г; живымъ IV 137г; всѣмъ IV 126г; гл̄ющимъ IV 126в; олтаремъ IV 127а; искрьнимъ IV 122в;

кости или же [м'] в этих случаях был уже мягким и, таким образом, утрачивалась мягкость [м'].

пр҃ркмъ гл҃ющимъ IV 165в; народомъ IV 147г; пр҃ркомъ еремѣемъ гл҃ющимъ IV 151г.

Указания на отвердение конечного [м] имеются и в личных формах нетематических глаголов. Так, у Фофана отмечено: в 1-м л. ед. ч. дамъ I 2а, 10а, при более правильных дамь, въздамь, предамь I 14в, 43а, 43б, 43г, 65а (2), 92г, глагол *есмь, нѣсмь* отмечен в 1-м л. ед. ч. только с ь на конце; встретилось одно написание вѣм|же I 18г без конечного ь (ъ), при 22 написаниях с буквой ь на конце слова; глагол имамь отмечен только с конечным ъ: имамъ I 4г, 7в, 11а... всего 14 случаев; у II писца встретились только соответствующие этимологии написания: есмь II 33в, 34а; нѣсмь II 34а; исповѣмь II 28а, 31б; у III писца есмь III 87б; но дамъ, въздамъ III 83б, 91б; имамъ III 81в, 85в (2); у IV писца при написании есмъ IV 147г отмечено: есмь, нѣсмь IV 123а, 126в, 132г... всего 36 случаев; вѣмъ IV 145б, но: вѣмь, повѣмь IV 120в, 120г, 125а... 12 случаев; предамъ IV 131в, но: дамь IV 134г, 171а, 176г. Как и у I писца, отмечено только имамъ: IV 132б (2), 136а, 141б... 9 случаев.

В формах 1-го лица множественного числа отмечено не соответствующее этимологии написание ь: не вѣмь IV 125а, 142б. Кроме того, представляют интерес написания буквы ь вместо ъ в 1-м лице множественного числа тематических глаголов у I и III писцов: поразимь I 111г; оубьемь I 99а, III 89б; исплевѣмь I 37а.

Приведенный материал, отражающий взаимную мену букв ъ, ь после конечного *м* и в личных формах глаголов и в падежных формах местоимений, существительных и прилагательных, с достоверностью свидетельствует об отвердении конечного [м] и в указанных категориях в говоре писцов Галичского евангелия.

В положении на конце слова в числительном *семь* последовательно пишется буква ь: седмь I 45а (3), 100б (3), III 77б; седмь десять IV 164а. Случаев постановки ъ вместо ь на конце имен существительных в именительном падеже после *м* и букв других губных не встретилось. Поэтому вопрос о том, было ли отвердение в положении на конце слова свойственно всем губным согласным в говоре писцов или только конечному [м] в определенных формах, где [м] твердое не вступало в чередование с [м'] мягким в одних и тех же морфемах (как повсеместно в русском языке теперь), решен быть не может.

Мягкость губных в середине слова перед согласными. В современном литературном русском языке и говорах широко распространено непозиционное отвердение губных, т. е. такое отвердение, которое не вызывается твердостью последующего согласного. Рассматриваемому нами говору XIV в. это явление не было еще свойственно. Так, в положении перед парными мягкими зубными согласными, где в современном русском языке широко представлены отвердевшие губные, в Галичском евангелии 1357 г. сравнительно широко представлены этимологические написания с буквой ь не только в суффиксах, но и

в корнях слов. Сюда относятся: главь|нии IV 162б; црко|внѣмь IV 171а; в жидовьстѣи I 69б, 102в; въ жидовьствѣ III 91в; лукавь|ствия III 89г; вь|си I 14а, IV 138б; вьсѣмъ IV 158а, 165а, 176а; вьсе IV 129б; вь|сякъ IV 147б, 159в; прискорбьни IV 136б; собьравшю IV 161б; распьни I 108б, IV 152б, 160а; мь|нѣ II 35г, IV 133б, 142в, 143а, 170в, 173а; мьнѣ IV 147а; наимьникъ IV 158в (3); темь|ници I 178б, IV 130б; мь|ню I 99в; мь|нить IV 129г; мь|ниться IV 129б; мьнии I 111а, IV 132в; мьстить[76] III 79а; земьстии I 46г; въ ер(с)лмьстѣмь I 20г; содомьстѣи II 30в; содомь|стѣи II 33б. Приведенный материал и полное отсутствие написаний ъ после букв, обозначающих губной в указанном положении, позволяет заключить, что отвердения губных в положении перед следующими мягкими зубными не происходило.

Сохранилась смягченность губных и в положении перед шипящими и [ц]: сребролюбь|ци I 97б; мьщю I 101г; мь|щение III 91в; промьчеся IV 155а.

В старых сочетаниях губного с эпентетическим «л» в говоре писцов губные были, по-видимому, мягкими. Об этом свидетельствует написание буквы ь после буквы губного в случаях переноса: земь|ля I 53г; приемь|лете III 86в; оустрамь|ляються IV 125в.

Мягкость зубных в середине слова перед согласными. В положении перед твердыми губными согласными этимологически мягкие зубные согласные последовательно сохраняют свою мягкость (см. выше). Тем более они сохраняют ее в положении перед мягкими губными[77]. Так, в корнях слов: тьмь IV 156в, 171б; ть|мь IV 162а; стр(с)тьми I 25в; дньми I 107б, IV 137в, 148в, 149а; четырьми IV 117а; четырь|ми I 5а; на стыке приставки и корня: възь|меть IV 148в; на сонь|мищихъ IV 144б; на соньмища IV 161в, 162в; соньмищихъ IV 116а, 116в, 141а; в заимствованных словах: перьфироу IV 147а.

Как указывалось, в говоре писцов Галичского евангелия мягкие зубные перед твердыми зубными отвердели. В положении перед этимологически мягкими согласными мягкие зубные не утрачивали своей мягкости ни в одной из частей слова. В корнях написания с буквой ъ в рассматриваемом положении не встретились, но встретились этимологически правильные написания с буквой ь: сь|дѣ I 102г; сьдѣ, зьдѣ I 112г, III 106б, IV 123г, 136а, 154г; доньдеже IV 132б, 133а, 136б, 138г, 164в; донь|деже III 91а, а также на стыке приставки и корня: вонъзи IV 143г; корня и суффикса: всходь|ницю I 105г; послѣдьняя IV 151в; праздь|никъ IV 122г, 131в, 133б; пра|здьникъ IV 130в, 134б, 167г; праздьникъ IV 167г; тивериадьстѣмь IV 157б; свѣть|никъ I 8в; невѣсть|никъ II 29б; невѣстьникъ II 29б; окр(с)тьняя I 72б; причастьникъ III 89б; смертьнѣя IV 171в; людьстии I 45г; 112г, IV 124г,

[76] В этом случае и некоторых других буква ь означает не только мягкость согласного, но в первую очередь является знаком слога *мь*.

[77] Мы касаемся этого вопроса только потому, что в современном языке известно произношение твердых зубных в этих положениях.

138б, 151в; ниневгитьстии II 35а; генисаритьстѣ I 66б; елеоньстѣи I 58б, 105а, 110б, 111а, III 88а, 88б, IV 123а; елео|ньстьи I 101в; в ерданьстѣи IV 169а; гоморьстѣи II 30в; морьстѣи I 43а; невьрьствию IV 155в и др.

Таким образом, в положении перед мягкими зубными мягкие зубные [д'], [т'], [н'], [р'] не отвердевали.

Согласный [р] в старых сочетаниях с предшествующим редуцированным переднего ряда между согласными в говоре писцов сохраняет свою мягкость в следующих положениях: а) перед губными как твердыми — почерь|пала I 14б, так и мягкими — терь|плю I 47в; вытерьплю III 82г; терьплю IV 118в; че|рьвленою IV 147г; б) перед заднеязычными: померь|кнеть IV 124а, въстерь|гнѣте I 37а; из це|рькве I 38а; це|рькви I 13а; перед мягкими зубными (перед твердыми отвердевает, см. примеры в разделе о позиционном отвердении и смягчении зубных): перьстень I 104в; верь|зися IV 124г, 171а; оумерьтвия IV 167а.

Мягкий согласный [л'], как и в современном русском языке, последовательно сохранял свою мягкость (хотя на письме она обозначалась не во всех случаях) и позиционному отвердению не подвергался; написаний *лъ* на месте [л'] не встретилось. Имеются лишь написания с буквой ь в положении перед любыми согласными: боль|ма I 50в; вельбудоу I 96в (2); больна I 100г; боль|на IV 130б; погыбель|ныи I 22а; дово|льно I 111в; хоульныя I 107в; вель|заоулъ I 51г; польскыхъ II 32б; декаполь|скы IV 117б; англь|скыя I 47г; колько III 82в.

Об отвердении [т] в 3-м лице глаголов. Отвердение конечного [т] в 3-м лице глаголов не имеет прямого отношения к фонетике говора писцов, поскольку в их говоре на конце слов существовали как конечное [т], так и [т']. Мы коснемся этого явления, оставляя в стороне вопрос о причине появления твердости [т] в этой форме (фонетической или морфологической). Вследствие того, что в количественном отношении материал, характеризующий процесс отвердения, невелик, целесообразно остановиться на нем именно здесь, потому что только совокупность всего вышеизложенного о твердости — мягкости согласных и обозначении их на письме позволит правильно интерпретировать его.

Непосредственным указанием на отвердение [т] в 3-м лице глаголов являются написания буквы ъ на конце соответствующих форм. Правда, эти примеры совершенно единичны: оумретъ I 33б; ре(ч)тъ I 42б; судитъ I 25а. Однако если рассмотреть все случаи употребления букв ъ и ь и случаи отсутствия какой-либо буквы на месте этимологических «ъ», «ь» на конце знаменательных слов, то материал на отвердение [т] в 3-м лице глаголов оказывается более значительным.

Как правило, все четыре писца Галичского евангелия на конце слов после букв согласных последовательно пишут букву ъ или ь. Буква ъ обозначает твердость предшествующего согласного, буква ь — мягкость. Исключение представляют рассмотренные выше (см. стр. 88

и след.) примеры, в которых буквы ъ и ь употребляются беспорядочно после буквы *м*, обозначающей отвердевший в некоторых морфологических категориях [м].

Случаи опущения конечных ъ, ь весьма немногочисленны (они приводятся ниже). Большинство их относится к положению перед энклитиками.

Примеры опущения буквы ъ на месте этимологического «ъ» в конце слов.

1) Опущение ъ перед энклитикой *же*: а) в именах существительных — раб же III 81 б; самарянин же III 83б; б) в местоимениях (но не в тв. и местн. п. ед. ч. и дат. п. мн. ч.) — всѣх же IV 165а; в (или *о*) них же I 2в, 7г, II 33а; их же I 72в, II 33в, III 114г, IV 116а (2); он же I 5а, 18б (2) ... всего 32 случая; II 33в, 34б, 35а, 35б, III 76г, 78а... всего 23 случая; сам же I 69б; в) в причастиях — приим же I 72б; рад же I 49б; видѣв же III 95а, IV 117а, 118г, 147г, 150а, 168в; возвав же I 12г; всадив же III 83б; обратив же I 74б; отвѣщав же I 2в, 39г, 42а... всего 10 случаев; III 84г (2), IV 129б, 147в, 152в... всего 7 случаев; разоумѣв же I 23а, 41а, III 89г, IV 126а, 134в; слышав же I 51а, 75а, II 34б, III 83в, 95а, IV 120а, 166в, 167б; оувѣдѣв же IV 131б; оузрев же II 34а; г) в формах дат. п. мн. ч. — им же I 5в, 44в, 48г; инѣм же II 35г; вам же II 31б; к ним же I 17г; спящим же I 37а; о нѣм же I 36б.

2) Перед частицей *бы*: дал бы III 90а; любил бы IV 140г.

3) В личных глагольных формах и причастиях в положении перед частицей *ся*: боимся I 46а; надѣяхомся I 2в; одежемся II 28б, 32б; молихся III 82г, IV 132г; прославихся IV 142г; родихся IV 145г; оубояхся IV 129б; кающимся III 84в; сбирающимся III 78а; чюдящимся I 20в; възвратився III 87а; въоружився III 87а; наоучився I 12б, 38а, IV 161б; обратився I 38б, 41в, 71б, 75б, III 93в; потщався I 99г; препоясався I 99в, IV 157в; разгнѣвався III 90б; раскаявся I 46а, IV 146г; раска|явся IV 125а; родился I 18г. Встретился один случай пропуска конечного ъ в форме супина: помолится IV 177а.

Кроме того, отмечено несколько случаев пропуска конечного ъ перед *ся* в таком положении: сам ся... (следует личная форма глагола) I 50г, 55г, 100г, III 83а. В этих случаях *ся*, по-видимому, не энклитика, а местоимение, несущее на себе ударение. Поэтому опущение ъ в местоимении *сам* носит иной характер, чем в других рассмотренных выше примерах.

Примеры опущения буквы ь на месте этимологического «ь» в конце слов.

1) Опущение ь перед энклитикой *же*: а) в формах тв. п. ед. ч. — тѣм же I 48в, II 28г; им же I 43а, 44б, 44в, 49а, 103а, III 80г, 87а; единѣм же III 78г; б) в формах местн. п. ед. ч. — о ком же I 100а; о нем же I 70б, 72а, II 32г; в он же II 30в (вместо: въ нь же); в том же I 74в; по том же I 53б, 53г, 59б, III 84г, 86б; тѣм же III 95б;

в) в формах 3-го л. ед. ч. глаголов наст. или буд. вр. — придет же III 81б, приключит же ся III 91а;

2) опущение буквы ь перед частицей *ли* в формах 3-го л. ед. ч. глаголов: вжизает ли III 84б; достоит ли I 72г, III 89в; может ли I 3в; оставит ли III 84б; отрѣшает ли III 87б;

3) опущение буквы ь после глаголов перед местоимением-частицей *ся* широко представлено у I писца; как правило, *ся* в этих случаях употреблено постпозитивно: бѣсится I 47б; възвратится I 74в, 102в; възвысится I 55г; възмоутится I 19в; възмѣрится I 53г; възнесется I 102б; въсплачются I 48а; вмѣщается I 40а; женятся I 46г; извержется I 22в и т. д. — всего 52 случая. У I писца отмечен также единичный случай написания 3-го лица глагола без буквы ь перед *ся*, находящимся перед последующим инфинитивом: не могут ся разорити I 17г.

В частях, написанных другими писцами, только дважды встретился пропуск буквы ь в формах 3-го лица единственного и множественного числа глаголов, причем оба они вблизи переноса или на конце строки: отрече|тся III 84а; сбероутся| IV 124а. В остальных случаях все писцы в указанных формах пишут последовательно букву ь перед частицей *ся*.

Как описку следует рассматривать единичный пропуск буквы ь во 2-м лице единственного числа повелительного наклонения: даж ми I 39а, так как указанная форма в исследуемой рукописи постоянно пишется с буквой *е* на конце: даже.

Анализ случаев пропуска букв ъ, ь на конце слова показывает, что обычно не обозначается на письме этимологический «ъ». Буква ь в соответствии этимологическому «ь» опускается главным образом в тех положениях, где в других аналогичных случаях в исследуемой рукописи имеются написания как с буквой ь, так и с буквой ъ. Такая мена свидетельствует не только об утрате звука [ь], сколько о последующем отвердении предшествующего согласного. Таким образом, фактически в Галичском евангелии 1357 г. конечные буквы ъ и ь опускаются писцами в тех случаях, когда они находятся после немягких согласных. После парных мягких согласных в исследуемой рукописи пишется последовательно буква ь. Опущение конечного ь, написание ъ вместо ь в 3-м лице глаголов указывают на твердое произношение [т] в этой глагольной форме. У II писца материала, иллюстрирующего это явление, нет, что объясняется, вероятно, тем, что им написано очень мало — всего одна тетрадь.

Несмотря на то, что написаний с ъ в формах 3-го лица множественного числа не встретилось, можно предполагать, что отвердение охватило не только формы 3-го лица единственного числа. Среди примеров на пропуск конечного ь (ъ) в глаголах выше отмечены и формы множественного числа: приимут вы, побьют ны — у III писца.

Таким образом, материал Галичского евангелия 1357 г. указывает на отвердение согласного [т] в формах 3-го лица единственного и множественного числа глаголов, чем отличается от данных Переяславского

евангелия 1354 г., содержащего указания на отвердение [т] лишь для 3-го лица единственного числа[78], на основании которых П. С. Кузнецов писал: «Возможно, что процесс отвердения охватил лишь формы единственного числа».

9. Позиционное оглушение и озвончение согласных

Поскольку Галичское евангелие создавалось после падения редуцированных, встает вопрос о качестве конечных звонких согласных. В рукописи не встретилось не соответствующих этимологии написаний на конце слова перед ъ или ь (писавшихся в этих случаях по традиции) букв, обозначающих согласные.

Судя по материалам, которыми мы располагаем, среди современных галичских говоров не отмечены такие, в которых конечные звонкие согласные не оглушались бы.

Однако в Костромской области даже теперь известны не только говоры, сохраняющие конечные звонкие согласные без оглушения[79], но и говоры, имеющие после конечных звонких согласных слабый призвук гласного[80].

В свете этого можно полагать, что сохранение этимологически правильных написаний на конце слова в Галичском евангелии 1357 г. может объясняться тем, что в говоре писцов конечные согласные еще не утратили свою звонкость.

В середине слова согласные парные по звонкости — глухости обозначаются в соответствии с этимологией в положении перед гласными, перед [j] (выражаемым в буквах ѥ, ю, ѩ, а также разделительными ъ, ь), перед [в] и сонорными согласными, что свидетельствует об их различии. Буквы, обозначающие звонкие и глухие согласные в иных фонетических положениях, в ряде случаев употребляются одна вместо другой соответственно парам по звонкости — глухости в современном русском языке.

Отмечены написания, свидетельствующие об озвончении глухих согласных в положении перед звонкими согласными [б], [г], [д] (и соответствующими мягкими) в случаях, когда глухой и звонкий до падения редуцированных были разъединены гласными [ъ] или [ь]. Об этом свидетельствуют следующие написания. Перед [б]: з безаконьникы IV 133б; збираю, збираеть I 15б, III 87б, IV 127а; зборище, въ зборе и др. I 49г, 56в, 65в, 66а, 72г; зъ|бероуться IV 129а,

---

[78] П. С. Кузнецов. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров, — стр. 157.

[79] В том числе конечные звонкие наблюдались нами в говоре с. Никола-Межа Георгиевского района Костромской области в 1944 г.

[80] См., например, ст. Г. Г. Виноградова. «Послеконечное ы в народном говоре Шунгенской волости, Костромского уезда» («Изв. ОРЯС», 1917, т. XXII, кн. 2. Пг., 1918, стр. 1—8).

129в (буква ъ в этом случае гласного не обозначает и пишется согласно орфографической норме конца строки); на сз(б)орищи(х) I 67а (с выносными буквами *б* и *х*); збоудеться IV 137б, 164б, 168б, 171б; зъбоудоуться IV 137б, 150б, 167в; единичное написание: на спорищихъ I 102б, вместо: на сборищихъ (или, на зборищихъ) появилось, по-видимому, вследствие переосмысления писцом этимологии слова. Перед [г]: з горы IV 177г; зъ|гараеть IV 140б. Перед [д]: здѣла IV 130г, 134в; многа|жьди IV 128в; многажьди IV 118в, 143в; многажды I 42а, 43а (2), 47б (2); дважды I 108а; седмижды I 96г, III 85б; стижь|ды I 96г; гдѣ, где I 3б (2), 13а, 18б, IV 157а; здравы I 36а, 40б; зъ|драви IV 155г; здѣ, зде I 41г, 58б, 72б, 73г, II 33г, III 78б, IV 120в, 127б, 133б, 177б, 177г.

В положении перед буквами *п*, *т*, *к*, *х*, *ш*, *ц*, *ч*, *с* отмечены написания букв, обозначающих глухие согласные, вместо букв соответствующих этимологии звонких согласных. Такие написания указывают на позиционное оглушение согласных. Сюда относятся: перед [п]: исплевемь, исповѣда, исполнити, испросять, испьета, испьють, испытаите, распадеся, распоутьи, распяша, распенше, въсъплачете, воспиша, въспять, въспрещахоуть, въспросять; перед [т]: влести, ис тебе, истопоша, исторъгнеться, источникъ, истязаеть, растачаеть, въстерзающа, въстроуби; перед [к]: ис корабля, ис корене, исказиша, искахоуть, искони, искончати, ископа, искусити, искушати, раскаявся; перед [х]: исходить, въсхыти, въсхотѣ, расхытить; перед [ц]: исцѣли, и|с цр҃кввь I 16б, исъ цр҃кве; перед [ш]: исшедъ; перед [ч]: от пчелъ; перед [с] отмечены случаи не только оглушения согласного [з], но и стяжение их в один долгий, что на письме отражается в написании одной буквы вместо ожидаемых двух: бескровища I 111б; вста (всегда) и др.

Указанные примеры оглушения конечного [з] в приставках *въз*, *раз*, *из*, *без*, а также другие случаи, где соответствующие согласные не были до падения редуцированных разъединены звуками [ъ], [ь], представлены и в древних русских памятниках, написанных до падения редуцированных, и в старославянских памятниках. Поэтому часть из приведенных написаний можно объяснить влиянием орфографии протооригиналов. Однако написания предлогов, отделенных ранее редуцированным [ъ] от корня, уже вполне показательны для памятников поздних, к каким относится рассматриваемая нами рукопись.

Приведенный материал в целом показывает, что галичскому говору в XIV в. была свойственна ассимиляция согласных по звонкости и глухости. Так, в положении перед звонкими [б], [д], [г] согласный [с] изменяется в согласный [з], согласный [к] в [г], согласный [ш] в [ж]. В положении перед глухими согласными [п], [т], [к], [с], [х], [ш], [ч], [ц] согласные [з], [б] оглушаются соответственно в [с], [п].

Несмотря на то, что среди встретившихся примеров не отмечены случаи на оглушение всех звонких и озвончение всех глухих соответ-

ственно перед всеми глухими и звонкими[81], можно полагать, что оглушению подвергались все звонкие и озвончению все глухие согласные, парные по звонкости — глухости.

10. Звуки [с] — [з] у IV писца

В части рукописи, написанной IV писцом, имеются такие написания, которые идут вразрез с обычными представлениями русской языковедческой науки о звонкости — глухости согласных: перед буквами парных звонких согласных [б] и сонорными [л], [н] у IV писца встретились написания буквы *с* на месте этимологического „з". Это, может быть, свидетельствует о том, что в его индивидуальном произношении не различались по звонкости — глухости согласные [с] — [з], [с'] — [з'].

Перед *б* наряду с написаниями, соответствующими этимологии (они количественно преобладают), отмечены написания: расбоиника IV 149а; исъбраныи IV 149г. Перед [н]: собласнитеся IV 136а; исносить IV 161б; въснесоша IV 171г. Перед [л]: кослища, кослищь IV 129в (2); ислиха IV 117в; въслиявши IV 131б; въслежащю, въслежащихъ IV 122б, 130в; раслоучаше IV 129в (2), 177б.

В приведенном материале преобладают примеры на написание приставок *ис-*, *рас-*, *въс-*, вместо ожидаемых *из-*, *раз-*, *въз-*. Однако отмечены написания *с* вместо *з* и в корнях слов (кослища, собласнитеся), которые признать описками невозможно. Трудно увидеть здесь и влияние написаний, отражающих оглушение согласных в другом положении: в положении перед глухими. Наличие [с] вместо [з] перед звонкими и сонорными на конце приставок, а перед сонорными, кроме того (что еще более важно) и в корнях слов, говорит о том, что это явление не относится к числу чисто орфографических и не связано исключительно с приставками. Таким образом, приходится предполагать, что написание *с* вместо *з* имеет под собой основание, связанное с произношением писца.

То, что буква, обозначающая глухой согласный, вместо соответствующей, обозначающей звонкий согласный, употребляется IV писцом в положении перед буквами различных в отношении звонкости — глухости согласных (звонкий парный [б] и некоторые сонорные [л], [н]) и места образования (губной и переднеязычные), показывает, что в рассматриваемых случаях важны не последующие звуки, а качество самих согласных [с] — [з] в говоре писца. Поэтому можно предположить, что писец не различал звонкие [з], [з'], с одной стороны, и глухие [с], [с'], с другой. Это могло иметь место в случае иноязычного происхождения IV писца.

[81] Отсутствуют примеры на оглушение — озвончение согласных на стыке корня и суффикса. Это объясняется, по-видимому, не столько фонетическими, сколько орфографическими причинами; более четки правила орфографии в применении к правописанию суффиксов, чем предлогов, поскольку предлоги, как правило, могли быть и приставками.

11. Ассимиляция свистящих следующим шипящим

В исследуемой рукописи имеются написания букв *ж*, *ш*, *щ* на месте сочетаний „з+ж“, „з+ш“, „з+ч“, указывающие на процесс ассимиляции конечного [з] предлогов и приставок *из-*, *без-*, *раз-*, *въз-* следующим [ч], [ж], [ш]: бещада III 90в; бес щести (= без чести) I 38г; бещестьна I 99г; ищадья IV 168в, 169в; ищрева I 48г, 113г, IV 175б; ищьтени IV 162б; ищистишася I 92г (2); ращтеть III 83г; въжьженъ I 53в; вжегъ, вжагають III 77в, 78б, IV 158а; вжелѣють, вжелѣ(х) III 6а, IV 132а; вжадати I 9в; въжада, въжадати и другие формы I 14в (2), 109г, IV 129г, 130а; ижденоуть III 79а, 82г, 91а, IV 140а; иженеть I 60б, IV 118б; ижьноуть IV 140г; ишедъ I 43г, 66г, III 80б, 83б, IV 133б, 142б; раширяють I 85в. Надо полагать, что происхождение большей части этих написаний связано с предшествующей эпохой в развитии языка (эпохой до падения редуцированных), так как в рассматриваемом положении со времен глубокой древности были налицо условия для ассимиляции согласных. Часть этих примеров могла появиться под пером писцов Галичского евангелия, поскольку фонетические условия оставались в этих случаях одинаковыми и после падения редуцированных.

В случаях ассимиляции согласных [з]—[с] следующему [ч] в живом произношении, по-видимому, был долгий мягкий согласный с взрывным элементом, т. е. [ш'ч'], как и в тех случаях, где аналогичный звук, обозначаемый буквой *щ*, являлся в соответствии с этимологией.

В случаях ассимиляции [з]+[ж'] и [з]→[с]+[ш'] в произношении были, по-видимому, долгие мягкие шипящие без взрывного элемента, как и на месте [ж']+[ж'], разделенных ранее слабым [ь] (см. выше).

Написания предлогов и приставок с буквой *з* или *с* без отражения ассимиляции согласных появились под пером писцов Галичского евангелия или предшествующих переписчиков вследствие их стремления к морфологизованному правописанию. В сознании древнерусских писцов XIII—XIV вв., безусловно, уже как-то намечалось орфографическое «правило», требующее восстанавливать на письме основной вид морфемы в тех случаях, где ее состав не вполне ясен в произношении, по положениям, в которых он ясен. Благодаря этому на письме широко представлены написания предлогов-приставок *из-*, *без-*, *раз-*, *въз-*, *с-* и др., в которых не отражаются процессы ассимиляции конечных согласных этих предлогов-приставок (то же относится и к положению на стыке корня и суффикса).

Восстановление конечных *з*, *с* предлогов-приставок стало возможно и широко происходило уже после падения редуцированных. Л. Л. Васильев, подробно рассмотревший этот вопрос на материале многих древнерусских рукописей, констатировал следующее: «В древнем фонетическом состоянии славянских языков не было сочетаний *зз*, *зж*, *зц*, *зч*, *зш* и *з* перед беззвучными согласными; фонетическая возможность

подобных сочетаний начала являться с того момента, как стали исчезать глухие ъ, ь...; с этого момента стало являться такое *з*, которое могло стоять перед беззвучными согласными, перед свистящими, перед шипящими. Этому-то новому нарождавшемуся фонетическому состоянию, явившемуся следствием исчезновения глухих, и обязано было восстановление у предлогов-приставок *без-*, *из-*, *въз-*, *раз-* конечного *з*; если бы продолжалось старое фонетическое состояние (т. е. если бы отсутствовало сочетание *з* с вышеуказанными согласными звуками), то одною психологическою деятельностью это *з* никогда бы не восстановилось, потому что образования по аналогии никогда не создаются наперекор фонетическим законам в данный момент развития языка, а лишь в сфере их действия»[83].

Положение Л. Л. Васильева о наличии сочетаний «*зз*, *зж*, *зц*, *зч*, *зш* и *з* + глухой согласный вообще» в древнерусском языке после падения редуцированных, с нашей точки зрения, является правильным лишь для первых десятилетий после исчезновения слабых редуцированных. Для конца XIII в. и тем более XIV в. указанные сочетания в русской фонетике уже не существовали. На это указывают, например, многочисленные случаи отражения на письме озвончения согласного [с] в приставке *съ-*, а иногда даже и в предлоге *съ* в рассматриваемом памятнике и других рукописях. Поскольку озвончение могло произойти только после падения редуцированных, написания *з* в этих случаях отражают не состояние языка периода до падения редуцированных (как, например, написание *бещадъ* и др.), а состояние после падения их. Написания буквы *з* в этих случаях показывают, что уже началась ассимиляция согласных (ранее разделенных звуком [ъ] слабым) по звонкости и глухости. Тот факт, что внутри слова в корнях, а также на стыке корней и суффиксов, нет написаний, свидетельствующих об оглушении или озвончении согласных, говорит лишь о том, что новые нормы орфографии требовали от писцов сохранения морфологического принципа в написаниях слов.

Таким образом, положение Л. Л. Васильева, приведенное выше, относится к области орфографии, но не к фонетике. В орфографии культивировались написания *зз*, *зж*, *зц*, *зч*, *зш* и т. д. В произношении внутри корня и на стыке префикса и корня и на стыке корня и суффикса в результате ассимиляции первого согласного второму возникал иной звук, не всегда соответствующий буквенным обозначениям. Написание часто оставалось традиционным, благодаря чему сохранялся основной буквенный вид значимой морфемы. И, перефразируя Л. Л. Васильева, следует сказать: этому-то новому нарождающемуся закону орфографии, явившемуся следствием исчезновения глухих, и обязано восстановление конечного *з* у предлогов и приставок *из-*, *без-*, *раз-*, *въз-*. Л. Л. Васильев в данном случае, как и в некоторых других, не раз-

[82] Л. Л. Васильев. О влиянии нейотированных гласных на предыдущий открытый слог. «Изв. ОРЯС», т. XIII, кн. 3. СПб., 1908, стр. 240—241.

граничивает в должной степени явления фонетики и орфографии, не различает букву и звук. Если в его формулировку ввести это разграничение, то она станет более точной, не утрачивая своей оригинальности. Следует также отметить, что образования по аналогии не создаются наперекор не только действующим в данный момент развития языка фонетическим законам, но и наперекор действующим в тот или иной момент законам орфографии.

12. Долгие согласные в галичском говоре XIV в.

Галичский говор XIV в. характеризует такое состояние русского языка, когда в нем, обычно на стыке морфем, уже появились долгие согласные. Однако в отдельных словах, количество которых очень невелико, долгие согласные возникали даже внутри корня, например, сюда относятся глагольные формы *жьжеши*, *жьжет* и др. и производные от них существительные и причастия.

На то, что на месте сочетаний двух одинаковых согласных, разделенных ранее слабыми [ъ], [ь], а также различных согласных, ассимилировавшихся после падения редуцированных следующим за ними шипящим и свистящим, в галичском говоре произносились не два отдельных согласных, а, с физиологической точки зрения, один долгий, указывают написания в этих случаях одной буквы. Сюда относятся: зади I 38б, (вместо: съзади, как в М. и З.); сожеть IV 170а; судъ II 34г; въ соуды IV 128б, 161б (вместо: съсудъ), в соуды I 38а; безаконие, безаконьникы I 37г, 47в, II 29а, IV 123в, 133б, 148в; бескровища (З.: безъ вълагалища Л. XXII 35) I 111б; исхоша II 35в; исхноу источникъ I 56в; исыплють III 81а; исѣченъ III 114а, IV 154а; исякнеть IV 123в; расоужати I 41а; расыпаша (и другие формы) I 4г, 42а, 98а, III 77а (2), 89г; расядуться II 29б; въсадиша I 110б; въсѣде, въсѣлъ I 105а, 110а, IV 121г (2), 122г; восияеть (и другие формы) II 31а, 35в, IV 171в; взовуть III 83в (2), 87а; въста, воста (и другие формы) I — 54 случая, II — 8 случаев, III — 12 случаев, IV — 39 случаев; въставить ('воскресит') I 46в, 100б; възрить, възрѣвъ и др. I — 16 случаев, II — 1, III — 3, IV — 4 случая; възва, возва (и другие формы) I — 7 случаев, II — 1 случай, III — 2 случая, IV — 2 случая. Наряду с написаниями буквы одного согласного встретились написания двух согласных с буквами ъ или ь между ними. Таковы все написания в суффиксах, например, *-ьн-* после *-н-*, в корнях (зажьже I 56а; възьженъ I 53в и др.), множество их на стыке предлогов и приставок.

Часть из приведенных написаний могла сохраниться со времени до падения редуцированных, но это относится только к предлогам и прежде всего к приставкам, не имевшим ранее этимологических «ъ», «ь» на конце. Другая часть написаний, именно написания буквы одного согласного на месте двух, ранее разделенных редуцированными, могла возникнуть только после падения последних.

В первых случаях до падения редуцированных, возможно, не произносился долгий согласный. Долгота была восстановлена позднее, после падения редуцированных, по аналогии с теми случаями, где возникли долгие согласные (обычно на стыке морфем).

Таким образом, материал показывает, что в указанных выше положениях в галичском говоре середины XIV в. уже имели место долгие фрикативные согласные [з̄], [с̄], [ш̄'], [ж̄'], возникшие из сочетаний [з]+[ж], [с]+[ш] и др.

Пóзднее [ж̄'] в корне «жьж», поскольку оно не было членимо, примкнуло к [ж'д'ж']. Этим [ж̄'] отличалось от остальных долгих согласных, членимых и представляющих сочетание фонем.

Написание: предверми I 107г, если только оно не является опиской, позволяет предполагать, что галичскому говору середины XIV в. уже были свойственны согласные с долгим затвором перед взрывом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ палеографии, графики и орфографии, сведения записи, проверенные по другим историческим данным, свидетельствуют о том, что исследованный нами памятник, представляющий по содержанию евангелие — полный апракос, действительно создавался в 1357 г. в Галиче Костромском.

Палеографический анализ, касающийся не только начертаний отдельных букв, но и употребления надстрочных и разделительных знаков, их формы, употребления букв, имеющих графические варианты, употребления лигатур, характера киноварных инициалов рукописи и пр., сопровождающийся изучением чисто внешних признаков (разлиновка рукописи, состав тетрадей, их нумерация) и анализом текста, позволил выявить участие в создании Галичского евангелия 1357 г. четырех писцов и установить части, написанные каждым из них.

Выяснилось, что II и IV писцы работали независимо друг от друга, а также от I и III писцов. I писец, назвавший себя в записи Фофаном, и III писец работали, чередуясь попеременно. Основная масса текста написана I и IV писцами; II писцом написана только одна тетрадь из 23-х. Можно предполагать, по крайней мере, два оригинала, с которых писали четыре писца Галичское евангелие 1357 г., так как оригинал, с которого писал IV писец вторую часть рукописи (лл. 116—177), был во всяком случае особым.

Все оригиналы относились к русской школе письма. В них нет следов второго южнославянского влияния, но широко представлены черты, характеризующие русский извод древних памятников письменности до второго южнославянского влияния.

Анализ написаний исследованного памятника показал, что все писцы его были людьми хорошо грамотными. Встретилось сравнительно мало

отклонений от общепринятых орфографических норм, которые имеют фонетическое значение. Также немного оказалось описок, свидетельствующих о невнимательности писцов. Бóльшая часть из них принадлежит I писцу, Фофану.

Все это говорит о высоком уровне культуры, а также о высоком уровне постановки книжного дела в XIV в. в Ростово-Суздальской земле, в том числе на ее окраине, какой являлся Галич.

Как показал анализ орфографии и фонетики, произведенный на базе изучения написаний каждого из четырех писцов, участвовавших в создании памятника, в сравнении с данными других рукописей того времени, написанных на территории Ростово-Суздальской земли, и в сравнении с данными современной диалектологии, говор четырех писцов Галичского евангелия был единым. Различия в написаниях, особенно некоторые своеобразия орфографии III и IV писцов, не связаны с различиями их говоров, но говорят только о разных школах письма и о разной степени овладения писцами орфографическими нормами своего времени.

Фонетическая система отразившегося в памятнике галичского говора, одного из северновеликорусских говоров середины XIV в., характеризовалась следующими чертами.

В ударенном положении различались, по крайней мере, гласные [а], [о], [у], [и] — [ы], [е], [ê]. Это устанавливается на основании следующих данных: 1) под ударением в положении как перед твердым, так и перед мягким согласным на месте этимологического «ѣ» существовал особый звук [ê], отличающийся от звуков [е] и [и]; 2) памятник отражает изменение ударенного [е] в [о] в положении после шипящих и после [ц] (на стыке с падежной флексией) перед твердым согласным; в памятнике нет указаний на изменение [е] в [о] в положении после парных мягких согласных; 3) звуки [и] и [ы] функционально объединились и были уже в тех отношениях, которые характерны для современного русского языка, а именно, наличие звука [ы], как это вытекает из анализа консонантизма, стало обусловливаться твердостью предшествующего согласного. В памятнике нет материала для того, чтобы судить о наличии или отсутствии в галичском говоре того времени [ô] или дифтонга [y͡o] в слоге под ударением на месте старого «о» под восходящим ударением.

В отношении гласных в безударных слогах галичский говор того времени характеризовался следующим. Говор был окающим, в нем различались [о] и [а] после твердых согласных во всех безударных слогах. После мягких согласных гласные неверхнего подъема [а], [е] (или, может быть, [о]), [ê] в первом предударном слоге различались, причем звук [ê] в предударных слогах, сохраняя свое качество, отличался как от [е] из «е» и «ь», так и от [и]. Памятник показывает, что гласный [и] во втором предударном слоге подвергался редукции. Возможно, что редукции подвергались также гласные неверхнего подъема.

В заударном положении в конечном открытом слоге звук [ê] имел более открытый характер и приближался к звуку [е]. Надежных в фонетическом отношении указаний на редукцию заударных [е] и [и] в памятнике нет.

В отношении звонкости—глухости в галичском говоре XIV в. одни согласные были парными, другие внепарными, звонкими или глухими. Парными по звонкости—глухости были согласные: [п]—[б]; [п']—[б']; [т]—[д]; [т']—[д']; [с]—[з]; [с']—[з']; [ш']—[ж']; [ш'ч']—[ж'д'ж']; [к]—[г]. Внепарными были согласные: [х], [ф], [ф'], [ч'], [ц'] — глухие; [w]—[w'], [м], [м'], [н], [н'], [л], [л'], [р], [р'], [j] — звонкие.

В отношении твердости—мягкости среди согласных галичского говора были также парные и внепарные. Следующие согласные образовали пары в отношении твердости—мягкости: [п]—[п']; [б]—[б']; [w]—[w']; [ф]—[ф']; [м]—[м']; [т]—[т']; [д]—[д']; [с]—[с']; [з]—[з']; [л]—[л']; [н]—[н']; [р]—[р']. Согласные [ш'], [ж'], [ш'ч'], [ж'д'ж'], [ц'], [ч'], [j] были всегда мягки и соотносительных пар в отношении твердости—мягкости не образовали. Если согласные [к]—[к'], [г]—[г'], [х]—[х'] считать разновидностями одной фонемы, то нужно признать, что [к], [г], [х] были внепарными твердыми, так как они выступали в своем мягком варианте только перед гласными переднего ряда: [и], [ê], а также перед [е] в некоторых заимствованных словах.

Мягкие губные предшествующей эпохи, находившиеся перед слабым «ь», после утраты слабых редуцированных, оказавшись перед мягкими зубными, сохраняли свою мягкость. Губные в старых сочетаниях с «л'» эпентетическим были мягки.

Согласный [л'] сохранял свою мягкость во всех положениях в слове и позиционному отвердению не подвергался.

В положении перед твердыми губными и задненебными мягкий [р'] в старых сочетаниях с предшествующим редуцированным «ь» между согласными сохранял свою мягкость.

Мягкие зубные предшествующей эпохи, находившиеся перед слабым «ь», после утраты редуцированных сохраняли свою мягкость перед мягкими губными и зубными согласными.

Следующие этимологически твердые согласные подвергались ассимиляции по мягкости последующему согласному: 1) твердые губные смягчались перед следующими мягкими губными; 2) твердые губные смягчались перед [j]; 3) твердые зубные согласные перед мягкими губными также смягчались; 4) твердые зубные смягчались перед мягкими зубными.

Следующие мягкие согласные, парные в отношении твердости—мягкости, в положении перед следующими за ними твердыми согласными претерпели позиционное отвердение: 1) губные отвердели в положении перед твердыми зубными (однако эта черта отразилась лишь в той части рукописи, которая написана IV писцом); 2) зубные парные согласные, кроме [л], в том числе согласный [р] в старых сочетаниях с пред-

шествующим редуцированным «ь» между согласными, отвердели в положении перед твердыми зубными согласными.

Все твердые согласные не ассимилировались в отношении мягкости следующим за ними мягким шипящим и [ц].

В положении перед глухими согласными звонкие согласные, парные по звонкости — глухости, оглушались. В положении перед звонкими согласными озвончались глухие согласные, парные по звонкости—глухости. В положении на конце слова звонкие согласные в галичском говоре XIV в., по-видимому, еще не оглушались.

В галичском говоре середины XIV в. на стыке морфем уже существовали долгие согласные фрикативные и даже, возможно, взрывные с долгим затвором, подобные соответствующим звукам в современном русском языке. Долгое [ж'ж'] образовалось в корне «жьж».

Можно отметить следующие особенности в составе согласных в некоторых морфемах формального значения: в рассматриваемую эпоху форма 3-го лица единственного и множественного числа настоящего и будущего времени глаголов характеризовалась уже твердым [т]; форма творительного падежа существительных, прилагательных, причастий и местоимений мужского и среднего родов, а также местного падежа единственного числа прилагательных, причастий и местоимений тех же родов характеризовалась твердым [м].

Все изложенное выше позволяет утверждать, что звуковая система галичского говора к середине XIV в. уже существенно отличалась от фонетической системы древнерусского языка XI в., приближаясь скорее к фонетической системе современного русского языка в одном из его северновеликорусских диалектов. Так, в фонетической системе галичского говора: 1) уже существовали закрытые слоги и группы согласных, ранее не имевшиеся в языке; 2) согласные образовали пары по твердости—мягкости в основном соответственно парам в современном литературном языке и в большинстве русских говоров; 3) согласные образовали пары по звонкости—глухости, как в современном русском языке (при некоторых особенностях, сохранившихся в отдельных современных северновеликорусских говорах); 4) звуки [ы] и [и] функционально объединились и стали в те отношения, которые характерны для этих гласных в современном русском языке; 5) звук [е] после шипящих и [ц], а может быть, и после парных мягких согласных в положении перед твердым согласным изменился в [о]; 6) гласные фонемы образовали шести- или семифонемную систему, известную современным русским говорам. Все это сближает фонетическую систему галичского говора с фонетической системой современного русского языка в одном из его северновеликорусских диалектов.

Из сопоставления галичского говора XIV в. с другими говорами Ростово-Суздальской земли того же времени, известными нам по име-

ющимся исследованиям, видно, что это был типичный ростово-суздальский говор, знающий особую фонему [ê], различающий гласные в безударных слогах, различающий аффрикаты [ч'] и [ц'], имеющий, по-видимому, губно-губной звонкий согласный [w], взрывное [г], имеющий взрывной элемент в середине в артикуляции долгих шипящих [ш̂'ч'], [ж̂'д'ж̂'].

Таким образом, в середине XIV в. галичский говор в основных своих чертах не отличался от суздальского, переславль-залесского и московского говоров того же времени. На основании настоящего исследования и указанных выше исследований памятников письменности Ростово-Суздальской земли, проведенных в последние тридцать лет, можно полагать, что в середине XIV в. говоры на территории Ростово-Суздальской земли представляли единство.

Иначе говоря, значительная часть различий между вологодско-вятской (или восточной) и владимирско-поволжской группами северновеликорусских говоров, распространенными в настоящее время на старой территории Ростово-Суздальской земли (а также за ее пределами), сложились после периода написания исследованной рукописи, т. е. позднее середины XIV в. Позднее XIV в. появились такие особенности вологодско-вятских и владимирско-поволжских говоров, как: 1) утрата особой фонемы [ê] в значительной части говоров владимирско-поволжской группы; 2) утрата особой фонемы [ô] в значительной части говоров обеих групп (если она была в них повсюду); 3) изменение [а] в [е] под ударением между мягкими согласными в вологодско-вятской группе; 4) может быть, произношение [о] после мягких согласных на месте [е] в первом предударном слоге в вологодско-вятской группе и владимирско-поволжской группе; 5) редукция гласных неверхнего подъема в неударяемых слогах (кроме первого предударного) во владимирско-поволжской группе; 6) изменение губно-губного [w] в [в] губно-зубное в значительной части вологодско-вятской группы и во владимирско-поволжской группе; 7) произношение [ў] на месте твердого [л] в закрытых слогах в части говоров вологодско-вятской группы.

Более полно и на более твердой теоретической базе вопросы о взаимных отношениях вологодско-вятских и владимирско-поволжских говоров на территории древней Ростово-Суздальской земли, а также об отношении языковых черт этих групп говоров к чертам языка, отразившимся в памятниках Ростово-Суздальской земли XIV в., как и вопросы географического распространения языковых фактов по отношению к исторически образовавшимся территориям разных периодов эпохи феодальной раздробленности и другим историческим границам, могут быть разрешены только после изучения составленных и составляемых карт диалектологических атласов этих говоров и материалов, собранных для этой цели.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

З. — Зографское евангелие, изданное В. Ягичем: «Quattuor evangeliorum codex glagoliticus olim Zographensis nunc Petropolitanus», Berolini, 1879.

М. — Мариинское евангелие, изданное В. Ягичем: «Quattuor evangeliorum versionis palaeoslovenicae codex Marianus glagoliticus», Ptb., 1883.

Мст. — Мстиславово евангелие 1115—1117 гг. — рукопись Отдела древних рукописей Государственного исторического музея (Москва).

О. е. — Остромирово евангелие 1056—1057 гг. с приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями, изданное А. Востоковым. СПб., 1843.

С. кн. — Саввина книга, издана В. Н. Щепкиным. «Памятники старославянского языка», I, вып. 2, СПб., 1903.

Сокращения имен евангелистов при цитировании текстов (или ссылках на них) указанных рукописей и их изданий.

И. — Иоанн
Л. — Лука
М. — Марк
Мт.—Матфей

Римские цифры, следующие в ряде случаев за начальными буквами имен евангелистов, обозначают главу соответствующего евангелия, арабские цифры, стоящие следом за римскими, обозначают стих соответствующей главы.

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
Том VIII 1957

О. А. Князевская

К ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА В СЕВЕРНО-ВОСТОЧНОЙ РУСИ В СЕРЕДИНЕ XIV В.

(Палеографическое и фонетическое описание рукописи Московского евангелия 1358 г.)

Изучение московского говора на всех этапах его развития имеет большое значение для правильного освещения многих вопросов истории русского языка, в том числе процессов формирования языка русской («великорусской») народности и русского национального языка.

Сравнительно-историческое изучение языка московских памятников письменности, наряду с данными современных русских говоров, свидетельствует о сложной истории образования и развития московского говора. Последнее обстоятельство объясняется в значительной мере сложностью исторических условий, в которых протекало развитие этого говора.

Своеобразие состава московского говора было уже давно отмечено историками русского языка, однако до сих пор история его развития изучена недостаточно.

Происхождение и развитие московского говора до некоторой степени рассматривается в общих курсах по истории русского языка. Наиболее подробно связанные с этим проблемы освещены в трудах академика А. А. Шахматова в связи с вопросами происхождения русского языка, образования средневеликорусских говоров и русского литературного языка. Эти проблемы освещаются также в трудах советских ученых, так, например, в работах проф. Р. И. Аванесова при рассмотрении вопросов формирования русского языка в его говорах и происхождения средневеликорусских говоров.

После лингвистической дискуссии 1950 г. лингвисты и историки в ряде статей касались вопросов образования и развития московского говора[1].

В этих работах определяется смешанный характер московского говора, подчеркивается, что взаимоотношения двух основных начал — северновеликорусского и южновеликорусского — в московском говоре разных периодов его развития были неоднородными.

---

[1] Р. И. Аванесов, П. С. Кузнецов. Русская диалектология (рецензия). «Советская книга», 1952, № 6; «К вопросу о развитии от языка народности к национальному языку» (библиографическая справка). «Вопросы языкознания», 1952, № 6; Р. И. Аванесов. К вопросу образования русского национального языка. «Вопросы языкознания», 1953, № 2; его же. Проблемы образования языка русской (великорусской) народности. «Вопросы языкознания», 1955, № 5.

В древнейший период своей истории московский говор входит в состав ростовско-суздальского диалекта, который позже послужил основой для языка великорусской народности. В дальнейшем, когда на почве великорусской народности складывается русская нация и ее общий язык, являющийся результатом дальнейшего развития языка великорусской народности, в московском говоре увеличивается количество южновеликорусских особенностей. Р. И. Аванесов отмечает, что со временем в московском говоре «... по мере территориальных приращений на юге, усиливается «ю-в-р», акающее начало»[2].

Из рукописного богатства Москвы раннего периода сохранились лишь немногие остатки. Самые ранние памятники датируются XIV в., к ним относят, примерно, 10 датированных книг и несколько грамот[3]. Основная часть книжного богатства Москвы XIV в. и более раннего периода погибла при пожаре 1382 г., во время осады города Тохтамышем.

К числу работ, посвященных описанию языка московских памятников XIV в., относятся: статья проф. П. Г. Стрелкова «О языке семи древнейших завещаний московских великих князей XIV в.»[4] и кандидатская диссертация О. В. Горшковой[5], в которой исследуется лексика и фразеология московских грамот XIV в.[6]

Детального и всестороннего исследования языка московских памятники XIV в. до сих пор мы не имеем. Между тем XIV в., которым датируются ранние московские памятники, представляет собой период, значительный в истории Москвы и Московского княжества. В эти годы росла и крепла мощь будущего русского государства, развивалась культура и начинала складываться великорусская общность.

В начале своей истории Московское удельное княжество входило в состав Владимиро-Суздальского великого княжества, сложившегося, в свою очередь, как младшее ответвление Киевской Руси. Однако со времени княжения Ивана Калиты Москва настолько укрепляется в политическом, экономическом и культурном отношениях, что становится ведущим центром северо-восточной Руси. Возвышение Москвы и превращение ее в центр образующегося русского государства было обусловлено усилением Москвы в экономическом отношении и образованием в ней национально-политического центра. На русской терри-

[2] Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах. «Вестник МГУ», 1947, № 9, стр. 144.

[3] См. Н. В. Волков. Статистические сведения о древнерусских книгах XI—XV вв. СПб., 1897.

[4] См. «Сборник Общества философских и социальных наук», вып. 2. Пермь, 1927.

[5] О. В. Горшкова. Язык московских грамот XIV—XV веков. Лексика и фразеология, (машинопись), МГУ, 1951.

[6] См. также канд. дисс. О. А. Князевской «К исторической фонетике русского языка в Московской Руси середины XIV в.» (машинопись), МГПИ им. Потемкина, 1952.

рии задолго до формирования русской нации возникло централизованное государство с центром в Москве.

Письменный язык Москвы формируется на базе письменного языка Ростовско-Суздальской Руси, преемственно связанного, в свою очередь, с общерусской традицией Киева[7].

Сохранившиеся до наших дней древние памятники не могут в одинаковой степени отразить все стороны живого языка прошлого. Тем не менее весьма разнообразные по содержанию, жанру и стилю памятники позволяют судить о живых чертах современного им языка. Наиболее ярко особенности живой речи писцов, в том числе явления грамматического строя и словаря, проявляются в языке светских памятников (преимущественно грамот). Однако их сохранилось сравнительно немного. В большом числе дошли памятники церковной литературы.

Язык памятников церковно-канонической литературы испытал известное влияние старославянской письменной традиции (главным образом в области лексики, фразеологии, в меньшей степени грамматики). Более свободной от влияния церковно-книжной традиции была область фонетики. В силу этого языковые особенности, свойственные живой речи писца, больше всего могли проявиться в фонетике.

В настоящей работе делается попытка представить фонетическую систему московского говора середины XIV в. на основании данных, извлеченных при анализе языка Московского евангелия 1358 г.[8] в сравнении с другими памятниками московской письменности (прежде всего с московскими грамотами XIV в.) и данными современной диалектологии.

Полностью восстановить фонетическую систему живого говора на основании написаний памятника не представляется возможным, поскольку звучащая речь всегда значительно богаче и сложнее своего письменного выражения. Однако многие фонетические черты нашли свое отражение в рукописи как в написаниях, содержащих отклонения от орфографических норм, так и в их последовательном проведении.

ПАЛЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Апракосное евангелие 1358 г. представляет собой довольно хорошо сохранившуюся рукопись большого формата — в лист.

Текст списан одним писцом крупным уставом, почерком, типичным для русских рукописей XIV в.

Написан памятник на лощеном пергамене среднего качества, местами дефектном. Испорченные места, дыры, срезанные концы чаще

---

[7] См. ст. «Русский язык» Р. И. Аванесова и В. В. Виноградова. БСЭ, т. 37.

[8] Рукопись Московского евангелия 1358 г. хранится в Москве в Отделе рукописей Государственного исторического музея за № Патр. 69.

встречаются к концу рукописи (лл. 198, 205, 217 и др.). На некоторых листах, вследствие употребления при богослужении, встречаются пятна от восковых свечей.

Переплет памятника — доски, обтянутые кожей, с золотым тиснением — сделан много позже времени написания памятника — не раньше последней четверти XVII в.

Всего в книге 221 лист; текст написан на 220 листах, начинается с оборота первого листа и кончается на лицевой стороне 221 листа.

Листы рукописи с первого по 219 разлинованы острым орудием на два столбца, два последних листа разлинованы во всю страницу. В каждом столбце в среднем содержится по 23 строки, кроме последних 40 листов памятника и последних листов некоторых тетрадей в середине рукописи (л. 34), где количество строк колеблется от 24 до 30.

Книга сброшировала из 25 тетрадей по 8 листов в каждой.

В тексте рукописи обозначение времени евангельских чтений и их заголовки писаны киноварью. Каждое чтение начинается с крупной буквы — инициала. Красные заглавные строки не отличаются ни рисунком, ни величиной букв от обычного почерка, поэтому они не нарушают числа строк на странице (кроме заглавий месячных чтений, заглавий евангельских чтений на особые потребы и заглавий воскресных евангелий сделанных крупным «заглавным» почерком).

Две заставки (на л. 1об. и на л. 193об.) и инициалы выполнены в характерном для того времени тератологическом стиле. Тератология в украшениях рукописи очень несложная. Так же типична и раскраска инициалов — сочетание спокойного серо-голубого тона (фон в заставках) и киновари, которой сделаны контуры изображений. Некоторые инициалы, чаще в конце рукописи, сделаны киноварью (контуры) и более дешевой охрой (см. лл. 199об., 200, 198об., 106, 110об., 111 и др.). Украшения рукописи исполнены не тщательно.

На л. 221 с лица находится запись писца с летописью памятника 1358 г. (6866—5508). Эту дату нужно считать датой написания всего памятника.

В лѣ ·s·ѱ·ѯ·s· созданы быша сиа книги при благовѣрнѣмь і великомъ кнѧзи иоанѣ иоановичѣ и при митрополитѣ олексѣи рабомъ биимь лукьѧномъ въ чсть и въ славу оцю и сѣну и стму дху и нынѣ и присно в вѣк вѣкомъ.

Ниже киноварью написано:

гси помози рабу своєму феодору написавшему ѡуа ѡ праведнок ѿпусти ємѹ гси волнаѧ и неволнаѧ прегрѣшеныѧ.

Обе записи сделаны тем же почерком, что и основной текст рукописи.

Даты упомянутых в записи великого князя московского Иоанна Иоанновича (1353—1359) и знаменитого митрополита Алексея (1354—1377) подтверждают летопись памятника.

Полагаем, что рукопись написана в Москве, так как в записи упоминаются имена только великого князя и верховного церковного владыки, бывшего одновременно и московским высшим духовным лицом. По обычаям того времени в записях церковных памятников почти обязательно приводится имя местного епископа.

Иоанн Иоаннович Московский, носивший титул «великого князя», представлял собой наиболее бесцветную фигуру. В летописях его называют «кротким, тихим, миролюбивым»[9]. Время его княжения отличается многочисленными внутренними усобицами, смутами и попытками интервенции со стороны западных соседей (ср. смуты в Новгороде, Твери, Муроме, восстания Олега Рязанского, попытка захвата Московского и Тверского княжеств Ольгердом Литовским). Так что если бы памятник был написан не в Москве, а в каком-нибудь другом городе, то в этом случае в записи было бы указано имя местного князя.

Нельзя сказать, кто именно из указанных в записи двух лиц был писцом, написавшим памятник. Можно только предположить по обычной формулировке записи, что Лукьян (о котором сказано, что он создал книги) был заказчиком, а Феодор, написавший евангелие, был писцом рукописи[10].

Примеры из описываемой рукописи приводятся в лекциях по истории русского языка А. И. Соболевского[11] и в его статье. «Из истории русского языка»[12]. Памятник упоминается в книге проф. М. Н. Тихомирова «Древняя Москва»[13].

Снимок с л. 193об. и с летописи памятника помещен у Саввы, епископа Можайского, в «Палеографических снимках с греческих и славянских рукописей Московской синодальной библиотеки VI—XVII вв.»[14]. Запись с некоторыми неточностями приводится И. И. Срезневским[15].

Памятник упоминается также Е. Ф. Карским в его курсе палеографии[16].

---

[9] Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV, кн. 1, гл. IX, 1844, стр. 173.

[10] Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 300, 306.

[11] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. Изд. 4-е. М., 1907, стр. 56, 57, 61, 87, 127 и др.

[12] А. И. Соболевский. Из истории русского языка. ЖМНП, 1897, ч. 342.

[13] М. Н. Тихомиров. Древняя Москва. М., Изд-во МГУ, 1947, стр. 188.

[14] «Палеографические снимки с греческих и славянских рукописей Московской синодальной библиотеки VI—XVII вв.». Издал Савва, епископ Можайский. М., 1863, л. ·л̄·а̄·.

[15] См. «Древние памятники русского письма и языка». СПб., 1882, стр. 214. К числу неточностей можно отнести написания «при митрополитѣ», «рабомъ биимъ» у Срезневского вместо «при мотрополитѣ», «рабомъ биимь» в рукописи 1358 г.

[16] Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография, стр. 49, 150, 206, 300, 306.

Евангелие 1358 г. представляет собой полный апракос, т. е. в нем отрывки евангельского текста расположены для церковного употребления по неделям на круглый год.

По определению Г. Воскресенского, евангелие 1358 г. принадлежит ко второй редакции, к которой относится Мстиславово евангелие начала XII в. и Юрьевское евангелие 1120—1128 гг.[17]

Лл. 1в — 193г содержат чтения на все дни церковного года от воскресенья недели пасхи до страстной субботы великого поста. Чтения, встречающиеся несколько раз в году, обычно пишутся только в одном месте, а для остальных случаев приводятся только их начала и конец (не всегда) с указанием дня, на который этот текст писан полностью.

Например, на л. 56в для четверга восьмой недели «всех святых» от Матфея писаны только начало и конец, но указано, что этот отрывок написан на воскресенье пятой недели великого поста («пс^{н}а н^{л}е $\overline{е}$ поста»); на л. 60в от понедельника десятой недели «всех святых» до четверга той же недели также написаны лишь начала и концы чтения с указанием, что «пс^{н}а въ вто^{о} стр^{б}тныи^{ц} н^{л}е на зау^{т}» и т. п.

В надписях, указывающих, из какого евангелиста взято чтение, иногда встречаются ошибки (см. лл. 27г, 63г, 65в).

На лл. 193г—217в текст содержит чтения на избранные праздники (двунадесятые) и дни святых на все 12 месяцев, начиная с сентября. Из русских святых приводятся на 2 мая и 24 июля Борис и Глеб и на 3 мая Феодосий Печерский.

На л. 217об. приводятся начала чтения на особые потребы. Их пять на освщньѡ цркве, пам^{т}а труса и ст^{х}а всѧкого, на осщньѣ цркві, на брань и на бездождьѣ, н^{л}а болѧщимь, н^{л}а масл^{м}о кгда творѧть $\overline{ѕ}$ по^{п}въ н^{л}а болѧщ^{м}и;

Листы 217г—220в содержат одиннадцать воскресных евангелий, на л. 220в—221 прибавлен «оуказ ѡуа$\overline{кмъ}$ въскръ^{с}мъ и гласомъ».

В большинстве случаев расположение чтений в евангелии 1358 г. совпадает с их расположением в апракосных евангелиях Остромировом и в Юрьевском 1118—1128г и с «Указателем евангельских чтений на все дни года» в печатной библии 1892 г. (СПб.). Однако встречаются и незначительные расхождения.

Анализ почерка

Почерк рукописи по характеру своих начертаний представляет собой типичный русский устав XIV в. В. Н. Щепкин называет его «новым стильным почерком»[18].

[17] Г. Воскресенский. Евангелие от Марка по основным спискам четырех редакций рукописного славянского евангельского текста с разночтениями из 108 рукописей евангелия XI—XVI вв. Сергиев посад, 1894, стр. 50.

[18] В. Н. Щепкин. Учебник русской палеографии. М., 1920, стр. 104.

Основной его отличительной особенностью является большая высота букв (в сравнении с более ранними почерками), буквы несколько вытянуты в длину. Отсюда — сжатость начертаний. Почерк четкий со значительной разницей между толстыми и тонкими линиями в рисунках отдельных букв. Этот тип почерка характерен для русской письменности XIV в. и неизвестен памятникам южнославянского происхождения.

Вся рукопись (как уже указывалось выше) написана одной рукой. Грубость и некоторая небрежность почерка на отдельных страницах объясняется часто внешними и случайными причинами: качеством пергамена, пера, чернил. Так, на шероховатом пергамене почерк бывает крупней и грубей; на гладком и тонком — мельче и тоньше (ср. лл. 34 и 35).

Обычно различаются начало тетради (где писец писал с большим стараньем) и ее конец.

В тексте и особенно в заголовках встречается значительное количество разнообразных сокращений; приемы сокращений обычны; и в этом отношении рукопись не представляет чего-либо особенного в сравнении с другими памятниками.

Титла встречаются в двух традиционных вариантах: одно в виде прямой черты с точками по краям и посередине (употребляются в сокращениях без выносной буквы); и второе — в виде дугообразной линии, под которую выносятся буквы над строкой [19].

Выносными буквами могут быть почти все согласные. Очень часто выносятся под титло буквы *с*, *ч* (пишется обычно только чашечка), *г*, *к*, *в*, *м*; буквы *т*, *д* могут выноситься без титла (ѿ, н^{д}е). Значительно реже выносятся *р*, *ж*, *ц*, *ф*:

вто 43а, въздви^{же} 196а; се пре^{же} ркохъ ва^{м} 180 г, коне^{ц} 82а; 59а и др.

Выносное *ф*, как правило, встречается в имени евангелиста — Матфѣи, в киноварных заголовках (м^{ф}т на лл. 82б, 68а, 68г и др.).

Кроме титла, из надстрочных значков встречаются две точки (¨), которые ставятся над гласными: *ӓ*, *ӧ*, *ӥ*, *ї*, *ѥ*, *ѣ̈*, *ю̈*. Обычно две точки пишутся, когда эти буквы начинают слово или следуют после гласных букв и после ь.

Примеры: ӓзъ 16г, ӓще 59б; ӓнглы 110в, ӧбращесѧ 96в, ӧ тебе 82в. Во ӧн^{в}о 115а, ӥстиненъ 16г ӥ — (союз) 110в, ӥмѣ 110в, ӥоаннъ 40б, ѥ̈му 110в, ѥ̈сть 111б, абы ѥ̈ 39в, питаѥ̈ть 40а, ц̈сѣци ю̈ 125а, ѣ̈ко 58в, ѣ̈сти 39г, оубоюѣ̈шасѧ 59а, солью̈ 125б, вашею̈ 39г и т. д.

Однако нередко в этом же положении встречаются эти буквы без двух точек над ними: ѥсть 111б, селноѥ 40а, имѧху 58в и рьша 58в (союз), аще 58в, азъ 58в, властью 58с.

---

[19] Иногда буквы, входящие в состав слова, надписаны над строкой без титла в своих строчных вариантах. Очевидно, эти буквы, ошибочно пропущенные, надписывались писцом позже, когда он замечал свою ошибку. Пропущенные буквы чаще встречаются в конце строчки, чем в начале или середине. Например, оу^{бо}бѣ (-оубо бѣ) 16в нехоуж^{е} (-нехоуже-) 16в, дом^{у}ту (-домуту) 97а и т. д.

Рассмотрим наиболее типичные для почерка рукописи начертания строчных букв.

У буквы *ж* сильно сокращена ее верхняя часть, ее левая и правая стороны пишутся самостоятельно, причем эти ломанные линии, приписываемые к вертикальной, не всегда совпадают.

Буква *ѣ* мачтой вышла из строки; ее коромысло лежит на верхнем уровне строки.

Буква *ч* имеет угловатую чашу, ножка буквы по длине равна ее чаше.

Буквы *и*, *н*, *ю*, *ѣ*, *к* имеют косую перекладину, которая лежит в верхней трети буквы.

Рядом с *е* йотированным встречается широкое *е*, так называемое *е*— якорное, полулежащее в строке с язычком, направленным вверх. Эта буква часто употребляется из экономии места, она несколько у́же *е* йотированного. Часто пишется в киноварных заголовках чтений, в конце строк или иногда перед следующим *е* йотированным (ѡу҃аѡ или ѡу҃а в киноварных заголовках):

ѡ||му 182в, ѡ||да кѣ 22г, архиѡ||рѣи 182в, листвиѡ ндино 58а.

Буквы *и*, *і* употребляются безразлично; иногда писец пишет *і*, экономя место.

Буква омега пишется с низкой серединой, обычно встречается в сочетании от (ѿ).

Примеры: ѿ луки 127б, ѿ мр҃твыхъ 118в, ѿвѣща 4в, ѿиде 126в и т. д.

Один раз встретилось ѿ҃ в значении ‘о’ ѿ҃||трдсѣте 38а.

Довольно часто омега пишется в формуле во о҃в҃но или во ѡн҃в҃о (см. л. 49). Кроме того, омега встретилась в случаях ѡба на 10 170в, ѡ овцахъ 194г, о ѡ чищеньи 6а, о ѡкаменении 150в, о ѡдежи 40а. Следует полагать, что в трех последних случаях омега пишется в целях графического разнообразия при встрече двух *о*.

Оу пишется в начале слов и в середине слова после гласной; после согласной пишется буква *у*. Очень редко (чаще к концу рукописи) употребляется связное написание ѹ҃ ѹ҃зрите мд҃ 180а, о ѹ҃||чнцѣхъ 182в.

Буква *ы* на протяжении всей рукописи пишется как *ъ* и *і* без соединяющей линии.

Буква *х* обеими линиями выходит вниз за строку; линия, идущая сверху вниз, справа налево, начинается небольшим крючком.

Буква зело имеет обратное написание. Ее числовое значение 6.

Буква фита *ѳ* употребляется как выносная буква под титлом над строкой. В строке всегда пишется *ф*, кроме одного случая в назареѳъ 203г. Ее числовое значение 9.

Совершенно не употребляются буквы ѫ, ѭ, ѩ (кроме одного случая пекии сѫ 126в 12)[20].

[20] Ѳиде пекии сѫ бѣ бо притяжаше имѣнье много 126в в ев. 1358 г., в Мар. и Зогр. ев. ѳ иде скръбѧ Марк 10,22; в библии 1892 г. отошел смутившись, в Остр. ев. этого текста нет.

Греческое ѵ (ипсилон) передается через *ю*, *у*, *в* и изредка через *и*.

Примеры: мюра 92в, кюра 208б, 214б, кюрьдка 197в, въ кгупетъ 203б, суриискый 84г, в газофулакию 132а, в газафулакию 135в (при газофолакии 17а, 132а), труфона 208б, фурса 200в, коутухью 210в, коуфимьı 208а, кѵфимьı 197в, квгеньи 202а и др.

Буквы ѯ не встретилось (кроме числового значения). Буква ѱ отмечена один раз в собственном имени Акеѱмы 199г.

Греческие η, αι, ει передаются через ѣ, *и* изредка ѥ.

Примеры: алфѣквъ 37в, галилѣы 107а, кѣсаревъ 185г, кесарь 185а, аримафѣы 148б, 189б и аримафиа 10а и др.

Из знаков препинания в памятнике употребляется точка. Она пишется в середине строки (обычно на половине высоты буквы). Перед киноварными заголовками в конце чтений и иногда в строке вместо· встречаются знаки ·⁖, ·⁖ѵ см. 39г, 40б, 58в, 59а, 96в или ·⁖г‖ л.87в, один раз в конце чтения встретился знак г‖‖г‖ л. 69в.

Буквы, употребляющиеся в числовом значении, кроме обязательного титла над ними, как правило, имеют точки с обеих сторон.

Примеры: въ ·г̄· дн̄ь 122г, 113г, въ ·д̄· дн̄ь 188а, 201г, 204а, в ·θ̄· 141б, въ ·s̄· 203г и др. Употребляются эти знаки, однако, очень непоследовательно и очень часто отсутствуют.

Описки, которыми изобилует текст евангелия, не выделяют памятника из других рукописей. По своему характеру они представляют обой или пропуск нескольких букв и знака титла, или повторение близко расположенных букв и изредка слов; или написание вместо нужной буквы другой, встречающейся в следующем слоге. Наиболее часто встречаются описки в конце строки при переносе.

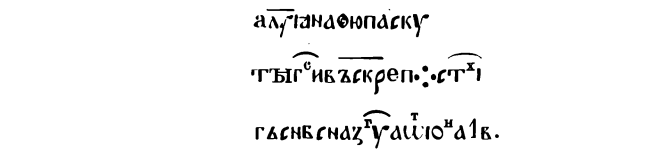
Примеры: остави ки завѣди 72б (пропущено по), да свѣдитествукть (пропущено ль) 1б, начаша кници (пропущено жни) 103а, кто кдиного взненавить 39г (пропущено ди), в дн̄ь суботыи 115б (пропущено ьн), дѣлатемъ 116в (пропущено ле), никии рабъ не можеть вѣма гн̄ома работати 127 · 10 (пропущено дь) знаменьк теро видьти 146б (пропущено к), до вре‖не 83г (пропущено ме), вы са‖мнѣ свѣдительствукте 6б (пропущено ми), добръ пло творити 35в (пропущено дъ), а бре мок (пропущено ма), ѿро мои 42б (пропущено къ),абь придеть 69а (пропущено к), оучени 126а (пропущено ки), ѿщавъ 110в (пропущено вѣ), архи впросиша 140а (пропущено крѣи) ами глю вамъ 79 (пропущено титло); избраша добраша добрыа 48а, свѣдительствукть‖ствукть 9в, к нему июдѣкму‖июдѣкмъ 14в, ѩко затворакте‖творакте 163в, въ тму‖тму кромѣшнюю 167б, то кесть‖сть слыша 46г, вы съ‖створите 81а, гл̄ю же вамъ‖амъ 110б, оставлакмъ вь‖лакмъ 212а, послуслушакть 22г, дондонь‖де же 27а, дь‖дыаволъ 83в, в цр̄кр̄вь 56в, взрадаваша 120в и т. д.

В некоторых случаях отмечены искаженные места: аще ркуть вамъ се кровѣхъ 61в, в Зографском евангелии се въ съкровѣхъ, в Мариинском евангелии се въ съкровищихъ.

На л. 30б две последние строки стерлись и их трудно читать.

Опиской следует считать написание вземю кгоже не положихъ (возьму, чего не положил) 114б, при въ землѧ в Мариинском евангелии, въ землѣ в Зографском и Ассеманевом евангелиях (от Луки, глава 19, стр. 22) и при систематическом эпентетическом [«l»] после губных в исследуемом тексте (корабль, землѧ и т. д.).

К числу не прочитанных, «темных», мест следует отнести конец второй строки и начало третьей, в начале рукописи, писанных киноварью:

Многочисленные описки в тексте, свечные пятна на листах рукописи, недорогой пергамен, скромный орнамент позволяют предположить, что евангелие было написано для повседневного пользования.

ГРАФИКА И ОРФОГРАФИЯ

Рассматривая употребление буквенных знаков в рукописи, следует сделать вывод о графической системе писца и о нормах орфографии, принятых для того времени.

1) Буквы гласных

Для обозначения гласных звуков писец употребляет буквы: *а*, ѧ, *е*, *о*, *оу*, *у*, *ю*, *и*, *ы*, *ѣ*, а также ѣ, ѥ.

Буква *а* обозначала гласный [а] в начале слова, после твердых согласных, в том числе после [г], [к], [х], после мягких шипящих и [ц].

Примеры: аки 68в, званыхъ 124б, рабъ 63а, искаше 87в, слугам 73б, ветхаго 65в. Примеры с *а* после шипящих и *ц* см. ниже.

Буква ѧ обозначала тот же гласный звук [а] после смягченных согласных, парных по мягкости и твердости.

Примеры: исѧкънувъ 73в, видѧ 73г, трѧсѣте 74в, купѧть 75б и т. д.

Буквы *оу*, *у* обозначали гласный звук [у], из них *оу* употреблялось в начале слова и после букв гласных в середине слова.

Примеры: оученикъ 3а, оузка 198б, 173а, зооуща 51б, 56г, маоуры 211а и др.

Буква *у* употреблялась после твердых согласных.

Примеры: при пути 68б, пусто 65б, бѧху 67б и др.

Буква *ю* обозначала тот же звук [у] после мягких согласных и шипящих; в положении после букв гласных и после буквы ь буква *ю* обозначала сочетание [jу].

Примеры: всю 73г, по морю 75г, възлюбиши 76г, послушають 74в, в четвертую же 75г, подъножью 77а, не оумывають 77б и т. д.

Буквой *о* (или иногда ѡ) писец обозначал гласный звук [о]. Буква *о* употребляется только в начале слова и в положении после букв твердых согласных (парных по мягкости и твердости и внепарных *г*, *к*, *х*).

Примеры: на одрь 77а, одесъную 77а, во оно 76в, мѣсто то 76г, искони 1в, от него 78в, тако 78в, проходъ 78в и т. д.

Буква *е* употреблялась писцом для обозначения гласного [е] в положении после букв согласных парных по мягкости и твердости и шипящих.

Примеры: веръсту 34а, конець 80б, тебе 81а, о вещи 55б, теща 86а, разрешенъ 55б, ѥако же 81в, ѥмуже 81в и т. д.

В положении после шипящих перед твердыми согласными под ударением буква *е* могла обозначать звук [о] (ср. жонъ 211г и женъ 54в).

Буква *ѣ* в памятнике обозначает особый гласный звук, отличающийся по своему качеству от остальных гласных (о его качестве будет сказано ниже).

Буква *и* (или *ї*) служит для обозначения гласного [и], буква *и* употребляется в начале слов и после букв согласных (в том числе после букв шипящих) и после букв *г*, *к*, *х*.

Буква *ы* употребляется только после твердых согласных (кроме *г*, *к*, *х*) и обозначает звук [ы]. В начале слова буква *ы* не встречается. Примеры употребления буквы *ы* будут приведены ниже.

Все перечисленные буквы гласных, в том числе буквы гласных неверхнего подъема, употребляются (за небольшими исключениями) этимологически правильно, независимо от качества соседних звуков и своего положения по отношению к ударению.

Употребление букв ꙗ и ѧ в памятнике четко разграничено. Буква ꙗ употребляется в начале слов и после букв гласных (в том числе и после ь), т. е. служит для обозначения сочетания [ja].

Примеры: ꙗко 41б, ꙗсти 41г, покаꙗнье 45б, твоꙗ 44б, недужныꙗ 42б, непригазнь 46а, свѣдительствуꙗ 17а, руки ѥꙗ 42а, сѣꙗныꙗ 41г, ни пыꙗ 41а, судыꙗ 43в и т. д.

Исключением является написание тиверьадьска 10г (при от тиверьꙗды 10с, на мори тиверыꙗдьстѣмь 19г).

Буква ѧ употребляется только после букв согласных, противопоставленных по мягкости и твердости (после шипящих и ц употребляется буква *а* и обозначает звук [а] с предшествующей мягкостью.

Примеры: погубѧть 43а, спѧщимъ 46с, свѧжеть 43с, сѣдѧщимъ 41а, тѧжко 45, взѧтъ 42в, всѧ 42в, имѧху 49с, кнѧзи 43в, клѧтвою 49с, землѧ 44с, оукарѧти 41а и др.

Два раза буква ѧ встретилась после ц: ц̑рⷣцѧ оужьска 43г, цѧту 68г.

Случаев мены ꙗ и ѧ встретилось весьма незначительное количество.

Буква ѧ вместо ꙗ встретилась в следующих примерах: бѣсныѧ 65а, добрыѧ 48а, грнгорьѧ 197, дионисьѧ 198а, матфѣѧ 47в (в двух последних примерах буква ѧ написана сверху, над строкой).

Примеров с ꙗ вместо ѧ встретилось еще меньше: врѣмꙗ 14а, обрꙗщете 220а, вѣдꙗше 220в.

Аналогично ꙗ—ѧ употребляются в памятнике буквы ѥ и *е* (буква *е* — якорное является графическим вариантом ѥ и употребляется, главным образом, из-за меньшей ширины в сравнении с ѥ, см. выше).

Буква ѥ встречается только после букв гласных и в начале слов.

Примеры: въсхищаѥть 46а, доброѥ 46б, входѧщеѥ 50в, оудобѣѥ 48г, ѥсть 46б, ѥму 46в, ѥдинъ 47г.

Буква *е* употребляется только после букв согласных, в том числе после шипящих и *ц*.

Примеры: бес плода 46б, печали 46б, дерзаи 48в, в терньи 46б, село 47г, оумерла 48в, слепець 50в, старець 50а и т. д.

Буква ѥ тем самым обозначает сочетание [je], а буква *е* служит обычно для обозначения звука [e] с предшествующей мягкостью согласных.

2) Буквы согласных

Для обозначения согласных звуков писец употребляет буквы *п*, *б*, *в*, *м*, *т*, *д*, *с*, *з*, *л*, *р*, *н*, *г*, *к*, *х*, *ш*, *ж*, *ч*, *ц*, *ф*, *щ*.

Буква *ф* употребляется в памятнике только в словах иноязычного происхождения.

Примеры: алфѣѩва 67а (ср. ἀλφαῖος), фарисѣи 32в, 102а, 102в и т. д. (ср. φαρισαῖος), фому 67а (ср. θωμᾶς), фадѣꙗ 67а (ср. θαδδαῖος) и т. д.

В нескольких примерах отмечена буква *ф* на месте этимологического «х». малафиꙗ 205в и амфилофьꙗ 200б и др.

Буква звонкого губного согласного *в* в подавляющем большинстве случаев употребляется этимологически правильно.

Буквы *ц* и *ч* употребляются писцом в соответствии с этимологией, обозначая звуки [ц] и [ч]. Например: цвѣтца 40а, цѣловати 186б и человѣкъ 53а, 137б, чадъ 41а и т. д., т. е. цоканье несвойственно живому говору, отразившемуся в памятнике. Колебание в употреблении букв *ц* и *ч* в слове оцетъ 91б (лат. acetum), оцта 187а, 187г и при очетъ 188г, очта 188г, не показательно, поскольку оно относится к иноязычному по происхождению слову.

В памятнике на месте этимологических долгих мягких шипящих последовательно употребляется буква щ для глухого шипящего и сочетание *жд* для звонкого (мщю 132г, ищю 9а, дождь 34б, 39б, ижденуть 13в и т. д.).

Звук [j] не имел особого графического знака для своего обозначения.

В начале слова перед гласной и в середине слова между гласными [j] обозначается вместе со следующими за ним гласными особыми йотированными буквами ѩ, ѥ и буквой *ю* — ѩко 162в, искушаѩ 162в, ѥлико 163а, пребываѥть 46б, требують 45а, клѧтвою 49в и т. д.

После согласной перед гласной звук [j] обозначается в гласной букве (ѩ, ѥ, *ю* букве *и*, иногда букве ѣ), причем перед ней ставится разделительный знак ь (изредка ъ) — цѣлованьѩ 163а, оубьють 164а, пьющи 165б, абьѥ 46б и т. д.

Буква *и* в положении после гласной в конце слова или перед согласной также в большинстве случаев обозначает [j] (точнее [*i*] «и — неслоговое»).

вїруите 169б, таино 69в, града июдѣиска 42г, ѩица 99б, разбоиникъ 184в, оумыисѧ 24а, горшаи 44а, любѧи 168г, дати єи 50а, скрыисѧ 27б, злыи чл҃вкъ 54а, 90а, 114б, пии 105в, нощии 64а и др.

В исследуемом памятнике широко представлены сочетания букв согласных, не встречавшиеся в древности в русском языке. До падения глухих эти согласные относились к разным слогам, а после утраты между ними слабого глухого оказались соседними. К их числу относятся сочетания [тл], [пс], [пт], [бв], [дм], [пн], [бн], [тн], [дн], [кт] и сочетания согласных с [j], которые ранее в доисторическую эпоху подвергались упрощению.

Примеры: свѣтло 97в, ни тлѧ тлить 117г, пси (им. п. мн. ч.) 97в, псомъ (дат. п. мн. ч.) 36г, роптаху 12г, птицѣ 38г, любве 9г, людми 3а, распну 185а, подобно 46г, хлѣбнаго 52в, свѣтникъ 189в, о дни томь 134в, в бездну 104в, кто 43а и др. (примеры на новые сочетания согласных с [j] см. в разделе о слабом *и* редуцированном).

Кроме перечисленных, в памятнике встретились следующие новые для XIV в. сочетания согласных.

В начале слова: вдовица 84в, взиде 14а, внутрь 35в, все 12в, от вси 88а, второѥ 11г, вчера 11г, многъ 10а, мните 10с, пшенницю 46 г, тма 10б, дщи 45в, 71в, дщицю 214а, со тщанькмь 195б, жгому 42а, 65а, жнуть 40в, что 4б и др.

В середине слова: лобза 144г, овчии 14а, минувши 11а, помните 13б, ропщѣте 12г, на сонмищи 14г, возметь 22в, 65в, дондеже 24а, 47а, 143б, вонзи 182б, службу 13г, колиждо 55б, притчю 68г, ветха 48б.

В памятнике отмечено значительное количество новых сочетаний согласных с плавными *р*, *л* (встречавшихся в русских рукописях старшей поры только в этимологических сочетаниях глухих с плавными между согласными = «tьrt», «tъlt» и др.): лва 209б, полза 26в, лжии 61б, прелщени 141а, дверми 22в, рци 23а, рчеть 33, рку 9г, ркоша 33а, оумроша 12б, оузрите 4в, зрѧста 11а и др.

Особенно разнообразные новые сочетания встретились на стыке корня с суффиксами, имевшими этимологический глухой в своем со-

ставе (-«ьн», -«ьц», -«ьш», -«ьк», -«ък», -«ъш»), на стыке корня с приставками *в* и *с*, и с частицами *же*, *ли*, *сѧ* в конце слов:

трубнымь 61г, дивно 25б, темно 39г, купно 55г, оугодно 49в, близнець 6г, вѣрныи 62б, 165в, красни 164в, въ житницю 161г, недужныи 14б, алчна 167г, грѣшникъ 25а, тощно 90б, тѧжка 72б, горко 176б, ловцамъ 37а, куплю 47г, чадца 176в, пришелца 163г, конца 38б, жерци 42а, старци 58б, сесца 147б, цвѣтца 40а, мѣшца 27б, болша 76г, меншихъ 168б, горши 65а, горша 189г, крѣпкаго 43в, подолку 77б, избытки 21г, погибшимъ 37в, снемшимъ 103б, поклонше 186б, створшии 9а, взнесше 188г, сплетше 184в, приключшихсѧ 2г;

взжагаѥтли 110б, раскаѧвсѧ 185б, постимсѧ 36б, собралсѧ 65а, помолитсѧ 57в, молихсѧ 144а, видъвже 85г, азже 171б, оутѣшителже 178а, онже 125г и др.

В памятнике также отмечены новые сочетания трех согласных (которых до падения глухих было очень немного) и новые сочетания четырех согласных.

Примеры сочетания трех согласных — впросить 212а, взбоѧша 70в, взбужю 155а, взвергъше 142а, взмогуть 121а, встануть 134а, вздыхающимъ 142а, взгорѣсѧ 106в, в бездну 104в, праздникъ 15г, извѣстно 203а, сблюдеть 20г, распрѧ 24а, 31а, спроси 148б, сплетше 184в и др.

Примеры сочетания четырех согласных — приимше стклѧницю 57в, въ вскрѣпеньк 9а, вскрѣшаѥть 8б, взгнѣшьшимъ 145а, вздвигнути 205а, 206а, вздрѣмасѧ 166а, всклонитсѧ 115а, вспроси 76г и др.

Перечень примеров новых сочетаний согласных можно значительно увеличить, если привлечь те случаи, где между согласными продолжают писаться буквы ъ, ь, не имеющие реального звукового значения.

После падения глухих стали возможными в русском языке сочетания двух одинаковых букв согласных. В исследуемом памятнике таких написаний встретилось очень немного, например: окаменно 120а, введи 149б, ввержеть 33в, вверзъте 220а, ссудъ 67в, равви 10г. Ставшие соседними два одинаковых согласных фонетически, благодаря действию ассимиляции, должны были образовать долгие согласные, которые не имели самостоятельного обозначения в русской графике. В силу традиционности графических приемов памятника между одинаковыми согласными обычно пишется буква слабого глухого. В небольшом количестве случаев встретились написания буквы одного согласного.

Категория твердости и мягкости согласных является одним из наиболее важных элементов в системе русского консонантизма.

Рассмотрев употребление букв гласных ѧ — *а*, *и* — *ы*, *ю* — *у* и букв ь — ъ, отмечаем, что писец рукописи графически выражал мягкость согласных перед гласными в букве последующего гласного; мягкость согласного на конце слова и перед согласными обозначал буквой ь.

Твердость согласных последовательно передается буквой ъ на конце слова.

В положении перед согласными мягкость и твердость согласных выражается весьма непоследовательно. Наряду с правильным обозначением мягкости согласных буквой ь перед согласными перьвыи 114а, возь||муть 83г, прозь||рѣвшаго 24г, боль||ши 79г, сконь||ча 48г, 51в и т. д.; в ряде случаев мягкость согласных, как самостоятельная, независимая, так и позиционно обусловленная, не обозначается болша 4в, 40а, 76г, 177б, оконча 39в, велми 128б, полза 26а, доволно 144в, свирѣлники 48в, пришелца 163г, в тму 74б, татбы 50г и др.

Твердость согласных перед согласными обозначается еще менее регулярно, чем их мягкость. Буква ъ в этих условиях встретилась в ограниченном количестве примеров, преимущественно в конце строки.

перъ||стомь 102, на торъ||жищихъ 131г, мъногъ 90г, стъ||вориши 68в, съ||мокве 61г, съ||кєро 136в и т. д.

Отсутствие в указанных примерах и подобных обозначениях мягкости и твердости согласных следует считать особенностью орфографии памятника, принятой для того времени в древнерусской письменности.

«Следует иметь в виду, — указывал А. И. Соболевский, — что старые русские писцы мало заботились об обозначении мягкости и твердости согласных в середине слова перед согласными, даже в лучших московских рукописях XVII в. мы находим: волный, силный (постоянно без ь после *л*)»[21].

3) Буквы ъ и ь

В исследуемом памятнике после букв согласных довольно часто употребляются буквы ъ и ь, хотя рукопись списана в то время, когда в русском языке уже не существовало особых редуцированных гласных звуков [ъ] и [ь].

Чтобы выяснить значение этих букв, следует определить, насколько написания с ъ и ь соответствуют этимологии, определить условия их употребления, различая сильную и слабую позицию, конечное и неконечное положение в слове и качество соседних звуков.

Буквы ъ и ь пишутся в памятнике в соответствии с этимологией, употребляясь рядом с фонетически правильными написаниями.

Примеры: пьрстъ 7а и перстомь 163а, зъ||лаа 73а, зла 35в, вьсѧ къ 5б, и все 12в и мн. др.

Затем в памятнике встретились буквы ъ и ь, этимологически неоправданные, написанные на месте исконных [о], [е], а равно и между исконно соседними согласными вместо нуля звука.

Примеры с ъ, ь вместо [о], [ѳ]: дъбръ плодъ 35а, 172г, возмь||ть 122г, приимь||ть 201г, раздь||реть 87а, знамьныѥ 43г;

[21] А. И. Соболевский. Лекции..., стр. 115.

ъ, ь вместо нуля звука: зь||миꙗ 38а, сь||лѣпымъ 22г, черь||тѣ 111б, корабь||ль 57а, бь||лизь 62а, ць||вѣтца 20а, съ||трахъ 90а, горъ||стью 77б, съ||коро 136в, подъ съ||пудомь 61г и мн. др.

Это смешение стало возможным для писца только после падения глухих и сложилось под влиянием, с одной стороны, живого чередования [о], [е] с нулем звука, т. е. беглых гласных, с другой — под влиянием традиционной графики, по которой ъ, ь можно было писать там, где в живой речи были гласные [о], [е] или нуль звука.

Встречаются в памятнике и случаи взаимной мены букв глухих в слабом положении, т. е. употребление буквы ъ на месте этимологического «ь» и буквы ь на месте «ъ». Эти случаи также могли возникнуть только после падения глухих, под влиянием живого языка и как результат подражания древней письменности. (Явление мены ъ и ь в русских памятниках, написанных до падения глухих, неизвестно).

Примеры: ъ на месте «ь», бѣсъ||новавыи 105а, в окртъ||наꙗ 94а, жерновъ||ныи 111в, съ суперникомъ своимъ 33б и др.; ь на месте «ъ» вь||заша 219б, дь||вѣ рыбѣ 21в, к ризѣ веть||сѣ 65в, сь||вѣдительствукмъ 140а, 126г, 133б, 144б, 177б, 181в, крѣпь||чаи 100а и др.

Написаний с ъ и ь на месте этимологических глухих в сильном положении в памятнике очень немного.

Примеры: дъски испроверже 5в, 81а, дъски 56в, крьститисѧ 206г, со крь||ста 191в, крь||ститель 205б, 216г, крь||ститсѧ 206а, 22б, крь||стишасѧ 82в, крь||стъ 207г, пьрстъ 7а и в суффиксе — ск члвчьскъ 103г.

Многочисленные примеры, отражающие фонетически правильные гласные полного образования, в этих условиях указывают, что написания с ъ, ь представляют собой, вероятно, копии с более древних образцов.

Написания с буквой этимологически слабого глухого также встречаются нечасто, причем количество таких написаний в ряде случаев зависит от внешних графических условий положения в строке или от качества соседних звуков и их количества. Чаще, чем в других случаях, буквы ъ и ь встречаются в конце строки и перед группами согласных, реже перед титлами. Однако в некоторых случаях упорное сохранение буквы слабого глухого отражает какие-то особенности живого произношения, так как объяснить последовательное употребление ъ и ь простой традиционностью письма или каким-нибудь искусственным орфографическим правилом невозможно.

Постоянные ъ и ь на конце слов (положения, где они были всегда слабыми), в середине строки предписывались писцу определенным правилом (сохранившимся в орфографии до 1917 г.) и служили знаком словоделения. О фонетическом исчезновении ъ и ь в этих условиях свидетельствуют отмеченные случаи их мены (см. выше) и пропуск глухого перед частицами и энклитиками.

Примеры: крьститсѧ 206а, 25б, сказаѥтсѧ 3г, собралсѧ 65а, вот же 146в, о нем же 206г, вон же 96г, видѣв же 85г, 104б, снѣст мѧ 5г, чтут мѧ 77г, петр ты 95б, иже оубьѥт вы, взжагаѥт ли 110б и т. д.

Систематически буква *ь* и изредка *ъ* употребляются в памятнике в качестве «знака отделителя» (между согласным и следующим [j]).

Примеры: паденьѥ 39б, прошеньѥ 147а, прегрѣшеньѧ 81г, оусѣкновеньѥ 216г, ꙗвленьѥ 3а, изъѣдъ 136г, разъ||ѧтъ 100а и т. д. (см. ниже).

Чаще, чем в других случаях, написания с буквой *ъ* на месте этимологического «ъ», независимо от его сильного или слабого положения, встречаются в предлогах. Это объясняется большей степенью самостоятельности, с какой предлоги употреблялись в древности, приближаясь к наречиям. Последовательно сохраняется буква *ъ* в конце тех предлогов, которые после падения глухих в слабом положении образовали один закрытый слог (*над*, *под*, *пред*), а в сильном — два открытых слога (*надо*, *подо*, *предо*); в этих условиях *ъ* служит так же знаком конца слова. Небольшое количество фонетически правильных написаний этих предлогов встретилось с «ъ» в слабом положении перед формами личных местоимений (примеры см. ниже) и один раз в сильном положении — надо всѣми 3а.

По аналогии с предлогами соответствующие им приставки *под*, *пред* или *подо*, *предо* часто пишутся с глухими после согласного.

Примеры: подъкопати 62а, 80б, подъкопають 149г, подъножью 77а, 131г, 162г (при подножьѥ 34а, подножью 119а), предълагающе 97а, предъложити 94б, предъложите 79б, хлѣбы предъложеньѥ 42а, 150а, предъдверьѥ 140б, предъстоить 70а.

Предлог и приставка *от — ото* в памятнике обычно передаются лигатурой ѿ, употребляющейся безразлично в сильном и слабом положениях. На протяжении всей рукописи строчных написаний *от* встретилось очень немного: отъ него 16в, отъ || него 12в, отърѣшьша 156г и отѧти хлѣба 79а.

Возможно, что глухой предлога — приставки *от* («otъ») был подвижным и мог утрачиваться к эпохе написания древнейших славянских памятников (ср. слово *отрок*, которое не имеет *ъ* в самых древних памятниках)[22].

Предлог *об — обо* в памятнике почти не употребляется: об отвѣтѣхъ об он полъ 2в, 6а, об нощь 85в, 87б.

В приставке *об — обо* глухой после *б* встретился в следующих примерах: объѥмлеть 109г, объѧденьѥмь 142в, объви 148б, объльстили 130б,

---

[22] Ср. отрок 64а, 73б, в, 96а, 245г; отрока 102в, отроки 141в, 253б в Остр. ев.

объхожашє 74б (в остальных случаях отмечены фонетически правильные написания).

Написания с ъ гораздо реже встречаются в тех предлогах, которые в сильном положении образовали один открытый слог (*во*, *ко*, *со*), а в слабом положении слога не образовали и поэтому после падения глухих их близость со следующим словом увеличивалась. И еще реже глухой встречается в тех же приставках (*в*, *с*) и в середине приставок *вн — вон*, *сн — сон*, *вз — воз*. В слабом положении в указанных предлогах и приставках отмечено больше 2,5 тысяч фонетически правильных написаний без ъ и около 800 случаев с ъ; в сильном положении отмечено свыше трехсот фонетически правильных написаний с *о* на месте «ъ» и 70 случаев с ъ.

а) Графические условия, способствовавшие употреблению букв ъ и ь

1. Буквы ъ, ь в конце строки

Рассмотрев все случаи употребления ъ и ь, отмечаем, что очень часто ъ и ь пишутся в конце строки, на переносе, где глухим писец заполнял оставшееся в строке место. Употребление ъ и ь в этом положении соответствовало графической традиции, известной в русских рукописях, по которой строка должна оканчиваться буквой гласного звука или буквой глухого. Сравнивая количество случаев употребления глухих в конце строки с употреблением строчных глухих, сразу замечаем резкое преобладание первых в корнях слов, независимо от этимологии.

Для ъ отмечено 28 случаев на переносе и 8 строчных написаний в корнях с этимологическим глухим, 34 написания с ъ в конце строки и 10 написаний в строке с этимологически необусловленным ъ. Для ь в корнях встретилось 67 случаев на переносе и 44 в строке в соответствии с этимологией; написаний с этимологически неоправданной буквой ь отмечено 56 на переносе и 10 случаев в строке. Случаи мены глухих в середине слова и написания с буквами ъ, ь на месте исконных гласных полного образования также встречаются, главным образом, на переносе.

В предлогах и приставках написания с ъ на переносе составляют больше трети от всех написаний с буквой глухого.

В суффиксах с этимологическим глухим «-ък», «-ьс», «-ьп-», «-ьsk-», «-ьstv-», суффиксах причастий и сравнительной степени прилагательных написания с глухим на переносе преобладают.

Не имея самостоятельного звукового значения, глухой в этих условиях мог обозначать особенности качества соседних звуков.

2. Буквы ъ, ь между одинаковыми согласными или между согласными, близкими по способу образования

Буква этимологического глухого в строке упорно пишется в положении между буквами одинаковых согласных или согласных, из которых стоящий после глухого является парным по звонкости или глухости согласному, предшествующему глухому, или, когда согласный, следующий за глухим, близок предшествующему по способу образования. В этих условиях фонетически, после исчезновения слабого глухого, образовался долгий согласный, который в графической системе памятника не имел самостоятельного обозначения. Известно, что сочетание двух одинаковых букв согласных было нежелательным, непривычным в рукописях XIV в. и невозможным в памятниках, написанных до падения глухих. В этих условиях буквы глухих встретились в корне: зажьже 73а, сожьжеть 206в, при жгому огнемь 42а, 65а, в суффиксе -н-(-ьн-) после согласного н — блгвонь||ныѧ 157г, съ благовонь||ны 157в, съ безаконьникома 144б, с безаконьники 171г, о времень||нѣ 83в, повиньныхъ 42а, неповиньну 185б, нѣвиньни 42а, стго калиньника 216г, в гостиньницю 108г, 143а, гостиньнику 108г, законьному 208в, законьникъ 102в, 108б, законьници 91г, истиньнаго 180г, дхъ истиньныи 1г, 13г и далее обычно. Истиньнии 19б, каменьнѣмь 68б, поклоньници 19б, иноплеменьникось 121г, плѣньником 84а, пространьна 198б, сотраньна 167г, 168а, цѣньнаго 185в, маньну 12а, 13а и манну 14г, окаменно 122а, а так же вселеную 142а.

В суффиксе сравнительной степени лишьша 106в, лишь||ша 106в.

В суффиксе причастий взнесъше 188г, влѣзъшю 36а, влѣзъше 11б, отверзъше 203б, възѣращьшесѧ 58а, взгнѣщьшимъ 145а, взложьше 103в, обращьшежесѧ 219в, отрѣшьше 137б, отърѣшьша 156г, рожьшю 202в, рожьше сѧ 201г, ношшек тѧ 187г.

В необразующих слога приставках *в*, *с*: въвед-и, -е, -охомъ, -осте 98г, 182в, 212а, 83а, 167г, 167в, 168а, но введи 149б;

въверж-е, -еть, -емъ, -ену 120г, 132а, 135в, 69г, 85в, 47г, 55а, 125а, въверг-уть, -оша 48а, 125а, 132а, 135в; въверз-и, -те, 73б, 80б, въвержену 146г, въверзи 58б, но вверж-е, -еть, -ено 132б, 33в, 32а, 23г, вверзѣте 220а, ввергоша 220а, въводѧи 198б, въвѣсиша 151б, сзижю 214в и сзижю 104б, 112а, 139г, сѣзидаѧ 186в, 191в, сзываѥть 110б и сзываѥть 110в, сжечи 46г, сжагаютсѧ 163в, сжалиша 63в, сѣшедшю 108а, съ||шедъ 3а и сшед-ъ, -шю, дыи 193а, 39в, 5б, 12г, 13а, 14г, сшелъ 180г, съсудъ 81а, съсуды 43в, 48а, ссуды 67в.

В предлоге *в* перед начальной буквой *в* следующего слова отмечено около 80 написаний с буквой ъ (*въ*) и 11 написаний без буквы ъ.

Примеры: въ весь мир 196б, въ виноградъ 5а, 55г, въ вифаньи 2в, въ водѣ 97г, въ вѣки 18а и др., но в вифанью 134г, в вѣки 13а, 14г и др.

В живом языке писца в этих условиях произносился долгий согласный. На такое произношение, кроме вышеприведенных примеров с пропуском буквы глухого, указывает написание — въ фанью 128в (при въ вифанью и в вифанью), а также отмеченные случаи написания одной буквы в при сочетании приставки в со следующим в и гласной полного образования, т. е. написания буквы согласного с необозначенной долготой.

Примеры: в евангелии 1358 г. верзисѧ въ море 81в, 129а, 129в, в Мариинском евангелии въвръзи сѧ въ море, в Остромировом евангелии въврьзисѧ въ море (от Марка, гл. XI, 23).

В евангелии 1358 г. верженъ въ море 111в, в Мариинском евангелии въвръженъ (от Луки, гл. XVII, 2).

В евангелии 1358 г. вержеть мѧ 14б, в Мариинском евангелии въвръжеть, в Остромировом евангелии въвьржеть (от Иоанна, гл. V, 7).

В евангелии 1358 г. верзѣте въ тму 167б, в Мариинском евангелии въвръзѣте въ тъму (от Матфея, гл. XXV, 30).

В евангелии 1358 г. ꙗко широка врата и пространенъ путь водѧи в погибель 35б... и печаленъ путь водѧи в живот вѣчный. В Мариинском евангелии въводѧи в обоих случаях. В Остромировом евангелии въводѧи (в обоих случаях, от Матфея, гл. VII, 13, 14).

В предлоге *к* все отмеченные написания перед словами, начинающимися с букв *к* или *г*, имеют ъ после *к* (*къ*) — къ кому 15б, къ каѳфѣ 175б, къ горюшѣну 7а, къ гу бу 210а, къ горѣ 137а, 156г, кроме единственного написания к горѣ 142в.

В предлоге *с* в этих условиях резко преобладают написания с буквой ъ после *с:* съ села 129в, 147а, съ силою 61г и еще 3 раза, съ собою 32а, 44а, 51а, и еще 15 раз, и с собою 172б, съ сумнѣнькмь 112б, съ суперникомъ 33б, 106г, с золчью 187а, съ заведѣкмъ 37а, съ женою 19в, съ || женою 19в, с женою 63а.

Этимологически необусловленная буква ь в написаниях идьти 120б и внидь||ти 66а поставлена между парными согласными по звонкости — глухости, произносился здесь, очевидно, также долгий согласный.

В заимствованных словах указанные сочетания согласных часто разделяются буквами глухих.

Снъ адъ||диквъ 82г, аньна 182б, 208г, аньны 200в, 209в, къ аньнѣ 182б, 182г, агьгел 200г, асьсонъ 201, асьсона 201а, равь||ви 80г.

3. Написания с этимологическими «ъ», «ь» перед группами согласных

В рукописи встретилось большое количество примеров, сохраняющих в строке написание этимологически слабых глухих перед исконными группами согласных.

Примеры: льстець 189г, льстить 16г, объльстили 130б, прельстити 161а, прельстить 76б, 132в, 160а, прельстѧть 76б, 134а, 141г, 160а, 160в, прельсти 61б, (прелщени 141г,) мьзда 32г, 88а, 88г, 194б, мьзды 51в, 123г, 148в, мьзду 19г, 34б, 51б, 148г, 149а, 149в, (мзду 51б), мьсти 132г, мьстити 132г, мьститсѧ 102г, стьклѧницю 102б.

Можно предположить, что почти обязательная буква *ь* в трех первых корнях (*-льст-*, *-мьзд-*, *-мьст-*) употребляется для обозначения некоторой добавочной слоговости, которая могла иметь место в произношении начальных согласных. В современном литературном произношении «сонорный не после плавного перед менее звучным согласным имеет тенденцию сам стать слоговым: ртут', рта, мгла»[23].

Возникновение побочной слоговости, возможно, об'ясняется тем, что порядок согласных, при котором сонорный предшествовал зубным, противоречил исконной структуре славянского слога с расположением звуков по возрастающей звучности (т. е. сонорные [л], [м] предшествуют в пределах одного слога сочетаниям [ст] и [зд]). Вновь образовавшиеся начальные сочетания согласных, входившие в состав одного слога, физиологически оказались трудно произносимыми.

Последовательно сохраняется написание *ь* перед суффиксами *-ск-* или *-ст-* [«-ьsk-»] и *-ств*. Часто сохраняется написание буквы *ь* на месте слабого «ь» перед группами согласных в необразующих слога предлогах и приставках (*в*, *к*, *с*, *вн*, *сн*, *вз*).

В предлогах отмечено 165 случаев с ъ при 13 фонетически правильных написаниях. В приставках отмечено 190 написаний с ъ (на месте «ь» в слабой позиции в середине строки) при 340 написаниях без глухого.

Написания с глухими в этих условиях соответствовали орфографической традиции русских рукописей. Можно предположить, что в рукописи многочисленные примеры ъ, ь, перед группами согласных предписывались писцу искусственным правилом, по которому глухой в слабом положении следует писать перед группами согласных и разрешается опускать его перед одной согласной[24].

4. Некоторые случаи употребления предлогов и приставок с ъ

В тех же предлогах и приставках постоянно пишется буква ъ в соответствии с глухим в слабом положении перед словами, сокращенными титлами и выносными буквами. Отмечено 164 написания

[23] Р. И. Аванесов и В. Н. Сидоров. Очерк грамматики русского литературного языка, ч. 1. М., 1945, стр. 19.

[24] Ср. употребление букв ъ, ь в этих условиях в Новгородских грамотах XIII—XIV вв. См. А. А. Шахматов. Исследование о языке Новгородских грамот XIII—XIV вв. «Исследования по русскому языку», т. I, 1885—1895, стр. 142.

с буквой ъ в строке и 31 фонетически правильное написание с пропуском буквы ъ в сочетании с теми же словами. Для этой группы примеров имеет значение семантика слов. Перед словами «высокого» стиля (бъ, дхъ, два, млтва, срдце, снъ, бии, црквь) глухой в предлогах-приставках сохраняется чаще, чем перед обиходными словами днь, чѣе, пѣа). Фонетически правильные написания с пропуском ъ соответствовали живому произношению.

Примеры: въ цр҃итса 210б, въ ба 105в, 176г, въ млтвахъ 58в, въ млтвѣ 158г, въ ср҃це 78в, въ црквь 15г, къ двѣ, къ мтри, съ нбсе 5б, 6б и др., но и въ пѣа 198б, 200а, и в пѣа 17а, 28в, въ днь 38а, 54а, и в днь 61в, 41б и др.

В предлогах-приставках, не образующих слога, перед словами, начинающимися неполногласными, сочетаниями, встретилось много написаний со строчным глухим (в приставках отмечено 48 написаний с ъ и 48 фонетически правильных написаний, в предлогах написаний с ъ встретилось в 4,5 раза больше).

Слова с неполногласными сочетаниями в середине XIV в., конечно, осознавались писцами, не как заимствованные слова из другого языка, а как слова особого лексического слоя своего языка, наиболее употребительного в церковно-книжном обиходе. Вероятно, традиционные написания с ъ в этих случаях объясняются стремлением писца следовать орфографии старых книг.

Перед этими же словами, употребленными с элементами просторечья, встретились предлоги без ъ (при обычном ъ перед ними в книжной форме). Например: при написании *въ градъ* встретилось *в градца* (дв. ч.) 54б, где значение слова снижено уменьшительным суффиксом. Вместе с написанием *въ праздникъ* 15г встретилось *в празникъ* 3 раза, где слово с неполногласным сочетанием употреблено с упрощением группы согласных.

Примеры в приставках *в, с, вз*: ввреши 206в, въ||вреши 103в, съ||дравъ 51а, но сдравъ 14а, 16б, 136в, здравыи 45а, 92б, 153г, сблазнъ 54г, съ||блазнить 54г, 120а, сблазнитса 40в, 91б и еще 9 раз, съ||блазнатса 174а и еще 2 раза, съхранихъ 66а, съхраниша 181а, съхранить 168г, но схранихъ 124в, възбранихом 96а, 123в, но взбрани 89б, 96б и еще 3 раза; възвратитса 113а, възврататьса 133г, възврати 83а и еще 6 раз, въ||звратиша 28в, въ||звращю 130а и еще 2 раза, но взвращю 44а, 100а, 109а, взвратиша 204а и еще 11 раз, взратиса 101б, взратитса 38а и еще 1 раз, възъгласи 80б, възглашаше 97г и еще 6 раз, въ||зъгласить 148в, въ||згласи 188б и еще 3 раза, но взгласите 80в и еще 4 раза, възглавьи 70б и др.

В предлогах *в, к, с*: въ в҃кахъ 203а, въ врата 183в, въ врема 95а, 159а, 165в, во врема 46г и еще 5 раз, въ вретищи 41б, 97б, въ главу 159г, въ градъ 18б, 19в и еще 9 раз, въ градѣ 28б, 38в и еще 13 раз, въ || градъ 71в, 85а и еще 2 раза, но в градца 54б, въ класѣ 70а,

въ праздникъ 15г, еще 7 раз, в празник 15в, 158а, 168в, въ плащаницю 11а, 139в, въ преднюю 142в, въ предѣлы 78г, въ преломленьи 3г, въ || премдрть 21г, въ препловленье 15г, въ преселеньи 201б, въ сласть 131г, 217а, въ срѣ 86г, 97г и еще 5 раз, но в срѣ и еще 17 раз, въ странахъ 119г, 203б, въ храмѣ 104б, 161а, въ храминѣ 61а и еще 2 раза, въ чрево 4г, 50г и еще 7 раз. Къ влѣкамъ 38б, къ вратомъ 90г, съ благовоньны 157в, съ брега 45в, 71в, съ властью 85а, с гмѣ 61г, 161б и др.

б) Употребление ъ, ь как знаков мягкости или твердости согласных

Строго последовательное употребление буквы *ь* в суффиксах *-ск* или *-ст* («-ьsk-»), *-ств-* («-ьstv-»), буквы *ъ* в предлогах перед гласными и частое употребление *ь* между некоторыми согласными должно отражать особенности живого языка. Эти написания невозможно объяснить простой традиционностью письма или каким-нибудь искусственным правилом.

Известно, что после падения глухих в русском языке изменились функциональные отношения гласных и согласных. После исчезновения слабых глухих в конце слов твердость или мягкость конечного согласного перестала зависеть от качества следующего непереднего гласного (каким был [ъ]) или гласного переднего ряда (каким был [ь]), что привело к образованию твердых и мягких согласных фонем, соотносительных друг с другом.

Употребление букв *ъ* и *ь* после согласных, противопоставленных по мягкости — твердости, стало указывать на их мягкое или твердое произношение. Буквы *ъ* и *ь* приобрели значение знаков твердости и мягкости. Сравнивая употребление *ъ* и *ь* между согласными и на конце слов в памятнике, с употреблением мягких и твердых согласных в современном русском языке, можно предполагать, что буква *ь* обозначает мягкость предшествующего согласного, а *ъ* — его твердость. Однако устойчивость приемов письма часто лишает возможности различить случаи, где *ъ* и *ь* употребляются по традиции без определенного значения и те, где они имеют значение указанных знаков.

1) Буквы ъ, ь после букв зубных согласных

Частое употребление после букв зубных согласных *с, з, т, д, н* этимологически необусловленной буквы *ь* перед буквами мягких согласных губных и зубных указывает на мягкое произношение писцом первого зубного согласного сочетания (в современном литературном языке они также произносятся мягко).

Буква *ь* внутри исконного сочетания согласных перед буквами мягких губных: сь||виноѥ стадо 45в, ризы бѣлы ꙗко сь||вѣтъ 216а, прись||пѣ 43в, зь||миꙗ 38а, 164г, зь||мию 196б, изь||мѣну 152б, рась||пдтыѥ

186б, о ловить||вѣ 85 г, пришесть||вин 165б, седьмицею 111б; перед буквами мягких зубных — сь||лѣпымъ 22г, ксь||ть 45г, 125г, взрась||те 94в, напась||ть 139а, прельсь||тать 132в, пось||лѣднемь 124б, меленьтыи 209б.

В примерах с этимологически правильным «ь» в этих условиях, очевидно, буква ь также обозначает мягкость предшествующего зубного согласного. Буква ь перед буквами мягких губных — возь||меть 51а, на сонь||мище 90б, на сонь||мищихъ 102б, 133б, дньми 5г, 183б, сластьми 95а, десд||тьми 68б, 69в; перед буквами мягких зубных — козь||лищь 167в, донь||де 33в, донь||деже 27а, 28б, 95г, 216б, 30в.

Особенно выразительны в этом отношении примеры с ь на месте этимологического «ъ» после зубных согласных. Буква ь является здесь несомненным знаком мягкости — дь||вѣ рыбѣ 21в, сь||вѣдительствуюмь 140а и может быть к ризѣ веть||сѣ 65в.

В написании изьѣ хлѣбы 150а и изъѣдъ имѣныѣ съ любодѣицами 136г, буква ь указывает на мягкое произношение [з] перед j, а ъ в другом примере объясняется влиянием орфографии приставок с этимологическим «ъ» в конце.

Перед сочетаниями букв зубных и задненебных согласных с гласными непереднего ряда после букв зубных согласных в памятнике встречается этимологически необусловленная буква ъ, которая указывает на твердое произношение предшествующих зубных согласных. Буква ъ перед губными — стъ||вориши 68в, съ||мокве 61г, подъ съ||пудомь 69в; перед зубными — съ||тати 76а, съ||трахъ 90г, съ||траха 15г, съ||трупы 180г, по мѣсъ||ца 139в, сесъ||тры 109в, съ||лышахуть 77а, съ||лышахомъ 169а, съ||лышавше 69а, 127в, соблазъ||ны 47в, подъразь 50а; перед задненебными — съ||коро 136в, осъ||кудѣкте 111а, сѣ||квозѣ 126г, исъкахомъ 91г.

Можно полагать, что буква ъ, этимологически правильная, также обозначает твердость предшествующих согласных. Перед губными: дъ||ва 91а, зъ||ванъ 124а, назъвнл 29г; перед зубными: посъ||лати 116г, зъ||лыа 73а; перед задненебными: ветъ||хаго 65в.

Этимологически необусловленная буква ь после буквы зубных согласных перед следующей буквой твердого согласного свидетельствует о возможной мягкости зубных перед следующими твердыми согласными — ксь||мы 25б, до седь||маго 162б. В написании сидоньсь||ка 87г ь после *с* обозначает мягкость [с] (в суффиксе — *ск*), которая появилась под влиянием предшествующего этимологического «ь».

В словах с этимологическими сочетаниями «tьrt», «tъrt», «tьlt», «tъlt» буквы ъ, ь после *р*, *л* указывают на их мягкое или твердое произношение. В сочетании «tьrt» [р] был твердым перед зубным согласным и следующим гласным непереднего ряда. Примеры: перъстомь 72б, 102г, перъста 97г, в веръсту 34а, к зеръ||ну 46б, 70а, растеръ||завъ 104в.

Перед следующим сочетанием зубных согласных с гласными переднего ряда и перед шипящими [ж] и [ч] согласный [р] произносился мягко.

о перьстѣ 99г, отве||рьсти 22г, черь||тѣ 111б, одерь||жимы 32б, померь||че слнце 188б.

В исконном сочетании «tьrt» [р] произносился всегда мягко перед следующими сочетаниями губных и задненебных согласных.

перьвыи 114а, перь||выхъ 56а, до верь||ху 84г.

В сочетании «tъrt» [р] произносился твердо перед следующими мягкими зубными и шипящими.

горъстью 77б, на торъ||жищихъ 131г.

В этимологических сочетаниях «tьlt», «tъlt» [л] произносился твердо полъ||на 102б, молъ||нии 112в, толъ||цѣте 99б.

2) Буквы ъ, ь после букв губных согласных

Между буквами губных согласных *п*, *б*, *в*, *м* и следующих мягких зубных в памятнике встретились написания с этимологически необусловленной буквой ь.

Примеры: корабь||ль 57а, на бь||людѣ 49г, любь||лѧше 30б, взлюбь||леныи 82в, оуподобь||лю 41а, събь||людетсѧ 87а, славь||лю 21а, оставь||лѧть 63г, оставь||лѧтсѧ 165а, оставь||лѧше 65а, приставь||лѧть 65в, 87а, дивь||лѧхусѧ 39в, 108б, земь||лѧ 6в, 207г, земь||ли 32а, земь||лю 97б, въ предѣлахъ нефталимь||лихъ 207в дщерь аврамь||лю 115б и в описке оставлѧкмъ вь||лѧкмъ 212а.

В указанных примерах «ь (этимологически необусловленное) вызывается мягкостью всей группы, полученной из общеславянского сочетания «губной + j»[25].

В современном литературном языке губные перед мягким *л* и всеми зубными произносятся твердо. Однако в начале XX в., как указывает А. А. Шахматов: «В индивидуальном произношении мягкость губных сохраняется перед мягкими язычными, в особенности после ударяемого ê: zêm'l'u, s't'êb'l'u, d'er'êv'n'a nachl'êb'n'ik»[26].

В одном примере встретилась буква ъ в строке после буквы губного в этих условиях: взлюбъ||ленъ 177г.

Кроме указанных примеров, встретились еще написания с этимологически необусловленной буквой ь после губных перед мягкими зубными согласными: бь||лизь 62а, вь||лекуще 220б, погибь||нете 107б, обь||рящеть 118а.

После буквы губных ь встретился перед буквами зубных и ч на месте этимологического «ъ»: вь||зѧша 219б, крѣпьчаи кго 100а, ко мьнѣ 9б, 30в и еще 8 раз.

В написаниях *мьнѣ* с ь, возможно, отражается орфография старославянского оригинала. Известно, что в старославянских памятниках эта форма употреблялась с буквой редуцированного гласного переднего

[25] П. С. Кузнецов. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров. «Докл. и сообщ. Ин-та русск. яз. АН СССР», 1948, вып. 2, стр. 132.

[26] А. А. Шахматов. Очерк современного русского литературного языка. М., Учпедгиз, 1941, стр. 112.

ряда в корне[27]. В современном литературном русском языке губные в этих условиях произносятся твердо.

На отвердение конечного [м] указывает употребление буквы ъ вместо этимологического «ь» после *м* в конце слов.

Примеры: съ суперникомъ своимъ 33б, съ суперникомъ своимь 106г, в томъ 97а, азъ имамъ 195а, 14б, 17в, 19а, 22в, съ оученикомъ своимъ 220в, ацѣмъ же недугомь 14а, приблаговѣрнѣмь великомъ кнѧзи 221 зап., рабомъ биимь лукыномъ 221 зап.

Отмеченные в памятнике: берьвьна 89а, берь||вна 89г, бервьно 89г, вероятно, восходят к основе *bьrvьn — (ср. бьрвьно, бьрвьна в Архангельском евангелии 1092 г.[28], Галицком евангелии 1144 г., Юрьевском евангелии XIIв — 95а, *брѣвѣна*, *брѣвѣно* в Мариинском евангелии), а не к *bьrьvьn — (в Остромировом евангелии бьрьвьно, бьрьвьна 99 г.[29]). В противном случае [ь] после [р] был бы сильным и должен был измениться в [е] (в третьем из приведенных примеров он вообще пропущен), а первый [ь] был бы слабым и должен был исчезнуть, т. е. надо было бы предположить, что слабый [ь] в этом слове изменился в [е], а сильный исчез. Очевидно, буква ь после *р* в исследуемом памятнике этимологически не обусловлена и служит знаком мягкости предшествующему [р]. Ср. *берьвно* в Полпкарповом евангелии 23а, *бервьно* в Добрилловом евангелии 114г, *берьвьно* в Галицком евангелии 1266—1301 гг.[30]. На этимологическое *бьрвьно* указывают широко известные в современных говорах *б'ӧрнъ*, *б'ӧрнъшкъ* и т. д.[31].

Этимологически необусловленный ь встретился после буквы зубных *т*, *д* и губного *б* перед буквой мягкого *р* — на одьрѣ 48г, внутьрь 7а и обь||рацеть 118а. Недостаточное количество примеров не позволяет сделать вывода о значении ь в этих написаниях. Может быть ь обозначал мягкость предшествующего согласного. Ср. отмеченную мягкость язычных согласных при этих условиях в индивидуальном произношении[32]. По нормам современного литературного языка указанные согласные перед мягким [р] произносятся твердо.

В написании десѧтьми 69в буква ъ на месте этимологического «ь», очевидно, появилась под влиянием написания числительных 50, 60, 70,

---

[27] См. А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. II, 1952, стр. 113; А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 365.

[28] См. М. А. Соколова. К истории русского языка в XI в. «Изв. по русск. яз. и словесн.», т. III, вып. 1, 1930, стр. 111; А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка. «Энциклопедия славянской филологии», вып. 11, 1. Пг., 1915, стр. 248.

[29] А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода..., стр. 248.

[30] Там же.

[31] А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, М. 1910—1914, стр. 43, а также рукописные материалы диалектологической экспедиции МГПИ, 1951.

[32] А. А. Шахматов. Очерк современного русского языка, стр. 112.

80 — шестьдесать, пятьдесать и не обозначает твердости предшествующего [т]. (Ср. десятьми 69б, 69в).

Последовательное написание ь после всех букв согласных перед суффиксами *-ск-* или иногда *-ст-* (-«ьsk») и *ств-* (-«ьstv») и следующей любой гласной указывает на мягкое произношение в этих условиях согласных, парных по мягкости и твердости.

Примеры в суффиксе *ьск-*:

перед слогом с гласными непереднего образования: вавилоньскаго 201в, клиньскую 171г, 144б, жидовьсками 188а, искариотьскаго 87б, печерьскаго 211г, римьсками 188а, 147г, старечьско 77в, старечьску 77г, тиверьадьска 10а, оужьска 101а, члвчьскаго 17г, 161б и др.;

перед слогом с гласным переднего образования: бѣсовьскими 67в, декапольски 151г, жидовьскиѧ 32в, латиньски 197а, людьскими 174г, осельскии 54г, плотьскиѧ; вавилоньстѣмь 201б, гоморьстѣи 38а, иѡрданьстѣи 204г, 205б, жречьстѣи 150а, земьстии 59г, людьстии 58а, 145в, 146а, еще 6 раз и др.

Можно полагать, что «мягкость перед этим суффиксом поддерживалась тем, что согласная *-с-* суффикса сама смягчалась под влиянием предшествующей мягкой согласной»[33].

Последовательно сохраняется этимологическое «ь» в суффиксе *-ств-*; вероятно, ь также обозначал мягкость предшествующего согласного.

Примеры: лукавьство 68в, 161г, наслѣдьствую 108б, пьıньствомь 142а, прозорьство 78г, свѣдительство 1г, 2а, множьства 220а, послушьство 74в, 119а, 151а, о величьствѣ 108б.

В памятнике встретились написания въ окрстѣхъ села 94а, бесъ||новавыи 105а, жерновъ||ныи 111в, в которых буква ъ, написанная на месте этимологического «ь», вероятно, указывает на твердое произношение зубных [т], [с] и губного [в] перед суффиксом прилагательных *-н-* (из -«ьп»-) и следующей гласной непереднего ряда.

Постоянная буква ь на месте [ĭ] редуцированного слабого и отмеченные примеры с ь на месте [ў] редуцированного слабого обозначают в памятнике мягкость согласных, предшествующих ь, парных по мягкости и твердости. Буква ь не могла обозначать в этих условиях особого гласного звука, как не обозначала его и в других положениях; кроме того, ь на месте ĭ, ў редуцированных не встречается в русских памятниках, написанных до падения глухих.

После выпадения слабых [ĭ], [ў] редуцированных предшествующие им согласные оказались непосредственно перед [j], под влиянием которого твердые парные согласные смягчились. Особенно показательны написания с ь на месте [у] слабого *оумью, оумьıши*, где до падения редуцированных перед [ў] употреблялся твердый согласный.

---

[33] А. А. Шахматов. Исследование о Двинских грамотах XVв. «Иссл. по русск. яз.», т. II, вып. 3. СПб., 1903, стр. 77.

в) Буквы ъ, ь, не обозначающие мягкости или твердости предшествующих согласных

В остальных случаях употребление в исследуемом памятнике букв этимологически правильных слабых глухих после согласных, противопоставленных по мягкости — твердости, не указывает на мягкое или твердое произношение этого согласного, а написания с глухим объясняются влиянием орфографической традиции.

Немногочисленные случаи употребления буквы этимологического «ь» слабого в корнях слов после шипящих и ц представляют собой копии с более ранних написаний. Отмечено девять написаний с ь на переносе и четыре раза ь встретился в строке, из них три раза между одинаковыми согласными: зажьже 73а, сожьжеть 206в. Четыре раза после шипящих и ц встретился в конце строки ь, этимологически необусловленный: помышь||лати 88б, дожь||дь 39б, чь||реженьи 99а и ць||вьтца 40а. В этих написаниях ь появился по аналогии с написаниями тех слов, где «ь» был этимологическим, благодаря орфографическому правилу, по которому после шипящих и ц, в соответствии с этимологией, следует писать ь и не следует писать ъ.

Восемь раз встретилась буква ь после к, из них 7 раз ь написан на месте этимологического «ъ»: кь себѣ 4б, кьдѣ 17а, кь||їс҃у 118б, в цркь||ви 81г, кь||ниги 175б, кь||нижници 123а, кь||нижникъ и один раз между исконно соседними согласными кь||рѣпокъ 136а. Знаком мягкости буква ь в этих примерах едва ли может быть. Возможно, что эти написания объясняются влиянием орфографии какого-то южнославянского оригинала (может быть, сербского).

В памятнике буква ъ между согласными встретилась в следующих заимствованных словах: валъфрам҃ъ 87б, мъ||насъ 114а (греч. μνᾶς), вифъ||саиды 75в (греч. βηθσαϊδά), мужи ниневъ||гитьстии 101г; буква ь в следующих словах: аньна 182б, 208г, аньны 200в, 209а (анна 182г), к аньнѣ 182б, агьгел҃ъ 200г, арь||хиєрѣи 190б, арь||хиєрѣкмъ 17а, асьсонъ 201а, асьсона 21а, вельбуду 124г, 126г, вель||буды 164б (ь этимологическое), вельзауломь 38в, гепь||симании 138в кльоуферьѕ 200в, 215в, кнь||мануилъ 201г, мать||ф҃ѣ 67а, параскивь||гию 189г, равь||ви 80г.

1) Предлоги и приставки, оканчивающиеся этимологическим «ъ», перед гласными

Буква слабого «ъ» последовательно сохраняется в предлогах и приставках перед следующими гласными буквами, в том числе и перед йотированными.

Буква ъ пишется без исключений перед йотированными гласными (ъ встретился в предлогах перед буквами ѥ — 33 раза, перед ѣ — 10 раз и 3 раза в приставках); перед сочетаниями ѥ, ио, ию (в них начальная буква и могла произноситься как звук и неслоговое) — ъ в пред-

логах встретился 65 раз при двух исключениях: во иудѣю 155а, к иоану 6а при двух *къ* в этом сочетании. Отсутствие ъ в последнем примере, очевидно, описка (приставок в этих условиях не встретилось). Перед нейотированными гласными буквами *а, и, о, у* буква ъ в предлогах встретилась 188 раз и 2 раза в приставке *в*. Предлог без глухого встретился один раз *в оно* 3г. Написания с *о* вместо «ъ» в предлогах перед нейотированными гласными объясняются влиянием книжного произношения (подробнее см. ниже).

Собственное имя *исъ* встретилось только под титлом в сокращенном написании, благодаря чему нельзя с достаточной точностью определить качество звуков, произносившихся в начале слова [и] или, может быть, сочетание [ии]). В сочетании с рассматриваемыми предлогами это имя отмечено 63 раза; ъ в конце предлогов последовательно сохраняется.

Исследовав материал, следует сделать вывод, что употребление буквы ъ в конце рассматриваемых предлогов и приставок перед буквами гласных (йотированных и нейотированных) является орфографической нормой.

В отличие от рассматриваемой рукописи, в галицко-волынских памятниках XIV в., как указывает Л. Васильев[34], предлоги-приставки с этимологическим «ъ» в конце последовательно употребляются с буквой *о* (вместо «ъ»). Рассматривая Путенское евангелие XIV в., житие Саввы Освященного, Галицкое евангелие 1266—1301 гг. и Галицкие грамоты XIV в., Л. Васильев писал, что в говоре галицко-волынских писцов «нейотированные гласные звуки *а, о, у, и* оказывали на предыдущий открытый слог такое действие, какое вызывалось исчезавшими глухими на предыдущий слог, становившийся закрытым вследствие этого исчезновения»[35]. Таким образом, конечный «ъ» предлогов перед нейотированными гласными изменялся в [о], что фонетически возможно лишь при утрате слогового качества нейотированными гласными, последние становились неслоговыми.

Из материала исследуемого памятника вытекает, что в живом произношении его писца изменение в предлогах [ъ] > [о] перед нейотированными гласными отсутствовало; следовательно, нейотированный гласный сохранял слоговое качество, а предшествующий редуцированный оставался слабым, неслоговым и утрачивался.

Систематическое употребление буквы ъ перед гласными следует объяснить другими причинами. В результате утраты слабых редуцированных «твердость или мягкость согласных полностью превратилась в качество самостоятельное, позиционно необусловленное»[36]. После изменения

---

[34] Л. Васильев. О влиянии нейотированных гласных на предыдущий открытый слог. «Изв. ОРЯС», т. XIII, кн. 3, 1908, стр. 181—255.

[35] Там же, стр. 228.

[36] Р. И. Аванесов. Из истории русского вокализма. Звуки і и у. «Вестник МГУ», 1947, № 1, стр. 49.

функциональных отношений твердый согласный стал требовать после себя употребления непередней гласной, следовательно, после твердого согласного предлогов и приставок не могло быть звуков [и] и [j] (т. е. букв *и*, *ѣ*, *ю*, *ѫ*). Без знака, обозначающего твердость согласного перед *и*, *ѣ*, *ю*, *ѫ*, конечный согласный предлогов и приставок произносился бы мягко. Однако его смягчению «препятствовала морфологическая членимость, яркое осознание морфологического стыка»[37], предлога приставки с корнем. После исчезновения в конце предлогов и приставок слабого «ъ» их конечный согласный был и остался твердым, однако его твердость перестала зависеть от качества следующего непереднего гласного (каким был [ъ]), а стала самостоятельной. Буква ъ в наших примерах (утратившая значение гласной) указывает и подчеркивает твердость предшествующего ему согласного.

В написаниях съоумнитсѧ 81в, съоумнѣ 57г, съоумнъшасѧ 193а буква ъ этимологически не обусловлена. После падения глухих в этом слове произошло своеобразное переразложение: в этимологической приставке *су* (sq —), утратившей свою продуктивность, приставкой стало осознаваться только [с] (по аналогии с «съ»), которое оказалось перед нейотированным [у] (т. е. перед ним следовало писать ъ).

Васильев в указанной работе предлагает другое объяснение последовательного употребления буквы ъ в конце предлогов-приставок перед начальными нейотированными гласными, отмеченного им в ряде русских рукописей XIII—XIV вв. Он указывает, что «буква ъ в предлогах перед нейотированными гласными играла роль нечто вроде слогоделителя»[38], т. е. после исчезновения слабого глухого перед нейотированными гласными «оставалась память о нем в слогоделении»[39], и буква ъ указывала на разобщенность в произношении согласного от следующего за ним гласного.

Однако указанному заключению противоречит практика живого русского произношения. Согласный предлогов-приставок, не образующих отдельного слога, и конечный согласный предлогов, образующих один закрытый слог, со следующим за ним слоговым гласным всегда образуют один открытый слог. Ср. с замечанием Л. А. Булаховского: «слогораздел в русском языке обыкновенно приходится после гласного»[40] или «граница слога в русском языке никогда не приходится между согласными, а всегда после гласного: согласный всегда принадлежит следующему слогу»[41].

---

[37] Р. И. Аванесов. Из истории русского вокализма. Звуки і и у, стр. 52.

[38] Л. Васильев. О влиянии нейотированных гласных. . . , стр. 217.

[39] Там же, стр. 216.

[40] Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. 1, 1949, стр. 18.

[41] E. Berneker. Russische Grammatik, изд. 2, 1906, стр. 37. Цитировано по кн.: Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, стр. 17.

Так же вызывает сомнения другой вывод Л. Васильева (приведенный в той же работе) о том, что так называемые среднерусские говоры (по терминологии А. А. Шахматова) знали начальные неслоговые, нейотированные гласные. Вывод сделан им при анализе материала Лаврентьевского списка летописи и Московских грамот XIV—XVI вв. В приведенных примерах ъ в предлогах в указанных условиях встречается почти в два раза чаще, чем *о* в тех же условиях; им отмечено 182 случая с ъ и 99 с *о*[42]. К сожалению, Васильев не перечислил всего списка примеров, а указывает лишь их общее количество и приводит по три—четыре случая. Преобладание (почти вдвое) форм с ъ в этих условиях свидетельствует о том, что нормой этих памятников была буква ъ, а не *о*. Кроме того, летописный материал сам по себе возбуждает некоторое недоверие, так как здесь является возможность предполагать большое количество лиц, участвовавших в разное время в составлении и переписывании отдельных частей летописи.

Отмеченные Васильевым в Лаврентьевской летописи[43] 10 примеров с *ы* на месте «ъ» предлога и следующего «и», постоянное *ы* в Московских грамотах XV—XVI вв.[44] свидетельствуют об изменении звука [и] в [ы] после твердых согласных.

Следовательно, и в этом случае нет необходимости подчеркивать на письме твердость согласного звука предлога. Также отсутствием необходимости обозначать твердость согласного предлога следует объяснить написания предлогов-приставок без буквы ъ перед начальными [а], [о], [у].

2) Предлоги-приставки на «з». Предлоги-приставки *без-*, *из-* («bez»-, «iz»-) и приставки *воз-*, *вз-*, *раз-* («vъz»-, «orz»-).

В указанных предлогах и приставках в памятнике количественно преобладают написания с отсутствием буквы глухого после *з* (отмечено свыше тысячи примеров). Написания с глухими после *з* отмечены в 47 случаях (из них 19 раз в конце строки на переносе). Примеров с буквой *о* после *з* в памятнике не встретилось.

В ряде случаев отмечены написания, указывающие на ассимиляцию [з] со следующим за ним согласным.

Примеры: безаконыа 192г, иждену 12в, исѣченъ 192в, исборища 27в, ицѣлить 11в, ищадыа 53г, ищистиша сѧ 121а, ишедше 73а, раслабленъ 192г и др.

Подобные написания известны в древнейших славянских памятниках. Ср. в Остромировом евангелии безакониа 144в, ишьдъше 80а, раширѧти 80а. В Мариинском евангелии безаконие 20, бештѧдьнъ 291, иштистити 21, 119, рашстистити 263 и др.

[42] Л. Васильев. О влиянии нейотированных гласных..., стр. 199—200.
[43] Там же, стр. 214.
[44] Указано 34 случая.

В предлогах буква ъ после *з* встретилась 3 раза перед сочетаниями согласных с исчезнувшим между ними слабым глухим (изъ дщере 79а, 79б, изъвну 78в) при почти ста примерах без буквы глухого после *з* в этих условиях (преимущественно в приставках). Перед согласными и следующим гласным полного образования в предлогах строчный глухой встретился 10 раз (5 раз перед двумя согласными — безъ влагалища 144а, 171в, безъ спиры 171в, изъ вратъ 176а, изъ града 38а и 5 раз перед одной согласной безъ народа 170б, безъ сапогъ 171в, изъ дому 38а, изъ него 87в, исъ цркве 11б). На переносе ъ после *з* встретился 2 раза. В 35 случаях предлоги перед согласными буквы глухого после *з* не имеют (10 раз перед двумя согласными и 25 раз перед одним согласным).

В приставках перед слогом с гласным полного образования буква строчного глухого встретилась 4 раза (възъблть 2а, въ||зъгласи 95а, възъгласить 138в и възъдохнувъ 121г), на переносе отмечено 16 написаний с буквой глухого, из них два раза с ь после «з» (изь||м ну 152б и рась||пдтьк 186в) и около тысячи написаний приставок на «з» в этих условиях без глухого. Непосредственно перед слабым глухим приставки после *з* строчного глухого не имеют, кроме двух ь на переносе возь|| муть 83г и возь||меть 51а (отмечены возму с производным 5 раз и изму с производными 5 раз).

Перед буквами гласных ъ в предлогах после *з* встретился 15 раз (9 раз перед начальным *о* и 6 раз перед *у*) и 6 раз предлоги после *з* буквы глухого не имеют.

Примеры: безъ оца 38г, безъ оць||ство 99а, безъ оустава 78б, без ума 13г, 179в (-напрасно), изъ облака 215г, изъ отрочины 153а, изъ очесе 36г, из очеси 36в, 36г, 89г, изъ оуст 50г, 84б, 207б, из устъ 157б, из||оустъ 50в, 56, 84в, изъ оутра 120б, изъ оутробы 78г.

В приставках перед гласными буква глухого после з отмечена 5 раз изъиде 79а, изъобилукть 33а, изъѣдъ 136г и изьѣ хлѣбы 150а, разъѭгъ 100а при 250 написаниях приставок на з без глухого.

Приведенный материал подтверждает, что указанные предлоги-приставки не имели этимологического «ъ» после «з». Редкие случаи написаний с глухим после *з* объясняются действием аналогии со стороны приставок с этимологическим глухим в конце.

Однако и эти предлоги-приставки, не имея этимологического глухого после «з», испытали на себе своеобразное действие процесса падения редуцированных или, точнее, его следствия.

После падения глухих в русском языке появились новые разнообразные сочетания согласных, в том числе такие, как [зз], [зж], [сц], [сч], [сш], [сц] и другие, начинающиеся с [с], с [з]. Следствием этой новой фонетической возможности явилось уничтожение старой ассимиляции и восстановление конечного [з] предлогов и приставок. В памятнике отмечены: безъ сапогъ 71в, безъ спиры 171в, изъчтени 38г, 103в, возши 57г и еще 5 раз, ис чрева 63г, из чрева 213б, рассужати 52а,

исцѣли 42б, исшедше 75в, исшедшюю 73г, из них наибольший интерес представляют написания исъ цркве 210, исъполне 187в, исъкушаше, где ъ пишется после *с*, явившегося на месте [з] перед следующим глухим согласным.

Следствием же восстановления конечного согласного явилась более отчетливая выделяемость предлогов и приставок на «з», притуплявшаяся ранее в случаях ассимиляции [з] со следующим согласным.

Употребление буквы ъ в предлогах перед нейотированными гласными подчеркивает твердость [з] перед [о], [у] (перед другими гласными указанных предлогов не встретилось). Приставки на «з» перед нейотированными гласными пишутся без ъ (отмечено два исключения). Их конечное [з] было твердым перед [а], [о], [у] (поэтому его твердость не обозначается, кроме изъобилукть 33а). На твердость [з] перед [и] указывают написания изъиде 79а и взыграсѧ 195б, въ||зыграите 88а (в последних примерах отражено изменение [и] в [ы] после твердых согласных).

Написания в исследуемой рукописи предлогов-приставок на «з» перед нейотированными и йотированными гласными противоречат предположению Л. Васильева[45] о том, что буква ъ перед гласными также передавала особое слогоделение, [ъ] оставался неслоговым перед нейотированными гласными, а перед йотированными гласными мог быть слоговым. «Слоговому или неслоговому звуку был равен ъ в этом положении (после «з» предлогов и приставок. — *О. К.*), категорически ответить я не берусь, — пишет Л. Васильев, — склоняюсь к мысли, что ъ здесь был в большинстве случаев (не всегда) неслоговым и указывал на особое слогоделение. Однако дальнейшая судьба ъ в русском языке в этом фонетическом положении (и древнего и нового, как наш) заставляет предполагать, что иногда он был слоговым перед йотированными гласными»[46].

Перед буквой начального [j] после «з» приставок встретились ь и ъ одновременно. Буква ъ объясняется влиянием орфографии предлогов-приставок с этимологическим «ъ».

Отмеченная в приставках буква ь после «з» перед согласным (в том числе и перед [j]) свидетельствует о мягком произношении [з], появившемся в определенных позиционных условиях. Буква ь после *з* отмечена в следующих примерах: возь||муть 83г и возь||меть (где мягкость [з] появилась благодаря соседству со следующим «ь», начинающим собой корень): изьмьну 152б, рась||пдтьк 186б, изьв 150а, где мягкость [з] появилась благодаря ассимиляции со следующими мягкими губными и [j]). Мягкость [з] в указанных приставках могла появиться благодаря их тесной связи со следующим корнем и пониженной морфологической выделяемости.

---

[45] См. Л. Васильев. О влиянии нейотированных гласных. . ., стр. 233—255.

[46] Там же, стр. 253.

Рассмотрев употребление букв ъ и ь, следует отметить, что обе буквы не имели самостоятельного звукового значения. В некоторых случаях они употребляются для обозначения гласных [о] и [е]. В других случаях буквы ъ и ь употребляются как знаки твердости (ъ) и мягкости (ь) предшествующих согласных, как знаки конца слова и конца строки. В значительном количестве случаев их употребление объясняется традиционным характером орфографии времени написания памятника.

ФОНЕТИКА

А. ГЛАСНЫЕ

1. Фонетическое изменение глухих

Памятник отражает результат падения редуцированных в слабом положении и их прояснение в [о] и [е] в сильном положении. В соответствии с этим в исследуемом памятнике последовательно встречаем буквы *о*, *е* на месте этимологических «ъ», «ь» в сильном положении и пропуск буквы на месте слабых глухих.

Большинство отмеченных примеров с *о*, *е* или с пропуском буквы совпадает с примерами из современного русского литературного языка, и лишь в некоторых случаях памятник строже сохраняет непосредственные результаты фонетического процесса, отличая этим данные памятника от современного языка, в котором в ряде случаев и в ряде категорий первоначальные отношения изменились.

В сильном положении «ъ» > [о]: годось 127б, домотъ 39б, 67в, народось 31б, 79б, 165а, иноплеменьникось 121г, работъ 63б, 106а и еще 3 раза, родось 41а, 60б и еще 7 раз, в празникось 15в, оучкотъ 182в, 188г, члвкось 25г, 192б, члвкотъ 173в, хлѣбось 14г, вотъ часъ (днь) 42г, 59г и еще 13 раз, вотже 146в, вось вѣкъ 53г (вѣруют) вонь 5б, 7г и еще 20 раз, вонь же 19б, вон же 10в, 62б и еще 20 раз, возпи 59г и еще 4 раза, воспи 64а и еще 19 раз, совпрашать 123б, ко црю 217б, во вькршньи 118в, во вскрньк 130г, надо всѣми 3а.

Изменение «ь» в [е]: жерци 42а, 128г, жерцемъ 121в, 150а, жерцю 151а (при жрець 122г, жречьскимъ 120в), распенше 186а, весь снемъ 139г, 140в, на снемъ 145в (при на соньмищихъ 102в, 133б), снемшимъ 103б, снемъ к и повитъ 11а, 148б, 189б, пришлець 2г, преданьк старечьско 77в, старечьску 77г, от крупиць дѣтескъ 79а, полъ женескъ 62в, 17, въ предѣлъ жидовескъ 125в, 187а, полъ мужескъ 62в, градъ самарѧнескъ 18б, 37в, 199в, предѣлъ турескъ и сидонескъ 151г, днетъ 142б, претъ 73а, злыкъ рабъ 165а.

Последовательно пишутся буквы *о*, *е* на месте «ъ», «ь» в доисторических сочетаниях глухих с плавными между согласными, причем всегда сохраняется исконный порядок гласного и плавного согласного.

Примеры: верви 5в, вверзѣте 20а, растерза 140а, на торъ||жищихъ 131г, скорбѧ 150б, молнии 161а, толкущему 36г, волци 35в и др.;

кровь 13в, кровью 171а, от крови 103а, 186а, от крове 1г, 73в, кровоточива 48б, трость 141в, трости 40в, слезами 92в, 153б, плевахуть 186в, заплевавше 183в, 191а, кленша 34б, плоть 1г, 5а, плотьскиѩ 1г, плоти 15а, 27г, по плоти 16г и др.

Независимо от качества гласного звука следующего слога писец всегда пишет *е* на месте «ь» в основе «двьр.» — «Подобно сочетаниям «trъt», «trьt», — пишет проф. А. М. Селищев, — изменилось по славянским языковым группам сочетание «tvь» — перед слогом с гласной полного образования: «dvьri». В восточнославянских языках, указывает далее проф. Селищев, «обобщалась основа «dvьr» — с сильным «ь» или его заменой»[47].

В сильном положении: дверь 134г, 200в, дверми 22а, 151а, 211в, дверник 22б, дверь||никомъ 33а, дверница 182в.

В слабом положении: от (на) двери 11а, 11б, 99а, 121а, 149а, 189б, 192а, 193а, дверемъ 6в, 7а, при дверехъ 62а, 134в, 137б, 161в, 182в.

В слабом положении буква ъ пропускается, что свидетельствует об утрате звука «ъ» в этих условиях.

Примеры: дщи 82б, испроше дщицю 214а, лжии (пророки) 76в, приимши 165г, распенше 186в, рекшю 150г, снемшимъ 103б, створшю 27б, вшедъ 67в и еще 9 раз, впросѧть 24б, впросите 24г, 25а, впрошенъ 112б, впрашати 121г, 180а, съвпрашатисѧ 63а, совпрашати 53б и еще 3 раза;

вшедше 44а, 203б и еще 5 раз, вшедшю 42б, сберу 105б и еще 2 раза, сберемъ 46г, сберуть 61в, 61г, 134б, сбираю 112б, сбирають 35в, 40а, 47в, 182в, сборъ 25г, 150б, в сборъ 64в, 74а, в сборѣхъ 48б, свершю 9в, 19а, сверши 39а, свершилъ 56г, 157в, свершенъ 34в, 89в, свершенью 109в и еще 2 раза, свѣтъ (совет) 55г, 56б, 166в, свѣщаша 26а, 120в, 137в, 170б, сзижю 105б, 112а, 139г, сзываѧть 110в, ссуды 67в, сшедъ 193а, сшедшю 39в, сшелъ 180г, сблюдеть 169г, сблюдеши 181б, сблюде 7г, сгрѣшенью 149в, скровища 48б, скровищь 105в, скрушитсѧ 59а, 82а, скрушаю 108а, створити 68в, створю 9в, 19г, 29б, створить 26в, 29б, створилъ 13в, схранихъ 124в, взбоѧшасѧ 70в, взбужю 155б, взвеселимъ 136в, взгорѣсѧ 106в, вжелѣхъ 143в, вжадати 12б, 18г, взлагають 72б, взлагаю 126б, взвести 133б, взведьте 19г, взвѣстить 180а, вздати 63б, вздамь 63б, 63в, вздасть 63г, взданыѥ 109б, вскише все 47а, взлещи 21в, 79в, взлѧгуть 42г, взлежанью 131г, взлѣганью 163б, взлѣзъши 172б, взложить 55в, 69в, 151г, взлюбить 39г, взлюбилъ 181г, взмогуть 121в и еще 14 раз; взможно 66в, 107г,

[47] А. М. Селищев. Славянское языкознание, т. 1. Западнославянские языки, 1941, стр. 315.

взмѧтоша 75г, взмутитсѧ 14б, взнести 5б, 27а, взнесеть 72г, взнесъ 187в, взненавидить 13б, 39г, взненавидѧть 88а, взноситесѧ 105, взрыдаѥте 180б, взрадовати 9б, взрадовалисѧ 178а, взрастъ 24г, взрастеть 70а, всѣлъ 137а, вс де 137б, 142в, всѣдъ 157а, взнезъ на трость 191г, вжегъ 101г, взов ота 128б, всхитить 23б, 69а, взбрани 89б, 96б, взбранисте 103а, взвращю 44а, 100а, 109а, взратитсѧ 38а, взвративше 36г, взвращаютъ 61а, взгласите 80в, взгласи 101б, взгнѣщьшимъ же имъ огнь 142а, вздвигнути 205а, 206а, вздвигну 5г, вскладаютъ 163а, вскрѣшаютъ 8б, во вскрньк 130, вспроси 76г, 104в, в вѣки 13а, 14г.

Буква ѣ также пропускается в следующих случаях: мниже 40г, 123в, мнии снъ 136а, мне вс хъ 96а, 143г, мне кость 47а, 70а, 93а, стклѧницю 57в, сребро 114а, 170б, ркохъ 23в, ркуть 61б, рчеть 33а, рци 23а, ркоша 2б, 3б, 11в и др.;

цвѣтца 40а, в градца 176в, сесца 147б, 195г, жерци 42а, 122г, на студенци 18в, пришелца 163г, грезны 198в, горюшно 60б, измюрно 189в, кажници 63а, кошниць 52в, лукавнѣиша 44а, мытница 45а, 153в, пѣнѧжники 5в, распустныѧ 33г, 62г, селнок 35б, 40а, селнаго 40а, в скудѣлницѣ 143а.

2. Буквы *о*, *е* на месте слабых глухих, отсутствие буквы *о*, *е* на месте сильных «ъ» и «ь», пропуск букв исконных гласных «о» и «е»

В некоторых случаях наряду с фонетически правильными написаниями в памятнике встречаются буквы *о*, *е* на месте слабых глухих и пропуск буквы на месте сильных глухих.

Часть указанных случаев объясняется действием грамматической аналогии, стремлением провести в языке одну и ту же основу по всем формам данного слова или внести единообразие в образование одних и тех же форм от разных слов и влиянием родственных образований.

Примеры: стропотнаѧ 205г, праведенъ 9а, 16б, 121б, 148а, 192б, 201в, 208в, бнсера 36г, жезла 104а, кораблеца 85б, кораблецю 85б, бурѧ вѣтрена 70б, 93в, голкомъ мѣденымъ 77в, огнено 33г, 125б, в пещь огнену 47в, 48а, геонѣ огненѣ 33б, 38г, кзеро огнено 125а.

Написания взрѧть 189а, 192в, взрї те 35а, 40а, взрѣвъ 75б, 54б, 122в взрѣвши 145б всего 16 случаев возможно в силу своей многочисленности, соответствуют произношению писца (из «vъzzьr» — или «vъzьr» — т. е. с сильным «ъ» в приставке) ср. *възьр* — в Мариинском евангелии, в Саввиной книге, в Остромировом евангелии и в Архангельском евангелии. Появление таких форм можно объяснить влиянием положения, где «ъ» приставки был слабым и форма *вз* — была фонетической, т. е. при *вздати* из *въздати* по аналогии могло быть *взрити* из *възърити*.

В памятнике отмечены этимологически неоправданные *о*, *е* на месте нуля звука и пропуск букв исконных «о», «е». Эти случаи появились благодаря возможности в живом языке чередования [о], [е] с нулем звука, например: преже штии дн҃ь 157в (Остр. ев. преже шести л. 141).

Другая часть фонетически неправильных образований объясняется влиянием особого церковно-книжного произношения.

Богослужебные книги на Руси читались нараспев (сначала, очевидно, по нотам). При таком чтении допускалось лишнее количество слогов. Н. М. Каринский[48], определяя особенности церковного произношения писца Остромирова евангелия и указывая на их консервативность, отмечает, что «... в древнерусском церковном произношении глухие сохранялись в большем количестве случаев, чем в разговорном языке». Благодаря этому в описываемой рукописи *о*, *е* на месте «ъ», «ь» встречаются чаще, чем можно было бы ожидать в результате фонетического изменения «ъ», «ь» в [о,] [е]. Примеры: даже ми пити 18в (повел. форма), само на сѧ 43б при самъ на сѧ в том же столбце се не бѣ 148б (в Мариинском евангелии, Остромировом евангелии сь), в книжных формах страдательных причастий прошедшего времени: се приступле 148б, оукоре же иродъ 146в, взвращеше сѧ 93г, 121г, оставлеше 68г, 85г, 118в, 129б, 139в, оставлеша 64в, приступлеше 36а, 49г, 50в, 75а, 93в, 183б, с. 24, 193б, совкуплеша 3в, оуподоблешии сѧ 118в, оуязвлеше 116г, явлешиа сѧ 203а, явлеша сѧ 215г, приступлеши 48б.

Наличием лишних слогов, возможных в церковно-книжном произношении, объясняется *о* предлога *въ* в типичных для церковно-книжного обихода сочетаниях *во имѧ* (отмечено в памятнике 39 раз) *во истину* (отмечено 23 раза) и *во оно* (отмечено 197 раз).

Из них *во истину* в этом написании употребляется в значении наречия (истинно). Это же сочетание, но не с наречным значением, встретилось с ъ в предлоге въ истинѣ 20б, в истиньнѣмь 127в.

Книжным стилем самих слов объясняется *о* в предлогах и приставках перед неполногласными сочетаниями соблазнъ 54г, соблазны 47в (это слово неизвестно в русском языке с полногласием) совлекоша 108в, 186в, 191а, и в написаниях во июдѣю 155а, во очеси 89в (последнее употреблено здесь в несвойственном для русского языка виде, с суффиксальным наращением -«ес»-, неизвестным в живом языке).

В написании во оны дн҃ь 213в *о* предлога, возможно, объясняется влиянием очень распространенного книжного выражения во оно, одинакового с этим примером в своей первой части.

Допустимые в языке по нормам церковного произношения были написания во св тѣ оуслышите 103б и со кр҃та 186г, 187б, со крь||ста 191в, со кр҃та 187б.

---

[48] Н. М. Каринский. Остромирово евангелие как памятник древнерусского языка. ЖМНП, ч. 347, 1903, май, стр. 109.

В фонетически неправильном написании *от начала сзданью* 133г пропуск *о* в приставке надо считать случайным, 11 раз это слово встретилось в правильной форме.

Также, очевидно, случайно написание *в вторнк* 218г при обычном *во* в сочетании с этим словом (отмечено более 20 раз). Этот пример встретился в самом конце рукописи, где писец мог не так тщательно следить за собой. (Кроме того, сочетание ввт артикуляционно было трудным для произношения, надо было произнести подряд три согласных, из которых первые два были или губно-зубными глухими ффт или могли быть губно-губными).

В написании *во времѧ* 46г, 94г, 113в, 213в, *во вре* 116в нефонетическое *о* поддерживалось особым положением предлога перед трудным сочетанием согласных. Может быть, здесь было возможно двоякое произношение предлога, так как рядом встретилось фонетически правильное *в времѧ* 25а.

Перед корнями дьн-, тьм- предлог встретился в фонетически неоправданной форме *в дни* 146б и *в тмѣ* 103. Возможно, что эти примеры появились случайно, так как в большем количестве встретились фонетически правильные формы.

3. Сочетание [j] со следующим глухим

В исследуемом памятнике на месте сочетаний йота с глухими независимо от их сильного или слабого положения употребляются буквы *и* и ѥ злыи чл҃вкъ 54а, 90а и злыѥтъ рабъ 62б, 165г, воини 182б и воѥна 215б, таино 69в, в таинѣ 148г и потаѥно 69в, оутаѥно 100б, градъ июдьискъ 42г, 147в, июдьиска пр҃а 141а, 213а и паска июдѥска 5в.

В результате падения слабых глухих и изменения сильных глухих в гласные полного образования на месте указанного сочетания должно было образоваться фонетическое чередование сочетания [je] с [j]. Однако в русской графической системе не было самостоятельного знака для йота, и писцы поэтому продолжали писать в слабом положении на месте йота букву *и*.

Благодаря особенности церковного произношения, допускавшего чтение нараспев, буква *и*, написанная на месте йота, закрывавшего собой слог, произносилась как [ı].

С другой стороны, написания с *и* соответствовали орфографии ранних русских рукописей, и писец, следуя традиции, продолжал писать букву *и* на месте «jь» с «ь» в сильном положении.

Таким образом, благодаря особенностям русской графики, влиянию церковного произношения и традиционности орфографии, буква *и* на месте «jь» писалась в сильном и в слабом положении. А поэтому писец мог писать букву ѥ вместо традиционного *и* (из «jь») независимо от положения в слове, т. е. в слабом и в сильном положениях употребляя буквы *и* и ѥ.

В отмеченных примерах два раза буква ѥ употребляется фонетически

правильно на месте «j» и «ь» сильного (злыѥтъ) и 4 раза ѥ написано перед слогом с гласной полного образования. В остальных случаях в памятнике всегда пишется буква и; например:

«ь» в сильном положении: злыѥтъ рабъ 62б, 165г (zъlъjьѣъ) гноинъ лазарь 97в, достоинъ 42в, 51а и еще 3 раза, въ заимъ даютъ 88г, 90а, 88г, наимникъ 136б, 136в, 194г, приимъ хлѣбъ 3в, 46г, и еще 2 раза (страхъ) июдѣискъ 6в, 15б и т. д. Градъ галелѣискъ 210а прь ѥврѣискъ 147г, ѥдинъ воинъ 192б и др.

«ь» в слабом положении: воини 182б, воины 90в, 132а, иоана воѥна 215б, прииметь 96а, 99б и еще 5 раз, таино 69в, 100б, таины 44г, 69а, в таинѣ 148г, 149а, 11г, потаѥно 69в, оутаѥно 100б, достоино 42а, достоина 90б, разбоиникъ 184в, разбоиникомъ 81б, заимодавцю 92г, ѥлица 99б, галелийскаго 63г, галелѣиско 51а, паска июдѣѥска 5а, фарисѣиска 52б, 122а, жена хананѣиска 135г, страну назарѣиску 104б, в весь самарѣиску 96в, и др.

4. Изменения [ĭ], [ў] редуцированных в сильном и слабом положениях

В исследуемом памятнике буквы *ы*, *и*, *ь* употребляются на месте так называемых «ĭ», «ў» редуцированных, т. е. на месте тех звуков, которые образовались в славянских языках при ассимиляции «ъ», «ь» с следующими «j» или «и».

К середине XIV в. в русском языке эти редуцированные по общему правилу должны были измениться в гласные полного образования в сильном положении и исчезнуть в слабом.

Написания *оумью* 173а, *оумѥѥши* 172г, 173а в соответствии с [умójу], [умójьш] в современном русском языке указывают на исчезновение «ў» в слабом положении. Формы [м'jý], [м'jóш] встречаются в современных северно-русских говорах (отмечены в пермских и вологодских говорах).

Большое количество написаний *ью*, *ыѧ*, *ыѥ*, *ьи* на месте «ĭ» и следующего гласного полного образования свидетельствуют о фонетическом исчезновении слабого «ĭ» редуцированного.

Примеры: абыѥ 10б, 10в, 37а и еще 11 раз, точью (токмо) 42а, 71г, 128в, 158а;

быѥши 182г, быѥнъ 106б, быѧ 70г, побьютъ 23б, 60в, разбыѥть 152г, разбьютъ 115г, оубыѥши 33а, 66а, по оубыѥньи 103в и т. д.;

вопыѥть 108а, вопыѧ 70г, вопьюща 71г, вопьющаго 2б, 204г, 205б и т. д.;

лыѧти вино 65в, волыѧ 172г, пролыѥтсѧ 87а;

пью 154б, пыѥши 129г, пыѥть 13б, 18г, пьютъ 86г, пыѧ 13б, 14г, 18г, пьющи 80а, 97а, с пыѧницами 62б и т. д. сьѧѥ 34б.

В суффиксах: молньи 61в, молнью 199а, свиныѧ 136а и т. д., судыѧ 33б, 43в и т. д., братыѧ 15б, 15в и т. д., рѣпья 35в, 188в;

берныѥ 24а, 12б, 205в, веселыѥ 213б, съ дрекольи 139б, 145а, зелыѧ 102б, знаменыѥ 5г, 10а, 21б, каменыѥ 21б, 23б, 132б и т. д., копыѥмь 189а, лозыѥ 178в, струпыѧ 161а, терныѥ 44г, 68б, 94в и т. д., бытыѥ 34г,

житыѣ 127б и т. д., на распѧтыѣ 186в, 191б, на пропѧтыѣ 147а, безаконыѣ 160в и т. д., на бездождьѣ 217г, безумыѣ 78г, оружьѣ 208г, 145а и т. д. еще 6 раз, на въ зглавьи 70в, поморыа 87в, 87г, на предъдверьи 140б, подножьѣ 34а, подножью 77а, 119а, на препутьихъ 77б, на распутыѣ 97а, ищадьѣ 53г, 164г, 204г, по жестосердью 62г, 125в, лицемѣрыѣ 130в, с чловколюбьѣмь 211г, въ очью 2г, 51г, в оушью 84б, 195в, по двою днью 134в, 168б, 171в, велью 20б, 202б, вражью 114, 199а, въ ѥслехъ скотыахъ 202б, третыа година 141б, в третью 55г, 118а, третьѣ (лѣто) 107г, 30а, до третьѣго днѣ 189г.

В окончании творительного падежа единственного числа существительных женского рода основ на «і»:

блгтью 204в, съ властью 85а, горстью 77б, заповѣдью 76г, 162г, с золчью 187а, 191б, крѣпостью 108а, 131в, лестью 134г, 172а, мыслью 75г, нощью 4г, 31б, печалью 46б, 69б, 95а, прелестью 69б, с радостью 6б, 28в, смртью 26г, 50б, 70а, 169а, солью 125б, подъ сѣнью 70а, тростью 186б, оужастью 72а, надъ челѧдью 106а, шестью 5г, кровью 171а, мтрью 203б, цркввью 164а, 22г, црвью 163г, с десѧтью 109г.

В отглагольных существительных: алканьѣмь 153в, блистаньѣмь 102а, взданьѣ 109б, 132б, взлѣганью 163б, взлежаньѣ 131г, о въстаньи 162б, даѧньѣ 99в, достоѧньѣ 105б, жаданьѣмъ 170в, званью 135б, в знаньи 204б, изгнанью 69б, кончаньѣ 76б, лобзаньѣ 93а, лукованьѣ 78г, написаньѣ 117в, за невѣрованьѣ 49б, обѣтованьѣ 28б, обрѣзаньѣ 16б, 204а, омываньѣ 78а, оправданьихъ 213а, писаньѣ 181б, погребаньѣ 185б, покаѧньѣ 92б, преданьѣ 77в, по преданью 77б, притажаньѣ 66в, рыданьѣ 203в, скончаньѣ 47в, 48а, слышаньѣ 76б, созданьа 76а, стѧзаньѣ 6а, сѣданьѣ 72а, сѣнньа 41г, цѣлованьа 195б, чаѧньа 142а, непщеваньѣмь 132а, со тщаньѣмь 195б, видѣньѣ 9в, желѣньѣмь 143б, запустѣньѣ 133г, имѣньѣ 66б, 106а, ицѣлѣньа 107г, одѣньѣ 193а, 205в, пѣньа 136в, повелѣньѣ 202а, 129г, прозрѣньѣ 81б, привидѣньѣ, свѣтѣньѣ 9в, с сумньѣмь 112б, хотѣньѣ 69г, разумѣньѣ 103а, в терпѣньи 119б, блуженью 78г, в вскрѣшеньа 9а, в вскрньѣ 162б, по вздвиженьи 197в, взмущеньѣ 142а, въстрѣтеньѣ 45в, на взнесеньѣ 218г, гоненью 46б, грабленью 78г, 164б, движеньѣ 14а, запустѣньѣ, избавленьѣ 214б, въ искушеньѣ 83г, исполненьа 2а, крщньѣ 58в, лишеньа 132б, мученьи 32б, в мщеньѣ 119г, нападеньѣ 208г, в нахожденьи 211г, обрѣтеньѣ 209в, 211в, на освщньѣ 217в, основаньѣ 109в, осуженьѣ 3а, отпущеньѣ 84б, объѧденьѣмь 142а, оставленьа 67г, очищеньѣ 86в, 151а, паденьѣ 39б, посѣщенью 115г, плюновеньѣ 24а, помышленьѣ 94г, 48г, прененьѣ 208б, в препловленьѣ 15г, в преселеньи 201б, на погребеньѣ 134б, поношеньѣ 210а, положеньѣ 214г, приставленьѣ 87а, приставленьа 65в, прошеньѣ 147а, 149а, в преломленьи 3г, прегрѣшеньа 81г, 221, прокаженьѣ 150г, раздѣленьѣ 106в, роженьѣ 213г, свщньа 22г, сгрѣшеньа 149в, свершеньѣ 109в, 195в, на смѣреньѣ 195в, сложеньа 47б, смѣшеньѣ 189в спньѣ 19б, строѥньа 110г, оустрѣтеньѣ 208б, за оумноженьѣ 76в, 160в, по оубьѥньи 103в, оусѣкновеньѣ 216г, оутѣшеньѣ 206в, оученьѣ 15г, 64г, хищеньа 102б, хуленьа 67г,

цѣленью 94а, чьреженыѥ 92а, гавленыѧ 214б, теченыѥ 100г, о оуспеньи 155б, любодѣяныѧ 62г, лихоиманыѧ 78г, 105б, прелюбодѣяныѧ 78г, благоволеныѥ 41в, блгвщныѥ 209г, бо҃гавленыѧ 205в, бо҃гавленьи 207а, кургл҃шеныѥ 134г.

В заимствованных словах, в именах собственных: авилинысю 205г, агафьи 209а, амбросью 200в, анусьи 204а, ананьи 198а, 200г, анфилофью 200б, артемью 199б, 209б, афонасью 211а, аоуксентью 209б, василью 209г, 210г, вифаныѧ 28б, 80г, власью 209б, внифатью 200г, геврасью 198г, гефсиманью 174б, григорьѧ 197г, гурыѧ 200а, дементыѧ 216б, демыяна 199в, дионисыѧ 198а, дыѧволъ 47б, дыѧволу 168а, дыѧ҃к 198а, квгѣньи 202а, квсевыѧ 212в, кладыѧ 211в, кльоуферыѧ 215в, 200в, кмилыѧ 215а, кмилыяна 216б, кпихарьи 197г, кпистимьи 199г, кфросиньи 197г, кфирыѧ 213а, куалью 133в, коупсухыѧ 210в, кустафыѧ 197в, 215б, кустратыѧ 200в, коутропыѧ 209в, коутулыѧ 210в, коуфимыѧ 208а, куфимьи 215а, 197в, захарьи 195а, захарьинъ 198б, игнатыѧ 201г, илыѧ 2б, ильиною 213б, илусанысю 205в, иродыяды 49в, съ иродыяны 66в, 68в, кикѣльи 200а, корнилыѧ 198г, кустодью 189г, с кустодьею 189г, кюрыяка 197г, леонтыѧ 209в, лукѣрьи 211б, лукыяна 198г, макарыѧ 208а, маркыяна 198г, 211г, мартыяна 209б, мартурыѧ 199б, мрыѧ 11а, мрьина 154г, меланьи 204а, меленьтыѧ 209б, месыѧ 19б, месью 4а, мефедыѧ 212в, назарыѧ 198г, настасьи 199б, натальи 216г, в никопольи 215а, оксиньи 208а, онтоныѧ 208а, озарьи 200г, панкратыѧ 215а, патапыѧ 200в, парфеныѧ 209б, пелагьи 198а, перфурыѧ 209в, полинарьи 205в, прокопыѧ 215а, 209в, пахомыѧ 211б, протасыѧ 198г, савастыяну 200г, саватыѧ 197в, савелыѧ 212в, в сандалыѧ 74в, софроныѧ 209г, софьи 197в, тамарьи 201а, тарасыѧ 209в, татыяны 207г, тимыяна 213а, терентыѧ 210в, тиверыяды 10в, оулыяна 207г, оулыяны 201г, устиньи 198а, февроньи 214б, феодосьи 210в, фотиньи 209г, харлампыѧ 209б и др.

В соответствии с «і», «ў» редуцированными орфографической нормой в сильном положении являются традиционные написания с *ы* и *и*. Последовательность употребления букв *ы* и *и* свидетельствует о наличии соответствующего фонетического явления в живой речи писца и указывает на соответствие орфографии с произношением. Писец в данном случае обозначал буквами *ы* и *и*, вероятно, гласные «ы», «и» полного образования, что говорит об изменении в говоре писца сильных «ў», «і», редуцированных в «ы», «и» полного образования[49].

Отклонений от принятой нормы обозначения «ў», «і» сильных не встретилось, в том числе в памятнике отсутствуют написания с *о*, *е* в этих условиях.

Примеры: пии 105в, оубииство 141а, не оубии 126г, почиите 74г, чии 68г;

---

[49] См. А. М. Селищев. Критические заметки по истории русского языка. «Уч. зап. МГПИ», т. V, вып. 1. М., 1941, стр. 179.

болѣзнии 76в, брании 76б, костии 164в, нощии 64а, мощии 208б, путии 73а, приведоша дѣтии 63б, людии 45г, 40 днии 64а, свинии 136а, 104в, 45б, 71а, стадии 2г, 10б, братии 162а, 98а, безаконии 76в, имѣнии 93б, прегрѣшении 63г, паслии 115б, сѣнии 69б, знамении 4г, зелии 47а, камении 76а, насыщении 89а, голении 189а, 192аб;

в послѣднии днь 12а, в оутрии днь 4а, 10в, глаголии 90г, 141в, болии 60а, 54г, 72г, снъ бии 7б, 12б (в), третии днь 3а, 59б, вѣщии 96а, мнии снъ 13а, 194в и т. д.;

открыѭтсѧ 103б, оукрыисѧ 115г, скрыисѧ 27б, 169б, скрыи 166г, открыисѧ 169в, оумыи 186а, мыѭшесѧ 14а, оумыисѧ 24а;

вторыи 59б, 162б, всѧкъ живыи 14г, 155г, злыи чловкъ 54а, 90а, 114б, нѣмыи чловкъ 51а, 99в, слѣпыи 128б, дхъ стыи 6г, 53г, вѣчьныи животъ 5б, 7б, добрыи чловкъ 53г, жерновъныи 111в, снъ ѥдиначадыи 7г, лукавыи 43г, 47б, дхъ нечистыи 44а, 71а, перьвыи 114г, днь судныи 41б, 54а, которыи 92г, тъ батыи 97г, вѣрьныи 106а, мудрыи 106а, лѣнивыи 167а, вѣдыи 43б, градыи 6б, 10а, не имыи 59б, 110а, сѣдыи 5б, 12г, возвавыи 92в, взнесыисѧ 97в, идыи 108г, 109в, кто ѥсть давыи 116б и т. д.

Написания с *ы* и *и* на месте «ў», «ї» характерны для старославянских и русских памятников старшей поры. Однако, не отличаясь орфографически, буквы *ы* и *и* в исследуемом памятнике обозначали обычные гласные [ы], [и], а в ранних славянских памятниках обозначали редуцированные звуки.

В окончании именительного падежа единственного числа прилагательных и причастий мужского рода с основой на задненебную согласную употребляются формы на *-гии*, *-кии*, *-хии*. Писец в этом случае пишет букву *и* после задненебных там, где в современном русском литературном языке произносится звук [о] или его фонетическая замена. Можно полагать, что написания с *-гии*, *-кии*, *-хии* объясняются искусственным орфографическим правилом, появившимся, вероятно, в соответствии с церковным произношением, при котором допускались подобные сочетания. «Написания *-кии*, *-гии*, *-хии* в севернорусских памятниках XIV и сл. веков считаю теперь вызванными искусственно наличностью церковных и вообще книжных заимствований на *-ый*, *-ий*»,[50] — пишет А. А. Шахматов. Писец всегда писал после букв *г*, *к*, *х* только *и*, не справляясь с собственным живым произношением.

Примеры: отвергии 103г, другии 80а, 92г, благии 66а, 90а, 124в, драгии 135а, нѣкии 64в, 66а, 93г, крѣпкии 99г, галелѣискии 85а, кврѣискии 14а, чловьскии 5б, 10г, скариотьскии 137в, кии 58г, 110а, 62а, 80а, пекиисѧ 40а, 105в, рекии 14в, глухии 153б и др.

В слабом положении рядом с фонетически правильными написаниями отмечены традиционные формы. В следующих примерах формы на *ии*, *иа*,

[50] А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода . . ., стр. 351.

иѥ, ию встречаются всегда рядом с фонетически правильными формами с буквами ь и йотированными гласными или *и*; в корнях: взлиꙗ 172а, влиꙗше 172б, восиꙗ 207г, восиꙗвшю 11б; в окончаниях: молнии исходать 61в, 193а, смртию 184а, с радостию 46б, мтрию 49в, на очию 24в (дв. ч.), на камении 46б, о окаменении 150г, глмь великмь 85а.

В следующих примерах с «ї» слабым встретились только традиционные написания; из них всегда употребляются в традиционной форме слова, сокращенные титлами и выносными буквами.

Примеры: сиꙗ 79в, 2г, сию 5в, 44в и еще 20 раз, триѥ 106в, на оутриꙗ 108г, 128в, 158в, 140в, змиꙗ 114б, 199а, змию 5б, 99б, 196б, зьмиꙗ 38а, 164г, листвиѥ 58а, листвиꙗ 57а, 53а, 80г, 81а, невѣрьствиѥ 60б, невѣрьствию 153б, пришествиꙗ 61в, 79г, 80а, пришествиѥ 76а, шествиѥ 121а, въ цртвиѥ 5а, 53а, и еще 4 раза, црьтвиꙗ 93б, 104а въ цртвии 47в, 54в и еще 5 раз; цртвиꙗ 4г, 11а и еще 11 раз; въ цртвиихъ 91в, очтвии 74а, 95г, влчьствиꙗ 103г, остриѥмь 199г, биꙗ 4г, 8а, 13г, 9а и еще 16 раз; дѣло биѥ 12а, 43в, 59а и еще 14 раз; биимь 43в, бию 50а, 50б, 56в и еще 7 раз; в млтвѣ, бии 87б, 102г и еще 4 раза.

В двух примерах на месте «ї» слабого в памятнике встретилась буква *е*: *вѣтвеꙗ* 134б *и мыслею* 131б.

Написание *вѣтвы млада* 134б следует считать опиской (ср. в Мариинском евангелии вѣтвьѥ ѥѧ будетъ младо, в Остромировом евангелии этого примера нет), т. е. писец, вероятно, пропустил буквы ьѥ.

В написании *всею мыслею* 131б (тв. п. ед. ч.) буква *е* на месте ь, возможно, объясняется действием морфологической аналогии со стороны форм творительного падежа основ на «а». В памятнике встретился пример обратного явления: множицью 60г при правильном множицею 113в.

5. Звуки [и] и [ы]

Буква *и*, которая обозначает звук [и], как уже указывалось выше, употребляется писцом в положении начала слова, после букв согласных, противопоставленных по мягкости и твердости, после букв шипящих согласных, *ц* и после букв *г*, *к*, *х*.

Буква *ы*, обозначающая гласный [ы], употребляется только после букв согласных, противопоставленных по мягкости и твердости; буква *ы* не употребляется в начале слова и после букв согласных внепарных по мягкости и твердости;

Примеры: имѣти 49в, истиньно 9б, именемь 54а, оставиши 72б, ѥдиного 39в, вопросиша 140а, придеть 69а, оубии 126г, гибель 35а, аки 38а, расхитить 194г; обычаю 208в, въ ꙗзыцѣхъ 133в, оуслышите 103б, помышьлати 88б и т. д.

Таким образом, звук [и] произносился писцом в начале слова, после мягких согласных (как парных, так и внепарных шипящих и [ц]) и после согласных [г], [к], [х]; звук [ы] произносился только после твердых парных согласных.

На стыке приставки с началом слова буква *и* после твердого согласного предлога заменяется буквой *ы*.

Примеры: взыграсѧ 195б, 195в, възыграитесѧ 88а.

Приведенные примеры свидетельствуют о замене звука [и] на [ы] после конечной твердой согласной приставки.

Обозначение начального [и] буквой *ы* после твердых согласных предлогов-приставок отмечена во многих памятниках XIV—XV вв., в том числе в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку (сыною дружиною 101 об, выномъ дворь 137 об., сываномъ 172,[51]), в Новгородских грамотах XIV в. (изынои № 9, сыноѣ № 8, высправу № 19[52]) и др.

Можно полагать, что в произношении писцов звуки *и* и *ы* не употреблялись в тождественных условиях и, очевидно, замещали друг друга в разных фонетических положениях.

6. Звуки [е] и [о] после мягких согласных под ударением

В положении под ударением после шипящего перед твердым согласным встретилась в памятнике замена буквы *е* буквой *о* стхъ жонъ 211г. Сравнивая указанное написание с постоянными женъ 54в, жёны 62г, вшелъ 78г, пчелъ 28а, пришелъ 45б и др., следует считать, что обе буквы обозначают в этих условиях один звук — [о], фонетическое значение имеет написание с буквой *о*, которое указывает на совершившееся в языке изменение [е] в [о] в положении под ударением после шипящих перед твердым согласным. Написание жонъ встретилось в указателе евангельских чтений на определенные дни, т. е. в той части рукописи, где писец менее всего зависел от оригинала памятника и, следовательно, от традиционной орфографии.

Единичность указанного примера объясняется хорошей грамотностью писца. Написания с буквой е в этих условиях соответствуют орфографической традиции.

Примеры с буквой *о* на месте этимологических «е», «ь» после шипящих встречаются в других среднерусских памятниках XIV в. В Московских грамотах XIV в. отмечены данилищова 1,2, сущов[53]. В Переяславском евангелии 1354 г. врачовъ 72об, пришодъ 94, живущимъ жо 52, ꙗко жо

---

[51] В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку. «Труды комиссии по русскому языку АН СССР», ч. 1, 1931, стр. 40.

[52] А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот. «Исследования по русскому языку», т. 1. СПб, 1885, стр. 161.

[53] П. Г. Стрелков. О языке семи древнейших завещаний Московских великих князей XIV в., стр. 110.

61об, идѣ жо 62, шедшо 74, ащо 72об и др.[54] В Галичском евангелии 1357 г.: рожонок 3 об, лжомъ свѣдителемъ 137об, 144об. В Московском евангелии 1393 г.: шодъ 47, пришодъ 41об, 45, 45об, 68, 96об..., пришодше 43б, пришедшо 46об, пришолъ 42об, собрашо, одежою 69 об. В Лаврентьевском списке летописи: пришодшемъ 26, доступившо 268[55] и др.

В орфографии памятника отсутствуют указания на изменение [е] в [о] после парных мягких согласных.

Сокращенное титлом и выносной буквой написание се^{м}она 210г не показательно, хотя и имеет в современном произношении под ударением [о] после смягченного [м'] совр. [с'ьм'о́н]. Отмеченные написания *семеон* 193г, *семеону* 193г заставляют полагать, что писец сократил именно форму *семеона*.

Однако последовательное употребление буквы *е* в этих условиях само по себе не может служить достаточным основанием для вывода об отсутствии [о] после парных мягких согласных в говоре писца. В положении после парных мягких согласных для обозначения [о] нельзя заменить букву *е* буквой *о*, так как тем самым осталась бы необозначенной мягкость предшествующей согласной.

Случаи написания *о* (вм. «*е*», «ь») не после шипящих, как исключение, иногда встречаются в других русских памятниках XIII—XIV вв.

Примеры: дньотъ Новгородское евангелие 1270 г., яромъ Пролог 1356 г., серобро Новгородское евангелие XIV в.[56] Возмоть, поморкноть Переяславское евангелие 1354 г.[57] и др.

«Древнерусские писцы не умели передавать о после этих согласных (точно так же, как не умеем передавать и мы) — пишет А. И. Соболевский — и потому, если решались изображать о, должны были или прибегать к какому-либо особому способу изображения этого о, или отказываться от изображения мягкости согласного»[58].

«Писцы, не обладая средствами передавать сочетание мягкая согласная + *о*, продолжали старым графическим приемом обозначать новое языковое явление»[59].

Следовательно, писец описываемой рукописи также не мог употребить буквы *о* для обозначения звука [о] после парных мягких согласных без каких-либо добавочных средств для обозначения мягкости согласного предшествующего [о].

---

[54] П. С. Кузнецов. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров, стр. 135.

[55] А. И. Соболевский. Лекции, стр. 60.

[56] Там же, стр. 62.

[57] П. С. Кузнецов. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров, стр. 135.

[58] А. И. Соболевский. Лекции ..., стр. 61.

[59] П. Г. Стрелков. О языке семи древнейших завещаний Московских великих князей XIV в., стр. 110.

7. Звуковое значение буквы ѣ

Буква ѣ в памятнике пишется после всех букв согласных, парных по мягкости и твердости, после *ц* и в начале слова. На стыке с некоторыми окончаниями буква ѣ встретилась после букв *ж*, *ш*, *ч*, *щ*.

Вопрос о звуковом значении буквы ѣ для живого говора, отразившегося в памятнике, можно решить лишь относительно, рассматривая употребление буквы ѣ сравнительно с буквами *е* и *и*, учитывая при этом особенности церковно-книжного произношения и традиционность орфографии.

Буква ѣ в памятнике употребляется этимологически правильно (за небольшими исключениями), встречается всегда в одних и тех же морфемах независимо от их положения в слове относительно ударения и качества соседних звуков.

Употребление букв ѣ и е

Наряду с этимологически правильным употреблением буква ѣ в небольшом количестве случаев встретилась на месте этимологического «е».

В положении перед твердыми согласными: о временѣхъ 102 на нбсѣхъ 55б и еще 19 раз, о словесѣхъ 84б, 126в, 212г, нѣ хужьшю 212г, къ кому идѣмъ 15б (в Остр. и Мар. ев. идемъ) нѣгли 116г; перед мягкими согласными и в конечном открытом слоге: нѣвѣмь 21а, болѣ 13в, 23в, 38в, 40г, 42г, 43г, 44а и т. д., всего 19 раз.

Из них ѣ вместо «е» в предложном падеже множественного числа старых основ на согласные, утративших особое склонение в русском языке очень рано (бременѣхъ, на нбсѣхъ, о словесѣхъ), пишется благодаря действию морфологической аналогии со стороны склонения слов среднего рода старых основ на «о», где в этой форме «ѣ» было этимологически правильным[60].

Написание нѣ хужьшю 212г очень похоже на описку, возникшую, возможно, под влиянием очень распространенного в памятнике отрицания *не* с формами настоящего времени от глагола быть (нѣсть, нѣ и др.).

Что касается ѣ в 1-м лице множественного числа изъявительного наклонения глагола — къ кому идѣмъ, то его появление также, вероятно, случайно. Возможно, что писец здесь употребил ту же форму повелительного наклонения этого же глагола с этимологическим «ѣ» (ср. глша кму идѣмъ 150в, 155а, 155б и т. д.).

---

[60] Ср. подобное употребление ѣ в чудовском списке Моления Даниила Заточника. С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М., 1946, стр. 89.

Написание — нѣ вѣмь кго также похоже на описку, появившуюся благодаря ассоциации с нѣсмь нѣ и т. д. Кроме того, здесь ѣ в отрицании писец мог написать по аналогии с следующей буквой ѣ корня.

В написании *болѣ* буква ѣ написана вместо «е». Этимологически «е» в окончании сравнительной степени прилагательных было только в среднем роде (в м. р. было *ии*, *ьи*, в ж. р. *ши*). Со временем родовые различия в именной форме стираются, и окончание «е» остается единственным, при этом утрачиваются различия и по падежам, и по числам.

В исследуемом памятнике наряду с *болѣ* встречается форма *боле* — азъ свѣдительствую боле иоанова 9в, боле всѣхъ 125в и рядом нѣ рабъ болѣ гна 13в, 38в, 40г, 43г, 44а, 173б, 179б, болѣ всѣхъ 23б, 47а, 70а, 131в, которыи болѣ ихъ 143в, 163г, 206б, онъ болѣ кстъ 40г, 42а, 91в, 178б.

В написании *лжѣи* 11в (-легче) буква ѣ этимологически неоправдана (должно быть льжак или льгъчак), ее появление следует объяснить действием морфологической аналогии (под влиянием образований типа новѣк и под.).

Ср. лжек 98об в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку[61].

Таким образом, большинство отмеченных примеров употребления буквы ѣ на месте этимологического «е» показательной силы не имеет. Фонетической можно считать замену «е» буквой ѣ в безударном положении в конечном открытом слоге. Однако делать вывод о звуковой близости [ѣ] и [е] в говоре писца в данных условиях можно лишь в том случае, если наряду с употреблением буквы ѣ вместо «е» наблюдаются случаи обратной замены, т. е. написания, имеющие букву *е* на месте этимологического «ѣ».

Регулярно буква *е* на месте этимологического «ѣ» в памятнике употребляется в словах, главным образом, церковно-книжного обихода, исторически представляющих собой в большинстве случаев заимствования из старославянского языка.

К ним относятся слова с неполногласными сочетаниями, в которых последовательно пишутся *ре*, *ле* на месте этимологических сочетаний «tert», «telt» в соответствии с *-рѣ-*, *-лѣ-* старославянских памятников и полногласием живого русского языка.

Примеры: съ брега 45в, вреду 117а, древо 35в, 47а, среды 48а, на брезѣ 44в, обремени 41в, вредить 114г, времене 45б, времени 203а, посредѣ 2а, 3в, чрево 195г, чревѣ 43г, жребець 201в, извлече 182б, плевелъ 46в, в днь чреды 213а, привлеку 26г, облекоша 184в и т. д.

---

[61] В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи. . ., стр. 19.

Возможно, что написание с *е* в неполногласных формах поддерживалось влиянием соответствующих русских слов с полногласием (с двумя *е*).

Этимологически правильное южнославянское ѣ в этих формах встретилось в примерах: стрѣгуще іса 104в, 187г, 192а, врѣмя 14а, плѣньникомъ 84а.

Колебание букв *е*/ѣ встретилось в конечном открытом слоге в окончании дательного и предложного падежей единственного числа форм местоимений *тебе* / *тебѣ*, *себе* / *себѣ*. Отмечены 46 раз тебе, 24 раза тебѣ, 39 раз себе и 12 раз себѣ. Рядом с ними всегда с ѣ встретились тобѣ, собѣ, по-видимому, являвшиеся формами разговорного русского языка.

Только буква *е* пишется в косвенных падежах единственного числа и множественного числа от книжной основы телес-: телеси 3а, 105г и телеса 187г, 188г, 192а и т. д. В памятнике свыше 30 раз встретилось это слово без суффиксального наращения с буквой ѣ в корне тѣло, тѣла, тѣлу, тѣломь и т. д.

Написания с *е* вместо ѣ в таких формах, как «... телеси телеса, — пишет проф. П. С. Кузнецов, — не особенно показательны, так как они идут, несомненно, из книжного языка (в древневосточнославянских наречиях разрушение склонения с основой на -es имело место еще в доисторическую эпоху, о чем свидетельствует отсутствие -es в производных словах, если они не заимствованы из церковнославянского: дословный, пословица и т. д.)»[62].

Возможно, что *е* вместо ѣ в этих примерах явилось вследствие ассимиляции с [е] следующего слога.

Академик А. А. Шахматов[63] предполагал, что на орфографию указанных случаев в русской письменности оказало влияние искусственное церковное произношение древнейшей поры, при котором сохранялся более открытый характер старославянского [ě] сравнительно с русским, и поэтому бывшего ближе к русскому [е], а не к [ě].

Все указанные написания с *е* вместо ѣ встречаются в русских рукописях с древнейшей поры, независимо от времени написания и их территориальной принадлежности и являются графической особенностью, характеризующей всю русскую письменность.

Поэтому указанные примеры замены буквы ѣ буквой *е* не могут иметь фонетического значения.

Так же непоказательно написанное через *е* церковно-книжное слово секира 205а. Колебание *е*/ѣ в этом слове встречается в старославян-

---

[62] П. С. Кузнецов. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров, стр. 137, а также Н. Н. Дурново. Очерки истории русского языка. М., 1924, стр. 277.

[63] См. А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот, стр. 212.

ских памятниках, например, в Мариинском евангелии. Только с *е* это слово отмечено в Остромировом и Архангельском евангелиях.

Колебание *е/ѣ* встретилось в наречиях с частицей дь прь 202г, идѣ 5а, 6в и т. д., всего 52 раза, кдѣ 2а, 3г и т. д., всего 28 раз. Сдѣ 11б, 21в, 28а и т. д. 35 раз; здѣ 134в, 152б, 193а, весдѣ 167в, индѣ 126б, 161а, ондѣ 134а, при иде 77а и т. д., всего 6 раз, кде 9с, 189в, доньде (же) 24а, 27а и т. д., всего 20 раз.

Написание указанных наречий через *е* типичны для старославянских памятников и часто встречаются в ранних русских рукописях.

Можно предполагать, что в доисторическую эпоху в славянских языках существовали два варианта частицы de — один с «е», другой с «ě». О этимологическом «ě» в этом случае свидетельствуют русские говоры, имеющие звуки [ê], [i͡ê], [и], в них соответственно произносится [гд'ê], [гд'и́], [ɣд'i͡ê], [иɣд'е], [з'д'и́с'], [в'из'д'ê]. Кроме того, на «ě» указывают сербские [гдѣ], [гдjѣ], [свагдѣ].

С другой стороны, в старославянских памятниках употребляются только *къде*, *сьде*, *доньде* и т. д. Болгарское [де], чешские [kde], [zde], [vezde].

«Старославянский, а также ряд новых славянских языков указывают на то, что слово где, как и выше приведенное здесь, — пишет проф. Р. И. Аванесов — имело звук е (къде, сьде-сь). Однако русские говоры... свидетельствуют о наличии звука ять. Последний очень рано (с XIII в.) отразился и в древнерусских письменных памятниках». И далее... «можно считать, что тот или иной гласный в этих словах в русских говорах является непосредственной заменой звука ять»[64].

Сравнительно немногочисленные написания этих наречий через *е* в данном памятнике возможно объясняются влиянием орфографии старославянского оригинала.

Наречие *доньде*, не отличаясь от предыдущих своим образованием, обычно в русских памятниках, в том числе и в исследуемом, пишется через *е*, т. е. как и в старославянских. Написание с *ѣ* в русских памятниках встречается очень редко, оно отмечено на л. 131 Лаврентьевской летописи[65], на л. 47а рукописи 1296 г. бывш. Типографской библиотеки, на л. 126 Переяславского евангелия 1354 г.[66] Возможно, что этого наречия не было в живом русском языке, а в книжном оно сохраняло свое старославянское написание.

---

[64] Р. И. Аванесов. О построении программы собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка. Программа собирания сведений... Изд-во МГУ, 1946, стр. 56.

[65] Н. П. Некрасов. Заметки о языке «Повести временных лет». «Изв. ОРЯС», т. 1, кн. 4, 1896, стр. 90.

[66] П. С. Кузнецов. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров, стр. 138.

В памятнике встретилось колебание *е/ѣ* в церковно-книжных словах с суффиксом «-ĕlь-»:

купѣль 14б, 24б, купѣли 14а, 24а, свирѣлники 48в, скудѣль 88б, скудѣлници 137г, в скудѣлницѣ 143а, село скудѣлниче 185б, 190а, на селѣ скудѣлничи 185в, 190б, но вместе с тем: гибель 135а, 172а, погибель 35б, 198б, погибельный 181б, обитель 137г, 143а, 170в, обители 28в, 202б.

Колебание *е/ѣ* в этом суффиксе встречается и в других русских рукописях (например: в Архангельском евангелии 1092 г. употребляется *обитѣль и обитель гыбѣль*[67] и т. д.).

В данном случае писец последовательно пишет букву ѣ под ударением и заменяет ее буквой *е* в безударном положении.

Буква *е* на месте ѣ перед мягкой согласной пишется в слове *голень* (голени 188в, 189а, голении 189а)[68], причем также в безударном положении.

В конечном открытом слоге *е* вместо этимологического «ĕ» встретилось в словах:

доколе 53в, 60б, 153в, при доколѣ 22г, 109б, отнеле 121а, при отнелѣ 3а, и поне 77в в значении потому что, при понѣ 73в, 77б.

Буква *е* во 2-м лице множественного числа повелительного наклонения *ни поженете* 112с (Лука 17,23) при обычной букве ѣ в этой форме (отмечено около 150 примеров с ѣ) является, вероятно, опиской и объясняется действием аналогии со стороны формы 2-го лица множественного числа изъявительного наклонения того же глагола.

Кроме указанных примеров, буква *е* на месте «ĕ» встретилась в конечном открытом слоге после иота в родительном падеже единственного числа прилагательного *стыѥ* при обычном окончании *-ыѩ* (в чѐ стртныѩ не 195а, покровъ стыѩ бца 198) или *иѩ* (от похоти плотьскиѩ, мужьскиѩ 2а) или *оѩ* (всѣкоѩ плоти 180г, не єдиноѩ же ползы 79г, 183в).

Написание *стыѥ* (отмечено 15 раз) встретилось только в указателе евангельских чтений на дни определенных святых на последних 25 листах рукописи, т. е. в той части ее, где писец меньше всего зависел от орфографии оригинала.

Примеры: стыѥ ѳфросиньи 197г, стыѥ мамелфы 198а и т. д. 199б, 200а, 201г, 211а, 211б, 212в, 214б, 215а, 215б, 216г. Стъѥ феодосьи 210а (описка, пропущена палочка у буквы ы).

В остальных случаях сочетание jĕ в памятнике правильно передается буквой ѣ:

ѣлъ 92б, ѣсть 123г, ѣмы пасху 143г, 178б, ѣдущимъ 138б, ѣсти 143б, азъ ѣмь 129в, ѣси 129г, 137г, изъѣдъ 136г, изьѣ хлѣбы 150а; въѣди въглубину 65с, преѣха 45в (кроме чередования ѣ || ꙗ в начале слова ꙗсти, ꙗдущихъ... и т. д.).

---

[67] М. А. Соколова. К истории русского языка в XI в., стр. 115.

[68] Однако это слово могло принадлежать только книжному языку и буква *е* могла передавать особенность произношения старославянского [ѣ].

Большая часть рассмотренных примеров употребления буквы е вместо ѣ также фонетически непоказательны.

В положении под ударением перед твердыми и мягкими согласными, а также в безударном положении перед твердыми согласными буква ѣ обозначает звук, в качественном отношении отличавшийся от [е] и противопоставленный ему в своем употреблении. Замена ѣ буквой *е* и наоборот, замена «е» буквой ѣ в безударном положении в конечном открытом слоге и замена ѣ буквой *е* перед мягкими согласными позволяет предполагать качественную близость в этих условиях соответствующих звуков. Можно полагать, что на месте этимологических «ѣ» и «е» в этих положениях в говоре, отразившемся в написании памятника, произносился один звук, вероятно, типа [е].

Употребление букв ѣ и и

В памятнике встретилось незначительное количество случаев смешения букв ѣ и *и*.

Случаи употребления ѣ вместо *и* весьма немногочисленны, к ним относятся: к вдовицѣ 84г, в скудѣлницѣ 143г, на смоковницѣ 107в, в темницѣ 82в, 217а, и въпраша кго что видѣть 122в (Марк 8,23), кр ьплѣи мене 205а, 205в, 206б.

Буква ѣ в дательном и предложном падежах единственного числа слов женского рода с основой на [ц] вместо буквы *и* древнейших русских памятников объясняется влиянием той же формы от слова женского рода с основой на твердую согласную. Вероятно, употребление буквы ѣ в этих формах было к середине XIV в. орфографической нормой. Морфологическим влиянием формы инфинитива, вероятно, объясняется ѣ вместо *и* в 3-м лице настоящего времени изъявительного наклонения (что видѣть). Также действием морфологической аналогии объясняется написание *крѣплѣи мене* (в Остр. ев. *крѣплии мене*), образовавшееся под влиянием сравнительной степени типа *добрѣи*, *мудрѣи*.

Буква *и* вместо ѣ отмечена в следующих примерах: не *пцитесѧ* 39г (повелит. форма 2-го л. мн. ч. от глагола *печи*) при *пцѣте* 38б, 105в, 133в.

Слово *свѣдительство* и его производные отмечены свыше 80 раз, причем только в таком написании.

Примеры: свѣдительство 16г, 30в, 133б и т. д., свѣдительствую 17а, 30в, лжасвѣдителѧ 175в, 10, 183а, 26б и т. д.

Буква *и* в *не пцитесѧ* объясняется, вероятно, влиянием той же формы единственного числа *пьци* или соответствующей формой глаголов типа *пишите* и т. д.

Написание церковно-книжных *свѣдитель*, *свѣдительство* и т. п. также может быть объяснено не фонетически (кроме того, показания только одного корня всегда сомнительны). Возможно, что этот корень заимствован писцом из какого-то другого говора, ибо подобные напи-

сания встречаются в русских рукописях разного времени и разной территориальной принадлежности (в южнорусских памятниках, в новгородских и др.).

Примеры: свѣдитель 30об, лъжисвѣдитель 41об, свѣдитьльство 10б, свѣдитьльствують 84 (Евсевиево евангелие 1283 г.[69]);

свѣдитѣльствомь 75об, льжасвѣдитьльства 105, свѣдители 31об. и т. д. (Южнорусское ев. XIV в. из собрания Верковича[70]);

свѣдитьльствуеть 1об, 137об, свѣдитѣльствують 18, 134об, свѣдитѣльствова 5, 152об (Галицкое ев. 1266—1300 г.[71]);

свѣдительствукть 4, свѣдительствова 7об, свѣдители 23об (Холмское ев. XII—XIV вв.[72]);

свѣдитьльство[73] 40, 90, 95, свѣдитѣльства 3об, свѣдитѣльствую 1об. (Поликарпово ев. 1307 г.).

свѣдительствую л 173 (в Переяславском ев. 1354 г.[74])

свѣдительствукть л. 2 и т. д. (в Хлудовском ев. № 30 XIV в.[75])

свѣдительство л. 5 (в Погодинском апостоле 1391 г.[76]).

свѣдитель и во всех производных (в Новгородском евангелии XIV в. Гос. публ. б-ка).[77]

Таким образом, отмеченные случаи взаимной мены букв *ѣ* и *и* также не могут служить доказательством совпадения в качественном отношении соответствующих звуков. Гласные звуки, которые писец обозначал буквами *ѣ* и *и*, в диалекте памятника различались между собой в любом положении.

Из всех отмеченных отклонений от этимологически верного употребления буквы *ѣ* фонетически можно считать лишь небольшое количество случаев мены букв *ѣ* и *е* в безударном положении в конечном открытом слоге и перед мягкими согласными. В остальных положениях — под ударением независимо от качества следующей согласной и в конечном открытом слоге, а также в безударном положении перед твер-

[69] Г. К. Голоскевич. Евсевиево евангелие, 1283 г. Опыт историко-филологического исследования. Исследования по русскому языку и словесности, т. III, вып. 2. СПб., 1914, стр. 35.

[70] А. Никольский. Описание русского евангелия XIV в. из собрания Верковича. РФВ № 4, 1894, стр. 283.

[71] А. А. Шахматов. Исследования в области русской фонетики. Варшава, 1893, стр. 138.

[72] А. И. Соболевский. Очерки из истории русского языка. Киев, 1884, стр. 28.

[73] Там же, стр. 35.

[74] П. С. Кузнецов. К исторической фонетике. . ., стр. 153.

[75] Рукопись Собрания ГИМ.

[76] Н. М. Каринский. Погодинский апостол 1391 г., РФВ, № 3—4, 1896, стр. 188.

[77] Л. Л. Васильев. Новгородское евангелие имп. Публ. б-ки и его западнорусские вкладные, РФВ, 1902, № 1—2, стр. 153.

дыми согласными употребление буквы ѣ соответствует этимологии (отмеченные исключения фонетически непоказательны).

По употреблению буквы ѣ в слогах под ударением описываемый памятник не выделяется из числа других московских и некоторых ростовско-суздальских рукописей XIV—XVI вв. Этимологически правильное употребление буквы ѣ под ударением характеризует Московские грамоты XIV в.[78], Московские грамоты более позднего времени — XV—XVII вв.[79], а также характерно для Чудовского списка моления Даниила Заточника[80] XVII в. (академик Обнорский полагает, что местом составления списка «должна быть среднерусская может быть Московская территория»[81]), для Лаврентьевского списка летописи (Повести временных лет[82] и Суздальской летописи[83]), для сборника Чудова монастыря № 20[84] (В. В. Виноградов считает этот памятник ростовско-суздальским[85]).

Рассматривая указанное Л. Л. Васильевым в Московских грамотах XVI—XVII вв.[86] этимологически правильное употребление буквы ѣ в слогах под ударением, В. В. Виноградов пишет, что «... Соблюдение подмеченной орфографии ѣ и *е* оказывается в высшей степени трудным и даже невыполнимым без фонетического критерия в живой речи, и что, следовательно, писцы, последовательно проводившие эту орфографию, проверяли ее на своем говоре, у тех же, кому этот критерий был чужд, помимо воли являлись написания *е* вместо ѣ под ударением»[87].

К такому же выводу о фонетическом значении этимологически верного употребления ѣ под ударением приходит академик С. П. Обнорский при исследовании Чудовского списка «Моления Даниила Заточника». Академик Обнорский указывает, что в этом списке «в положе-

---

[78] П. Г. Стрелков. О языке семи древнейших завещаний московских великих князей, стр. 111; а также В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики северно-великорусского наречия. «Изв. ОРЯС», 1919, т. XXIV, кн. 2, стр. 235—237.

[79] Л. Васильев. К истории звука ѣ в Московском говоре в XIV—XVII вв. «Изв. ОРЯС», т. X, 1905, кн. 2, стр. 219.

[80] С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, стр. 89—90.

[81] Там же, стр. 131.

[82] В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики северновеликорусского наречия, стр. 228—230.

[83] В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи, стр. 32.

[84] В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики северновеликорусского наречия, стр. 231; В. Н. Щепкин. Сборник Чудова монастыря № 20. «Чтения в об-ве истории и древностей российских», 1889, кн. III, стр. 25.

[85] В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики северновеликорусского наречия, стр. 231.

[86] Л. Васильев. К истории звука ѣ..., стр. 219.

[87] В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики северновеликорусского наречия, стр. 256.

нии под ударением ѣ по общей норме пишется правильно»[88]. И поэтому «под ударением сохраняется особый звук»[89].

Таким образом, гласный звук, который произносился в говоре писца описываемого памятника на месте ѣ, отличался по своему качеству от звуков, обозначавшихся буквами *е* и *и*, и был противопоставлен им в своем употреблении.

Для суждения о качестве звука [ĕ] в диалекте, отразившемся в написаниях памятника, определенное значение имеют отмеченные случаи взаимной мены букв ѣ с *и*, *е*. Мена букв *ѣ/е* фонетически показательна и позволяет предполагать определенную близость соответствующих звуков.

Сравнивая показания памятника с данными современных говоров, следует полагать, что по своему качеству на месте [ѣ] произносился звук типа [ê] (е закрытого) склонного к [и], перед мягкими согласными приближение к [и], вероятно, было большим.

«В ряде разных говоров, — пишет проф. Р. И. Аванесов, — как северновеликорусских, так и южновеликорусских, в составе гласных фонем имеется фонема [ê] («е — закрытое»), которая может произноситься так же как и͡е[90]. И далее указывает, что эта фонема ê является «одной из замен старого ѣ»[91].

Следует отметить четкую противопоставленность звуков [ĕ] и [е] на месте этимологических «ѣ» и «е» в положении под ударением перед мягкими согласными, на что указывает последовательное этимологически верное употребление писцом в этих условиях букв ѣ и *е*.

Следует считать, что произношение ѣ как [ê] под ударением, свойственное древнему ростовско-суздальскому диалекту[92], было характерно также для московского говора середины XIV в. (входившего в состав ростовско-суздальского диалекта) и представляло, «... видимо, в своей основе общерусское явление»[93].

Аналогичное с рассмотренным этимологически правильное употребление буквы ѣ в безударном положении перед твердыми согласными позволяет предполагать, что гласный звук на месте [ĕ] в этих условиях так же по своему качеству различался с звуками [е] и [и]. Вероятно, в этом положении (без ударения перед твердыми согласными) на месте [ĕ] так же произносился звук типа [ê].

Неустойчивость употребления букв ѣ и *е* в безударном положении в конечном открытом слоге и перед мягкими согласными свидетель-

---

[88] С. П. Обнорский. Очерки, стр. 89—90.

[89] Там же.

[90] Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, стр. 44.

[91] Там же.

[92] Р. И. Аванесов. Образование русского языка в его говорах. «Вестник МГУ», 1947, № 9, стр. 131.

[93] К. В. Горшкова. Из истории московского говора в конце XVII—начале XVIII вв. «Вестник МГУ», 1947, № 10, стр. 114.

ствует о качественной близости соответствующих звуков в этих условиях, указывая, по-видимому, на их совпадение в одном звуке, вероятно, типа [е].

Изменение звука на месте этимологического «ѣ» и его совпадение с гласным на месте этимологического «е» является важнейшим событием в истории русского языка и, в частности, в истории московского говора. Как известно, в современном московском произношении этимологические «ѣ» и «е» различаются только в положении под ударением перед твердыми согласными (за некоторыми исключениями) и не различаются, совпадая в одном звуке, в других условиях.

Материал памятника позволяет предполагать, что совпадение гласных на месте «ѣ» и «е» в московском говоре первоначально появилось в безударном положении перед мягкими согласными и было известно московскому говору уже в середине XIV в.

Безразличное употребление букв *ѣ* и *е* в безударных слогах при их правильном различении под ударением является типичной особенностью Московских памятников, начиная с XVI в.[94], и указывает на неразличение в этих условиях соответствующих звуков в московском говоре XV—XVII вв.

Исследования судьбы *ѣ* в Московских памятниках XVII—начала XVIII в. свидетельствуют о следующем этапе в истории этимологического «ѣ» — об его изменении в [е] в московском говоре того времени. В московском говоре конца XVII—начала XVIII вв.[95] этимологические «ѣ» и «е» уже не различались в нем и под ударением между мягкими согласными (перед твердыми согласными под ударением на месте «ѣ» произносилось еще [ê]). Современное литературное произношение [е] открытого на месте «ѣ» по-видимому, сложилось несколько позже, вероятно, не раньше середины XVIII в.[96]

8. Гласные неверхнего подъема в безударном положении

Отклонений от этимологически правильного употребления букв гласных неверхнего подъема в памятнике встретилось немного. К ним относится небольшое количество случаев смешения букв *о* и *а*, букв *е* и *а*, неустойчивость в употреблении *ѣ* и *е*, *ѣ* для обозначения безударных гласных и несколько случаев с буквой *и* на месте безударного «е».

В описываемом памятнике примеров, свидетельствующих о качественном изменении в живом произношении безударных [о] и [а], почти не встретилось.

---

[94] Л. Васильев. К истории звука ѣ...

[95] К. В. Горшкова. Из истории московского говора..., стр. 112—113.

[96] См. В. В. Виноградов. Очерки по истории русского литературного языка XVII—XVIII вв. М., 1938, стр. 103.

С наибольшей вероятностью фонетическим можно признать написание *ака* 212а с *а* вместо «о» — ака на нбси ѣако и на земли. Однако этот пример очень похож на описку писца (наиболее частые случаи описок приходятся именно на замену нужной буквы гласного буквой соседнего слога, см. выше).

По той же причине следует признать опиской написание взрадаваша сѧ 120в.

Отмеченное в памятнике смешение *о* и *а* в заимствованных именах собственных известно в русской письменности с древнейшей поры. Примеры: лазарь 97в и лазорю 97г, онтоны 208а и антониды 212а, офонасью 211а (ср. оркада в Остр. ев. ондроникъ, офонасии в стихираре XII в. и др.[97]).

Колебания букв *о*/*а* в словах иностранного происхождения иногда наблюдаются и в старославянских памятниках.

Колебание *о*/*а* в творительном падеже двойственного числа *рукама* 7б и *рукома* 7в и др. объясняется морфологически. Форма *рукама* представляет этимологически правильное образование; а в написании *рукома* буква *о* появляется под влиянием склонения существительных с основой на «о» (*плодома*).

Написания с *а* в книжных глагольных основах многократного вида объясняются морфологически и ни в коей мере не указывают на наличие аканья: оукарѧти 41а (оукорѧти 92б), съвпрашати 63а, напаѧше 141в, ражаѥтсѧ 202г, оутапаху в мори 71в и т. д.

Кроме указанных случаев, буквы *о* и *а* после твердых согласных и в начале слова в безударных слогах употребляются этимологически правильно и, следовательно, обозначают в этих условиях различные по своему качеству звуки, т. е. аканье несвойственно говору, отразившемуся в памятнике.

В подавляющем большинстве случаев буквы гласных неверхнего подъема после мягких согласных писцом употребляются этимологически правильно. Отклонения от правильного их употребления немногочисленны и недостаточно показательны в фонетическом отношении.

К числу исключений относятся случаи взаимной мены букв *е* и *а* в конце слова и употребление буквы *и* вместо «е» (колебания букв в употреблении безударных «ё», «е», «и» рассмотрены выше).

Буква *а* (ѧ) на месте «е» встретилась в безударном конце слова после внепарных мягких согласных [ч] и [j] — лжѣѧ 11в, изъдалеча 121в (ср. издалече в Мариинском, Остромировом, в Зографском евангелиях и в Саввиной книге от Луки, XVII, 12). Можно полагать, что указанные написания, малочисленные в силу твердого знания писцом орфографических норм, соответствовали живому произношению. Фонети-

[97] См. А. И. Соболевский. Лекции..., стр. 39.

ческое изменение [е] > [а][98] в безударном положении после внепарных мягких согласных известно во многих современных русских говорах (в том числе в северновеликорусских)[99].

Указания на изменение [е] > [а] встречаются в некоторых среднерусских памятниках XIV в., например, трупыꙗ (им. п. мн. ч.) в Лавр. лет.[100], легчаꙗ в Галичском ев. 1357 г. в Моск. ев. 1393 г. и 1399 г.[101], на вечарехъ, вечарꙗю в Переясл. ев. 1354 г.[102]

Случаи обратной замены буквы *а* буквой *е* отмечены дважды в одном корне — *скончевахусѧ* 93в, *исконченахусѧ* 96б (при *съконча̀ваху* в Зографском и Мариинском евангелиях). Указанные примеры типичны для церковно-книжного языка и поэтому не могут служить достоверным свидетельством живого произношения. В их написании можно предполагать влияние орфографии оригинала.

Случаи замены безударного «е» через *и* отмечены в следующих примерах:

тогда гл҃а иму пилатъ 190б (в Остр. ев. ѥму, искорі‖нитсѧ 50в, от и‖го полуиѥрдана 60г, ѥмилыꙗна 215а, ту пребудите 37г (в Мар. Остр. ев. пребудете) і҃съ же р҃е ѥму 34г.

Следует объяснить опиской написание и в *от идумѣꙗ и от и‖го полуиѥрдана* 60г (в Мар. ев. отъ идоумѣѧ и съ оного полоуиоръдана) в этом случае писец ошибочно повторяет предлог *от* и начальное *и* предыдущего слова (т. е. это *и* в конце строки относится к ошибочно начатому слову идумѣꙗ, а *го* в начале следующей строки является окончанием пропущенного местоимения оного).

Возможно, что *і* вместо «е» на конце строки в искорі‖нитисѧ появилось из-за невнимательности писца, так как весьма похоже на недописанную букву *е* (его начертание полностью совпадает с рисунком вертикальной дуги буквы *е*).

В написании ѥ‖му 34г вертикальную черту в конце строки следует отнести к начатому писцом *му*, которое не уместилось в строке (при тщательном анализе в рукописи видны контуры *м*), об этом же свидетельствует выносная буква ѥ перед і.

Таким образом, большинство из отмеченных примеров замены буквы *е* буквой *и* фонетически непоказательно.

---

[98] Однако оба написания допускают морфологическое объяснение, что снижает их фонетическую достоверность, написание *лжѣꙗ* позволяет предполагать особое образование сравнительной степени прилагательных, в *изъ далеча* конечное *а* могло осознаваться как окончание родительного падежа единственного числа (ср. *издалека*).

[99] Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, стр. 117, а также см. А. М. Селищев. Диалектологический очерк Сибири, вып. 1, стр. 151.

[100] Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка, 1924, стр. 203.

[101] А. И. Соболевский. Лекции, стр. 87.

[102] П. С. Кузнецов. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров, стр. 142—143.

Однако написания *иму* 190б вместо ѥму и ѥмилыѧна 215г (при ѥмелыѧну), по-видимому, соответствуют произношению писца, указывая на неразличение безударных [е] и [и]. Подобные написания встречаются во многих памятниках того времени. Смешение *е* и *и* в безударном положении отмечено проф. В. Н. Щепкиным[103] в основных почерках Чудовского сборника № 20 XIV в. — *идеше* 140 (вместо *идеши*) *храмену* 293, ѥритиковъ 76с и др.; проф. П. С. Кузнецовым[104] в Переясл. ев. 1354 г. *свѣдительствуїть* 12 об. (3-е л. ед. ч.), принесити 53 об (2-е л. мн. ч. повелит. форма) и др.

Приведенные примеры, свидетельствующие о совпадении в некоторых случаях безударных гласных неверхнего подъема после мягких согласных, не являются указанием на аканье. Известно, что частичное неразличение безударных гласных неверхнего подъема после мягких согласных в одних условиях при их правильном различении в других часто наблюдается во многих современных северновеликорусских говорах, не знающих аканья.

Б. СОГЛАСНЫЕ

1. Губные согласные [ф]—[в]

Буква *ф* встречается только в заимствованных словах (употребляясь безразлично в соответствии с греческими буквами φ и ϑ). Наиболее часто буква *ф* употребляется в собственных именах евангельского текста.

Примеры: филипа 19в (ср. Φίλιππος), Фаресъ 201а (Φαρεες), къ Каѧфѣ 175в (ср. Καϊάφας,), Валфрамѣѧ 67а, 212в (ср. βαρϑολομαῖος). Фадѣѧ 67а (ср. Θαδδαῖος) и т. д.

По всей вероятности, буква *ф* обозначала звук [ф], который встречался, видимо, только в немногих иностранных по происхождению словах. Возможно, что в живом произношении писца звук [ф], отсутствующий в русских словах, подвергался замене (может быть, звуком [х]. Ср. Малафиѧ 205в. Мамелфы 198а, Амфилофью 200б, Фрусанфа 209г).

Буква *в* обычно употребляется этимологически правильно — въдати 44г, сквозѣ 41г, за невѣрованьѥ 49б, вдовицѣ 84г, всѣхъ 135в, минувши 11а, грѣховъ 73г, покровъ 198а и т. д.

Однако наряду с указанным употреблением буквы *в* в памятнике встретились отклонения от этимологического принципа, позволяющие сделать некоторые выводы о качестве произношения звука [в].

---

[103] См. «Чтения в Обществе истории и древностей Российских», 1899, кн. 3, стр. XV, XVII, XX.

[104] П. С. Кузнецов. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров, стр. 145.

К числу исключений относятся: замена буквы *в* буквой *у* перед согласной и пропуск буквы *в* в интервокальном положении (перед гласным [у]).

Примеры: 1 оустрѣтенье 208б, устани 70в, в собственных именах на месте греческой буквы υ перед согласной: аоуксентыа 209б, коустафыа 209в, коутропыа 207в, коуфимыа 208а, коутухыа 210в, куграфа 200в, кустратыа 200в, мауры 211а, леоугиты 2б (при левгитъ 108), в памятнике употребляются только написания єу҃лиѥ ѥ҃уа[105]; зооуща 51в, в иноязычных словах ваулы 194г (при вавулы 194), рауони 128б (в Мстисл. ев. равуни), заоулонъ 207г, въ предѣлѣхъ заоулонихъ 207в.

Отмеченные примеры, а также отсутствие написаний, свидетельствующих об оглушении [в] в [ф], позволяют предполагать наличие губногубного [в] ([w] или [у]-неслогового) в языке памятника. Губногубное [в] писец мог на письме передавать буквой *в* и буквой *у* благодаря их акустической близости.

Примеры замены буквы *в* буквой *у* в начале слова перед согласной указывают, по всей вероятности, на вокализацию [ў] (неслогового) до [у] полного образования в произношении писца, но могут соответствовать и произношению [ў].

Следует полагать, что в середине слова перед согласными и на конце слова на месте этимологического «в» произносился звук w (-ў), обозначавшийся писцом, как правило, буквой *в*.

Писец употребляет букву *у* в тех случаях, где [ў] «находилось вне связи с [в]»)[106]; в начале слова перед согласным и в середине слова перед согласным в словах иностранного происхождения.

О качестве звука, произносившегося писцом на месте этимологического «в», в положении перед гласными после согласных и между гласными, на основании данных орфографии памятника судить трудно.

Однако на основании случаев пропуска буквы *в* в интервокальном положении перед буквой лабиализованного [у] можно полагать, что в этих условиях также произносилось [ў] (неслоговое). В данном положении «билабиальность поддерживалась соседством с лабиализованным гласным, усиливающим активность губ при образовании предшествующего спиранта»[107].

О качестве [в] перед нелабиализованными гласными в орфографии памятника указания отсутствуют, но возможно, что в этих условиях произносилось [в] губнозубное. «Переход ў в в, — указывает В. Г. Орлова, — происходит в положении перед гласными звуками в позициях

---

[105] Ср. обычные *въ*, *в* на месте греческого υ после гласных в Ефремовской Кормчей. См. С. П. Обнорский. О языке Ефремовской Кормчей XII в. Исследования по русскому языку. СПб., 1912, т. III, вып. 1, стр. 10—11.

[106] В. Г. Орлова. Губные спиранты в русском языке. «Тр. Ин-та русск. яз.», 1950, т. II

[107] Там же, стр. 181.

типа «вода», «свой», «довод», где сонант исконно выступал в роли согласного звука»[108].

Написания, свидетельствующие о произношении [ў] на месте «в» (замена буквы *в* буквой *у* и пропуск буквы *в* в условиях, аналогичных указанным) известны во многих древнерусских памятниках[109]. В том числе подобные написания отмечены в Лаврентьевском списке летописи, что позволяет предполагать наличие [w] в древнем ростовско-суздальском диалекте.

Губногубное образование [в] широко распространено во многих современных русских говорах, главным образом среди южных — акающих, но встречается и среди окающих северновеликорусских говоров (в вологодских, например)[110].

2. Задненебные согласные

Буквы задненебных согласных *г*, *к*, *х* в памятнике последовательно употребляются в сочетании с буквами гласных *а*, *о*, *у* и с буквой ъ.

Примеры: въ книгахъ 7б, в камени 192г, взгорѣсѧ 106в, входить 78б, в корабль 10в, взлѧгуть 121б, совкупилъ 125г, ношаху 90в, хуленыѧ 67г, источникъ 73в, вжегъ 101г, снидохъ 12г и т. д.

Отмеченные написания, а также отсутствие сочетаний *гѧ кю*, *хъ* и подобных свидетельствуют о постоянной твердости согласных [г], [к], [х].

Вместе с тем в памятнике последовательно употребляются сочетания *ги*, *ки*, *хи* и отсутствуют сочетания *гы*, *кы*, *хы*. Например, гибель 135а, изгиблъ 137а, погибнуть 36в, книги 31а, 139в, не имѣ влаги 94в, на ноги ѥго 136в, придоша слуги 31а, 140а, любите враги 32б, 65а, остави долги 98г, воды многи 6а, 44в, многихъ 76в, оубогимъ 157г, 66б, 157г;

аки 38а, 39в, паки 6г, 7а, покивающи главами 186г, 187а, оболки 146в, от руки 23б, 42а, възложи руки 17а, 31а, рѣки (потекуть) 30г, 39бд, дъски 81а, въ вѣки 13а, 14г, ꙗзыки 76в, отроки (вин. множ.) 203в, 56г, предъ человѣки 148г, на чл҃вки 102в, 122в, изгнаша пр҃рки 32г, 107г, вашими оброки 206б, обрѣте пѣнѧжники 5в, сковники 141а, съ грѣшники 45а, 92а, с разбоиники 108в, свѣтилники приимши 165а, съ безконьники 171г, съ оученики 10в, 26а, оученики 68в, 87б, дати сребреники 137в, в мѧгки ризы 40в, гл҃смь великимь 61г, 121в, 187б, кимь званъ 124а, оускими враты 135б, от похоти плотьскиѧ 1г;

всхитить 23б, въсхитѧть 10б, въсхищаѥть 46а, въсхищаѥши 104в, расхитить 194г, грѣхи своѧ 204г, 205б, 206г, с посохи и оружьемь 175б, чаѧ оутѣхи 208в, в ветхи мѣхи 36в, 65в, 87а и т. д.

Эти написания отражают фонетическое изменение исконных сочетаний [гы], [кы], [хы] в [ги], [ки], [хи] (согласные [г], [к], [х] подверга-

[108] В. Г. Орлова. К истории звуков *в—ф* в русском языке. «Докл. и сообщ. филол. фак-та МГУ», 1948, № 6, стр. 19.

[109] См. указанные выше работы В. Г. Орловой.

[110] Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии. стр. 143.

лись делабиализации, приобретали более переднее образование, вследствие чего последующий гласный [ы] изменился в [и])[111].

Таким образом, в диалекте, отразившемся в написаниях памятника, согласные [г], [к], [х] перед [и] употреблялись в смягченном варианте.

В написаниях мѣхи просѧдуть 36в, устоѩть ѩзыки 154в (вместо этимологических *мѣси* и *ѩзыци*) сказывается процесс обобщения основы. Кроме указанных примеров, в памятнике обычно встречаются оучѣници 153б, книжници 153г, ѩзыци 167в, грѣси 69а, 88б, 93а и т. д.

Перед буквой *ѣ* в исконно русских словах задненебных *к*, *г*, *х* не встретилось (о написаниях *кь* см. выше в разделе о буквах ъ, ь).

Написания *ги*, *ки*, *хи* в формах именительного падежа единственного числа мужского рода прилагательных, причастий и местоимений, вероятно, представляют собой явление орфографического характера.

Примеры: другии 92г, 110б, 133а, нѣкии от нихъ 25г, 58в, кии от обою 62а, 58г, в великии дн҃ь 30г, сн҃ъ чл҃вчьский 60в, 80в, пекии сѧ 35а, 40а, глухии 153б и др.

Указанные написания могли соответствовать церковно-книжному произношению.

В иноязычных словах смягченные [г], [к], [х] встретились перед гласными [и], [е], [ё] и в двух случаях перед [у].

Примеры: левгитъ 10г, легионъ 71а, 104в, легиона 71б, ниневгитѧномъ 101в, в чревѣ китовѣ 43г, дн҃ь параскивги 148б, кинисъ 59г, от кисарѧ 202а, от садукии 118б, 162а, стг҃о мокиѩ 211б, преже пасхи 157а, архиѩрѣи 52г, архистратига 199г, снъ̄ мелхинъ 82а;

къ геону 103в, георгиѩ 210в, садукеиска 52б, 52в, келевѣи 37в, кесарь 185а, кесарю 185а, кесарь 185а, кесаревъ 162а, потокъ кедрьскъ 182а, стг҃о келесѣѩ 198г; кюрила 209г, симона кюринѣѩ 147а. Сочетания *гѣ*, *кѣ* *хѣ* приведены выше.

Буква *г* в написаниях памятника служит для обозначения задненебного звонкого согласного *г*. Эта буква употребляется писцом во всех положениях этимологически правильно; в том числе на конце слова и в положении перед следующей буквой глухого согласного. Например, недугъ 87г, другъ 167в, повергъ 64г, легко 39б, легчаи 41б, 74в, подвигшесѧ 202в, вздвигши 195г.

Таким образом, в орфографии памятника отсутствуют указания, которые позволяли бы сделать вывод о взрывном или фрикативном образовании задненебного звонкого согласного в произношении писца.

Некоторые косвенные данные, свидетельствующие скорей о взрыв-

[111] См. Р. И. Аванесов. Из истории русского вокализма. Звуки і и ў. «Вестник МГУ», 1947, № 1, стр. 54—55; А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, стр. 312.

ном образовании [г], можно извлечь при сравнении написаний в *мѧки ризы* 91в, в *мѧгки ризы* 40в, *мѧгка* и *легко* 39б.

В написании *мѧки* буква *к*, по всей вероятности, обозначает произношение двойного взрывного глухого [к], который образовался на месте этимологического сочетания «кък» (с «ъ» в слабом положении). Следовательно, и в написании *мѧгки* сочетание букв *гк* обозначает то же произношение двойного [к].

А так как писец одинаково обозначает через *гк* этимологические «гк» (из «гък») в *легко* и «кк» (из «кък») *в мѧгки*, можно полагать, что буквы *гк* на месте этимологического «*гък*» обозначают то же произношение двойного взрывного глухого [к], образовавшегося при оглушении звонкого взрывного [г] в [к] перед следующим глухим [к] ([гък] > [гк] > [кк] = [к̄]). Написание *гк* на месте этимологического сочетания «кък» отмечено В. И. Борковским в Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку — г кыкву, г кикву, г королеви, г каневу, г коломнѣ[112] и др.

Написание разрабити 67в, 67г непоказательно, пропуск буквы *г*, вероятно, является опиской.

3. Шипящие согласные

Как уже указывалось выше, в памятнике на месте этимологических долгих мягких шипящих последовательно употребляются буквы *щ* для глухого шипящего и сочетание *жд* для звонкого.

Примеры: мща ки 132г, взвещю 180в, пощю же сѧ 133а, теща 86а, о очищеньи 6а, блещащихъ 218в, тощно 90б, тщашесѧ 195г, ищю 9а, пущати 74б, 88б и т. д.;

дождь 34б, 39б, бездождьк 217г, одожди 112г, иждену 12в, иждену̀ть 13в, 13г, 102г, ижденеть 79а, ижденеть сѧ 169а, иждившю 136а, иждивше 73в, и т. д.

Следует полагать, что буква *д* в сочетании *жд* указывает на наличие взрывного элемента в сбразовании звонкой долгой шипящей в произношении писца. В орфографии памятника нет прямых указаний на наличие или отсутствие взрывного элемента в произношении глухого долгого шипящего.

Однако, сравнивая показания памятника с современными русскими говорами, в которых при образовании долгих шипящих «ослабление и утрата взрыва легче и раньше начинается у звонких шипящих»[113], можно сделать вывод о наличии взрыва и при произношении глухой долгой шипящей.

По-видимому, написания *щ* и *жд* обозначали сохранившиеся в языке

---

[112] В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи, стр. 50.

[113] Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, стр. 12.

памятника исходные мягкие долгие сочетания с аффрикатой во второй части — [ш͡ч'][114], [(ш'т'ш')] и [ж'д'ж'] (но может быть и [ж'д']).

В памятнике после букв исконно мягких шипящих *ж*, *ш*, *щ*, *ч*, *ц* и *жд* в соответствии с орфографической традицией русских рукописей последовательно пишутся буквы гласных *и*, *а*, *ю* и буква *ь*.

Примеры: до жатвы 146г, оубѣжати 142б, слышать 45г, 41а, ркоша 86г, ваща 88г, сѣдаща 55в, скровища 90а, чадъ 41а, нача 41а, птицамъ 47а, пшеница 46в;

мужи 88а, жилами 88б, видиши 89в, меншихъ 168б, рещи 88в, обладающи 143г, оученици 86г, жерди 42а, кончину 144б, законооучители 88а, одожди 112г, иждившю 136а, иждивше 73в;

жажющии 194а, лобжю 144г, межю собою 146в, обрѣжють 204а, оуношю 11б, шюица твоа 148г, шюма 142а, не ищю 9а, ропщють 14г, плачющи 194а, притчю 87а, купцю 47г, срачицю 34а;

ножь 144б, рожьшю 202г, жьнуть 35а, вашь 89а, въ оушью 195в, нощь 87б, взвращьше сѧ 218г, дожьдь 39б, дождь 34б, бездождьи 217г, мечь 39а, плачь 13б, чьто 105г, очью 2г, агнець 3г, овець 23а.

Буквы *ы*, *ъ*, *у* после перечисленных букв шипящих не употребляются.

Как известно, в современном литературном произношении и почти во всех русских говорах исконно мягкие [ж] и [ш] отвердели; в литературном языке и во многих говорах отвердел [ц]. Отвердели в некоторых говорах долгие шипящие, сохранив свою мягкость в литературном произношении; [ч] в большей части говоров и в литературном языке сохраняет исконно смягченный характер образования.

Следует отметить, что процесс отвердения шипящих не был единовременным и общим для всего древнерусского языка. Памятники письменности с XIV в. свидетельствуют об отвердении [ж] и [ш] (в том числе памятники Ростово-Суздальские и Московские) и с XVI в. об отвердении [ц]. К ним относится Переяславское евангелие 1354 г., в котором есть указания на отвердение [ж] и [ш] перед [у]. Об отвердении [ж] и [ш] свидетельствуют написания Духовной Дмитрия Донского, его же договорной грамоты с Ольгердом, Лаврентьевской летописи и других. Орфографически отвердение шипящих выражалось в употреблении букв *ъ*, *ы*, *у* после шипящих рядом с традиционными *ь*, *и*, *ю* после них.

Употребление после шипящих букв *ь*, *и*, *ю* и отсутствие написаний с *ъ*, *ы*, *у* в описываемом памятнике не содержит указаний на отвердение шипящих, видимо, все шипящие вместе с [ж] и [ш] в языке памятника сохранили исконную мягкость при произношении. Можно

[114] Начертание буквы Ч легко выводится из лигатуры *ш* и *ч* с прямоугольной чашечкой (Н. Дурново. Введение в историю русского языка, Brno, 1929, стр. 14).

полагать, что на мягкость шипящих [ш], [ц] и [ч] указывают написания букв *ш*, *ц*, и *ч* с этимологически необусловленной буквы *ь* (помышь||лдти 88б, ць||вѣтца 40а, чьреженьи 92а).

Употребление после букв шипящих буквы *а*, обозначающей гласный [а], является «чисто графическим приемом»[115] и не указывает на твердость шипящих в живом языке.

Отмеченные в памятнике формы дательного и местного падежей единственного числа существительных женского рода с окончанием ѣ к вдовицѣ 84, в скудѣлницѣ 143а, на смоковницѣ 107в, в темницѣ 217а также не являются указанием на отвердение [ц]. Данные примеры следует объяснять влиянием твердого варианта склонения существительных «а» — основ на мягкий, что могло иметь место ранее отвердения [ц].

4. Согласные, противопоставленные по мягкости и твердости

После букв согласных *п*, *б*, *в*, *м*, *т*, *д*, *с*, *з*, *н*, *л*, *р* в памятнике последовательно в конце слов и в некоторых случаях в середине слов перед согласными пишутся буквы *ь* и *ъ*, указывающие на их мягкость или твердость.

Примеры: хлѣбъ 94б — голубь 206г, въставъ 88в — кровь 103а, храмъ 88б — семь 93б, животъ 87в — путь 94б, бѣсъ 91г — весь 87в, жонъ 211б — жизнь 66а, и т. д., крѣпь||чаи 186б, нешь||шюю 92г, почерпъше 7г, на бь||людѣ 49г — в любъви 178г, дъ||ва 91а — дь||вѣ 21в, изь||мѣна 33а — соблазъ||ны 47в и т. д.

Указанные написания свидетельствуют о том, что в языке памятника в данных условиях перечисленные согласные могли быть и мягкими и твердыми по своему качеству. Причем их мягкость или твердость на конце слова (и в некоторых других положениях) являются качествами позиционно независимыми.

Те же буквы согласных *п*, *б*, *в*, *м*, *т*, *д*, *с*, *з*, *н*, *л*, *р* в исконно русских словах употребляются в сочетании с гласными буквами *а* и *а*, *и* и *ы*; буквы *р*, *л*, *н*, кроме того, сочетаются с буквами *ю* и *у*, обозначая сочетания твердых и мягких согласных звуков с гласными [и], [ы], [у] ([п'а] и [па], [д'и] и [ды], [р'у] и [ру] и т. д.).

Примеры: пдть 94б — падше 203б, пии 105в, — слѣпымъ 22г, любди — гроба 11в, оубииство 141а быша 10в, повит 11а — славы 9г, видаху 9г — вздаше 10в, народи 10в — гдыи 13а, всдкъ 12 — оужасаху сд 11б, въздтъ 14а — в законѣ 13г, морд 10г — мира 13а, морю 70в — вѣру 12а, кландютсд 22а — знаменыи 12а, в нихъ 13в — нынѣ 13в, дерзну 11в и т. д.

---

[115] П. С. Кузнецов. К исторической фонетике, стр. 153. См. об этом же А. А. Шахматов. Исследование о языке Новгородских грамот, стр. 171.

Вследствие недостаточно последовательного употребления букв ь и ъ, указывающих на мягкость или твердость предшествующих согласных, мы затрудняемся в ряде случаев сделать определенные выводы о твердости или мягкости некоторых согласных перед согласными.

Сравнивая данные памятника с современным литературным произношением и русскими говорами, можно полагать, что в говоре, отразившемся в памятнике, твердые и мягкие согласные различались правильно перед твердыми губными и задненебными согласными — ср. возь||муть 83г, ксь||мы 25б — съ||мокве 61г, сидоньсь||ка 87г — съ||коро 136в, рь||ку 168г, рь||кохъ 23а.

По всей вероятности, правильно различались перед всеми согласными звуки [л], [л'] (ср. силь||наго 43с — полъ||на 102в).

Следует отметить постоянную мягкость *р* в словах с исконным сочетанием «tьrt» перед губными согласными, перед задненебными — перьвый 144а, берь||вна 89г, доверь||ху 84г и т. д., и перед шипящими — одерь||жимы 32в, померь||че 88б.

Мягкое [р] в указанных условиях широко известно многим современным русским говорам; в недавнее время мягкое [р], как указывает Р. И. Аванесов, было свойственно и литературному произношению. «В словах [в'ép'х], [в'ер'хóм], [цéр'ков'], [ч'ьт'вер'г] (т. е. перед задненебными) — пишет проф. Аванесов, — мягкое [р] можно встретить еще и в настоящее время. В слове [п'ép'воj] мягкое [р] произносил, например, Л. Н. Толстой (это зафиксировано в записи на граммофонную пластинку речи Л. Н. Толстого). Для более раннего времени можно припомнить надпись, высеченную на памятнике Петру Первому в Ленинграде: «Петру Перьвому Екатерина Вторая»[116].

Перед следующими зубными согласными согласный [р] в тех же сочетаниях сохранил исконную мягкость, а перед твердыми зубными произносился твердо (о перьстѣ 99а, но перъ||стомь 72б, 102г, перъ||ста 97г и т. д.).

Указанное произношение свойственно литературному языку и большей части современных говоров[117].

В словах с исконным сочетанием «tъrt» согласный [р] произносился твердо перед мягкими зубными и шипящими (горъстью 77б, на торъ||жищих 13г).

Видимо, в этих условиях сохранилась в произношении писца исконная твердость [р] (ср. совр. *гор'с'т'*).

В словах с сочетаниями «tьlt», «tъlt» плавный [л] произносился твердо (полъ||на 102б, толъ||цѣте 99б).

Этимологически мягкие парные зубные (кроме [л]) и губные произносились твердо перед твердым суффиксальным [н] («-ьн») —

[116] Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, стр. 152.

[117] Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение. М., Учпедгиз, 1950, стр. 83.

— окрстъ||наѧ 94а, бесъ||новавыи 105а, жерновъ||ныи 111в и, по всей вероятности, сохраняли свою мягкость перед мягким [н] в том же суффиксе — праведь||ници 193а, празь||никъ 120б, наставь||ниче 85в. Мягкость зубных перед мягким [н] характерна для современного литературного произношения (при твердости зубных перед твердым [н])[118]. Губные перед суффиксальным [н] в современном произношении всегда тверды[119].

Этимологически смягченное конечное [м] в творительном и местном падежах единственного числа существительных, прилагательных и местоимений произносились твердо (с суперникомъ своимъ 33в, в томъ 97а и т. д.; см. выше).

Смягчение согласных перед следующими мягкими согласными

В ряде случаев орфография памятника отражает позиционные изменения твердых и мягких согласных, их соотносительное совпадение.

1. В памятнике отражено смягчение твердых зубных согласных перед следующими мягкими губными и зубными согласными, в том числе перед [j] (дьвѣ 21в, сь||вѣдительствуюмъ 14а, изьѣ хлѣбъ 150а, а также сь||вѣтъ 216а, зь||мию 196б и т. д.).

2. Губные согласные произносились смягченно перед следующими мягкими зубными (вь||заша 219б, крѣпь||чаи кго 200а, бь||лизь 62а, погибь||нете 107б, земь||ли 32а, корабь||ль 57в, славь||лю 21а, оумью, оумьюши и т. д.).

3. По всей вероятности все согласные парные по твердости — мягкости произносились смягченно перед суффиксом [ск] («ьsk̑») и может быть [ств] жидовьскими 188а, вавилоньскаго 204г, в турьску 82б, 135г, лукавьство 68в, наслѣдьствую 108б, б҃атьство 124г, ц҃рьство 126в и т. д.).

4. Можно предполагать смягченное произношение [с] в суффиксе [с'к] («ьsk») — сидоньсь||ка 87в.

Мягкие согласные перед суффиксами [ск], [ств] при мягком [с] в их составе встречаются во многих современных северновеликорусских говорах; мягкие согласные перед [ск], [ств] известны и в некоторых переходных говорах[120].

---

[118] См. Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение, стр. 78.

[119] А. А. Шахматов указывает на возможность произношения мягких губных перед *н* в индивидуальном произношении. См. его «Очерк современного русского литературного языка». М., 1941, стр. 112.

[120] Среди них следует отметить говор Леки Рязанской губ., Егорьевского уезда, описанный А. А. Шахматовым в «Изв. ОРЯС», т. XVIII, кн. 4, 1913, и С. С. Высотским, в «Материалах и исследованиях по русской диалектологии», т. II, 1949.

5. По-видимому, парные зубные согласные, а может быть и губные, смягчались не в начале слова перед мягким [р] — на одьрѣ 48д, внутьрь 7а, обь||рѧщеть 118а.

5. Звонкие и глухие согласные

В памятнике буквы звонких и глухих согласных употребляются этимологически правильно перед всеми буквами гласных, перед буквами сонорных согласных, перед буквой *в* и перед [j], что позволяет сделать вывод в правильном различении звонких и глухих согласных в указанных положениях при произношении. Кроме того, буквы звонких и глухих согласных всегда этимологически правильно употребляются на конце слова.

Примеры: хлѣбъ 94б, голубь 206г, сусѣдъ 109а, заповѣдь, азъ 91в, близь 10в, снѣгъ 193а, повѣжь 76а, 122с и т. д.

В определенных фонетических положениях перед согласными буквы звонких и глухих согласных могут соотносительно употребляться одна вместо другой. Такое употребление свидетельствует о соотносительном совпадении между собой звонких и глухих согласных в языке памятника.

1) В ряде случаев вместо букв звонких согласных перед следующими глухими согласными писец употребляет соотносительные буквы глухих согласных.

Примеры: оускими 35б, 198б, оуска 35в (при оузка 198б и жзъка в Остр. ев.) от пчелъ 28а (при бьчелъ в Остр. ев.).

Указанные примеры свидетельствуют об оглушении звонких согласных [з] и [б] в соответственные им глухие [с] и [п].

Кроме указанных примеров, в памятнике встретились написания предлогов и приставок с этимологическим «з» в конце, свидетельствующие об оглушении [з] в [с] перед следующими глухими согласными.

Примеры: бес плода 46б, ис кораблѧ 57г, 70г, ис тебе 203а, ис чрева 63а. Распнуть 141б, распрѧ 24а, исповѣдаю 41в, 114г, въстокъ 42в, всходѧщь 106г и т. д. (см. выше).

Примеры оглушения [з] в [с] в указанных предлогах-приставках встречаются в русских памятниках старшей поры, написанных до падения глухих и в старославянских памятниках. Вместе с тем эти написания также соответствовали говору, отразившемуся в памятнике.

2) В положении перед следующим звонким согласным писец в некоторых случаях заменяет букву глухого согласного соответственной буквой звонкого согласного.

Примеры: зборъ 42г, въ зборищи 84б (при съборъ 199г, сборъ 25г), здравыи 45а, 92б (при сдравъ 136в), здѣ 53а, 152б, 193а (при сдѣ 94а, 101г), здѣла 166в (при сдѣла 135а, 172б), трижды 176б, многажды

153а, 182а, стыжды 27а (при мъногашьди, мъногашъды в Остр. ев.).

Данные примеры указывают на озвончение глухих согласных в соответствующих условиях в языке памятника.

Написания памятника свидетельствуют о живом процессе ассимиляции согласных перед согласными по звонкости — глухости в языке рукописи. Сравнительно небольшое количество примеров оглушения и озвончения согласных в орфографии памятника следует объяснить хорошей грамотностью писца (традиционным характером его орфографических навыков).

Этимологически правильное употребление букв парных звонких и глухих согласных на конце слова свидетельствует о их различении в этих условиях. Говор XIV в., отразившийся в написаниях памятника, не знал оглушения согласных на конце слова, видимо, оглушение согласных в этих условиях появилось в русском языке позже того времени, когда был написан памятник. По всей вероятности, звонкие согласные на конце слова сохраняли свою звонкость (или может быть произносились как полузвонкие).

Тем самым данные памятники подтверждают, что соотносительность звонких и глухих согласных в середине слова перед следующей глухой согласной появилась в русском языке раньше, чем их соотносительность на конце слова.

Отсутствие оглушения звонких согласных на конце слова или их неполное оглушение известно небольшому количеству современных говоров[121].

6. Некоторые явления консонантизма, отразившиеся в орфографии памятника

1) Упрощение групп согласных.

Написаний, свидетельствующих об упрощении групп согласных, в памятнике встретилось немного (обычно сохраняются традиционные этимологические написания). К ним следует отнести пропуск букв взрывного, зубного *д* в сочетании *здн* (из «здьн») и губногубного *в* в сочетании *взвр* (из «възвр»).

Примеры: празникъ 15б, 15г, 25б, 30г, 185в, 190в, 168в, 170а, 172а, 204б, в празникось 15в, празны 55а, непразною женою 202а, празнуемъ 215в (при праздникъ 15г, праздника 15г), взратиса 101б, възратиша 202в.

Данные написания свидетельствуют о выпадении в указанных группах согласных при произношении звуков [д] и [в]. Такое упрощение групп согласных характерно для современного литературного про-

[121] Говоры Костромского р-на Костромской обл., говоры Поветлужья (см. Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии..., стр. 145), некоторые говоры Смоленской обл. (обследованы МГПИ им. Потемкина в 1951г. — рукописные материалы экспедиции).

изношения (регулярное для сочетания [здн] и возможно для сочетания [взвр])[122].

В одном случае между соседними буквами согласных вставлена буква согласного, этимологически необусловленная — оустрѣтенькѥ 208б, стрѣти и 168б стрѣте 155в, 155г, стрѣтоша 11г (при сърѣтении, сърѣтоша в Остр., Мар. ев. и др.). По всей вероятности, эти написания соответствовали произношению. В этом случае между соседними согласными звуками образовалась переходная артикуляция взрывного [т].

2) Ассимиляция по способу образования отразилась в написании *лучи* 38г (при *лучьши* в Мар. ев.) и заключалась в образовании долгой аффрикаты на месте сочетания [чш].

Примеры ассимиляции по спссобу образования встретились и в предлогах-приставках на «з» при сочетании [з] со следующим шипящим. В этом случае свистящий [з], уподобляясь следующему шипящему, сливается с ним в один звук.

Примеры: бещестенъ 49б, 74а, бещадъ 118б, бещаденъ 118в, ищадью 53г, ищистиша сѧ 121в, 14г.

Иногда ассимиляция [з] со следующей согласной приводит к возникновению новой аффрикаты — ицѣлити 100г, ицѣлити 42г.

При сочетании [з] со следующим [с] образовывался долгий глухой свистящий [с] (долгота его в памятнике не обозначается):

беспиры 114а, исборища изгнани будуть 27с, исхнетѣ 178а, расслабленъ 42в и т. д.

Подобные примеры ассимиляции [з] в указанных предлогах — приставках также встречаются в русских рукописях с древнейшей поры и в старославянских текстах (что свидетельствует о действии ассимиляции еще до падения глухих при наличии соответствующих условий. Известно, что предлоги — приставки на [з] не имели после з глухого и потому сочетание согласных было исконным).

Протетическое [в]

В небольшом количестве примеров перед начальным [у] встретилась этимологически необусловленная буква *в*.

Примеры: вубо 1а, 64в, вузрѣ 122в, вустремисѧ 71б, повсъ вусынъ 205б (при оусниинъ 204г и оусниан в Остр. ев.).

В одном примере неорганическое [в] перед [у] отмечено в середине слова — повучайте сѧ отвѣщевати 119а (в Остр. ев. пооучатисѧ, в Мар. ев. поуоучатисѧ).

По всей вероятности, эти написания соответствовали живому произношению XIV в., отразившемуся в памятнике, отражая развитие [в] вторичного характера (вухо, вулица) в качестве протетического[123].

---

[122] Р. И. Аванесов. Русское литературное произношение, стр. 97.

[123] В. Г. Орлова. Губные спиранты в русском языке, стр. 186.

Подобное явление известно в современных русских говорах, «причем,— указывает В. Г. Орлова, — характер артикуляции этого согласного определяется, как правило, общим типом образования данного звука в данной языковой системе [124].

Следовательно, можно полагать, что протетическое [в] перед [у] в языке памятника также имело губно-губное образование.

Диссимиляция согласных

Диссимиляция согласных встретилась в памятнике только в словах иноязычных по происхождению февр҃а, 208б, илинархъ 200б, микифора 209б, 211г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая фонетический материал, извлеченный при анализе написаний памятника, и сравнивая его с данными языка московских памятников более поздних эпох и данными современной диалектологии, можно сделать некоторые выводы о звуковой системе, свойственной произношению писца рукописи. Благодаря непрерывной живой традиции, связывающей язык письменных памятников с настоящим, мы можем судить о произношении.

Диалект середины XIV в., отразившийся в описываемом памятнике, свидетельствует об определенном этапе развития русского языка. Его звуковая система, значительно отличаясь от фонетической системы древнерусского языка X—XI вв., во многих отношениях приближается к звуковой системе современного русского языка.

Исследование показало, что ко времени написания памятника установились многие из закономерностей фонетической системы, действующие в современном русском языке, и определилось направление развития других. К числу первых следует отнести беглые гласные [о], [е], наличие разнообразных сочетаний согласных, четкое противопоставление парных твердых и мягких согласных, невозможность употребления звуков [и] и [ы] в тождественных условиях; в числе вторых можно указать противопоставленность согласных по звонкости и глухости (проведение которой несколько отличалось от современного русского языка).

Воссоздавая по материалам памятника живую речь Москвы середины XIV в., следует отметить, что в ней имеется ряд фонетических черт, впоследствии в московском говоре утратившихся. К их числу принадлежат: различение гласных неверхнего подъема в безударном положении, наличие фонемы [ê], мягкость [с] в суффиксах [ск], [отв],

---

[124] В. Г. Орлова. Губные спиранты в русском языке, стр. 186.

сохранение в образовании долгих шипящих взрывного элемента, губно-губное, по-видимому, образование [в].

Таким образом, сопоставляя язык памятника с данными современных говоров, можно считать, что на раннем этапе своего развития московский говор, входивший в состав ростовско-суздальского диалекта, «носил вполне выдержанный» северновеликорусский «характер с аканьем, г взрывным, по преимуществу без цоканья» [126].

---

[126] Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах «Вестник МГУ», 1947, № 9, стр. 144.

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Том VIII 1957

Т. Н. Кандаурова

К ИСТОРИИ ДРЕВНЕПСКОВСКОГО ДИАЛЕКТА XIV в.

(О языке псковского Пролога 1383 г.)

Среди памятников древнерусской письменности особое место занимает группа памятников древнепсковской письменности. Памятники древнепсковской письменности, дошедшие до нас только с XIV в., отразили ряд языковых особенностей диалекта древнего Пскова, которые существенно отличают его от других территориальных диалектов древней Руси.

Своеобразие древнепсковских памятников было уже давно отмечено историками русского языка. В лингвистической литературе были высказаны два резко противоположных друг другу мнения как относительно фонетической системы древнепсковского диалекта, так и относительно орфографических традиций, свойственных псковским писцовым школам.

Академик А. И. Соболевский[1], отождествляя букву и звук, видел во всех нарушающих орфографические нормы написаниях псковских памятников отражение особенностей произношения писцов. В значительной степени к нему примыкал Н. М. Каринский[2], хотя его метод анализа орфографии древних памятников был все же более строгим.

В противоположность этому А. А. Шахматов[3], несколько преувеличивая значение данных современных говоров, считал, что древнепсковским говорам могли быть свойственны лишь те черты, которые отмечаются в современных псковских говорах, а специфические написания псковских памятников XIV—XV вв. объяснял искусственным характером псковской орфографии. Все последующие авторы (Б. М. Ляпунов, И. В. Ягич, В. В. Виноградов, М. Корнеева-Петрулан и др.)

---

[1] А. И. Соболевский. Очерки из истории русского языка. Киев, 1884: его же. Важная особенность старого Псковского говора. «Русск. филол. вестник», 1909, № 3—4; его же. К хронологии одной особенности Псковского говора. «Русск. филол. вестник», 1911, № 1—2; его же. Псковский Трефолой 1446 г. «Русск. филол. вестник», 1884, № 2.

[2] Н. М. Каринский. Язык Пскова и его области в XV в. СПб., 1909; его же. Очерки из истории Псковской письменности и языка, 1916—1917; его же. Паремийник 1271. «Сборник статей в честь акад. А. И. Соболевского». М., 1928.

[3] А. А. Шахматов. Несколько заметок о языке Псковских памятников XIV—XV вв., ЖМНП, 1909, № 7; его же. Грамота Псковского князя Ивана Александровича. Изв. ОРЯС, 1912, т. XVII, кн. 3 и др.

примыкали (с теми или другими поправками) к одному из приведенных выше мнений.

Противоречивый характер высказанных в литературе суждений делает уместным опубликование новых фактических материалов, связанных с характеристикой фонетической системы древнепсковских говоров и орфографических традиций, свойственных писцам-псковичам в XIV в.

Предлагаемое нами описание псковского Пролога 1383 г. должно отвечать двум задачам: во-первых, сообщить материалы еще совершенно неизученного, но безусловно интересного памятника древнерусской письменности и, во-вторых, дать анализ данных правописания памятника как с точки зрения выявления тех фонетических черт, которые были свойственны говорам его писцов, так и с точки зрения того, что данные этого памятника могут дать для решения спорных вопросов, связанных с характеристикой фонетики древнепсковского говора и орфографической традиции, свойственной писцам-псковичам в XIV в.

Прежде чем признать те или иные написания достаточно убедительными для какого-либо заключения о чертах, характерных для говора писца, мы должны в каждом отдельном случае учитывать следующее:

1. Каково количество написаний, в которых нарушение этимологического принципа носит однотипный характер.

2. Встречаются ли соответствующие написания в других древнепсковских памятниках.

Если не встречаются или встречаются лишь в некоторых памятниках и притом в совершенно единичных примерах, то вполне уместным окажется предположение: а не отражают ли эти написания орфографию копий-предшественниц. Особенного внимания заслуживает здесь вопрос о том, представлены ли интересующие нас написания в памятниках соседних областей, так как в таком случае в том или ином написании можно предполагать не только отражение фонетической черты, орфографической традиции и т. д., отразившихся в копии-предшественнице, но и произношение отдельного слова или формы в самом описываемом нами говоре (в результате взаимодействия соприкасающихся говоров).

Если встречаются, то не могут ли интересующие нас написания (возможно, хотя бы часть из них) объясняться причинами:

а) морфологического порядка,

б) орфографического порядка (т. е., может быть, отражать орфографические приемы той школы писцов, к которой принадлежал писец описываемого нами памятника).

И лишь по исключении всех упомянутых выше моментов, мы можем ставить вопрос о том, не являются ли интересующие нас написания отражением черты произношения писца.

В наших заключениях о том, какие фонетические черты были свой-

ственны говору древних псковичей, определяющая роль принадлежит данным современных говоров. (Однако эту роль не следует преувеличивать, как это было свойственно в свое время некоторым ученым, и, в частности, даже А. А. Шахматову.)

По своему происхождению все территориальные диалекты являются пережиточно сохранившимися формами общенародных языков прошлого, однако последующие исторические условия жизни могли послужить причиной изменения территориальных границ того или иного говора. В частности, следует учесть, что «территория псковских говоров, как она определяется данными современной диалектологии, совершенно не совпадает с территорией Псковской земли XIV—XV вв. Это указывает, вероятно, на то, что образование их особенностей не связано по времени с формированием Псковской земли»[4].

Поэтому в своих заключениях о фонетических чертах, свойственных языковой системе писцов псковского Пролога 1383 г., мы должны, по возможности, проверять себя не только данными современной диалектологии (которым принадлежит ведущая роль), но и данными истории, а если представляется возможность, то и данными археологии, этнографии, древней топонимики, данными памятников материальной культуры.

На протяжении ряда веков на территории Псковщины имел место ряд этнических и диалектных перегруппировок, которые могли привести как к утрате черт, характерных для того или иного говора в прошлом, так и послужить причиной появления в некоторых случаях черт, ранее говорам этих территорий не свойственных.

Известный отпечаток на тот или иной говор может налагать также и смежное его положение с соседними говорами. Наконец, способствующее развитию говоров, все усиливающееся влияние литературного языка постепенно нивелирует характерные черты территориальных диалектов[5].

Памятник, называемый псковским Прологом 1383 г., нестишной, за мартовскую половину года, хранится в Архиве древних актов Министерства внутренних дел, числясь там за № 172. Местом его предшествующего хранения была библиотека Московской синодальной типографии, в которой он числился также за № 172[6].

---

[4] Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах. «Вестник МГУ», 1947, № 9, стр. 9. Ср. «Опыт диалектологической карты в Европе» с картой Псковской земли, приведенной академиком Б. Д. Грековым в его труде «Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII в.». М., 1946, стр. 450.

[5] Отсутствие в современных псковских говорах черт, характерных для древнепсковских говоров XIV—XV вв., в значительной степени следует объяснять влиянием смежных говоров и русского литературного языка.

[6] А не за № 367, как это было ошибочно указано А. И. Соболевским в «Очерках из истории русского языка». Киев, 1884, стр. 127.

Место и время написания памятника определяются записью, сделанной на обороте 98 л. Запись Пролога 1383 г. была приведена И. И. Срезневским в «Древних памятниках русского языка и письма»[7] (содержит ряд фактических неточностей) и затем еще раз А. И. Соболевским, посвятившим в «Очерках из истории русского языка» Прологу 1383 г. три страницы поверхностного описания[8]. Два отрывка из Пролога 1383 г. были опубликованы Н. Н. Дурново: «Повесть о сапожнике»[9] и «Житие Конона Исаврийского» (с разночтениями)[10]. «Повесть о сапожнике» приводится также в «Хрестоматии по истории русского языка» С. П. Обнорского и С. Г. Бархударова.

Примеры, извлеченные А. И. Соболевским из Пролога, использованы в работах А. А. Шахматова[11], В. В. Виноградова[12], Н. Н. Дурново[13].

Этим исчерпываются в литературе сведения об описываемом нами псковском Прологе 1383 г.

ОПИСАНИЕ РУКОПИСИ

Современный объем рукописи 157 листов.

Внешний вид. Рукопись написана на пергамине довольно грубой выделки, грязно-серого цвета, с неровными краями, разрывами и дырами, возникшими частично при выделке, частично при пользовании рукописью. Последние зашиты плохо сохранившимися нитками. Переплет деревянный, покрытый кожей, с сложным тисненым рисунком. Сложность тисненого рисунка и очень поверхностное соединение переплета и рукописи (прикреплен в двух местах ниткой) позволяет предположить, что он был сделан значительно позже написания самого памятника.

Сильная истертость у листов нижних правых углов (кое-где толщина пергамина не превышает толщины газетной бумаги) и многочисленные пятна воска свидетельствуют о том, что рукопись долгое время употреблялась при церковной службе. Текст написан в два столбца с обеих сторон листа.

Исследование А. А. Покровского «Древнее псковско-новгородское письменное наследие» позволяет проследить историю появления руко-

---

[7] И. И. Срезневский. Древние памятники русского письма и языка. М., 1857.

[8] А. И. Соболевский. Очерки из истории русского языка, стр. 127—130.

[9] Н. Н. Дурново. Хрестоматия по истории русского языка. Памятники XI—XV вв. М., 1914.

[10] Н. Н. Дурново. Записки Харьк. ун-та «Тр. славянск. комиссии Моск. археолог. об-ва», т. IV, кн. 1, 1914.

[11] А. А. Шахматов. Исследование в области русской фонетики. Варшава, 1893; его же. Несколько заметок о языке псковских памятников XIV—XV вв.

[12] В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики северно-русского наречия. «Изв. ОРЯС», т. XXIV, кн. 1—2, [1922—1923].

[13] Н. Н. Дурново. Очерки по истории русского языка. М., 1924.

писи Пролога 1383 г. в типографской библиотеке Печатного двора[14].

Писцы. Хотя в записи Пролога 1383 г. упоминается только об одном писце, тем не менее нет никакого сомнения в том, что Пролог был писан двумя различными писцами.

Первым (главным) из них писаны лл. 1—98 и 135—157, вторым — лл. 99—134. Второй почерк начинается с новой тетради. Текстуально это также приходится на начало нового месяца. На л. 134 переход от второго почерка к первому также совпадает с переходом от одной тетради к другой, причем второй почерк обрывается на половине слова.

Листы второго писца не производят впечатления органически связанных с листами первого. Скорее можно предположить, что они были взяты из какой-нибудь другой рукописи, тем более что пергамин, которым пользовался второй писец, толще, чем пергамин первого писца.

Заметная тенденция первого писца подогнать свою работу под начало текста, писанного вторым писцом, исключает, как нам кажется, предположение о том, что листы, писанные вторым писцом, совсем не были связаны с работой первого писца и были соединены с листами первого писца позднее, может быть уже в Середкином монастыре[15] или даже в самой Москве.

Упоминание в записи лишь об одном писце только подтверждает предположение о том, что для первого писца листы второго писца не были связаны с представлением о живом человеке. Правда, в записях других памятников также не всегда упоминалось о всех писцах, трудившихся над рукописью (обычно помощниками основного писца были его ученики). В Прологе же 1383 г. графические нормы первого и второго писцов настолько различались, что нет возможности говорить не только об учителе и ученике, но даже и о двух писцах одной и той же школы. Мы считаем наиболее вероятным полагать, что листы, писанные вторым писцом, были внесены в Пролог 1383 г. в момент составления самой рукописи, но взяты были при этом из какой-нибудь уже готовой рукописи. (Последующие наблюдения над графикой и орфографией только подтверждают мнение о том, что первый и второй писцы Пролога принадлежали к разным писцовым школам.)

Орнамент. Внешнее оформление рукописи очень скромно. Заставка только одна, на оборотной стороне первого листа. Названия месяцев даются крупными буквами обычного устава без каких-либо украшений. Чтения на каждый последующий день начинаются просто с новой строчки.

Инициалы большей частью однотипны и просты. Основную массу их составляют значительно увеличенные (высота трех строк), закрашен-

[14] А. А. Покровский. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. М., 1916, стр. 17.

[15] Существует предположение, что перед отправкой в Москву все псковские рукописи находились некоторое время в Середкином монастыре. См. А. А. Покровский. Древнее псковско-новгородское письменное наследие.

ные красной краской уставные буквы, с гребнями на внешней стороне мачт и иногда ресничками внутри петель.

Помимо этих простых инициалов (их большинство), на листах первого писца встречается несколько более сложных инициалов «чудовищного» стиля, выполненных с большим вкусом и мастерством.

На листах второго писца инициалы-рисунки вообще отсутствуют. Единственным украшением букв, начинающих новое чтение, служат трехвершинные гребни. Контуры этих букв, как и у первого писца, обведены чернилами, внутреннее пространство заполнено красной краской.

Вязь, как украшение, в Прологе совершенно отсутствует.

Пользуясь общепринятой терминологией, можно сказать, что для Пролога 1383 г. (главным образом для листов второго писца) характерен орнамент геометрического стиля. На листах первого писца уже заметны элементы раннего тератологического стиля. Важно отметить, что птица, характерная для тератологического орнамента XIV в. (она была заимствована во второй половине XIII в. из восточноболгарской или технической тератологии), в инициалах Пролога не встретилась ни разу.

Правки. На листах первого писца, поверх строк, наблюдаются многочисленные исправления, сделанные почерком, совершенно отличным от того, которым писался текст.

На то, что эти исправления были внесены в рукопись много времени спустя после ее написания, указывает не только иной цвет чернил (в тексте они каштановые, в исправлениях черные), но и иной характер начертания букв: *ч* — одностороннее, *м* — остроугольное, размашистое (похоже на *ми* греческого алфавита). Встречаются отсутствующие у писца буквы *ѕ* и *ѳ*; начертание *в* похоже на четырехугольник. Подобное начертание *в*, характерное, как указывал Е. Ф. Карский[16], для рукописей XVI в., позволяет в какой-то мере определить век, когда были сделаны исправления.

Основная масса правок (их больше всего в двух первых тетрадях) приходится на исправление допущенного писцом смешения букв *с—ш—з—ж*, однажды *ч—ц*. Кроме того, как уже указывал А. И. Соболевский, в Прологе во многих случаях встречаются *с*, *ш*, *з*, *ж*, написанные более темными чернилами, но не над строкой, а в строке, на месте подчищенных *с*, *м*, *ж*, *з* — пшенице 14,4, прославиша 15,2, веруеши 15,2 и т. д.

Вероятнее всего предположить, что правки были внесены в Пролог уже в Москве кем-нибудь из служащих Правильной палаты.

Состав рукописи. Как мы уже сказали, Пролог 1383 г. содержит чтения за мартовскую половину года. Не ставя своей задачей литературоведческое исследование памятника, мы, тем не менее, считаем существенным отметить следующее:

[16] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II, вып. 2. Варшава, 1911, стр. 56.

1. Несовпадение памятей, приводимых в Прологе 1383 г., с памятями печатных Прологов[17]: в описываемом нами Прологе упоминается целый ряд имен мучеников и угодников церкви, памяти которых в печатных Прологах отсутствуют или приводятся под другими датами.

Так, в Прологе 1383 г. отмечаются отсутствующие в печатных Прологах памяти Куриния (марта $\overrightarrow{\text{в}}$) Сатура и Перепетуя (марта $\overrightarrow{\text{д}}$), Зоиля (апреля $\overrightarrow{\text{г}}$), Самсона (апреля $\overrightarrow{\text{д}}$) и т. д.

В некоторых случаях имеется несовпадение дат памятей. Так, память Кононов (градаря и Конона иже въ Асирии) отмечается в Прологе 1383 г. марта $\overrightarrow{\text{г}}$, а в печатных Прологах марта $\overrightarrow{\text{е}}$, память Фомы марта $\overrightarrow{\text{ѳ}}$, а в печатных Прологах марта $\overrightarrow{\text{кд}}$ и т. д.

Редакции даже совпадающих по датам памятей нередко очень мало сходны между собой. Таковы памяти Фотинии (марта $\overrightarrow{\text{к}}$), Тита (апреля $\overrightarrow{\text{в}}$), Маркела (августа $\overrightarrow{\text{дı}}$) и т. д.

2. Наличие в описываемом нами Прологе большого количества Слов-поучений. Нет ни одного дня, который бы не заканчивался Словами от Патерика, от Лествицы, от Лимоносия, Словами Иоанна Златоуста и т. д. Нередко в чтении на день бывает даже не одно, а два Слова (Слово-поучение и Слово-повесть). Однако состав Слов, приводимых в Прологе 1383 г., и их календарное приурочивание редко совпадают с составом и датами слов, приводимых в печатных Прологах. Некоторые из приведенных в Прологе 1383 г. Слов в печатных Прологах встречаются под совсем другими датами, иные вообще отсутствуют[18] (заменены другими). Немногие, совпадающие по названиям Слова, обычно сильно отличаются в своей редакции.

3. В Прологе 1383 г. нет памятей успения Ольги и страсти Варяга (отмечаются июля $\overrightarrow{\text{кı}}$ и $\overrightarrow{\text{кı}}$). Существенно подчеркнуть, во-первых, что эти памяти указываются обычно в качестве неотъемлемой части всех печатных нестишных Прологов[19], и, во-вторых, что в наиболее древних южнославянских оригиналах житие Ольги также отсутствует. (В болгарских синоксарах жития Варяга обычно не было)[20]. Указанные различия в Памятях и Словах следует объяснять тем, что печатные Прологи восходят к рукописным Прологам так называемой второй редакции. Описываемый нами Пролог является, таким образом, одним из списков первой редакции русского нестишного Пролога, причем, судя по объему памятника, списком довольно поздним[21].

[17] Для сравнения были взяты Прологи 1675, 1702, 1785, 1915 гг. издания.

[18] Были просмотрены печатные Прологи за мартовскую половину года. Возможно, слова, относимые к отсутствующим, могли быть обнаружены в сентябрьской половине года.

[19] Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка. Брно, 1927, стр. 42.

[20] В. Н. Перетц. К истории славяно-русского Пролога. СПб., 1914, стр. 9. О том же писал Н. И. Петров. См. его работу «О происхождении и составе славяно-русского Пролога». Киев, 1875.

[21] См. З. С. Сопиков. Опыт российской библиографии. СПб., 1900, § 918, стр. 54.

Русские памяти (жития) в Прологе 1383 г. следующие: освещения церкви святой богородицы в Киеве (апреля кі), Мстислава (апреля ді), преставления преподобного Феодосия (мая s), перенесения мощей святых мучеников Бориса и Глеба (мая кѣ), успения святаго Володимира (июля кі), страсть святых мучеников Бориса и Глеба (июля кд). В тексте Пролога 1383 г. содержатся указания на то, что один из предшествовавших ему списков был связан с Киевской Русью. Мая к в Прологе 1383 г. отмечается память перенесения мощей святого Феодосия Перьскаго, канонический текст которой переходит в местную киевскую легенду, рассказывающую о том, что в ночь перенесения мощей Великого Феодосия Перьскаго столпы якы дугы зарныѥ появились над церковью, где лежали мощи Феодосия Печерского (элемент преемственности).

В тъ днь пренесениѥ мощи стго Феодосыа Перьскаго: игуменъ и цьрноризци свѣ | створише. рѣша не добро ѥсть лѣжати | оцю нашему прпбному Феодосью кромѣ ма|настырд. и цркви своѥѩ понеже то и ѥсть ѳсновалъ | црвь и черноризци събралъ | и свѣтъ створише пренесоша | мощи стго Феодосиа по | истинѣ бо сты и трьблжныи | ѥгда бо врѣмд пренесению ѥго | бѣста. в брата в ма|настыри стрѣгуще в ту ноць|. ѥгда игуменъ оутаивъсд | пренесеть в ту ноць. ѳтаи |и къ перѣ^ще зрдста и ѥгда в би|ло оудариша заоутринею | видѣста три столпы ѩки ду|гы зарны. и стоѩвше надъ | пещерою иде же мо^щ лѣжать | придоша на вьрхъ цркви | иде же положенъ бы оць |на^ш Феодосии. иже пожив|рьвнуа великому Феодосью | не лицемьрно съ кротостию | и с расмотрениѥмь блюдд ихъ | и бдд за нд. за пору|чноѥ ѥму стадо. и за люди крти|аньсь|кыа. и за землю рускую иже | по ѿшьствии своѥмь молисд | за лю^и вѣрныа и за своа | оученикы. иже взирающе на гробъ | твои поминающе твоѥ оуче|ниѥ. и въздьржаниѥ твоѥ про|славлдють ба.:.ᴗ.

Присутствие в псковском Прологе этой местной киевской легенды (ее нет ни в печатных Прологах, ни в отдельных житиях Феодосия) объяснимо лишь в том случае, если мы признаем, что Пролог 1383 г. восходит к списку, связанному с Киевской Русью[22].

Далее. Мая ѳ в памяти перенесения мощей святого Николы из Мур в Бары содержится параллель, которой мы также не находим ни в одном из печатных Прологов.

понеже за оумножениѥ грѣ|хъ нашихъ попущающю бу на | крть̑яны зело многыа ка|зни ово гладомь и нашьствиѥмь погаными̑ъ йже бь | въ земли рустѣй идѣ же бѣ | прть архиѥпа иже въ стых оца на^ше николы.

Появление подобной параллели означает, что писец (может быть писец-предшественник) был под впечатлением «нашествия поганых», и для него это было чем-то реальным, волнующим.

---

[22] Вопрос о том, откуда попал этот список в Киевскую Русь, мы оставляем открытым.

Наличие легенды и постоянная эмоциональная окрашенность текстов, повествующих о «нашествии поганых» (иногда, может быть, даже с сознательным опущением их константинопольской приуроченности), текстов, обычно переходящих в мольбу об избавлении и спасении, утверждают нас в мысли, что Пролог 1383 г. восходит к одному из списков, бытовавших в Киевской Руси. В качестве примера такой, лишенной территориальной приуроченности памяти можно привести отмечаемую в Прологе 1383 г. под ѣ июля [23]

Память с чл҃колюби|цемь нанесеныа бѣды намъ | страшныа нашествиемь пога|ныхъ егда хотѧщемъ правь|днымъ премененицемь и мечнаго | проданиа щедрыи бъ млрдиа ра млти его | паче всѧкоѥ бѣды избави ны | млтвами прчтыа бц҃а и присно|дв҃це Мр҃иа.

Таким образом, исходя из анализа содержания и оформления Пролога, мы можем утверждать следующее:

а) Если даже Пролог 1383 г. и восходил по спискам к болгарскому оригиналу, то это мог быть только памятник древнеболгарской письменности не позднее XII в. (Отсутствие в Прологе упоминаний о южнославянских святых, помимо внесенных при переводе с греческого, только подтверждает это мнение.)

б) В орнаменте рукописи нет никаких следов, указывающих на связь ее инициалов с болгарским орнаментом XIII в. Полностью отсутствует также и вязь. Следовательно, ни содержание, ни оформление Пролога 1383 г. не дают никакого основания относить его к числу памятников, отразивших на себе черты так называемого второго южнославянского влияния.

в) Характер текстуальных расхождений Пролога 1383 г. с русскими печатными Прологами указывает на то, что Пролог 1383 г. является одним из списков первой редакции русского нестишного Пролога.

г) Присутствие в псковском Прологе местных киевских памятей, как например, освящения киевских церквей и местной киевской легенды, позволяет утверждать, что по спискам-предшественникам Пролог 1383 г. восходил к Киевской Руси.

Эмоциональную взволнованность текстов, так или иначе связанных с «нашествием поганых», конечно, так же можно было бы целиком относить на счет оригинала (может быть и не непосредственного), но можно предположить, что и сам писец описываемого нами Пролога находился под впечатлением бедствий, чинимых «нашествием поганых» [24]. Иначе,

[23] О том, что речь идет не о Руси, а о Константинополе, можем судить лишь по месту памяти внутри чтения на день: подобные памяти встречаются в начале чтений, русские же памяти во всех Прологах приводятся только в конце дневных чтений. Характерно, что в печатных Прологах (в тех случаях, когда в них встречаются подобные памяти) всегда бывает указано, что речь идет о «богом хранимом Константиньграде».

[24] В Псков бежали жители опустошаемых набегами татар Тверской, а может быть, даже Ростовской земли, от татар бежал в Псков популярный у псковичей

почему бы он, датируя срок окончания своей работы, стал указывать как на наиболее значительное событие этого времени — на то, что:

Того же лѣ взяшь тотари Маскву городъ на Руси

Интерес представляет и самый факт упоминания о Москве писцом-псковичем. Ведь между Москвой и Псковом, в то время лишь недавно переставшим быть пригородом Новгорода, никакой близости еще не было [25].

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ГРАФИКИ И ОРФОГРАФИИ

Начертание букв. Вся рукопись написана довольно мелким прямым полууставом (так называемым старшим полууставом): у первого писца мачты букв строго перпендикулярны к линии строки, у второго писца мачты всех букв в средней их части несколько выгнуты в направлении справа налево, письмо по сравнению с первым писцом более мелкое.

Нормы употребления отдельных букв. На листах, писанных первым писцом, встречаются следующие буквы:

а, ѧ, ꙗ, е, є, ѥ, и, і, о, ѡ, ѻ, оу, у, ю, ѣ, ы, ъ, ь,

б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, п, р, с, т, х, ф, ц, ч, ш, щ в греческих именах еще ξ, ψ и в числах ѕ и ѳ На листах, писанных вторым писцом:

а, ѧ, ꙗ, е, ѥ, ѣ, и, і, о, ѡ, ѻ, оу, ꙋ, ю, ы, ъ, ь

б, в, г, д, ж, з, к, л, м, н, п, р, с, т, х, ф, ц, ш, щ в греческих именах ξ, ψ и в числах ѕ (число 9 второй писец обозначает то через ѳ, то через ф).

Буква *а* употребляется первым писцом в начале слова, после букв, обозначающих на письме несмягченные согласные, и после букв *ш*, *ж*, ѵ, щ, *ц*; ѧ — после букв, обозначающих смягченные согласные; ꙗ — в начале слов и после гласных.

Е пишется после согласных; ѥ — в начале слов и после гласных; є (якорное) — в начале: а) чужих имен собственных; б) некоторых слов церковно-книжной лексики и иногда, ради экономии места, после гласных в конце строки.

І пишется в слове *І*сь, в некоторых других именах и очень редко в конце строки. Во всех остальных случаях пишется *и*.

ѡ пишется в предлоге-приставке ѿ (написания *о*т — единичны), в начале некоторых слов и после гласных в чужих именах собственных; *О* писалось в начале слов (основное его назначение) и наряду с ѡ в чужих именах собственных; *о* писалось в середине слов после согласных.

тверской князь Александр Михайлович. Необычная популярность у псковичей тверского князя, приведшая на некоторое время даже к распре с церковью, вероятнее всего должна объясняться присутствием в это время в Пскове большого количества беженцев из Тверской земли. Может быть, влиянием беженцев следует также объяснять предпринятый в 1381 г. поход псковичей на татар к Дону.

[25] В самом указании, что Москва — это город на Руси, можно усмотреть некоторый намек на то, что Москва тогда была еще мало знакома псковичам.

оу пишется в начале слов и после гласной (в чужих именах собственных); *у* — после согласных[26]; *у* (наряду с *ю*) используется писцом также для передачи в греческих словах и именах буквы υ между согласными. Иногда в этой же роли употребляется и *оу*.

Графические нормы употребления буквы ѣ[27].

Несмотря на многочисленные примеры смешения букв є—ѣ, буква ѣ никогда не писалась после *ж*, *ш*, ч, ц. В положении же после *ц* замена *е* на ѣ наблюдалась особенно часто.

Нормы употребления букв у второго писца были те же[28]. Не было у него только є якорного, а звук [у] передавался посредством *оу* или ѹ.

Для обозначения на письме сочетания *шт* оба писца употребляли всегда только лигатуру щ.

Важно отметить, что в начерках букв ни у одного из писцов не содержится никаких графических элементов, объясняемых вторым южнославянским влиянием[29].

Диакритические знаки. Надстрочные знаки.

На листах, писанных первым писцом, встречаются титлы следующих рисунков: а҆нгли, млтвою, мтри, бъ.

Никакой закономерности в употреблении их установить не удалось. Из других надстрочных знаков первый писец употребляет две точки (¨), ставящиеся над буквами *ӧ*, *ӧу*, *ю҆* в начале слов и после гласных, и одну точку, ставящуюся в тех же условиях, над буквами *и҇*, і҇, ѵ҇. У второго писца титла имеют следующую форму ⁻ ⋀ ⋀ ⋀, выносные буквы пишутся только под двумя последними, буквы без титла над строкой не выносятся.

Строчные знаки. Конец чтения как у первого, так и у второго писца завершается четырьмя крестообразно поставленными точками и небольшим росчерком после них: ⁘ ∪. Постановка точки (одной, на уровне основания букв) внутри текста носит зачастую совершенно случайный характер: точка ставится не только между согласованными словами, но иногда также внутри слов.

Конец строки. Строка могла оканчиваться у обоих писцов только на гласную, ъ или ь. Если на конце строки приходилось стечение согласных, то писец, чтоб соблюсти норму, вписывал после согласных ъ или ь.

---

[26] Но не после *ж*, *ш*, *ч*, *ц*, после которых последовательно писалось *ю*.

[27] О том, какой звук обозначался буквой ѣ, см. ниже в разделе «Написание буквы *е*(ь) вместо ѣ и ѣ вместо *е*(ь)».

[28] В начертаниях же букв различия были очень значительными.

[29] О южнославянском влиянии в графике и орфографии см. А. И. Соболевский. Южнославянское влияние на русскую письменность. «Славяно-русская палеография». СПб., 1908; Е. Ф. Карский. Очерк славянской кирилловской палеографии. Варшава, 1915, стр. 183—218.

Характер орфографии

Пролог 1383 г. — список, в орфографии которого содержится значительное количество собственно русских черт. Для него характерно:

1. Постоянное написание *ж* в соответствии с старославянским *жд*: неврьжена 2,2, оугажая 3,3, по захожении 7,2, нужею 9,3, жажю 15,3, гражанинъ 17,4 и т. д. Сочетание *жд* встречается в Прологе только в результате пропуска между буквами *ж* и *д* лишенного звукового значения ь, соответствующего редуцированному звуку переднего ряда в слабом положении: вражда 138,4, комуждо 96,1, многажды (с *ж* на месте *ш*) и т. д. или написания *ж* вместо *з* в сочетании *зд*: гвожди 92,4, пригвождиша 6,4 и т. д.

2. Написание *ч* в соответствии со старославянским щ (при явном преобладании традиционного *шт*). На листах первого писца: дочку имущи 24,3; на плечю 18,1; скрьжьчющ.а 8,1; инф. попечисѧ 142,1; 156,1; облечисѧ 57,4; мучима бѣ молчачи 51,3; погребаюче 37,1; исправливающе (запись), нанимаючасѧ 152,4 и т. д.

Стремление писца, в угоду орфографической норме и церковнокнижному чтению, писать не *ч* (которое отразило бы его произношение), а щ, привело к появлению написания: не подобаить ѿ с.щи бѣжати 31,4, где щ оказывается написанным на месте этимологического звука «ч».

На листах второго писца: не хочю 100,1, инф. печисѧ 99,3; клевечющимъ 132,1.

3. Написание *оро*, *оло* в соответствии со старославянскими *ра*, *ла* (явно преобладающими).

На листах первого писца: полотно 78,2, полотѧны рубы 84,4; сбрѣтох боловодноѥ и островъ посредѣ ѥго 85,3 (болото?), Володимиръ 39,3; 67,2 и т. д. (написание Владимиръ вообще не встретилось); толко воротнику одному остати 31,2 (в значении привратнику), створша вороты 135,1, город 98,4, при гюрги городьньскомъ (запись), городъ 39,3, здоровия 95,4, ворони 137,4 тече к нему оусты имыи за поворозъ 15,1 [30].

Следует отметить, что с полногласными сочетаниями встретились слова, относящиеся по своему лексическому характеру к кругу слов разговорной речи.

---

[30] И. И. Срезневский указывает, что в древнерусских памятниках *поворозъ*, *повразъ* употребляется в значении 'шест', 'перепонка'. «Употребление этого слова в значении 'веревка' (т. е. в том значении, в котором оно, по-видимому, встретилось здесь) характерно для западнославянских наречий». (См. «Материал для словаря древнерусского языка», т. III. СПб., 1913, стр. 1003.) С подобным же значением ('веревка', 'повод') приводит слово *поворов* для белорусского языка Н. М. Каринский. Перед нами один из многих доводов в пользу того, что среди списков-предшественников Пролога 1383 г. был (были) списки, отразившие в себе черты будущего белорусского языка. В современных псковских говорах слово *поворов* отмечено не было.

Кроме того, отмечено колебание написания *оро* и *ра* в сароцины (сорочины), срацины (срачины).

На листах второго писца: выше городьцѧ 123,1, володиръ 113,1; 113,4 и т. д., володимиръ 112,4 (наряду с владимира 122,4; 123,1 и т. д.).

4. Написание приставки *роз* в соответствии со старославянской приставкой *раз* встретилось дважды только у первого писца: рожьжегъ пьцть 56,3, розгневалсѧ 78,4.

5. Написания с начальным *оу*. На листе первого писца: ѿ оуга придѣть 23,4, оуноша 54,1; 89,2, оутру же бывшю 49,4, наряду с обычными для старославянской письменности юноша 5,2, югу 64,2 и т. д.

На листах второго писца: оуности 49,4, въ оуности 126,3.

Написаний с начальным *ю* типа юноша у него вообще не встретилось.

6. Написания с начальными *о* в соответствии со старославянским ѥ. У первого писца только один пример: одиномоу 31,2 наряду с более многочисленными—ѥдин 38,1; -ого 40,1,6; 52,2 и т. д. У второго писца: олень 115,2; 115,2 наряду с ѥлень 115,3 и ѥзеро 111,2; 122,2 и т. д.

7. Отсутствие пропуска эпентетического *л* встретилось только у первого писца: по блгословлении 96,4; имперфект люблѧху 41,1; люблѧше 28,3,1 и т. д.

8. Написание иванъ 154,4, 3 (в тексте речь шла об усекновении главы Иоанна крестителя).

9. Написание в родительном падеже единственного числа и именительном, винительном падежах множественного числа существительных женского рода окончания *-ѣ — -е* (наряду с традиционным старославянским *-ѧ, -а, -я,*): из тѣмнице 2,2; 39,2; 48,4 и т. д.; ѿ црцѣ 30,30; ѿ лѣствицѣ 81,3 и т. д,; жидуть тебе блуднице 47,2; златницѣ, многы блудницѣ спасе 46,4; сѣти дьяволѣ 156,1.

Написания в роде: причеть великоѩ цркви 58,3, дьякона римьскоѩ цркви 13,1 и т. д. представляют собой, по-видимому, графическую контаминацию церковнославянского окончания ъѩ и древнерусского *оѣ*.

10. Написание в родительном падеже единственного числа прилагательных мужского и среднего рода окончания *-ого* (при преобладании традиционного старославянского *-аго*).

На листах первого писца: дрѣвѧного 21,4; 21,4; 24,4; непорочного 61,4; 15; старого 62,1; 64,2; славного 63,4; нового 81,1; сквьрного 88,3; мниского 140,4; славного 140,4. На листах второго писца: жьрца идольского 115,3; прпбного оца 104,4.

11. Написание в местном падеже единственного числа прилагательных мужского рода окончания *омь-омъ* (наряду с более многочисленным традиционным *-ъм*): на остромь холмѣ 77,2,25; в коромь храмѣ 80,3 (которомь?).

12. Написание в дательном падеже единственного числа прилагательных мужского и среднего рода исключительно окончаний *-ому* — *-ѥму*.

13. Написание в дательном-местном падеже единственного числа прилагательных женского рода окончания *-ои*: в кузичьскои црькви 67,2; по правои вѣрѣ 153,3; по хртьянои вѣрѣ 77,1.

14. Написание во 2-м лице единственного числа глаголов окончания *-шь* (при преобладающем традиционном *-ши*): ѥгда подобно оуслышишь 41,4,30, в хыже идѣ же сѣдишь 42,1 не своею волею творишь 93,1; аще падешься со мною 39,2.

15. Присутствие в Прологе русских форм причастий на *-ач-*, *-юч-*: молчачи 51,3; погребаюче 37,1; 37,2 исправливаюце 98,4; нанимаючаѧ 152,4;

Специальный раздел, посвященный описанию морфологических форм Пролога, в данной работе не предусмотрен. Проводимые здесь морфологические русизмы важны как критерий при суждении о том, в какой мере в написаниях Пролога отразилась живая речь его писцов и какие морфологические формы можно считать отражающими живое произношение писца, а какие представляют собой формы уже чисто книжные, несвойственные живому произношению и поэтому, с точки зрения их написания, менее показательные.

Наряду с перечисленными выше русизмами в Прологе встречаем написания, специфичные для южнославянской орфографической традиции. К ним относятся:

1. Написания, содержащие древнеболгарский (старославянский) порядок букв на месте древних сочетаний редуцированных с плавными между согласными в корнях слов: врьху 41,1; 41,1; срьдечная прошения 64,3; не трьпѧштю обличения 46,1; истръгаше 14,2 и т. д.

2. Написания, последовательно содержащие *-стѣ*, *-сти* в окончаниях прилагательных с суффиксом *-ьск-*: на горѣ афанасьстеи 21,3; на глубине морьстѣи 53,2; мирьстии скорби 71,3; въ врачьвьстеи хытрости 144,3, и т. д.

Написание *-сц-* встретилось в Прологе только один раз: в горѣ клеоньсцѣи 9,1.

3. Написания, содержащие после буквы *и* букву *а* (но не ѧ), встречаются только в чужих именах собственных, наряду с более частым написанием *иѧ*: андриана 52,2, кунтилиана и т. д.

На листах второго писца написания, содержащие сочетание *иа*, представлены особенно большим количеством примеров.

4. Написания, содержащие мену *и*—*ы* (встречаются только у первого писца) рибъ 35,3; рибарь 95,1; 97,2; рикати 144,2; рикнувъ 5,4; мужи крилати 5,2; ѿкрити 16,1. (Поскольку вопрос о том, было ли свойственно произношению первого писца Пролога отвердение звука [р], остается открытым, отнесение этих написаний к числу «южнославянизмов» должно быть до известной степени условным.)

5. Написание будрьно 44,3, будрьнѣ 39,1. Дважды встретившись в Прологе, это редко употреблявшееся и, возможно, даже неизвестное писцу слово *бъдрьно* ἐγρέγορως, *alacer* оба раза было написано с *у* вместо *ъ*, что едва ли может быть признано опиской. Ни русские, ни украинские, ни белорусские памятники написания в подобных условиях *у* вместо *ъ* не знают.

В древнеболгарской же письменности примеры смешения *ѫ*—*ъ*—*у*, начиная с XI в., встречаются довольно часто. Написание бъдрено с *оу* вместо *ъ* было также отмечено в содержащем значительное количество южнославянизмов Евсевиевом евангелии 1283 г., исследователь которого К. Г. Голоскевич считал это написание перенесением в евангелие из южнославянского (болгарского) оригинала [31].

6. Написания, появление которых можно объяснить графическим отражением смешения *ѫ* и *ѧ*: Петръ же силою хвоѧ большаѧ показа чюдеса 97,4; сусѣди видѣвше ю бѣлы ризы носѧшта и рѣша ки 34,3; в александриѧ доиде 96,3 и т. д.

Южнославянизмы, указанные в пп. 1—4, свойственны не только всем псковским памятникам XIV в., но и в еще большей мере более ранним памятникам древнерусской письменности. *ѫ* и *ѕ* (в качестве буквы) в Прологе 1383 г. отсутствуют: йотация проводится совершенно последовательно (нет ни написаний типа *аа*, *ыа*, *еа*, ни написания буквы *і* перед гласными); встретившиеся в Прологе единичные примеры смешения твердых и мягких слогов не характерны, и в большинстве случаев могут быть признаны за описки: распалаѥмъ 58,1; сы ꙗвлаѥть 95,1; вышнаго 17,1; прабабная клѧтва 142,3; жизнь вечню 94,3; лукъ и стрѣлю 49,1.

Поэтому мы считаем, что в орфографии описываемого нами Пролога встречаются только южнославянизмы (болгаризмы), вошедшие в русскую орфографию в древнейший период русской письменности и присущие многим вполне обрусевшим спискам, исполненным в различных местах древней Руси.

Существование древних орфографических болгаризмов в оригиналах Пролога 1383 г. вполне естественно. Даже в том случае, если перевод греческого синаксара попал на Русь, минуя южнославянскую письменность, в русском Прологе все равно должно было содержаться известное количество болгаризмов, внесенных в него при переводе [32]. Знакомство русских писцов с особенностями южнославянской письменности и стремление их обычно строго следовать написаниям своих оригиналов способствовало сохранению древнейших болгаризмов (старославянизмов) даже в сильно обрусевших списках.

[31] К. Г. Голоскевич. Исследования по русскому языку, т. III, вып. 2. СПб., 1914.

[32] Участие в переводе греческого синаксара переводчиков-болгар считается фактом, не подлежащим сомнению. См. по этому поводу работы М. Н. Сперанского, Н. К. Гудзия и др.

Употребление букв ъ, ь

В отношении употребления букв ъ, ь Пролог 1383 г. не дает ничего нового по сравнению с другими русскими памятниками того же времени, уже отразившими в своих написаниях процесс падения редуцированных гласных; ъ и ь употреблялись писцами Пролога в одних случаях для передачи на письме звуков [о] и [е] (произносившихся на месте этимологических «ъ», «ь» в сильном положении), в других — как буквы, не имеющие звукового значения, но сохраняющиеся на письме или для обозначения мягкости или твердости предшествующих согласных, или в силу только орфографической традиции. Кроме того, ъ и ь употреблялись в качестве завершителей строки, кончающейся на согласную.

При передаче на письме этимологических «ъ», «ь» сильных соотношение написаний с буквами ъ, ь и *о*, *е*, по-видимому, почти одинаково. На месте же сочетания редуцированных с плавными в корне слов между согласными мы имеем в большинстве случаев сохранение букв ъ и ь: *рьвность* и производные от нее встретились всего 29 раз, из них с ь 21 раз, с *е* — 6 раз и с *ѣ* — 2 раза; *пьрвѣи* с ь — 32 раза, с *е* — 5 раз, с *ѣ* — 3 раза и т. д. Ту же картину мы имеем в случае «tъrt»: *кръвь* и производные от нее встретились 19 раз, из них 13 раз с ъ и 6 раз с *о* (в том числе дважды в форме *въ крови* 27,1; 74,3); *сльза* и производные от нее встретились 9 раз, из них 6 раз с ь и 3 раза с *е* (в том числе: *въ слезахъ* 6,3; *слезы* 30,4) и т. д. Не вызывает сомнения, что преобладание в сочетаниях с *р*, *л* написания букв ъ и ь следует понимать уже как явление чисто графическое (дань старой, когда-то фонетически обоснованной традиции).

Хотя буквы *о*, *е*, ъ, ь на месте этимологических «ъ», «ь» сильных и обозначали у писцов Пролога одни и те же звуки [о] и [е], однако говорить в данном случае о графических эквивалентах мы все же не можем. Если написание букв *о*, *е* на месте этимологических «ъ», «ь» сильных превращалось для писцов Пролога почти в норму, то обратные написания с ъ, ь на месте этимологических «о», «е» в Прологе чрезвычайно редки. Отмечено всего 8 примеров (*пѣщьрѣ* 84,1, *дъшьдъ* 14,4, *глю властьльмь* 151,3 и т. д.). Примеров смешения ъ и ь на месте сильных редуцированных мы в Прологе не встретили.

Этимологические «ъ», «ь» в слабом положении в Прологе чаще всего вообще не обозначались, причем это имело место как в корневых, так и формальных морфемах (и даже часто в тех случаях, когда написание ь могло быть оправдано мягкостью предшествующего согласного): *татба* 50,1; 54,8 *тму* 4,1; *лва* 31,2 [33]; *путма* 48,1; *с дѣтми* 77,1, *к конкю*

[33] О необозначении мягкости после *л* см. В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку. «Труды комиссии по русскому языку», т. I. Л., 1931, стр. 27.

26,1; *различно* 47,3 и т. д. Конечные ъ и ь опускались довольно часто, особенно если за словом следовала энклитика: *сам бо* 32,2; *видѣвъ же* 35,1; *цр҃кв же* 27,4 и т. д.

Наряду с этим в Прологе 1383 г. отмечены многочисленные случаи сохранения лишенных самостоятельного фонетического значения букв ъ и ь. В одних случаях они сохранялись как дань старой орфографической традиции (*зъловѣрьство* 62,3; *мьрзъкыхъ* 80,4 и т. д. и даже совсем архаические вроде *мъноголукавый* 14,2; *къ мъне* 78,3, *кънигы* 89,3 и т. д.), в других — для вспомогательных фонетических целей. В первую очередь сюда относятся случаи сохранения ь для обозначения мягкости предшествующего согласного: *пьшеничьноѥ* 8,3, *празьдника* 7,1, *послѣдьнему* 71,2 и многие другие. О том, что не имеющий собственного фонетического значения ь использовался писцом для обозначения мягкости предшествующего согласного, мы можем судить на основании написаний *о земьлѧ* 29,4, *тьрпьлю* 53,1 и т. д.

Что же касается написания ь в: *льстѧ* 12,4, *льстити* 37 и т. д. всего 8 раз; *мьстите* 156,1, *мьстити* 90,3 и т. д. — всего 6 раз, *мьстислава* 9,3 — *у* 10,1 и т. д. — всего 4 раза *мьштаѥмьсѧ* 90,3, *мьштаимъ* и т. д., то здесь, по-видимому, не столько отражение мягкости предшествующего согласного, сколько промежуточной слоговости сонанта, вызванной стечением согласных.

Определенное фонетическое значение (обозначать мягкость или твердость предшествующего согласного) было присуще в какой-то мере и ъ и ь, кончающим строку: *въсъ|помѧнемь* 12,2; *разгъ|рабити* 27,3, *осъ|лабно* 43,3; *молъ|чаце* 65,2 и т. д. *оуязь|ви*, *жизь|нью* 75,3; *ть|лѣньною* 70,1 и т. д. и т. д. Написания вроде *сть|ругаюштю* 17,3 чрезвычайно редки[34].

Встретившиеся в Прологе написания букв *о*, *е* на месте этимологических «ъ», «ь» слабых (не объясняемые нормами церковнокнижного чтения) или похожи на описки — *расторго ю на двоѥ* 14,2 или должны быть объясняемы влиянием оригиналов — *марко* ѥ҃ппъ 7,4 и *нероно им оусѣкоша* 61,2[35].

Написаний, смешивающих ъ, ь на месте этимологических «ъ», «ь» слабых мы в Прологе не встретили (о написаниях ъ вместо ь, объясняемых отвердением или смягчением согласных см. ниже).

В Прологе 1383 г., как и в других памятниках древнерусской письменности, буква ь отмечалась также на месте старого «й» редуцирован-

---

[34] Всего отмечено 5 подобных написаний.

[35] Предположение, что один из списков-предшественников Пролога 1383 г. попал в Псков от его юго-западных соседей, уже было высказано выше: в памятниках же будущих украинского и белорусского языков примеры написания буквы *о* в окончаниях им. п. имен собственных м. р., отражая живую черту говоров, отмечались начиная с начала XIII в. (См. Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II, вып. 2; А. Е. Крымский. Филология и погодинская гипотеза. Киев, 1904).

ного в слабом положении[36] (как в окончаниях, так и в корневых морфемах): *смртью* 37,4, *зломыслѭ* 38,3 и т. д., *бѣкть* 37,4, в *пьянствѣ* 71,6 и т. д. У первого писца ь на месте «й» отмечен главным образом в корневых морфемах. В окончаниях же явно преобладают *иа*, *иѫ* и т. д. Объясняется это, по-видимому, тем, что написания *иа*, *иѫ* и т. д. довольно точно передавали искусственно растянутое книжное произношение и поддерживались традицией церковно-славянского письма. В отличие от первого писца второй писец Пролога на месте слабого «й» редуцированного почти всегда писал ь (на листах второго писца написания *иѫ*, *ия* и т. д. встретились 17 раз, написания *ьѫ*, *ья* и т. д. — 92 раза).

Механические описки

Основным материалом для суждения о чертах произношения писцов будут встретившиеся у них примеры нарушения принятой орфографической нормы. Поэтому важно заранее выяснить характер так называемых «механических» описок, свойственных писцам Пролога, т. е. описок, объясняемых причинами нефонетического порядка.

Количество механических описок у первого писца довольно значительно, но сами описки по своему характеру однотипны. Это или замена одних букв другими (в силу графического воздействия букв соседнего слога), или пропуск слогов, или, наконец, задвоение слогов, реже слов и букв. Указанными тремя типами почти полностью и исчерпываются все допущенные первым писцом графические описки.

Описки первого типа наиболее часты (около 50 примеров). Мы имеем их как в случае написания букв, обозначающих гласные, так и в случае написания букв, обозначающих согласные звуки, причем источником описки является большей частью буква последующего слога (обязательно несмежная), например: мажа 17,3 (мужа); тотштимсѧ 20,2; мнизи 31,4; лобовь 32,4; дрбро 75,2 и т. д.[37]

Следующими по распространенности являются у первого писца описки, связанные с пропуском слогов и изредка букв: кабль 13,4; свиямь на снѣдь 21,4; мно заточения 29,2; съкочавши 60,2 и т. д.

Сравнительно редки описки, связанные с задвоением слогов и слов: за власысы 10,4; оца нанашего 16,3; лѣзѧ на земли на земли 78,3 и т. д.

Описок, не укладывающихся в указанные типы, мы на листах первого писца не встретили.

---

[36] На месте «й», «ы» редуцированных сильных писцы последовательно писали буквы *ы* и *и* за исключением двух описок, отразивших их живое произношение: оуголь горѧштей 141,3 и дштеремъ треи сьстрениць 124,2.

[37] Мы приводим здесь написания, которые заведомо считаем не связанными с произношением писца. Те из них, которые хоть в какой-нибудь мере могут быть признаны отражением произношения писца, будут приводиться ниже.

У второго писца количество механических описок чрезвычайно велико. Нередко на одном листе встречается до 10—15 описок. По своему характеру описки у второго писца значительно разнообразнее, чем у первого, но в подавляющем большинстве носят безусловно графический характер. Мы встречаем у него:

Перестановку соседних слогов и букв: зрдавѣ 126,2; доурзии 133,3 и т. д.

Пропуск второго элемента буквы *оу*: главо ѥмоу прия 102,1; пагѹбо творити 103,4 и т. д.

Повторение букв соседних слогов; глгочтье 108,3; испытана 109,4 и т. д.

Пропуск букв и слогов: жилами вджими 104,3 (говяжими); в хамѣ 109,4 (в храме) и т. д.

Задвоение слогов и иногда букв: стыи макаририи 99,3; по дводвою днью 102,2; поштадѣѣ иго 102,4; пожррети 106,2 и т. д.

И, наконец, трудно подводимые под какие-либо типы: бовидоую моисѣю 118,2 (завидую); вскъ кникчикъ наоучит 120,1 и др.

АНАЛИЗ НАПИСАНИЙ ПАМЯТНИКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ОТРАЖЕНИЯ В НИХ ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ПИСЦОВ

Так как есть основание предполагать, что произношению первого писца Пролога было свойственно аканье (в широком смысле этого термина), то дальнейшее изложение мы будем строить следующим образом: 1. Употребление букв, обозначающих гласные звуки, в слогах под ударением и 2. Употребление букв, обозначающих гласные звуки, в безударных слогах как после твердых, так и после мягких согласных.

Употребление букв, обозначающих гласные звуки, в слогах под ударением

Написание буквы о вместо е

На листах первого писца отмечены следующие написания с буквой *о* на месте этимологического звука «е» в положении перед твердым согласным: *помазаша жораткомъ* 87,1; *и абиѥ разоро|на бы҃ ц҃ркы* 19,4; *берозозолъ* 37,3; *пуц.енъ бы҃ на нь ловъ* 96,1.

Однако ни один из этих примеров не дает, как нам кажется, основания говорить, что написание в нем буквы *о* на месте этимологического звука «е» отражает переход в произношении писца ударенного звука «е» > [о].

Наличие в Прологе написаний с буквой *а* на месте безударного звука «о», буквы *и* на месте безударного звука «е» и т. д., говорит о существовании в произношении писца элементов аканья. А наличие у писца аканья допускает возможность существования перехода «е» > [о]

только в слогах под ударением. Поэтому написания с буквой *о* на месте безударного «е» мы должны будем пытаться объяснять вне зависимости от перехода «е» > о. *Жораткомъ*, являясь по своему происхождению словом южнорусским и, следовательно, будучи, в известной степени, чуждым переписчику-псковичу, могло быть им просто скопировано из оригинала (примеры написания после шипящих букв *о* вместо *е* издавна засвидетельствованы во многих западнорусских и южнорусских памятниках). Возможно и другое объяснение, а именно, что слово *жератокъ*, пришедшее в Псков с юго-запада, сохранило в языке книжно-образованных псковичей свое местное произношение. Написание буквы *о* на месте этимологического «е» в слове *берозозолъ* (если только написание в слоге под ударением буквы *о* не является механической опиской), может быть обусловлено и предшествующим [р][38]. Появление буквы *о* в суффиксе страдательного причастия прошедшего времени *разорона* (если только оно не механическая описка) также может быть поставлено в зависимость от предшествующего [р]. Впрочем для суждения о живом произношении писца этот последний пример мало показателен: формы страдательных причастий прошедшего времени, как, впрочем, и другие формы причастий, в разговорной речи XIV в. употребительными не были. В книжном (тем более церковно-книжном) произношении звук [е] удерживался в них вплоть до XVIII в.[39]

В слоге под ударением на месте этимологического «е» перед твердым согласным (т. е. в том положении, в котором написание буквы *о* вместо *е*, было бы легче всего признать за отражение перехода «е» > [о]) буква *о* встретилась в Прологе только один раз: *пуштенъ бы нь ловъ*.

Написание буквы *о* на месте ожидаемой буквы *е* (ь) в слове *ловъ*, бывшем скорее книжным, чем разговорным, было бы веским доказательством в пользу существования в произношении писца перехода ударенного «е» > [о], если бы, помимо *ловъ*, в нашем распоряжении были и другие примеры, в которых можно было бы видеть отражение этого перехода. (Следует отметить, что написание слова *левъ* было отмечено у первого писца также и с буквой *ѣ* — лѣвъ 44,4.) Писец довольно

---

[38] См. об этом ниже в разделе об отвердении [р]. Иного мнения придерживался А. И. Соболевский, который, отрицая наличие в Прологе следов аканья (в широком смысле этого термина), предполагал, что написания березолъ, чьросъ возникли в результате того, что древнепсковскому говору был свойственен переход «е» > [о] не только в ударяемых, но и в безударных слогах («Очерки из истории русского языка», стр. 145—147). Считая такую точку зрения неприемлемой, мы не соглашаемся и с тем морфологическим объяснением, которое предлагает для написания черосъ А. А. Шахматов. По его мнению, «буква *о* означает звук, заимствованный из форм крозѣ крозь» (А. А. Шахматов. Исследование в области фонетики, стр. 191).

[39] Об ударении в причастиях настоящего времени страдательного залога см. Л. Л. Васильев. Несколько разъяснений по поводу статьи проф. Б. Ляпунова «Лингвистические заметки». РФВ, 1907, № 1, стр. 116, а также Л. А. Булаховский. Исторический комментарий к русскому литературному языку. Киев, 1950, стр. 238.

свободно следовал при письме своему произношению (смешение *ж—з*, *ш—с*, *ц—ч*, *е—а*, и т. д.). Все фонетические особенности произношения писца, существование которых мы можем предполагать в соответствии с показаниями других псковских памятников, нашли свое отражение в написаниях Пролога. Поэтому отсутствие у первого писца написаний, в которых можно было бы без колебаний видеть отражение перехода ударенного «е» > [о], мы считаем достаточно веским аргументом в пользу того, что в произношении писца перехода «е» > [о] не существовало. Впрочем, одно обстоятельство обязывает нас к известной осторожности. По памятникам переход «е» > [о] получил свое отражение в первую очередь после вторично отвердевших согласных (см. примеры, собранные Е. Ф. Карским в работе «Белорусы», т. II, стр. 190). Это объясняется тем, что написание буквы *о* на месте этимологического «е» перед твердой согласной, передавая характер произношения гласного, не отражало в то же время сохраняющуюся мягкость предшествующего согласного В произношении писца Пролога шипящие «ч» и «ц», как увидим ниже, оставались еще мягкими и, следовательно, написание после них *о* было для писца неприемлемым. (Ср. последовательное написание после этих согласных букв *ю*, *и*, *ь*; написание после них *а* связано с определенной орфографической нормой, свойственной почти всем древнерусским писцовым школам.)

Не приводят убедительных примеров отражения перехода «е» > [о] и исследователи других древнепсковских памятников XIV в.[40] Начиная с XV в., примеры написания *о* на месте этимологического «е» перед твердой согласной изредка начинают встречаться у псковских писцов[41]. В современных акающих псковских говорах переход ударенного «е» > [о] в положении перед твердым согласным представлен не повсеместно[42].

На листах второго писца написания с буквой *о* вместо буквы *е* встретились дважды: *дело бо со кєсть ѿ прельсти дьѧволѧ* и *кмоу возно|съшюсѧ* 132,3.

Ни одно из них мы не считаем отражающим переход «е» > [о], так как за конечным [е] местоимения *се* следует начальный звук [j] следующего слова, поэтому никаких условий для фонетического перехода «е» > [о]

---

[40] Н. М. Каринский. Исследование языка Псковского Шестоднева 1374 г. Пг., 1916; А. И. Сорочан. Псалтырь ИПБ Fп № 1, РФВ, 1911, № 2—3; Б. А. Бандуров. Евангелие-Апрокос XIV в. Примеры, приводимые А. И. Соболевским в «Очерках из истории русского языка», почти полностью приходились на безударные слоги.

[41] Н. М. Каринский. Язык Пскова и его области в XV в. СПб., 1909, стр. 47.

[42] В. И. Чернышев в статье «Говор Пушкинского района» отмечает сохранение в описываемом им говоре в ряде случаев ударенного *е*: «дергать, дерну, мяшецек, задворенка; особенно часто в глагольных формах 2-го и 3-го лица: паете, идете, найдете, вайдете, пристаете. В старых формах 3-го лица единственного числа: береть, несеть и новых; идет, идешь, пасетца, а также при отвердевших, некогда мягких, следующих согласных: мертвая, казенная, темным, слезно. Отмечено также перышко, шерсточка». (Сб. «Язык и мышление», т. VI—VII, 1936, стр. 111.)

здесь нет. В написании в этом случае буквы *о* нужно видеть механическую описку.

Механической опиской является также и второе *о* в причастной форме *возно|съшюсѧ* (положение в конце строки, где сказывается графическое влияние предшествующей гласной).

Таким образом, считаем, что изменение «е» > [о] не было свойственно произношению ни первого, ни второго писца Пролога.

Написание буквы е(ъ) вместо ѣ и ѣ вместо е(ъ)

На листах первого писца Пролога количество примеров, в которых буква *е*(ь) пишется вместо буквы ѣ, равно как и обратных, в которых буква ѣ пишется вместо буквы *е*(ь), весьма значительно и представлено во всех категориях морфем. Ввиду этого представляется необходимым решить вопрос: имеем ли мы в Прологе[43] беспорядочное смешение букв ѣ и *е* или, быть может, написания, содержащие букву *е* вместо ѣ и ѣ вместо *е*, носят не случайный характер и внутри их может быть прослежена какая-нибудь закономерность.

В таком случае нам потребуется ответить еще на вопрос: являются ли написания с *е*(ь) вместо ѣ и ѣ вместо *е*(ь) отражением каких-то графических приемов определенной школы писцов или в написаниях, содержащих букву *е*(ь) вместо ѣ и ѣ вместо *е*(ь), отразился фонетический процесс приближения или полного совпадения обозначаемых этими буквами звуков во всех или некоторых фонетических условиях. Это, конечно, не снимает вопроса о возможности существования и определенных орфографических приемов.

Встретившиеся в Прологе многочисленные примеры написания *е*(ь) вместо ѣ и ѣ вместо *е*(ь) рассмотрим в следующей последовательности (учитывая в каждом случае твердость или мягкость последующего согласного):

1. Примеры написания букв *е*(ь) вместо ѣ и ѣ вместо *е*(ь) в корневых морфемах.

2. Примеры написания *е*(ь) вместо ѣ и ѣ вместо *е*(ь) в формальных морфемах.

При систематизации материала у нас нет необходимости придерживаться строго грамматического понятия «корневая морфема» или «формальная морфема». Практически нам нужно только выделить в одну группу написания, в которых трудно ожидать влияния аналогии (т. е. корневые морфемы и изолированные формальные морфемы, не подверженные действию аналогии), и в другую группу те написания, в которых эта аналогия более или менее развита.

---

[43] На последующих страницах настоящей работы речь будет все время идти только о листах, писанных первым писцом Пролога.

Написания с *е (ъ)* вместо *ѣ*

Перед мягким согласным (в том числе «шипящими», «ч» и «ц»): прибежище 52,2; болезнь 80,2; не врьжена 2,2; по верѣ 85,2; повешенъ 81,2; весть 72,2; грешенъ 69,1 и т. д. — всего 39 примеров.

Перед «j»: любодьиства 50,4; чюдеиства 83,3 — въ 138,2; сея 6,3, съжректь 78,3 и т. д. Перед твердым согласным[44]: бегаѥте 157,2; бесъ 69,3; по следу 83,2; веру 76,4; гневъ 75,1; влезъ 58,4; леность 7,4 и т. д. Всего 58 примеров. Кроме того, 19 раз встретилось написание с *е* корня глаголов вѣдати — вѣдѣти и 17 раз имперфекта глагола быти.

Написание с *ѣ* вместо *е (ъ)*

Перед мягкими согласными (в том числе «шипящими», «ч» и «ц»): вѣшть 54,3; — и 28,3, — ии 8,2; гбѣжа 143,2; лѣза 78,3 (от лежати); сѣле 14,4; мѣсть 8,1; чѣлюсти 76,1 и т. д. — всего 35 примеров.

Перед «j»: предлог + нѣи 10,1 — ю 44,2 и т. д. — всего 8 раз.

Перед твердым согласным: вѣтхаго 41,4, — о 96,3; вселѣныя 36,1; вьртѣпъ 9,2; клѣныи 50,2; клеветанъ 48,1; котѣлъ 145,1; лѣвъ 44,4; лѣгкыи 83,2 и т. д. — всего 18 примеров[45].

Как мало показательные не рассматриваются слова:

а) сугубо церковного характера: сретѣник, вменитсѧ, врьтиште, стрешти, игѣмонъ, рѣса (решти), облѣштесѧ, всѣленую, попѣштисѧ и т. д.;

б) слова, в написании которых можно было предполагать смешение корней *вѣд- — вед-*;

в) написание чужих имен собственных: Влахерна, Орестъ, Икзекии, Галилѣискыхъ, Андрѣи и т. д. и, наконец,

г) слова, в написании которых писец, руководствуясь какими-то побуждениями, особенно последовательно нарушал этимологию: темьница и производным от него, велѣник и производные от него и т. д.

Суммируя имеющийся материал, мы можем изобразить приблизительное соотношение написаний с *е* вместо *ѣ* и *ѣ* вместо *е* следующей

---

[44] Многочисленность отмеченных в Прологе примеров написания *е* вместо *ѣ* и *ѣ* вместо *е* под ударением перед твердым согласным исключает предположение, что примеры написания в этих условиях *е* (ь) вместо *ѣ* и *ѣ* вместо *е* (ь), могли появиться в результате влияния тех случаев, когда в том же слове интересующий нас звук попадал в положение перед мягким согласным. Поэтому мы не считаем обязательным выделение в особую группу примеров, в которых *ѣ* или *е* оказывались в одном и том же слове то перед мягким, то перед твердым согласным.

[45] Ради экономии места примеров смешения *ѣ — е* в чужих именах собственных мы здесь приводить не будем. О непоказательности смещения *ѣ — е* в чужих именах собственных см. В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку, стр. 20; Л. Л. Васильев. К истории звука *ѣ* в московском говоре XIV—XVII вв., стр. 219—244. «Изв. ОРЯС», 1905, кн. 2.

табличкой. (Ради наглядности возьмем сразу положение и в слогах под ударением, и в безударных слогах.)

Слог	*е* вместо *ѣ*		*ѣ* вместо *е*	
	перед твердым согласным	перед мягким согласным	перед твердым согласным	перед мягким согласным
под ударением	45	38	7	28
в безударном	11	25	26	61

Значение этих цифр не следует переоценивать не только в силу зыбкости и условности границ между церковно-книжной лексикой и лексикой литературного языка, делающих весьма затруднительным отделение круга слов, принадлежащих к активному запасу слов книжно-образованного писца (и поэтому показательных с точки зрения их произношения), от слов церковно-книжных (и следовательно, менее показательных), но и, главным образом, потому, что любое из отмеченных нами написаний, могло быть просто перенесено писцом из его оригинала.

Тем не менее, сравнение приведенной выше таблички с подобной же, но содержащей подсчет этимологически правильных написаний, позволяет сделать заключение об определенной соотносительности встретившихся в Прологе написаний с *ѣ* вместо *е* и *е* вместо *ѣ*.

Слог	*ѣ* на месте этимологического «ё»		*е* на месте этимологического «е»	
	перед твердым согласным	перед мягким согласным	перед твердым согласным	перед мягким согласным
под ударением	105	142	35	44
в безударных слогах	48	138	44	158

Общая сумма написаний с *е* вместо *ѣ* и *ѣ* вместо *е* выражается приблизительно отношением 1 : 1, но в зависимости от фонетических условий это соотношение изменяется то в ту, то в другую сторону.

У нас нет оснований считать, что написания с *е*(*ь*) вместо *ѣ* и *ѣ* вместо *е*(*ь*) попали в Пролог исключительно в результате копирования писцом его оригинала. Правда, приведенные выше наблюдения над содержанием памятника и его орфографией делают почти бесспорным предположение, что оригиналом Пролога 1383 г. был список, попавший в Псков от его юго-западных соседей. И в памятниках будущего украинского языка, и в памятниках будущего белорусского языка были вполне возможны примеры нарушения этимологического принципа напи-

сания букв ѣ и *е*. Но в памятниках украинского языка написание ѣ вместо *е*, отражая фонетическую черту произношения, встречается в первую очередь в новых закрытых слогах[46]. В описываемом же нами Прологе написания с ѣ вместо *е* с характером слога (открытостью или закрытостью) не связаны. Что касается памятников будущего белорусского языка, то в них встречается обычно или беспорядочное смешение букв ѣ и *е* или последовательное вытеснение одной буквы другой (чаще *е* вытесняет ѣ)[47]; наряду с этим существуют рукописи, в которых при наличии полного смешения ѣ и *е* «часто встречается ѣ вместо *е* особенно перед мягкими согласными»[48]. И хотя не исключена возможность того, что писец Пролога 1383 г. мог следовать в своих написаниях бывшему перед ним оригиналу, тем не менее характер написаний с *е* вместо ѣ и ѣ вместо *е* в описываемом нами Прологе нельзя полностью отнести за счет копирования писцом оригинала. Некоторое указание в пользу того, что в написании букв ѣ и *е* писец не следовал рабски своему оригиналу, можно видеть в том, что в Прологе не встретилось ни одного примера написания ѥ вместо ѣ или ѣ вместо ѥ, в то время как в памятниках будущего украинского и белорусского языков подобные написания присутствуют. Кроме того, в Прологе 1383 г. в написании букв *е* и ѣ присутствует известная «лексичность»: при написании одних слов (корней) писец никогда не допускает нарушения традиционной орфографической нормы, при написании других, несмотря на наличие совершенно аналогичных фонетических условий, — написания, нарушающие этимологический принцип, даже преобладают над этимологически правильными (подробнее об этой см. ниже). Ничего аналогичного в описаниях памятников будущего украинского или белорусского языков мы не встретили. Нет у нас и основания ставить вопрос о влиянии новгородских орфографических традиций, так как в новгородских памятниках смешение ѣ — *е* представлено исключительно в безударных слогах.

Поскольку о смешении ѣ — *е* упоминается в описаниях всех псковских памятников, то отмеченные в Прологе 1383 г. и других псковских памятниках написания с *е* вместо ѣ и ѣ вместо *е* должны предполагать какое-то собственно псковское объяснение, а не ставиться в зависимость от возможного орфографического влияния писцовых школ смежных с Псковом земель.

Мы не имеем оснований предполагать присутствие в Прологе 1383 г. какой-либо особой, ярко выраженной искусственной нормы употребления

---

[46] А. И. Соболевский. Очерки из истории русского языка; его же. Два древних памятника галицко-волынского наречия, РФВ, 1884, № 3.

[47] Е. Ф. Карский. Белорусы, т II; его же. Особенности письма и языка рукописного сборника XV в., именуемого рукописью Авраамки. Варшава, 1899; А. И. Соболевский. Смоленско-Полоцкий говор XIII—XV вв., РФВ, 1886, № 4; Stang. Die Altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk. Oslo, 1939.

[48] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II, вып. 2, стр. 232.

букв *е* и *ѣ* (ср., например, орфографию описанного Л. Л. Васильевым[49] Вологодского евангелия), поэтому вероятнее всего искать объяснение для отмеченных написаний в явлениях фонетического порядка.

Выше было указано, что общая сумма встретившихся у первого писца написаний с буквой *е* вместо *ѣ* относится к общей сумме написаний с буквой *ѣ* вместо *е* почти как 1 : 1, т. е. нет никаких оснований говорить о вытеснении одной какой-нибудь буквы другою.

В слогах под ударением перед мягкой согласной написания с *е* вместо *ѣ* и *ѣ* вместо *е* носят характер смешения писцом букв *ѣ* и *е*. Отсюда вполне вероятным оказывается предположение о неразличении писцом ударенных этимологических звуков «е» и «ё» в положении перед мягким согласным, т. е. о позиционном неразличении звуков «е» и «ё».

Наибольшего внимания заслуживают примеры написания букв *е* вместо *ѣ* и особенно *ѣ* вместо *е* в слоге под ударением перед твердым согласным.

Как видно из таблички, в слоге под ударением перед твердым согласным буква *ѣ* пишется вместо *е* $\approx$ 10 раз, в то время как буква *е* вместо *ѣ* пишется в этом же положении $\approx$ 50 раз, т. е. отношение становится 1 : 5.

Появляется известное основание говорить не о смешении букв *ѣ* и *е*, а о замене в слоге под ударением перед твердой согласной буквы *ѣ* на *е*. Чем может быть вызвана такая замена?

Если бы в Прологе нам удалось встретить написания, на основании которых мы с достоверностью могли бы утверждать, что произношению писца Пролога был свойственен переход «е» > [о], то написания с буквой *е* на месте *ѣ* в слоге под ударением перед твердым согласным могли бы скорее всего свидетельствовать только о широком, открытом произношении в этих условиях писцом звука [е]. Буква *е*, которая в силу традиции продолжала бы писаться в таком случае на месте исконного звука «е» под ударением перед твердой согласной, соответствовала бы в произношении звуку [о], а поэтому о совпадении в этом положении звуков [е] и [ё] не могло быть и речи.

В связи с возможностью наличия в произношении писца перехода «е» > [о] мог бы возникнуть вопрос, не являются ли написания с буквой *ѣ* на месте *е* в ударенном слоге перед твердым согласным способом указать на отсутствие в этих словах изменения звука «е» > [о]. В случае положительного ответа у нас появился бы чрезвычайно веский аргумент в пользу существования в говоре писца изменения звука «е» > [о]. Однако фонетический материал оснований для подобного предположения не дает.

Примеры, в которых буква *ѣ* пишется на место *е* в слоге под ударением перед твердым согласным[50], включают в себя не только слова,

[49] Л. Л. Васильев. Вологодское евангелие, РФВ, 1907, № 2.

[50] Уже сама малочисленность подобных примеров должна препятствовать предположению о том, что они могут иметь какое-нибудь определенное орфографическое значение.

в которых нельзя ожидать перехода «е» > [о], например: *безмѣздьно* 68,3; *вселѣныя* 36,1; 59,2; *оусѣрдно* 44,2; *вьртѣпъ* 9,2; 38,2, и т. д., но также и такие слова, в которых изменение «е» > [о], будь оно свойственно произношению писца, должно было бы иметь место: *лѣгкыи* 83,2; *по рѣброма* 84,3, 141,3; *котѣлъ* 145,1[51].

Поскольку же характер примеров, содержащих в слоге под ударением перед твердой согласной букву *о* вместо *е*, не позволяет нам признать наличие в произношении писца изменения «е» > [о], для написаний с *е* вместо *ѣ* и *ѣ* вместо *е* в слогах под ударением перед твердым согласным мы должны искать объяснение, не связанное с теми орфографическими приемами, которые зачастую возникали у писцов в тех случаях, когда происходившее в живом говоре изменение «е» > [о] приводило к тому, что в слоге под ударением перед твердым согласным буква *е* оказывалась не всегда передающей на письме звук [е].

Наличие у писца Пролога в слогах под ударением перед твердым согласным (в том положении, в котором любой гласный произносится с максимальной отчетливостью) значительного количества примеров написания *е* вместо *ѣ* само по себе уже может вызывать предположение о совпадении произношения этимологических звуков «е» и «ѣ» при любом их положении в слове.

Поскольку же, наряду с написаниями с *е* вместо *ѣ* в слоге под ударением перед твердым согласным, у писца встречаются в тех же условиях также и написания с буквой *ѣ* вместо *е*, т. е. написания *ѣ* на месте буквы *е*, передающей на письме звук [е] — открытое, предположение о полном совпадении этимологических «е» и «ѣ» кажется нам единственно возможным[52].

Анализ написаний формальных морфем представляет вообще значительный интерес в первую очередь потому, что орфография формальных морфем является наиболее устойчивой, так как писцу в данном случае особенно легко проверять себя традиционными орфографическими правилами. Поэтому смешение тех или иных букв в написании формальных морфем может быть признано веским аргументом в пользу того, что произношение писцом данной морфемы не совпадало с ее этимологическим написанием. Нарушение этимологического принципа при написании некоторых из формальных морфем весьма показательно также и потому, что с фонетической точки зрения положение гласного звука в конечном открытом слоге под ударением является для него также сильным положением. Но в то же время в формальных морфемах (окончаниях, реже суффиксах) вероятнее всего ожидать результатов взаимодействия различных форм, что может отразиться и на их написании.

---

[51] То же в формальных морфемах: придѣмъ, принесѣмъ, припадѣмъ и т. д.

[52] Ср. А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах. «Исследования по русскому языку», т. II, кн. 3. СПб., 1903, стр. 84.

Написание *е (ъ)* вместо *ѣ*

Перед мягким согласным: тв. п. всеми 11,4; 90,4; инеми 3,2; 9,3; самеми 83,3 и т. д. — всего 19 раз; в суффиксе существительных[53]: смотрению 15,1; о рассмотрении 87,1; тьрпенѥмь 83,3; хотенѥмь 69,1 и т. д. Кроме того, в Прологе свыше 30 раз отмечено написание с буквой *е* суффикса слова повелѣниѥ 3,4; 4,2 и т. д.; суффиксов глаголов: болѣти 79,2; зрѣти 54,3; имѣти 47,1; искыпѣти 39,1 и т. д. — всего 13 раз.

Перед «j»: имею 140,4; имеяше 35,4; разумея 19,4; разумеюште 28,1 и т. д.

Перед твердым согласным: местн. п. ед. ч.: въ мрацѣ морьстемъ 48,4; местн. п. мн. ч.: вратехъ 97,4; грѣсех 80,2; дѣлехъ 144,1; всехъ 20,1 и т. д.; тв. п. ед. ч.[54]: всемъ духомь 38,4; съ темь 36,3 и т. д.; дат. п. мн. ч.: всемъ 16,4; инемъ 12,4 и т. д. В суффиксах глагольных образований: разболевшюсѧ 8,2; разгореве 34,4; мневѣ 14,4; исцѣлевъ 4,4 и т. д.

В конечном открытом слоге: дат. местн. п. ед. ч.: на бьрвьне 39,1; в бѣде 76,3; главе 85,4; в глубине 136,3; о попе 98,4; къ стране 95,3; мне[55] 80,3; тобе 7,1 и т. д. — всего 57 раз; в окончании наречий: где 98,4; кде 54,3; сде 2,3 и т. д. — всего 9 раз; во 2—3-м л. аориста: име 16,3; въскыпе 135,1; прѣтѣрпе 24,4; въсхоте 143,4 и т. д.

Написания *ѣ* вместо *е (ъ)*

Перед мягким согласным (в том числе «шипящими», «ч» и «ц») род. п. мн. ч.: овѣць; 3-е л. наст. вр.: возмѣть 71,3; придѣть 23,4; 24,1; падѣть 3,4; умрѣть 54,4; поживѣте 47,2; 97,1; 2-е л.: зачнѣши 19,4; сумрѣши 8,3; в суффиксе существительных: пренесѣниѥ 28,4; въобразѣниѥ 93,3; смерѣниѥ 42,3; оусѣкновѣниѥмь 54,5 и т. п.

Перед твердым согласным: тв. п. ед. ч.: вѣнцѣмъ 137,2; жьрцѣмь 8,1; слѣпцѣмь 41,4 и т. д.[56]; дат. п. мн. ч.: простьцѣмъ 54,2; чюсѣмь 72,1; тѣлесѣмъ 52,2 и т. д.; местн. п. мн. ч.: на нбсѣхъ 2,1; чюдесѣхъ 12,3; днѣхъ 6,3; двьрѣхъ 72,3; скорбѣхъ 137,4 и т. д.; в суффиксе основ на согласный: телѣсъ 18,3; -ныхъ 155,3 и т. д.; 1-е л. мн. ч.: придѣмъ 4,4; придѣмъ 142,3; принесѣмъ 19,2; в суффиксе прилагательных и причастий страдательного залога: погребѣнъ 156,2; пригвождѣнъ 13,4; скровѣнъ 22,4 и т. д. Кроме того 26 раз встретилось написание с *ѣ* причастия прошедшего времени действительного залога от глагола вести.

---

[53] О смешении суффиксов *-ениѥ*, *-ѣниѥ* см. Л. Л. Васильев. Богдановский Златоуст XVI в. «Изв. ОРЯС», 1905, кн. 3, стр. 333; его же. Гласные в слоге под ударением в момент появления аканья. «Изв. ОРЯС», 1904, кн. 1, § 5.

[54] Об отвердении конечного [м] см. ниже.

[55] О мене *ѣ — е* в окончаниях местоимений см. А. И. Соболевский. Лекции из истории русского языка. М., 1907, стр. 156; его же. Очерки из истории русского языка, стр. 83.

[56] О написании *-ѣц* вместо *-ьц* см. А. А. Шахматов. Исследование о языке Новгородских грамот XIII—XIV вв. СПб., 1886, стр. 146.

В конечном открытом слоге: им.-вин. п. ед. ч.: лицѣ 18,1; 44,4 и т. д.; всѣ 156,4; 157,1; сѣ 72,4; 90,1 и т. д.; род. п. ед. ч.: себѣ 46,1;54,1 и т. д. — всего 7 раз; 3-е л. аориста: принесѣ 154,1; рѣ 86,4; оуспѣ 14,2 и т. д. — всего 11 раз. Кроме того, 15 раз встретилась написанной с ѣ форма 3-го л. аориста глагола вести.

Из анализа материала следует, что:

а) написания с *е* вместо ѣ и ѣ вместо *е* присутствуют во всех формальных морфемах, содержащих этимологические звуки «е» или «ё»;

б) написания с *е* вместо ѣ и ѣ вместо *е* встречаются как в книжных формах, так и в тех, которые были для писца живыми, разговорными;

в) написания с *е* вместо ѣ и ѣ вместо *е* встречаются не только в слогах перед мягкой согласной, но и перед твердой согласной, и в конечном открытом слоге.

Количество и разнообразие встретившихся примеров исключают возможность объяснения их только взаимодействием форм.

Таким образом, примеры написания *е* вместо ѣ и ѣ вместо *е* в формальных морфемах подтверждают заключение о том, что в слоге под ударением в произношении писца этимологические звуки «е» и «ё» не различались независимо от твердости или мягкости последующего согласного. Звук, в котором совпали этимологические «е» и «ё», произносился, надо полагать, в положении перед твердым согласным, как [е] открытое, а в положении перед мягким согласным как [е] закрытое[57]. Окончательно же вопрос о том, произносился ли звук, обозначаемый буквою ѣ, всегда как [е] открытое, т. е. было ли совпадение этимологических «е» и «ё» полным или же в некоторых условиях этимологическое «ё» могло произноситься писцом более узко, может быть, даже приближаясь к звуку [и] например, перед [j], в положении перед слогом с гласным [и] и т. д.), может быть решен только после анализа встретившихся в Прологе примеров смешения в ударенном слоге букв *и* и ѣ (см. об этом ниже).

В. В. Виноградов указывал, что с точки зрения рефлексов «ё» псковские рукописи распадаются на две группы: одни, близкие к новгородским, скрывают под буквой ѣ узкое [е], склонное к переходу в [и] в положении перед неслоговым [i] и перед слогом с [и]; другие, соприкасающиеся с белорусскими, отражают полное совпадение «ё» и «е»[58].

Полагаем, что рукопись описываемого нами Пролога должна быть отнесена ко второй группе.

Два обстоятельства: во-первых, наличие на листах первого писца Пролога примеров, свидетельствующих о том, что ему было свойственно аканье (в широком смысле этого термина), и, во-вторых, предположение

---

[57] См. об этом А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах, стр. 84.

[58] В. В. Виноградов. Исследование в области фонетики северно-русского наречия, стр. 268; его же. Методы изучения рукописей, как материала для построения исторической фонетики русского языка, в исследованиях академика А. А. Шахматова, «Изв. ОРЯС», т. XXV, 1920, стр. 194.

о неразличении в произношении писца даже ударенных этимологических «е» и «ё» приводят к заключению, что в безударных слогах написания с *е* вместо *ѣ* и *ѣ* вместо *е* должны быть признаны зависящими не от фонетических причин, а от орфографических тенденций писца.

Так как мы считаем, что написания с *ѣ* вместо *е* и *е* вместо *ѣ* в безударных слогах зависят только от причин орфографических, становится безразличным, в каком из разделов следует приводить эти написания. Поскольку же анализ написаний, смешивающих *ѣ* — *е* в слогах безударных, может способствовать установлению того, были ли свойственны первому писцу Пролога какие-нибудь определенные орфографические тенденции в употреблении букв *е* и *ѣ*, рассмотрим здесь же написания с *е* вместо *ѣ* и *ѣ* вместо *е* в слогах безударных.

В корневых морфемах

Написание *е (ъ)* вместо *ѣ*

Перед мягким согласным (в том числе перед «шипящими», «ч» и «ц»): бежать 69,1; бежа 75,1; бесѧштесѧ 8,3; възвести 44,1; венець 79,2; в гресѣхъ 65,4 и т. д. Всего 32 примера.

Перед «j»: в деяниѥ 139,1, прелюбодеяниѥмь 139,4; въсмеяхсѧ 55,2.

Перед твердым согласным: род. п. ед. ч. беды 58,2; прибегоша 144,1; бесовьская 19,4; -ыя 50,1; грехомь 10,1; железа 67,4; ослепоша 42,2; род. п. ед. ч. стены 23,3 и т. д. Всего 14 примеров.

Написание *ѣ* вместо *е (ъ)*

Перед мягким согласным (в том числе «шипящими», «ч» и «ц»): бѣсѣда 68,4 и производные от нее — всего 14 раз; възв..сели 95,2; вѣликыи 31,2; -ымь 71,2; клѣнетесѧ 50,2; клѣветы 94,3; лиц..мьрьствуя 79,4; -ных 45,1; лѣжати 75,2 и т. д. всего около 70 примеров. Кроме того, 13 раз встретилось написание с *ѣ* корня глагола вести и 61 раз написание с *ѣ* производных от велѣниѥ (чаще всего с приставкой *по-*) повѣление и т. д.

Перед твердым согласным: повѣзоша 56,4; въвѣрху 43,1; врѣмѣна 16,3; въскрѣсохъ 30,4; клѣнутьсѧ 50,3; о клѣветании 141,1; не оклевѣтаимъ 137,1 и т. д. всего около 30 примеров. Кроме того, 32 раза встретилось написание с буквою *ѣ* слова темница и производных от него[59].

В формальных морфемах

Написание *е (ъ)* вместо *ѣ*

Перед мягким согласным: свѣдения 157,4; обидети 11,3; 2-е л. повелит. накл.: будете 146,2; приѥмлете 156,1; възвративесѧ 2,3; моливесѧ 74,1 и т. д.

[59] См. таблицу на стр. 201.

Перед «j»: суффикс сравнит. степени[60]: блаженеѥ 46,2; дрѣвнеишю 36,3; полѣзнеѥ 88,4; таинеиши 136,3; дат. местн. п. прилагательных и причастий ж. р.[61]: браньнеи хытрости 17,1; грѣховнеи злобѣ 138,3; колѣснеи казни 39,1 и т. д.

Перед твердым согласным: местн. п. ед. ч.[62]: при константинѣ величемь 145,4; о єдинемь словѣ 151,3; на положенемь мѣстѣ 86,1; и т. д. местн. п. мн. ч.[63] коркодилехъ 71,2; нравехъ 68,3; по мнозѣхъ вопросехъ и ѿвѣтехъ 141,3 и т. д.; в основе инфинитива: видѣхъ 61,3; приобидевъ 1,4; възнавидевше 149,4; оувѣдевше 65,2 и т. д.

В конечном открытом слоге: род. п. ед. ч.: ис тѣмнице 2,2; 62,3; дат. мест. п. ед. ч.: на бѣсѣде 13,4; въ блуде 60,2 к иконе 8,3; на обѣде 73,4; къ папе 140,3 и т. д. — всего около 60 примеров; в окончании наречий: добре 70,2; кроме 57,1; люте 13,2; въскоре 64,2; ѿсѣле 14,4 и т. д. им. вин. дв. ч.: быста бате 39,1; колѣне 15,2; двѣ рабичне 148,4; в руце 27,4 и т. д.; в формах аориста: виде 43,1; 94,2; быхове 51,1; поидѣве и т. д.

Написание *ѣ* вместо *е (ъ)*

Перед мягким согласным: в суффиксе *-ьц*[64] — градѣць 82,1; пьравѣць 36,4; старецъ 5,3; чютворѣць 41,4 и т. д. примеры очень многочисленны; в суффиксах *-ениѥ* и *-ьн-*, *-ен-*: снедѣниѥ 35,3; оутолѣниѥ 73,1; цѣломудрѣнеи 10,3 и т. д. 2-е л. ед. ч.: блудѣши 3,4; изидьши 3,1; доидьши 151,4; сѧдьши 67,1; 3-е л. ед. ч.: будѣть 68,1; внидѣть 56,4; ѿимѣтсѧ 50,3, сѧдѣть 75,4 и т. д.; 3-е л. мн. ч.: будѣте 3,4; ѿимѣте 87,4; поживѣте 47,2; в суффиксах *-ьск-*, *-ьст-*: александрѣска 96,4; -го 69,1; въинѣствуя 62,3; при при пьрсѣстьмь 31,3; в понтьскую страну 148,3.

Перед «j»: колесницѣю 6,4; плоштаницѣю 143,3; старицѣю 94,3 и т. д.

Перед твердым согласным:
тв. п. ед. ч., дат. п. мн. ч.: мучителѣмь 48,4; заповѣдѣмъ 80,2; людѣмъ 42,1; тварѣмъ 50,1 и т. д. местн. п. мн. ч.: кртьянѣхъ 8,4; нбсѣхъ 2,1; днѣхъ 72,3; скорбѣхъ 137,4 и т. д. дат. п. ед. ч.: всѣму 18,2; предлог + нѣму 17,4 и т. д. — всего 12 раз; в основах на согласный: врѣмѣна 16,3; тѣлѣса 42,4; чюдѣса 46,3 и т. д.; 1-е л. мн. ч.: будѣмъ 42,4; пребудѣмъ 138,4; подвигнѣмъсѧ 18,4; примѣмъ 82,4; въстѧгнѣмъ 50,1 и т. д.; в суффиксе *-ьн*, *-ен* — бжтвѣною 67,2; жьртвѣная 10,4; в огнѣне 7,2; вѣрѣнъ 13,4; опалѣны 144,4 и т. д. Кроме того, 46 раз

---

[60] Об ударении в формах ср. степени см.: Л. Л. Васильев. Богдановский Златоуст, стр. 326.

[61] Формы были для писца уже мертвыми. Ср. в кузической церкви и др. 67,1.

[62] О твердости [м] см. ниже.

[63] О смешении *ѣ*, *ъ*, *е* в формах местного падежа см.: Л. Л. Васильев. Богдановский Златоуст, стр. 334—336.

[64] См. А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот, стр. 146.

встретилось написанным с *-ѣн-* причастие прошедшего времени страдательного залога от глагола вести: вѣдѣнъ 11,2; приведѣны 17,4 и т. д.

В конечном открытом слоге:

им. вин. п. ед. ч.: морѣ 69,1; в морѣ 23,1; зват. форма: братѣ 91,4; гн^{с}ѣ 13,2; дѣдѣ 47,4; чл҃вцѣ 65,3; им. п. мн. ч.: бѣсовѣ 46,2; снвѣ 56,2; ариянѣ 149,4; кр^{с}тьянѣ 4,2 и т. д. 2-е л. мн. ч.: дѣлаетѣ 64,4; вѣстѣ 31,1 оба^{с}тектѣ 64,3; закалаетѣ 93,1 и т. д.; в формах аориста: оукрѣпистѣ 93,1; оутвьрдистѣ 93,1; иштезѣ 39,4; срѣтѣ 53,1 и т. д. Кроме того, в Прологе более 40 раз встретилось написание с *ѣ* 2—3-го л. ед. ч. аориста от глагола идти: идѣ 5,2; 5,4 и т. д.

Написания с *ѣ* вместо *е* и *е* вместо *ѣ* в безударных слогах носят характер взаимного смешения этих букв при известном преобладании буквы *ѣ*.

Чем же следует объяснить смешение букв *ѣ* и *е* в слогах безударных, если учитывать, что ни буква *ѣ*, ни буква *е* не отражали звука, произносившегося в этих условиях на месте этимологических «е» и «ё»?

Следует учесть, что

1) в слогах под ударением перед твердым согласным (т. е. в тех условиях, когда можно ожидать наиболее открытого произношения гласного) у писца преобладают примеры замены *ѣ* на *е*.

2) Примеры смешения *ѣ* — *е* (и в слогах под ударением, и, тем более, в безударных слогах), более редкие в положении перед твердым согласным, становятся заметно многочисленней в положении перед мягким согласным (именно перед мягким согласным и должно было наступить раньше всего неразличение этимологических «ё» и «е»). Мы считаем, что когда писец Пролога отклонялся от общепринятых орфографических правил в употреблении букв *ѣ*—*е*, он все-таки следовал каким-то определенным орфографическим традициям, отражающим, по-видимому, еще только позиционно обусловленное совпадение звуков «ё» и «е».

Каково происхождение этих «традиций», являлись ли они собственно псковскими, или их следует ставить в зависимость от орфографии оригинала писца или традиций известных ему писцовых школ — сказать трудно.

Однако, что касается ярко выраженной в Прологе 1383 г. тенденции заменять в слогах под ударением букву *ѣ* на *е*, а в безударных слогах (особенно перед мягким согласным) наоборот *е* на *ѣ*, то прямого соответствия этому нет ни в памятниках будущего украинского или белорусского языков, ни, тем более, в памятниках новгородских (речь идет о памятниках не позднее середины XIV в.).

По-видимому, писец Пролога 1383 г., не имевший возможности проверять себя при написании букв *ѣ* и *е* живым произношением, во-первых, мог следовать написаниям оригинала, а, во-вторых, руководствоваться знанием каких-то (может быть, даже собственно псковских) традиций в написании букв *ѣ* и *е* (традиций, представлявших

собой не искусственные орфографические приемы, а отражавших на письме стадию позиционно обусловленного совпадения этимологических «ě» и «е»).

Наряду с нарушениями этимологического принципа написания ѣ и *е*, в которых, может быть, можно видеть отражение старых фонетических отношений, закрепленных до некоторой степени орфографической традицией, в Прологе 1383 г. присутствуют также и написания, несущие следы какой-то лексической избранности.

В целом ряде слов (корней) отступления от этимологического принципа написаний у писца бывают чрезвычайно редки. В то же время при написании других слов (корней), несмотря на наличие совершенно аналогичных фонетических условий, написания, нарушающие этимологический принцип, даже превалируют над этимологически правильными. К числу слов, не содержащих отклонений от общепринятых правил, относятся слова: *землѧ* и формы от него, встретившиеся в Прологе более 20 раз (21,1; 23,2; 42,3 и т. д.), всегда были написаны с *е*;

мечь и форма от него встретились написанными с *е* (23,4; 25,4; 36,1 и т. д.) 37 раз и только один раз с ѣ: мѣчнѥ 28,2;

веселиѥ, *веселитисѧ* и формы от них встретились 11 раз, всегда написанными только с *е*;

пештера и формы этого слова встретились написанными с *е* 11 раз (23,4; 58,1 и т. д.), и 3 раза с ѣ и т. д.

Тоже в отношении слов, содержащих этимологическое «ě».

Выше указывалось, что в слоге под ударением перед твердым согласным писец часто писал букву *е* вместо ѣ.

В то же время в Прологе отмечена значительная группа слов, в которых в коренном ударенном слоге буква ѣ писалась с исключительной последовательностью (независимо от того был следующий слог твердым или мягким) *хлѣбъ* 14,3; 18,3 — всего 14 раз; *свѣтъ* 43,1; 44,2 и т. д. всего 18 раз; *дѣло* 35,3; 45,1 и т. д. всего 21 раз; *побѣда* 57,4; 58,1 и т. д. всего 9 раз.

С той же строгой последовательностью писец пишет букву ѣ во всех так называемых неполногласных сочетаниях.

Вообще написания с *е*(ь) вместо ѣ и ѣ вместо *е*(ь) мы встречаем лишь у довольно ограниченного круга слов (для *е* вместо ѣ $\approx$ 70; для ѣ вместо *е* $\approx$ 50). Причем у большинства этих корней мы, как правило, имеем дело не с единичными, а повторяющимися отступлениями от этимологии. При написании некоторых корней случаи нарушения этимологического принципа даже преобладают над этимологически правильными. Например, корень *вел-* (*велѣти*, *велѣниѥ*, *повеленииѥ* и формы от них) был написан писцом 61 раз с ѣ и только 11 раз с *е*. Корень *звѣр-* (слово *звѣрь* и формы от него) 19 раз с ь и 6 раз с ѣ; корень *сѣд* — (*сѣсти* и производные) 15 раз с *е* и 9 раз с ѣ; корень *тьм* (слово *темница* и формы от него) 32 раза с ѣ и 13 раз с *е*(ь).

В подобных примерах трудно даже сказать, какое же из этих написаний представляет собой «отступление от нормы». Объяснить эти написания причинами фонетическими трудно, так как фонетические условия слогов, содержащих *ѣ* и *е*, здесь совершенно различны.

Ту же своеобразную «избранность» с точки зрения наличия или отсутствия замены *ѣ* на *е* и *е* на *ѣ* встречаем мы и в написании формальных морфем. Особенно заметна она при написании суффиксов. Так, образования с этимологическим суффиксом «*-ен-*» (написание *-ен-*, *-ѣн-*, *-ьн-*) встретились на листах первого писца около 350 раз. Из них 220 раз этот суффикс был написан с буквами *е*, *ь* и 150 раз с буквой *ѣ*. Если вычесть из первых написания с *е* после *ж*, *ч*, *ш* и *л* эпентетического — в этих случаях писец вообще не писал буквы *ѣ*, а из вторых — написания с *ѣ* суффикса причастия прошедшего времени страдат. залога от глагола *вести* (встретились 66 раз), то соотношение этимологически верных написаний и написаний с *ѣ* вместо *е* по-прежнему останется 2 : 1.

Для некоторых из приведенных написаний возможны свои частные объяснения[65], но возможность частных объяснений все же не снимает предположения о том, что при написании некоторых как корневых, так и формальных морфем писец руководствовался какими-то дополнительными соображениями, вероятнее всего, лексического порядка.

По-видимому, писец Пролога 1383 г. стремился в написании букв *ѣ* и *е* следовать общепринятым нормам употребления этих букв, причем контролировал себя не произношением (оно уже критерием служить не могло), а знанием правил написания тех или других корней и формальных морфем. Подобным образом можно объяснить последовательное написание *ѣ* в так называемых неполногласных сочетаниях, последовательное, правильное употребление букв *ѣ* и *е* в таких привычных словах как *землѧ*, *хлѣбъ*, *свѣтъ* и т. д. В написании других слов писец сомневался и, хотя и чувствовал себя при выборе той или другой буквы довольно свободно, все же отдавал предпочтение в безударных слогах букве *ѣ*, в слогах под ударением — букве *е*. Кроме того, несколько слов писец последовательно писал вопреки принятой орфографической норме, считая общепринятым, по-видимому, именно такое их написание. Сюда мы относим примеры типа *тѣмница*, *повѣленик*, *звѣрь*, *именик* и т. д.

Говоря об употреблении букв *ѣ* и *е*, следует отметить также наличие на листах первого писца Пролога еще одной орфографической особенности: присутствие значительного количества примеров, содержащих не только букву *ѣ* на месте этимологического звука «ь», но и букву *ь* на месте этимологического звука «ѣ».

[65] Написание с буквою *ѣ* суффикса *-ен-* можно объяснять влиянием орфографии памятников будущего украинского языка (написание *ѣ* вместо *е* в условиях нового закрытого слога).

Написания с ь вместо ѣ[66] не в сочетании с *р*, *л*: посьштати 96,3; свьштами 88,3; свьдѣтель 53,2; многочьненъ 133,1; любодьиства 50,4; тв. п.: тьмь — тьми 20,1; 31,1 и т. д. — всего 9 раз.

В сочетании с предшествующими *р*, *л*: не врьжена 2,2; посльди 56,4; исъстрьлѧнъ 89,4; причаст. прошед. вр. сльзъ и мн. др.

В сочетании с последующим *р*, *л*: звьрь 6,2; -и 5,2; -иѭ 144,4 и т. д. слово звѣрь встретилось в тексте 27 раз, из них написанным с ь 19 раз, с ѣ 6 раз и 1 раз с *е*.

Что касается обратных написаний с ѣ вместо ь[67], то почти не представляется возможным выделить их из написаний с ѣ вместо *е*. (Написание буквы *е* вместо ь на месте этимологического звука «ь» в сильном положении было для писца обычной нормой). Интерес могут представлять только примеры написания буквы ѣ в тех словах, в которых писец обычно писал ь, а не *е*. Например:

лѣсти 46,2 и т. д. написание корня с ь встретилось 14 раз с *е* — 1 раз;

пѣрвѣѭ 10,2; 10,4 и т. д. написание корня с ь встретилось 27 раз, с *е* 2 раза;

рѣвность 69,2; рѣвьнителѧ 12,4 и т. д. написание корня с ь встретилось 11 раз, с *е* — 2 раза.

Несколько раз встретилось написание ѣ на месте ь, который или совсем не произносился, или произносился только в традиции церковно-книжного чтения: александрѣскаго 69,1; -ую 96,3; воинѣствуя 62,3; понтѣскую страну 148,3; при цари пьрсѣстьмь 31,3 и т. д.

Среди написаний, смешивающих ь — ѣ, особенно много примеров смешения этих букв в сочетании с буквами *р*, *л*[68]. Мы объясняем эти примеры тем, что писец (вообще грамотный) знал уже лишь как отвлеченное орфографическое правило, что в сочетании с *р*, *л* особенно часто должны являться буквы ѣ или ь, но не *е*, причем в выборе той или другой буквы он явно затруднялся (только в случае так называемых неполногласных сочетаний безошибочно писал ѣ).

Присутствие большого количества написаний, содержащих смешение ѣ — *е* и ѣ — ь, позволяет сделать заключение, что буквы ѣ, *е*, ь по характеру представляемых ими звуков, были для первого писца уже в какой-то мере тождественными, т. е. присутствие подобных написаний мы считаем еще одним лишним аргументом в пользу утверждения о полнóм совпадении в произношении писца этимологических «ё», «е», «ь» сильного.

К явлениям графического порядка могут быть отнесены так же встречающиеся в Прологе примеры особенно частого написания ѣ

[66] Впрочем, в любом примере ь можно считать в равной мере написанным как на месте буквы ѣ, так и на месте *е*.

[67] Впрочем, в любом примере ѣ можно считать в равной мере написанным как на месте ь, так и на месте *е*.

[68] Выше мы уже указывали, что в сочетании с *р*, *л* писец писал обычно не *о*, *е*, а ъ, ь.

вместо *е* в положении после *ц* (примеры замены *е* на *ѣ* в положении после *ц* исследователи отмечали даже у писцов, в других положениях смешения *е* и *ѣ* не допускающих).

У писца Пролога 1383 г. тенденция писать *цѣ* вместо полагающегося согласно этимологии *це* особенно отчетливо сказалась при написании формальных морфем[69]. Так, в тв. п. ед. ч. «а»-основ написание *ѣ* вместо *е* встретилось 6 раз и только после *ц* (примеры см. выше). В тв. п. ед. ч. и дат. п. мн. ч. «о»-основ написание *ѣ* вместо *е* встретилось 7 раз, в том числе 6 раз после *ц* и один раз после *л* (*жьрцѣмь* 18,1; *слѣпцѣмь* 41,4; *простьцѣмь* 52,2 и т. д.). Почти исключительно с буквой *ѣ* писалось писцом существительное *лице* (*лицѣ* 18,1 и т. д. всего 6 раз) и производные от него (*лицѣмерують* 79,4 — *но* 75,3 и т. д. всего 5 раз).

Выше большинство встретившихся в Прологе написаний с *е* вместо *ѣ* и *ѣ* вместо *е* мы объясняли независимо от влияния оригинала. Однако в Прологе присутствуют и такие написания, которые с нашей точки зрения правильнее всего объяснять именно влиянием оригинала, может быть, меной оригиналов или, может быть, каким-то еще посторонним влиянием. Подобное заключение основано на том, что до л. 47 приставка *прѣ-* почти последовательно писалась с буквой *ѣ*, написания ее с буквой *е* носили характер редких исключений (на лл. 1—47 *прѣ-* встретилось более 100 раз, *пре* — 4 раза). Начиная же с л. 48, наоборот, исключением стали написания *прѣ-* с *ѣ* (на лл. 48—49 *пре-* встретилось 126 раз, *прѣ-* — 11 раз). Начиная с этого же листа появилось написание с буквою *е* формы 2—3-го лица единственного числа аориста *иде* и изредка существительного *темница*, которые до этого писались исключительно с *ѣ*. Однако общий характер письма не только в отношении употребления букв *ѣ* и *е*, но и вообще как в отношении графики и орфографии, так и в отношении проскальзывания одних и тех же черт произношения, остался без изменения. Поэтому наиболее вероятным мы считаем здесь предположение, что в данном случае на написаниях писца сказалось какое-то постороннее влияние. Характерно, что увеличение количества написаний *пре-* за счет *прѣ-* и *иде* за счет *идѣ* на первых двух-трех листах шло довольно медленно, на последующих же *пре-* и *иде* почти полностью вытеснили *прѣ-* и *идѣ*. Слово же *темница* по-прежнему писалось почти исключительно с *ѣ*.

Подводя итог сказанному выше, мы считаем:

1. В произношении первого писца Пролога (поскольку ему не было свойственно изменение «е» > [о]) этимологические «ё», «е», «ь»- сильный не различались даже в положении под ударением перед твердым согласным. Вопрос о том, было ли свойственно произношению писца позиционно обусловленное узкое произношение этимологического звука «ё» (при котором он произносился отлично от звука «е» и, может

[69] А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот, стр. 146.

быть, сближался с произношением звука [и]) должен быть оставлен до анализа написаний с буквой *и* вместо *ѣ* в слогах под ударением.

2. Поскольку произношению писца Пролога было свойственно аканье в широком смысле этого слова, написания с *е*(ь) вместо *ѣ* и *ѣ* вместо *е*(ь) в безударных слогах могут дать материал для суждения не о произношении писца, а лишь о его орфографических приемах.

3. Несмотря на то, что в живом произношении писца этимологические «ѣ» и «е» вообще уже не различались, он в общем довольно успешно следует общепринятым нормам орфографии. Многочисленные отклонения от этимологической нормы написания наблюдаются только в безударных слогах перед последующими мягкими согласными, т. е. в тех фонетических условиях, в которых совпадение произношения этимологических «ѣ» и «е» должно было наступить в первую очередь. То, что в этих условиях (особенно характерно в данном случае положение в ударенном слоге перед мягким согласным) писец не чувствует себя связанным принципом этимологической нормы, позволяет предполагать, что писец Пролога или, может быть, писец его оригинала, опирался при этом на какую-то орфографическую традицию, отражающую, по-видимому, ступень позиционного совпадения этимологических «ѣ» и «е». Каково происхождение этой орфографической традиции, т. е. представляет ли она явление собственно псковское или должна быть возводимой к орфографии оригинала (*-ов*) Пролога, мы сказать затрудняемся, хотя и считаем, что есть основание предполагать ее собственно псковский характер.

4. У нас нет данных говорить о существовании у писца Пролога (или у писца оригинала, если написания Пролога 1383 г. воспроизводят орфографию его оригинала) каких-то искусственных орфографических приемов при написании букв *ѣ* и *е*. Наблюдающиеся колебания в написании ь—*ѣ* в сочетании с *р*, *л* и *ц* нельзя расценивать как прием: вероятнее всего они свидетельствуют лишь о затруднениях писца в выборе той или иной буквы.

Что же касается тех слов, при написании которых писец особенно последовательно нарушал этимологический принцип орфографии (написания *тѣмница*, *повѣленик*, *звѣрь*; корней; *вед-* и *сед-*, аориста *идѣ* и т. д.), то поскольку количество этих слов очень ограничено, об особых «приемах» здесь вообще не может быть речи. По всей вероятности, орфографию этих слов следует объяснять тем, что писец считал общепринятым именно такое их написание.

Совершенно иначе у второго писца Пролога.

Написание *е* вместо *ѣ*

В корневых морфемах написания с *е* вместо *ѣ* в слоге под ударением перед твердым согласным представлены следующими примерами: по брегу 113,2; вероу 120,4; древо 113,4; -а 110,3; -у 116,4; млеко 103,3; светъ 118,4; семо 127,4. Перед мягким согласным:

бремени 102,2; бремѧ 109,1; времѧ 101,2 и т. д. всего 8 раз; на древѣ 104,3; семѧ 120,2.

Примеров обратного написания буквы *ѣ* вместо *е* в ударенных корневых морфемах у второго писца нет ни перед твердым, ни перед мягким согласным. Мы не относим сюда написание с *ѣ* слова игѣмонъ (оно всегда писалось вторым писцом только с буквой *ѣ*) и некоторых чужих имен собственных: до гагрѣя 129,3; галилѣискыхъ 100,3; кюринѣя 102,3; таоуромѣния 6,3; Ефрѣма 116,1 и т. д.[70]

Примеры написания в слогах под ударением буквы *е* вместо *ѣ* распадаются у второго писца на две совершенно определенные группы. Это или слова, содержащие замену *ѣ* на *е* в так называемых неполногласных сочетаниях (древо, млеко, бремѧ, времѧ), или слова, встречающиеся написанными с *е* вместо *ѣ* в ряде таких древнерусских памятников, писцы которых различали в своем произношении этимологические звуки «ё» и «е» (веру, семо, светъ)[71]. Появление в этих примерах буквы *е* вместо *ѣ* объясняют обычно более открытым, сравнительно с русским, произношением (чтением) буквы *ѣ* в старославянском языке[72]. Кроме того, появление *е* вместо *ѣ* в словах типа брѣгъ, может допускать еще и графическое объяснение: влияние буквы *е*, пишущейся в соответствующих русских полногласных формах[73].

Односторонний характер встретившихся у второго писца написаний с *е* вместо *ѣ* и полное отсутствие примеров обратной замены *е* на *ѣ* как перед мягким, так и перед твердым согласным, заставляет думать, что ударенные этимологические «ё» и «е» в произношении второго писца различались.

Если мы обратимся к написанию ударенных формальных морфем, то несмотря на то, что в них присутствует некоторое количество написаний с *ѣ* вместо *е*, общий характер этих написаний не противоречит выводу о различном произношении писцом ударенных этимологических «ё» и «е».

Написание *е* вместо *ѣ*

Перед мягким согласным: оумрети 123,3.

Перед твердым согласным: со всемъ домомъ 14,2; по всемъ градомъ 113,3; всехъ 111,4; 118,2.

В конечном открытом слоге: о гресе 125,2; во рве 119,1; къ себе 102,3; повеле 110,4; згоре 128,3.

---

[70] Относительно *ѣ* вместо *е* в именах собственных см. В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку, стр. 21. Несколько иначе Л. Л. Васильев. К истории звука *ѣ*, стр. 219—220.

[71] Л. Л. Васильев. Богдановский Златоуст, стр. 334—336.

[72] А. И. Соболевский. Лекции..., стр. 61; И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка. «Сб. ОРЯС», т. XLVI, 1889, № 4, стр. 44; П. С. Кузнецов. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров. «Докл. и сообщ. Ин-та русск. яз.», 1948, № 2, стр. 135.

[73] П. С. Кузнецов. К исторической фонетике..., стр. 136.

Написание ѣ вместо е

В ударенных формальных морфемах отмечено только в форме аориста: сретѣ 115,2 и дважды в окончаниях местн. п.: в слове сѣмъ 114,3 и манастырѣхъ 110,3[74]. Поскольку мы не встретили у второго писца примеров, позволяющих предполагать наличие в его произношении перехода «е» > [о], можно думать, что в слогах под ударением перед твердым согласным второй писец произносил звуки [о], [ĕ], [е] в полном соответствии с этимологией.

Сохраняя последовательность изложения, принятую нами при описании употребления букв ѣ и е на листах первого писца, остановимся здесь же на примерах нарушения вторым писцом этимологического принципа написания букв ѣ и е в безударных слогах[75]. В корневых морфемах:

Написание е вместо ѣ

Перед твердым согласным: вретено 132,2; слепо 108,2; стрегомы 21,4.

Перед мягким согласным: времена 117,3; -е 110,3; венец 23,2; възвести 118,4; извести 110,4; в гресе 125,2; ленивыи 128,4; в формальных морфемах: местн. п. ед. ч. на месте 102,1; в оужасе 110,2; в крите 111,4; в лахерне 131,1; при цр$\overset{\circ}{\text{и}}$ мчтльнемь 121,3; о прониривеи 119,1; в суффиксе глаголов: пожрети 99,3; 105,2 и т. д. — всего 10 раз[76]; видети 100,1; 100,2; 113,3; 123,2[77]; в суффиксе сравнит. степени: первыс 114,4.

Единственный пример написания ь вместо ѣ следует, по-видимому, вслед за А. А. Шахматовым[78–79] объяснять неразличением при копировании оригинала близких по начертанию букв ѣ и ь. Примеры написания е вместо ѣ в безударных слогах многочисленнее и лексически несколько разнообразнее, чем в слогах под ударением. Однако они не дают основания для заключения, что написания с е вместо ѣ отражают приближение или, может быть, даже совпадение в положении перед мягким согласным безударных этимологических «ĕ» и «е».

В случае даже позиционного совпадения этимологических «ĕ» и «е» следовало бы ожидать хоть небольшого количества также и примеров обратной замены буквы е на ѣ или, во всяком случае, большего

---

[74] О показательности написания этих форм для суждения о живом произношении писца см. Л. Л. Васильев. Богдановский Златоуст, стр. 329—334.

[75] Хотя аканье (в широком смысле) второму писцу свойственно не было.

[76] Написание жрѣти с ѣ не встретилось ни разу.

[77] Написание основы инфинитива глагола видѣти с ѣ встретилось только дважды: видѣти 101,3; 127,1.

[78–79] А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот, стр. 152.

разнообразия в примерах написания с *е* вместо *ѣ*. К тому же примеры написания *е* вместо *ѣ* приходятся главным образом на слова, характерные только для книжного обихода, и формы, которые могут быть объяснимыми за счет действия аналогии. Поэтому мы считаем, что в произношении второго писца Пролога этимологические «ѣ» и «е» различались во всех положениях в слове и, может быть, только несколько сближались в безударных слогах перед мягким согласным. Написания *ѣ* вместо *е* и *е* вместо *ѣ*, встретившееся у второго писца, мы в подавляющем большинстве случаев объясняем влиянием оригинала.

Написание буквы и вместо ѣ[80]

На листах первого писца отмечены следующие написания с буквой *и* вместо *ѣ* на месте ударенного этимологического звука «ѣ»: повелит. наклон.: *придите* 27,3; *не можите* 151,3; тв. п.: *предъ всими* 15,4; *с тимь* 15,1; дат. п. *ки оусѣчени* 14,3; *свирили* 16,3; *-ныя* 16,3; *свирилникъ* 3,4; *-у* 16,1; *смотрити* 69,1; *расмотривше* 87,3; *иминию* 25,4[81].

По своему характеру эти написания неоднородны.

Действием морфологических причин мы объясняем появление *и*: а) в формах повелительного наклонения *придите*, *не можити* — здесь, по-видимому, новая форма повелительного наклонения. Ср. современное «*придите*» и диалектное не «*могите*» и б) в творительном падеже местоимений[82]: *всими* — под влиянием *сими*, *ими*; *с тимь*[83] под влиянием *чимь*, *симь*, *имь*.

Написание с *и* инфинитива *смотрити* и причастия *расмотривше* также не показательно с точки зрения выявления фонетических особенностей произношения писца. Взаимодействие между глагольными основами на *-ити* и *-ѣти* отразилось во многих письменных памятниках не только русского, но украинского и белорусского языков[84].

---

[80] Анализируя выше написания с буквой *е*(ь) вместо *ѣ* и *ѣ* вместо *е*(ь), мы пришли к заключению, что буквы *е*(ь) и *ѣ* служили для первого писца Пролога различными способами передачи на письме одного и того же звука [е]. Однако для нас остался открытым вопрос, не были ли свойственны произношению первого писца случаи позиционно обусловленного узкого произношения этимологического звука «ѣ». Поэтому мы считаем необходимым отдельно рассматривать отмеченные у первого писца написания, смешивающие в слогах под ударенем буквы *и* — *ѣ* и *и* — *е*.

[81] Написания при дикы при 137,4 (дѣкии 38,4 и др.) и галѣлиискаго, мы относим к механическим опискам.

[82] Влияние мягкой разновидности местоимений на твердую находим мы и в современных псковских говорах. См. А. П. Евгеньева. Первая диалектологическая экспедиция ЛГУ. «Научный бюллетень ЛГУ», 1946, № 6.

[83] Твердость конечного *м* (см. о ней ниже) вообще исключает фонетическое объяснение этого примера.

[84] В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики севернорусского наречия, стр. 251. Е. Ф. Карский. Белорусы, т. III; К. Г. Голоскевич. Евсевиево евангелие 1283 г.

Что же касается написания *ки оусѣчени*, то в соответствии с тем, что писал о характере современного псковского ударения Н. Н. Соколов[85] вообще нельзя быть уверенным в том, что ударение в этой форме было в XIV в. наконечным, а если так, то приведение здесь этого примера возможно только при известной оговорке. К тому же несомненно, что в ряде случаев *и*, как окончание, представляет результат формального процесса: обобщение окончания «и», характерного для форм с предшествующим мягким согласным[86].

Особо должно быть оговорено написание буквы *и* на месте этимологического «ё» в слове *свирѣль* и производных от нее, имеющее соответствия почти во всех псковских памятниках.

На стр. 253 «Исследования в области фонетики севернорусского наречия» В. В. Виноградовым были суммированы встретившиеся в псковских памятниках примеры написания с *и* слова *свирѣль* и производных от нее. Создается впечатление, что написание этого слова с *и* после *р* встречается во всех псковских памятниках, при вообще очень редкой замене в них буквы *ѣ* на *и*. В отношении других псковских памятников мы не можем сказать, встречается ли это слово и производные от него написанными только с *и*, или же существует известное колебание в написаниях, то с *и* то с *ѣ*(*е*). Что же касается Пролога 1383 г., то мы можем с уверенностью сказать, что, встретившись в тексте 4 раза, и слово *свирѣль* и производные от нее были написаны только с *и*. По-видимому, написание *свирѣль* с буквою *и* было для орфографии псковских памятников определенной нормой, отражающей живое произношение этого слова.

Так как все разобранные выше написания с *и* вместо *ѣ* нельзя связать с позиционным изменением «ё» > [и], то и последний пример написания *и* вместо *ѣ иминию* мы также считаем появившимся в силу морфологических причин[87].

Если мы обратимся к показаниям большинства других псковских памятников[88], то окажется, что отмеченные в них очень малочисленные

---

[85] Н. Н. Соколов отмечал, что и в современных псковских говорах «ударение сохраняет свой северновеликорусский характер, однако чаще встречается бра́ла, спа́ла, бы́ла, принесе́на или прине́сена и др». (Н. Н. Соколов. Говор Псковской губернии. «Тр. МДК», вып. 8, стр. 154. О том же, см. К. А. Иеропольский. Говор деревни Савкино». «Изв. по русск. яз.», 1930, кн. 2, стр. 591). Л. А. Булаховский же предполагал, что древнерусское ударение в подобных формах было именно наконечным (Л. А. Булаховский. Исторический комментарий, стр. 238).

[86] А. М. Селищев. Н. Н. Дурново. Очерки по истории русского языка. (Рецензия). «Изв. ОРЯС»,т. XXXII, 1927, стр. 326.

[87] В. В. Виноградов относит написание *имине* к числу примеров, объясняемых «аналогией родственных образований» (Исследования в области фонетики севернорусского наречия. стр. 251—252).

[88] Примеры написания в древнепсковских памятниках буквы *и* вместо *ѣ* (независимо от положения слога по отношению к ударению) суммированы Виноградовым на стр. 248—250 «Исследований в области фонетики севернорусского наре-

примеры написания *и* вместо *ѣ*, во-первых, приходятся в значительном количестве случаев на безударные слоги, а, во-вторых, представлены (особенно в слогах под ударением) кругом одних и тех же слов и форм.

Древнепсковские памятники, с точки зрения написания в слогах под ударением букв *ѣ* — *и*, могут быть разбиты на несколько групп. В одних памятниках написания с *и* вместо *ѣ* оказываются представленными каким-то количеством примеров, в других — встречаются в строго определенном круге слов и форм, повторяющихся из памятника в памятник; в третьих — вообще отсутствуют. В различных псковских памятниках написания с *и* вместо *ѣ*[89] приходятся в подавляющем большинстве случаев на одни и те же слова (например, свирѣль, опрѣснокъ[90]) и формы. Это заставляет предположить, что хотя бы в некоторых из этих памятников написания с *и* вместо *ѣ* отражают не процесс фонетического изменения «ѣ» > [и], а произношение отдельных слов и форм.

Считаем, что к числу памятников, в которых написания с *и* вместо *ѣ* представлены у строго ограниченного круга слов и форм, следует отнести, помимо Пролога 1383 г., подавляющее большинство псковских памятников, описанных А. И. Соболевским, Н. М. Каринским, А. А. Шахматовым и др.

Наличие в Прологе 1383 г., равно как и в целом ряде других псковских памятников, написаний с *ѣ* вместо *е* в слоге под ударением

чия». Можем добавить к ним еще примеры, собранные нами из опубликованных описаний псковских памятников (приводим так же без учета места ударения), и указания на памятники, не содержащие примеров написания *и* вместо *ѣ*. Параклитик 1369 г. — смѣриимь; Параклитик 1386 г. — свириль; Псалтирь № 34 — въ всихъ, свѣдители, придъ нимь; Лукино евангелие — свѣдительство, -уить, свѣдитель: Типографская псалтирь № 35 — примеров нет; отрывок Евангелия XIV в. — примеров нет (А. И. Соболевский. Очерки из истории русского языка, стр. 120—141); Шестиднев, 1374 г. — примеров нет (Н. М. Каринский. Очерки из истории Псковской письменности и языка, стр. 45); Евангелие-Апракос XIV в. — Фарисиисции, куриниска, никии, исцѣлиить, всими (Б. А. Бандуров. РФВ, 1905, № 2, стр. 283); Псалтирь Fn № 1 — всим (А. И. Сорочан. Псалтирь № 1 как памятник древнерусского языка); Палея 1494 г. — оприсноки bis свирили, добриѥ, летити, на холми, оузри, -въ ревить; Палея 1477 г. — оприснокъ, оприсноки bis; Сборник Синодальной библиотеки 68/270 — лѣтити; Сборник Синодальной библиотеки 35/255, 1 часть — свирильники, свидительствующю, видиста; Погодинский список летописи — седили, сѣдити, велиле (?); Сборник Софийской библиотеки 1262 — възгреми, свирильми, свириль; свивиль (?), свѣдительствующю, свидительствуеть (Н. М. Каринский. Язык Пскова, стр. 20 — 133). Грамота Псковского князя Ивана Александровича — примеров нет (А. А. Шахматов. Грамота Псковского князя Ивана Александровича).

[89] Мы имеем в виду написания, не объясняемые аналогией родственных образований.

[90] Попытку объяснить орфографию этого слова см. у М. Корнеевой-Петрулан в работе «Лествица 1479 г. как памятник письменного языка Псковской области XVI в». («Slavia», R. X, seš. 1—2, 1931).

перед твердыми согласными и одновременное отсутствие в них убедительных примеров написания *и* вместо *ѣ* заставляет предположить открытый характер произношения их писцами этимологического «ě», и вместе с тем, отсутствие в произношении писцов изменения звука «ě» > [и].

К иным выводам пришел В. В. Виноградов, утверждавший в «Исследовании в области фонетики севернорусских говоров», что «за буквой *ѣ* большинства псковских памятников остается признать обозначение узкого [ê], которое подвергалось переходу в [и] при наличии благоприятствующих условий». К таким условиям В. В. Виноградов относил: «1) положение [ě] перед į, 2) перед слогом с гласным [и], 3) в конечном открытом слоге»[91].

Первым из условий, способствующих фонетическому изменению «ě» > [и], В. В. Виноградов считал положение «ě» перед [į]. Однако почти все приводимые им для иллюстрации этого положения примеры[92] приходятся или на слова *сияньѥ* (иѥ) — *сѣяниѥ*, встречающееся в таком написании не в одном, а в нескольких памятниках, или на безударный суффикс сравнительной степени -*ѣѥ* (причем, более 70% приведенных написаний приходится на форму сравнительной степени от корня *пьрв-*). Возможность существования аканья в говорах писцов псковских памятников XIV в. вынуждает относиться к написаниям в безударных слогах с большой осторожностью, так как их в равной мере можно объяснять и как отражение позиционно обусловленного процесса изменения «ě» > [и], и как отражение возможного аканья (в широком смысле этого термина). Поэтому, с нашей точки зрения, примеры, приводимые в данном случае В. В. Виноградовым, недостаточно убедительны, чтобы на основании их можно было делать заключение о наличии в большинстве древнепсковских говоров изменения этимологического «ě» > [и], вызванного влиянием последующего звука.

Что касается второго из указанных В. В. Виноградовым условий, способствующих изменению «ě» > [и] — положения звука «ě» в конечном открытом слоге, — то и сам В. В. Виноградов не исключал возможности того, что «здесь [и] может быть и не фонетического происхождения»[93], т. е. написания с *и* вместо *ѣ* в формах дательного и местного падежей, по мнению самого В. В. Виноградова, не могут быть признаны достаточно убедительным свидетельством в пользу того, что большинству говоров древних псковичей было свойственно позиционно обусловленное изменение «ě» > [и].

Наибольшего внимания заслуживают написания, на основании которых В. В. Виноградовым было сделано заключение, что третьим условием, способствующим изменению «ě» > [и], было положение эти-

---

[91] В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики. . ., стр. 247—248.
[92] Там же, стр. 248.
[93] Там же, стр. 250.

мологического «ѣ» перед слогом со звуком [и]. Примеры этой группы лексически более разнообразны и свыше половины их содержит написание *и* вместо *ѣ* в слоге под ударением. Впрочем, не следует забывать, что именно в слоге перед *и* легче всего могли проявиться случаи графически обусловленного написания буквы *и* (графическое влияние буквы соседнего слога); с другой стороны, если все-таки признать существование в произношении древних псковичей изменения «ѣ» > [и], то положение перед слогом с наиболее узким из гласных — звуком [и] — естественно, должно быть признано наиболее благоприятным для изменения «ѣ» > [и].

Мы не сомневаемся в том, что в отношении характера произношения звука «ѣ» в псковских говорах XIV в. единства не было. Отсюда и отсутствие единообразия в написании букв *ѣ—е—и* в памятниках древнепсковской письменности.

Мы не отрицаем возможности существования в произношении некоторых писцов-псковичей позиционно обусловленного перехода «ѣ» > [и]. Однако считаем, во-первых, что эта звуковая черта была свойственна лишь какой-то части псковских говоров, по всей вероятности говорам, соседящим с новгородскими[94], и, во-вторых, что и в произношении тех писцов, которым был свойствен переход «ѣ» > [и], этот переход проявлялся не последовательно, а только в отдельных морфологических категориях (в окончании дат., местн. п., может быть, суффиксе сравнительной степени) и в лексически ограниченном круге слов.

В произношении писца Пролога 1383 г. изменения «ѣ» > [и] вообще не происходило, что, впрочем, не исключает возможности того, что некоторые слова, например, свирѣль и, может быть, факультативно формы дат. местн. п. произносились им со звуком [и].

В пользу подобного соображения говорят и данные современных говоров. Н. Н. Соколов, обобщая данные о произношении звука «ѣ» в говорах бывш. Псковской губернии, писал: «Во всех говорах «ѣ» не переходит в *и* и звучит как *е*. Однако в окончаниях местного падежа на месте ударенного ѣ слышится иногда звук [и]: на руки, по зари (Холм. Великолукского уезда. Мат. VIII, стр. 106); на столи (Островский уезд. Мат. V, стр. 2); на окни, мни, теби (Живая старина, т. I, вып. 3, стр. 203);[95] ф катли, в двери, в ряки (А. И. Соболевский. Опыт русской диалектологии, стр. 44); оп теби, ко мни, на жирагли (Н. М. Каринский. Очерки по истории псковской письменности — говор Мды, стр. 34).

См. также свидетельство И. Е. Евсеева о произношении в псковских говорах форм предл. п.: «Предложный пад. муж. и ср. р.: об

---

[94] Может быть даже не все памятники, на написания которых опирался В. В. Виноградов, могут быть с бесспорным основанием отнесены к памятникам древнепсковской, а не новгородской письменности.

[95] Н. Н. Соколов. Говоры Псковской губернии. РФВ, 1917, № 2, стр. 153.

отци, па окни, и пр., ѣ в этих случаях положительно неизвестно». (Живая старина, т. I, вып. 3, стр. 203). О произношении в современных акающих псковских говорах независимо от места ударения, в формах дат.-местн. п. звука [и] писала также А. П. Евгеньева[96].

Мы затрудняемся сказать, следует ли видеть в написаниях *свирильник*, *ки оусѣчени* и т. д. отражение древней, может быть некогда последовательно проводимой черты[97], или произношение этих слов (и форм) представляет собой заимствование из тех новгородских говоров, в которых оно является единственно возможным. Сложные условия исторического развития древнего Пскова уже сами по себе предполагали отсутствие диалектного единообразия на его территории. Те древнепсковские памятники, в которых отсутствовала замена *ѣ* на *е* в слоге под ударением перед твердой согласной, и наоборот, присутствовали написания с *и* вместо *ѣ*[98], (которые не могут быть объяснены за счет причин нефонетического порядка) следует считать отразившими те псковские говоры, которые были территориально близки к Новгороду. Другие памятники, для которых, как и для Пролога 1383 г., характерна замена *е* на *ѣ* даже в слоге под ударением перед твердым согласным, а написания с *и* вместо *ѣ* встречаются у строго определенного круга слов и форм, следует признать отражающими те из древнепсковских говоров, которые территориально оказывались расположенными ближе к Смоленску и Полоцку.

Возможно, что близость части псковских говоров к говорам новгородским обусловлена не только территориальной смежностью и продолжавшейся довольно долго общностью политической жизни Новгорода и Пскова[99], но и восходит к еще более глубокому прошлому. Сложная политическая история Пскова и целый ряд этнических перегруппировок, имевших место на территории Псковщины, затемнили генезис древнепсковских говоров. Тем не менее можно предполагать, что близость части древнепсковских говоров к говорам новгородским восходит еще к эпохе племенного деления и объясняется тем, что через Псковщину проходила граница территории ильменских словен и кривичей[100], т. е. что какие-то из древнепсковских говоров могли даже по своему происхождению быть близки к говорам новгородским. Раскопки на территории Пскова показали, что в одних случаях, вещи, находившиеся в псковских курганах, как то: шейные гривны, фибулы, пряжки, поясные кольца и т. д. по своему типу

---

[96] А. П. Евгеньева. Первая диалектологическая экспедиция ЛГУ, стр. 82.

[97] Т. е. отражение фонетически обусловленного изменения «ѣ» > [и].

[98] Мы все время говорим о слогах под ударением, так как написания с *и* вместо *ѣ* в безударных слогах могут быть в большинстве памятников отнесены за счет аканья их писцов.

[99] Близость к Новгороду могла, между прочим, предполагать и чисто книжное влияние новгородских оригиналов и новгородских правил орфографии.

[100] Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, М., 1949, стр. 35.

очень сходны с вещами, найденными в Люценском могильнике Витебской области, в других — по типу более подходят к вещам, находимым в могильниках южного Приладожья[101].

Выясняя в соответствующем разделе характер произношения первым писцом Пролога этимологического звука «ѣ», мы пришли к выводу, что звук «ѣ» произносился писцом открыто и совпадал с произношением звука «е» даже в положении под ударением перед твердым согласным. Однако окончательное решение вопроса о том, совпадало ли произношение ударенных этимологических «ѣ» и «е» во всех положениях в слове или существовали положения, в которых произношение «ѣ» совпадало с произношением звука [и], возможно лишь в результате анализа написаний с *и* вместо *ѣ*, встретившихся в слоге под ударением. Возвращаясь снова к этому вопросу, мы можем признать для первого писца Пролога полное совпадение произношения этимологических «ѣ» и «е» во всех положениях в слове. Немногие случаи написания буквы *и* на месте этимологического ударенного «ѣ» этому противоречить не могут, так как или приходятся на произношение отдельных слов и форм, или могут быть объясняемы вне связи с изменением «ѣ» > [и].

На листах второго писца отмечены следующие примеры написания *и* вместо *ѣ*:

тв. п. *всим* 125,2; дат. п. *всимъ* 100,1; *повишьше* 121,3; на *обидѣ* 119,1; *посреди* 126,2. По поводу двух первых мы уже говорили, разбирая характер написаний с *и* вместо *ѣ*, встретившихся на листах первого писца.

Что же касается написания буквы *и* в *повишьше*, то существование наряду с вѣшати так же висѣти (виснути) и производных от них делает уместным предположение о смешении корней глаголов вѣшати и висѣти (виснути). Большего внимания заслуживают написания *на обидѣ* и *посреди*[102]. Однако малочисленность написаний, содержащих *и* вместо *ѣ*, и то, что в первом из них *и* написано на месте *ѣ* перед слогом с последующим *ѣ*[103], обязывает нас к известной осторожности.

Поэтому окончательное заключение о том, было ли свойственно второму писцу Пролога позиционное совпадение этимологических «ѣ» и «и», мы оставляем до анализа написаний с *и* вместо *ѣ* в слогах безударных[104]. Но исходя из сделанного нами выше заключения о том, что произношению второго писца было свойственно различение этимо-

---

[101] Ф. А. Ушаков. Псковский городец и Мирож, как места первых псковских поселений. Псков, 1902.

[102] Следует отметить, что форм, образованных от *средь*, мы в Прологе не встретили, написание же *посредѣ* встретилось у второго писца семь раз.

[103] Написания с *и* вместо *ѣ* отмечались в псковских памятниках обычно в слогах перед [j], [и] или в конечном открытом слоге.

[104] Выше мы уже указывали, что у нас нет оснований предполагать, что аканье (в широком смысле термина) было свойственно второму писцу Пролога.

логических «ě» и «е», мы в праве предположить, что этимологическое «ě» могло в каких-то условиях произноситься писцом более узко, как звук близкий, а может быть, даже совпадающий с [и].

Написание буквы ѣ вместо и

На листах первого писца Пролога примеров написания в слогах под ударением буквы ѣ вместо *и* не отмечено.

На листах второго писца отмечен один пример написания с ѣ вместо *и*: *сыновѣ тажьци и злѣ входать* 127,4.

Замена *и* через ѣ в некоторых морфологических категориях, и, в том числе, в именительном падеже множественного числа, указывалась в свое время В. В. Виноградовым в качестве одной из характерных черт новгородских памятников. В. В. Виноградов видел в подобных написаниях отражение «перехода i > ě (i^{e}, e^{i})... который стоит в связи с произношением первоначального ě как i^{e} или ê^{i} по крайней мере в безударном положении — в части говоров, в другой — во всяком положении»[105]. Не пытаясь разбираться в генезисе этого явления[106], мы должны отметить, что признание этих написаний за отражение фонетического изменения конечного «и» > [ě] должно находиться в противоречии с предполагаемым для этих говоров изменением конечного «ě» > [и]. Поэтому мы предпочитаем для этого написания морфологическое объяснение, предложенное в свое время А. И. Соболевским (и частично разделяемое А. А. Шахматовым). Написание с ѣ вместо *и* в форме именительного падежа множ. числа мужского рода интересно тем, что сближает листы второго писца с памятниками, в написании которых отразилось узкое произношение этимологического «ě», т. е. памятниками новгородскими или теми из псковских памятников, которые по своему характеру были близки к новгородским. В таком случае написания с *и* вместо ѣ в *повишьше* и *на обидѣ*, сомнительность которых возрастала в силу их исключительного положения, при сопоставлении их с аналогичными написаниями новгородских памятников[107], приобретают более убедительный характер.

---

[105] В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики севернорусского наречия, стр. 239.

[106] Замена *и* на ѣ (главным образом в слогах безударных) получила широкое и противоречивое освещение в соответствующей литературе. См. А. И. Соболевский. Исследование в области русской грамматики, стр. 30; А. А. Шахматов. Исследование в области фонетики, стр. 240—252; его же. Несколько заметок о языке псковских памятников, стр. 145—150; Е. Ф. Будде. К истории великорусских говоров. Казань, 1896; Л. Л. Васильев. Богдановский Златоуст, стр. 336.

[107] Примеры замены ѣ на *и* в положении под ударением перед мягкой согласной изобилуют во многих новгородских памятниках. См. В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики..., стр. 183—198; А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV вв; его же. Исследование о двинских грамотах т. д.

Написание буквы и вместо е(ь)

На листах первого писца отмечены следующие написания с буквой *и* вместо *е* на месте этимологического звука «е»: им. п. *створини* 15,4; вин. п. *вси имениѥ* 136,4. Сюда же, по-видимому, следует отнести *дни | вныя*[108] *пищта недостоинъ ѥсть*,

Что касается встретившегося дважды *паде на лици* 3,2; 62,1, то здесь, по всей вероятности, не *и* употреблено вместо *е*, а имеется иное падежное управление. Ср. *паде на земли* 78,3; *дети повьржени на земли* 157,2; *на земли повръшти тѣло* 142,2 и т. д.

В «Очерках» А. И. Соболевским был указан еще один пример написания в Прологе 1383 г. буквы *и* вместо *е*: *предаимсѧ* 53. По-видимому, здесь вкралась какая-то ошибка, так как ни на листе, указанном А. И. Соболевским, ни на других листах, подобного написания нет.

По-видимому, *и* в существительном *створинии* или появилось под влиянием форм глагола *творити*[109], или представляет собой описку, объясняемую графическим влиянием гласной соседнего слога. Графическими же описками являются так же и два остальных написания — *вси имениѥ* и *дни | вныя*. Для *днивныя* не исключена, кроме того, возможность насуффиксального ударения. Таким образом, ни одно из приведенных написаний не может свидетельствовать о каких-либо особенностях в произношении первым писцом Пролога ударенного этимологического «е»[110].

Не характерны написания с *и* вместо *е* в слоге под ударением и для других древнепсковских памятников[111], равно как неизвестно ни одного современного говора, в котором на месте этимологического ударенного «е» произносился бы звук [и].

На листах второго писца написания с *и* вместо *е* вообще не отмечены.

Написание буквы е(ь) вместо и

На листах первого писца отмечены следующие написания буквы *е* вместо *и*: *свѣтелникъ* 43,4; *съ друженою* 80,1; *идолослужетели* 8,2; 10,1; 23,3.

[108] Словарь церковнославянского и русского языка 1867 г. указывает на возможность как наконечного, так и насуффиксального ударения.

[109] О влиянии инфинитивов см: В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики севернорусского наречия, стр. 251.

[110] Графическое объяснение, предложенное А. А. Шахматовым для немногих, встретившихся в псковских памятниках примеров написания в этих условиях *и* вместо *е* см. А. А. Шахматов. Несколько заметок о языке псковских памятников. ЖМНП, 1909, № 7, стр. 147.

[111] Мы имеем в виду древнепсковские памятники, описанные А. И. Соболевским, Н. М. Каринским, А. А. Шахматовым, Бандуровым и т. д. (Встретившееся в Палее 1494 г. написание насилници Н. М. Каринский объяснял как описку «Язык Пскова», стр. 20).

В встретившихся дважды *молдште дътше* 119,1 и *на дъште* 49,1 буква *е* написана, по всей вероятности, не вместо *и*, а вместо ѣ[112]. Непоказательными с точки зрения отражения особенностей фонетической системы писца считаем мы написание с *е* вместо *и* чужих имен собственных: *тривуна каленика* 38,2 и *кпа коренфа* 22,3.

Написание *свѣтильникъ* с суффиксальным *е* встретилось не только в Прологе 1383 г., но и в Параклитике 1369 г. свѣтелника; дважды в Параклитике 1386 г. свѣтелника 35, свѣтелник 51[113]; в Палее 1494 г. на свѣтелници 19; в евангелии Типограф. библ. № 35 свѣтѣлник 90[114]. Написание друженою имеет соответствие в Погодинском списке псковской летописи — дроуженою[115].

Написание с буквою *е* суффикса -«*ил*»- отмечено в псковских памятниках не только в слове *свѣтилникъ*, но и в аналогичных образованиях от других корней: Параклитик 1386 г. вместилищѣ[116] 68,103; Параклитик 1369 г. кадельница 361[117]; Евангелие-Апракос XIV в. кадельного[118].

Аналогичные примеры на написание с *е* суффикса -«*ил*»- приводит В. В. Виноградов из новгородских памятников: кадѣлничею 145 Погодинский список летописи № 14; кадельницею 5 Псалтирь Публичной библиотеки Fп № 4; свѣтѣльникъ 26, Псалтирь Синодальной библиотеки № 50/30 и др.[119]

Не подлежит сомнению, что в соответствующих написаниях псковских памятников мы имеем дело с отражением своеобразного произношения гласного звука в этимологическом суффиксе -«ил»-. В нашем распоряжении нет данных о произношении этого суффикса в современных псковских говорах[120]; что же касается некоторых севернорусских

[112] На *дъште* = *на дъсцѣ* аналогичное написание встретилось также в Ипатьевской летописи. В «Исследовании в области русской фонетики» А. А. Шахматов указывает, что смешение *сц* и *шт* изредка встречается и в двинских и в новгородских памятниках (стр. 233). Однако в «Несколько заметок о языке псковских памятников» А. А. Шахматов приводит этот пример среди других «графических» написаний с *ѣ* вместо *и* (стр. 118).

[113] А. И. Соболевский. Очерки из истории русского языка..., стр. 126, 133.

[114] Н. М. Каринский. Язык Пскова, стр. 20; В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики севернорусского наречия, стр. 254.

[115] Н. М. Каринский. Язык Пскова, стр. 86. Н. М. Каринский в свое время сомневался в фонетическом характере этого написания («Переход *и* в *е* под ударением в слове друженою едва ли фонетический»). Наличие же аналогичного написания в другом псковском памятнике — Прологе 1383 г. исключает возможность отнесения этих написаний к числу случайных.

[116] А. И. Соболевский. Очерки из истории русского языка, стр. 133.

[117] Там же, стр. 126.

[118] Б. А. Бандуров. Евангелие-Апракос как памятник древнерусского языка, стр. 222.

[119] В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики севернорусского наречия, стр. 222.

[120] Или, вернее, отсутствие особых указаний на характер произношения этого суффикса, скорее всего свидетельствует о том, что в современных псковских говорах он произносится в соответствии с этимологией.

говоров, то подобное произношение суффикса «-ил-» наблюдается в них и поныне[121]. При этом, по-видимому, как и в глубокой древности, так и в современных говорах, произношение этого суффикса со звуком [е] не носит последовательный характер и, вероятнее всего, проявлялось лишь у определенного круга слов. (См. лексическое совпадение примеров из псковских и новгородских памятников.)

Написание с *е* суффикса «-ин-»: *друженою* предполагает точно такое же объяснение, как и написание с *е* суффикса «-ил-»[122].

Написание с буквой *е* суффикса слова *дружина* отмечено еще и в Погодинском списке псковской летописи. Других примеров написания с буквой *е* этимологического суффикса «-ин-» в псковских памятниках не отмечено. Значительно чаще и у более разнообразного круга слов встречается написание с *е* суффикса «-ин-» в новгородских памятниках[123]. Причем в новгородских памятниках написание с *е* суффиксов «-ил-», «-ин-» было частным случаем по отношению к другим довольно многочисленным примерам написания буквы *е* на месте этимологического «и», за которым следовали звуки [л] и [н]. В памятниках же псковских написания с буквой *е* на месте этимологического «и», за которым следовали [л], [н], встретились только в одном конкретном случае: написание суффиксов «-ил-», «-ин-». Кроме того, в новгородских памятниках сравнительно часто встречались написания с *е* вместо *и* и в положении перед последующим [р][124]. Ни в Прологе, ни в других псковских памятниках подобные написания не отмечены[125].

Поэтому, если применительно к новгородским памятникам В. В. Виноградов говорил об отразившемся в них переходе звука «и» > [е] перед [р], [л], и [н], проявлявшемся независимо от ударения[126], то мы, применительно к псковским памятникам, и в частности к описываемому нами Прологу, можем говорить не об отражении определенного звукового процесса (пусть даже и непоследовательно проявляющегося), а о произношении со звуком [е] ударенных этимологических суффиксов «-ил-», «-ин-».

Поскольку же в псковских памятниках этимологические суффиксы «-ил-», «-ин-» оказывались написанными с буквой *е* всегда у одних и

---

[121] В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики..., стр. 238.

[122] Замечание об этом написании см. в работе Н. М. Каринского «Язык Пскова», стр. 81.

[123] В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики..., стр. 237. Примеры из современных севернорусских говоров см. там же — стр. 237, из памятников — стр. 221—222.

[124] Соответствующие примеры как из памятников, так и из современных говоров суммированы А. А. Шахматовым в «Очерках», стр. 250—251, см. также В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики..., стр. 237.

[125] За исключением смереши в Лукином Евангилии.

[126] В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики..., стр. 235—237. На расширение узких гласных перед *л* впервые было указано Л. Л. Васильевым («Богдановский Златоуст», стр. 333).

тех же слов[127], считаем наиболее вероятным предположить, что и в данном случае мы имеем дело с отражением произношения отдельных слов, заимствованных в таком произношении из говоров новгородских или, может быть, из той части псковских говоров, которая была особенно близка к новгородским говорам[128].

Несколько особняком стоит написание с *е* слова *идолослужетель*[129]. В отличие от двух предшествующих написаний (свѣтельникъ и друженою), имевших не только фонетико-морфологические, но даже и лексические соответствия в других памятниках, написание *идолослужетель* оказывается изолированным по отношению ко всем встретившимся в псковских памятниках примерам написания *е* вместо *и* в слоге под ударением[130]. Нет ему соответствий и в написаниях новгородских памятников[131]. Предположить, что здесь описка, вызванная влиянием гласной последующего слога, нельзя, так как написание этого слова с *е* встретилось в Прологе трижды. Отнести это написание за счет южнославянского влияния также нельзя, как в силу только что указанной причины, так и потому, что замена *и* на *е* в слогах под ударением не характерна ни для болгарских, ни для сербских памятников. Нет следов подобной замены и в памятниках будущего украинского и белорусского языков. Считать эти написания результатом графической мены *е — и*, якобы свойственной псковским писцам[132], также не пред-

---

[127] В свое время Н. М. Каринский уже обращал внимание на то, что немногочисленные примеры написания в слогах под ударением *е* вместо *и* одни и те же в памятниках XIV и XV вв. («Язык Пскова», стр. 200).

[128] Можно, конечно, предполагать не заимствование, а сохранение в остаточном состоянии когда-то бывшей фонетической черты.

[129] *Идолослужитель* и производные от него, написанные в соответствии с этимологией, встретились в Прологе 19 раз.

[130] Для сравнения приводим написание с *е* вместо *и*, отмеченные в псковских памятниках в слогах под ударением. Параклитик 1369 г. кадельница, свѣтелника; Параклитик 1386 г. свѣтелникѣ, -а, каделнице, въместелище bis. Лукино евангелие смереши; Евангелие-Апракос XIV в. каделного, ище, принесе, род. п. обуве; Палея 1494 г. на свѣтелници; Погодинский список Псковской летописи дружьною.

[131] Написаний с буквой *е* nomina agenta, образованных при помощи суффикса *-тель* от глаголов IV класса, мы не встретили ни в одном из имеющихся в литературе описаний. См. А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот; его же. Исследование о двинских грамотах; Б. М. Ляпунов. Исследование о языке синодального списка 1 новгородской летописи; В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики севернорусского наречия и др.

[132] А. А. Шахматов. Несколько заметок о языке псковских памятников, стр. 147—150. Мы отрицаем возможность видеть (подобно тому, как это предполагал А. А. Шахматов) в мене *и — е* в слогах под ударением «отражение искусственных графических приемов по той или иной причине полюбившихся псковским писцам». Подобный «графический прием», да к тому же еще «полюбившийся», если бы он действительно был свойственен писцам псковских памятников XIV в., должен был бы реализоваться не в одном—двух несхожих между собой примерах, а предполагать некоторое количество однотипных написаний. А раз подобные написа-

ставляется возможным: будь она действительно свойственна писцу Пролога, мы могли бы ожидать гораздо большего количества случаев ее проявления.

Нет также и данных предполагать, что ударение в слове *идолослужитель* приходилось некогда на [у] или было наконечным, т. е., что написание *е* вместо *и* связано с неразличением в произношении писца безударных гласных. Может быть, следует поставить написание в этом слове *е* вместо *и* в зависимость от предшествующего шипящего и видеть в написании *идолослужетели* отражение какой-то особенности произношения писца, связанной с особым произношением им мягких шипящих?

У второго писца написания с *и* вместо *е* в слоге под ударением встретилось в следующих случаях: *каленикъ* 129,3; *Ѿцю* заповѣдь *прикмъ свѧза оукнѵ*; *сами не скорбемъ* 114,4.

В отличие от текста первого писца, в котором имя *каленикъ* встретилось лишь однажды написанным с *е*, в тексте второго писца это имя встретилось три раза: дважды написанным с буквой *и* (*калиника* 129,3; 129,3) и один раз с *е*.

Мы затрудняемся сказать, следует ли видеть в написании каленикъ отражение особенности произношения писца — открытого произношения звука [и] в положении перед последующим звуком [н] — или же здесь перед нами обычное колебание написаний при передаче звукового состава чужих имен собственных.

Причину появления к в причастии прошедшего времени *приимъ*, если только это не описка, следует, по-видимому, искать в морфологии. Возможно, что мы имеем здесь дело с образованием причастия прошедшего времени от основы настоящего времени или смешение форм от *имамъ* и *кмлю*.

Для *скорбемъ* можно предположить, по всей вероятности, влияние другого спряжения, т. е., что буква *е* появилась в этой форме под влиянием глагола типа жалѣти. Этимологически правильное употребление писцом букв *е* и *ѣ* не дает нам основания связывать написание *скорбемъ* с довольно часто встречающимся в новгородских памятниках написанием *хотѣмъ*; *возненавидѣмъ* — 182 Сборник Погодинского списка летописи № 872 и др.[133]

Мы считаем, что написания с *е* вместо *и*, встретившиеся у второго писца Пролога, не дают основания видеть в них отражение какого-либо позиционного сближения ударенного «е» с [и].

ния не засвидетельствованы ни в одном из псковских памятников XIV в. (см. «Очерки» А. И. Соболевского; «Евангелие-Апракос» Б. А. Бандурова; Псалтирь Fn № 1, А. И. Сорочан; «Псковский Шестоднев 1374 г.» Н. М. Каринского и др.), то само выражение «прием» оказывается неуместным.

[133] В. В. Виноградов. Исследование в области фонетики севернорусского наречия, стр. 221.

Написания букв (е), ѣ, ѥ вместо а, ѧ, ѩ

Примеров написания в слоге под ударением букв *е*, ѥ, *ѣ* вместо *а*, ѧ, ѩ мы у первого писца Пролога не встретили. (Конечное *е* в форме *до земле* 2,3 считаем написанным на месте буквы *ѣ*)[134].

На листах второго писца Пролога также не отмечено ни одного примера написания букв *е*, ѥ, *ѣ* на месте букв *а*, ѧ, ѩ.

Написания букв а, ѧ, ѩ вместо е(ь), ѣ

Написания с *а*, ѧ, ѩ вместо *е*, (ь) *ѣ* в слоге под ударением представлены у первого писца следующими примерами[135]: *не отрини менѧ* 41,2; *оружиѥ своѩ* 37,1; *не на лица судѧштаго* 151,4; *посредѧ огнѧ* 92,2. Объединяющим для всех них является их положение в конечном открытом слоге. Тем не менее они по своему характеру не однородны и не могут рассматриваться в общей связи друг с другом. Написания *не отрини менѧ* и *оружиѥ своѩ* предполагают морфологическое объяснение; *не отрини менѧ* — морфологическое новообразование[136], *оружиѥ своѩ*[137] — не раз отмечавшееся в древнерусской письменности употребление при собирательном существительном определения во множественном числе[138].

Написание буквы *а* в *не на лица судѧштаго* может быть обязано своим появлением как отрицанию, так как и самому контексту, в котором речь шла о многих мучителях и, кроме того, не исключена возможность энклизы. С другой стороны, нужно отметить, что и в других псковских памятниках встречается в слове лице как напи-

---

[134] Ср. встретившиеся у писца Ѳ лѣствицѣ 81,3; ис темницѣ; от мтре ѥлинынѣ 6,1 и т. д.

[135] К числу механических описок относим: невѧдѧ/ште яко мртвъ ѥсть и оуслышю вопль ихъ и разнаваюсѧ 156,1, а также написание на всѧ/мь местѧ влад͡ствия ѥго 80,3, в котором мы имеем не ѧ, написанное на месте *ѣ*, а пропущенный из-за перехода на другую строку слог *-ко-*, должно быть на всѧкомь местѧ. В написании *и р͡се сица б͡сы мнихъ* мы имеем *а*, написанное, по-видимому, на месте графического ь.

[136] См. А. И. Соболевский. Исследование в области грамматики, стр. 61—62; его же. Лекции..., стр. 184, а также И. В. Ягич. Критические заметки по истории русского языка, стр. 49.

[137] ѩ вместо ѥ могло появиться также под влиянием многочисленных случаев смешения конечных ѹ—ѥ в слогах безударных.

[138] Об употреблении при собирательных существительных не только сказуемого, но и определений во множественном числе см. А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. III. Воронеж, 1889, стр. 28—29; А. И. Соболевский. Лекции..., стр. 219—220; В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот. Львов, 1949, стр. 37—40; В. В. Виноградов объяснял подобные написания иначе, а именно «переходом слов среднего рода в женский как последствие аканья» («Исследования в области фонетики...», стр. 377).

сание *а* вместо *е*, так и *е* вместо *а*[139]. Имеет соответствие в других псковских памятниках так же и написание *посредѧ огнѧ*[140] (образования от средь в Прологе не отмечены).

В древнепсковских памятниках, отразивших следы так называемого второго южнославянского влияния, редкие примеры написания букв *а*, ѧ, ѣ, вместо *е*, ѣ могут, конечно, иметь чисто графическое объяснение (механическое копирование оригинала). Поскольку же Пролог 1383 г. следов второго южнославянского влияния не содержит, отмеченные в нем (и других сходных с ним древнепсковских памятниках) случаи смешения в слогах под ударением букв *а*, ѧ, ѣ и *е*, ѣ должны предполагать или фонетическое или морфологическое объяснение[141]. О графических приемах мы не говорим, поскольку единичность указанных написаний делает неуместным сам вопрос о существовании особых графических приемов.

Сложные этнические взаимодействия, имевшие место на Псковщине, могли послужить причиной появления не только характерного для Псковщины цоканья и особой шепелявости, но и наложить известный отпечаток на систему псковского вокализма. В частности, на произношение конечных гласных «а», «е» в положении после мягких согласных[142].

У второго писца Пролога нет примеров написания *а*, ѧ, ѣ вместо *а*(ъ), ѣ.

Других примеров (смешивающих в слогах под ударением буквы, обозначающие на письме гласные звуки), в которых можно было бы хоть в какой-либо мере предполагать отражение особенностей произношения писца, мы в Прологе не встретили.

Приводимые А. И. Соболевским примеры написания в слогах под ударением буквы *а* вместо *о* и *о* вместо *а*[143] мы считаем механическими

---

[139] Мы полностью приводим все отмеченные в псковских памятниках примеры написания с *е* вместо *а* и *а* вместо *е* в ударенном конечном слоге после шипящих *ч* и *ц*: им. п. мн. ч. овцѣ bis Софийский сборник 1262; им. п. мн. ч. лицѣ Типографская псалтирь XIV; им. п. мн. ч. срⷭ̀дце ваша, ешта Типографская псалтирь XIV: ешта Лукино евангелие 1409 г.; им. п. ед. ч. лица Сборник Чудова монастыря 255; еща Софийский сборник 1272; зват. п. творца Сборник Чудова монастыря 255.

[140] При костромѧ — запись Параклитика 1389; о будоуштимъ огнѧ — Сборник Чудова монастыря 270; на синии рѣкѧ — Погодинский список летописи 1413; при црⷭ̀ѧ — Палея 1494 г. и др. Может быть здесь же следовало рассматривать и упомянутое выше *не отрини менѧ*.

[141] В крайнем случае быть связанными с произношением отдельных слов.

[142] Поскольку этнические взаимодействия, имевшие место на Псковщине, следует относить исторически к очень отдаленной (даже для XIV в.) эпохе, естественно предположить, что интонационно-тоническая система была в то время иной, а поэтому понятие ударенного или безударного слога к ней вообще не приложимы.

[143] А. И. Соболевский. Очерки из истории русского языка, стр. 128.

описками, вызванными графическим влиянием гласной буквы соседнего слога.

Встретившееся у первого писца написание *кораблю пулну добра* 113,3 можно объяснить и как руссифицированный сербизм, и как механическую описку.

Употребление букв, обозначающих гласные звуки в безударных слогах после твердых согласных

Написание буквы а вместо о

Написания с буквой *а* вместо *о* представлены у первого писца довольно значительным количеством примеров.

В первом предударном слоге написания с *а* вместо *о* отмечены в следующих случаях: *пасла к нему* 11,2; *Ѿазвасѧ* 13,1; *Ѿаслаты* 81,1; *страгаша*[144] 12,1; *побѣды гадина* 40,1; *масквy* 98,4.

Мы имеем написание буквы *а* как на месте этимологического звука «о», так и на месте этимологического «ъ» (сильного). При этом написания буквы *а* вместо *о* встречаются не только перед слогом с последующим звуком [а], но и перед слогом с другими гласными.

Не исключена возможность того, что в каком-нибудь из примеров, содержащих *а* в последующем слоге, появление буквы *а* вместо *о* могло быть вызвано причинами графическими. Тем не менее, мы считаем возможным утверждать следующее;

1. Написания в первом предударном слоге с буквой *а* вместо *о* свидетельствуют о том, что писец произносил в первом предударном слоге звук «о», как [а], т. е. что произношению писца было свойственно аканье в узком смысле этого термина.

2. В первом предударном слоге звук [а] на месте «о» произносился писцом вне зависимости от того, был ли под ударением гласный нижнего или верхнего подъема. (В этом отношении особенно показательно написание *гадина*, так как написание имени собственного *масквy* могло отражать фонетику не псковского говора).

3. Отсутствие в Прологе примеров написания в первом предударном слоге буквы *а* вместо *о* в тех случаях, когда под ударением были звуки среднего подъема ([о], [ɵ]), может быть, указывает на то, что произношению писца было свойственно ассимилятивное оканье при аканье.

А. П. Евгеньева, описывая современные северо-западные псковские говоры (которым лишь сравнительно недавно стало свойственно аканье), отмечает в качестве очень распространенной в них черты, ассимиляцию безударных гласных гласному, находящемуся в слоге под ударением[145].

---

[144] Сюда же можно бы отнести и написание *страганъ* 7,4, но мы не уверены, что ударение было в этой форме наконечным.

[145] А. П. Евгеньева. Вторая диалектологическая экспедиция. «Вестник ЛГУ», 1946, № 4—5, стр. 239.

Причем, приводимые автором примеры по своему характеру полностью совпадают с теми, которые были отмечены у первого писца Пролога.

Что же касается встретившихся в первом предударном слоге написаний: *изнемагаюшта* 37,2; *покарѧтисѧ* 43,1; *покланенiѥ* 42,4; 43,1; -*тѣ*15,3; *въпраша* 21,1; -*ти* 22,3; -*хъ* 16,2; *разарѧюшта* 8,3; *свабажѧтсѧ* 142,3; *оугажаѧ* 3,3; *оупаваюштаго* 87,3; *оукарѧю* 137,4; -*ѥми* 4,1; -*имъ* 10,3, то, поскольку подобные написания отмечались и в памятниках, не отразивших никаких следов аканья[146], мы считаем более вероятным связывать написание в них буквы *а* с присущим им всем оттенком итеративности (что, конечно, не исключает возможности того, что какое-нибудь из этих написаний могло появиться в результате произношения писцом звука [а] на месте этимологического «о»).

Во втором предударном слоге отмечены два написания с буквой *а* на месте «о»: *дасажѧть* 137,4; *прабабнаѧ клѧтва* 142,3, в которых в равной мере можно видеть как отражение характера произношения писцом звука «о» во втором предударном слоге, так и типичную для писца механическую описку, так как и в том и в другом слове подряд оказывается употребленной по нескольку раз буква *а*.

В заударных слогах написания с *а* вместо *о* отмечены в окончании тв. п. ед. ч.: *дьяволамъ прельштена* 12,2, а также в конечном открытом слоге в форме им. п. ед. ч.: *вино* и *мѧса* 9,3 и в форме наречия: *и скора лютѣи напасти преданъ бы* 93,4.

Отмеченные у первого писца написания с буквой *а* вместо *о* в остальных безударных слогах (т. е. в слогах помимо первого предударного) только подтверждают наше заключение о наличии аканья в произношении первого писца Пролога.

У второго писца Пролога отмечен только один пример написания в первом предударном слоге буквы *а* вместо *о*: *дастасѧ кмоу криле не огненѣ* 118,3. Других примеров написания *а* вместо *о* как в первом предударном, так и в других безударных слогах у второго писца не отмечено.

Единичный характер написания *а* вместо *о* не позволяет нам делать на основании его заключения о том, что в первом предударном слоге на месте звука «о» писец произносил звук [а].

К тому же характер написания делает очень вероятным предположение об описке.

Написание буквы о вместо а

У первого писца отмечен только один пример написания буквы *о* вместо *а*: *тотари* (запись), полностью подтверждающий высказанное выше предположение о том, что в первом предударном слоге на месте звука «о» писец произносил звук [а]. Результатом неразличения в произношении

[146] И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка, т. I, стр. 1071; т. II, стр. 1102, 1106, 1374; т. III, стр. 1105, 1107, 1131, 1138, 1178.

писца звуков «о» и «а», находящихся в первом предударном слоге, и явилось смешение в этих условиях букв *о* и *а*.

Написаний с буквой *о* вместо *а* в других безударных слогах мы в Прологе не встретили[147]. У второго писца Пролога примеров написаний *о* вместо *а* не отмечено.

Поэтому для нас нет никаких оснований предполагать, что произношению второго писца Пролога было свойственно аканье (в узком смысле этого термина).

Написания с буквой **у** *вместо* **о**

Написания с *у* вместо *о* встретились на листах первого писца в следующих случаях:

В абсолютном начале слова: *левъ же ѿ вопль и рыдании не могыи сѧ оуставити* 15,1; *обрѣтоша оутвьржены замкы* 21,2; *двьрь оутворисѧ* 4,4; *оустудиша конобъ* 24,4. На произношение с [у] предлога-приставки «от», при отсутствии других примеров подобного произношения начального звука «о», указывал В. И. Чернышев в описании говора Пушкинского района[148]. Следует отметить, что вообще никто из исследователей современных псковских говоров (Н. Н. Соколов, В. И. Чернышев, А. П. Евгеньева) не отмечал в них произношения начального безударного «о» как [у]. Лишь К. А. Иеропольский в говоре деревни Савкино отметил один случай произношения в абсолютном начале слова, на месте предударного «о» звука [у] — [угурец][149].

В первом предударном слоге отмечен только один пример написания *у* вместо *о*: *пламени же не прикуснусѧ ки* 73,1. Соседство с твердым согласным (один из которых задненебный), а также наличие звука [у] под ударением могло способствовать произношению на месте предударного «о» звука [у][150]. С другой стороны, написание *прикуснусѧ* может предполагать и графическое объяснение, особенно вероятное в силу его единичного характера: механические описки, вызванные графическим влиянием буквы соседнего слога, часто отмечались у первого писца. Поэтому мы

[147] На примерах неоднократного колебания в написаниях с *о* или *а* слов: корабль, омофор, сотана, алтарь и т. д. мы ради экономии места останавливаться не будем.

[148] В. И. Чернышев. Говор Пушкинского района, стр. 109.

[149] К. А. Иеропольский. Говор деревни Савкино. «Изв. по русск. яз.», кн. 2, 1930, стр. 587. Отсутствие в говоре других примеров произношения звука [у] вместо начального безударного «о» делает вероятным предположение о заимствовании. Н. П. Гринкова в работе «К диалектологии Ленинградской губ.» указывала, что в говорах, пограничных с псковскими на северо-западе, звук [о] в абсолютном начале слова спорадически произносится как звук [у]. «Изв. ОРЯС», т. XXX, 1925, стр. 257—258.

[150] И. Г. Голанов. О диссимилятивном аканье, РФВ, 1914, № 2. Можно также полагать, что отмечаемая А. П. Евгеньевой в некоторых современных псковских говорах ассимиляция предударных гласных гласному, находящемуся под ударением, была свойственна каким-то псковским говорам еще в очень отдаленное время (в XIV—XV вв.).

затрудняемся сказать, вызвано ли написание прикуснуса графическим влиянием буквы *у*, находящейся в соседнем слоге, или в нем отразилась особенность произношения писца[151].

В заударных слогах отмечено три примера написания буквы *у* вместо *о*: дат. п. мн. ч. *к вельблудумъ* 5,2; вин. п. ед. ч. *волка в пастуха мѣсту приѭмлѧ* 46,2; им. п. мн. ч. ж. р. *акы пустуши* 82,1.

Написания *у* вместо *о* в *пустуши* и *вельблудумъ* встретились в сходных фонетических условиях: в заударных слогах тех слов, в которых под ударением находится также звук [у]. Если учесть замечания А. П. Евгеньевой[152] о том, что для псковских говоров характерна ассимиляция гласных безударных слогов гласному, находящемуся под ударением, то возможно фонетическое объяснение этих написаний. Если же мы допустим, что в каких-то условиях писец произносил в заударных слогах на месте звука «о» звук [у], то и написание *вмѣсту* также сможет быть признано отражающим особенность произношения писца.

Однако более существенным представляется нам другое. Отмеченные в Прологе примеры написания во втором предударном и заударных слогах букв *а* вместо *о* и *о* вместо *а* находят себе соответствия во многих псковских памятниках XV в.: да доубравы, малниямъ, пррчство ионва — Палея 1494 г.; облабызаю им. п. ед. ч. древа, ѥлика, роса невидимо — Палея 1477 г.; начевав, правадиша, тоѭ лѣта 2 раза — Погодинский список Псковской летописи; валъхованиѥ, образамъ темъ — Сборник Синодальной библиотеки № 68/270[153] и др.

Примеры же написания *у* вместо *о* в безударных слогах отмечены в псковских памятниках XV в. почти исключительно в окончании творительного падежа единственного числа женского рода[154].

Все написания Пролога 1383 г. находят себе соответствия в других псковских памятниках, поэтому почти полное отсутствие во всех псковских памятниках XV в. примеров замены в безударных слогах буквы *о* на *у* не позволяет нам считать написания *в мѣсту*, *пустуши*, *вельблудумъ*, отражающими черту произношения писца-псковича.

---

[151] В современных псковских говорах спорадические примеры произношения в первом предударном слоге на месте *о* звука [у] были отмечены В. И. Чернышевым, см. «Говор Пушкинского района», стр. 109.

[152] А. П. Евгеньева. Вторая диалектологическая экспедиция. «Вестник ЛГУ», 1946, № 4—5, стр. 239; ее же. Третья диалектологическая экспедиция филологического факультета ЛГУ. «Докл. и сообщ. Филол. ин-та ЛГУ», 1949, № 1, стр. 213.

[153] Н. М. Каринский. Язык Пскова, стр. 11, 58, 79, 100.

[154] В псковских памятниках XV в. Н. М. Каринским указаны следующие написания с *у* вместо *о* и *а* в безударных слогах: Палея 1494 г. — омоучивше двери прагъ, воувилонѧны; Палея 1477 г. — примеров нет; Погодинский список Псковской летописи — в окончаниях вин.-тв. п. ж. р.; Сборник Синодальной библиотеки № 68/72 — възоупити; Сборник Синодальной библиотеки № 53/255 — примеров нет ни в первой, ни во второй части сборника; Сборник Софийской библиотеки — в окончаниях вин.-тв. п. ж. р. (Н. М. Каринский. Язык Пскова, стр. 12—13, 48, 66, 80, 91, 100, 114, 122, 132).

Е. Ф. Карский, Н. Н. Дурново, Огнивцев[155] и др. указывали на наличие в письменных памятниках будущего украинского и белорусского языков довольно значительного количества примеров написания буквы *у* вместо *о* (объясняемых различными фонетическими особенностями произношения их писцов). У нас есть основание полагать, что оригиналом для писца Пролога служила рукопись, пришедшая через юго-запад Руси. Поэтому вероятнее всего предположить, что написания *вельблудумъ*, *пустушы* (если только они не механические описки), а может быть и *вмѣсту*, были перенесены писцом из оригинала. Примеров обратной замены *у* на *о* у первого писца Пролога не отмечено.

На листах, писанных вторым писцом Пролога, примеров смешения букв *о* — *оу* мы вообще не встретили.

У первого писца отмечено еще несколько примеров смешения букв, обозначающих гласные звуки в безударных (не первом предударном) слогах после твердой согласной. Написание *ы* вместо *а*: *осужая чловкы в образъ бии створена* 10,1; написание *ы* вместо *ъ*: (на месте этимологического «ъ» сильного): *за власы сывлачима*[156] *бе* 10,4; написание *а* вместо *ы*: *ко зарскамъ властьлемъ бежавъ* 95,3; написание *у* вместо *ы*: *словеси дши полезну*[157] *почита кму* 130,4[158].

Хотя каждый из этих примеров, взятый отдельно, должен казаться сомнительным, тем не менее все они, взятые вместе, говорят о том, что произношение писцом гласных в заударных слогах значительно отличалось от произношения их в слогах под ударением[159].

Считаем, что в первом предударном слоге на месте звуков «о» и «а» первый писец Пролога произносил звук [а]. Можно допустить, что в тех случаях, когда под ударением произносился звук [у], гласный звук в первом предударном слоге произносился более закрыто, приближаясь к произношению звука [у] (а может быть, и полностью совпадая с ним)[160]. Соседство предударного гласного с зубными, задненебными, звуком [л] и, может быть, некоторыми другими твердыми согласными в свою очередь, должно было способствовать произношению в первом

---

[155] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II, вып. 1, стр. 115—117; его же. К истории звуков и форм белорусской речи. Варшава, 1893, стр. 221—222; Н. Н. Дурново. Введение в историю русского языка, стр. 157; его же. Очерк истории русского языка, стр. 233; Огнивцев. Studien, стр. 43.

[156] Может быть и механическое задвоение слога.

[157] Может быть, следует объяснять морфологическими причинами.

[158] Встретившееся у писца не забувайте 138,1 мы считаем перенесенным из оригинала. Ср. Огнивцев. Studien, стр. 45; А. И. Соболевский. Малорусское *бути*. РФВ, 1882, стр. 7—8; Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II. вып. 3, стр. 189.

[159] См. примеры, приводившиеся выше.

[160] Однако, как в современных псковских говорах, так, по-видимому, и в древнепсковских говорах, произношение в первом предударном слоге на месте звука «о» — звука [у] носило спорадический характер, проявляясь лишь у ограниченного круга слов.

предударном слоге звука [у]. Вероятно в тех случаях, когда под ударением находились звуки среднего подъема, в первом предударном слоге произносился также звук [о].

Характер произношения гласных звуков в других предударных и заударных слогах был, по-видимому, менее определенен. Малочисленность имеющихся в нашем распоряжении примеров лишает возможности установить, какими причинами обусловливался тот или иной характер произношения гласного в заударных и предударных (кроме первого предударного) слога.

Тем не менее, мы не разделяем мнения Н. М. Каринского, считавшего, что «в псковских говорах *о* приближалось к *а* не только в ближайших к ударению слогах, но и во втором слоге перед и за ударением»[161].

В свое время Н. Н. Соколов также утверждал, что большинству современных псковских говоров свойственно так называемое «полное»[162] аканье и «умеренно акающими» считал только говоры б. Холмского уезда[163]. Однако последующие диалектологические экспедиции в Псковскую область В. И. Чернышева[164] и А. П. Евгеньевой[165] значительно расширили границы так называемых «умеренно акающих» говоров, и, по данным современной диалектологии, говоры с так называемым «полным аканьем» представляют среди псковских говоров сравнительно редкое явление[166]. Считаем, что причина здесь не в изменении типа аканья современных псковских говоров, а в более детальном их изучении (бесспорно, что «недиссимилятивное»[167] аканье литературного языка постепенно оказывает нивелирующее влияние на вокализм современных псковских говоров, однако, нельзя предположить, что влияние литературного языка могло в течение 10—15 лет совершенно изменить какой-нибудь из местных типов аканья).

У второго писца, при наличии на его листах большего количества написаний, нарушающих принятые орфографические нормы, мы не встретили написаний, содержащих в безударных слогах смешения букв *о—а*, *о—у*, *о—ы* и т. д. Поэтому мы считаем, что произношению второго писца Пролога аканье (в широком смысле этого термина) вообще свойственно не было.

---

161 Н. М. Каринский. Язык Пскова, стр. 151.

162 Полным аканьем Н. Н. Соколов, Н. Н. Дурново, В. И. Чернышев и другие называли тот тип аканья, при котором во всех безударных слогах на месте звуков «о» — «а» произносится звук [а].

163 Н. Н. Соколов. Говоры Псковской губернии, стр. 157—161.

164 В. И. Чернышев. Псковское наречие. «Труды комиссии по русск. яз.». М., 1931, № 1, стр. 108—109; его же. Говор Пушкинского района, стр. 138—159.

165 См. указанные отчеты А. П. Евгеньевой о трех диалектологических экспедициях ЛГУ в Псковскую область.

166 А. П. Евгеньева. Первая диалектологическая экспедиция Филологического факультета ЛГУ, стр. 15.

167 По терминологии Р. И. Аванесова, см. «Очерки русской диалектологии», стр. 65.

Употребление букв, обозначающих гласные звуки в безударных слогах в положении после мягких согласных

Написание букв **а**, ѧ, ѩ *вместо* **е**(ь), **ѣ**, ѥ[168]

Количество написаний, содержащих у первого писца в безударных слогах букву *а*, ѧ, ѩ вместо *е*(ь), *ѣ*, ѥ, чрезвычайно велико.

При этом написания, содержащие буквы *а*, ѧ, ѩ вместо *е*(ь), *ѣ*, ѥ, во-первых, предполагают различные причины для своего объяснения и, во-вторых, представлены, в зависимости от конкретных фонетических условий, то единичными, то чрезвычайно многочисленными примерами.

В первом предударном слоге мы можем указать только один пример написания ѧ на месте букв *ѣ* — *е*: *мѧдлнъ* 36,4.

Количество механических описок, связанных с графическим влиянием гласной соседнего слога, у первого писца Пролога очень велико, поэтому и в данном случае можно предполагать описку. Наличие в нашем распоряжении только одного (сомнительного) написания, не имеющего соответствий в других псковских памятниках, не дает основания полагать, что в первом предударном слоге звук «е» произносился первым писцом Пролога как звук [а]. Во втором предударном слоге написаний *а*, ѧ, ѩ вместо *е*(ь), *ѣ*, ѥ вообще не отмечено.

Основная масса написаний с *а*, ѧ, ѩ вместо *е*(ь), *ѣ*, ѥ встретилась в заударных слогах. Причем, за очень малым исключением, все примеры приходятся на конечный открытый слог и явно корреспондируются с написаниями, содержащими в этих же условиях замену *а*, ѧ, ѩ на *е*, *ѣ*, ѥ. В заударном конечном открытом слоге написания, содержащие *а*, ѧ, ѥ вместо *е*, *ѣ*, ѥ и, наоборот, приходятся почти без исключения на положение после «шипящих», «ч» и «ц»[169] и имеют соответствие во всех без исключения других псковских памятниках. Для удобства сравнения мы будем приводить параллельно встретившиеся у писца написания с а, ѧ, ѩ вместо *е*, *ѣ*, ѥ и написания с *е*, *ѣ*, ѥ вместо *а*, ѧ, ѩ:

а, ѧ, ѩ вместо *е*, *ѣ*, ѥ: слѣпо дѣтишта 6,2; дѣтишта сыи 56,1; капишта артѣмидино 4,3; дионусово капишта 67,4; капишта ираклиѥво 139,4; разори трѣбишта и лѣжашта на немь 40,4; им. п. ед. ч. скровишта пред лѣжаште 71,3; в энклитике стыѥ жѧ 31,1; 74,3; тѣмь жа 48,1; 64,1, пача 36,3; наипача 32.

е, *ѣ*, ѥ вместо *а*, ѧ, ѩ: постави стража ведушта помышлениѩ чѧвче 97,3; род. п. паче слнце 66,2; нѣчеть срдце 62,2; ѿстаниште 7,1; ѿстилиште 61,4; до пристаниште 43,3; им. п. ед. ч. исцѣлителнице 142,7; старицѣ 43,4; стаѩ мнцѣ 40,2.

К приведенным выше написаниям тесно примыкают примеры написания *е* вместо ѧ в возвратной энклитике сѧ: бжтвьнымь духомь грѣшсѧше 48,2;

[168] Анализируя выше примеры смешения букв *е* — *ѣ* и написания с буквой *и* вместо *ѣ*, мы пришли к заключению: 1) о полном совпадении в произношении писца этимологических звуков «ѣ» и «е» и 2) о фонетической синонимичности для писца букв *ѣ* и *е*(ь), поэтому у нас есть полное основание рассматривать наряду с написаниями, содержащими ѧ вместо *е*(ь), также и написания, содержащие ѧ вместо *ѣ*.

[169] Написания типа *иѩ*, *ыѩ* вместо *иѥ*, *ыѥ* будут рассмотрены ниже.

и рѣ ми црвъ мужь постриженіе въ стыіи образъ 74,4; ти тако мніта вѣнцѣмь оувлзосѧше 137,2 и т. д. всего 7 раз.

Помимо указанных выше, в Прологе отмечено свыше 70 примеров смешения конечных *а* и *е* после шипящих в формах причастий, имперфекта и аориста. Так как эти формы к концу XIV в. были для писца-псковича уже только книжными, мертвыми, то встречающиеся в этих формах нарушения принятых орфографических норм могут иметь и не фонетическое объяснение.

Написание в конечном открытом слоге после *ж*, *ш*, *ч*, *ц* буквы *а*, ѧ вместо *е*, ѣ, и наоборот, носит характер смешения в этих условиях букв *а*, ѧ — *е*, ѣ. Мы считаем, что присутствующее у первого писца в строго определенных фонетических условиях смешение букв *а*, ѧ — *е*, ѣ свидетельствует о неразличении звуков «а» и «е» в тех случаях, когда они оказывались в заударном конечном открытом слоге в положении после «шипящих», а также звуков «ц» и «ч». То же обстоятельство, что примеры подобного смешения встречаются как в безударных слогах, так и в слогах под ударением[170], заставляет искать для них объяснения в явлениях, не связанных с аканьем.

Неразличение в произношении писца мягких «с» и «ш» (см. об этом ниже), а также неразличение им в конечном открытом слоге после шипящих звуков «а» и «е» приводило к тому, что писец не мог различать конечные этимологические сочетания [ше] и [с'а], результатом чего и являются написания грѣѕѧше, оувлзосѧше и др[171].

В заударном конечном открытом слоге после мягкой, не шипящей согласной отмечены следующие написания с ѧ вместо *е*, ѣ: местн. п. ед. ч. *на мѣстѧ* 88,3; *въ каменѧ* 56,4; 2—3-е л. аориста *идѧ* 71,1; 97,2 — всего 5 раз; *срѣтѧ* 42,4; *привѣдѧ* 39,3[172] и два написания с *е*, ѣ вместо ѧ, та *на врѣмѣ* и ѿ *наоученіта дыаволе*.

Сходные написания представлены во многих псковских памятниках как XIV, так и XV в.: в пучинѧ, на древѧ, во чревѧ, при костромѧ (если ударение не было наконечным)[173], Параклитик 1359 г.; въ вавилонѧ — Ипатьевская летопись; на дорогѧ — Погодинский список летописи 1413; о разумѧ — Сборник Чудова монастыря 270; страшно морѧ —

---

[170] Примеры см. выше.

[171] Мы ни в коем случае не можем согласиться с мнением А. А. Шахматова о том, что написание *е* вместо ѧ в возвратной частице сѧ было очередным проявлением «полюбившихся псковским писцам искусственных графических приемов». «Несколько заметок о языке псковских памятников», стр. 150. Написания энклитики сѧ то с *е*, то с ѧ в том случае, если бы оно не вызывалось неразличением звуков, неизбежно вело бы к смешению различных грамматических форм, а, следовательно, и к затемнению смысла.

[172] Причастных (деепричастных) форм типа ида приведа и т. д. мы в Прологе не встретили.

[173] Об ударении в этом слове см. В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики, стр. 381.

Сборник Софийской библиотеки, морѧ мѣдно — Палея, 1477; им. п. ед. ч. полѧ — Палея 1494 г. Чрезвычайно важным считаем мы наличие в псковских памятниках и обратных написаний: въ време — Шестоднев 1374 г.; времѣ — Псалтырь № 35; им. п. ед. ч. — пламе — Погодинский список псковской летописи; воле ѥго — Псалтирь № 35; бурѣ страшна, воле — Сборник Софийской библиотеки; на краи море — Палея 1494 г.[174]

Написания с ѧ вместо *е*, *ѣ* и *е*, *ѣ* вместо ѧ встречаются в данном случае в совершенно одинаковых условиях как в памятниках XV в., так и в памятниках XVI в., в которых трудно предполагать наличие так называемого второго южнославянского влияния. Поэтому нет основания относить их за счет «искусственных графических приемов», возникших в связи со вторым южнославянским влиянием[175].

Нет соответствия разбираемым написаниям и в памятниках древнейшей южнославянской письменности, в которой редкие написания, смешивающие *е*, *ѣ* — ѧ, *а*, отнюдь не носили характера взаимной мены ѧ — *ѣ*, *е* и, в отличие от памятников псковских, встречались в корнях слов ничуть не в меньшей мере, чем в конечных открытых слогах. Написания с ѧ вместо *е* и т. д., встречающиеся иногда в памятниках будущих украинского и белорусского языков, носят иной характер, чем подобные написания в памятниках псковских[176]. Поэтому встречающиеся в псковских памятниках XIV в. написания с *а*, ѧ вместо *е*, *ѣ* и *е*, *ѣ* вместо *а*, ѧ в конечном открытом слоге после мягкой согласной, мы также считаем чертой собственно псковской, отражающей особенности языка писцов-псковичей[177]. В чем причина появления этих написаний? Так как примеры смешения букв *а*, ѧ — *е*, *ѣ* присутствуют во всех формальных морфемах, оканчивающихся на звуки «'а» — «е», в них нельзя видеть отражение явлений только морфологического порядка. Нельзя ставить их и всецело в зависимость от акающего произношения писцов, так как подобные написания встречаются не только в безударных слогах, но и в слогах под ударением и в памятниках, в которых не отразилось аканье[178].

[174] А. И. Соболевский. Очерки из истории русского языка, стр. 126, 132, 136; Н. М. Каринский. Язык Пскова, стр. 14, 48, 80, 133 и др.

[175] Написания, о которых идет речь, представлены в каждом из памятников совершенно единичными примерами, поэтому мы считаем, что вопрос об «особых приемах» вообще неуместен.

Показательно в этом отношении свидетельство Н. М. Каринского, указывавшего, что «в памятниках XIV в. случаев мены *е* и *а* никак не меньше, а иногда и значительно больше, чем в некоторых псковских рукописях, содержащих южнославянское влияние» («Очерки из истории псковской письменности и языка», ч. I, стр. 16).

[176] О написаниях *ии* (*ьи*) вместо *ию* (*ью*) см. ниже.

[177] Что не исключает, конечно, того, что в отдельных памятниках появились написания в результате копирования оригиналов.

[178] В слогах под ударением: им. п. ед. ч. овцѣ — 2 раза. Сборник Софийской библиотеки № 1262 (по мнению Н. М. Каринского, южнославянского влияния не содержит); ѿ лице, им. п. мн. ч. сръдце ваша — Типографская псалтирь XIV в.; ешта — Лукино евангелие 1409 г. и т. д. Не после постоянно мягких: им. п. мн. ч. морѣ,

Считаем не случайным, что во всех псковских памятниках большинство примеров смешения букв *а—е* приходится на положение после «ч», «ц», «ж», «ш», имевших у древних псковичей совершенно особое произношение (были чрезвычайно мягкими шепелявыми звуками)[179]. Можно предполагать, что неразличение древними псковичами конечных звуков «а» и «е» было связано с характером произношения ими шипящих звуков и лишь в какой-то мере распространилось на особое произношение этих гласных после других мягких согласных. Исходя из показаний псковских памятников (главным образом памятников XIV в.), можно предположить, что неразличение произношения гласных «а»—«е» имело место только в конечном открытом слоге, т. е. представляло собой явление конца слова[180].

В каком отношении к аканью могло находиться предполагаемое неразличение конечных этимологических «а» и «е»?

Мы считаем, что неразличение конечных «а» — «е» представляет собой древнейшую черту древнепсковского вокализма. Поучение Есифа детям и братии[181] и Паремейник 1271 г.[182], признававшиеся списанными с псковских рукописей XII—XIII вв., содержали указания на наличие в их оригиналах мены а — е.

Считаем, что неразличение конечных звуков «а» и «е» когда-то не зависело от места ударения. Наступившее с течением времени изменение «степени полновесности слогов» в зависимости от их места по отношению к ударению привело к тому, что прежнее неразличение конечных гласных «а» и «е» стало наблюдаться только в безударных слогах. По-видимому, Пролог 1383 г. и другие, сходные с ним памятники, отразили период взаимодействия в древнепсковском говоре черт старой и новой системы вокализма: неразличение конечных «а» — «е» в слогах под ударением изживалось, неразличение конечных «а» — «е» в безударных слогах продолжало сохраняться, поскольку оно оказывалось в полном соответствии с новыми акцентологическими условиями.

при царѧ — Палея 1494 г.; о боудоущимъ огнѧ, в чревѣ, в пучинѧ, на древѣ, при костромѣ — Параклитик 1369; лютѣ — Параклитик 1385 (по мнению А. И. Соболевского, следов аканья не содержат); врѣме — Псковский Шестоднев 1374 г. (по мнению И. М. Каринского, примеров аканья не содержит); въ времѣ — Типографская Псалтирь № 35 (по мнению А. И. Соболевского, следов аканья не содержит).

[179] Н. М. Каринский. Из истории псковской письменности и языка, стр. 42. О том же А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода, стр. 327.

[180] В описываемом нами Прологе мы имеем написания с *а*, ѧ вместо *е*, *ѣ* и наоборот, только в конечных открытых слогах (за исключением немногих надежных форм, о которых см. ниже). В других псковских памятниках отмечаются единичные примеры подобных написаний и не в конечном открытом слоге, однако, эти примеры чрезвычайно малочисленны и большей частью могут предполагать свои частные объяснения.

[181] А. И. Соболевский. К хронологии одной особенности псковского говора РФВ, 1911, № 3—4.

[182] Н. М. Каринский. Паремейник 1271 г. как источник для Псковского письма и языка. «Сб. статей в честь академика А. И. Соболевского». Л., 1928.

Таким образом, мы считаем, что еще до появления аканья[183] псковским говорам было свойственно неразличение конечных «а» и «е», в тех случаях, когда они оказывались в положении после мягких согласных и, в первую очередь, после этимологических «шипящих» «ч» и «ц». Тот факт, что псковские памятники XV в. (отражение в которых аканья не подлежит сомнению) совершенно не содержат ни написаний типа им. п. мн. ч. — сръце моя, ни смешения *е—а* в *лице* и других словах, имеющих наконечное ударение, кажется нам существенным аргументом в пользу того, что в неразличении «'а» — «е» следует видеть отражение фонетической особенности древнепсковских говоров, свойственной им еще до появления аканья и поглощенной начавшимся затем аканьем.

По поводу того, какой характер мог иметь звук, произносившийся в конечном открытом слоге после мягкой согласной, было высказано в свое время несколько мнений. Наиболее приемлемым представляется мнение, высказанное (со взаимными дополнениями) И. В. Яги чем — А. А. Шахматовым — Б. М. Ляпуновым о среднем произношении конечного гласного между ['а] и [е], т. е. [ä][184].

Написания иѧ (ыѧ) вместо иѥ (ыѥ) в конечном открытом заударном слоге. Характерным для них является наличие сходных написаний не только в памятниках псковской письменности, но и в памятниках будущего украинского и белорусского языков.

В Прологе 1383 г., равно как и в других псковских памятниках, мы имеем не только написания с *иѧ* (ыѧ) вместо *иѥ* (ыѥ), но и обратное с *иѥ* (ыѥ) вместо *иѧ* (ыѧ). Поэтому для удобства сравнения мы опять приведем параллельно написания с ѧ вместо ѥ и ѥ вместо ѧ.

Им.-вин. п. ед. ч.: гонениѧ горко 22,2; знамениѧ явлено 6,1 Ѳкровения будуште 31,3; комкания стоѥ 11,2; обѣщаниѧ стоѥ 30,1; покаѧниѧ истиньноѥ 151, 4 и т. д. — всего 37 примеров; сравнит. степень дьрзновение болшеѧ 78,2; чьто ѥсть мьрзъчаѧ таких делъ 50,1 и т. д. —всего 9 примеров.

род. п. ед. ч.: цркви благовѣщенияѥ 39,2; Ѳграбленияѥ 35,3; памѧ пренесенияѥ 59,3; дшвнаго оугожения 71,3; глубину Ѳчаѧния и т. д. — всего 39 примеров; им. п. мн. ч. многа исправленияѥ 70,1; всѧ прошенияѥ 76,1; всѧ оулучения 94,1 и т. д.—всего 11 примеров; им. п. ж. р. прабабнаѧ клѧтва 19,3[185].

---

[183] Мы все время исходим из положения о том, что аканье представляет собой процесс исторической поры.

[184] И. В. Ягич. Критические замечания по истории русского языка; А. А. Шахматов. Исследование в области русской фонетики, 1893, стр. 232. Б. М. Ляпунов. Отзыв о «Языке Пскова». «Сб. отчетов о премиях и наградах за 1909», стр. 554. Иного мнения придерживались Н. М. Каринский («Очерки из истории псковской письменности», вып. 1, стр. 26) и Н. Н. Дурново («Очерки по истории русского языка», стр. 203—204).

[185] Кроме того, отмечены многочисленные написания с ѥ вместо ѧ в именах собственных: снъ агафиѥ 30,2; прркъ илиѥ 84,2 и т. д. — всего до 30 примеров.

Основные исследователи древнепсковских памятников А. И. Соболевский и Н. М. Каринский, а также рецензенты их работ И. В. Ягич и Б. М. Ляпунов видели в этих написаниях отражение древнейшей фонетической черты древнепсковского говора. Фонетический характер этих написаний предполагал также и В. В. Виноградов, подходивший, однако, к ним с иной точки зрения, чем предыдущие исследователи (В. В. Виноградов сопоставлял написания древнепсковских памятников XIV—XV вв. с написаниями южновеликорусских акающих грамот XVII в.).

Совершенно иначе расценивал эти написания А. А. Шахматов. А. А. Шахматов объяснял их появление причинами графическими и утверждал, что «псковские написания с иѧ, ыѧ вместо иѥ, ыѥ восходят к южнорусским оригиналам»[186].

Наличие написаний с *иѧ* вместо *иѥ* сближает псковские памятники с памятниками будущего украинского и белорусского языков[187]. В украинских и белорусских памятниках написания с *иѧ*, *ыѧ* вместо *иѥ*, *ыѥ*, являясь отражением соответствующей черты произношения, получили широкое распространение[188]. Однако не все характерные написания, присутствующие в памятниках будущего украинского и белорусского языков, получили отражение в псковских памятниках. Написание *ры*, *лы* на месте сочетаний типа «trъt» перед слогом с гласным полного образования; *ы*, *и* на месте редуцированных с последующим [j], *оу* в новых закрытых слогах, неразличение *и*, *ы* — все эти написания, если и встречались в псковских текстах, то носили лишь случайный характер.

Влияние оригиналов вообще не было определяющим для характера псковской письменности. К тому же необходимо учитывать, что:

1. Памятники украинского и белорусского письма содержали, как правило, только замену ѥ на ѧ. В памятниках же псковских мы имеем взаимное смешение этих букв.

2. Написания с ѧ вместо ѥ стали многочисленными в белорусских памятниках, главным образом, со второй половины XIV в. и наблюдались только в безударных слогах[189]. В псковских памятниках написания с ѧ вместо ѥ и ѥ вместо ѧ встречаются не только в безударных,

---

[186] А. А. Шахматов. Несколько заметок, стр. 136.

[187] О культурных связях древнего Пскова с юго-западными областями см. А. И. Некрасов. Древний Псков и его художественная жизнь, стр. 14, 34, 36. М., 1923; Б. В. Гедымин. Прошлое города Пскова в его исторических памятниках. Псков, 1903, стр. 18, 29, 34.

[188] К. Г. Голоскевич. Евсевиево евангелие 1283 г., стр. 38; Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II, вып. 1, стр. 374, а также памятники, упоминаемые А. А. Шахматовым, в статье «Несколько заметок», стр. 136, 164.

[189] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II, вып. 1; его же. К истории звуков и форм белорусской речи, 1893; его же. Особенности письма и языка рукописного сборника XV в., именуемого рукописью Авраамки.

но и в ударяемых слогах и представлены в памятниках XIV в. не в меньшей мере, чем в памятниках XV в. (т. е. мы имеем дело с одновременностью, а не последовательностью, неизбежной в том случае, если одно явление представляет собой следствие другого). Поэтому мы считаем, что написания, смешивающие ѧ—ѥ, представляют собой явление собственно псковское.

Написания с ѧ вместо ѥ и ѥ вместо ѧ встречаются в большом количестве и в тех псковских памятниках XIV в., присутствие в которых аканья сомнительно, и представлены как в слогах безударных, так и в слогах под ударением [190]. Поэтому мы считаем возможным ставить эти написания в ряд с теми, которые содержат *а*, ѧ вместо *е*, *ѣ* и *е*, *ѣ* вместо *а*, ѧ в конечном открытом слоге после шипящих и других мягких согласных, т. е. мы видим в написаниях, смешивающих *иѧ* (*ыѧ*) — *иѥ* (*ыѥ*) отражение того же неразличения конечных звуков «'а» и «е», которым выше мы объясняли появление написаний типа *слѣпо детишта*, *стаѧ мнцѣ*, *вѣнцѣмь оувазосѧше*, *на мѣстѧ* и т. д.

Возникает вопрос, почему в одних случаях предполагаемое нами неразличение конечных гласных отражалось в сравнительно немногих «проскальзывающих» написаниях (как это обычно бывает, когда фонетика говора пробивается сквозь принятую орфографию), в положении же после [j] оно представлено во всех псковских памятниках большим количеством примеров. В Прологе на листах 22—98 (выбор для подсчета был случайным) отношение написаний, содержащих ѥ и ѧ в соответствии с этимологией, к написаниям, смешивающим конечные ѥ и ѧ, равно 8 : 1. В чем кроется причина многочисленности подобных примеров во всех псковских памятниках? Считаем, что в орфографии памятников будущего украинского и белорусского языков, бывших с начала XIV в. до известной степени основными оригиналами писцов-псковичей [191].

Вслед за А. А. Шахматовым мы считаем, что «псковские написания с *иѧ*, *ыѧ* вместо *иѥ*, *ыѥ* восходят к южнорусским оригиналам» [192], но видим во влиянии этих оригиналов не причину появления подобных нанисаний, а причину их многочисленности.

Черта псковского говора, проникновение которой в письмо тормозилось орфографическими нормами, в одном частном случае нашла под-

[190] Слова моѥ, имѧ твоѧ, благоволениѥ твоѧ, моленьѥ моѧ, имена своѥ, оуста моѥ, смереньѥ моѧ, оухо твоѧ, сре моѧ, Ѿвратил ѥси лице твоѧ — Псалтирь № 35; слово моѧ 2 раза — Лукино евангелие; срдце моѧ 2 раза — Параклитик 1386 г., бжтво твоѧ Параклитик 1369 г. и т. д. А. И. Соболевский. Очерки, стр. 126, 132, 136, 141, 147.

[191] О историко-культурных связях Пскова с южными и юго-западными областями древней Руси см. А. И. Некрасов. Древний Псков и его художественная жизнь, стр. 14, 34, 36; Б. В. Гедымин. Прошлое города Пскова в его исторических памятниках, стр. 18, 29, 34.

[192] А. А. Шахматов. Несколько заметок, стр. 136.

крепление в орфографии оригиналов, содержащих замену *иѧ* на *иꙗ*, и тем самым не только узаконилась на письме, но и, в соответствии с особенностью псковского говора, даже расширила по сравнению с оригиналом сферу своей реализации (не только ꙗ вместо ѧ, но и ѧ вместо ꙗ, не только в окончании «[согласная]+[j]+[a] или [e]», но и в окончаниях «[гласная]+[j]+[a] или [e]» и т. д.).

Почему же это не коснулось написаний с *а*, ѧ вместо *е*, ѣ, количество которых в памятниках значительно меньше количества написаний, смешивающих ꙗ и ѧ? По-видимому, здесь сыграло роль строгое разграничение писцами[193] употребления букв *а*, ѧ и ꙗ[194]. Написания памятников будущего украинского и белорусского языков, способствующие безразличному употреблению *иꙗ*(*ыꙗ*) и *иѧ*(*ыѧ*), отличались последовательным употреблением конечных *а*, ѧ—*е*, ѣ. Строгое различение псковскими писцами написаний *е* и ѧ, ꙗ и *а*, ѧ и т. д. имело, по-видимому, следствием невозможность перенесения характерного для ѧ—ꙗ на написания с *а*, ѧ и *е*, ѣ.

В заударном конечном не открытом слоге отмечены следующие написания ѧ, ꙗ, вместо *е*, ѧ: дат. п. мн. ч. *праведникомъ и оучителѧмъ* 71,2; тв. п. ед. ч. *дрькольꙗмъ* 10,4, *покаꙗниꙗмъ* 60,1.

Все эти написания приходятся на окончания косвенных падежей, поэтому можно предполагать для них морфологическое объяснение. Но в таком случае *учителѧмъ* явилось бы единственным примером влияния склонения «а»-основ на слова м. р. Формы же *дрькольꙗмъ* и *покаяниꙗмъ* взаимодействием типов склонения вообще объясняться не могут. В псковских памятниках, содержащих смешение букв *о*—*а* и т. д., отмечены в безударных слогах не только покаꙗниꙗмь, беззаконьꙗмь, исповѣданиꙗмь — Сборник Софийской библиотеки; здоровьѧ, стоꙗниꙗм — Погодинский список псковской летописи[195], но и обратные: пресоуштамъ — Сборник Софийской библиотеки; под воронча горомъ — Погодинский список псковской летописи[196] и т. д. Поэтому мы считаем *дрькольꙗмъ*, *покаꙗниꙗмъ* и, может быть, *оучителѧмъ* отражающими неясное произношение гласных в заударных слогах[197].

Написания с е, ѣ, ѧ вместо а, ѧ, ꙗ

Основная масса написаний с *е*, ѣ, ѧ вместо *а*, ѧ, ꙗ встречается в конечном открытом слоге и полностью корреспондируется с написаниями, содержащими обратную замену *е*, ѣ, ѧ на *а*, ѧ, ꙗ. Соответ-

---

193 Мы имеем в виду писцов псковских памятников XIV в.

194 О нормах употребления букв см. выше.

195 Н. М. Каринский. Язык Пскова, стр. 133, 81.

196 Вороначь — псковский пригород, впервые упомянутый в псковской I летописи под 1350 г.

197 А. А. Шахматов возводит подобные написания также к влиянию украинских оригиналов, см. «Несколько заметок», стр. 136.

ствующие примеры были приведены выше и только несколько примеров написания с *е*, *ѣ* вместо ѧ в заударном неконечном слоге не имеют соответствия в написаниях с ѧ вместо *ѣ*, *е:* им. п. мн. ч.: *явишасѧ внутрьнеѣ* ѭ 74,1; *прочеѣ добродѣтели* 93,4; вин. п. мн. ч.: *но прозримъ внутренѣѣ ихъ* 9,2.

В других псковских памятниках подобные написания почти не встречаются. Можно указать только утрьнеѣ, покаѣниѣ — Псалтырь № 35 и клятва пробабнѣѣ — Параклитик 1362[198]. Объяснить причину появления подобных написаний мы затрудняемся.

Приведенными примерами исчерпываются все случаи написания *а*, ѧ, ѣ вместо *е*, *ѣ*, ѥ и *е*, *ѣ* вместо *а*, ѧ, ѣ, встретившиеся у первого писца Пролога.

Подводя итог сказанному выше, мы еще раз повторяем, что, хотя оригиналы церковной литературы могли приходить в Псков из южнославянских земель, тем не менее применительно к псковским памятникам до первой четверти XV в. можно с уверенностью сказать, что их оригиналами были памятники еще не среднеболгарского извода. А это значит, что нет основания объяснять орфографические особенности псковских памятников ни непосредственным влиянием этих оригиналов, ни искусственными приемами графики, сложившимися под влиянием южнославянских оригиналов[199]. Разнотипность написания с ѣ вместо ѥ и ѥ вместо ѣ в псковских памятниках и памятниках украинской и белорусской письменности исключает предположение о значительном влиянии на псковскую орфографию орфографических традиций юго-западной письменности. Предположение об искусственном характере псковской орфографии XIV—XV вв., предложенное А. А. Шахматовым, кажется нам несовместимым с общей тенденцией всей культурной жизни древнего Пскова и, в частности, всего псковского искусства. Характерное для него стремление к прямым, простым линиям в архитектуре, простота рисунка фресок, вышивок, орнамента[200], безыскусственная простота оформления рукописей, простота в начертаниях букв и т. д. находятся в резком противоречии с самим предположением об искусственных приемах псковской орфографии. Псков XIV в. — рус-

---

198 А. И. Соболевский. Очерки из истории русского языка, стр. 126, 136.

199 Мы считаем возможным объяснять южнославянским, главным образом болгарским, влиянием единичные случаи смешения в псковских памятниках букв *е*, *ѣ*—ѧ, особенно не в конечных слогах.

200 А. И. Некрасов. Древний Псков и его художественная жизнь; В. К. Романов. Псков, Новгород и Москва в их культурно-художественных взаимоотношениях. М.; Г. В. Жидков. Живопись Новгорода, Пскова и Москвы. М., 1928; С. А. Тараканова. Древний Псков, М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946; А. И. Успенский. Фрески Спасо-Мирожского монастыря. М., 1910; И. Э. Грабарь. История русского искусства. М., 1909—1913; А. Никитский. Очерк внутренней истории Пскова. СПб., 1873; Б. В. Гедымин. Прошлое Пскова в его исторических памятниках.

ский торговый и военный форпост на крайнем северо-западе. История Пскова — это история ряда славных войн, повседневной и суровой борьбы за самостоятельность. Самобытность — отличительная сторона всей культурной жизни древнего Пскова (историки древнего Пскова иногда трактуют ее как особый псковский консерватизм[201]). Пожалуй, ни один из политических центров древней Руси не характеризовался таким резким неприятием сторонних влияний во всех областях политической и культурной жизни, как Псков[202]. Когда в Москве на Печатном дворе началась выверка рукописей, то были взяты в первую очередь именно псковские рукописи, как наименее подвергшиеся сторонним влияниям. Это обстоятельство также должно находиться в противоречии с утверждением об искусственном (подражательном) характере псковской орфографии.

Учитывая все это, мы считаем, что встречающееся в псковских памятниках смешение конечных *а*, ѧ, ꙗ и *е*, ѣ, ѥ может быть объяснено только неразличением в древнепсковском говоре конечных звуков «а» и «е» после мягких согласных может быть, особенно после «шипящих», «ч», «ц»; что подобное произношение конечных гласных неверхнего подъема было свойственно псковичам еще до появления аканья; что начавшееся затем аканье поглотило и нивелировало эту черту и, наконец, что украинская и белорусская письменность, не играя вообще определяющей роли, в одном частном случае — написания типа *иꙗ*(*ыꙗ*), *иѥ*(*ыѥ*) — оказалась способствующей более широкому проявлению на письме собственно псковской фонетической черты.

На листах второго писца написаний с *а*, ѧ вместо ѣ и ѣ вместо *а*, ѧ не отмечено.

Написания *а*, ѧ вместо *е* и *е* вместо *а*, ѧ встретились только в окончаниях причастий. Наличие у второго писца многочисленных примеров, свидетельствующих о разрушении парадигмы причастий, позволяет видеть в этих написаниях отражение смешения мертвых, выходящих из употребления форм.

Второй писец был значительно менее искусен, чем первый. Большее количество беспорядочных описок, пропущенных титлов, случаев несогласования и т. д. заметно отличают его листы от листов первого писца. И тем не менее, в отличие от первого писца, употребление букв ѣ и *е* находилось у второго писца в полном соответствии с этимологией. Выше мы объяснили это тем, что в произношении второго писца не произошло совпадения этимологических звуков «ѣ» и «е», т. е., что первый и второй писцы Пролога отразили в своих написаниях два заметно отличающихся между собой говора. Характер встретившихся у писцов написаний с *и* вместо ѣ (и наоборот) и отсутствие

[201] А. И. Некрасов. Древний Псков и его художественная жизнь, стр. 39, 48, 51, 54.

[202] С. А. Тараканова. Древний Псков, стр. 23.

у второго писца смешения в безударных слогах букв *о* и *а* только подтвердили это предположение.

В данном случае мы снова сталкиваемся с новым и значительным различием в орфографии первого и второго писцов Пролога, отражающим различие в их живых говорах.

Написания и вместо е(ь), ѣ

Написания *и* вместо *е(ь)*, *ѣ* на листах первого писца.

В первом предударном слоге: *злочистивых* 42,3, *с нбиси* 67,2, *смиривѣсѧ* 16,4[203], *затворини*[204] *быша* 81,3.

Кроме того, у него отмечены написание *с тріми* 14,2, которое можно считать перенесенным из непосредственного оригинала[205], наряду с *поворзъ* и другими, т. е содержащим не *и* вместо *е*, а *ри* на месте этимологического «trъt»[206], а также написание *в макидонию* 148,1, которое мы объясняем как результат копирования писцом его оригинала, сохранившего от списка к списку черту орфографии южнославянского (болгарского) писца. Сам первый писец Пролога последовательно писал только *кы*, *гы*, *хы*. *Ки*, *ги*, *хи* появлялись у него лишь в заимствованных словах и чужих именах собственных, т. е. в тех случаях, когда он следовал за написаниями своего оригинала.

Во втором предударном слоге написания с *и* вместо *е(ь)*, *ѣ* не отмечены.

В заударных слогах написания с *и* вместо *е(ь)*, *ѣ* довольно многочисленны: внутринѣя 9,2; заутрине 75,2; приобидителѧ 75,2; 45,1; в суффиксе *-тель* — идолослужитиль 58,4; мучитилныя 2,1; в личных формах изъявит. накл.: приимиши 87,4; радуитьсѧ 19,3; не оклеветаимъ 31,4; поработаимъ 56,2; послѣдуим 94,2; поревьнуим 50,3; будите 67,3; в окончании наречий: вкоупи 93,3; оускори 30,2, а также, может быть, в окончании ср. степени: разумомь боли словеси 13,4.

Примеры написания в безударных слогах буквы *и* вместо *ѣ* и *е* не раз отмечались в памятниках, совершенно не содержащих примеров смешения букв *о* и *а*. Исследователи видели в этих написаниях отра-

---

[203] О смешении корней *мир-* и *мѣр-* (смиреніѥ — смѣреніѥ) не может быть речи, так как на лл. 16,4—17 в одном и том же тексте встретились 6 раз производные от смѣритисѧ и один раз между ними смиривѣсѧ, хотя никакой лексической дифференциации не было.

[204] Может быть рассматриваемо здесь только в том случае, если ударение было в этой форме конечным. Л. А. Булаховский. Исторический комментарий, стр. 238. Л. Л. Васильев. Несколько разъяснений, РФВ, 1907, кн. 1, стр. 466—467. Ср. Н. Н. Соколов. Говоры Псковской губернии, стр. 154; В. И. Чернышев. Говор Пушкинского района, стр. 107—108; А. П. Евгеньева. Первая диалектологическая экспедиция филол. ф-та ЛГУ, стр. 88.

[205] Выше у нас остался сомнительным с точки зрения места ударения еще один пример написания *и* вместо *е*: дни|вныѧ пища недостоинъ ѥсть см. стр. 255 наст. раб.

[206] Иначе у Н. М. Каринского. Язык Пскова, стр. 19 и 159.

жение узкого произношения этимологических «ё» и «е», характерного для «севернорусских» говоров и ни в коей мере не связанного с явлениями аканья[207] (в широком смысле этого термина).

В Прологе 1383 г., во-первых, присутствуют многочисленные примеры смешения букв *ѣ—е*, в том числе в слогах под ударением, перед твердым согласным, во-вторых, нет никаких указаний даже на позиционно обусловленное узкое произношение этимологического ударенного «ё», в-третьих, отмечены примеры смешения в безударных слогах букв *о—а*, т. е. у нас нет никаких оснований предполагать, что система вокализма первого писца Пролога характеризовалась так называемыми севернорусскими (по терминологии А. А. Шахматова) чертами. Считаем, что написания буквы *и* вместо *е*, *ѣ* следует рассматривать наряду со случаями смешения в безударных слогах букв *о—а*. Встретившиеся в Прологе написания с *и* вместо *е(ъ)*, *ѣ* как в первом предударном слоге, так и в заударных слогах, указывают на то, что в безударных слогах на месте этимологических «е», «ь»-сильного, «ё» первый писец, в соответствии со свойственной ему редукцией безударных гласных, произносил звук [и] или вообще [и]-образный звук.

Наличие аналогичных примеров замены *е*, *ѣ* на *и* в ряде псковских памятников XIV—XV вв., также содержащих смешение букв *о — а*, подтверждает наше предположение.

В большинстве современных акающих псковских говоров на месте звука «е» в заударных слогах также произносится звук [и] (причем особенно последовательно именно в личных формах глаголов)[208].

В отмеченных у первого писца нарушениях этимологического принципа написания присутствует известная соотносительность: в заударных падежных формах мы имеем написание вместо *е(ъ)*, *ѣ* букв *а*, ѧ, ꙗ (*дрькольꙗмь*, *покаяниꙗмь*, дат. п. *оучителѧмъ*)[209], в глагольных окончаниях буква *е* заменяется только на *и*. Букву *и* вместо *е(ъ)*, *ѣ* имеем мы также в корневых и суффиксальных морфемах[210]. Чрезвычайно существенно отметить, что точно такая же соотносительность наблюдается в целом ряде современных акающих говоров. Так, описывая современные средневеликорусские говоры, Р. И. Аванесов указывает, что «в говорах, где вообще в заударном слоге после мягких и шипящих вместо «о» может звучать [а] или [ъ], в корнях слов и глагольных окончаниях наряду с [а] и [ъ] может звучать также вообще [и]-образный

[207] В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики севернорусского наречия; П. С. Кузнецов. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров.

[208] Н. Н. Соколов. Говоры Псковской губернии, стр. 157; К. А. Иеропольский. Говор деревни Савкино, стр. 587; А. П. Евгеньева. Первая экспедиция ЛГУ, стр. 82.

[209] За исключением окончания дательного и местного падежей, в которых *и* вместо *ѣ(е)*: *вкоупи*, *оускори*, может быть *ѡи оусечени*.

[210] За исключением *мдѧному*. См. выше стр. 238.

звук»[211]. То, что соотношение отмеченных в Прологе написаний находит себе соответствие в современных акающих говорах, окончательно убеждает в том, что отмеченные у первого писца нарушения принятых орфографических норм написания безударных гласных следует объяснять наличием в его произношении аканья (в широком смысле этого термина).

Как объяснить наличие в Прологе написаний, содержащих в конечном открытом слоге, с одной стороны, замену *е*, *ѣ* на *а*, *ѧ*, с другой,— замену в тех же условиях *е*, *ѣ* на *и*? Причем, наличие подобной двойственности в замене конечных *е*, *ѣ*, то на *а* (чаще), то на *и* (реже) присутствует и в ряде других псковских памятников не только XV, но и XIV в., даже независимо от того, находится ли конечный открытый слог под ударением или нет. Например: на места, в камена, но ки сусѣчени — Пролог, 1389 г.; при костромѧ, в чрева и т. д., но на лони — Параклитик 1369 г.[212] им. п. ед. ч.: бурѣ, воле, морѧ, но в сили — Сборник Софийской библиотеки[213]; наряду со смешением *е*, *ѣ* — *ѧ*, *а*, в лѣти (запись) — Апостол 1309—12 г.[214] В памятниках XV в.: им. п. ед. ч.: полѧ, им. п. мн. ч. морѣ, но на холми, в закони — Палея 1494 г.; морѧ мѣдноѭ, но на ризи — Палея 1477 г.[215] и т. д.

Общим для всех этих примеров является то, что написания с *и* вместо *ѣ*, *е* встречаются только в одной определенной форме — окончаниях дат. местн. п.[216], в то время как написания с *а*, *ѧ* вместо *ѣ*, *е*, равно как и обратные, не могут быть приурочены к какой-нибудь конкретной форме.

Если мы обратимся к показаниям современных псковских говоров, то в тех из них, где этимологические звуки «ё» и «е» совпали во всех условиях, произношение на месте этимологических звуков «ё» и «е» звука [и] следовало бы ожидать только в слогах безударных, однако, исследователи современных псковских говоров не раз отмечали произношение звука [и] также и в ударяемом окончании дательного — местного падежей[217]. На том жырагли, по тяби (Н. М. Каринский. Говор Мды)[218], в ряки (совпадение форм род.-дат., местн. п. не зафиксиро-

---

[211] Р. И. Аванесов. Очерки русской диалектологии, стр. 117.

[212] А. И. Соболевский. Очерки из истории русского языка, стр. 126.

[213] Н. М. Каринский. Язык Пскова, стр. 133.

[214] А. И. Соболевский. Очерки из истории русского языка, стр. 123.

[215] Н. М. Каринский. Язык Пскова, стр. 13—14, 21, 48, 49, 51. Нельзя, конечно, упускать из виду того, что в памятниках XV в. отдельные написания, смешивающие буквы *а*, *ѧ*, *я*, *е*, *ѣ*, можно объяснить графически.

[216] О нефонетическом появлении этого [и] см.: В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики севернорусского наречия, стр. 265.

[217] Так как не во всех приведенных материалах оговорено, встречается или нет в говоре совпадение форм родительного, дательного, местного падежей слов женского рода на *а*, то мы будем приводить только слова муж. и средн. рода.

[218] Н. М. Каринский. Очерки из истории псковской письменности и языка, стр. 34.

вано), на столи — Островский уезд (мат. V, стр. 2); мни, тиби, на окни — Псковский уезд («Живая старина», т. I, вып. 3, стр. 203); ф столи — Островский уезд (РФВ XI 24); ф катли — Псковский уезд (А. И. Соболевский. Опыт русской диалектологии, стр. 44), на двори (там же, стр. 45), во двори — Псковская губерния («Живая старина», т. XXI, вып. 3, стр. 298). Как указывал И. Е. Евсеев, в говорах Пороховского уезда *е* в формах дательного и местного падежей положительно неизвестно, говорят *об отци*, *на окни* и т. д. («Живая старина», т. I, вып. 3, стр. 203).

Вероятнее всего здесь дело не в фонетическом изменении «ѣ» > [и], а в произношении звука [и] в одной строго определенной падежной форме. Произношение в современных псковских говорах в этой форме [и] вместо «ѣ» даже в ударяемых слогах делает предположение о морфологической черте наиболее убедительным. Как можно предположить на основании написаний псковских памятников, эта черта издавна была свойственна псковским говорам.

Считаем, что встречающиеся в Прологе 1383 г. и других псковских памятниках написания, содержащие в конечном открытом слоге, с одной стороны, написание *е*, *ѣ*—*а*, ѧ, а с другой замену *е*, *ѣ* на *и*, не находятся в противоречии друг с другом: первые объясняемы явлениями фонетического порядка, вторые — морфологического[219]. Однако следует сделать две оговорки. Первое. Мы не настаиваем на том, что [и] в форме дательного-местного падежей было обязательно присуще всем древнепсковским памятникам. В частности, Погодинский список Псковской летописи содержит в дательном и местном падежах примеры замены *е*, *ѣ* только на ѧ[220]: на дорогѧ, на рѣкѧ[221] и т. д. (при довольно значительном количестве примеров написания *и* вместо *е*, *ѣ* в других условиях).

Второе. Наличие в одних и тех же памятниках в дательном, местном падежах то окончания ѧ, то *и* (вместо *ѣ*, *е*) делает вероятным предположение о какой-то добавочной дифференцированности в произношении того или другого окончания. Однако незначительность имеющегося в нашем распоряжении материала не позволяет делать какие бы то ни было заключения о нормах, регламентирующих существование в одних и тех же памятниках: в костромѧ и на лони; в местѧ и вкоупи. Следует указать, что в современных псковских говорах колебание в произношении в безударных слогах после мягкой согласной, то звука [а], то [и] А. П. Евгеньева отмечала у одних и тех же лиц не только в фонетически сходных условиях, но даже в одних и тех же корнях и формах[222].

Помимо приведенных выше, в Прологе отмечен еще целый ряд напи-

[219] Мы имеем в виду те псковские памятники, которые содержат замену *ѣ* на *и* только в форме дательного и местного падежей.

[220] Н. М. Каринский. Язык Пскова, стр. 81.

[221] По-видимому, имела место энклиза.

[222] А. П. Евгеньева. Третья диалектологическая экспедиция филол. ф-та ЛГУ. «Докл. и сообщ. филол. ин-та ЛГУ», 1949, № 1, стр. 213.

саний с *и* вместо *е*, объясняемых, по-видимому, причинами чисто морфологическими. Сюда относятся написания *и* вместо *е* в окончаниях род., мест. п. ед. ч. древних основ на согласные: *с нбиси* 67,2 и т. д., *исъ цркви* 8,3 и т. д., *о имени* 77,2 и мн. др.; в окончании им. п. мн. ч. основ на согласный: *кртиани* 33,4 и т. д.; *хртиани* 92,2; *римлани* 153,4 и т. д., а также написание *и* в окончании им. п. мн. ч. членной формы причастий м. р.: *дьржаштии* 10,1; *глштии* 54,3 и т. д.

У второго писца Пролога мы должны рассматривать написания с *и* вместо *е* отдельно от написаний с *и* вместо *ѣ*.

Написание *и* вместо *е* встретилось у второго писца только в одной определенной форме: нъ дѣлаимъ 116,1, не въслѣдоуимъ 101,2.

Считаем, что у второго писца эти написания появились в результате взаимодействия в его говоре различных классов глаголов. Написания с *и* вместо *е* в безударных слогах встречаются иногда в древнерусских памятниках, не отразивших следов аканья, например, в Чудовском сборнике[223] и в Лаврентьевской летописи[224]. Спорадическое произношение *и* вместо *е* в безударных слогах отмечено и в современных окающих говорах[225]. Поскольку оба встретившиеся у второго писца написания с *и* вместо *е* пришлись на одну и ту же формальную морфему, легко допускающую морфологическое объяснение, у нас нет оснований утверждать, что второй писец не различал безударных «е» и «и».

Написания *и* вместо *ѣ* отмечены у второго писца в следующих случаях: *свитило* 113,1; *винец* 106,1; *первиⷦ* 101,4, и в окончании дат., местн. п. *на огнени колесници* 118,4 и *вкоупи* 120,3.

Существенно отметить, что в примерах, содержащих замену *ѣ* на *и*, послсдующий согласный оказывался мягким (в *первиⷦ* [j]). Наличие последующего мягкого согласного должно было способствовать еще болсе узкому произношению звука «ĕ», в результате чего могло происходить его сближение или, может быть, полное совпадение со звуком [и]. Замена *ѣ* на *и* в положении перед мягкой согласной и в абсолютном конце слова была отмечена во многих новгородских памятниках и признавалась отражающей произношение в этих условиях звука «ĕ»[226]. Считаем, что встретившиеся у второго писца написания с *и* вместо *ѣ* также должны быть признаны отражающими черту его произношения, т. е. указывающими на то, что звук «ĕ» в положении перед мягким

[223] В. Н. Щепкин. Сборник Чудова монастыря № 20 «Чтения в общ. ист. и древн. Росс.». М., 1889, кн., 3, стр. 15, 18, 20.

[224] Н. С. Некрасов. «Изв. ОРЯС», 1896, кн. 4, стр, 901.

[225] П. С. Кузнецов. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров; П. Я. Черных. Говор села Григорьева. «Уч. зап. Ярославского пединститута», 1944; его же. Нижне-нейский говор. Там же.

[226] А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот, стр. 176. В. В. Виноградов. Исследования в области фонетики севернорусского наречия, стр. 189—197.

согласным и в абсолютном конце слова произносился вторым писцом сходно со звуком [и].

Зависело ли свойственное второму писцу позиционное изменение «ѣ» > [и] от положения слога по отношению к ударению? Поскольку в слогах под ударением случаи написания *и* вместо *ѣ* также приходились или на положение перед мягким согласным или на абсолютный конец слова, можно думать, что изменение «ѣ» > [и] происходило в произношении второго писца независимо от положения слога по отношению к ударению[227]. Написания с *и* вместо *ѣ*, встретившиеся в безударных слогах, снова сближают листы второго писца Пролога с написаниями памятников новгородских или с теми из псковских памятников, которые отразили говоры, близкие к новгородским.

Написание с е(ь), ѣ вместо и

На листах первого писца отмечены следующие написания *е(ь)*, *ѣ* вместо *и*.

В первом предударном слоге: *свьрилнику* 10,1 и *в желишта* 42,3.

Написание с буквой *е*(ь) слов: *в желишта* и *свьрилнику* следует рассматривать наряду с написаниями, содержащими в том же положении замену *е* на *и* (*злочистивых* и др.). Наличие в первом предударном слоге примеров взаимной мены букв *е*(ь), *ѣ* — *и* служит подтверждением в пользу высказанного ранее предположения, что в первом предударном слоге на месте звука «е» писец Пролога произносил звук [и].

Встретившиеся в Прологе написания с *и* вместо *е* и *е* вместо *и* в первом предударном слоге отмечены в тех случаях, когда под ударением также находился гласный верхнего подъема, последующий же согласный оказывался то твердым, то мягким. Следовательно, можно утверждать, что произношению первого писца Пролога не было свойственно ни сильное, ни умеренное, ни диссимилятивное яканье. На основании приведенных здесь написаний и отмеченного выше написания *мѧдѧному* можно было бы сделать заключение о том, что произношению первого писца Пролога было свойственно ассимилятивное яканье. Однако наличие, во-первых, только одного примера замены *ѣ*, *е* на *ѧ*, во-вторых, сравнительно позднее появление самого ассимилятивного якания, и, в-третьих, отсутствие следов подобного типа яканья как в современных псковских, так и севернобелорусских и средневеликорусских говорах делают подобное предположение невозможным. Таким образом, признавая, что написание с *и* вместо *е* и *е* вместо *и* в первом предударном слоге свидетельствуют о произношении писцом в этих условиях на месте звука «е» звука [и], мы все же не можем составить себе представления о том, было ли свойственно произношению писца иканье или может быть все-таки какая-нибудь из разновид-

[227] То, что характер изменения «ѣ» > [и] не зависел от положения слога по отношению к ударению, служит лишним аргументом в пользу того, что аканья, в широком смысле этого термина, в произношении второго писца не было.

ностей яканья (например, яканье умеренное). Более вероятным кажется нам все-таки первое предположение, но категорически настаивать на нем мы не можем. Данные современных псковских, севернобелорусских и средневеликорусских говоров делают одинаково вероятным оба предположения [228].

Во втором предударном слоге написаний с *е(ь), ѣ* вместо *и* на листах первого писца не отмечено.

В заударных слогах отмечены: *о законопрѣступнѣцѣ* 85,1; *·друзѣ двѣ* 56,2 и *честнѣѥ главе* 39,2. Каждое из них в отдельности могло бы казаться сомнительным (формы двойственного числа были для писца мертвыми, вследствие чего в написании *о законопрѣступнѣцѣ* можно видеть механическую описку). Но взятые вместе и сопоставляемые со свьрилнику, желишта и примерами написания *и* вместо *е* (ь), *ѣ*, они могут расцениваться как отражение неразличения писцом безударных этимологических «и», «е», «ь»-сильного, «ё», т. е. мы считаем, что в заударных слогах на месте этимологических «е», «ь»-сильного, «ё» писец произносил звук [и]. Исключение составляли, по-видимому, только некоторые формы имен существительных, в которых произношение звука «е» совпадало у писца с произношением не звука [и], а звука ['а] [229].

У второго писца примеров написания *е* вместо *и* в безударных слогах не отмечено.

Написание *ѣ* вместо *и* отмечено у второго писца один раз в форме именительного падежа множественного числа существительных мужского рода: *си ми твориша бзѣ* и *си приложат ми* 119,2. Написания с *ѣ* вместо *и* в форме именительного падежа множественного числа, независимо от того, было ли ударение накоренным или наконечным, нередко отмечалось в памятниках новгородских [230].

---

[228] Н. Н. Соколов. Говоры Псковской губ., стр. 157—158; В. Н. Чернышев. Говор Пушкинского района, стр. 110; К. А. Иеропольский. Говор деревни Савкино, стр. 587; А. П. Евгеньева. Экспедиция ЛГУ, «Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русск. яз.», 1947, № 1, стр. 82; ее же. Вторая диалектологическая экспедиция в Псковскую область, «Вестник ЛГУ», 1946, № 4—5, стр. 239—240.

[229] Мы не упустили из виду того, что написания с *ѣ, е, ь* вместо *и* пришлось в свьрилнику, храмѣне и в желишта на положение перед *р, л, н*, т. е. на те условия, в которых памятники новгородские (а в некоторых случаях и псковские) содержат в слогах под ударением написания с *е* вместо *и*, отражающие расширение звука [и] перед *р, л, н*. Однако, учитывая, что в словах под ударением подобные написания производили в Прологе (а вероятнее всего и в других древнепсковских памятниках) впечатление скорее лексических заимствований, чем отражающих фонетическую черту говора, мы считаем более правильным рассматривать желишта, храмѣне и свьрилнику не в связи с возможным расширением звука [и] перед звуками [р], [л], [н], а наряду с другими написаниями, свидетельствующими о свойственной произношению первого писца редукции безударных гласных неверхнего подъема.

[230] В. В. Виноградов. Исследование в области фонетики севернорусского наречия, стр. 239.

Отдельные явления в области написания букв, обозначающих на письме гласные звуки

Помимо примеров нарушения принятых орфографических норм в употреблении рассмотренных выше букв, обозначающих гласные звуки, следует указать еще на некоторые случаи нарушения писцами норм употребления букв, обозначающих на письме гласные звуки.

У первого писца отмечено написание ѧ вместо *и*: *инеми множаисѧми възвеличанъ бы* 75,2.

Вероятнее всего это написание предполагает фонетическое объяснение и должно быть поставлено в ряд с теми написаниями, которые свидетельствуют о наличии в произношении первого писца аканья.

Написания на стыке приставки и корня, начинающегося с *и*, буквы *ы* вместо *и*: *не взыде* 65,4; *взымавъ ихъ* 157,1; *възыскати* 49,4 и т. д., которые без сомнения отражают произношение писца. Действием причин морфологических мы объясняем отмеченные у первого писца написания в формальных морфемах *о* вместо *ы*: *съ добромъ лицемь* 32,4, тв. п. мн. ч.: *дѣлы доброми* 142,4 и т. д.; *ы* вместо *и*: им. п. мн. ч.: *мужи крилаты* 94,2, тв. п. мн. ч.: *добрымы дѣлы* 94,1[231], им. п. мн. ч. ж. р. *самы двьри* 31,4, *самы души* 71,1 и т. д. [232]; *и* вместо *ы*: *з женъ съвлѣчены повѣшены въвьржены быша* 21,1, *различними* 12,1.

Мы затрудняемся сказать, чем следует объяснить многочисленные случаи пропуска первым писцом слога *-за*: *много тштаниѥ покавъ* 51,4; *накавше ѿаслати* 81,1 и т. д., а также несколько примеров написания *ы* вместо *и* после буквы *н*: *исполнысѧ* 13,1; *кныгы* 28,3, 29,1; 30,2 и т. д.[233]

Отмеченные у второго писца написания; *съ плачемъ проважамъ* 131,1; *племѧ жидовьско возрадоутсѧ* 124,1; *надѣтисѧ* 101,2; *оканъный* 123,2 и т. д. отражают наличие в его произношении стяжения гласных.

В конечном открытом слоге у второго писца отмечено несколько примеров написания буквы *и* вместо ѣ: *и словесы оученьи ѥго наслажатсѧ* 114,2; *иѣкова же яко мощи пити чашю юже гъ пии* 133,3 и т. д. и один пример написания в тех же условиях ѣ вместо *и*: *и се ѣвѣ ѿгроба въ|зъгласи ананьꙗ* 129,1.

---

231 Об окончании *ы* в творительном падеже прилагательных см. А. И. Соболевский. Лекции, стр. 176; А. А. Шахматов. Грамота псковского князя Ивана Александровича, стр. 345; Н. М. Каринский. Язык Пскова, стр. 176.

232 О форме *сами* см. Н. М. Каринский. Язык Пскова, стр. 38.

233 Об отвердении парных согласных в говорах будущего украинского и белорусского языков см. Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах. «Вестник МГУ», 1947, № 9, стр. 133. Об отвердении конечных [р], [л], [н], отраженном в древнейших памятниках болгарской письменности, см. П. А. Лавров. Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка. СПб., 1893, стр. 101—104

Объяснить причину появления этих написаний мы затрудняемся, хотя и считаем, что нет никаких оснований видеть в них отражение особенности произношения второго писца.

Употребление букв, обозначающих согласные звуки.

Написания, смешивающие буквы с—ш, з—ж

Смешение свистящих и шипящих — характернейшая черта древнепсковских памятников — представлено в Прологе достаточно большим количеством примеров.

Написания, смешивающие *ж—з*, *с—ш*, представлены в корнях слов, на стыке корня и формальных элементов и в формальных морфемах (несколько реже).

ж вместо *з*: жимою 48,2; оужника 30,2; кладажь 145,4; не можи 152,4; сапожи и т. д. — всего 32 раза.

з вместо *ж*: зизнь 4,2; зѣлаше 85,2; в затву 156,3; обназивъ 21,1; показите 36,1; наказютьсѧ 46,2 и т. д. — всего 29 раз.

ш вместо *с*: да вѣши 13,3; герашиму 5,3; пр҃рк лишии 93,8; носаше 36,2; да ше вѣдуще 6,3; до шего дне 44,3; възѧлъ ши комканик 11,2; в энклитике сѧ: мния вѣнцѣмь оувѧзосѧше 137,2; 137,2; поклонше старець 11,2 и т. д. — всего 43 раза.

с вместо *ш*: помѣсати 21,2; псенице 14,4; по сести мць 11,3, часа[234] 54,3; написи 25,4 и т. д. — всего 38 раз.

В суффиксах глагольных форм и личных окончаниях: отроци несоса 34,3, пастуси пасоса 93,1; боисиса 65,2; знаисси 55,1 и т. д. — всего 96 раз. Кроме того, отмечены многочисленные примеры написания *с* вместо *ш* в формах имперфекта и причастий действительного залога: гр҃вяслсе 48,2; крыясѧша 8,1; молѧсесѧ 8,1; крьси въздрастъси 59,2; рексю 28,3 и т. д. и т. д.[235]

В Прологе не отмечено ни одного примера написания *ш* вместо *с* и *ж* вместо *з* в тех случаях, когда в слове было возможно чередование твердых и мягких «з», «с» || «з'», «с'», (полза, о ползѣ и т. д.). Поэтому написания вроде многазды 8,1, прилѣзно 69,4, желѣжни 85,2 и т. д. указывают, по всей вероятности, на сохранение этимологической мягкости соответствующих звуков.

Смешение *ж—з*, *ш—с* представлено как в словах разговорных, так и в словах книжных и даже церковно-книжных. Количественное

---

[234] Содержит правку *с* на *ш*.

[235] Количество отмеченных у писца примеров смешения *с—ш*, *з—ж* может быть, конечно, несколько уменьшено, так как в некоторых случаях написание *с* вместо *ш*, *ж* вместо *з* и т. д. можно объяснять графическим влиянием буквы соседнего слога. Некоторые написания с *с*, *з*, вместо *ш*, *ж* могли быть перенесенными из древнеболгарских оригиналов. (П. А. Лавров. Обзор звуковых и формальных особенностей болгарского языка, стр. 101).

преобладание примеров смешения *ж — з* и *ш — с* в корневых морфемах над смешением их в формальных морфемах, например, суффиксе *-стьс(и)*, а также в энклитике *же*, местоимении *весь* и т. д. должно быть, по-видимому, связано, лишь с тем, что при написании формальных элементов писца в большей мере ограничивало знание орфографических норм. Представляется бесспорным, что буквы *с — ш* (точно так же как буквы *ж — з*) обозначали для писца (не в положении перед гласными непереднего ряда) один и тот же звук.

По поводу того, как произносились в древнепсковских говорах звуки, обозначавшиеся буквами *ш—с*, *ж—з*, между исследователями псковских памятников разногласий не было. Общим мнением было, что в древнепсковском говоре этимологические «с'» — «ш» и «з'» — «ж» совпали в звуках, средних между мягкими свистящими и шипящими, т. е. в мягких шепелявых звуках[236]. Разногласия шли лишь по вопросу происхождения этой черты. А. И. Соболевский считал ее исконно «русской» и предполагал «вполне возможным» отнесение ее к «общеславянскому периоду»[237]. А. А. Шахматов видел в смешении *ш—с*, *ж — з* результат древнейшего влияния мазуракающих ляшских говоров[238]. А. М. Селищев, также считавший, что неразличение в ряду свистящие-шипящие было вызвано «воздействием иной звуковой системы», утверждал, что «изменения в рядах шипящих и свистящих согласных в русских говорах находились в той или иной связи с финским воздействием. Это воздействие шло от групп прибалтийских (западных) финнов в районе Псковского края. Исходило оно и от финнов, живших в бассейнах Волги и Оки»[239]. Поскольку есть основания полагать, что мазуракание действительно относится к числу явлений сравнительно позднего времени[240] (XV—XVI в.), точка зрения А. М. Селищева кажется нам наиболее приемлемой.

Наряду с многочисленными написаниями, содержащими смешение *ж — з, ш — с* перед буквами, обозначающими на письме мягкие согласные или гласные переднего ряда, нами отмечено два написания *ж* и *ш* на месте *з* и *с*, передающих на письме твердые свистящие звуки: истѧжаить 71,3 и напишасѧ 149,4.

На отвердение шипящих и «ц» в говоре писца Псковской Лествицы 1479 г. указывала описавшая ее язык М. Корнеева-Петрулан[241]. Неодно-

---

[236] Н. М. Каринский. Из истории псковской письменности и языка, стр. 42. А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода истории русского языка, Пг., 1915, стр. 327.

[237] А. И. Соболевский. Очерки из истории русского языка, стр. 150.

[238] А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода, стр. 327.

[239] А. М. Селищев. Соканье и шоканье в славянских языках. «Slavia», т. X, кн. 4, стр. 738.

[240] А. М. Селищев. Славянское языкознание, т. I. М., 1941, стр. 330.

[241] М. Корнеева-Петрулан. Лествица 1474 г., как памятник письменного языка псковской области XV в., стр. 25, 253.

кратно отмечал в псковских памятниках «обозначение твердости шипящих» и Н. М. Каринский[242]. Попытаемся определить, были ли шипящие[243] в произношении первого писца Пролога только мягкими или уже можно говорить об отражении следов их отвердения. На сохранение мягкости шипящих указывает, с нашей точки зрения, следующее:

1. В Прологе не встретилось ни одного внушающего доверия примера написания после *ж* и *ш* букв *о*, *у*, *ъ*, *ы*, что вряд ли может быть поставлено в связь только с нормой орфографии (первый писец Пролога изредка все-таки нарушал нормы, идущие в разрез с его произношением).

2. Отмечены единичные случаи написания после шипящих буквы ѧ, например, *жѧ* (*же*) 31,1; 74,3.

О том, что написания после шипящих с буквой *а*, а не ѧ (которой писец обозначал мягкость предшествующего согласного), являются следствием только графической нормы, а не отражают соответствующее произношение, говорят также написания: *в заѧтву* 156,3, *лѣзѧ* 78,3, *просѧти* 93,1 и др. То есть те примеры, в которых писец, написав на месте этимологического «ж» или «ш» буквы *з* или *с* и освободив себя вследствие этого от обязательной для него графической нормы, мог писать гласную в соответствии со своим произношением. Ср. также обратные: *ношаше* 96,2, род. п. *вышаштасѧ яко кедри* 79,1 и т. д.

3. Написание возвратной энклитики. Мягкость согласного в возвратной частице *сѧ* может быть признана безусловной (свойственное некоторым белорусским говорам отвердение звука [с] в возвратной частице *ся* — явление значительно более позднее, начавшееся лишь после отвердения [ц])[244].

В Прологе нами отмечено значительное количество примеров, в которых смешиваются *сѧ* — *ша*: и не *покорьша повешенъ бы* 136,2; *ярость свою излиясѧ на нь* 39,2 и т. д., и даже случай двойной мены: *к пештерѣ шьдъше крыясѧша* 92,2 и т. д.

Появление подобных написаний объяснимо лишь при условии, что то и другое сочетание букв (*сѧ* и *ша*) отражает сочетание мягкого согласного с последующим гласным звуком.

Таким образом, наличие в нашем распоряжении значительного количества фактов, указывающих на то, что шипящие в произношении писца были мягкими, не дает нам основания видеть в единичных написаниях *ж* и *ш* на месте твердых свистящих указаний на отвердение шипящих. Отмеченные выше истѧжають и напишасѧ должны иметь графическое объяснение: сочетания *ша*, *жа* были зрительно привычны

---

[242] Н. М. Каринский. Язык Пскова, стр. 29, 54, 70, 83, 116, 124 и т. д.

[243] Вернее даже не шипящие, а шепелеватые звуки, в которых совпали «ж» — «з'», «ш» — «с'».

[244] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II, кн. 1. Варшава, 1908, стр. 458.

для писца, поэтому графическая замена *з* на *ж* и *с* на *ш* могла произойти и вне зависимости от характера их произношения.

Долгий звонкий шипящий (получающийся в новых группах согласных) передавался писцом посредством написания *жьж*: *пожьже* 20,3; *подожьже|нъ* 48,1; *въжьжегъ* 42,2 и т. д. и произносился, по-видимому, как [$\overline{ж}$'^{з}] (никаких указаний на наличие взрывного элемента [ждж] в этих условиях нет). Долгий шипящий глухой обозначался писцом посредством буквы ц (*шт*): *отпуштенъ* 21,4; *помошти* 94,1; и т. д Полагаем, что долгий шипящий глухой произносился писцом как [ш^{с}'$\overline{ч^{т}}$']. Ср. встретившееся в Прологе написание *дъште*, которое вслед за А. И. Соболевским и А. А. Шахматовым объясняем как дъсце[245].

Смешение букв *с — ш*, *ж — з*, широко представленное в большинстве псковских памятников XIV и даже первой половины XV вв., в памятниках конца XV начала XVI вв. представляет собой уже сравнительно редкое явление.

Чрезвычайно редки примеры смешения букв *с — ш*, *ж — з* в псковских памятниках конца XV в. См. Палея 1494 г., Палея 1477 г., Сборник Синодальной библиотеки № 154 (датируется концом XV и началом XVI вв.) и т. д.[246] Нет совершенно примеров смешения *с—ш*, *ж — з* в псковской Лествице 1474 г.[247] Единичны и непоказательны примеры смешения букв *с — ш*, *ж — з*, отмечавшиеся в летописи Авраамки[248] и списках псковской летописи[249].

Таким образом на основании показаний древнепсковских памятников XIV—XVI вв. мы можем проследить процесс изживания псковскими говорами фонетической черты, появившейся в них в результате языкового воздействия иноязычной среды.

В современных псковских говорах шепелявость отмечается почти повсеместно, но лишь как пережиточное явление. Как указывает А. П. Евгеньева: «шепелявость в произношении мягких [з] и [с] наблюдается обычно в отдельных словах конкретного содержания, очевидно, старых в самом говоре: [ишшопка] (подвальн. помещение под избой) [оз^{ж}им], [сказ^{ж}ник] и некоторых других»,[250] в топонимике: [з^{ж}имари][251], [зелезово][252].

---

[245] А. И. Соболевский. Очерки из истории русского языка, стр. 152; А. А. Шахматов. Исследование в области русской фонетики, стр. 233.

[246] Н. М. Каринский. Язык Пскова, стр. 30, 55, 71.

[247] М. Корнеева-Петрулан. Лествица 1474 г., стр. 253.

[248] Н. М. Каринский. Особенности письма и языка рукописного сборника XV в., именуемого летописью Авраамки, стр. 23.

[249] А. И. Соболевский. Славянорусская палеография. СПб., 1908, стр. 89; С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., 1946, стр. 7.

[250] А. П. Евгеньева. Экспедиция ЛГУ. «Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русск. яз.» 1947, № 1.

[251] К. А. Иеропольский. Говор деревни Савкино, стр. 588.

[252] В. И. Чернышев. Говор Пушкинского района, стр. 112.

Отсутствие смешения звуков [з] — [ж], [с] — [ш] в современных псковских говорах послужило в свое время причиной того, что древнепсковский говор стали считать вымершим, а псковскую область «утратившей значительную часть своего древнего населения»[253].

На листах второго писца Пролога смешение *ж — з*, *ш — с* полностью отсутствует. Отмеченные на его листах: *сершении* 129,2 и *гъ же англъ немлтивъ послеть на нь* 105,2 встречаются написанными то с *ш*, то с *с* в памятниках, которым смешение *ш* и *с* вообще чуждо[254]. Следовательно, перед нами еще одна орфографическая черта, противопоставляющая говоры первого и второго писцов Пролога[255]. Отсутствие на листах второго писца примеров написания после *ж* и *ш* букв *ъ*, *у*, *ы* позволяет предположить, что, во-первых, шипящие в его произношении были еще мягкими, и, во-вторых, что встретившееся у него написание *шоломъ* — было перенесено писцом из его оригинала.

Написания, смешивающие буквы ч—ц

У первого писца Пролога отмечено значительное количество примеров, содержащих написание букв *ц* вместо *ч* и *ч* вместо *ц* в различных категориях морфем.

Ч вместо *ц*. В корнях слов: прочвѣтоша 19,4; чркви 79,1; человавъ 58,1; многочьненъ 33,1 и т. д.; на стыке морфем: въ свѣ немерчающтемъ 67,4; наричатиса 62,4; мчь апрель 24,2; жесточии 86,4; до конча 30,4; по оуличамъ 62,2; повелит. накл.: рчи 32,1 и т. д. — всего около 60 примеров.

Ц вместо *ч*. В корнях слов: оуцередивъ 44,2, оцистимса 51,4, в црѣво 45,3 и т. д.; на стыке морфем: вѣнцанъ 51,3; сконцаса 4,3; оцьство 5,1; в притяжат. прилаг.: мьзду правьдницю 97,2; снъ члвць 75,4; луча слнцья 61,2 и т. д.; в зват. форме: ѡце 3,1; члвцѣ 65,3; в глаг. формах: попецѣмса 37,2; огорциса 33,2; погребающе 37,2; исправливающе 98,4 и т. д. Всего около 50 примеров.

Написания *ч* вместо *ц* и *ц* вместо *ч* носят характер взаимного смешения этих букв, причем, так же как и в случае смешения *с—ш*, *з — ж* не может быть речи ни о лексической ограниченности примеров, содержащих смешение *ц* и *ч* (мена *ц — ч* представлена как в словах бытовых разговорных, так и в чисто книжных), ни о преобладании одной буквы над другой. Смешение *ч* и *ц* встречается не только в корневых морфемах, но и на стыке корня (основы) и окончания, т. е.

253 А. И. Соболевский. Очерки из истории русского языка, стр. 156.

254 И. И. Срезневский. Материалы для словаря, т. III, стр. 817, 1604; т. II, стр. 1277; Н. М. Каринский. Язык Пскова, стр. 98.

255 Возможно, что специфическое неразличение шипящих и свистящих могло вообще проявляться в различных древнепсковских говорах в разной степени. В частности, можно предположить, что в тех древнепсковских говорах, которые соединились с новгородскими говорами и характеризовались сходными с ним чертами, произношение свистящих-шипящих отличалось от произношения этих звуков в центральных и северо-западных частях Псковской земли.

в тех формах, в которых писцу было легче следовать этимологическому принципу написания (исключение составляет только суффикс действующего лица *-ьц-*, в котором замена *ц* и *ч* не отмечена ни разу). Поэтому не может быть сомнения в том, что взаимная мена *ц* и *ч* отражает неразличение в произношении писца звуков «ц» и «ч»[256].

Шепелявый характер произношения в древнепсковских говорах шипящих не вызывает сомнения (данные в пользу такого их произношения содержат даже современные псковские говоры)[257]. Полагаем, что шепелявым был в древнепсковских говорах и звук, произносившийся на месте этимологических «ц» и «ч». Но был ли он [ч^{п}] — как это предполагал Н. М. Каринский[258], или [ц] шепелявое — как это утверждал А. А. Шахматов[259], мы сказать затрудняемся.

Что касается происхождения этой черты, то общим мнением является объяснение цоканья иноязычным влиянием с той только разницей, что А. И. Соболевский и А. А. Шахматов[260] видели в цоканье результат влияния мазуракающих польских говоров. А. М. Селищев и Р. И. Аванесов[261] объясняют польское цоканье «в связи со смешением с иноязычным финским элементом» (последняя точка зрения в настоящее время является наиболее распространенной).

Отсутствие в Прологе написания после *ц* и *ч* букв *ы*, *ъ*, *о*, *у* свидетельствует о сохранении в говоре писца мягкости звука, произносимого им на месте этимологических «ц» и «ч». На мягкость звука, произносимого на месте «ц» и «ч», указывают также немногие примеры написания после *ч* и *ц* буквы *а*: *ячѧща* 38,2; *црцѧ* 45,3. Считаем, что звук, произносившийся первым писцом Пролога на месте этимологических «ц» и «ч», не уступал по своей мягкости звукам, произносившимся на месте мягких свистящих-шипящих.

---

[256] Вопрос о том, отражают ли указанные написания совпадение или смешение этимологических «ц» и «ч» кажется нам излишним. Сосуществование двух различных звуков, употребляющихся беспорядочно один вместо другого, возможно большей частью лишь в качестве переходной ступени или к вытеснению одного звука другим или к этимологическому их упорядочению. Так как у нас нет никаких данных предполагать, что древнепсковский говор в отношении произношения звуков [ц] и [ч] переживал в XIV в. какой-нибудь переломный период, то мы считаем встречающееся в Прологе смешение букв *ц* и *ч* отражением совпадения этимологических звуков «ц» и «ч», в результате чего буквы *ц* и *ч* явились для писца двойным способом выражения одного звука.

[257] А. П. Евгеньева. Экспедиция ЛГУ. «Бюллетень диалектологического сектора Ин-та русского языка», 1947, № 1, стр. 82—83; К. А. Иеропольский. Говор деревни Савкино, стр. 588; В. И. Чернышев. Говор Пушкинского района, стр. 112.

[258] Н. М. Каринский. Очерки из истории псковской письменности и языка, стр. 41.

[259] А. А. Шахматов. Очерки древнейшего периода, стр. 318.

[260] А. И. Соболевский. Очерки из истории русского языка, стр. 124; А. А. Шахматов. Очерки древнейшего периода, стр. 318.

[261] А. М. Селищев. Соканье и шоканье в славянских языках, стр. 737; Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах, стр. 125.

Однажды встретившееся в Прологе написание в местн. п. *о оцѣ* 3,2 не может быть признано противоречащим утверждению о мягкости звука, произносимого на месте «ч» и «ц», так как в нем следует, по-видимому, видеть результат взаимодействия твердой и мягкой разновидностей склонения.

Возможно, что в написаниях *в земли грѣтьстѣи* 21,2 и *къ инотьству* 81,1; 81,3 содержится указание на то, что звук в котором совпали «ц» и «ч», был близок по своему произношению к [т']. Ср. с отмеченным выше *дъште*.

Среди современных псковских говоров встречаются говоры, различающие «ц» и «ч»; говоры цокающие (бывш. Псковский, Островский, Новоржевский, Опочецкий уезды), а также говоры чокающие (Мда; говоры Пушкинского района наряду с цоканьем). Причем количество цокающих говоров все время уменьшается, и в ближайшем будущем цоканье, как это случилось ранее со смешением мягких шипящих-свистящих, перестанет быть характерной чертой современных псковских говоров[262].

В то время как неразличение шипящих-свистящих было утрачено, по-видимому, в результате взаимодействия с белорусскими говорами и соседними средневеликорусскими (вообще значительно изменившими фонетическую систему древнепсковских говоров), утеря цоканья проходит главным образом под влиянием литературного языка (так как соседящие с псковскими говорами севернобелорусские и средневеликорусские говоры цокают или цокали в сравнительно недавнем прошлом).

У второго писца отмечен один пример написания *ч* вместо *ц*: *нарчи кто мя пренеможеть* 101,2 и три примера написания *ц* вместо *ч*: *оцю заповѣдь* 129,1; *ѡцю заповѣдь* 129,1, *ѡцьскыхъ* 132,3. По-видимому, в этих примерах (даже несмотря на то, что все примеры написания *ц* вместо *ч* приходятся на формы притяжательных прилагательных, образованных от одного и того же корня) следует видеть отражение черты живого произношения. Написания: *выше городьцѧ* 123,1, *творьцѧ* 31,2 и отсутствие написания после *ц* букв *у*, *и*, *ъ*, *о* указывают на то, что звук, в котором совпали этимологические «ц» и «ч», был в произношении второго писца мягким. Написание *чо* в *чоловѣкъ* 115,4; *чо|лвкамъ* 118,2 считаем перенесенным из оригинала.

Написания, содержащие сочетание жг

Характерное для новгородских и псковских памятников сочетание *жг* на месте древнего «ždž» представлено у первого писца десятью примерами, приходящимися на формы от дождь и пригвожденъ: *дожгю* 148,4 *пригвожгена* 57,2 и т. д.

[262] А. П. Евгеньева («Экспедиция ЛГУ», стр. 82) пишет: «В современных псковских говорах цоканье является достоянием старшего поколения, у среднего и младшего оно исчезает, а у старшего поколения также часты случаи различения *ц* и *ч* в особенности в словах новых», стр. 82.

По поводу того, какие звуки передавались этим сочетанием букв и являлось ли оно отражением черты живого произношения или церковнокнижного чтения, существовало несколько противоположных мнений[263], и вопрос о характере произношения сочетания *жг* в памятниках новгородских и псковских до сих пор остается не окончательно исследованным.

Следует отметить, что в отношении написания *жг* между псковскими и новгородскими памятниками наблюдается некоторое различие. В псковских памятниках написания *жг* или вообще отсутствуют, или встречаются исключительно в формах от слов дождь, пригвождати — пригвоздити.

Приводим полностью написания, содержащие сочетание *жг*, отмеченные в псковских памятниках XIV—XV вв. Апостол 1307 г. — пригвожгъше, дожгь надожгити; Апостол 1309—1312 г. дъжгь; Параклитик 1369 г. — примеров нет; Параклитик 1386 г. — одъжгениємь; Типографская Псалтирь 34 — дъжгь 6 раз, одожги, бездожгию; Псалтирь 35 — одъжгить, дожгь 4 раза, дрожгия (?)[264]; Евангелие-Апракос XIV в. — дожгь[265]; Лукино евангелие — примеров нет; Шестоднев 1374 г. — дожгь, дожгѧ, пригвожгенъ, пригвожгнъ[266]; Палея 1494 г. и Палея 1477 г. — примеров нет; Сборник Синодальной библиотеки 154 — дожгѧ; Сборник Синодальной библиотеки 48/270 — дожгоу, бездожгию; Сборник Синодальной библиотеки 53/255 у первого писца примеров нет, у второго — дожгемъ; Сборник Софийской библиотеки № 1262 — дожгь — 4 раза, дожгить — 3 раза, дожгеве, пригважгѧисѧ, пригвожгѧємсѧ, пригвожгенѣ; Пролог 1425 г. — дожгь — 2 раза, пригвожгены[267].

[263] А. А. Шахматов утверждал, что в написаниях *жг*, *жд* отражается свойственное живому произношению сочетание «žj» (см. его «Очерк древнейшего периода», стр. 321—322); Н. Н. Дурново считал, что *жг* обозначает «žj», а *жд* — искусственное произношение, «žg'» («Введение в историю русского языка», стр. 14 и 212). его же. Очерки истории русского языка, стр. 178; Н. С. Трубецкой видел в *жг* отражение «žγ'» («Einiges über die russische Lautentwicklung und die Auflösung der gemeinrussischen Spracheinheit», Zeitschr. f. slav. Phil. I, стр. 287—319), и, наконец, А. М. Селищев считал, что *жг* отражает «žd'» (с палатальным затвором, а не фрикацией), см. «Критические замечания о реконструкции древнейших судеб русских диалектов», «Slavia», 1928, R. VII, seš. 1—2, стр. 33 и рецензия на «Очерки...» Н. Н. Дурново. «Изв. ОРЯС», т. XXXII, 1927, стр. 325.

[264] А. И. Соболевский. Очерки, стр. 120, 123, 125, 133, 134, 137, 142.

[265] Б. А. Бандуров. Евангелие-Апракос XIV, стр. 287. Отмеченное в памятнике рожгьѥ Бандуров считает сомнительным.

[266] Н. М. Каринский. Очерки из истории псковской письменности, кн. 1, стр. 48.

[267] Н. М. Каринский. Язык Пскова, стр. 34, 57, 71, 118, 126, 137, 141. Исключение составляют Псалтирь Fn № 1, описанная А. И. Сорочаном, в которой на месте северного *жг* мы находим южное *жч*: дожчь, дожчевныхъ, дожчевнымъ 2 раза (А. Н. Сорочан. Псалтирь Fn № 1 как памятник древнерусского языка, стр. 264) и Погодинский список Псковской летописи, в котором помимо дозгѧ, дожгевныхъ отмечено наезгѧти, съезгѧвсѧ, поезгѧ. Н. М. Каринский. Язык Пскова, стр. 85.

Что же касается написания *жг* в новгородских памятниках, то в них мы такой лексической ограниченности не находим. Ср. примеры написания *жг*, приводимые А. А. Шахматовым из новгородских памятников: дъжгъ, одъжги — Минея 1095 г. № 194; дъжгемь, бездъжгемъ — Минея XI в. № 221; пригвожгено — Пролог XIII в.; дъжгъ, дъжги — Паремийник 1271 г. и т. д. и наряду с ними ижгилъ, въжгелавъши, пръжге, рожгеникъ, рожгеныхъ, побежгенъ — Минея 1095, въжгелѣвъши — Минея XI в., чюжгии — Псалтирь XIV в.[268] и т. д.

Мы затрудняемся сказать, в чем следует видеть причину указанного различия (нельзя считать совершенно исключенной возможность того, что при описании псковских памятников примеры написания *жг* могли приводиться их исследователями не полностью). В современных псковских говорах долгий звонкий шипящий произносится без взрывного элемента (ср. приводимые К. А. Иеропольским и И. В. Чернышевым [дожжык], [вожжи][269] и т. д.).

У второго писца Пролога *жг* отмечено 7 раз и только в производных от дождь: *дожгъ* 119,2 — *ы* 125,3, *дожгевнѣи* 119,3, *земли не дожгѧкми* 120,2 и т. д.

Употребление гласных после *р*

У первого писца Пролога отмечено несколько примеров написания после *р* буквы *о* вместо *е*, буквы *ъ* вместо *ь* и несколько примеров смешения после *р* букв *и* и *ы*.

о вместо *е*[270]: берозозолъ 26,4; къ двьром црковнымъ 49,4; разорона 148,1, черосъ 62,1; *ъ* вместо *ь*: мьстиславъ бѣ снъ владимиръ 39,3, миръскыи 91,1; муръскаго 38,2; храбръствова 17,1; *и* вместо *ы*:[271] ридаше 15,2, сиримъ 16,4, втории 147,4, на игри 56,4; *ы* вместо *и*: рызы 62,4, нача рыя глати 149,1.

Возможно, что какая-то часть из приведенных написаний могла представлять собою механические описки, вызванные графическим влиянием гласной соседнего слога. Некоторые из них могут предполагать свои частные объяснения, например, что *рыя* образовано от гла-

[268] А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода, стр. 321.

[269] К. А. Иеропольский. Говор деревни Савкино, стр. 588; В. И. Чернышев. Псковское наречие, стр. 171.

[270] Выше мы пришли к заключению, что прозношению первого писца Пролога изменение «е» > [о] свойственно не было.

[271] В написаниях с *ри* вместо *ры* и *ры* вместо *ри* легко можно предполагать старославянизмы (т. е. результаты влияния старославянских оригиналов). Поэтому, признавая всю условность такого деления, в настоящем разделе мы приводим лишь те примеры смешения *ри—ры*, соответствий которым мы в старославянских памятниках не нашли (ср. В. Н. Щепкин. Рассуждение о языке Саввиной книги; его же. Болонская Псалтирь; а также примеры мены *ри—ры*, собранные Ал. Лескиным в «Grammatik der serbokroatischen Sprache» и П. А. Лавровым в «Обзоре звуковых и формальных особенностей болгарского языка».

гола рыдати (с ошибочно пропущенным слогом *да*), а не риятисѧ, встречающегося, как указывал И. И. Срезневский, обычно в возвратной форме.

Применительно к описываемому Прологу следует учитывать также, что написания, содержащие нарушение орфографических норм в употреблении гласных после *р*, могли содержаться и в непосредственном оригинале писца[272]. В написании ъ вместо ь в суффиксе *-ьск-*: в *миръскыи* и *муръскаго*, может быть, можно видеть отражение позиционного отвердения [р] перед группой [ск]. Ср. *аплъ҃скымъ* 11,4 *кппъ҃скыи* 87,3, *срачинъскаго* 47,4 и т. д. (Впрочем, написания большинства памятников наоборот указывают на то, что мягкость перед этим суффиксом сохранялась особенно долго).

Таким образом, отмеченные в Прологе написания, на основании которых можно было бы делать заключение о твердом произношении писцом звука [р], несмотря на их сравнительную многочисленность, требуют к себе очень осторожного отношения. Не имея данных настаивать на своем мнении в категорической форме, мы все же считаем, что у нас есть основания полагать, что звук [р] произносился первым писцом как звук постоянно твердый.

Наличие твердого [р] в произношении писцов древнепсковских памятников не только XV, но и XIV вв. признавали все исследователи древнепсковских рукописей[273].

На существование в произношении древних псковичей твердого *р* указывают не только данные рукописных памятников, но и данные древнепсковской топонимики. Так, например, древнейший канал Пскова, соединявший некогда реки Великую и Псков, носил название Гроблей (т. е. греблей)[274], узкий пролив Псковского озера — название Жерогло (т. е. жерегло)[275].

В современных псковских говорах произношение твердого *р* отмечено в бывших Островском, Новоржевском, Опочецком и Гдовском уездах, причем везде лишь спорадически, наряду с преобладающим произношением *р* парного по твердости и мягкости[276].

---

[272] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II, кн. 2, стр. 383—389; А. И. Соболевский. Смоленско-Полоцкий говор XIII—XV вв., стр. 7—17. S. Stang. Die altrussische Urkundensprache der Stadt Polozk. Oslo, 1939.

[273] А. И. Соболевский. Очерки из истории русского языка, стр. 154; Н. М. Каринский. Язык Пскова, стр. 180—183; его же. Очерки из истории псковской письменности, стр. 31 и др. Это мнение разделял впоследствии даже А. А. Шахматов (см. его «Очерк древнейшего периода», стр. 328—329).

[274] О гребле в значении 'ров', 'окоп', 'вал' см. С. А. Тараканова. Древний Псков, стр. 12; И. И. Срезневский. Материалы для словаря, т. 1, стр. 586.

[275] Н. М. Каринский. Очерки из истории Псковской письменности и языка, стр. 33.

[276] Н. Н. Соколов. Говоры Псковской губернии, стр. 158 (Вышегородецкая волость); В. И. Чернышев. Говор Пушкинского района, стр. 115 (Бежаницкий

Помимо приведенных выше примеров нарушения орфографических норм написания гласных после *р*, у первого писца Пролога отмечено значительное количество примеров написания *о* вместо *ѣ* (*е*) в приставке *прѣ-* (*пре-*): прображивсѧ кнпмь 56,1; прообразисѧ сотона 60,4 (ср. преображисѧ 34,2; прѣображахусѧ 89,2), проданъ бы игемону 57,2; проданъ бы тѣмници 66,3 и т. д. — всего 11 раз, провъсходѧ всѣхъ 60,4 и т. д. (Ср. преданъ бы игемону 14,2, предани быша тѣмници 70,2 и т. д.) А также два примера обратного написания: прѣмежи себе 80,1 и престиша[277]. Н. М. Каринский объяснял «широко распространенную замену в памятниках XV в.[278] префикса *прѣ-* (*пре*) через *про-* и обратно в неударяемых слогах аканьем» (и твердостью [р]? — *Т. К.*) в слогах под ударением — твердостью предшествующего [р][279].

Е. Ф. Карский, отметив присутствие подобных написаний в памятниках «юго-западной Белоруссии», предполагал, что «здесь не фонетическое явление, а смешение предлогов-приставок *про* и *пре*»[280].

А. А. Шахматов объяснял эти написания как «замену чужого префикса (пр.) своим русским (про)»[281].

С нашей точки зрения, ни одно из приведенных мнений не может быть признано достаточно убедительным. Объяснение, предложенное А. А. Шахматовым, не кажется нам достаточно убедительным, так как оно не объясняет ни причин появления обратных написаний с *прѣ* (*е*) вместо *про* (в некоторых памятниках, например, Палее 1477 г. замена *про* на *прѣ* (*е*) представлена почти таким же количеством примеров, что и обратная), ни того, почему старославянское *прѣ* (*е*) должно было заменяться посредством *про*, а не русского полногласного *пере*. Не удовлетворяет нас и фонетическое объяснение, предложенное Н. М. Каринским. Действительно, ни в старославянских, ни в древнепсковских памятниках (писанных писцами, в произношении которых и не было аканья) написания *про-* вместо *прѣ-* и *прѣ-* вместо *про-* нет. (Между прочим, нет написаний с *прѣ-* вместо *про-* и *про-* вместо *прѣ-* и у второго писца Пролога). Но если считать, что написание *про-* вместо *прѣ-* и наоборот, появились в результате аканья писцов, то почему писцы древнепсковских памятников, и в том числе писец Пролога, пишут на месте

уезд); К. А. Иеропольский. Говор деревни Савкино, стр. 588; Н. М. Каринский. Очерки по истории псковской письменности и языка. (Описание говора Мды), стр. 32—33.

277 Написание *пре-* вместо *про-* содержится в самом корне.

278 Памятники XIV в. также не составляют в этом отношении исключения. Ср. Пролог 1383 г., Псалтирь Fп № 1, Шестоднев 1374 г. и т. д. Отсутствие подобных примеров в «Очерках из истории русского языка» А. И. Соболевского могло быть следствием присущей им поверхности описания.

279 Н. М. Каринский. Язык Пскова, стр. 153, 181.

280 Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II, кн. 2, стр. 127.

281 А. А. Шахматов. Несколько заметок о языке псковских памятников, стр. 127.

безударного звука «е» букву *о*, а не *и* (или *ы*). Насколько бы ни была приблизительной передача на письме звуков речи, все-таки передача посредством буквы *о* [*и*]-образного звука[282] кажется нам чересчур большой натяжкой. Кроме того, в большинстве псковских памятников (в том числе и в Прологе) мы имеем не смешение *прѣ-* (*е-*) *про-*, а заметное преобладание написания *про-* вместо *прѣ-* (*е-*), характерное же для аканья неразличение звуков должно было привести, вероятнее всего, к смешению приставок, а не замене *прѣ-* (*е-*) на *про-*.

Мы должны указать и еще на одно обстоятельство, оставшееся совершенно незатронутым в приведенных выше объяснениях. Большинство приводимых из псковских памятников примеров написания *про-* вместо *прѣ-* (*е-*) приходится на производные от одного и того же корня: *продати*, *прѣдати*[283] (исключения совершенно единичны). Подобная лексическая избранность не должна оставаться незамеченной. Очень заманчивым было бы предложение о изменении значения *продати-прѣдати*. Однако древнерусские памятники никакого материала в пользу такого предположения не дают. Мы затрудняемся определить, в чем следует видеть причину появления в Прологе и других псковских памятниках написаний *про-* вместо *прѣ-* и наоборот, хотя считаем наиболее вероятным видеть в этих написаниях отражение твердого произношения древними псковичами звука [р] (при твердом произношении звука [р] слова *продати-предати* естественно должны были стать для псковичей фонетическими омонимами).

На листах второго писца отмечены два примера написания после *р* буквы *а* вместо ѧ: *ба обращтеши млтъ* 102,4 и *жизни вѣчныя съ|твара ть* 133,2 и три примера написания после *р* буквы ъ в тех случаях, когда согласно этимологии [ъ] быть не должно: *веръсты* 128,1; *веръстою* 127,4; *перъстомь* 34,2.

Мы считаем, что ни одно из этих написаний не указывает на то, что произношению второго писца Пролога было свойственно отвердение звука [р].

Написание буквы **оу** *вместо* **в**

Написание *оу* вместо *в* отмечено у первого писца только в предлоге-приставке *въ-* (*вън-*): *гнусно бо кстъ женамъ оу цркви бѣседовати* 71,1; *невѣрнии же разгневавшесѧ влачахути и оу ризу нозѣ повь|рзъше* 8,2 *оу главу оусѣчена бы* 70,3[284] *имаше бо тръсть оунзешю в нозѣ* 14,3 и *оускорѣ преданъ бы* 30,2; 41,2.

---

[282] Мы считаем, что в безударных слогах писец произносил этимологические «ѣ» и «е» как [и]-образный звук.

[283] Н. М. Каринский. Язык Пскова, стр. 32, 57, 85, 106, 117, 125, 136—137.

[284] Встретившееся на листах первого писца колебание написания *оу* — *в* в именах собственных содержалось, по всей вероятности, уже в его оригинале *оугении* 8,2, *вь|гения* 8,1, *оуальрияна* 63,4, *валериана* 63,4 и т. д.

Ни обратных написаний с *в* вместо *оу*, ни сочетания *оув*, *оуво*, ни написания *у* вместо *в* в середине слова перед согласной у первого писца не отмечено.

Характер написания *оу* вместо *в* сближает Пролог 1383 г. с другими псковскими памятниками XIV в. и противопоставляет его псковским памятникам XV в., в которых в большинстве случаев содержится мена *в* — *у* и возникшее отсюда сочетание *оув*[285]. В памятниках будущего белорусского языка примеры написания *у* вместо *в* и *в* вместо *у* (почти исключительно в предлогах-приставках *оу*, *въ*, *въз*) отмечались уже с XIII в.[286]

Важно отметить, что примеры написания *оув* Е. Ф. Карский приводит только из памятников конца XV в.[287]

Мы полагаем, что отмеченные у первого писца написания с *оу* вместо *в* указывают на то, что на месте этимологического «в» в начале слова перед согласной (это распространяется, конечно, и на предлог «въ») первый писец Пролога произносил звук [у]. Во всех же остальных положениях в слове сохранилось произношение этимологического «в».

Исходя из написаний памятника, нельзя определить, произносился ли первым писцом звук [в], как звук губно-зубной или губно-губной, тем более, что в орфографии писца нет никаких указаний на наличие в его произношении оглушения звука [в]. Отсутствие в псковских памятниках примеров написания на месте *в* перед глухими согласными буквы *х*, а также губно-зубной характер произношения звука [в] в современных псковских говорах, позволяет предполагать, что звук [в] произносился писцом Пролога как звук губно-зубной[288].

На листах второго писца написание *оу* вместо *в* отмечено в двух случаях: *жены оу цркви да молчать* 122,2 и *гноусно бо ѥсть оу церкви бесѣдовати* 122,2.

Обратное написание *в* вместо *оу* можно, может быть, видеть в сле-

---

[285] Н. М. Каринский. Язык Пскова, стр. 28—29, 53—54, 70, 83, 93, 135, 176—177. Впрочем, в некоторых псковских памятниках XV в. отмечены также исключительно примеры написания *оу* вместо *в*, см. там же, стр. 93, 116, 124.

[286] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II, кн. 2, стр. 290—291, 415—417; А. И. Соболевский. Смоленско-Полоцкий говор, стр. 7—17.

[287] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II, кн. 2, стр. 421—422. Примеры написания *оув* в памятниках галицко-волынских А. И. Соболевский отмечал уже с XIII в. «Лекции», стр. 120.

[288] О произношении звуков [в]—[у] в современных псковских говорах см. Н. М. Каринский. Очерки из истории псковской письменности и языка. (Описание говора Мцы), стр. 36; Н. Н. Соколов. Говоры Псковской губернии, стр. 154; В. И. Чернышев. Псковское наречие, стр. 162—166, 168—169, 171, 175, 177; его же. Говор Пушкинского района, стр. 113, 125; А. П. Евгеньева. Экспедиция ЛГУ, стр. 82—84.

дующих примерах: и *ре в себѣ сице створю* 113,1 (речь идет о Владимире, собравшемся крестить Русь); *положена бы въ входоу пештерѣ* 120,4, может быть, сюда же следует отнести: *бы вжасе* 109,3. Других примеров написания *оу* вместо *в* и *в* вместо *оу* мы у второго писца не встретили.

Возможность для большинства из этих примеров двоякого чтения уменьшает их убедительность. Поэтому мы затрудняемся сказать, следует ли видеть в этих написаниях указание на то, что произношению второго писца Пролога была свойственна мена начальных [у]—[в].

Употребление после конечных б, п, м, в букв ъ и ь

У первого писца Пролога не отмечено ни одного примера написания ъ вместо ь после *б*, *п*, *в*, находящихся в абсолютном конце слова. Поэтому мы считаем, что отвердение конечных [б], [п], [в] не было свойственно произношению первого писца Пролога. Что же касается конечного [м], то на листах первого писца отмечены не только многочисленные примеры написания ъ вместо ь в окончании творительного и местного падежей и окончании 1-го лица единственного числа нетематических глаголов, но и многочисленные примеры написания ь вместо ъ в окончаниях дательного падежа множественного числа и 1-го лица множественного числа (соотношение тех и других равно приблизительно 60 : 30). Считаем, что отмеченное у первого писца смешение букв ъ, ь в тех случаях, когда они писались после конечного *м* должно указывать на то, что конечный звук [м] в окончаниях косвенных падежей и 1-го лица глаголов произносился писцом всегда только твердо. Поэтому для него было безразлично писать ли после конечного *м* букву ъ или ь[289]. При этом у писца была заметна определенная тенденция писать после гласных переднего ряда *мь*, после гласных непереднего ряда *мъ*: с *теплымъ оумилениѭмь* 61,2, *ременикмь*; *суровымъ* 74,2, *оцьскымъ наказаниѭмь* 96,2. Возможно, что это было как-то связано с особенностью его произношения.

Имело ли отвердение конечного [м] общерусский характер или было представлено еще шире, мы судить не можем.

Числительных *семь*, *восемь* и других слов, оканчивающихся в именительном падеже на *-мь*, мы в тексте первого писца вообще не встретили, а существительные, оканчивающиеся согласно этимологии на *-мъ*, были представлены совершенно единичными примерами.

В описаниях псковских памятников XIV в. вообще нет указаний на твердость конечных губных (не исключена возможность того, что это было вызвано поверхностностью самих описаний).

---

[289] Возможность безразличного употребления после конечного *м* букв ъ и ь имела, может быть, своим следствием написание в конечном слоге *мы* вместо *ми: самы*, см. выше стр. 255.

В псковских памятниках, описанных Н. М. Каринским, содержатся, по мнению их исследователя, указания на отвердение только конечного *в*[290].

Указание на отвердение конечных губных в говорах будущего белорусского языка отмечается в памятниках не ранее конца XV в.[291] Следует отметить, что А. А. Шахматов считал продолжительное сохранение мягкости [м] одной из отличительных черт смоленско-полоцких говоров и противопоставлял их с этой точки зрения говорам новгородским, в которых «несомненно уже в XIII в. могли существовать формы с м вместо м'»[292]. Поэтому в отношении данной черты описываемый нами Пролог оказывается ближе к написаниям не юго-западных, а новгородских и ростово-суздальских памятников. Об отвердении в произношениях писца конечного [м] только в форме твор. пад. свидетельствуют написания Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку[293].

Что же касается произношения губных в современных псковских говорах, то в сводной статье «Говоры Псковской губернии» Н. Н. Соколов в числе диалектных особенностей, характерных для всех псковских говоров, указывал также и на твердое произношение в них не только конечных губных, но и губных в положении перед согласным[294]. Однако данные последующих исследователей несколько опровергают это заключение. Так, В. И. Чернышев отмечал в описываемых им говорах не вообще твердость губных, а произношение твердых губных только в окончаниях отдельных слов[295]. В современных псковских говорах, описанных К. А. Иеропольским и А. П. Евгеньевой, твердое произношение губных вообще не отмечалось.

У второго писца Пролога мы не встретили ни одного примера замены после конечных *б*, *п*, *в* буквы ь на ъ. Написание после конечного *м* буквы ъ вместо ь представлено у второго писца только в формах творительного и местного падежей.

Фонетическое значение буквы г

На месте этимологического звука «г» первый писец Пролога последовательно писал букву *г*. Обозначает ли у него буква *г* звук взрывной или фрикативный, мы судить не можем, тем более, что у первого писца

---

290 Н. М. Каринский. Язык Пскова; стр. 187. Наряду с общерусским отвердением *м* в 1-м лице и формах творительного и местного падежей.

291 Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II, вып. 1, стр. 410. О том же см. А. И. Соболевский. Смоленско-Полоцкий говор XIII—XV вв.

292 А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот, стр. 180.

293 В. И. Борковский. О языке суздальской летописи по Лаврентьевскому списку, стр. 48.

294 Н. Н. Соколов. Говоры Псковской губернии, стр. 154.

295 В. И. Чернышев. Псковское наречие, стр. 167, 170, 174; его же. Говор Пушкинского района, стр. 116.

нет ни написаний, отражающих оглушение конечного звука [г], ни озвончения перед звонкими согласными звука [к].

Предполагать на основании встретившегося один раз написания буквы *х* вместо *г* (*въ семь ходу* 32,4), что первому писцу Пролога было свойственно фрикативное произношение звука [г], было бы опрометчиво. В указанном написании *х* вместо *г* следует видеть или результат непонимания писцом текста, или же следует считать, что это написание было перенесено писцом из его непосредственного оригинала.

Колебания в написании имен собственных: *герасима* 14,2; 4,4; *кърасима* 14,2; 5,3; *германа* 13,3; *кърмана* 1,1, указаний на фрикативное произношение звука [г] также не содержат. Колебание в написании в данном случае *г* и к следует объяснять или различными способами передачи русскими писцами придыхательного приступа греческого языка, или же видеть в этих написаниях отражение произношения отдельных имен (может быть и слов).

Пропуск *г* в формах глагола *разнѣватисѧ*: *разневаюсѧ* 156,1; *разнѣвавсѧ* 75,1; и т. д., считавшийся А. А. Шахматовым показателем существования в говоре писца γ [296], может объясняться и вне зависимости от произношения *г*. Написания *зн* вместо *згн* были отмечены в таких памятниках, как, например, Переяславово евангелие 1354 г.[297]

Следовательно, в орфографии первого писца Пролога нет никаких указаний на характер произношения им звука [г]. Однако, учитывая историю Псковщины, а также то, что в современных псковских говорах звук [г] имеет взрывное образование, можно полагать, что в произношении первого писца Пролога звук [г] был также взрывным. Впрочем, не исключена возможность того, что в отдельных случаях (например, в сочетании [згн]) звук [г] мог произноситься как звук фрикативный.

У второго писца отмечен один пример написания в конце слова вместо буквы *г* буквы *к*: *не почитаюштии кникъ* 120,3. Поэтому мы можем с большей уверенностью считать, что его произношению было свойственно [г] взрывное. При этом у второго писца, точно так же, как и у первого, отмечен пропуск буквы *г* в сочетании [*згн*]: *разневавсѧ* 108,1.

Указаний в написаниях Пролога на то, как произносился его писцами звук [ф], мы не нашли. Отмеченные у первого писца написания: *амхилогия* 21,4, *митрофолит* 33,3 следует, по-видимому, считать перенесенными писцом из его непосредственного оригинала.

Употребление после к, г, х букв ы и и

После *к*, *г*, *х* первый писец последовательно употреблял букву *ы*: *гыбель* 8,1; *благымц* 64,8; *в кыевѣ* 34,2; *кыпѧштимъ* 27,8, *хытрость* 72,4; *другыхъ* 44,3 и т. д.

[296] А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода, стр. 334.

[297] П. С. Кузнецов. К исторической фонетике ростово-суздальских говоров, стр. 155.

Написания *ки*, *ги*, *хи* и т. д. присутствуют у него лишь в чужих именах собственных и словах церковно-книжной лексики: *люкии* 64,1; *исухия* 6,1; *въ сикилию* 65,3; *хижа* 83,4 и т. д. Исключение составляют только: *великия цркве* 12,3; *въ взрасти стареискеи* 36,3 и *всѧкими муками* 155,2. Два первых написания приходятся на архаические формы, которые данных для суждения о живом произношении не дают. Написание же *всѧкими* (в том случае, если оно не описка) должно быть, вероятнее всего, объясняемо причинами морфологическими (результат взаимодействия мягкой и твердой разновидностей).

Полагать, что написание после *к*, *г*, *х* только буквы *ы* обусловлено старой орфографической традицией и не отражает живого произношения писца, кажется нам мало вероятным: во всех случаях, когда орфографическая норма шла вразрез с живым произношением писца, в Прологе присутствовали написания, нарушавшие эту норму в сторону живого произношения. Отсутствие в данном случае написаний с *ки*, *ги*, *хи* (кроме уже упомянутого *всѧкими*) свидетельствует о том, что в словах, произносящихся согласно нормам церковнокнижного чтения, первый писец произносил *к*, *г*, *х* как звуки средненебные, его же обычному произношению были свойственны *к*, *г*, *х* заднеязычные.

У второго писца, наряду с традиционным написанием *ки*, *ги*, *хи* в словах заимствованных, отмечены также примеры написания *ки*, *ги*, *хи* в словах, не относящихся к кругу исключительно церковнославянской лексики. Кроме того, написания *ки*, *ги*, *хи* встречаются у второго писца в целом ряде случаев также и на стыке морфем.

ки: *в вѣки* 103,4; *всѧкими* 120,4; *великии* 130,4; *воиньскихъ* 127,4 и т. д.

ги: *гибель* 111,3; *погибохъ* 116,1; *многими* 134,3; *слоуги* 123,2 и т. д.

хи: *хитръ* 107,1; *хитрости* 114,1; *грѣхи* 100,2 и т. д.

Наличие написаний *ки*, *ги*, *хи* не только в формах, но и в корнях слов (хитръ, хитрости, гибель, погибохъ) исключает возможность их морфологического объяснения. Отмеченные у второго писца написания с *ки*, *ги*, *хи* свидетельствуют, по-видимому, о том, что произношению второго писца Пролога были свойственны не только заднеязычные, но и средненебные *к*, *г*, *х*. Указание на то, что написание *кы*, *гы*, *хы* было для второго писца уже только орфографической нормой, мы находим, как нам кажется, в встречающихся у него написаниях с *кы* чужих имен собственных: *кападокыискыя* 104,1, *халкыдоньского* 100,4.

Отражение явлений ассимиляции согласных

1. Вопрос о том, было ли свойственно произношению первого писца Пролога смягчение парных согласных перед мягкими согласными представляет значительную трудность. В написаниях писцов Пролога более или менее полное графическое выражение имела только этимологическая мягкость согласных. Позиционная же их мягкость, возникающая в опре-

деленных условиях, отражения на письме обычно не получала. Употребление букв ь и ъ (являющееся в данном случае единственным надежным критерием) соответствующих указаний дать почти не может, так как ъ и ь на месте редуцированных слабых или опускались или писались в строгом соответствии с этимологией[298]. При этом никакой фонетически обусловленной закономерности в написании или пропуске ь обнаружить не представляется возможным. (Почти все случаи, когда ь мог быть знаком мягкости, совпадают с традиционным употреблением ь). У первого писца мы имеем лишь совершенно определенное указание на мягкое произношение губной в положении перед эпентетическим [л]: земьлѧ 29,4; тьрпьлю 53,1; томьлениꙗ 153,4 и т. д.

Последовательный пропуск в приставке *въз-* буквы ъ в тех случаях, когда она присоединялась к корню *-ем-*, *-ѧ-*, свидетельствует, по-видимому, о смягчении звука [в] перед мягким [з][299].

Заключения о твердости или мягкости согласных, основанные на постановке за ними при переносе со строки на строку букв ъ и ь (которым не соответствовали этимологические «ъ», «ь»), будут очень сомнительны. Ср. встретившиеся у первого писца *разь|даяштю* 17,3; *обь|раз* 83,3; *въ|се* 97,1 и т. д. Однако, за неимением других источников, мы вынуждены до некоторой степени использовать и подобные примеры. Так, в написаниях *кось|стѧнтина* 95,3 и *ись|стѧжаѥть* 51,1 можно, по-видимому, видеть некоторое указание на смягчение зубных перед мягкими зубными; в написаниях: *погыбь|шю* 62,2; *минувь|шю* 31,2; *подвизавь|сѧ* 29,2; *ть|штаясѧ* 33,1, содержащих в конце строки замену ъ на ь, можно, по-видимому, видеть указание на смягчение губных и зубных согласных в положении перед постоянно мягкими небно-зубными[300].

Мы ни в коей мере не преуменьшаем сомнительности всех этих примеров и считаем почти невозможным определить на основании написаний первого писца Пролога, в каких случаях происходила в его произношении ассимиляция согласных по мягкости, и когда она отсутствовала.

У второго писца примеры замены ъ на ь: *сь|неи* 119,2; *подь|визавсѧ* 117,2 и примеры написания ь после оканчивающего приставку *з-с: възь|любленъ* 125,2, *разь|вѣваѥмы* 139,2, *бесь|мьртныи* 108,2 — отражают, по-видимому, смягчение в произношении писца твердых зубных перед мягкими зубными и губными. Мягкость зубных перед мяг-

[298] Пропуск ь после *л* связан с распространенным графическим приемом (см. В. И. Борковский. О языке Суздальской летописи по Лаврентьевскому списку, стр. 39).

[299] Отражение мягкости губных перед зубными, и в том числе перед [л] эпентетическим, отмечал А. А. Шахматов в написаниях двинских грамот («Исследование о двинских грамотах», стр. 77).

[300] Т. е. мягкими шепелявыми звуками, в которых совпали этимологические «ш'» — «с'», «ж'» — «з'».

кими зубными и губными и мягкость губных перед [л] эпентетическим отражается, по-видимому, в написаниях: *злочьсь|тивомоу* 117,1; *ась|пидъ* 119,1; *явь|лесѧ* 130,2; *в зем|лю* 107,2.

2. Определить, какие мягкие согласные отвердевали в положении перед какими последующими твердыми, в большинстве случаев также почти не представляется возможным. Лишь написания: *прилезно* 69,4; *желѣжны* 85,2; *враздою* 146,3; *здаху* 156,4; *многазды* 8,1 — содержат более или менее определенное указание на то, что мягкие шипящие не отвердевали в положении перед твердыми зубными[301].

У первого писца Пролога отмечено около 10 примеров замены после зубных в суффиксе *-ьск-* буквы *ь* на *ъ*: *хрьянъскыя* 26,2; *срачинъскаго* 47,4; *аплъскымь* 11,4; *идолъскую црквь* 24,3; *критъскаго* 27,3.

На основании этих написаний можно было бы предположить, что в произношении первого писца мягкие зубные (за исключением мягких свистящих-шипящих) отвердевали в положении перед твердыми зубными. Однако большинство памятников древнерусской письменности, наоборот, указывает на особенно долго сохраняющуюся мягкость согласных именно перед суффиксом *-ьск-*[302]. В. И. Чернышев при описании современных псковских говоров также указывал на мягкость согласных перед суффиксом [-ск-][303]. Поэтому фонетическое объяснение приведенных выше написаний представляет известную трудность.

В написаниях *кппъскыи* 87,3; *крлмъскый* 5,1; *-аго* 51,4 и т. д., может быть, можно видеть указание на отвердение губных перед твердыми зубными.

У второго писца основной материал для суждения об отвердении мягких согласных перед твердыми дают примеры замены *ь* на *ъ* в суффиксе *-ьн-* (этим суффиксом исчерпываются у второго писца случаи написания *ъ* вместо *ь*): *окончьныи* 123,2; *маловременъная* 128,1; *постъномоу* 131,4; *истинънаго* 134,4 и т. д. Поскольку замена *ь* на *ъ* ни разу не встретилась в том случае, когда за *н* следовала гласная переднего ряда, можно предположить, что замена в приведенных выше примерах *ь* на *ъ* должна быть объясняема причинами фонетическими. Несколько странным представляется, правда, то обстоятельство, что все примеры замены *ь* на *ъ*, в которых можно было бы видеть отражение отвердения согласных, приходятся, во-первых, на одну и ту же морфологическую категорию и, во-вторых, на написание *-нън-* (кроме *постъномоу*), которое само по себе искусственно, так как в произношении ему, вероятнее всего, соответствовал один звук.

---

[301] Смешение букв *с — ш*, *в — ж* происходило только в том случае, когда они обозначали на письме мягкие шепелеватые звуки.

[302] А. А. Шахматов. Очерк древнейшего периода, стр. 286; его же. Исследования о двинских грамотах, стр. 77—78.

[303] В. И. Чернышев. Псковское наречие, стр. 165, 173, 176.

Примеры написания на конце строки ъ вместо ь: *правъ|ды* 127,3; *равъ|но* 124,3 содержат, может быть, известное указание на отвердение мягких губных перед твердыми зубными.

3. Написания, указывающие на наличие в произношении первого писца ассимиляции согласных по звонкости, представлены в Прологе довольно большим количеством примеров: *здравъ* 49,2; *здрави* 21,2 и т. д. — всего 12 раз; *многажды* 16,2; *многазды* 8,1 и т. д. — всего 7 раз; *здѣ* 26,1; *везде* 9,2 и т. д. — всего 11 раз[304]; *капишта згонь* 95,3; *зведъ в хво стадо* 24,2; *съдрану зади на плечю* 18,1.

Что же касается написаний, указывающих на ассимиляцию согласных по глухости, то за исключением *из пѣштеры излѣсти*, все они приходятся на стык приставки и корня (или предлога) и последующего слова: *беспрестани* 22,4; *исходатавшимъ* 29,3; *ис тѣмнице* и т. д.

Написания, отражающие в этих условиях оглушение звонких согласных перед глухими, присутствуют почти во всех памятниках XIII—XIV вв., а в некоторых случаях даже и в памятниках более ранних[305]. Поэтому ничего специфически псковского мы в этих написаниях не видим.

Следует отметить, что встретившиеся у первого писца примеры, отражающие ассимиляцию по звонкости и глухости (наибольший интерес представляют написания *згонь*, *зведъ*, *зади*, *излѣсти*), приходятся, кроме *излѣсти*, на озвончение и оглушение звуков [с] — [з] в абсолютном начале слова. Следует ли видеть в этом указание на особенность произношения писца — мы сказать затрудняемся.

О наличии в произношении второго писца Пролога ассимиляции согласных по звонкости мы можем судить на основании написаний: *здравъ* 31,4; *здѣ* 13,1 и т. д. — всего 6 раз; *з добродѣтелью* 16,2; *приникъ видѣти и самъ згоре* 28,3; *многажбы* 27,3. Написания, отражающие оглушение звонких согласных в положении перед глухими, представлены на листах второго писца не только на стыке префикса и корня, предлога и слова, но и внутри слова, на стыке корня и суффикса и даже внутри самого корня: *чернорисцю* 99,3; *деръскы|мь смысломь* 109,2; *съ силою тѫшкою* 134,4; *тчерь* 126,2.

Кроме того, у второго писца отмечено написание, отражающее оглушение звонкого согласного в абсолютном конце слова: *не почитаюштии кникъ* 120,3. Мы затрудняемся сказать, связана ли известная разница в характере написаний, отражающих оглушение звонких согласных, на листах первого и второго писца с характером произношения самих писавших или же она обусловлена большей или меньшей грамотностью писцов.

4. Написания, отражающие ассимиляцию согласных по способу

[304] Встречаются наряду с написаниями, содержащими *сд*, *шд*: *сдравъ*, *сдѣ*, *многашды* и т. д.

[305] А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот, стр. 176; А. Лескин. Грамматика древнеболгарского языка. М., 1904, стр. 113.

образования, приходятся и у первого и у второго писцов Пролога на стык корня, начинающегося с согласной, и приставок *без-*, *раз-*, *из-*, *воз-* и сходны в данном случае с написаниями, встречающимися в древнерусских (и старославянских) памятниках независимо от их территориальной приуроченности.

Мелкие явления в области позиционного изменения согласных.

Из мелких явлений в области позиционных изменений согласных у первого писца следует отметить пропуск буквы *г*: *тода* 88,1, буквы *д*: *празник* 56,3, *оупразнити* 43,3, *-ть* 67,1. Нет сомнения в том, что эти написания отражали произношение писца (ср. произношение этих слов в современном русском языке). Пропуск *в* в сочетании [бв]: *обѧзавъ* 41,2 (объвѧзавъ), также, по-видимому, отражает произношение писца, ср. *обиниша* в Двинской грамоте № 87 [306], *обетъшале* и т. д. в Ефремовской кормчей [307].

О развитии в группе [зр] (на стыке приставки и корня) переходного звука [д] свидетельствует написание *здр* вместо *зр*: *издрину* 18,2; *въздрадуѥмъсѧ* 157,4; *издрѣшти* 74,1; *неиздреченьно* 13,2 и т. д.

Мы затрудняемся объяснить отмеченное у первого писца колебание в написании: *сквьрна* 10,2; *-у* 10,2 и в то же время *свьрны* 10,2; *къ свьрномъ* 9,4, а также последовательное написание с *ъ* наречия *близъ — близъ*.

Написаниями, отражающими архаичность не только орфографии, но, может быть, и произношения, являются отмеченные у первого писца: *мѧкъкымъ тѣломь* 48,2 [308]; *бчела* 24,3; *ябетникъ* 88,3.

Из мелких явлений в области позиционных изменений согласных у второго писца следует указать: постоянный пропуск *в* в формах глагола възвратитисѧ: *възратисѧ* 106,1; *възративсѧ* 111,3 и т. д. [309] (в отличие от первого писца, у которого написание этого глагола без *в* не встретилось ни разу, у второго писца, наоборот, не отмечено ни одного случая написания этого глагола в соответствии с этимологией); пропуск *д*: *празноуѥть* 125,2 и *семоѥ лѣто* 125,1; пропуск *л*: *пронырывы соуть* 112,2; написание *чн*: *домачними* 129,4. Отсутствие следов переходного [д] в сочетании [зр.] Замену *р* через *л*: *с нею хоштеть плити* 133,3.

[306] А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах, стр. 78.

[307] С. П. Обнорский. О языке Ефремовской кормчей. «Исследования по русскому языку», т. III, вып. 1, 1912, стр. 67. Что касается современных псковских говоров, то в них мы также находим примеры упрощения группы [бв] > [в], [гн] > [н]; В. Н. Чернышев. Говор Пушкинского района, стр. 117.

[308] Отмечающиеся в современных псковских говорах [мякка] (В. И. Чернышев. Псковское наречие, стр. 163, 169), [леккай] (В. И. Чернышев. Говор Пушкинского района) представляют собой позднейшие новообразования.

[309] Пропуск *в* в производных от *возврат — возвратити* был отмечен Н. М. Каринским в Палее 1494 г., Погодинском списке Псковской летописи и Сборнике Софийской библиотеки № 1262 («Язык Пскова, стр. 35, 86, 138»).

Общая характеристика орфографии памятника

1. Псковский Пролог 1383 г. представляет собою рукопись, орфографию которой следует признать вполне обрусевшей. Пролог 1383 г. не содержит ни в орнаменте, ни в графике никаких следов влияния среднеболгарских оригиналов. По своему текстуальному составу он представляет одну из наиболее древних редакций Пролога, появившуюся на юге Руси не позднее XIII в. Поэтому особенности орфографии Пролога 1383 г. вообще не могут быть поставлены в зависимость от возможного влияния орфографии среднеболгарских оригиналов[310].

Используя классификацию Н. М. Каринского, мы можем отнести Пролог 1383 г. к числу рукописей, содержащих «такого рода элементы южнославянского влияния, которые проникли в русскую письменность еще в домонгольский период[311]», и объединить его в одну группу с такими памятниками, как Параклитик 1369 г., Параклитик 1386 г., Типографские псалтири № 34 и № 35[312], Шестоднев 1374 г.[313], Сборник Софийской библиотеки № 1262[314].

2. Сопоставление орфографии Пролога 1383 г. с орфографией псковских памятников XV в.[315], содержащих написания *аа*, *еа*, *жд* и т. д., убеждает нас в том, что за вычетом легко снимаемого, чисто внешнего слоя южнославянизмов, присущего этим памятникам, орфографические особенности псковских памятников XV в. и Пролога 1383 г. сходны между ссбой. Поэтому, отрицая существование особых орфографических приемов употребления букв *а — е*, *и — е* и т. д. у писца Пролога 1383 г., мы тем самым считаем возможным отрицать существование искусственных орфографических приемов употребления этих букв также и у псковских писцов XV в. В более поздних псковских памятниках, например, некоторых памятниках конца XV в., присутствует значительное количество написаний, сближающих орфографию этих памятников с орфографической традицией позднейших южнославянских оригиналов, но, даже применительно к этим памятникам, мы можем говорить только о механическом копировании, реже — о подражании оригиналам, свойственном отдельным писцам.

---

310 Равно как и памятник сербо-болгарского извода.

311 Н. М. Каринский. Очерки из истории псковской письменности и языка, кн. 1, стр. 53.

312 А. И. Соболевский. Очерки из истории русского языка, стр. 124—127, 130—137.

313 Н. М. Каринский. Очерки из истории псковской письменности и языка, кн. 1.

314 Н. М. Каринский. Язык Пскова, стр. 129—139. Отсутствие детальных описаний для большинства псковских памятников не позволяет нам увеличить их число.

315 Они описаны Н. М. Каринским в вышеуказанной работе.

Нет никакого основания считать, что так называемое второе южнославянское влияние наложило отпечаток на всю псковскую письменность и способствовало созданию у псковских писцов каких-то искусственных орфографических приемов. (Заключение о существовании у псковских писцов особых искусственных орфографических приемов несовместимо, кроме того, и с общей тенденцией развития всего псковского искусства, отличительной чертой которого были строгая простота и отсутствие какой бы то ни было нарочитости или вычурности).

В связи с вопросом о характере древнепсковской орфографии, встает вопрос о необходимости пересмотра роли так называемого второго южнославянского влияния в истории формирования письменной традиции юго-западных и западных окраин Руси.

Данные археологии, этнографии, истории права, истории литературы и т. д. убеждают в том, что прежняя точка зрения, утверждавшая значительное культурное превосходство южного славянства над восточным и одновременно переоценивающая культурное влияние южного славянства, должна быть признана в ряде случаев ошибочной.

3. Копиями-предшественницами Пролог 1383 г. связан с памятниками «западнорусской» и «южнорусской» письменности и отражает в своей орфографии характерные написания памятников будущего украинского и белорусского языков: *борзде*, *поворозъ*[316], *ход* (год), *амхилогия*, *митрофолит*, *трими*, *Марко*, *Нероно* и многие другие. О связи копий-предшественниц Пролога с южной и юго-западной Русью свидетельствует также и текстуальный анализ памятника. Орфография самого Пролога 1383 г. — традиционная орфография большинства древнерусских памятников XIII—XIV вв.

4. Несмотря на то, что писцы Пролога 1383 г. были достаточно сведущими в нормах традиционной орфографии (особенно первый), особенности их живого произношения нашли в орфографии Пролога достаточно полное отражение.

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ФОНЕТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ГОВОРА ПИСЦОВ

Анализируя выше орфографию памятника, мы в каждом отдельном случае пытались делать те или иные заключения об отражении в ней произносительных особенностей писцов.

Попытаемся в заключение представить себе фонетическую систему, свойственную писцам Пролога в целом, в той, конечно, мере, в которой она может быть восстановлена на основании изучения орфографии древнего рукописного памятника.

---

[316] См. об этом М. Н. Сперанский. К истории взаимоотношений русской и югославянских литератур. «Изв. ОРЯС», т. XXVI, 1921, стр. 147.

Гласные

а) В положении под ударением, в произношении первого писца Пролога различались гласные: [и] — [ы], [е], [а], [о], [у]. Гласные [у], [а] произносились как после твердых, так и после мягких согласных; гласные [е], [и] произносились после мягких согласных; гласные [о], [ы] — после твердых согласных[317]. Гласные неверхнего подъема различались только под ударением. В безударных слогах они претерпевали изменения, приводящие к совпадению их с другими гласными.

б) В первом предударном слоге в соответствии с ударенными звуками «о», «а» в положении после твердой согласной первый писец произносил звук [а]. (Не исключена возможность того, что в тех случаях, когда под ударением был звук [у], а предударный гласный оказывался в соседстве с задненебным, твердым [л] и т. д., предударный гласный произносился более закрыто, совпадая со звуком [у]). В соответствии с ударенными звуками «е», «и» в первом предударном слоге произносился звук [и].

Гласные «ы», «у» в произношении с другими звуками не совпадали.

в) В силу малочисленности находящихся в нашем распоряжении примеров нарушения орфографических норм, определение звукового состава остальных безударных слогов может быть лишь весьма приблизительным.

Можно предполагать, что во втором предударном слоге и заударных слогах (включая и конечный открытый) в соответствии со звуками «о», «а» писец произносил редуцированный более или менее заднего ряда [ъ]. Возможно, что редуцированный заднего ряда мог произноситься в некоторых случаях также и на месте звука «ы». В абсолютном начале слова звук «о», оказываясь во втором предударном слоге, спорадически мог произноситься как звук [у].

В соответствии со звуком «е» в заударных слогах[318] (не конечном открытом слоге) звук [и] или вообще [и]-образный звук; в определенных морфологических формах — ['а].

В конечном открытом слоге, в соответствии со звуками «'а», «е», звук [ä] -редуцированный, после гласных — [iъ].

В произношении второго писца в положении под ударением различались гласные [и] — [ы], [ĕ], [е], [а], [о], [у]. Гласные [у], [а] произносились как после твердых, так и после мягких согласных; гласные [и], [е] произносились после мягких, гласные [ы], [о] после твердых согласных. Гласный [ĕ] произносился после мягких согласных,

[317] Поскольку шипящие были в произношении писца только мягкими, произношение гласных после шипящих мы не выделяем.

[318] Примеров для предударных слогов нет, но можно полагать, что в них также должен был произноситься или звук [и] или вообще [и]-образный звук.

за исключением звуков [ж'], [ш'], [$ч^{ц}$], [j]. Звук [ы] соответствовал звуку [и] после твердых согласных.

В произношении второго писца Пролога место гласного по отношению к ударению определяющего значения не имело.

В соответствии со звуками «ѣ» и «и», различающимися в положении перед твердыми согласными, в положении перед мягкими согласными писец произносил звук [и].

Согласные

В произношении первого писца различались следующие согласные

п — п'	т — т'	с	$ш^{с'}$	к
б — б'	д — д'	з	$ж^{з'}$	г

в — в', м — м', н — н', л — л', р, j, х, $ч^{ц'}$, $\widehat{ж^{з'}дж^{з'}}$[319], $\widehat{ш^{с'}ч^{ц'}}$.

Звук [г] по своему образованию был звуком взрывным; [в] — губно-зубным, произносящимся в начале слова перед согласными как звук [у]. Звук [р] произносился, по-видимому, только твердо.

Шипящие и аффрикаты были постоянно мягкими. Этимологические звуки «$ж^{з'}$», «$ш^{с'}$» произносились шепелявo, совпадая в своем произношении со звуками «$с^{ш'}$», «$з^{ж'}$» мягкими; этимологические «ч'» и «ц'» совпали в одном звуке — мягкой свистящей, вероятно, шепелявой аффрикате; долгий звонкий шепелявый шипящий произносился в определенных условиях со взрывным элементом; долгий глухой шипящий произносился как шепелявое [$\widehat{ш^{с'}ч^{ц'}}$], второй элемент которого представлял собою мягкую шепелявую аффрикату, в которой совпали этимологические «ч'» и «ц'».

Таким образом с точки зрения твердости и мягкости в произношении первого писца Пролога различались 16 парных согласных: [п] — [п'], [б] — [б'], [т] — [т'], [д] — [д'], [в] — [в'], [н] — [н'], [м] — [м'], [л] — [л'] и 12 внепарных согласных, из которых 6 не имели пар по мягкости: [с], [з], [к], [г], [х], [р] и 6 не имели пар по твердости: [$ж^{з'}$], [$ш^{с'}$], [$ч^{ц'}$], [j], [$\widehat{ж^{з'}дж^{з'}}$][320], [$\widehat{ш^{с'}ч^{ц'}}$].

Можно полагать, что в произношении первого писца парные твердые согласные смягчались перед мягкими: губные и зубные перед мягкими зубными и перед постоянно мягкими небнозубными.

Согласные различались по звонкости и глухости, образуя 7 пар согласных парных по звонкости и глухости: [п] — [б], [п'] — [б'], [т] — [д], [т'] — [д'], [с] — [з], [$ш^{с'}$] — [$ж^{з'}$], [к] — [г]; 14 согласных были внепарными по звонкости и глухости: [в] — [в'], [н] — [н'], [р], [м] — [м'], [л] — [л'], [j], [$\widehat{ж^{з'}дж^{з'}}$] [321] — не имели пар по глухости; [х], [$ч^{ц'}$], [$ш^{с'}ч^{ц'}$] — не имели пар по звонкости.

[319] Может быть [$\bar{ж}^{з'}$].

[320] То же.

[321] То же.

В произношении второго писца Пролога различались следующие согласные:

п — п'		т — т'		с — с'		ш'	к
|	|	|	|	|	|	|	|
б — б'		д — д'		з — з'		ж'	г

в — в', м — м', н — н', л — л', р — р', j, х, $ч^{ц}$', $\widehat{ж'дж'}$, $\widehat{ш'ч^{ц}'}$.

Звук [г] был по своему образованию взрывным. Шипящие и аффрикаты были постоянно мягкими. Долгий звонкий шипящий произносился, по-видимому, в определенных случаях со взрывным элементом.

Этимологические «ц'» и «ч'» совпали в одном звуке — мягкой свистящей аффрикате (может быть шепелявой) [322].

Таким образом, в произношении второго писца Пролога с точки зрения твердости и мягкости различались 20 парных согласных: [п] — [п'], [б] — [б'], [т] — [т'], [д] — [д'], [с] — [с'], [з] — [з'], [л] — [л'], [н] — [н'], [р] — [р'], [м] — [м'] и 10 внепарных согласных, из которых 3 не имели пар по мягкости: [к], [г], [х] и 6 не имели пар по твердости: [ш'], [ж'], [ж'$ч^{ц}$'], [$\widehat{ж'дж'}$] [323], [$ч^{ц}$'] и [j].

Можно полагать, что в произношении второго писца парные твердые согласные смягчались перед мягкими согласными. Например зубные согласные смягчались перед мягкими зубными и губными.

Согласные различались по звонкости и глухости, образуя 8 пар согласных парных по звонкости и глухости: [п] — [б], [п'] — [б'], [т] — [д], [т'] — [д'], [с] — [з], [с'] — [з'], [ш'] — [ж'], [к] — [г]; 15 согласных были внепарными по звонкости и глухости, из них 12 согласных: [л] — [л'], [н] — [н'], [р] — [р'], [м] — [м'], [в] — [в'], [j], [$\widehat{ж'дж'}$] [324], — не имели пар по глухости и 3 согласных не имели пар по звонкости: [х], [$ч^{ц}$'], [$\widehat{ш'ч^{ц}'}$]. В произношении второго писца парные звонкие согласные оглушались перед следующим глухим согласным и на конце слова. Парные звонкие согласные озвончались в положении перед следующим звонким согласным. На конце слова, в соответствии со звонким согласным [г], звучащим перед гласными, произносился глухой взрывной [к].

На основании написаний памятника, в которых находят отражение особенности произношения писца-псковича, мы можем сделать заключение не только о фонетической системе, характерной для данного писца, но и распространять свое заключение на характеристику фонетической системы одного из древнепсковских говоров в целом.

Сопоставление извлекаемых из орфографии данных об особенностях произношения первого писца Пролога с написаниями других древне-

---

[322] Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах, стр. 115.

[323] Может быть [$\overline{ж}$'].

[324] То же.

псковских памятников, с данными современной диалектологии (а в тех случаях, когда к этому представлялась возможность, с данными топонимики) убеждает нас в том, что все особенности произношения первого писца корреспондируются с особенностями произношения других писцов-псковичей XIV—XV вв. и в ряде случаев в той или иной мере представлены и в современных псковских говорах. Поэтому установленную нами звуковую систему произношения первого писца Пролога мы можем считать характерной вообще для одного из псковских говоров конца XIV в. Причем, судя по записи Пролога, перед нами выступает говор самого города Пскова [325].

Из сравнения фонетической системы первого и второго писцов следует, что перед нами два различных говора [326]. При этом в фонетической системе второго писца Пролога много сходства с фонетическими особенностями новгородских говоров. А это значит, что, или на территории Псковской земли, наряду с говорами, характеризовавшимися специфическими псковскими чертами (шепелявость шипящих, произношение в конечном открытом слоге на месте этимологических «'а», «'е» звука [ä] и т. д.), существовали говоры, лишенные специфически псковских черт и близкие по своему характеру к говорам новгородским, и второй писец Пролога был носителем одного из таких говоров, или же, что второй писец Пролога был вообще не псковичем, а новгородцем, и его фонетическая система — фонетическая система одного из новгородских говоров.

Общие замечания

1. Сопоставление отмеченных у первого писца Пролога [327] примеров нарушения орфографических норм в пользу живого произношения с соответствующими написаниями других псковских памятников XIV и XV вв. приводит к заключению, что в течение XIV—XV вв. в древнепсковских говорах произошли значительные изменения. Уделявший особое внимание этим изменениям Н. М. Каринский предполагал, что они заключались в совпадении звука «е» со звуком [и] в неударяемых слогах, отвердении [р], мене [у] и [в], слоге [ув], замене [ф] через [х], т. е. в чертах, «во многом сблизивших псковские говоры» с «говорами белорусского языка» [328].

[325] Ср. упоминание А. А. Покровского о том, что писец Пролога, поп Гюрги, был действительно назван в числе попов церкви святого Воздвижения. («Древнее псковско-новгородское письменное наследие», стр. 83).

[326] Наличие на территории Псковской земли известного диалектного разнообразия отмечалось почти всеми исследователями древнепсковских памятников (Н. М. Каринский, В. В. Виноградов).

[327] Как мы уже сказали, у нас нет уверенности в том, что второй писец был также псковичем.

[328] Н. М. Каринский. Язык Пскова, стр. 201; в «Очерках по истории псковской письменности и языка» Н. М. Каринский говорит не о совпадении безударного звука «е» с [и], а вообще об аканье (Очерки, стр. 54).

«Вторжение» в псковские говоры фонетических черт «западнорусских и североМалорусских языков» [329] было обусловлено, по мнению Н. М. Каринского, «колонизацией значительных масс белорусов (может быть североМалорусов) в область древнего Пскова» [330]. Однако обращение к фактическому материалу памятников убеждает в том, что написания, отражающие произношение в безударных слогах звука [и], твердость [р] и мену [у] — [в], уже присутствуют и в памятниках XIV в., равно как и написания, содержащие в безударных слогах смешение букв *о* и *а*. Что же касается слога *ув*, то он появился в псковской и «западнорусской» письменности в одно и то же время [331]. Написания же с *х* вместо *ф*, во-первых, встречаются не только в памятниках XIV в., но также и XV в., во-вторых, носят как в тех, так и в других совершенно исключительный характер. Кроме того, предположение о произношении древними псковичами звука [х] на месте [ф] находится в противоречии с данными современной диалектологии [332]. Считаем, что в написаниях с *х* вместо *ф* отразилась черта произношения не писцов-псковичей, а писцов их оригиналов. (Наличие культурных связей Пскова с Смоленском, Полоцком, Галичем, Киевом и т. д. не вызывает сомнения).

Предположение о колонизации в XIII—XIV вв. в область древнего Пскова значительных масс «белорусского» населения, не находя себе соответствующего подтверждения ни в данных истории и этнографии, ни в данных археологии и т. п., должно быть совершенно отвергнуто [333].

Присутствие в древнепсковских говорах фонетических черт, сближающих эти говоры с говорами белорусского языка, бесспорно. Однако так называемые белорусские черты псковских говоров следует объяснять не позднейшей колонизацией (то, что этнические взаимодействия на территории Псковщины имели место, не подлежит ника-

---

329 Используем терминологию Н. М. Каринского.

330 Н. М. Каринский. Язык Пскова, стр. 203; его же. Очерки по истории псковской письменности и языка, стр. 54. Параллельное употребление «белорусы» и «древний Псков» представляет собою характерную для Н. М. Каринского ошибку: распространение на далекое прошлое современных категорий.

331 Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II, кн. 2, стр. 421—422. В описываемом нами Прологе сочетание *ув* встретилось один раз в чужом имени собственном *аоувгарь* (143,4).

332 В данном случае имело место свойственное Н. М. Каринскому (правда, в меньшей степени, чем А. И. Соболевскому) стремление видеть чуть ли не в каждом нарушающем орфографические нормы написании отражение черт произношения писца.

333 Возражения против предполагавшейся Н. М. Каринским «колонизации белорусов» были сделаны в свое время А. А. Шахматовым в статье «Несколько заметок о языке псковских памятников». Однако позиция, с которой критиковал эту гипотезу А. А. Шахматов (переоценка культурных влияний, признание искусственного характера псковской орфографии и т. д.), также не может быть признана правильной.

кому сомнению, однако по времени они относились к более раннему периоду), а в одних случаях — единством кривической подосновы, присутствующей как в древнепсковских, так и в смоленско-полоцких говорах (т. е. видеть в них не привнесенные, а исконные, наиболее древние черты), в других — постоянным взаимопроникновением диалектных черт смежных между собой говоров.

2. В связи со сказанным выше следует коснуться и некоторых вопросов, связанных с происхождением псковского аканья. Мы затрудняемся сказать, следует ли считать описываемый нами Пролог 1383 г. единственным из псковских памятников XIV в., в написаниях которого отразилось аканье, или оно отражалось также и в написаниях других псковских памятников XIV в. Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо более детально изучить памятники древнепсковской письменности, чем это было сделано в свое время. Тем не менее, исходя из анализа написаний Пролога 1383 г., мы можем утверждать, что в каких-то из псковских памятников XIV в. аканье было уже представлено достаточно широко. Если же мы сопоставим это со свидетельством Е. Ф. Карского о том, что «аканье в старинных западнорусских памятниках наблюдается начиная лишь с XIV в., но и здесь достоверных случаев встречается вообще мало, в большем количестве примеры аканья мы находим в XV—XVI вв.» [334], то окажется, что псковское и «белорусское» аканье, с точки зрения отражения их в орфографии, представляют собой явление одновременное. А в этом следует видеть еще одно веское возражение против предположения о колонизации «белорусов» в Псковщину: псковское аканье в XIV в. не может быть поставлено в зависимость от этнического смешения псковичей с «белорусами», так как для того, чтобы прижились пришлые фонетические черты нужен срок, «равный по крайней мере жизни двух поколений». В связи с этим вообще уместно поставить вопрос о пересмотре распространенного мнения о том, что псковское аканье должно быть поставлено в зависимость от аканья, свойственного говорам будущего белорусского языка (в которых оно также не органично, а привнесено с востока и, может быть, с юго-востока).

Так как в распоряжении историков языка нет данных, указывающих на наличие в Псковщине в XIII—XIV вв. этнического смешения населения с предками будущих белорусов, и к тому же аканье в псковских памятниках и памятниках будущего белорусского языка представляет собой явление одновременное [335], мы считаем необходимым обратить внимание на следующее.

Не подлежит сомнению, что население Ростово-Суздальской Руси, испытывавшее в течение XIII—XIV вв. бедствия от участившихся

---

[334] Е. Ф. Карский. Белорусы, т. II, вып. 1, стр. 227.

[335] Возможно, в псковских памятниках оно отразилось даже раньше, чем в памятниках будущего белорусского языка.

татарских набегов, оттягивалось постепенно на запад и северо-запад. Вполне вероятно предположить, что волны беженцев из южных окраин Тверской земли должны были докатываться и до области Пскова. Псков, ведущий обширную торговлю, производящий большие строительные работы, постоянно нуждающийся в военной силе, мог притягивать значительные массы пришлого населения. Конкретных исторических данных, подтверждающих это соображение, нет. Однако упоминание об оттягивании населения с юго-востока не только на запад, но и на северо-запад, находим мы в работах М. К. Любавского «Образование основной территории великорусской народности» и Р. И. Аванесова «Вопросы образования русского языка в его говорах». (Чрезвычайно знаменательным является в этом отношении наличие на территории бывш. Тверской губернии южновеликорусских говоров. См. Диалектологическую карту русского языка в Европе).

За неимением других исторических данных, мы считаем заслуживающим внимания исторический факт отлучения в 1327 г. псковичей от церкви за то, что они не отпустили в орду на расправу к хану княжившего в Пскове, после бегства из Твери, тверского князя Александра Михайловича.

Подобную преданность псковичей еще недолго княжившему у них тверскому князю легче всего объяснить тем, что в XIV в. в Псковщине находилось значительное количество беженцев из Твери, определивших в известной мере общее настроение псковичей.

То, что писец назвал при датировке рукописи Пролога, в качестве основного события текущего года, взятие Москвы татарами, свидетельствует о том, что бедствия, связанные с набегами татар, касались в какой-то мере и Пскова. При этом исторический эпизод борьбы псковичей за тверского князя и имевшее место в XIV в. выступление псковичей против Москвы, в защиту тверских князей, представляют, до известной степени, фактический материал для заключения о том, что в XIII—XIV вв. в Псковщину откатывались волны беженцев из теснимых татарами юго-восточных земель, в первую очередь, по-видимому, из Тверской земли.

Оттягивание в область Пскова населения из иного феодального центра, с иным местным диалектом, должно было наложить известный отпечаток и на характер древнепсковских говоров. Поскольку положение о том, что аканье, присутствующее в псковских памятниках XIV в., пришло в Псков через говоры будущего белорусского языка, вызывает сомнение, мы считаем возможным искать другие пути проникновения аканья в говоры древнего Пскова.

В распоряжении историков языка нет памятников, на основании написаний которых можно было бы сделать заключение о характерных чертах говоров Тверской земли. Однако мы можем предполагать, что говорам южной части Тверской земли в XIII—XIV вв. аканье уже

было свойственно [336]. Поэтому возникает предположение, не следует ли считать аканье перенесенным в область древнего Пскова непосредственно с юго-востока, например, из южной части Тверской земли, минуя Смоленщину [337].

В данных современной диалектологии мы опровержения этому предположению не найдем. Правда, с точки зрения системы безударного вокализма как говоры современной Псковской, так и говоры современной Калининской областей, представляют внутри себя значительное диалектное разнообразие [338]. Однако самое наличие сплошной территории аканья и характер направления изоглосс свидетельствуют в пользу высказываемого нами предположения. Если же мы обратимся к системе консонантизма этих говоров, то увидим совершенно определенные черты сходства: спорадическая шепелявость и мягкость шипящих, цоканье, произношение свистящей аффрикаты как [ц$^{ч'}$] ([ч$^{ц'}$]) или как *т'*, мена *в* — *у*, отсутствие смешения *ф* — *х*, *ф* — *хв* и т. д. [339] (Следует указать, что в Опыте диалектологической карты, говоры бывш. Псковской и Тверской губ. с точки зрения консонантизма нередко объединялись составителями в общую группу) [340]. К тому же составители упоминали о возможности влияния говоров переселенцев из бывш. Псковской в бывш. Тверскую губернию. (Не следует ли видеть в этом указание на позднейшее обратное движение населения?). Данные о наличии сходных морфологических черт в псковских и бывш. тверских говорах находим в монографии С. П. Обнорского «Именное склонение» [341].

3. Сопоставляя написание псковских памятников XIV—XV вв. с данными современной диалектологии, мы можем проследить процесс изживания псковскими говорами многих из их старых фонетических черт, некоторые из которых, возможно, появились в результате взаимодействия с иноязычной средой.

---

[336] См. Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах, стр. 132.

[337] Мы считаем необходимым говорить в данном случае об изменениях, вызванных смешением говоров, лишь потому, что обыкновенная географическая близость не могла обусловить столь раннего проникновения аканья в говоры древнего Пскова.

[338] «Труды Московской диалектологической комиссии» (МДК), вып. 1, 1908, стр. 36—45; вып. 3, 1914, стр. 134—142; вып. 5 (Опыт диалектологической карты русского языка в Европе, сост. Н. Н. Дурново, Н. Н. Соколов и Д. Н. Ушаков), 1915. стр. 36, 39; Н. Н. Соколов. Говоры Псковской губ., РФВ, 1917, № 1—2, стр. 152—163.

[339] См. «Труды МДК», вып. 1, стр. 36—45; вып. 3, стр. 134—142; вып. 5, стр. 211.

[340] «Труды МДК», вып. 5, стр. 31, 36, 39 и др.

[341] С. П. Обнорский. Именное склонение, кн. 1. Л., 1927; кн. 2, 1931.

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
Том VIII 1957

В. И. Борковский

БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ДРЕВНЕРУССКИХ ГРАМОТАХ

Относительно бессоюзных сложных предложений в современном русском литературном языке В. В. Виноградов справедливо замечает: «Особенно широкими возможностями сцепления и объединения простых предложений отличаются бессоюзные сложные предложения, очень разнообразные по своему ритмо-мелодическому рисунку и становящиеся все более продуктивными в русском литературном языке»[1].

В памятниках древнерусской письменности бессоюзные конструкции не были так распространены, как в современном русском литературном языке, не обладали и такими широкими возможностями сцепления и объединения простых предложений в сложное, где простые предложения превращаются лишь в части единого целого, какими обладают бессоюзные сложные предложения в современном русском литературном языке.

Однако есть основание говорить о разнообразии типов бессоюзных предложений в древнерусском языке, о том, что смысловая связь частей бессоюзного сложного предложения была достаточно отчетливой и в древнерусских памятниках.

Об этом, в частности, свидетельствуют и древнерусские грамоты, где каждая юридическая формулировка должна была обладать предельной ясностью, чтобы не допускать различных толкований.

Как и в первой части нашего труда «Синтаксис древнерусских грамот» (Львов, 1949), в данной статье привлечены не только грамоты древнейшей поры (XI—XIV вв.), но и грамоты последующего времени (XV в. и отдельные памятники XVI — начала XVII в.). Отметим, что нами использован также и материал новгородских берестяных грамот.

БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, СОПОСТАВЛЯЕМЫЕ СО СЛОЖНОСОЧИНЕННЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ С СОЮЗАМИ

Бессоюзные сложные предложения занимают в грамотах, по сравнению со сложносочиненными предложениями, части которых соединены при помощи союзов, сравнительно скромное место.

[1] В. В. Виноградов. Основные принципы русского синтаксиса в «Грамматике русского языка» Академии наук СССР. «Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и яз.», т. XIII, вып. 6, 1954, стр. 505; его же. Основные вопросы синтаксиса предложения (на материале русского языка). Сб. «Вопросы грамматического строя». М., 1955, стр. 427.

1

В грамотах встречаем бессоюзные сложные предложения, в первой и во второй частях которых действующее лицо одно и то же, но в одной из этих частей действие запрещается (отрицается возможность того или иного действия), а в другой разрешается, предписывается. Таким образом, связь между частями такого бессоюзного сложного предложения не соединительная, а противительная. Отметим, что и между однородными членами, употребленными без союза, тоже может быть противительная связь. Характерно, что однородные члены-сказуемые сочиняются без союза с противительным значением в тех случаях, когда одно действие запрещается (отрицается), а другое разрешается, предписывается. Противопоставление запрещаемого (отрицаемого) и разрешаемого действия особенно отчетливо тогда, когда сказуемое повторяется, поскольку сказуемые выражены одним и тем же (со стороны лексического значения) глаголом. Следует отметить, что запрещается (отрицается) в этих примерах действие или потому, что оно должно выполняться другими лицами, или потому, что действие должно быть направлено на другое лицо, происходить в другое время или в другом месте.

Приведем примеры с однородными членами, между которыми существует противительная связь, поскольку эти примеры сходны со случаями употребления сложных предложений без союзов[2]: оже родится тяжа в немцехъ новгороддю любо немчину новегороде. то рубежа *не творити*. на другое лето *жаловати* (Новг. гр. между 1189—1199 гг.)[3]; а в русу ти княже ездити осень. а лет(е) *не ездити*. *ездити* на озвадо. звери гонитъ (Новг. гр. 1265 или 1264 г.); а за волок ти своего мужа *не слати*. *слати* новгородца (Новг. гр. 1265 или 1264 г. См. также Новг. гр. 1304—1305 гг.); ...техъ волостии княже *не (дь)ржати* ти своими мужи. *дьржати* мужи новгородьскы(ми.) (Новг. гр. 1304—1305 гг.). Та же формулировка, с тем же синтаксическим построением встретилась и в других новгородских грамотах XIV в.: а на озвадъ ти княже ездити лете звери гонитъ. а въ русу *не ехати*. *ехати* въ русу на третьюю зиму (Новг. гр. 1304—1305 гг.); аже възъидеть к тобе княже на мужа обада. тому ти веры *не яти*. *дати* тому исправа (Новг. гр. 1304—1305 гг.).

Следует отметить характерную для всех бессоюзных сложных предложений с противительным значением бессоюзной связи особенность: глагол-сказуемое второй части с т о и т в с а м о м н а ч а л е этой части.

В следующих случаях со сложными предложениями, как мы полагаем, между частями бессоюзного сложного предложения (кроме третьего

---

[2] Однородные члены выделены шрифтом.

[3] Здесь и ниже в примерах из древнерусских памятников, в целях облегчения набора, допущены некоторые упрощения и замены.

и пятого примеров, примеры с бессоюзными сложными предложениями, в целях большей ясности, даны в окружении контекста) противительная связь: а на озвадо ти княже ездити лет(е). звери гонитъ. а в русу не ехати. ехати ти в русу. на третиюю зиму (Новг. гр. 1265 или 1264 г.); а волостии ти княже новгородьскыхъ. своими мужи не дьржати. дьржати ти мужи новгородьскыми. а даръ тобе от техъ волостии емати (Новг. гр. 1304—1305 гг.); а за волокъ ти княже своего мужа не слати. продаяти ти дань своя новгородцю (Новг. гр. 1304—1305 гг.); а холопа и половника не судити твоимъ судиямъ безъ гсдаря. судити князю въ новегороде. тако пошло. и купцины въ силу не судити въ волости (Новг. гр. 1304—1305 гг.); тобе княже не кърмити его новгородьскымь хлебомь. кърми его у себе (Новг. (другая) гр. 1304—1305 гг.).

Здесь же отметим сложноподчиненное предложение, в котором главное является по своему составу бессоюзным сложным предложением: а что волостеи новогородцких всех вам не держати своими мужжи держати вам мужи новогородцкими (Новг. гр. 1471 г.).

В главном предложении помещенного ниже сложноподчиненного предложения, являющемся по своему составу сложносочиненным (все части, кроме последней, соединены при помощи *ни*), последняя часть сложносочиненного предложения (судитъ те люди...) присоединена без союза и имеет противительное значение: а кого къ себе въ то село и на те пустоши перезовутъ людей изъ иныхъ Княженей, а не изъ моее отчины, и темъ людемъ пришлымъ ненадобе моа дань, ни ямъ, ни подвода, ни тамга, ни мытъ, ни костки, ни восмничее, ни весчее, ни езовое, ни побережное, ни писчаа белка, ни становщикъ къ нимъ не въезжаетъ нипочто, ни наместници мои Курмышские, ни Лысковские и ихъ тиуни, ни столникъ, ни поселской, къ темъ людемъ пришлымъ не всылаютъ, ни судятъ, ни доводшики не въезжаютъ нипочто, опроче душегубства и розбоя съ поличнымъ: судитъ те люди архимандритъ или кому прикажетъ (Ниж. гр. между 1410—1417 гг.).

В совпадающем тексте в Московской грамоте 1423 г. в последней части стоит союз *а*, что подтверждает наше предположение о противительном значении бессоюзной связи в приведенном выше примере из Нижегородской грамоты между 1410—1417 гг.: а кого къ себе перезоветъ людей изъ иныхъ княжений, а не изъ моеа отчины изъ Великого Княжения, и темъ людемъ пришлымъ на десятъ летъ ненадобе никотораа моа дань, ни писчаа белка, ни подвода, ни ямъ, ни тамга, ни мытъ, ни костки, ни восьмничее, ни весчее, ни езовое, ни побережное, ни становщики мои къ нимъ не въезжаютъ нипочто, ни наместници мои Курмышские ни Лысковские, ни столникъ, ни поселской, ни ихъ тиуни, не всылаютъ къ темъ людемъ пришлымъ доводшиковъ своихъ поборовъ брати, ни судятъ ихъ, опроче душегубства и розбоя съ поличнымъ; а судитъ техъ людей архимандритъ самъ или кому прикажетъ (Моск. гр. 1423 г.).

Примеры из Московской грамоты 1423 г. и Нижегородской грамоты между 1410—1417 гг. позволяют предполагать, что и в следующих двух примерах из грамоты того же периода (Ниж. (другая) гр. между 1410—1417 гг.) предложения *судитъ игуменъ ...*, *ведаетъ и судитъ...* присоединены к предыдущему тексту без союза, с противительным значением: а к темъ людемъ также наместници мои не всылаютъ, ни судятъ ихъ: судитъ игуменъ свои люди самъ, или кому прикажетъ (Ниж. гр. между 1410—1417 гг.); а опричь того ненадобе имъ ни мытъ, ни тамга, ни побережное, ни костки, ни осмничее, ни езу имъ не бити, ни лугу имъ не косити, ни наместници мои к темъ людемъ не всылаютъ, ни судятъ ихъ, ни доводшики къ ним не въезжаютъ нипочто, оприче душегубства и розбоя: ведаетъ и судитъ ихъ игуменъ или кому прикажетъ (Ниж. гр. между 1410—1417 гг.).

То обстоятельство, что во всех приведенных из новгородских грамот примерах (кроме последнего примера) и первая, и вторая части бессоюзного сложного предложения по своему составу безличные предложения, оформленные совершенно одинаково (с инфинитивом в роли сказуемого, с дательным падежом действующего лица — *ти* или *вамъ*), позволяет сближать их, с одной стороны, с отмеченными выше случаями с однородными членами, с другой стороны, с предложениями, где при инфинитиве при помощи дательного падежа одно и то же действующее лицо названо дважды (один раз в самом начале безличного инфинитивного предложения, а другой раз — через несколько слов, чаще всего после инфинитива)[4]: а рубежь ти книже межю суздальскою землею. и новгородьскою дати ти старыи (Новг. гр. 1305—1308 гг.); техъ ти волостии княже тобе своими мужи не держати. дьржати мужи новгородьскыми (Новг. гр. между 1325—1327 гг.); тобе брату моему молодшему на тыхъ ти нелюбья не держати (Моск. гр. 1362 г.)[5].

Не допускает сближения с предложениями с однородными членами и с предложениями с повторяющимся наименованием действующего лица уже приведенный пример из новгородской грамоты: тобе княже не кърмити его новгородьскымь хлебомь. кърми его у себе.

И в первой части, и во второй части этого сложного предложения выражено повеление, но в первой — инфинитивом (с отрицанием), во второй — повелительным наклонением. Первая часть — безличное предложение, вторая — определенно-личное предложение. Таким образом, не возникает сомнений, что пример содержит сложное предложение.

В следующих примерах бессоюзные сложные предложения также имеют противительное значение, но в них противопоставляются не

[4] По-видимому, потому, что связь первого дательного падежа с инфинитивом в известной мере утрачена. Пример из Новгородской грамоты между 1325—1327 гг. — с однородными сказуемыми, с дательным падежом действующего лица (названо дважды) при первом сказуемом.

[5] См. еще ряд примеров в работе: В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение). Львов, 1949, стр. 83—84.

действия, а лица (в примере из новгородской грамоты), предметы (в примере из двинской грамоты): Ино то не государя нашего царя всея Русии намесникомъ Иванегородскимъ межъ государя нашего купци и вашими купци торгъ рушится; рушатъ торгъ межъ государя нашего купци да и вашими купци Ругодивской князь и бергоместеры и ратманы (Новг. гр. 1516 г.); межа тое земли. от болота з горы. в подоли межа по никольскои огородъ (Двин. гр. XV в.).

Интерес представляет следующий случай из новгородской берестяной грамоты XIV в., содержащей школьную шутку: невежа писа недума каза.

Здесь не столько противопоставляются, сколько сопоставляются и лица, и действия, которые совершаются этими лицами. Характерен параллелизм в построении частей этого бессоюзного сложного предложения (подлежащее — сказуемое, подлежащее — сказуемое), и, по-видимому, и ритмомелодический параллелизм. Бессоюзные сложные предложения с параллелизмом лексическим и морфологическим, сочетающимся обычно с параллелизмом ритмомелодическим, очень распространены в современных народных говорах[6].

2

Бессоюзные сложные предложения, в которых говорилось бы об одновременных или следующих одно за другим событиях и явлениях, почти совершенно отсутствуют в грамотах. Этот вывод в первую очередь должен быть отнесен к предложениям со значением временно́й последовательности[7].

Отметим следующие случаи с бессоюзным сложным предложением в составе сложноподчиненного предложения: истьца ли не будеть. ни

---

[6] А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров. Строение предложения. М., 1953, стр. 48—50. На стр. 48—50 исследования А. Б. Шапиро приведено несколько примеров с противопоставлением несущих на себе фразовые ударения слов как из разговорной речи, так и из фольклора.

В работе Л. Копецкого «К изучению языка и стиля русской сказки» («Slavia». Ročnik VI, Sešit 2. a 3. Praha, 1927, стр. 298) отмечены два случая из сказок, записанных от сказочника Абрама Новопольцева известным собирателем Д. Н. Садовниковым (всего записано 72 сказки; исследованию языка и стиля этих сказок и посвящена статья Л. Копецкого), с противительным значением: «Отношение противительное: *думает немного — до вечера проспал* № 4, 39; *сшиб конек: они ничего не чуют* № 1, 6». См. еще примеры в автореферате Л. М. Лосевой, где сопоставляются или противопоставляются лица, предметы: Я за́ утрик гато́влю, ана́ спить; Нам доста́лась каро́ва, ло́шади ни доста́лъсь (Л. М. Лосева. Организация сложного предложения в курских говорах, автореферат. Киев, 1953, стр. 13).

[7] Ср. вывод о степени распространенности рассматриваемых предложений в современном русском языке: «Бессоюзные сложные предложения со значением временно́й последовательности употребляются значительно реже, чем бессоюзные предложения со значением одновременности» (Грамматика русского языка, т. II. Синтаксис, ч. 2. М., Изд-во АН СССР, 1954, стр. 390).

детии его. целовати ему хрстъ како истьца не сведаеть. взяти ему куны колико будеть далъ по исправе. а земля къ новугороду (Новг. гр. между 1305—1308 гг.); и что у нихъ третники и наймиты кто стражетъ на готовых конехъ, а въ кунахъ, и темъ ненадобе никоторая дань, ни ко старосте имъ не тянути, ни биричь ихъ не поторгыватъ, ненадобе ни кормъ, ни подвода (Моск. гр. между 1328—1340 гг.).

В первом примере главное предложение, каждая из частей которого имеет при себе придаточное (...како истьца не сведаеть; ...колико будеть далъ по исправе), — бессоюзное сложное предложение: целовати ему хрстъ... взяти ему куны...

В главном говорится о последовательных во времени действиях, причем в роли сказуемого выступает инфинитив. Сказуемые указывают на действия, которые должны осуществиться в будущем, второе после первого.

Во втором примере главное предложение имеет в своем составе и части, соединенные при помощи *ни*, и часть (последнюю) без союза. Говорится в главном предложении об одновременных действиях, точнее — о действиях, протекающих постоянно, вне ограничений во времени. В числе сказуемых как простые, так и составные.

Об одновременных событиях говорится и в главном предложении, по своему составу — бессоюзном сложном (то ти книже все нелюбье отложити. и от мала и от велика. не мщати ти ни судомь. ни чимже), в следующем примере со сложноподчиненным предложением: а что къняже тобе было гнева на посадника, и на всь новгородъ. то ти книже все нелюбье отложити. и от мала и от велика. не мщати ти ни судомь. ни чимже (Новг. гр. 1270 или 1269 г.).

Одновременными являются действия *прашати*, *искати* в главном предложении, сложном по составу (без союза и с сочинительным союзом *а*), сложноподчиненного предложения: оже тяжа родить в ыное земли. в рускыхъ городехъ. то у техъ свое тяжа прашати искати новугороду не надобе. а тяжа на городы (Новг. гр. между 1189—1199 гг.).

В примере из Новгородской грамоты 1270 или 1269 г. сказуемые выражены инфинитивом (ср. с приведенным выше примером из Новгородской грамоты между 1305—1308 гг., где говорится о последовательных во времени действиях), в примере из Новгородской грамоты между 1189—1199 гг. одно сказуемое — инфинитив, другое — составное с наречием.

Ограниченное количество случаев с бессоюзными сложными предложениями, в которых говорится об одновременных или следующих друг за другом событиях, в деловых документах — грамотах вполне понятно.

Эти предложения характерны для художественного произведения, так как в нем занимает основное место повествование, описание.

Отметим попутно, что примеры с бессоюзным сложным предложением, указывающим на одновременные или последовательные во времени

действия, не приведены ни в опубликованных работах, посвященных Русской Правде, ни в печатных трудах, рассматривающих язык летописей (в работе: Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописей. Л., 1929 — один пример), Творений Владимира Мономаха, Моления Даниила Заточника и других древнерусских памятников.

По-видимому, в некоторых из этих произведений древней Руси (в частности в Русской Правде) указанные предложения не встречаются или почти не встречаются.

В других (в частности в летописях) они должны были бы встретиться исследователю, но, возможно, не остановили его внимания как малоупотребительные в данном памятнике.

Отметим высказывание Е. Ф. Карского в той же работе: «Те же отношения, которые бывают между членами одного предложения, могут наблюдаться и между целыми предложениями, входящими в состав сложного предложения. Особенно это заметно в случае сочетания главных предложений (παράταξις). Сочетание здесь может быть соединительное, когда одно предложение присоединяется к другому при посредстве союзов *и*, *а* (=*и*), или с пропуском союзов: Вольга же бѣше в Киевѣ съ снмъ своимъ съ дѣтьскомъ Стославомъ. и кормилець его Асмудъ (и) воевода Свѣнелдъ 15...» (дальнейшие примеры — с союзом)[8].

Таким образом, в летописях все же находим примеры с бессоюзным сложным предложением, указывающим на одновременные или последовательные во времени действия. Отсутствие примеров в исследовании Е. С. Истриной «Синтаксические явления Синодального списка 1-й Новгородской летописи» (Пг., 1923) объясняется тем, что автор данного труда не рассматривает в своей работе ни сложносочиненных предложений с союзами, ни сопоставляемых с ними бессоюзных сложных предложений.

Отметим попутно, что бессоюзные сложные предложения, сопоставляемые со сложносочиненными предложениями с союзами, в древнерусском языке почти не исследованы. Авторы работ (особенно диссертаций) сосредоточили свое внимание только на подчинении при помощи союзов и относительных слов (главным образом) и союзном сочинении (в меньшей степени).

На бессоюзных сложных предложениях, сопоставляемых со сложносочиненными предложениями с союзами, не остановился ни Ф. И. Буслаев в «Исторической грамматике русского языка», ни А. А. Потебня в исследовании «Из записок по русской грамматике». Не уделяют им

---

[8] Е. Ф. Карский. Наблюдения в области синтаксиса Лаврентьевского списка летописи. Л., 1929, стр. 55.

внимания и авторы научных курсов для высшей школы, вышедших за последние годы [9].

О том, что в художественном произведении уже в древней Руси широко употреблялось бессоюзное сложное предложение, сообщающее об одновременных или последовательных событиях, свидетельствует «Слово о полку Игореве».

С. П. Обнорский отмечает относительно «Слова о полку Игореве»: «Синтаксис предложения носит в памятнике в основном те же особенности, которые характеризуют и иные оригинальные русские памятники старшей поры, только здесь, в памятнике художественного литературного языка, они выражены в более широком и цельном виде. Сочинение в памятнике выступает в абсолютно преобладающем виде сравнительно с подчинением. Может быть, здесь в известной мере сказался жанр памятника. Так, сочинение в памятнике нередко соединяется с бессоюзием (разрядка наша. — *В. Б.*). Известное сочетание предложений, связанное единством целого, очень часто выражается как сумма вполне не спаянных между собою, как бы самостоятельных предложений, в совокупности образующих период» [10].

И дальше: «Такое построение фраз, в известной мере оправдывающееся повествовательным жанром памятника, вообще связывает его с источниками народно-поэтического творчества» [11].

Наблюдения А. Б. Шапиро над бессоюзными сложными предложениями в народных говорах, в частности, в фольклоре, подтверждают справедливость приведенного выше вывода С. П. Обнорского [12].

В числе приведенных С. П. Обнорским примеров с бессоюзными сложными предложениями имеются как примеры, где перечисляются одновременные явления, так и примеры, где сообщается о следующих друг за другом явлениях [13].

---

[9] Л. А. Булаховский. Курс русского литературного языка, т. II. Исторический комментарий. Изд. 4-е, Киев, 1953; Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953.

[10] С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946, стр. 175.

[11] Там же, стр. 176.

[12] А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, стр. 48—50. См. также работы, в которых отмечается широкое распространение бессоюзных сложных предложений, сопоставляемых со сложносочиненными предложениями с союзами, в фольклоре (работа Е. А. Гузуновой), в диалектной речи (работы В. И. Собинниковой и Л. М. Лосевой): Е. А. Гузунова. Особенности синтаксиса русских народных сказок, записанных А. А. Шахматовым в бывшей Олонецкой губернии, автореферат. Л., 1953, стр. 8—12; В. И. Собинникова. Синтаксические особенности говоров Гремяченского района Воронежской области (Материалы по синтаксису южновеликорусского наречия). «Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР», 1953, № 4, стр. 34; Л. М. Лосева. Организация сложного предложения в курских говорах, автореферат, стр. 13—14.

[13] С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, стр. 175.

Редко встречаются бессоюзные сложные предложения, сопоставляемые со сложносочиненными предложениями с союзами, в художественном произведении, отразившем процессы, происходившие в русском языке XV в., — в «Хожении Афанасия Никитина за три моря», памятнике, синтаксис которого тесно связан с устной речью[14].

В памятниках второй половины XVII в. (в числе их в «Житии протопопа Аввакума, им самим написанном»), в частности в тех местах произведения, где дается описание, эти предложения представлены широко[15].

Это позволяет сделать вывод, что бессоюзные сложные предложения (как сопоставляемые со сложносочиненными предложениями с союзами, так и сопоставляемые со сложноподчиненными предложениями с союзами и относительными словами) в художественных произведениях древней Руси, особенно тех, которые тесно связаны с устным творчеством, употреблены с определенными стилистическими целями, так как они отличаются исключительной компактностью, способствуют динамичности изложения[16].

Бесспорный интерес представляет вывод, сделанный Е. А. Гузуновой на основании наблюдений над синтаксисом сказок, записанных А. А. Шахматовым в бывшей Олонецкой губернии: «Характер употребления бессоюзных сложных предложений говорит о том, что оно имеет определенные стилистические цели. Бессоюзные сложные предложения последовательно распределены в языке сказок различных видов. Благодаря бессоюзным сложным предложениям повествование приобретает динамичность, живость[17]. Дальше Е. А. Гузунова, говоря о степени распространенности бессоюзных сложных предложений в сказках различных видов, указывает: «Наибольшее распространение бессоюзных сложных предложений отмечено в сказках новеллистического жанра, которые соответственно этому отличаются также наибольшей живостью и быстротой изложения»[18].

---

[14] Г. П. Уханов. Синтаксис «Хожения Афанасия Никитина за три моря», автореферат. Калинин, 1952, стр. 14.

[15] Э. И. Коротаева. Союзное подчинение в русском литературном языке второй половины XVII столетия. «Вестник ЛГУ», Л., 1952, № 8, стр. 103. См. также Э. И. Коротаева. К вопросу о развитии бессоюзного предложения в русском языке. «Уч. зап. ЛГУ». Серия филол. наук, вып. 14, 1949, стр. 42; ее же. Союзное подчинение в литературном языке второй половины XVII столетия. (Из истории образования сложного предложения в национальном русском литературном языке). Докторская диссертация (машинопись). Л., 1951, стр. 30—31.

[16] См. замечание В. В. Виноградова о компактности бессоюзных предложений в современном русском языке. — «Основные вопросы синтаксиса предложения», стр. 427.

[17] Е. А. Гузунова. Особенности синтаксиса русских народных сказов, записанных А. А. Шахматовым в бывшей Олонецкой губернии. Автореферат, стр. 11.

[18] Там же. — О лаконичности и рельефности в изложении благодаря широкому употреблению в сказках бессоюзных сложных предложений говорит и Л. Копецкий

Положение о большей сжатости, живости, разговорной легкости и изяществе бессоюзных сложных предложений в литературном русском языке является общепризнанным в современной стилистике[19].

Следует отметить, что еще М. В. Ломоносов подчеркивал преимущества бессоюзия, не отрицая, конечно, и значения союзов: «Союзы не что иное суть, как средства, которыми идеи соединяются; итак, подобны они гвоздям или клею, которыми части какой махины сплочены или склеены бывают. И как те, в которых меньше клею и гвоздей видно, весьма лучший вид имеют, нежели те, в которых споев и склеек много, так и слово важнее и великолепнее бывает, чем в нем союзов меньше. Однако же не должно в нем оставлять таких щелей, по которым бы оно могло вовсе развалиться»[20].

БЕССОЮЗНЫЕ СЛОЖНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ, СОПОСТАВЛЯЕМЫЕ СО СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫМИ ПРЕДЛОЖЕНИЯМИ С СОЮЗАМИ И ОТНОСИТЕЛЬНЫМИ СЛОВАМИ

Бессоюзные сложные предложения занимают в древнерусских грамотах, по сравнению со сложноподчиненными предложениями, части которых соединены с помощью союзов и относительных слов, сравнительно скромное место.

Останавливает на себе внимание тот факт, что в новгородских берестяных грамотах, представляющих собой частные письма, бессоюзные сложные предложения разнообразны по смысловой связи между частями предложения.

Таким образом, совершенно очевидно, что в устной речи, где большую роль играет интонация, уже в древнейшую пору русского языка бессоюзные сложные предложения, сопоставляемые со сложноподчиненными

в статье «К изучению языка и стиля русской сказки»: «Но преобладающей формой подчинения предложений в рассматриваемых сказках является подчинение интонацией, что придает стилю Новопольцева характер лаконичности и рельефности в изложении. Это — unbezeichnete Hypotaxe Дельбрюка, явление, известное синтаксису индоевропейского языка[1] (в сноске: [1] Delbrück. Vergl. S., III, 416 и сл.) и не так широко распространенное в русском литературном языке[2] (в сноске: [2] Буслаев. Историческая грамматика. Синтаксис, § 285, 5; Петерсон. Очерки синтаксиса русского языка. М., 1923, стр. 103). В сказках Новопольцева — это наиболее обычное соединение предложений. Указанным способом подчинения выражаются самые разнообразные взаимоотношения двух предложений, составляющих большое синтаксическое целое, или — как принято говорить языком формальной школы, — самые разнообразные функции словосочетаний без союзов: одновременность, последовательность, причинность, условность и т. д.» (стр. 297).

[19] См. в частности: Л. А. Булаховский. Русский литературный язык первой половины XIX века, т. II. Киев, 1948, стр. 271; А. Н. Гвоздев. Очерки по стилистике русского языка. Изд. 2-е, М., 1955, стр. 378—379.

[20] М. В. Ломоносов. Краткое руководство к красноречию. Книга I, в которой содержится риторика, § 325. Полное собр. соч., т. VII. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1952, стр. 376—377.

предложениями с союзами и относительными словами, были широко распространены, значительно шире, чем в письменной речи.

Авторы частных писем не считали необходимым заменять бессоюзную конструкцию союзной в тех случаях, когда надо было пояснить, указать причину, следствие, результат.

Это, с одной стороны, свидетельствует о влиянии живой разговорной речи на язык частной переписки, а с другой, — о том, что и при передаче на письме бессоюзная конструкция не теряла своей ясности и выразительности, несмотря на отсутствие такого важного фактора, как интонация.

1

В следующих примерах вторая часть бессоюзного сложного предложения указывает на обоснование, мотивировку, причину того, о чем говорится в первой части[21]: а дворяномъ твоимъ по селомъ у купцевъ повозовъ не имати. разве. ратнои вести. тако книже гне. пошло от дедъ. и от оць. и от твоихъ. и от нашихъ. и от твоего очя ярослава (Новг. гр. 1265 или 1264 г.); а судье слати на петровъ днь. тако пошло (Новг. гр. 1270 или 1269 г.; см. еще ряд новгородских грамот XIV в. с той же формулировкой); что имуть молвити посъло (не дописано *ве:* посълове. — *В. Б.*) великогъ кнзя. и новгоръдескыи. тому веру имить послове нашими усты молвяте к вамъ (Новг. гр. между 1294—1304 гг.); а что закладниковъ въ търъжку или инде. или за тобою. или за княгынею. или за мужи твоими. кто купець. поидеть въ свое сто а смердъ поидеть въ свои погостъ тако пошло в новегороде (Новг. гр. 1304—1305 гг.; см. также Новг. гр. 1305—1308 гг); а холопа и половника не судити твоимъ судиямъ безъ гсдаря. судити князю въ новегороде. тако пошло (Новг. гр. 1304—1305 гг.); что свободъ дмитриевыхъ и андреевыхъ. и что сельць тягнуло къ тымъ свободамъ. того всего гобе съступитися. то все къ новугороду. бес кунъ (Новг. гр. 1305—1308 гг.); і онъ прислалъ къ федосьі вари ты пивъ седишь на безатьщине не варишь жито (Новг. берест. гр. XIV в.); постои. за нашего сироту. молви дворянину. павлу петрову брату дать грамоте. не дасть[22] за него (Новг. берест. гр. XIV в.); да пришли сороцицю. сороцице забыле (Новг. берест. гр. XIV в.); А что Олексе Петровичь вшелъ въ коромолу къ Великому Князю, намъ Князю Ивану и Князю Андрею къ собе его не приимати, ни его детий, и не надеятись ны его къ собе до Олексеева живота; воленъ въ немъ Князь Великий, и въ его жене и въ его детехъ (Моск. гр.

[21] В числе примеров здесь и ниже указываем и такие предложения, где, кроме бессоюзного соединения предложений, имеет одновременно место и соединение предложения с главным при помощи союзов и относительных слов.

[22] Считаем (см. нашу работу «Драгоценные памятники древнерусской письменности». «Вопросы языкознания», 1952, № 3, стр. 136), что *дасть* — 3-е л. ед. ч. аориста. Текст переводим: Постой за нашего сироту — крестьянина, скажи дворянину Павлу, брату Петра, дать грамоты: не дал на него.

1341 г.); и крестьяномъ деи ихъ летомъ въ Ярославль и на Кострому и въ Любимъ торговати ездити немочно, грязи и болота великие (Яросл. гр. 1595 г.).

Ряд приведенных выше примеров характерен постановкой наречия *тако* в начале той части сложного предложения, которая указывает на обоснование, мотивировку, причину того, о чем сказано в первой части. Формулировка *тако пошло*[23] говорит о том, что указанное в первой части сложного предложения положение имеет определенную давность и потому выполнение названных действий является обязательным. Наречие *тако* подчеркивает, что именно данное положение, а не другое закрепилось в качестве законодательной нормы.

Совершенно отчетливо указание на обоснование, мотивировку, причину (*послове нашими усты молвяте к вамъ*) в примере из Новгородской грамоты между 1294—1304 гг.

То же следует сказать и в отношении новгородских берестяных грамот.

Интересно отметить, что в первом примере из новгородских берестяных грамот бессоюзное сложное предложение (вторая часть его содержит мотивировку) употреблено в прямой речи. Это свидетельствует об употребительности данной структуры в разговорной речи[24].

Вводное слово *деи* в примере из Ярославской грамоты 1595 г. указывает, что передается прямая речь (вторая часть предложения указывает причину: грязи и болота великие).

Только в отношении примера из Московской грамоты 1341 г. мы не вполне уверены, что сказанное в конце предложения — воленъ въ немъ Князь Великий, и въ его жене и въ его детехъ — является основанием, причиной для содержащегося в тексте, предшествующем этим словам.

Возможно, что эти слова присоединены к предыдущим с противительным значением.

Таким образом, лишь один пример из отмеченных выше допускает различное толкование.

2

В грамотах встретились и многочисленные случаи, где вторая часть бессоюзного сложного предложения поясняет первую часть: то же есмь. не даромъ далъ. платилъ. за мен(.) данило. и воинъ искупъ литовьскыи

---

[23] *Пошло* употребляется в значении 'установлено', 'ведется исстари', 'обычно'. См. И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам, т. II. СПб., 1902, стр. 1098.

[24] В языке пословиц, по словам П. Глаголевского, «особенно часто опускаются винословные союзы». (П. Глаголевский. Синтаксис языка русских пословиц. ЖМНП, 1871, ч. 156, июль — август, стр. 37).

Л. М. Лосева отмечает, что в курских говорах наиболее употребительными из бессоюзных сложноподчиненных предложений являются предложения с придаточным причины (Л. М. Лосева. Организация сложного предложения в курских говорах, автореферат, стр. 14). В то же время «союзных предложений с придаточными причины в речи курян встречается мало» (там же, стр. 11).

(Новг. гр. до 1270 г.); то ти отьче поведаю с(ъ бр)атом(ь) своимь съ стареишимь съ даниломь. одинъ есмь. и съ иваномъ (Новг. гр. между 1294—1301 гг.); на семь гсне новгородъ всь. хрьстъ целуеть. княжение твое чстьно дьржяти. по пошлине. безъ обиды (Новг. гр. 1305—1308 гг.; см. также Новг. гр. 1371 г.): на семь княже целуи крстъ къ всему новугороду. на чемь целовалъ дедъ твои ярославъ. новъгород держати ти въ старои пошлине (Новг. гр. между 1325—1327 г.; см. также Новг. гр. 1471 г.); А купьцамъ Немецькымъ путь чистъ сквозе Новгороцькую волость, горою и водою в Новъгородъ приехати и от-ехати бес пакости (Новг. гр. 1392 г.); а Новгороцькимъ путь чистъ на Гоцькеи берегъ, по пискупле земле Юрьевьского и по его городамъ горою и водою путь цистъ, во Юрьево приехати и от-ехати бес пакости (Новг. гр. 1392 г.); повелехом судъ дати на городище. от великих кнзеи боярин судьею. а от великог(о) новагорода боярин (Новг. гр. 1471 г.); а что у нас у великих кнзеи нятцев. и полону. и мы великии кнзи пожаловали свою отчну великии новгород тех есмы нятцов новугородских всех и полон весь велели отпустити (Новг. гр. 1471 г.); А земле и воде великому Новугороду со Княземъ Магистромъ старой рубежъ: и с Чюдского озера стержнемъ Норовы реки, и поперек острова, что пониже Иваня города и Ругодива, на реке на Норове, да всолоное море, по старымъ грамотамъ по крестнымъ, по Князя Магистрове грамоте и по крестному целованию (Новг. гр. 1521 г.); А земле и воде великому Новугороду со Княземъ Магистромъ старой рубежъ: и съ Чюдского озера стержнемъ Норовы реки, и поперекъ острова, что пониже Иваня города и Ругодива, на реке на Норове, да всолоное море, по старымъ грамотамъ по крестнымъ, по Князя Магистрове грамоте и по крестному целованью (Новг. гр. 1521 г.); И того рубля неимати на обе половины, ни въ Ругодиве на наместничихъ послехъ, ни на Иванегороде на Местеровыхъ послехъ (Новг. гр. 1521 г.); а проводники давати на обе стороны безкупно: въ Ругодиве великого Государя посломъ, и наместничимъ посломъ, и Иванегородцкого наместника послу до Князя Местера, и до Риги, и до Колывани, а на Иванегороде Княжь Местерову послу до Новагорода до великого (Новг. гр. 1521 г.); ньмного осподинь. ржи. на твою. часть. два овина. цьтвьрти (Новг. берест. гр. XV в.); а блгсвляю игумена хто буде игуменомъ у стго николы. и старцовъ черенцовъ свою братью. по мне паметь деите по сили (Двин. гр. XV в.); а отъ городовъ деи и отъ торговъ то село поудалело, отъ Ярославля пятдесятъ верстъ, а отъ Костромы пятдесятъ же верстъ, а отъ Любима полпятадесятъ верстъ (Яросл. гр. 1595 г.).

Не возникает сомнения, что вторая часть бессоюзного сложного предложения в Новг. гр. до 1270 г. (платилъ за мен(.) данило...); Новг. гр. между 1294—1301 гг. (с(ъ бр)атом(ь) своимь...); Новг. гр. между 1305—1308 гг. (княжение твое...); Новг. гр. между 1325—1327 гг. (новъгород держати ти...); Новг. гр. 1471 г. (от великих кнзеи...); Новг. гр. 1471 г. (тех есмы нятцов...); Новг. гр. 1521 г. (ни въ Руго-

диве...); Новг. гр. 1521 г. (въ Ругодиве...); Новг. берест. гр. XV в. (два овина...); Двин. гр. XV в. (по мне паметь...) поясняет первую.

Из числа предложений, не вызывающих сомнений в том, что вторая их часть поясняет первую, отметим предложения, содержащие в своей первой части указательное местоимение, конкретное содержание которого раскрывается во второй части предложения: то ти отьче поведаю... (Новг. гр. между 1294—1301 гг.); на семь гсне новгородъ всь. хрьстъ целуеть... (Новг. гр. между 1305—1308 гг.); на семь княже целуи крстъ къ всему новугороду. на чемь целовалъ дедъ твои Ярославъ... (Новг. гр. между 1325—1327 гг.).

Наличие указательного местоимения, имеющего обобщенное значение, которое нуждается в раскрытии, конкретизации, способствует более тесной связи обеих частей предложения. Благодаря употреблению указательного местоимения вторая часть предложения осознается как совершенно необходимая в составе всего предложения. Характерно, что только в примере из Новгородской грамоты между 1325—1327 гг. вторая часть (*новъгородъ держати ти...*) не является столь обязательной как в двух других примерах. Это объясняется тем, что первая часть по своему составу — сложноподчиненное предложение, и значение местоимения *семь* в известной степени (но не вполне) раскрыто в придаточном предложении (*на чемь целовалъ...*).

Во всех приведенных предложениях, в отличие от сходных предложений в современном русском языке, указательное местоимение стоит не в конце первой части, что обычно (но не обязательно) в современном русском языке[25], а в самом ее начале.

В первом примере из Новгородской грамоты 1471 г. вторая часть предложения (*от великих князеи...*), раскрывая содержание первой части, определяет дополнение *судъ* (входит в словосочетание *судъ дати*).

Менее ясной представляется связь частей сложного предложения в Новгородской грамоте 1392 г. Несомненно, что для автора этой грамоты, как и для лиц, для которых она была написана, не возникал вопрос о смысловых отношениях частей в двух приведенных выше примерах: формулировки в каждой из частей (в первой — *путь чистъ*, во второй — *приехати и от-ехати бес пакости*) были употребительны в договорных грамотах. Мы считаем, что вторая часть предложения раскрывает содержание первой части бессоюзного сложного предложения и начинается словами: *в Новъгородъ приехати...* (первый пример), *во Юрьево приехати...* (второй пример).

Следует попутно заметить, что исследователи древнерусского синтаксиса часто подходят к рассмотрению тех или иных синтаксических конструкций, забывая о том, как они воспринимались в свое время.

[25] Как видно из примеров, приведенных Э. И. Коротаевой, указательное местоимение ставится преимущественно в конце первой части предложения уже в памятниках XVII в. (Э. И. Коротаева. К вопросу о развитии бессоюзного предложения в русском языке, стр. 46—47).

Если исследователю, привыкшему к нормам современного русского языка, казалось недостаточно отчетливым взаимоотношение частей предложения, он делал вывод о неустойчивости, противоречивости конструкций, о невыработанности норм связи между частями предложения. Совершенно закономерно ставить вопрос о совершенствовании, улучшении форм связи предложений на протяжении ряда эпох, но нет основания рассматривать синтаксис древнерусского языка как резко отличный от синтаксиса современного русского языка, считать, что для древнерусской синтаксической системы характерна недостаточная связь не только между предложениями, но и между его частями. Скорее следует говорить об особенностях этой связи в ряде случаев. В бессоюзных сложных предложениях древнерусского языка, сопоставляемых со сложноподчиненными предложениями с союзами и относительными словами, отличий от соответствующих бессоюзных сложных предложений современного русского языка, как мы полагаем, меньше, чем это можно наблюдать в союзных сложноподчиненных предложениях. Характерно, что порядок частей бессоюзного сложного предложения (причина, пояснение, следствие — вторая часть, условие — первая часть) стал твердым уже в древнерусском языке и не претерпел изменений в дальнейшем.

Вторая часть первых двух примеров из Новгородской грамоты 1521 г. (и съ Чюдского озера...; и съ Чюдского озера...), раскрывает конкретное значение термина *старой* (рубежъ) в первой части. Союз *и* не присоединяет вторую часть к первой, а относится ко второй части и имеет значение усилительной частицы.

В примере из Ярославской грамоты 1595 г. часть предложения, начиная со слов: отъ Ярославля пятдесятъ верстъ — поясняет, уточняет сказанное в первой части: а отъ городовъ деи и отъ торговъ то село поудалело.

Вводное слово *деи* в главном предложении, как нам уже приходилось отмечать выше, указывает, что все предложение в целом передает прямую речь — подлинное заявление просителей (на основании этой просьбы и выдана грамота, разрешающая торг в селе Федоровском).

Особо отметим следующие примеры: и Государь бы Царь и Великий Князь Федоръ Ивановичь всеа Русии Спаского манастыря архимарита Антонья съ братьею пожаловалъ, велелъ бы въ томъ въ Спаскомъ въ селе Федоровскомъ торгъ учинити ново впервые, а тамгу бъ дати въ откупъ того жъ села хресьянину Савке Антонову, а откупу бъ у него взяти полтора рубля на годъ, а торговати бъ въ томъ селе Федоровскомъ по пятницамъ (Яросл. гр. 1595 г.); Лета 7144 Июня въ 16 день, Государь Царь и Великий Князь Василей Ивановичь всеа Русии, сее грамоты слушавъ, пожаловалъ Спаского монастыря, что въ Ярославле, архимарита Феофила съ братьею, или кто по немъ въ томъ монастыре иный архимаритъ будетъ: велелъ имъ сю грамоту подписати на свое Царево и Великого Князя Василья Ивановича всеа Русии имя и сее у нихъ

грамоты рудити не велелъ никому ни въ чемъ, и о всемъ велелъ ходити по тому, какъ в сей грамоте написано (Яросл. гр. 1595 г.); Се язъ Князь Великий Борисъ Костянтиновичь пожаловалъ есми Спаского и Благовещенского архимарита Иону съ братьею: далъ въ домъ Святаго Спаса и Святаго Благовещенья свои рыбные ловли по Суре реке, озеро Пашково съ истокомъ, озеро Саларево, озеро Плоское, озеро Сосновское, озеро Долгое, роздерти съ истокомъ, озеро Мягкое, и все озера отъ речки отъ Курмышки внизъ Сурою, источные и глухие, и роздерти, и заводи, и пески, и съ падучими реками, и бобровые гоны, и стерженъ по реку Волгу (Ниж. гр. 1393 г.).

Мы полагаем, что части предложения в примерах из Ярославской грамоты 1595 г., начинающиеся словами *велелъ бы въ томъ въ Спаскомъ въ селе Федоровскомъ...* (первый пример), *велелъ имъ сю грамоту подписати* (второй пример), и часть предложения в примере из Нижегородской грамоты 1393 г., со слов: далъ въ домъ Святаго Спаса и Святаго Благовещенья — поясняют первую часть предложения. Таким образом, во всех этих примерах имеем бессоюзное сложное предложение, а не предложение с однородными сказуемыми: бы... пожаловалъ, велелъ бы (первый пример из Яросл. гр. 1595 г.), пожаловалъ, велелъ (второй пример из Яросл. гр. 1595 г.), пожаловалъ есми, далъ (пример из Ниж. гр. 1393 г.). В грамотах не перечисляются одновременные или последовательные во времени действия, а указывается при помощи второго из отмеченных в каждой паре глаголов, в чем состоит п о ж а л о в а н и е. Во второй части бессоюзного сложного предложения опущено подлежащее, названное в первой части: Государь Царь и Великий Князь Федоръ Ивановичь всеа Русии; Государь Царь и Великий Князь Василей Ивановичь всеа Русии; язъ Князь Великий Борисъ Констянтиновичь.

К бессоюзным сложным предложениям, где вторая часть поясняет первую[26], причисляем и следующий пример, так как союз *а* (а старыи гне кнзь...), по нашему мнению, имеет значение усилительной частицы: а на семъ на всем гне кнзь великии борисъ александрович(ь). челуи кртъ ко всем(у) великом(у) новгород(у). а старыи гне кнзь великии рубеж(ь) земли и вод(е). даи промежи тферью и кашиномъ. и новгородчкои отцине. и торжком. и бежичкым. верхом (Новг. гр. 1426—1461 гг.).

Отметим, что грамота сравнительно поздняя.

3

Во второй части бессоюзного сложного предложения может указываться на с л е д с т в и е, р е з у л ь т а т действия, о котором говорится в первой части: а судъ княже отдалъ дмитрии. съ новгородци. бежичя-

[26] Ср. с приведенными выше сходными примерами (без союза *а*) с указательным местоимением.

номъ. и обонижаномъ. на. 3. лет(о) судье не слати (Новг. гр. 1265 или 1264 г.); а городискимъ попомъ. не пошло дани има на новгородьскомъ погосте. вдаи опять (Новг. гр. 1270 или 1269 г.); а что закладниковъ. за гюргемь на торожку, или за тобою. или за кн(я)гынею. или за мужи твоими. кто купець. тотъ въ сто. а кто смердъ. а тотъ потягнеть въ свои погостъ. тако пошло новегороде. отпустите ихъ проць (Новг. гр. 1270 или 1269 г.); а что закладниковъ въ търъжку или инде. или за тобою. или за княгынею. или за мужи твоими. кто купьць. поидеть въ свое сто а смердъ поидеть въ свои погостъ. тако пошло в новегороде. отпусти ихъ прочь (Новг. гр. 1304—1305 гг.; Новг. (другая) гр. 1304—1305 гг.); а вязчего не пошло по новгородьскои волости. то судиямъ твоимъ отложити (Новг. гр. 1304—1305 гг.); а третьи. 3000. пояша хопыли к собе. дати имъ на вербьницу безъ. 2. сту и безъ полутрьтиядчати серебра. въ низовьскыи же весъ (Новг. гр. 1314 г.); а слобод и сел кнзи великие. съступилися великому новугороду. на новогородскои земли сел не ставити (Новг. гр. 1471 г.); земля готова надобь семяна (Новг. берест. гр. конца XIV—XV в.); в шевцеви. пожня репеще. пониже фомины орамои земли и пожни. кутець весь и с притеребомъ. то ми с федомъ (вм.: федоромъ. — *В. Б.*) по половинамъ. и заложили есмя ту пожню с федоромъ. петру родивонову. въ. 30. белахъ до кунъ. и вы выкупите ее стму николи (Двин. гр. XV в.); А приказываю тобе сыну своему Семену братью твою молодшую и Княгиню свою съ меншими детми, по Бозе ты имъ будешь печалникъ (Моск. гр. 1328 г.); А чимь ны благословилъ Отець нашъ, волости ли, порты ли, или инымъ чимь, а тымь ся есмы поделили, того ны не поминати (Моск. гр. 1341 г.); А Бояромъ и слугамъ вольнымъ воля: кто поедетъ отъ насъ къ тобе къ Великому Князю, или отъ тобе къ намъ, нелюбья ны не держати (Моск. гр. 1341 г.).

Во второй части каждого из приведенных выше предложений совершенно отчетливо выражено следствие, результат, вывод из первой части, результат того, о чем говорится в первой части.

Необходимо отметить, что примеры из Новгородской грамоты 1270 или 1269 г. (второй пример), Новгородской грамоты 1304—1305 гг. (первый пример), Двинской грамоты XV в., Московской грамоты 1341 г. (оба примера) — значительно более сложны по своей структуре, чем остальные. Часть предложения (все примеры, кроме примера второго из Московской грамоты 1341 г.), содержащая следствие, входит в состав бессоюзного сложного предложения, которое, в свою очередь, является частью сложного предложения. В примере втором из Московской грамоты 1341 г. вторая часть бессоюзного сложного предложения (кто поедетъ отъ насъ къ тобе къ Великому Князю, или отъ тебе къ намъ, нелюбья ны не держати) является сложной по своему составу — сложноподчиненным предложением (в подчиненной части указывается на условие, при котором совершается действие — нелюбья ны не держати).

Рассмотрим те части бессоюзного сложного предложения, в которых говорится о следствии, результате, выводе, вытекающих из первой части предложения:... на. 3. лет(о) судье не слати (Новг. гр. 1265 или 1264 г.); ...вдаи опять (Новг. гр. 1270 или 1269 гг.); ...отпустите ихъ проць (Новг. гр. 1270 или 1269 г.); ...отпусти ихъ прочь (Новг. гр. 1304—1305 гг.; Новг. (другая) гр. 1304—1305 гг.); ...то судиямъ твоимъ отложити (Новг. гр. 1304—1305 гг.); ...дати имъ на вербьницу безъ. 2. сту и безъ полутртьиядчати серебра. въ низовьскыи же весъ (Новг. гр. 1314 г.); ...на новогородскои земли сел не ставити (Новг. гр. 1417 г.); ...надобь семяна (Новг. берест. гр. конца XIV—XV в.); ...и вы выкупите ее стму николи (Двин. гр. XV в.); ...по Бозе ты имъ будешь печалникъ (Моск. гр. 1328 г.); ...того ты не поминати (Моск. гр. 1341 г.); ... кто поедетъ отъ насъ къ тобе къ Великому Князю, или отъ тобе къ намъ, нелюбья ны не держати (Моск. гр. 1341 г.).

Отметим предварительно, что союз *и* в примере из Двинской грамоты XV в. имеет значение усилительной частицы.

Для всех примеров на следствие, результат, вывод, как и для примеров на причину, пояснение, характерно то, что часть предложения, содержащая следствие, результат, вывод, находится на втором месте.

Тот же порядок размещения частей бессоюзного сложного предложения со значением следствия, как и со значением причины, пояснения, встречаем и в более поздних памятниках — в памятниках XVII в. (что и отмечено в работе Э. И. Коротаевой[27]).

В современном русском языке в бессоюзном сложном предложении со значением причины (или пояснения, следствия, результата, вывода) часть предложения, содержащая причину (или пояснение, следствие, результат, вывод), находится всегда на втором месте. Сказанное относится и к литературному русскому языку, и к народным говорам[28].

В приведенных нами примерах из древнерусских грамот во второй их части не просто указаны следствие, результат, вытекающие из содержания первой части предложения, но из текста ясно, что действие должно совершиться или совершаться, что действующее лицо побуждается к выполнению действия.

Основание для такого вывода — в том, что сказуемым во второй части бессоюзного сложного предложения обычно является или повелительная форма глагола, или инфинитив.

---

[27] Э. И. Коротаева. Из истории сложного предложения в русском языке (Место придаточного предложения по отношению к главному). «Уч. зап. ЛГУ». Серия филол. наук, вып. 15. Вопросы грамматического строя и словарного состава языка, I. Л., 1952, стр. 58—59.

[28] См., в частности, примеры в работах: А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, стр. 54—57 и В. И. Собинникова. Синтаксические особенности говоров Гремяченского района Воронежской области (Материалы по синтаксису южновеликорусского наречия), стр. 35; см. также П. Глаголевский. Синтаксис языка русских пословиц, стр. 38.

Как уже нами отмечалось[29], инфинитив в более категорической форме, чем повелительное наклонение, указывает на необходимость выполнения определенных обязательств.

Вполне понятно поэтому преобладание в грамотах в части предложения, выражающей следствие, безличных инфинитивных предложений с дательным падежом действующего лица или без дательного действующего лица (два примера из шести): на 3. лет(о) судье не слати (Новг. гр. 1265 или 1264 гг.); ...то судиямъ твоимъ отложити (Новг. гр. 1304—1305 гг.); ...дати имъ на вербьницу безъ. 2. сту и безъ полутртьиядчати серебра. въ низовьскыи же весъ (Новг. гр. 1314 г.); ...на новогородскои земли сел не ставити (Новг. гр. 1471 г.); ...того ны не поминати (Моск. гр. 1341 г.); ...нелюбья ны не держати (Моск. гр. 1341 г.).

Употребление повелительного наклонения позволяло непосредственно обратиться к действующему лицу. В одном из примеров (из Двин. гр. XV в.) при глаголе стоит и личное местоимение *вы* (при нем имеется усилительная частица *и*) для более четкого противопоставления субъекта действия данной части предложения субъекту действия первой части предложения, для более яркого выявления субъекта, которому предписывается, предлагается что-либо сделать.

Возможностью прямого обращения к действующему лицу, возможностью подчеркнуть самой формой лица, что действующее лицо — то, к которому обращена грамота, объясняется сравнительно широкое употребление повелительного наклонения в части предложения, указывающей на следствие: ...вдаи опять (Новг. гр. 1270 или 1269 г.); ...отпустите ихъ проць (Новг. гр. 1270 или 1269 г.); отпусти ихъ прочь (Новг. гр. 1304—1305 гг.; Новг. (другая) гр. 1304—1305 гг.); и вы выкупите ее стму николи (Двин. гр. XV в.).

Напомним, что в грамотах число случаев с повелительным наклонением составляет по отношению к безличным инфинитивным предложениям только 7,8% (в договорных грамотах еще меньше — 3,8%).

Таким образом, сравнительно большое количество форм повелительного наклонения в части предложения, указывающей следствие, весьма показательно.

В примере из Новгородской берестяной грамоты конца XIV—XV в. в роли сказуемого выступает слово *надобь*: ...*надобь семяна*. Модальное значение слова *надобь* 'необходимость'. Указание на необходимость является в то же время и побуждением к определенному действию.

Наименее ярко долженствование выражено в примере из Московской грамоты 1328 г., так как в нем составное сказуемое с глаголом в форме будущего времени, при этом без усилительной частицы.

Основание для решения вопроса о наличии оттенка долженство-

[29] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение), стр. 87.

вания не только в значении контекста в целом, но и в сходных случаях, когда вместо составного сказуемого — *будешь печалникъ* — употреблено сказуемое, выраженное инфинитивом: Кого изъ насъ Богъ отъведетъ, печаловати княгинею его и детми какъ при животе, так и по животе (Моск. гр. 1341 г.).

В первой части рассмотренных бессоюзных сложных предложений со значением следствия, результата, вывода говорится об определенном установившемся порядке, о том или ином совершившемся факте, как основании для побуждения к действию. Поэтому в первой части в роли сказуемого — глагол в изъявительном наклонении (обычно в форме прошедшего времени).

В примере из Новгородской берестяной грамоты конца XIV—XV в. именная форма прилагательного употреблена без глагола-связки, и потому, со значением настоящего времени. Во втором примере из Московской грамоты 1341 г. нет глагола в форме настоящего времени, как нет и именной части, но совершенно ясно значение утверждения бытия определенного факта, явления в настоящем.

Таким образом, первая часть сложного предложения говорит о событиях как имевших место в прошлом, так и имеющих место в данное время.

Сказанное нами выше о структуре бессоюзного сложного предложения со значением следствия, результата, вывода позволяет утверждать, что эта структура отличается несомненной внутренней цельностью.

Особо отметим два примера, в которых структура предложения сходна со структурой перечисленных выше примеров (глагол-сказуемое в изъявительном наклонении в первой части предложения, инфинитив в роли сказуемого во второй части), но только перед частью предложения, указывающей на следствие, результат, вывод, стоит союз *а*. Значение этого союза (одна грамота, где встретился данный случай, относится к 1265 или 1264, другая — к 1270 или 1269 г.) — значение усилительной частицы (см. выше пример из Двин. гр. XV в.): а городець княже далъ дмитрии съ новгородци. иванку. а того ти княже не отяти (Новг. гр. 1265 или 1264 г.); а в ладогу княже слати осетрьникъ. и медовара. по грамоте оца своего. ярослава. а ту грамоту княже отялъ еси. а та грамота княже дати ти назадъ (Новг. гр. 1270 или 1269 г.).

В примере из Новгородской грамоты 1270 или 1269 г. вывод *а та грамота княже дати ти назадъ* вытекает не только из первой части (а ту грамоту княже отялъ еси) сложного предложения, но и из всего приведенного нами текста, предшествующего указанным словам. Поэтому мы и привели как интересующее нас сложное предложение, так и предшествующее ему простое предложение, которое помогает выяснить смысловую зависимость одной части сложного предложения от другой его части.

4

В грамотах встретились случаи с бессоюзным сложным предложением (это предложение входит в состав другого сложного предложения), вторая часть которого указывает цель действия, названного в первой части: а жена моя пострижетъ ся в чернице. то выдаите еи. четверть. оть не будеть голодна (Новг. гр. до 1270 г.); А како услышить Волочьскыи тивунъ, ожо гость Немечьскыи с Смолняны приехалъ на Волокъ, послати ему члвка своего въ борзе къ Волочаномъ, ать перевезуть Немецьскыи гость и Смолняны с товаромь... (Смол. гр. 1229 г. (список D Рижской редакции. См. также списки E, F, G той же редакции).

Во второй части бессоюзного сложного предложения употреблено составное сказуемое с формой будущего времени вспомогательного глагола (первый пример), сказуемое — глагол в форме будущего времени (второй пример): Нами отмечалось[30], что в древнерусских грамотах при формах будущего и настоящего времени, когда они заключали в себе оттенок желательности действия, могли стоять слова, особенно ярко оттеняющие желательность: *ать*, *оть*, *да*, *пусть* (преобладают *ать*, *оть*).

В приведенных выше примерах стоят частицы *ать*, *оть*. Их значение сходно со значением современного *пусть*[31].

Здесь же отметим и пример из Московской грамоты 1353 г., где значение цели представляется нам менее ясным: А что есмь писалъ въ сю грамоту, то есмь все далъ своей княгини, ать молить бога, а душу мою поминаеть до своего живота.

Мы склонны отнести предложение с *ать* (*ать молить бога...*) к самостоятельным[32].

---

[30] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (простое предложение), стр. 87.

[31] Частица *пусть* употребляется, сравнительно с частицами *ать*, *оть*, в более поздних памятниках (с начала XV в.). См. И. Б. Кузьмина. Употребление глагольных форм со значением побуждения в русском языке XI—XVII веков, автореферат. М., 1951, стр. 8—9 и 14; ее же. Употребление глагольных форм в побудительных предложениях в русском языке XI—XVII вв. «Тр. Ин-та языкознания АН СССР», т. V. М., 1954, стр. 114.

[32] Л. А. Булаховский придерживается другого взгляда. Он приводит этот пример как случай с союзом цели *ать* (*атъ*), в то же время отмечая: «Исходное значение этого союза — 'пусть', хорошо засвидетельствованное в памятниках. Употребление вроде того, которое имеет место в приведенном примере, представляет собою переходное явление между сочинением и подчинением» (Курс русского литературного языка, т. II. Исторический комментарий, стр. 336). И. Б. Кузьмина считает, что частица *ать* присоединяет предложение с *ать* в рассматриваемом примере в качестве «зависимой части сложного предложения» (Употребление глагольных форм в побудительных предложениях в русском языке XI—XVII вв., стр. 120—121). Дальше И. Б. Кузьмина уточняет это положение и говорит: «Предложения с *да* или *ать* не являются еще настоящей грамматической формой подчинения. В некоторых случаях не представляется возможным решить является ли данное

5

В следующем примере — бессоюзное сложное предложение времени: Си же грамота псана бысть, ишьло было от Ржства Гня до сего лета, 1000 летъ и двесте летъ и осмьдесятъ летъ и три лета, въ четвертое лето, на Вознесенье Гне (Смол. гр. 1284 г.).

Здесь же укажем и случай, когда часть предложения, сопоставляемая с придаточным предложением с относительным словом *когда*, имеет союз *а*, отграничивающий данное сложное предложение от предыдущего и не являющийся союзом временны́м: А си грамота написана быс(ть) от распятья было 1000. лет и 200. лет и 30. лет безъ лета (Смол. гр. 1229 г., список D Рижской редакции; см. также списки E, F, G той же редакции).

В списках Готландской редакции той же Смоленской грамоты 1229 г. союз *коли*, присоединяющий к главному придаточное предложение времени (стоит в препозиции к главному): Коли ся грамота псана, ишлъ былъ от Ржства Гсня до сего лета 1000. лет и 200. лет и 8. лет и 20. (список A; см. также списки B и C этой же редакции).

В современном русском литературном языке бессоюзные предложения времени употребляются сравнительно редко, возможно, потому, что их трудно отграничить от бессоюзных предложений условия. Характерно, что в Академической грамматике (см. т. II, ч. 2) о бессоюзных предложениях времени не говорится. К числу «предложений, выражающих отношение обусловленности и характеризующихся повышающейся и затем понижающейся интонацией»[33] отнесен и пример, который в других трудах рассматривается как пример на бессоюзное предложение времени: *лес рубят — щепки летят*[34].

Автор раздела о бессоюзных сложных предложениях в Академической грамматике Н. С. Поспелов в более ранней своей работе «О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений» относит приведенный выше пример к случаям, где выражается не временна́я, а «только модальная обусловленность»[35].

предложение с *да* или *ать* самостоятельной частью сложносочиненного предложения или предложением, зависимым от предыдущего...» (там же, стр. 121). О трудности определения, является ли предложение с *да* и глаголом в форме настоящего или будущего времени простым или частью сложного предложения, см. также С. Л. Баженова. Придаточные предложения цели в древнерусском языке (по памятникам XIV—XVII вв.). Автореферат. М., 1954, стр. 5.

[33] Грамматика русского языка, т. II, ч. 2, стр. 392.

[34] Э. И. Коротаева. К вопросу о бессоюзном подчинении. «Русский язык в школе», 1941, № 3, стр. 27 (по мнению автора, это случай с временны́м бессоюзным предложением, выражающим временну́ю обусловленность одного действия, факта — другим).

[35] Сб. «Вопросы синтаксиса современного русского языка». М., 1950, стр. 348.

В народных говорах бессоюзные временны́е предложения встречаем чаще: «Очень распространенным является сложное предложение, в котором между простыми делается значительная пауза, причем простые предложения представляют собой в интонационном отношении симметрично расположенные (не по числу слов, а по синтаксическому строению) и равнозначные части. Основное значение такого построения — сопоставление и указание на взаимозависимость.

Частичные оттенки значения взаимозависимости вытекают обычно из реального содержания предложений. Чаще всего это связь временна́я или условная, либо условно-временна́я (поскольку условная связь базируется всегда на временны́х отношениях). В тех случаях, когда в начале второго предложения есть слово *тогда*, связь между предложениями — временна́я»[36].

6

В древнерусских грамотах встречаем и бессоюзные сложные предложения, в которых первая часть указывает на условие: холопъ или роба почнеть вадити на гсаря. тому ти веры не яти. (Новг. гр. между 1325—1327 гг.); не будеть истьця. целовати ему како не ведаеть истьця. (Новг. гр. между 1368—1371 гг.).

Отметим, что первому примеру соответствует в других новгородских грамотах, как в более ранних, так и в более поздней грамоте, конструкция с *а*: а холопъ или роба. почнеть вадити на господу тому

---

[36] А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, стр. 51. Два примера на временны́е бессоюзные предложения приведены в работе В. И. Собинниковой «Синтаксические особенности говоров Гремячен ского района Воронежской области» (Материалы по синтаксису южновеликорусского наречия), стр. 35: *У мине́ сыно́чькъ — та был — у мине́ го́ря не́ былъ* (Борщево). *Ско́сют — аставáитца жне́вьн'* (Гремячье). Эти примеры, особенно первый, не вызывают сомнений, что связь временна́я. Однако из помещенных там же трех примеров на условные предложения первый и второй могут рассматриваться и как временны́е: *Дош пайд'о́т — ни на́йд'ьш ме́ста* (Гремячье). *Слабо́дна — пайду памагу́* (Малышево). *Но́нь ни пирясу́шым — за́втра пирясу́шым* (Устье). Многочисленные примеры на временно́е отношение приведены в работе Л. Копецкого «К изучению языка и стиля русской сказки» (стр. 197). В числе примеров приведен и случай, который можно отнести к числу предложений с условным отношением. В этом примере сказуемые обеих частей предложения выражены глаголом будущего времени: *прысну в котел правою ноздрей — вылетит вся смола; из левой ноздри пущу дым — не увидит никто*, № 12, 77... Возможность двоякого толкования предложений говорит о трудности отграничить в ряде случаев временны́е бессоюзные предложения от условных бессоюзных предложений. П. Глаголевский отмечает распространенность временны́х бессоюзных сложных предложений в языке пословиц: «В языке пословиц нередко встречаются случаи опущения союзов при обозначении времени. Конечно, в этом случае союзы опускаются для легкости и живости речи, потому что нет ничего проще, как понимание отношений, касающихся времени» (П. Глаголевский. Синтаксис языка русских пословиц, стр. 36).

ти веры не яти (Новг. гр. 1270 или 1269 г.; Новг. гр. 1304—1305 гг.; Новг. гр. 1305—1308 гг.; Новг. гр. 1371 г.).

Второму примеру соответствует в Новгородской грамоте между 1325—1327 гг. конструкция с союзом *или* (=*если*): или не будет истьца. како не ведаеть истьца своего. целовавъ ему крстъ куны ему взяти у новагорода.

В Новгородской грамоте между 1305—1308 гг., Новгородской (другой) грамоте 1305—1308 гг. и в Новгородской грамоте 1371 г. — конструкция с частицей *ли*: истьца ли не будеть. ни детии его целовати ему хрстъ како истьца не сведаеть.

В Смоленской грамоте 1229 г. — ряд случаев с бессоюзным сложным предложением условия: По уху ударите, 3 четверти серебра (список А Готландской редакции; см. также список С той же редакции); Послу и попу что учинять, за двое того узяти, два платежя (список А Готландской редакции; см. также список С той же редакции).

Эти примеры отмечены А. А. Потебней, который в своем труде «Из записок по русской грамматике» писал: «Отношение предложения уславливающего к уславливаемому может, вообще, выражаться или соответствием союзов условных и заключительных, или одним союзом заключительным, или — ничем, кроме места в речи и тона. Последний способ, наиболее древний, остается в языке и по образовании союзов»[37].

В другом месте А. А. Потебня также отмечает: «Обозначение действия уславливаемого легко может обходиться без союза, кроме того, который позднее возник из б ы х ъ; уславливающее, по-видимому, постоянно требует союза (в старосл. яз. *аще*, рус. *аче*, *а*, *да*, *оже* и пр.), но его условность не создается, а лишь видоизменяется союзом»[38].

Следует указать, что в списке В (позднейшей копии списка А) Готландской редакции Смоленской грамоты 1229 г. в начале предложения стоит *а*: А по уху ударить, 3 четверти серебра; А послу и попу что учинять, за двое того взяти, два платежа.

В списках Рижской редакции в соответствующих статьях находим конструкции с условным союзом *аще*: Аще ударить по лицю, или за волосы иметь, или батогомь шибеть, платити безъ четвьрти грвна серебра (список D; см. также списки E, F, G той же редакции); Аще послови пригодиться пакость или поповиви въсякои обиде, за два члвка платити за нъ (список D; см. также списки E, F, G той же редакции).

Редакции и списки не отделены настолько значительным промежутком времени, чтобы можно было на основании приведенных выше примеров говорить о вытеснении бессоюзной конструкции союзной.

---

[37] А. А. П о т е б н я. Из записок по русской грамматике, ч. I. и II. Изд. 2-е. Харьков, 1888, стр. 411.

[38] Там же, стр. 269—270.

В начале XIII в. употреблялась как бессоюзная, так и союзная конструкция, и бессоюзная конструкция совершенно отчетливо передавала «отношение предложения уславливающего к уславливаемому».

Союз *а* в начале предложения условия нет оснований считать союзом условным, хотя он и играет определенную роль в структуре условного предложения. Союз *а* выражает отношения не между частями данного предложения, а между сложным предложением условия и предыдущим предложением, отграничивая предложение с союзом *а* от предшествующего предложения (см. об этом ниже).

В Смоленской грамоте 1229 г., кроме отмеченных А. А. Потебней, встретился еще пример с бессоюзным сложным предложением условия: Купить Латинескыи гривну золъта, дасть весити, дати ему весце ногата Смольнеская (список А Готландской редакции; см. также списки В и С той же редакции).

В Рижской редакции — конструкция с союзом *аже* или *оже*: Аже Немчичь крьнеть грвну золота, платити ему ногата весцю; (список D; см. также список Е той же редакции); Оже купити Немцичю гривну золота, дати ему ногата весцю (список F; см. также список G той же редакции).

Укажем еще пример с бессоюзным сложным предложением из Смоленской грамоты 1230 г.: улюбить своею волею нести железо, тъ ть его воля.

В Готландской редакции Смоленской грамоты 1229 г. имеется ряд примеров, когда условливающая часть предложения, не содержащая союза, имеет в своем составе неопределенно-относительные местоимения *кто*, *которыи*. Такое предложение тоже является бессоюзным, если относить его к *условным* предложениям (а не к предложениям, где можно отметить лишь оттенок условия)[39], поскольку условным является сходное сложноподчиненное предложение с союзом условия (см. ниже): Кто биеть друга деревъмь, а будете синь, любо кровавъ, полуторы гривны серебра платити ему (список А; см. также список С); Кто будеть друга билъ деревомъ, а будуть сини раны, или кръвавъ, полуторы грив(ны) серебра платити ему (список В); Которыи Вълъчанинъ възмьть Латиньскыи товаръ чересъ Вълъкъ вести, а что погынеть от того товара, что ему приказано, тъ платити всемъ Вълъчанъмъ. (список А; см. также списки В и С); Которыи Русинъ, или Латинескыи имьть татя, надъ темь ему своя въля, камь его хочеть, тамъ дежеть (список А; см. также списки В и С); Которое орудие доконьчано будеть у Смольнескь мьжю Русию и мьжю Латинескимь языкомь,

---

[39] См. у Л. А. Булаховского: «Сравнительно с современным языком останавливает на себе внимание очень частое для древнерусского употребление относительных *что*, *который* и под. в придаточных предложениях, предшествующих главному, чаще всего с оттенком условия. . .» (Курс русского литературного языка' т. II. Исторический комментарий, стр. 321).

пьредъ судиями и пьредъ добрыми людми, боль того не починати у Ризе и на Гочкомь березе; а что будеть дъкончано у Ризе и на Гочкомь берьзе, перьдъ судиями и пьрьдъ дъбрыми людми, того у Смольнске не починати (список A; см. также списки B и C); у кого ся избиеть учанъ, а любо челнъ, Бъ того не даи, или у Русина, или у Латинеского, у техъ вълъсти, кто сю свободу далъ, товаръ его свобонъ на въде и на березе бес пакости всякому; товаръ, иж то потоплъ, брати у мыто своею дружиною из воды на берего (список A; см. также список C); Которыи Русинъ, или Латинескыи противу сее правды мълвить, того почьсти за лихии мужь (список A; см. также список C).

Во всех приведенных примерах в обусловленном предложении имеются соответствующие неопределенно-относительным местоимениям обусловливающего предложения указательные местоимения: *ему* (в первом, втором, третьем, четвертом примерах), *того* (в пятом и седьмом примерах), *его* (в шестом примере).

Первому (из списков A и D) и второму (из списка B) примерам из Готландской редакции Смоленской грамоты 1229 г. соответствует в Рижской редакции той же грамоты конструкция с условным союзом *аще*: Аще кто деревомь ударить члвка до крови, полуторы грвны серебра (список D; см. также списки E, F, G).

Третьему примеру из Готландской редакции соответствует в Рижской редакции случай с союзом *а* в начале предложения: А которыи Волочанинъ въскладывать товаръ Немецьскии или Смоленьскии на кола своя черес Волокъ вести, а што погынеть то. .вара, того всемъ Волочаномъ платити (список D; см. также списки E, F, G).

Четвертому примеру в Рижской редакции соответствует конструкция с условным союзом *аще*: Аще Русинъ или Немчичь иметь тате въ своего товара, в том его воля... (список D; см. также списки E, F, G).

В Рижской редакции, как нами уже отмечалось, в тех случаях, когда в Готландской редакции употреблено сложное предложение без союза, последовательно употребляется сложноподчиненное предложение с союзом[40].

В связи с решением вопроса, на каком языке был составлен такой исключительный по своему значению документ, как Смоленская грамота 1229 г., мы высказали следующее предположение: «... Рижская редакция в отношении синтаксических конструкций в такой степени отличается от Готландской редакции, что для нас наиболее вероятным является предположение о составлении ее вновь, лицом, предпочитавшим другие обороты, чем те, которые характерны для составителя Готландской редакции»[41].

---

[40] В. И. Борковский. Смоленская грамота 1229 г. — русский памятник. «Уч. зап. Яросл. гос. пед. ин-та», вып. I. Гуманитарные науки, 1944, стр. 42.

[41] Там же.

Тем больше интереса представляет то, что пятому примеру из Готландской редакции соответствует в Рижской редакции конструкция без союза: Которая си тяжа будеть сужона Смоленьске, или у князя, или у тивуна, или урядили будуть добрии мужи, боле же не поминати того ни въ Ризе, ни на Готьскомь березе; таже правда буди Немецьскому гостьи Смоленьске (списки D и E.).

Отметим и случай в Рижской редакции с союзом *а* при союзе *аже* в Готландской редакции: А детьскыи возма по что, ужо не исправить за неделю, лзе ему Русина пояти домовь (список D Рижской редакции; см. также список E той же редакции); Аже дасть наемъ детьскому, а не исправить за 8. днии товара у Русина, тоть дати ему на събе порука (список A Готландской редакции; см. также списки B и C той же редакции).

Укажем еще пример из Рижской редакции, где *а* сочетается с наречием времени *како* (конструкция имеет значение и условной, и временно́й). Этому примеру в Готландской редакции соответствует конструкция с союзом условным *аже*: А како услышить Волочьскыи тивунъ, ожо гость Немечьскыи съ Смолняны приехалъ на Волокъ, послати ему члвка своего въ борзе къ Волочаномъ, ать перевезуть Немецьскыи гость и Смолняны съ товаромъ, а никтоже иметь имъ пакостити, зане... в тои пакости велика пагуба бываеть от Погани Смолняном и Немцомъ (список D Рижской редакции; см. также списки E, F, G той же редакции); Аже тиунъ услышить, Латинескыи гость пришелъ, послати ему люди с колы пьревести товаръ, а не удержати ему; аже удержить, у томь ся можете учинити пагуба (список A Готландской редакции; см. также списки B и C той же редакции).

Пример, начинающийся словами *у кого ся избиеть учанъ*.., в списке B Готландской редакции имеет в начале союз *а*: А у кого ся учанъ изъбьеть, или челнъ, Богъ того не даи, или у Русина, или у Немьчина, въ техъ волости, кто сю свободу далъ, товаръ его своденъ на воде и на березе бес пакости всякому; товаръ, иже потоплъ, брати въ место съ своею дружиною из воды на берегъ.

В Рижской редакции — конструкция с союзом *аче*, с выдвижением вводного предложения в начало текста: Бъ того не даи, аче кого прииметь, ли лодья уразится, ли Русьская, ли Немецьская, волно ему свои товаръ... бесъ всякое борони къ берегу (список D; см также списки E, F, G).

Особый интерес представляет последний пример из Готландской редакции (Которыи Русинъ...). Текст, содержащийся в этом примере, помещен в Смоленской грамоте после указания имен представителей русской и немецкой стороны. Этот текст не связан непосредственно с предыдущим и потому может быть признан до известной степени самостоятельным; в то же время он является следствием того, что, как сказано выше, грамота утверждена печатью и что при ее утверждении присутствовали представители обеих сторон.

Показательно поэтому употребление в списке В Готландской редакции Смоленской грамоты союза *и*, не являющегося союзом условным, а имеющим значение следствия: И которыи Русинъ, или Латиньскии противу сее Правды молвити иметь, того почисти за лихии мужь.

В Рижской редакции находим конструкцию с условным союзом *аще*: Аще кътоpыи Русинъ или Немчичь противити.. въсхочеть сеи правде, да тъ.. противен Бу и сеи правде (список D; см. также списки E, F и G).

Сравнение примеров в различных списках двух редакций позволяет сделать вывод, что в древнерусском языке употреблялись параллельно бессоюзное сложное предложение условия, то же предложение, но с *а* начинательным, отграничивающим данное предложение от предыдущего, и, наконец, сложноподчиненное предложение с условным союзом в придаточном предложении.

Если учесть только примеры без союза *а*, но в число бессоюзных сложных предложений включить и случаи с неопределенно-относительными местоимениями в обусловливающей части (тоже без союза), следует признать значительным количество встретившихся случаев.

Основание для включения в число бессоюзных сложных предложений условия случаев с неопределенно-относительными местоимениями, как можно видеть из приведенных выше примеров, не только в том, что параллельно употребляются сходные сложноподчиненные предложения с союзом условия.

Следует принять во внимание и соотносительное употребление глагольных форм в этих предложениях.

Как и в сложноподчиненных предложениях с союзом условия, в обусловливающей части рассматриваемых предложений (и бессоюзных предложений без неопределенно-личных местоимений) сказуемое выражено глаголом в будущем времени, в обусловливаемой — инфинитивом (может быть опущен) со значением долженствования.

В современном русском языке распространены бессоюзные сложные предложения, причем не только такие, в которых условливаемая часть указывает на осуществляемое при определенном условии действие, но и такие, в которых действие не осуществилось, так как не осуществилось и условие. Мы имеем в виду предложения, в которых в первой части употреблено повелительное наклонение со значением условного, а во второй — условное наклонение (Щепотки волосков лиса не пожалей — Остался б хвост у ней. И. А. Крылов. Лиса).

В древнерусских памятниках второй из указанных типов не встречается. Условные предложения со значением действия, только предполагаемого возможным, находим в составе сложноподчиненного предложения с союзом, со сказуемым, выраженным условным наклонением,

в обеих частях предложения, как это имеет место и в современном русском языке[42].

По поводу случаев, когда сказуемое выражено условным наклонением в обеих частях предложения, А. А. Потебней высказано весьма интересное предположение: «Позднейшие выражения, как вр. «было бы щастье, а дни впередѣ» (XVII в.); была б.. прежняя молодость, повыручил бы тебя, Рыбн. I, 442 (ср. поль. луж. Mikl. IV, 812); млр. «побачила-б (т. е. если бы увидала) її мати, що-б тоді їй було?», заставляют думать, что если бы у нас были образцы древней простонародной речи, мы могли бы найти в них выражения уславливающего действия без союза, в роде «вѣдѣлъ быхъ — нѣхалъ быхъ» и без другого отличия этого действия от уславливаемого, кроме тона речи»[43].

Тот факт, что бессоюзные сложные предложения условия встречаются в современных народных говорах, особенно часто — в фольклоре[44], позволяет предполагать, что на основании памятников древнерусской письменности, в том числе и грамот, хотя они в наибольшей степени отражают живую речь, нельзя делать вывод об ограниченном употреблении бессоюзной конструкции в разговорной речи древней Руси.

В разговорной речи древней Руси бессоюзная конструкция была бесспорно распространена шире, чем в памятниках письменности. В известной степени об этом свидетельствуют многочисленные пословицы, оформленные как бессоюзные сложные предложения условия, в сборнике русских пословиц XVII в. (примеры имеются и в труде

[42] См. Б. В. Лавров. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1941, стр. 7, где приводятся примеры из летописей, а также из писем и бумаг Петра I. Б. В. Лавров отмечает и случаи с ирреально-условным значением и при бессоюзии, однако «Специальная форма условного наклонения (с частицей *бы*) исключительно редко выступает в бессоюзных условных предложениях и не всегда создает здесь значение ирреально-условного. Тип «не свой *бы* былъ, не собакою *бы* слылъ» (Сим. посл. 127) — почти не представлен в древнерусской письменности» (стр. 13—14).

[43] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. I и II, стр. 270.

[44] См. А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, стр. 52—54; В. И. Собинникова. Синтаксические особенности говоров Гремяченского района Воронежской области. (Материалы по синтаксису южновеликорусского наречия), стр. 35. См. также статью: Л. Копецкий. К изучению языка и стиля русской сказки (стр. 298), где автор отмечает, что в сказках примеров с отношением условным меньше, чем с отношением временны́м. Примеры пословиц, грамматическая структура которых — условное бессоюзное сложное предложение, приведены в работе П. Глаголевского «Синтаксис языка русских пословиц», стр. 15, 35. Л. М. Лосева пишет: «Бессоюзные предложения с придаточными условия в речи курян употребляются реже, чем с придаточными причины» (Организация сложного предложения в курских говорах, стр. 15). Следует напомнить (см. сноску на стр. 298 нашей работы), что бессоюзные сложные предложения причины, согласно выводам того же автора, являются «наиболее употребительными».

А. А. Потебни[45] и в исследовании Б. В. Лаврова, причем у Лаврова — многочисленные[46].

Мы не считаем союз *а* в условных предложениях союзом условным, полагая, что условность в предложениях с *а*, как и в предложениях без *а*, выражалась как порядком слов в обусловливающей части, так и ее местом (препозиция) по отношению к части обусловливаемой, а также соотносительным употреблением глагольных форм в обеих частях, в устной же речи — и интонацией. Поэтому в данной главе рассмотрим и предложения с *а*. Во всех примерах с *а* союз *а*, как нами уже отмечалось выше, является начинательным, отграничивающим бессоюзное сложное предложение от предыдущего предложения.

Во второй части нашей работы «О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII—XIV в.», опубликованной в 1944 г., в § 16 (Сложное предложение)[47] приведены многочисленные случаи с союзом *а* в условных предложениях (здесь же и случаи без *а*, случаи с *или*, *ли*, а также и случаи с *аже* и *оже*; указаны как примеры без союза в обусловливаемой части, так и примеры с союзами *то*, *а*, *и*, *ино* в обусловливаемой части).

Хотя некоторые из этих примеров (из тех же новгородских грамот) имеются и в недавно вышедшем учебном пособии для высшей школы[48], мы считаем необходимым, для полноты картины, привести и ряд случаев с *а* в условном предложении из новгородских грамот XIII—XIV в.

Наибольшее количество случаев с условными предложениями встретилось в договорных грамотах, что объясняется самим содержанием памятника, определяющего права и обязанности обеих сторон.

Из условных предложений реже встречаются предложения, во второй части которых (обусловленной) нет союза[49]. Это, несомненно, наиболее древний тип условных предложений с *а* в начале предложения. В нем «отношение предложения уславливающего к уславливаемому» выражается «местом в речи и тоном» (см. выше цитату из труда А. А. По-

---

[45] Приведены, как указывает автор, из § 196 «Исторической грамматики русского языка» Ф. И. Буслаева (этот параграф посвящен употреблению неопределенного наклонения как сказуемого безличного предложения для обозначения необходимости или возможности действия). См. А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. I и II, стр. 411.

[46] Б. В. Лавров. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке, стр. 13.

[47] В. И. Борковский. О синтаксических явлениях новгородских грамот XIII—XIV века. «Уч. зап. Яросл. гос. пед. ин-та», вып. IV. «Русское языкознание», 1944, стр. 46—52 (об условных предложениях см. стр. 48—49, 50 и 52).

[48] П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. Краткий очерк. Пособие для педагогических институтов. Учпедгиз, изд. 2-е. М., 1954, стр. 296.

[49] См. замечание Лаврова об ограниченности примеров с этими предложениями (соединительный союз в условном предложении, второе предложение присоединено без помощи союзов) в его собрании материалов из памятников — Б. В. Лавров. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке, стр. 15.

тебни «Из записок по русской грамматике», ч. I и II, стр. 411). Характерно, что один из встретившихся случаев — в стереотипной формулировке *а холопъ или роба...* Впрочем, как мы отмечали, эта формулировка встречается и в другом виде — без *а* (см. выше пример из грамоты — Новг. гр. между 1325—1327 гг.: холопъ или роба почнеть вадити на гсаря. тому ти веры не яти).

Приведем ряд примеров с *а* в начале сложного предложения, без союза в обусловленной части: а холопъ. или роба. почнеть вадити на господу тому ти веры не яти (Новг. гр. 1270 или 1269 г.; Новг. гр. 1304—1305 гг.; Новг. гр. 1305—1308 гг.; Новг. (другая) гр. 1305—1308 гг.; Новг. гр. 1371 г.); а вынесуть тобе изъ орды книжение великое. намъ еси князь великыи (Новг. гр. 1371 г.); а приведут(ь) тферитина с поличним к новгородчком(у) посаднику. или к новоторжком(у). судти его по хртном(у) чѣлованью (Новг. гр. 1426—1464 гг.), а не восхочеть игуменъ савастьянъ тое земли. дадуть мои племеньники. игумену савастьяну сорочекъ за сокоустъ а стому николе. 30. белъ на темьянъ. или ченьци восхотять то же дадуть (Двин. гр. XV в.).

Во всех приведенных выше предложениях в первой части находим глагол-сказуемое в будущем времени, во второй части сказуемое выражено или инфинитивом или глаголом в будущем времени (в примере из Новгородской грамоты 1371 г. составное сказуемое с глаголом-связкой в настоящем времени). И инфинитив, и глагол в будущем времени (и в настоящем времени) во второй части имеют оттенок долженствования.

Инфинитив употребляется, как можно видеть из приведенных примеров, во всех случаях, когда устанавливается общеобязательная норма, личная форма глагола — когда говорится об обязательствах по отношению к определенному лицу.

В связи со сказанным отметим сходный вывод Л. П. Якубинского по отношению к сказуемому в сложноподчиненных предложениях с союзом условия в Смоленском договоре 1229 г.: «В договоре 1229 г. встречаются случаи, когда сказуемое главного предложения в условной конструкции выражено не инфинитивом, а личной формой глагола, т. е. главное предложение оказывается личным. Но все эти случаи семантически отличны от первых. Сказуемое выражено инфинитивом (безлично) там, где в главном предложении устанавливается общеобязательная, имеющая характер закона, норма, обусловленная содержанием придаточного предложения. Там же, где выполнение действия, выраженного в главном предложении, предоставляется личному усмотрению того или иного лица, сказуемое выражается личной формой глагола» [50].

---

[50] Л. П. Якубинский. История древнерусского языка, стр. 298—299.

Обычно во второй части сложного предложения стоит соединительный союз (*а, и, да*) или соотносительный союз (*ино, то*). Приведем примеры: а) союз *а*: а холопъ или половникъ забежить въ тферьскую волость. а техъ книже выдавати (Новг. гр. 1304—1305 гг.); а едеши по корову а вьзи три гривьне (Новг. берест. гр. XIII в.); б) союз *и*: а похоцет(ь) кнзь великии. на тои грамот(е) за то ятися. и великии новгород повелелъ за то ятися павлу федорович(ю). (Новг. гр. 1426—1461 гг.); а не похотятъ въ которомъ городе торговати, и они едутъ во государя нашего государства безо всякие зацепки. (Новг. гр. 1516 г.); а государя нашего отчины купци также в которомъ в вашемъ городе похотятъ торговати, и они тутъ и пошлину платятъ (Новг. гр. 1516 г.); а не похочетъ в которомъ городе торговати, и государя нашего купцомъ ехати в вашю землю без всякие зацепки и торговати всякимъ товаромъ безъ вывета. (Новг. гр. 1516 г.); а не похотятъ торговати на Иване-городе, и они едутъ во государя нашего государства безо всякие зацепки и торгуютъ всякимъ товаромъ безъ вывета, и солью. (Новг. гр. 1516 г.); А похотятъ ваши купци товаръ свой класти в Ругодиве да торговати со государя нашего купци, и они товаръ свой весятъ в Ругодиве (Новг. гр. 1516 г.); а не учинитъ имъ Иванъ в чемъ управы, и вы бы своихъ людей присылали к намъ в Новгородъ[51], и мы вашимъ людемъ со государя нашего людми велимъ управу чинити в Новегороде по перемирным грамотамъ и по крестному целованью. (Новг. гр. 1516 г.); А и дело будет Великому Государю Василью, Божиею милостью Царю и Государю всеа Русии, и великому Князю, съ Королемъ съ Полскимъ и с великимъ Княземъ Литовскимъ, и Магистру Ливонскому, и Арцыбискупу Ризскому, и Бискупу Юрьевскому и Бискупомъ, и всей земле Лифленской, х Королю къ Полскому и Великому Князю Литовскому ни какъ не приставати, ни которыми делы, ни которою хитростию, по семъ перемирнымъ грамотамъ и по сему крестному целованью. (Новг. гр. 1521 г.); А дойдетъ въ какове деле ни буди, Ноугородецъ до казни въ Неметцкихъ городехъ, въ Местерове дрьжаве, и въ арцыбискуплихъ, и въ бискуплихъ городехъ: и того Ноугородца въ Неметцкихъ городехъ также не казнити, а обсылатися Маистру, и арцыбискупу, и бискупомъ, съ наместники съ Новгородцкими, да срокъ учинивши поставити того Ноугородца на съезде передъ вопчими судьями (Новг. гр. 1521 г.); а не угодице с кымъ прислать и ты у себя избели (Новг. берест. гр. XV в.); (а п)ридуть василевы дете на свою (очну) и оне сами володеють. своею о(чиною) (Двин. гр. XV в.); а отсидятъ урокъ десять летъ и они потянутъ въ мою дань и въ ямъ по силе (Моск. гр. 1421 г.); а смешается судъ темъ людемъ пришлымъ, съ городскими людми, или съ волостными, и наместници мои, или волостели, или ихъ тиуни, судятъ, а архимандритъ съ ними же судитъ, или кому прикажетъ,

[51] В обусловленной части — сослагательное наклонение.

а прибыткомъ ся делятъ. (Моск. гр. 1423 г.); а не сведетъ следу съ своее земли и гибелщикъ у него обыщетъ дворъ и поимаетъ (Моск. гр. 1423 г.); а будетъ виноватъ пречистые Богоматери крестьянинъ, и онъ Пречистой (Яросл. гр. около 1400 г.); а будетъ которого хлеба всякого болши четырехъ четьи, или менши четырехъ четьи, и таможникомъ имати померное по розчету (Яросл. гр. 1595 г.); а не откажетъ откупщикъ тое тамги до своего откупного сроку за два месяца, и ему та тамга держати за собою впередъ и въ новой годъ, а наддачи у него взяти противъ нынешнего откупу вдвое. (Яросл. гр. 1595 г.); а будетъ судъ смесной, и наместници мои судятъ, а игуменъ съ ними или кому прикажетъ. (Ниж. гр. между 1410—1417 гг.); а уживутъ десять летъ и они потянутъ съ старожилци по силе (Ниж. гр. между 1410—1417 гг.); а случится судъ смесной, и игуменъ судитъ съ наместники, а прибыткомъ ся делятъ наполы (Ниж. гр. между 1410—1417 гг.); А смешается судъ смесной съ волостными людми, и наместници мои или волостели, или ихъ тиуни, судятъ, а архимандритъ съ ними судитъ, или кому прикажетъ (Ниж. (другая) гр. между 1410—1417 гг.); а будетъ виноватъ волостной человекъ, и онъ поедетъ къ наместнику, и въ вине, и въ продажи, и въ всех пошлинахъ (Ниж. (другая) гр. между 1410—1417 гг.); а будетъ виноватъ монастырской человекъ, и онъ поедетъ и въ вине и въ продаже къ архимандриту и въ всех пошлинахъ, а наместници мои и волостели въ то ся не вступаютъ (Ниж. (другая) гр. между 1410—1417 гг.); а не встворится виноватъ, и наместници мои пристава дадутъ да и судятъ (Ниж. (другая) гр. между 1410—1417 гг.); а не сведетъ следу съ своее земли и гибелщикъ у него обыщетъ дворъ и поля (Ниж. (другая) гр. между 1410—1417 гг.); а) союз *да*: А похотятъ ваши купци со государя нашего отчины купци торговати на Иванегороде, да туто и пошлину платят (Новг. гр. 1516 г.); б) соотносительный союз *ино*: а учинится мртвои. а почнут(ь) клепати мертвыми или грабежом с обе половины. ино суд тому на городищи (Новг. гр. 1471 г.); а наедут(ь) одиного великого кнзя в русскои земли. ино одиному посолство правити (Новг. гр. 1471 г., дважды); А сторгуетъ Ноугородецъ съ Немчиномъ на Ругодиве, а будетъ таваръ у Немчина въ бусе, ино Новгородцу тотъ товаръ у Немчина доброволно взяти изъ бусы черезъ край въ лодью; а отъ того Ругодивцемъ кунъ неимати (Новг. гр. 1521 г.)[52]; А приедетъ Новгородець на Ругодивъ съ воскомъ, или збелкою, или сынымъ съ какимъ таваромъ, а похочетъ ехати на Ригу, или на Юрьевъ, или на Колывань или выной которой го-

[52] Обусловливающая часть бессоюзного сложного предложения — сложносочиненная по своему составу. В этой части содержится два условия: одно — основное (А сторгуетъ Ноугородецъ...), второе — дополнительное, сопровождающее это основное, но тоже обязательное (а будетъ таваръ у Немчина въ бусе). На важность этого второго условия указывает содержание обусловленного предложения, где специально отмечено, что товар «доброволно взяти изъ бусы»...

родъ, а положитъ таваръ на телегу; — ино отъ того тавару весчего неимати (Новг. гр. 1521 г.)[53]; А наймет Новгородецъ которого извозника, ино тому на телегу изъ телеги класти (Новг. гр. 1521 г.); А похочетъ Новогородецъ на Ригу, или на Юрьевъ, или на Колывань ехати, или в которой выной городъ, ино волно наняти, толко горожанина или селянина (Новг. гр. 1521 г.); А свернетъ Новогородецъ съ пути, ино втомъ Новогородцу пени нетъ, а путь указати (Новг. гр. 1521 г.); А понадобитса Ноугородцу конь купити, въ Местерове дрьжаве, и въ арцыбискуплихъ, и въ бискуплихъ городехъ, и во всей ихъ земле: ино Новогородцу дати отъ грамоты верникъ, а на Ругодиве судье объявити, а выводного дати денга (Новг. гр. 1521 г.); А дойдетъ которой Немчинъ до казни, въ какове деле ни буди, въ Новогородцкой земле: ино его въ Новегороде не казнити, а сослатися о томъ наместникомъ Новогородцкимъ съ Маистромъ, да срокъ учинивши, поставити того Немчина на съезде передъ судиями (Новг. гр. 1521 г.); А взыщетъ Новогородецъ на Немчине, а досудятъ до целованья: ино целовати ответчику Немчину (Новг. гр. 1521 г.)[54]; а будеть. игнатьевымъ. детемъ. до земли. а куны. у нихъ. будуть. свои[55]. ини дають. куны. стму. николи. а земля имъ. а николи. 5. сороковъ. бел. да. 5. бел. (Двин. гр. XV в.)[56]; а изоиде та. 5. лет. ино дати уласью десять рубловъ да. 3. сорок белки своихъ кунъ стму николи. ино земля его ему (Двин. гр. XV в.); а изоидеть 5 год ино обросиму и лаврентью очтну свою выкупити своими кунами а не будеть в обросима и в лаврентея кунъ своихъ ино имъ в людеи кунъ не имати (Двин. гр. XV в.); а будетъ евсею не до земли. и его детемъ. ино имъ. мимо василья филимонова. и его детеи земли не продавати никому же (Двин. гр. XV в.); не выметъ поличного, ино у него гибель пропала (Моск. гр. 1423 г., см. также Ниж. (другую) гр. между 1410—1417 гг.); а свяжется темъ крестияномъ судъ съ моими крестияны

---

[53] Обусловливающая часть бессоюзного сложного предложения — предложение с однородными членами-сказуемыми *приедетъ*, *похочетъ ехать*, *положитъ*, если не предполагать опущение подлежащего *Новгородецъ* и после второго и после третьего из названных сказуемых (в этом случае предложение следует рассматривать как сложносочиненное). В этом предложении — три условия, причем каждое последующее тесно связано с предыдущим.

[54] Обусловливающая часть — сложносочиненное предложение.

[55] Обусловливающая часть — сложносочиненное предложение.

[56] А. А. Шахматов пишет относительно *ино* и *ини* в условных предложениях в двинских грамотах: «В главном предложении находим весьма часто безличный оборот с инфинитивом, но также и личный оборот с глаголом в будущем времени: при том и другом обороте известно употребление союза *ино*, который в личном обороте при общем с главным предложением подлежащем во множественном числе может принимать форму *ини* (следовательно = *и они*)» (Исследование о двинских грамотах XV в. СПб., 1903, ч. I, стр. 138—139). В связи со сказанным отметим, что в двинской грамоте XV в. встретился случай, когда в личном предложении употреблено и *оне* (см. выше в примерах с *и* во второй части предложения).

съ волостными, ино ихъ сужу язъ самъ Князь Федоръ Федоровичь (Яросл. гр. около 1400 г.); а будетъ правежь на монастырскомъ человеце, ино правитъ архимандричь приставъ (Ниж. (другая) гр. 1410—1417 гг.); в) соотносительный союз *то*: а жена моя пострижеть ся. в чернице. то выдаите еи. четверть (Новг. гр. до 1270 г.); а исплатить новъгородъ. то серебро. двенадчат(ь) тысячи. то великому кнзю грамота изрезати (Новг. гр. 1314 г.).

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что союз *а* в обусловленной части бессоюзного сложного предложения встречается в грамотах редко[57]. Таким образом, наши наблюдения совпадают с наблюдениями Б. В. Лаврова в отношении древнерусских памятников различных жанров: «Союз *а* в качестве соотносительного встречается редко в условных предложениях. Примеры, однако, показывают его в четком соотносительном значении, вполне параллельном значению *ино*, которое по преимуществу является соотносительным при условных... Что союз *а* был широко распространен в такой конструкции, показывает наличие его во втором предложении условных периодов с подчинительными союзами»[58].

Мы считаем верным и предположение о большем распространении конструкции с союзом *а* в обусловленной части бессоюзного предложения условия, чем это засвидетельствовано памятниками письменности. В пользу мнения Б. В. Лаврова говорит пример из новгородской берестяной грамоты, отражающей живую разговорную речь.

Широкому употреблению *а* в деловых документах, возможно, препятствовало противительное значение, которое характерно для союза *а* не только тогда, когда он стоит при однородных членах, связывает части сложносочиненного предложения, но и тогда, когда он является союзом, начинающим предложение, отграничивающим данное предложение от предыдущего.

Широко представлен в грамотах союз *и* в обусловленной части бессоюзного сложного предложения. Его функция — указать на следствие, как результат осуществления определенного условия, названного в обусловливающей части предложения. То обстоятельство, что союз *и* употреблялся в древнерусском языке и в качестве усилительной частицы, могло сыграть определенную роль в его распространении. Как мы полагаем, в тех случаях, когда союз *и* употреблялся в качестве соотносительного союза в условных предложениях, он способ-

---

[57] Е. С. Истрина приводит из Синодального списка 1 Новгородской летописи три примера с союзом *а* во второй части предложения, но без союза *а* в начале предложения: «поиди въ свою оцину... не идеши ли, а повежь ны» 163, 7; «буду ли правъ, а ты мя оправи, ги» 180, 9, также 130, 15 (Е. И. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1 Новгородской летописи. Пг., 1923, стр. 196). В этих примерах в первой части предложения частица *ли*.

[58] Б. В. Лавров. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке, стр. 23.

ствовал и выделению второй части бессоюзного сложного предложения — той, которая указывает на обязательство, право, осуществляемые при определенном условии.

Как свидетельствует пример из Новгородской берестяной грамоты, бессоюзное сложное предложение условия с *и* во второй части употреблялось в живой разговорной речи.

Отметим, что и следующее предложение из той же Новгородской берестяной грамоты XV в., по-видимому, тоже сложное предложение условия: ...(уозцинку) выткала и ты ко мне пришли.

Так как сохранился только конец грамоты, начинающийся словом *уозцинку*, нет оснований отнести данное предложение ни к бессоюзным, ни к союзным.

Только одним примером из Новгородской грамоты 1516 г. (где широко и последовательно употребляется союз *и*) представлено бессоюзное сложное предложение с союзом *да* в значении *и* (см. в числе случаев с *и* сходный пример из той же грамоты с союзом *и*: а государя нашего отчины купци...).

Как и союз *и*, широко употребляется в древнерусских грамотах, относящихся к XV в., союз *ино* со значением следствия, результата[59].

Интересно отметить, что в двинских грамотах, среди которых большое место занимают купчие грамоты, употребляется только этот союз.

Таким образом, представляется ошибочным предположение Б. В. Лаврова: «В памятниках, дающих лексику социальных низов, союз *ино*, по-видимому, не был распространен»[60].

Союз *то* представлен двумя примерами. Следует отметить, что и в других древнерусских памятниках союз *то* в условных предложениях, первая часть которых вводится союзом *а* или не имеет союза, встречается редко. В то же время широко представлено употребление союза *то* с тем же значением следствия, результата в предложениях, которые вводятся специальными подчинительными союзами условного предложения. На это обстоятельство обратил внимание Б. В. Лавров, но дал ему толкование, исходя из неверного тезиса о наличии «классового» языка — языка правящей верхушки: «Почти полное отсутствие примеров на соотносительное *то* в паратаксисе и широкое распространение его в гипотаксисе может иметь только одно объяснение. Язык правящей верхушки феодального общества, так хорошо представленный

---

[59] Особо следует отметить второй пример из Двинских грамот XV в. (а изоиде та. 5. лет. ино...), где обусловленная часть предложения имеет в своем составе два предложения, оба с союзом *ино*, причем предложение со вторым *ино* указывает на результат, вытекающий из осуществления действия, названного в предложении с первым *ино* и выполняемого при определенном условии, содержащемся в обусловливающей части сложного предложения.

[60] Б. В. Лавров. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке, стр. 25.

в письменности, особенно в высоких литературных жанрах, очень рано утратил строй бессоюзного соединения и соединения посредством относительных союзов, заменив его новым видом подчинения посредством особых союзов в подчиненном предложении. Мы вообще почти не имеем в письменности паратаксиса (даже на второй стадии его развития — с соотносительными союзами), так как он ко времени появления письменности был уже достоянием языка только социальных низов. Соотносительного союза *то* нет в письменности именно потому, что нет в ней той синтаксической конструкции, в которой он должен был появляться»[61].

Конструкция, в которой «должен был появляться» союз *то*, была, и об этом свидетельствуют примеры с *и* и *ино* как в исследованных нами памятниках, так и в памятниках, материал которых использован в работе Б. В. Лаврова.

Отметим следующее предположение Б. В. Лаврова: «Современные областные говоры, по-видимому, совсем не знают соотносительного *то*»[62].

Дальше приводятся редкие примеры на *то* в фольклоре, причем только примеры без союза или с союзом *а* в первой части (условливающей).

Между тем, в конструкциях с подчинительными союзами (*если*, *ежели*, *лели*) в народных говорах *то* употребляется, хотя и реже, чем частица *так*[63].

Таким образом, с древнейших времен характерно употребление *то* в качестве соотносительного союза при наличии подчинительного союза в придаточном условном предложении.

Отступления, как мы уже говорили выше, немногочисленны. Отметим, в частности, употребление *то* в языке Русской Правды как в предложениях с подчинительным союзом в первой части, так и в предложениях без подчинительного союза[64].

Наличие отдельных случаев с *то* в предложениях без подчинительных союзов свидетельствует, что такое употребление *то* хотя и не было характерным, но тем не менее вполне возможным в памятниках древнерусской письменности. В дальнейшем *то* становится в литературном русском языке единственным союзом, соотносительным с условными подчинительными союзами.

---

[61] Б. В. Лавров. Условные и уступительные предложения в древнерусском языке, стр. 32.

[62] Там же, стр. 33.

[63] См. А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, стр. 96—98; Л. М. Лосева. Организация сложного предложения в курских говорах, стр. 9.

[64] См. Е. Ф. Карский. Русская Правда по древнейшему списку. Введение, текст, снимки, объяснения, указатели авторов и словарного состава. Л., Изд-во АН СССР, 1930, стр. 18; С. П. Обнорский. Очерки по истории русского литературного языка старшего периода, стр. 23—24.

Ограниченность случаев с *то* в предложениях без подчинительных союзов могла сыграть некоторую роль в закреплении отмеченной функции (союза соотносительного с условными подчинительными союзами) именно за этим словом.

Для условливающей части бессоюзного сложного предложения (см. сказанное выше о предложениях без соединительных союзов и соотносительных союзов во второй части) характерно употребление глагола в будущем времени (глагол в настоящем времени встретился лишь в одном примере)[65]. За редкими исключениями этот глагол-сказуемое стоит в препозиции к подлежащему, обычно в самом начале предложения. В условливаемой части предложения, где указывается на необходимость определенного действия при том или ином условии, употребляется обычно или инфинитив, или глагол в будущем времени, реже — в настоящем времени. Возможно также употребление в качестве сказуемого слова категории состояния *ненадобе*. Интерес представляют случаи, где в обусловленной части предложения повелительное наклонение глагола: а едеши по корову а вьзи три гривьне (Новг. берест. гр. XIII в.); а не угодице с кымъ прислать и ты у себя избели (Новг. берест. гр. XV в.). То обстоятельство, что оба эти примера — из новгородских берестяных грамот — частных писем, говорит о широком распространении в живой разговорной речи повелительного наклонения в обусловленной части бессоюзного сложного предложения. Как известно, такое употребление характерно в современном русском языке для пословиц, поговорок: *едешь на день — бери хлеба на неделю* и др.

В трех примерах в обусловленной части предложения употреблен глагол в прошедшем времени (при будущем времени в условливающем предложении): а похоцет(ь) кнзь великии. на тои грамот(е). за то ятися. и великии новгород повелелъ за то ятися павлу федодоровичь(ю) (Новг. гр. 1426—1461 гг.); а не выметъ поличного, ино у него гибель пропала (Моск. гр. 1423 г., см. также Ниж. (другую) гр. между 1410—1417 гг.).

Во второй части предложения из Новгородской грамоты 1426—1461 гг. словосочетание *повелелъ за то ятися* указывает, что данное Павлу Федоровичу право является и его обязательством в будущем — при осуществлении определенного условия (указано в условливающей части предложения).

В примере из Московской грамоты 1423 г. (см. также Ниж. (другую) гр. 1410—1417 гг.) глагол в прошедшем времени (употреблена форма перфекта) указывает на действие в его результате. Так как в условливающей части предложения глагол употреблен в будущем времени (*не*

[65] К случаям с будущим временем относятся и примеры с составным сказуемым, в которое входит вспомогательный глагол в будущем времени. См. выше примеры со сказуемым: *будетъ виноватъ* (Яросл. гр. около 1400 г.; Ниж. (другая) гр. между 1410—1417 гг., — два случая); *не вступится виноватъ* (Ниж. (другая) гр. между 1410—1417 гг.).

выметъ), обусловленное действие в его результате должно осуществиться тоже в будущем. Благодаря тому, что глагол в обусловленной части предложения стоит в прошедшем времени, обязательность действия представляется бесспорной.

Употребление прошедшего для обозначения действия, которое представляется уже совершенным в будущем, имеет место в современном русском языке. С приведенным выше примером из Московской грамоты 1423 г. (см. также Ниж. (другую) гр. между 1410—1417 гг.) можно сопоставить следующий пример: *если я не успею подготовиться к экзамену, я пропал.*

В примерах из Ярославской грамоты около 1400 г. (с союзом *и* в обусловленной части предложения) и Новгородской грамоты 1471 г. (первый пример с *ино* в обусловленной части предложения) глагол опущен, но текст не вызывает сомнений, что в первом примере опущен глагол в будущем времени, а во втором — инфинитив. В обоих примерах долженствование выражено совершенно отчетливо.

В шестом примере из Новгородской грамоты 1516 г. с союзом *и* в обусловленной части употреблено сослагательное наклонение.

В условных предложениях с *а* в начале сложного предложения могут находиться относительные местоимения, способствующие более тесной связи двух частей предложения. На предложениях с относительными местоимениями мы остановимся более подробно при рассмотрении сложноподчиненных предложений. Здесь же отметим, что данные предложения не отличаются от бессоюзных сложных предложений условия без относительных слов как в употреблении союзов в начале сложного предложения, соотносительных союзов, времен и наклонений глагола-сказуемого, так и в отношении места сбусловливающей части по отношению к обусловленной (препозиция первой, постпозиция второй).

Для бессоюзных условных предложений с относительным местоимением, в отличие от бессоюзных условных предложений без относительного местоимения, характерна устойчивая препозиция подлежащего (в личных предложениях), что объясняется выдвижением относительного местоимения в начало предложения (часто местоимение является подлежащим). Исключения (постпозиция подлежащего) весьма редки.

Приведем примеры с бессоюзными сложными предложениями условия с относительными словами.

Во второй части нет соотносительного союза: а кто почнеть вадити к тобе. тому ти веры не яти (Новг. гр. 1270 или 1269 г.; Новг. гр. 1304—1305 гг.; Новг. гр. 1305—1308 гг.; Новг. гр. между 1325—1327 гг.; см. также Новг. гр. 1471 г.); а кто на се целованье наступить. на того бъ и стая бца (Новг. гр. 1373 г.); а хто почнет(ь) новгородцев или новоторжцовъ во тфери жити. или во тферьском княженьи. или в кашини. земля ихъ к новгород(у). а князю великом(у) борису оле-

ксандрович(ю) то не надоби (Новг. гр. 1426—1461 гг.); а хто буде моего роду. или племени или братьи. или зятьи. или дочери. или внуцатъ. а хто иметъ мое старцево григорьевъ проданье подвигывати. дадутъ стму николе. 50. сѣроковъ белкы. да корову попълънъкъ с приплодомъ (Двин. гр. XV в.)[66]; а кто посне отимати у стго николи тои лоскутъ. судится с нами предъ бмъ (Двин. гр. XV в.); а хтъ се мое рукописанье преступит(ь) сужуся с нимъ предъ бгмъ в день страшного суда (Двин. гр. XV в.); хто се рукопинье. понеть (*рукописанье. почнеть.—В. Б.*) рудити. судитъся со мною пере богомъ. на ст(ра)шномъ суде (Двин. гр. XV в.); а хто се мое. слово преступитъ сужусе съ нимъ предъ богомъ (Двин. гр. XV в.); а хто учнеть отимати у стго николи. то село. сужюсю с нимь передъ бомь (Двин. гр. XV в.); а хто сий рядъ порушитъ дастъ судие три тысячи белъ (Двин. гр. XV в.); а хто сей ряде подвинетъ дастъ суди гривну золота (Двин. гр. XV в.); а кто заложитъ. игуменъ. или попе. дастъ ответъ передъ бгомъ. в день. страшнаго суда (Двин. гр. XV в.); а хто се рукописанье переступитъ сужуся с нимъ пред бгомъ (Двин. гр. XV в.); а хто се рукописание преступить или полудить сужюся с нимъ в днь страшнаго суда предъ бъмъ (Двин. гр. XV в.); а хто сеи рядъ порушить. дасть судьямъ тысяцю белки (Двин. гр. XV в.); а хто сии рядъ поруши. дасть посадникамъ двиньскимъ. 5. тысячь белке (Двин. гр. XV в.); а хто сеи рядъ поруши дасть судьямъ гривну золота (Двин. гр. XV в.); а кто сие писание преступитъ или порудитъ, а наши памяти залягутъ, сужуся съ нимъ предъ Богомъ въ день страшнаго суда (Двин. гр. XV в.)[67], А что ся учинить просторожа отъ мене, или отъ васъ, или отъ моего Тысяцьского и от наших Наместниковъ, исправа ны учинити, а нелюбья не держати (Моск. гр. 1341 г.); А черезъ сю мою грамоту кто на комъ что възметъ, или чимъ изъобидитъ, быти отъ меня въ казни (Моск. гр. 1423 г.; см. также Ниж. (другую) гр. между 1410—1417 гг.)[68]; А черезъ сию мою грамоту кто ихъ чимъ изъобидитъ, или что у нихъ возметъ, быти отъ меня в казни (Ниж. гр. между 1410—1417 гг.).

Здесь же отметим пример, где в первой части в качестве относительного слова употреблено наречие, а не местоимение. В примере два бессоюзных сложных предложения: А где... — всести...; а где...—всести... Обусловливающая часть второго сложного предложения—сложносочинен-

---

[66] В примере две обусловливающих части предложения. Вторая (*а хто иметъ...*), хотя и дополняет первую, но вводит условие, являющееся основным, главным, и благодаря повторению *а хто* является независимой по отношению к первой.

[67] Обусловливающая часть предложения условия — сложносочиненное предложение по своему составу. Второе условие (а наши памяти залягутъ) является сопутствующим первому (а кто сие писание преступитъ или порудитъ).

[68] В Ниж. (другой) гр. между 1410—1417 гг.: ...быти *тому* отъ меня въ казни.

ное по своему составу: *а где* ми будеть... а будеть ми... Второе условие дополняет первое, составляет с ним единое целое. Пример встретился в Московской грамоте 1341 г.: А где ми будеть всести на конь, всести вы со мною; а где ми будеть самому не всести, а будеть ми васъ послати, всести вы на конь безъ ослушанья[69].

Как первая часть, так и вторая каждого из бессоюзных сложных предложений — безличное предложение.

Как безличные предложения оформлены и части следующего бессоюзного предложения условия, в котором относительным словом является то же наречие *где*: А где ми буде, брате пойти на рать, или моему брату Князю Володимеру Ондреевичу, всести съ нами самому на конь без хитрости... (Моск. гр. 1368 г.).

Во второй части — соотносительный союз: а) союз *а*: а чего будеть искати мне. и моимъ бояромъ. и моимъ слугамъ. у новъгородьцевъ. и у новоторъжьцевъ. и у волочанъ. а тому всему судъ дати безъ перевода (Новг. гр. между 1294—1301 гг.); а кому будеть слово. о тыхъ земляхъ. а то. оцищивати онашке. и матфеику (Двин. гр. XV в.); а кто детий моихъ, или братьи моее. мое данье порушитъ, а то судитъ ему Богь и святый Геворгий въ страшное свое пришествие, а Князю Великому дасть сто рубля (Моск. гр. между 1338—1340 гг.), б) союз *и*: а кто которые земли запрится. и тому суд. и исправа по крстному целованю (Новг. гр. 1471 г., дважды). А которыхъ будетъ купцовъ Ноугородцкихъ въ томъ нятостве не стало, или которой утекъ истого нятъства, а таваръ ихъ остался въ Местерове дрьжаве, и въ Арцыбискуплей, и въ Бискупа Юрьевского дрьжаве, и выныхъ Бискуповъ дрьжаве, и во всей земле Лифленской, или которой таваръ Новгородцкой у кого положенъ въ ихъ дрьжавахъ: и Князю Местеру, и Арцыбискупу, и Бискупу Юрьевскому, и инымъ Бискупомъ тотъ таваръ отдати Ноугородцкимъ купцомъ (Новг. гр. 1521 г.)[70]; А которые дела промежъ великого Государя отчины, Новгородцкие земли, съ Лифленскою землею делалися до сего перемирья: и темъ деломъ всемъ дерть на обе стороны, опричь техъ делъ, которые въ сей перемирной грамоте писаны (Новг. гр. 1521 г.); А въ которомъ городе въ Местерове дрьжаве, и въ Арцыбискуплихъ земляхъ, и въ Бискуп-

---

[69] В сходном примере Московской грамоты 1389 г. во второй части каждого из бессоюзных сложных предложений стоит соотносительный союз *и*: А где мне Князю Великому всести на конь, и тобе со мною всести на конь; а где ми самому не всести, и мне, брате, тобе послати, а тобе всести без ослушанья. Вторая часть второго бессоюзного сложного предложения по своему составу сложносочиненное предложение.

[70] Обусловливающая часть предложения — сложносочиненное предложение по своему составу. Союзом разделительным *или* связаны части: А которых будетъ купцовъ...; или которой утекъ... При помощи союза *а* к первому условию добавлено второе: а таваръ ихъ... В этом дополнительном условии две части, связанные разделительным союзом *или*.

лихъ земляхъ, у Новогородца выдерутъ бороду: и того Немчина съ Ноугородцомъ поставятъ на съезде передъ судьями на вопчемъ суде; и доведутъ на того Немчина на вопчемъ суде передъ судьями судомъ и исправою; и судьям тому Немчину учинити вина и казнь по суду (Новг. гр. 1521 г.)[71]; а хто иметъ отнимати те наши землицы от стаго михайла и судитца с нами предъ богомъ (Двин. гр. XV в.); а кого позовутъ на следъ, а онъ на следъ не пойдетъ, или обреза не возметъ, и тому та гибель платить (Моск. гр. 1423 г.)[72]; А которыхъ своихъ пословъ пошлемъ мы Великий Государь Василий, Божию милостию Царь и Государь всея России и Великий Князь, къ брату своему къ Максимилиану, избранному Цесарю Римскому и навышшему Королю и къ инымъ Государямъ черезъ твои земли, или къ намъ от брата нашего отъ Максимилиана, избранного Цесаря Римскаго и навышшего Короля, пойдутъ наши послы и его послы, и отъ иныхъ Государей пойдутъ къ намъ послы черезъ твою землю, и нашимъ посламъ и брата нашего Максимилиана, избранного Цесаря Римскаго и навышшего Короля, и иныхъ Государей посламъ, чрезъ твою землю землею и водою путь чистъ, безъ всякие зацепки, также и къ тебе нашимъ посламъ придти и отойти землею и водою путь чистъ безъ всякия зацепки и нашимъ гостемъ (Моск. гр. 1517 г.)[73]; а что купятъ, или что продадутъ, и не таможникомъ моимъ не являютъ (Яросл. гр. около 1400 г.); А кто[74] приедетъ изо всехъ городов и становъ и волостей Московского государьства, съ какимъ товаромъ нибуди, и таможникомъ у техъ людей у всехъ имати тамги со всякого товару съ рубля по [четыре денги (Яросл. гр. 1595 г.); А кто тутошнихъ людей села Федоровского хрестьяне въ томъ торгу понесутъ товаръ, медъ, хмель, соль, рыбу, и мягкой товаръ, бобры, куницы, белки, сукна, холсты, и таможникомъ имати съ четырехъ четвертей хмелю денга, съ дву суконъ полденги, съ кожи съ коровьи или лошадиные полденги, съ пяти холстовъ полденги, съ десяти овчинъ полденги, съ пяти поневъ полденги (Яросл. гр. 1595 г.); А кто тутошнихъ людей и иныхъ городовъ и становъ и волостей Московского

---

[71] В данном примере два бессоюзных сложных предложения условия (А въ которомъ городе... — и того Немчина...; и доведутъ... — и судьямъ...), а не одно (А въ которомъ городе... — и судьям) с обусловливающей частью, содержащей три предложения, из которых второе и третье присоединены при помощи союза *и* и указывают на дополнительные условия (и... поставятъ, и доведутъ).

[72] Обусловливающая часть предложения — по своему составу сложносочиненное предложение (а кого позовутъ..., а онъ...). Во второй части этого предложения два однородных члена предложения — сказуемых с разделительным союзом *или*.

[73] Обусловливающая часть предложения — сложносочиненное предложение по своему составу. Вторая часть начинается союзом *или*. Вторая часть, в свою очередь, имеет две части: или къ намъ..., и отъ иныхъ Государей пойдутъ къ намъ...

[74] Опущено: *людей*.

государства взвеситъ воскъ, или икру, или медъ, или иное что ни взвеситъ, и пудовщикомъ у нихъ имати съ купца съ рубля по денге, а съ продавца съ рубля по денге жъ (Яросл. гр. 1595 г.); А кто взвеситъ рогозину соли, или мехъ соли, или пошевъ соли, и пудовщикомъ у нихъ имати съ купца по денге, а съ продавца по денге жъ (Яросл. гр. 1595 г.); А кто продастъ, или кто купитъ всякого весного товару менши пять алтынъ, и имъ того пудовщикомъ не являти, а пудовщикомъ с того весчего и заповеди не имати (Яросл. гр. 1595 г.); А кто привезетъ на тотъ торгъ бочки, кади, корыта, тесъ, драницы, лубье, рогозины, хомуты, лапти, лыка, мочала, сани, дровни, телеги, и всякой лесной товаръ, и таможникомъ имати съ того товару съ рубля по денге, а съ саней имати съ четверыхъ денга, съ дровень съ чстверыхъ денга жъ (Яросл. гр. 1595 г.); а кто вывезетъ саней, или дровень, или телегъ, болши четырехъ или менши четырехъ, и таможникомъ у нихъ имати таможные пошлины по розчету (Яросл. гр. 1595 г.); А которые торговые люди учнутъ приезжати на тотъ торгъ, съ какимъ товаромъ пибуди, и имъ являтися таможникомъ, а не явяся таможникомъ на подворье не въезжати и товару своего съ саней и съ телегъ и съ юковъ не складывати (Яросл. гр. 1595 г.); а которого жита менши осмины, и имъ того померщикомъ не являти, а таможникомъ у нихъ с того померного не имати (Яросл. гр. 1595 г.); а кого къ себе игуменъ призоветъ людей изъ иного Княженья, а не изъ моее отчины, и темъ людемъ пришлымъ ненадобе моа дань на десять лет, ни ямъ, ни подвода, ни мытъ, ни тамга, ни инаа никотораа пошлина (Ниж. гр. между 1410—1417 гг.); а кого къ себе въ то село и на те пустоши перезовутъ людей изъ иныхъ Княженей, а не изъ моее отчины, и темъ людемъ пришлым ненадобе моа дань, ни ямъ, ни подвода, ни тамга, ни мытъ, ни костки, ни восмничее, ни весчее, ни езовое, ни побережное, ни писчаа белка, ни становщикъ къ нимъ не въезжаетъ нипочто, ни намсстници мои Курмышские, ни Лысковские и ихъ тиуни, ни столникъ, ни поселской, къ темъ людемъ пришлымъ не всылаютъ нипочто, опроче душегубства и розбоя съ поличнымъ: судитъ те люди архимандритъ или кому прикажетъ (Ниж. (другая) гр. между 1410—1417 гг.); а кого позовутъ на следъ, и онъ на следъ не поедетъ, или обреза не возметъ, и тому та гибель платить (Ниж. (другая) гр. между 1410—1417 гг.)[75]; в) союз *ино*: а на кого возговорят(ь) из новгородчкых волостеи. на тферьског(о) татя. или на разбоиника. а възмолъвят(ь) нетъ. ино ему и потомъ не быти во тферьскых волостех (Новг. гр. 1426—1451 гг., дважды); А которой Новгородець конь купитъ въ Местерове дрьжаве, и въ арцибискупове, и въ бискуплихъ, а приведетъ того коня судье объявити, ино судье коня неотъимати,

[75] Обусловливающая часть предложения условия — сложносочиненное предложение по своему составу: *а кого...*; *и онъ...*

а денегъ силно ненаметывати (Новг. гр. 1521 г.)[76]; А на которомъ городе почнетса каково дело, Новгородцу въ Местерове державе, и въ арцыбискупове дрьжаве, и въ бискуплихъ дрьжавахъ, и во всей земле Лифленьской: ино туто ему и управа дати, по исправе и по крестному целованью, не въ великихъ делехъ до десяти рублевъ Новогородцкихъ (Новг. гр. 1521 г.); А выше десяти рублевъ будетъ каково дело: ино въ тех делехъ въ Неметцкихъ городехъ, в Местерове дрьжаве, и въ арцибискуплихъ, и въ бискуплихъ городехъ Новогородца съ Немчиномъ несудити, а дати ответчика Ноугородца на поруку (Новг. гр. 1521 г.); а по которому не будетъ поруки; ино его до толе держати на крепости до толе; да о томъ имъ сослатися съ наместники съ Ноугородцкими (Новг. гр. 1521 г.); А въ Новгородцкой земле каково дело будетъ Немчину Лифленьские земли: ино также ему туто и управа дати, по исправе и по крестному целованью, не въ великихъ же делехъ до десяти рублев Новогородцкихъ (Новг. гр. 1521 г.); а выше десяти рублевъ каково будетъ дело, ино въ Новегороде Немчина съ Новогородцомъ не судитижъ, а дати ответчика Немчина на поруку (Новг. гр. 1421 г.); а хто почне наступати на ти земли. ино очищивати ти земли онцифору и его детемъ (Двин. гр. XV в.); А кто почнетъ на сю землю наступать, ино Спасъ на него и Пречистая и святый Никола (Двин. гр. XV в.); А кто продастъ или купитъ кругъ воску безъ весу, или мехъ соли, или пошевъ соли, или кадь меду, или икры, или иного всякого весного товару безъ весу, на два рубля, или болши дву рублевъ, ино съ нихъ заповеди два рубля, рубль на купце, а другой рубль на продавце, рубль на Царя и Великого Князя Федора Ивановича всеа Русии, а другой рубль таможникомъ (Яросл. гр. 1595 г.)

Примеров с союзом *то* во второй части бессоюзного сложного предложения не встретилось.

В ряде приведенных нами выше примеров обусловливающая часть предложения является сложной по своему составу, что нами было отмечено в сносках к примерам.

В некоторых примерах и обусловленная часть предложения является сложным предложением — сложносочиненным или сложноподчиненным.

Состав обусловленной части мы не рассматриваем, так как нашей задачей являлось лишь установление способов связи обусловливающей части с обусловленной частью предложения.

Как мы уже отмечали, предложения с относительными словами сходны с предложениями без относительных слов.

Как и в предложениях без относительных слов, господствуют случаи с соединительным союзом или с соотносительным союзом во

[76] В обусловливающей части предложения два сказуемых (*купитъ*, *приведетъ*), из которых второе содержит дополнительное обусловливающее действие.

второй части предложения — в обусловленной части, причем чаще всего встречаем *и* и *ино* (как и в предложениях без относительных слов).

Следует подчеркнуть, что благодаря употреблению относительного слова *кто* в обусловливающей части и соотносительного слова *тотъ* в обусловленной, устанавливается более тесная связь частей бессоюзного предложения.

В ряде случаев в обусловленной части предложения соотносительного слова *тотъ* нет (см., например, в числе примеров без соотносительного союза, примеры из Двинских грамот XV в. и др.), но оно восстанавливается по смыслу.

Вместо местоимения *тотъ* может быть употреблено местоимение *онъ* (см. там же примеры из Двинских грамот XV в. и др.).

При употреблении местоимения *который* при имени существительном в обусловливающей части предложения, в обусловленной части повторяется (не всегда) это имя существительное (как правило, — с местоимением *тотъ*)[77], при котором стоит в обусловливающей части предложения местоимение: А которые дела промежъ великого государя отчины, Новогородцкие земли, съ Лифленскою землею делалися до сего перемирья: и темъ деломъ всемъ дерть на обе стороны... (Новг. гр. 1521 г.).

Вместо имени существительного в обусловленном предложении может стоять указывающее на это существительное местоимение: А которые торговые люди учнутъ приезжати на тотъ торгъ, съ какимъ товаромъ нибуди, и имъ являтися таможникомъ... (Яросл. гр. 1595 г.).

В тех случаях, когда в обусловливающей части предложения стоит местоимение с родительным количественным имени существительного, в обусловленной части находим такое же употребление существительного и местоимения, как и в примерах с местоимением *который* (рядом и случаи без повторения существительного или случаи с местоимением, указывающим на это существительное): а кого къ себе игуменъ призоветъ людей изъ иного Княженья, а не изъ моее отчины, и темъ людемъ пришлымъ ненадобе моа дань на десять летъ, ни ямъ, ни подвода, ни мытъ, ни тамга, ни инаа никотораа пошлина (Ниж. гр. между 1410—1417 гг.).

Как свидетельствуют приведенные нами выше многочисленные примеры из грамот XVI в. (в частности, из Яросл. гр. 1595 г.),

[77] См. выше пример из Московской грамоты 1517 г. (в числе примеров с *и* во второй части предложения), где наличие, кроме местоимения *который*, о пределений, притяжательного местоимения или родительного падежа принадлежности при имени существительном вызвало и употребление в обусловленной части предложения притяжательного местоимения или родительного падежа принадлежности. Благодаря такому употреблению не было необходимости в постановке в обусловленной части предложения местоимения *тотъ*.

в XVI в. господствуют предложения, в обусловленной части которых стоит местоимение (*онъ*)[78], указывающее на местоимение *кто* с родительным падежом существительного или существительное с местоимением *который* в обусловливающей части.

Не останавливаемся более подробно на вопросе об относительных местоимениях в одной части предложения и соотносительных словах в другой части сложного предложения, так как этот вопрос освещается нами при рассмотрении сложноподчиненных предложений.

Считаем необходимым, однако, отметить, что благодаря употреблению одного и того же существительного в обеих частях сложного предложения внешним образом подчеркивается смысловая связь между этими частями предложения: вторично названное существительное (или местоимение, если оно стоит вместо повторяющегося существительного) во второй части сложного предложения напоминает о том существительном, которое имеется в составе первой части, что способствует смысловому объединению частей сложного предложения.

В народных русских говорах сохранилась конструкция с повторяющимся существительным (или указывающим на него местоимением), когда часть сложного предложения с относительным словом *который* находится в препозиции к другой части: «В предложении, стоящем на первом месте, относительное слово *который* чаще всего стоит при существительном и с ним согласуется, причем это же существительное во втором простом предложении либо повторяется, имея при себе указательное местоимение (обычно *тот*), либо заменяется личным местоимением 3-го л. или указательным местоимением *тот*. Первый из этих двух вариантов сравнительно редок»[79].

Следует отметить, что местоимение *который* в народных говорах (как и местоимение *какой*) сохраняет в ряде случаев значение неопределенного местоимения, в чем нельзя не видеть отголосков древнейшего употребления этого местоимения.

---

[78] Ср. вывод Н. А. Широковой на основании изучения конструкции с местоимением *который* в памятниках XVII в.: «В конструкциях с препозитивным предложением коррелятивное местоимение является обязательным. В подавляющем большинстве случаев оно выступает в виде указательного «тот»; лишь в нескольких случаях соотносительный элемент является представленным личным местоимением» (Н. А. Широкова. Относительное подчинение в русском литературном языке XVII веке. «Уч. зап. Казанск. гос. ун-та», т. 112, кн. 6. Сб. работ кафедры русск. яз., 1952, стр. 77).

[79] А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, стр. 107. Приведены примеры из работ: В. Мансикка. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда. «Изв. ОРЯС», т. XIX, кн. 4, 1914; его же. О говоре Шенкурского уезда Архангельской губернии. «Изв. ОРЯС», т. XVII, кн. 2, 1912; Ю. В. Петровская. К диалектологии рязанских говоров. Говор села Матыр Зарайского уезда. «Сб. ОРЯС» т. XCIX, № 6, 1922; В. А. Малаховский. Говоры Новобуянского района Куйбышевской области. «Уч. зап. Куйбышевск. гос. пед. ин-та», вып. 5, 1942, а также из записей, сделанных членами экспедиций под руководством А. Б. Шапиро.

И к повторению существительного в народных говорах можно отнести сказанное А. А. Потебней в отношении предложений с относительным словом в древнерусском языке: «...в старинном яз. местоим. относит., как и личное и указательное, не заменяет собою имени и, будучи поставлено даже вслед за именем, может требовать его повторения. Конечно, уже в древних памятниках письменного языка местоимение *иже*, *который* обычно и без имени, но для древнего языка характеристичны не эти случаи ранней, в некоторых случаях, вероятно, заимствованной отвлеченной гипотактичности, а случаи повторения имени, которые, устраняя неопределенность значения местоим. относит., придавая большую самостоятельность придаточному и ослабляя его связь с главным, делают ненужным вышеприведенное правило «ставить относит. местоим. при имени, к коему оно относится»...»[80].

В отношении народных говоров еще в большей степени, чем в отношении литературного языка, справедливо высказывание того же исследователя: «...поверхность языка всегда более-менее пестреет оставшимися наружи образцами разнохарактерных пластов»[81]; «...явления, возникшие при таком-то строе языка, могут переживать этот строй, исподволь становясь исключениями,... новые явления языка в начале являются как пятна на старых»[82].

В народных говорах «исключений» больше, с другой стороны, в народных говорах развиваются новые явления, получают отражение и черты языка, характерные для литературной речи.

7

Заканчивая рассмотрение бессоюзных сложных предложений в древнерусских грамотах, остановимся на бессоюзных предложениях без относительных местоимений, но с выраженным значением определения в зависимой (с точки зрения смысловой, а не формальной) части.

Мы имеем в виду, говоря словами Ф. И. Буслаева, «словосочинение придаточного определительного, никакою грамматическою формою не соединенного с главным. Напр. в Юрид. Акт. «на две березы изъ одного корени, *промежъ ими ива*» 1498—1505 (= *между которыми ива*)»; «и отъ того пня въ болото жъ *на иву, вверху суковата, безъ верху*» 1631 (= *на иву, суковатую и не имеющую верхушки*)»[83].

А. А. Потебня называет предложения без относительных местоимений паратактичными придаточными предложениями[84].

---

[80] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. III. Харьков, 1899, стр. 338.

[81] Там же, ч. I и II, стр. 125.

[82] Там же, стр. 302.

[83] Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка. Изд. 2-е, переделанное, ч. I и II. М., 1863, § 285 (стр. 353 II части).

[84] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. III, стр. 323.

Признаком одной из групп этих предложений является то, что «дополнение или подлежащее главного предложения указывает на подлежащее или дополнение придаточного паратактичного, в коем нет не только относительного, но и указательного местоимения»[85].

Таким образом, А. А. Потебня не относит к этой группе паратактичных придаточных предложений такие предложения, как приведенный выше Буслаевым первый пример с местоимением, отсылающим к существительному в главном предложении.

Ко второй группе А. А. Потебней относятся предложения, в которых существительное главного предложения повторяется в придаточном[86] (с указательным местоимением или без него, с союзом соединительным *и*, *а* при придаточном или без союза).

К третьей группе причисляются сложные предложения, в придаточном предложении которых не повторяется существительное главного предложения с указательным местоимением, а стоит местоимение (*и*, *онъ*). Первый пример, приведенный Ф. И. Буслаевым, относится к этой группе.

Особое место занимают предложения, в которых придаточное паратактичное «относится не к имени (подл., дополн.) главного, а к сказуемому (=дополнит.). Поэтому в придаточном предложении подлежащее должно быть налицо»[87].

А. А. Потебня приводит образец: «И увидѣлъ N, старецъ щепы гребетъ».

В исследовании А. А. Потебни имеются многочисленные примеры на все указанные типы как из древнейших памятников, так и из памятников XVI—XVII вв. (из этих памятников особенно много примеров принадлежит к первой группе), из народных говоров — русских, украинских, белорусских.

Те же типы (кроме последнего — с придаточным, относящимся к сказуемому), но исключительно в русских памятниках XVII в., рассматриваются в работе Н. А. Широковой «Относительное подчинение

---

[85] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. III, стр. 323. Нам кажется более удачной формулировка А. А. Потебни с глаголом *указывает*, чем сходная формулировка Э. И. Коротаевой с глаголом *подразумевается* (ни в каком *подразумевании* не было необходимости: логическая связь осознавалась совершенно отчетливо): «В памятниках делового языка и в произведениях, близких разговорной речи, встречается выражение логического относительного подчинения средствами такой бессоюзной связи, при которой подлежащее или дополнение первого предложения подразумевается как главный или второстепенный член второго предложения» (Э. И. Коротаева. Союзное подчинение в русском литературном языке второй половины XVII столетия. «Вестник ЛГУ», № 8, 1952, стр. 119).

[86] При изложении взглядов А. А. Потебни сохраняем терминологию, употребляемую Ф. И. Буслаевым и А. А. Потебней, — главное предложение, придаточное предложение, — несмотря на ее условность для рассматриваемого типа бессоюзных сложных предложений. В дальнейшем говорим об определяемой и определяющей частях бессоюзного сложного предложения.

[87] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. III, стр. 333.

в русском литературном языке XVII века» (стр. 68—70); в письменности как XVII в., так и более раннего времени, — в статье Э. И. Коротаевой «К вопросу о развитии бессоюзного предложения в русском языке»[88], исключительно в русских памятниках второй половины XVII в. — в ее же работе «Союзное подчинение в русском литературном языке второй половины XVII столетия»[89] и в статье Г. А. Качевской «К истории сложноподчиненных предложений с придаточным определительным (по данным памятников русской письменности XVI в.)»[90].

Приведены эти типы и в статье А. И. Сумкиной «К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв.»[91].

А. И. Сумкина, отмечая, что конструкции без союзных слов сравнительно редко употребляются в языке древнерусских памятников, пишет: «Мало подобных конструкций в языке летописей, нет их и в языке деловых документов, в которых широко использованы традиционные формы деловой речи (Русская Правда, Псковская судная грамота, Судебники 1497, 1550 гг. и др.). Подавляющее большинство данных конструкций встретилось в языке таких материалов, как Акты юридические, где представлены различные грамоты — межевые, разъездные, купчие, меновые, мытные, выкупные, отказные записи и другие документы, в которых часто непосредственно отражалась устная народная речь»[92].

В этом верном замечании автора имеется, как мы полагаем, одна неточность: и в грамотах, даже в тех, которые наиболее близки к устной народной речи, употребляются традиционные формы деловой речи.

Некоторые из этих традиционных форм — конструкции без относительных местоимений, преимущественно безглагольные. То обстоятельство, что на них сказалось влияние устной народной речи, не дает, однако, права исключать эти конструкции из числа «традиционных форм деловой речи».

А. И. Сумкина считает затруднительным решить, являются ли безглагольные предложения более ранними по сравнению с глагольными, так как и те и другие употребительны и в языке древнерусских памятников, и в говорах.

А. И. Сумкина, по-видимому, склоняется к выводу (по нашему мнению, верному), что безглагольные конструкции следует считать более древними, поскольку глагольные конструкции отражают строй предложения, в котором в дальнейшем может развиваться специальное указание на развитие относительной связи[93].

---

[88] «Уч. зап. ЛГУ». Серия филол. наук, вып. 14, 1949, стр. 42—46.

[89] «Вестник ЛГУ», № 8, 1952, стр. 119—121.

[90] «Тр. Ин-та языкознания», т. V. М., Изд.-во АН СССР, 1954, стр. 204—209.

[91] Там же, стр. 142—153.

[92] Там же, стр. 142.

[93] Там же, стр. 149 (см. также стр. 144).

В пользу этого мнения говорит тот факт, что в ряде случаев, как это видно из приведенных нами ниже примеров из древнерусских грамот, безглагольные конструкции сохраняют известную самостоятельность и могут быть отнесены к присоединительным предложениям.

Наиболее широко в древнерусских грамотах представлены предложения, в определяющей части которых нет повторения определяемого слова, нет и относительного и указательного местоимений (первый из исследованных А. А. Потебней типов). Встречаются, за редкими исключениями, лишь конструкции без глагола-сказуемого в определяющей части, с именительным падежом существительного. Такая структура определяющей части придает ей бо́льшую самостоятельность, чем определяющей части с глаголом без имени существительного в именительном падеже. По-видимому, этим обстоятельством объясняется, что примеры с именительным падежом, без глагола, не рассматриваются в числе примеров на первый тип ни А. А. Потебней, ни другими лингвистами. Отметим, что А. А. Потебня в качестве образца для первого типа принимает предложения с глаголом в определяющей части предложения: «прислалъ человѣка, Иваномъ зовутъ», «N сказался села N крестьянинъ, Игнашкою зовутъ»[94].

Мы полагаем возможным привести и случаи с именем существительным в им. п., без глагола, в определяющей части предложения, так как эти случаи имеют четкое определительное значение и в большей степени могут быть сближены с первым типом (существительное не повторяется, нет относительного и указательного местоимения), чем с двумя другими.

Приведем примеры (определяющая часть предложения напечатана курсивом), где в безглагольной конструкции находим именит. пад. имени существительного без повторения определяемого слова (нет и относительного и указательного местоимения). Случаи (все в Двинских грамотах XV в.) многочисленны, поэтому указываем лишь некоторые из них.

Се купи игуменъ василеи. и староста олфереи и вси черенци пикольскии у павла у туфанова сна. в заозерьскомъ сели землю что купилъ павле. у гришки иванова. у тестя своего. горнюю землю. высокого поля половина. и пожню наволокъ у воротъ. на юрмоли на минишкерди. надъ ручьемъ орамая земля. *межа с верхного конца от трофимови земли по улици. с нижного конца межа до дмитрови земли.* у мечкицки два репища орамици. промежу землями тимошкиною. да дмитровою (Двин. гр. XV в.); буди вамъ ведомо чсто есмь продалъ село на лукыни берьгы за озеромъ стму николи и въ векы и старыми грамотами. игумену василею. и всеи братьи черепцамъ. дворъ и дворище на гори. 3. поля... на юрмоли орамая земля пупъ. и пожня от ивановицевъ межи от ивовъго куста. верхъ до коньць логу другая пожня противу погоста. *межа*

[94] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, стр. 323.

от карлаеви межи до дурневи межи. орамая земля овсище урепище *межа от степанови межи от попъви до тимошкини межи.* в кепали орамая земля а съ гришкою. улиця проежьщая по пъловинамъ. *а межа до дурневи межи* (Двин. гр. XV в.); игнатъ. и сава. петровъ. и терехъ омельяновъ. и степанъ левуновъ и ивашь петровъ. и кузма з братомъ с федутою. самсоновы дете. отступилися василевы. земли алексова братана. очны его чсто. при игумени при васильи. полъ дворища. и огородець весь у воротномъ поли. васильевъ участокъ весь. очны его на горе. на няри на голови. пожня. у кочкомъ озери пожня. *а межа от вельюшине земли.* над веркънусомъ полоса земли. *а межа от назаровы. земли. а в другомъ конци. до савины земли межа.* на гори керендусъ. земля. и деревня. холмець за погостомъ. тое же земли (Двин. гр. XV в.); во имя оца и сна и стго дха се азъ рабъ бии игуменъ василеи далъ есмъ в домъ стму николи в чюхченему. урвановьскую землю... за рекою на носу на великомъ острови полоса земли гаврилковьская. и кузнечовьская игнатова. у фомини наволоки гоны земли уречеще сокерка. двои гоны земли урвановьскои *путь по серетки.* за овиномъ. гоны земли (Двин. гр. XV в.); Се купи игуменъ василеи. у матфея. у назарова сна и у его брата. у самуили. на маломъ островке. орамои земли. гоны. *с верьхного конца межа от еремеевы земли. а с нижнего конца. до васильевы земли. а сторону межа до ивановы пожни* (Двин. гр. XV в.); Се купи игуменъ василеи. у якови. у баева. очну мехееви дочери федосьину. у глухомъ погости полъ дворища. и полъ огородца. на гори на заецкомъ поли полполца орамои земли. *а межа с лукерьиною землою петрови жони. и с фатеевою землою. и якутиною землою* (Двин. гр. XV в.); се купи игуменъ василеи. у гаврили у дьяка у малафеевича. полоску земли на носу. промежу землями. щербаковою и онисимовою. *от стенного огорода. до мундорови земли межа* (Двин. гр. XV в.); се купи игуменъ василеи. у матфея у урвана. у левонтеева сна... у фомини наволоки орамая земля. в межахъ съ гавриломъ[95] *другая межа от никольскои земли.* двои гоны земли орамици... (Двин. гр. XV в.); се купи игуменъ василеи. у матфея у урвана. у левонтеева сна... по плоскои веретеи гоны земли орамици в межахъ ссавельемъ[96]. *другая межа до гаврилови земли.* а иная орамая земля и покроми. *с верхного конца межа от гаврилови земли. с нижного конца межа до фефилови пожни.* надъ нюрдолою поженка уречище репещо и съ притеребомъ к нюрдолиякъ... (Двин. гр. XV в.); се купи игуменъ василеи. у матфея у урвана. у левонтеева сна... двои гоны зе(м)ли орамици *путь по серетки подли никольскую пожню.* на плоскои веретеи гоны земли орамици... (Двин. гр. XV в.); лоскутъ под црковью

[95] Словосочетание *в межахъ съ гавриломъ* — синонимический оборот к конструкции *межа съ гавриломъ.*

[96] Словосочетание *в межахъ ссавельемъ* — синонимический оборот к конструкции *межа съ савельемъ.*

да другой х кашиница двору то стому воскрснью а стому михайлу противу того наволокъ подъ дворомъ *межа по ручью в курю* а другой лоскутъ коленце до дьяконицевы межи (Двин. гр. XI в.); и ставъ передъ людми (е)ванцава жена и еи снъ. и еи деверь. по пословици снохою и со братономъ осташь даша за 9 белъ обекуку (вм. обекуну. — *В. Б.*) воду одьрнь. в сярди *а межа вышь камени. по глубокому руцью* (Двин. гр. XV в.); а варил (соль. — *В. Б.*) на великомъ месте *мой церенъ и дрова* тои же филимонъ пять ноцей (Двин. гр. XV в.).

В следующем примере предложение *а межи... да в море прям(о)* отделено от предложения, в котором имеется определяемое слово *воду*, самостоятельным предложением *а купил я филиксъ... овцу* (возможно, являющимся сложносочиненным), поэтому должно быть отнесено к присоединительным предложениям: Купил филиксъ у вобекана воду на летней стране в сярты а купил я филикс собе и своимъ детемъ одерень а далъ восмь сороковъ белки а пополонка дал овцу *а межи с морского конца по реки по сярты да в море впрямь а с верхного конца повыше другия сярты къ глубокому ручью да в море прям(о)* (Двин. гр. XV в.).

В некоторых из приведенных нами выше примеров перед определяющей частью предложения стоит союз *а*, в ряде примеров определяющая часть является сложной по своему составу.

Следующий пример с глагольной конструкцией мы рассматриваем как случай с бессоюзным сложным предложением с определяющей частью, а не с частью, указывающей на цель: да гряда *капуста с(а)дити* земли (Двин. гр. XV в.).

Отметим еще пример с глагольной конструкцией: на то послуси корнила взор поповиць михаило буславль тетрелей василевицъ иваней мотине маркъ сорогинъ *велеша приложити печать по любви* фелиппе иаементинъ (Двин. гр. XV в.).

В этом примере определяющая часть предложения вклинивается в перечисление свидетелей, смысловые отношения между частями предложения не являются четко выраженными.

В своей работе «О говоре северо-восточной части Пудожского уезда», напечатанной в 1914 г., В. Мансикка приводит примеры, подобные тем, которые отнесены А. А. Потебней к первой из групп паратактичных придаточных предложений:

свёкор, умёр-то, знаткой был; у старушки, видит одним глазом, сын в один гот со мной приписён; у нас баба, помёрла нонь-то, знала эты слова; старик, показывала-то я вам, мужу моёму братан; дефка, паринька-то принёсла, сёстра мне; сын, сноха-то ушла, лони умёр; хозяин јиздил, паринёк-то умёр (у которого паренек умер); поправилсы ли тот мужык, змий-от укусил; наж дом у байны, вы вцерась купались [97].

---

[97] В. Мансикка. О говоре северо-восточной части Пудожского уезда. «Изв. ОРЯС», т. XIX, кн. 4, 1914, стр. 168—169.

В работе того же автора, вышедшей одновременно с названным выше исследованием, — в «Заметках о говоре Никольского уезда Вологодской губернии» отмечены примеры: ручкю, пишут-то, у меня просят; топо̂р взял, дрова-те рубили; Миколай, по короф-то ушоў, не приходиў ошшо[98].

Отдельные примеры находим и в других работах по народным говорам, напечатанных до Великой Октябрьской социалистической революции.

Представляется неясным, насколько распространены эти предложения в народных говорах в настоящее время.

Исследователь синтаксиса народных говоров А. Б. Шапиро в своих «Очерках по синтаксису русских народных говоров», кроме примеров из указанной выше первой работы В. Мансикки, приводит только один пример, записанный членом экспедиции Московского городского пединститута в 1939 г. (экспедиция под руководством А. Б. Шапиро) в Спасском районе Рязанской области): У нас ни у кавó две избы нет прамеждý сéни-то (Ряз.)[99].

В диссертации А. И. Сумкиной «К истории относительного подчинения в русском языке XIII—XVII вв.» (М., 1952) первая глава посвящена вопросу — «Конструкции без относительных местоимений». Здесь говорится и об интересующей нас конструкции.

В названной работе А. И. Сумкиной, как и в ее статье с тем же названием, много примеров из произведений устного творчества, приведены примеры из всех работ, где отмечены конструкции без относительных местоимений.

И сборники фольклора, привлеченные А. И. Сумкиной к исследованию, и работы диалектологов, содержащие материал по конструкциям без относительных местоимений, относятся к дореволюционному периоду.

Таким образом, мы не имеем оснований говорить о широком распространении в современных народных говорах конструкций без относительных местоимений.

Эти конструкции употребляются в говорах, хотя и вытесняются оборотами с относительными местоимениями, несомненно, не без влияния литературного языка.

С приведенными выше примерами с безглагольной конструкцией из Двинских грамот XV в. можно сопоставить следующие примеры (из тех же грамот), которые, благодаря повторению в определяющей части имени существительного (с указательным при нем местоимением), относятся ко второму типу паратактичных придаточных предложений.

---

[98] В. Мансикка. Заметки о говоре Никольского уезда, там же, стр 216.

[99] А. Б. Шапиро. Очерки по синтаксису русских народных говоров, стр. 58. Пример особенно интересен потому, что конструкция — безглагольная.

Во всех случаях перед определяющей частью стоит союз *а*: у дедова вогана пожня в лости. *а межа тое пожни с верхнего конца. от гриховы межи.* то ми с ведоромъ. по половинамъ (Двин. гр. XV в.); се купи игуменъ василеи. землю на маломъ островки. у мехия у фаустова сна. *а межа тое земли с верхънего. конца до назарови земли. с нижного конца до еремеевы земли межа.* и зъ закраинами. и с притеребомъ (Двин. гр. XV в.)[100]; на том же маломъ островки. другая веретея земли. *а межа тои веретеи. с верхънего конца до назарови земли. а с нижного конца межа до иваша нефедова земли* (Двин. гр. XV в.); се купи есипъ. и федоръ онуфреевы дете. у ортема у федоровичѣ(а). лоскутъ земли за.дворнои. *а межа тои земли до карлаевъского огородца. а по другому концю до ручья. а по сторони межа до лукини земли. а з другую сторону до онуфреевичовъ земли.* и в потполки что с лукою половина. да гряда капуста с(а)дити земли (Двин. гр. XV в.); се купи есипъ онуфреевичѣ(ь). у вустена у семенова сна. два лоскута земли. и старыми грамоты. лоскутъ лукинъскои. а другои федоровъскои *а меж(а) тое земле. федоровъскои до миколъскои земле. с верхънего конча. а з другую сторону. до фомине земле. с речную сторону до згорка. а з другого конча. до розлогу. а другого лоскута. лукинъскои земле. до сидорове земле. с верхъного конча. а с кончовъ. до семеновицевъ земле* (Двин. гр. XV в.)[101].

Известная самостоятельность рассмотренных выше предложений со словом *межа* (как без повторяющегося существительного, так особенно с повторяющимся существительным) в ряде случаев позволяет отнести определяющую часть с этим словом, когда она стоит в конце, к присоединительным предложениям.

К присоединительным мы относим предложение, содержащее стереотипную формулировку, которая не столько определяет существительное, сколько указывает на определенное право, на необходимость считаться с установленным раньше — *а межи по старымъ межамъ:* во имя оца и сна и стго дха. се азъ рабъ бии степанъ олфромеевъ снъ. черноризець скимникъ. далъ есмъ в домъ стму николи землю на налье строви конець паритова озера орамую. и дворъ и дворищо. и старыми грамотами с купными. *а межи по старымъ межамъ* (Двин. гр. XV в.); и еще есмъ далъ землю полосу на имя сокерку *а межи по старымъ межамъ* (Двин. гр. XV в.); Се купи перхуреи. васильевичѣ(ь). у игумена. у юрья. у никольского. и у всехъ церенцевъ. у никольскихъ у всего стада (село) земли на нальострове. дворъ и дворище. орамыи земли. и по(жни) и притеребы. и ловища. что далъ. степанъ

[100] Здесь и в ряде ниже приводимых примеров — две определяющих части. Во второй части нет слов *тое, тои, земле, земли, тои веретеи* и т. д., названных в первой и потому подразумевающихся во второй.

[101] Определяющая часть предложения велика по объему и стоит не в середине предложения, а в конце его. Благодаря указанным обстоятельствам степень самостоятельности определяющей части кажется значительной.

олъфромеевъ тои з(емли) в домъ стго николе въ веки. *а межи по старымъ межамъ* (Двин. гр. XV в.).

Во всех приводимых ниже примерах мы имеем видоизменение стереотипной формулировки, о которой мы уже говорили (а межи по старымъ межамъ): се купилъ. иванъ лаврентеевич(ь). у григорья. у васильевица. на наль. острови. земли орамые. и пожни. у паритова. озера. наволокъ. левушиньскои. с купными грамотами. с старыми. то. и земли. и з григорьевою. грамотою. с купною. тои земли. *по старымъ. грамотамъ. межи. тои земли. и по старини* (Двин. гр. XV в.); а купилъ. иванъ. ту землю. собе. одерень. и своимъ детемъ. *а межи тимъ. землямъ. по старымъ межамъ* (Двин. гр. XV в.); Се купилъ. григорьи васильевич(ь). у григорья. у семеновица. земли. село у яковли курьи. дорониньское. и дворъ. и дворищо. и орамые земли. и пожни. и с притеребы. и ловища. того. села. где ни есть. по старини. цимъ владел. григореи семенович(ь) *а межи темъ. землямъ. и пожнямъ. и ловищамъ. по старымъ межамъ* (Двин. гр. XV в.).

В формулировку включено слово, являющееся общим с определяемым словом предшествующей части предложения: *земли* (первый пример); *землямъ* (второй и третий примеры)[1-2]. Связь между определяющей частью с трафаретной формулировкой и частью с определяемым словом усилена благодаря употреблению при слове *земля* указательного местоимения.

Таким образом, сделан шаг по пути превращения присоединительного предложения в определительное.

В первом примере нарушен и обычный для стереотипной формулировки порядок слов, для которого характерна постановка слова *межи* с союзом *а* в самом начале. В этом примере отсутствует союз, что является исключением для рассматриваемой стереотипной формулировки. Вместо слов *по старымъ межамъ* указано: *по старымъ грамотамъ*, включены слова *по старини*.

Тем не менее и предложения с видоизмененной стереотипной формулировкой, как мы полагаем, следует отнести к присоединительным, так как они не столько определяют существительное, сколько указывают на определенное право, на определенное установление, определенный имеющий место порядок.

В последнем примере самостоятельности предложения со стереотипной формулировкой способствует и наличие придаточного определительного с относительным местоимением в предыдущем предложении.

В приведенном ниже примере в части, определяющей существительное, стоит глагольное сказуемое: и потомъ иеремею шило(ви) дети глебе з братиею придали два рубля к старымъ кунамъ отца

---

[102] В третьем примере повторяются также слова: *пожнямь, ловищамь*.

своег(о) купли *а взял два ти рубля гришка павловъ сава михаиловъ* (Двин. гр. XV в.).

Связь определяющей части предложения с определяемой подчеркнута употреблением слов *два ти рубля*, которые указывают на определяемые слова *два рубля*.

Отметим случай с местоимением *онъ* в определяющей части (третий образец «паратактичных придаточных предложений» по классификации А. А. Потебни): далъ есми стму николи очну свою вчастокъ свои. орамыи земли и пожни. и братня вчастка микитина половина во всемъ. на гори в лесном поли полоса земли. другая полоса земли. в лесном же поли. *выменялъ ею. в селюши в павлова*. а далъ противу тое в романови ветеи землю. и з закраиною. конець селюшины. земли, (Двин. гр. XV в.).

В Смоленской грамоте 1229 г. имеются примеры, которые не включены А. А. Потебней ни в один из типов его классификации паратактичных придаточных предложений.

Мы имеем в виду случаи не с местоимениями *и*, *онъ*, а с указательным местоимением *тъ-та-то*. Когда это местоимение употреблено не в форме именительного падежа единственного числа среднего рода, можно предполагать опущение существительного, но при употреблении формы именительного падежа единственного числа среднего рода *то* такое предположение не представляется возможным. Более тесной, как мы полагаем, является смысловая связь определяющей части предложения с определяемой тогда, когда, кроме местоимения, в определяющей части имеется еще числительное, указывающее на количество перечисленных в определяемой части лиц. Пример с таким употреблением числительного можно в значительно большей степени сблизить со случаями, когда существительное определяемой части предложения повторяется в определяющей части и при этом повторенном существительном стоит указательное местоимение.

Приведем примеры: Се орудие исправили умнии купчи: Регньбоде, Детяртъ, Адамъ, то были горожане на Гочкомь березе (список A Готландской редакции; см. также списки B и C той же редакции).

В списках Рижской редакции — не предложение, а распространенное приложение, что дает полное основание считать приведенный выше пример примером с бессоюзным сложным предложением с определяющей частью: А се суть послуси тому: Регемъгодъ, Тетартъ, Адамъ, *горожане на Готьскомь березе* (список D; см. также списки E, F, G).

Сходный с первым примером пример из списка A Готландской редакции: Се орудие исправили... Албрахтъ Слукъ, Бернярть, оде Валтърь, оде Албрахтъ фоготь, *то были горожане у Ризе*, и иныхъ много умныхъ добрыхъ людеи.

В списке B Готландской редакции вместо *то — ти*, кроме того употреблен союз *а*: Се орудие исправили... Алъбрахтъ Слукъ, Бернярть'

оде Валъторь, оде Алъбрахтъ фоготь, *а ти были горожане у Ризе*, и инехъ было много умныхъ добрыхъ людии.

В списке С Готландской редакции — придаточное определительное с *что*, позволяющее и примеры в списках А и В отнести к случаям с определяющей частью в бессоюзном сложном предложении: ...Албрахтъ Слукъ, Бернярть, оде Валтоторь, оде Алъбрахтъ фоготь, *что были горожане у Ризе*, инехъ много умныхъ добрыхъ люди.

Приведем еще примеры из списков обеих редакций (в примерах и случаи с числительным количественным): Се орудие исправили и... Мьмьбернь, Вредрик Думбе, *ти были из Любка;* Гиндрикъ Готь, Илдигърь, *та два была исъ Жата;* Конратъ Шхель оде Ягантъ Кинть, *та два была из Мюньстеря;* Бернярь оде Вълкерь, *та два была изъ Грюнигь;* Ермьбрьхть оде Албрахтъ, *та два была из Дортмьня;* Гиндрикъ Цижикъ из Бремьнь (список А Готландской редакции; см. также списки В и С той же редакции); А се же суть послуси тому... Мемберь, Вередрикъ Думомь, *из Любка ти суть;* Андрикъ Готъ, Илиерь, *ти же суть изъ Жюжажата;* Кондратъ Кривыи, Еганъ Кинотъ, *ти же суть из Муньстеря;* Берникъ, Фолкырь, *ти суть из Грули;* Яремъбрахтъ и Алъбрахтъ, *ти же суть из Дротмины;* Индрикъ Чижикъ, *ти же из Брямь* (список D Рижской редакции; см также списки E, F, G той же редакции).

Заканчивая изложение вопроса о бессоюзных сложных предложениях, в которых одна часть определяет другую, отметим единственный случай с придаточным предложением, относящимся к сказуемому (четвертый образец «паратактичных придаточных предложений» по классификации А. А. Потебни), приведенный в числе других примеров и у А. А. Потебни.

В этом примере не о п р е д е л я ю щ а я часть, а д о п о л н я ю щ а я часть: Аже тиунъ услышить, *Латинескыи гость пришелъ*, послати ему люди с колы пьревести товаръ, а не удержати ему (список А Готландской редакции; см. также списки В и С той же редакции).

В списках Рижской редакции структура предложения другая — с *оже:* А како услышить Волочьскыи тивунъ, ожо гость Немечьскыи съ Смолняны приехалъ на Волокъ, послати ему члвка своего въ борзе къ Волочаномъ ать перевезуть Немецьскыи гость и Смолняны с товаромь (список D; см. также списки E; F; G. В списках E и F — *оже;* в списке G — *еже*).

Наличие в грамотах различных видов связи двух частей сложного предложения (без относительных местоимений), из которых вторая определяет то или иное слово первой, свидетельствует о том, что процессу образования определительных конструкций с относительными местоимениями предшествовал длительный период выработки и отбора наиболее совершенных средств подчинительной зависимости.

Справедливо пишет Ф. Е. Корш: «Само собой разумеется, что такой важный шаг в словосочетании, как образование относительной кон-

струкции, совершился не разом: мало того, что должно было пройти много времени прежде, чем данный народ привык смотреть на известное присоединение одного независимого предложения к другому, как на подчинение известного рода; но нередко один и тот же язык колебался в выборе средств для выражения этой, до тех пор неведомой, но настоятельно напрашивающейся связи двух суждений. Наш собственный язык, особенно простонародный и старинный, представляет в этом отношении необыкновенную пестроту»[103].

Как отмечалось выше, бессоюзная конструкция, в которой одна часть предложения определяет то или иное слово другой части предложения, сохранилась в диалектах современного русского языка.

К сожалению, как мы уже отмечали, нет данных, свидетельствующих о том, насколько широко представлена эта конструкция в говорах в настоящее время.

Тем больший интерес представляют примеры с указанной конструкцией в художественной литературе.

Нам встретились два случая с бессоюзной конструкцией (один случай со сказуемым — глаголом, второй — со сказуемым, в состав которого входит причастие страдательного залога) в произведении Л. Леонова «Русский лес»: «— Кто же это руку-то поднял на т е б я, Егор Севастьяныч, а? — скрежещущим голосом огня, *сквозь зубы, но все кругом слышали*, спросил Марк»[104]; «Лишь один непоседа с припадающим дергающимся веком, *подвязана тряпицей скула*, продолжал работу, несмотря на зной, и было примечательно, с каким жарким вдохновением истреблял он свое последнее в том уезде лесное достояние»[105].

Здесь, бесспорно, сказалось влияние устной разговорной речи, в которой связи между предложениями легче улавливаются благодаря интонации.

Употребление автором бессоюзной конструкции — определенный стилистический прием. Включение в предложение относительного местоимения *который* и соответствующая перестройка предложения сделали бы каждый из приведенных выше текстов безукоризненно правильным с точки зрения существующих норм литературного языка, но лишили бы его живости, эмоциональности.

Изменила бы ритмический рисунок второго текста замена слов *подвязана тряпицей скула* словами: *с подвязанной тряпицей скулой*[106].

Взволнованный ритм, с синкопой (употребляя этот термин в его музыкальном значении), был бы заменен плавным, спокойным течением рассказа, что, конечно, не входило в расчеты писателя.

---

[103] Ф. К о р ш. Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса, М., 1877, стр. 14—15.

[104] «Знамя», 1953, № 11, стр. 87.

[105] Там же, № 10, стр. 106.

[106] Употребление двух творительных падежей рядом затрудняет понимание текста. Вряд ли лучше и такое построение: *со скулой, подвязанной тряпицей*.

Такие случаи, как приведенные из произведения Л. Леонова «Русский лес», с особенной убедительностью доказывают справедливость следующего высказывания А. А. Потебни: «...в нижних слоях языка было и есть исконное течение, в течение веков не выступавшее наружу в ц.-сл. и славянорусс. переводных и подражательных памятниках, опять скрывающееся в новом книжном русском языке... При благоприятных условиях из этого течения мог бы быть внесен в литературный язык и закреплен в нем относительный оборот без относительного местоимения и союза»[107].

Впрочем, то обстоятельство, что оборот внесен в художественное произведение, еще не говорит о его закреплении в литературном языке.

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕННЫХ НАИМЕНОВАНИЙ ИССЛЕДОВАННЫХ ПАМЯТНИКОВ[1]

Волын. гр. — Волынская грамота — А. Соболевский и С. Пташицкий. Палеографические снимки с русских грамот, преимущественно XIV в. Изд. Петрогр. Археолог. ин-та, СПб., 1903. Снимок № 8 (Договор Волынского князя Дмитрия (Любарта) с польским королем Казимиром 1366 г.)

Гал. гр. — Галицкая грамота. Там же, снимок № 28 (Грамота Галицкого старосты Бенка о венованнии паном Гервасом своей жене ста гривен 1398 г.).

Двин. гр. — 115 грамот XV в. (духовных, вкладных, данных, дарственных, купчих, рядных, судных, выкупных, закладных, меновных, раздельных), напечатанных под №№ 1—115 во второй части труда А. А. Шахматова — Исследование о двинских грамотах XV в. «Иссл. по русск. яз.». Изд. ОРЯС АН, т. II, вып. 3. СПб., 1903.

Киев. гр. — Грамота великого князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода около 1130 г. А. Маркс. Две старейших русских грамоты в дошедших до нас подлинниках. «Древности Московского Археологического общества», XXIV. М., 1913.

Львов. гр. — Львовская грамота. В. Розов. Українські грамоти. Том перший. XIV в. і перша половина XV в. У Києві; 1928. Грамота № 8 (Купчая местича Ганька Сварца у Олешка Малечковича на село, на Ширцу 1368 г.).

Моск. гр. — Московские грамоты, опубликованные в трудах: Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел, ч. 1. М., 1813. Грамоты № 21 (Духовная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты (первая) 1328 г.); № 23 (Договорная грамота великого князя Симеона Иоанновича с братьями его родными князем Иваном и князем Андреем 1341 г.); № 26 (Духовная грамота великого князя Иоанна Иоанновича (вторая) 1356 г.); № 27 (Договорная грамота великого князя

[107] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, ч. III, стр. 327.

[1] После сокращенного наименования в статье, при цитате из грамоты, указывается дата ее написания.

Димитрия Иоанновича с двоюродным его братом князем Володимером Андреевичем (первая) 1362 г.); № 28 (Договорная грамота великого князя Димитрия Иоанновича и брата его князя Володимера Андреевича с великим князем Тверским Михаилом Александровичем 1368 г.); № 30 (Духовная грамота (первая) великого князя Димитрия Иоанновича 1371 г.); № 33 (Договорная грамота великого князя Димитрия Иоанновича и детей его с братом его князем Володимером Андреевичем и детьми его (третья) 1388 г.); № 34 (Духовная грамота великого князя Димитрия Иоанновича (вторая) 1389 г.); Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею Академии наук, т. I. СПб., 1836. Грамоты № 3 (Жалованная грамота великого князя Иоанна Даниловича, об освобождении Печерских сокольников от даней и повинностей. Написана между 1328—1340 гг.); № 4 (Жалованная грамота великого князя Иоанна Даниловича, о привилегиях людям Новгородского Юрьева монастыря, живущим на Волоке. Написана между 1338—1340 гг.); № 20 (Жалованная грамота великого князя Василия Димитриевича митрополиту Фотию 1421 г.); № 21 (Жалованная грамота великого князя Василия Димитриевича Спасско-Благовещенскому монастырю. 1423 г.); К. Е. Напьерский. Русско-ливонские акты. Спб., 1868. Грамоты №№ CCCLV (1516 г.); CCCLVIII (1517 г.); CCCLXXVII (1531 г.); CCCXCIV (1565 г.); CCCXCVI (1578 г.); CCCXCVII (1588 г.); CCCXCIX (1601 г.); CD (1603 г.).

Ниж. гр. — Нижегородские грамоты, опубликованные в издании: Акты Археографической экспедиции, т. 1. Грамоты № 12 (Жалованная грамота Нижегородского великого князя Бориса Константиновича Спасскому и Благовещенскому монастырю 1393 г.); № 17 (Жалованная грамота Нижегородского князя Александра Ивановича Благовещенскому монастырю. Написана между 1410—1417 гг.); № 18 (Жалованная грамота Нижегородского великого князя Даниила Борисовича Спасско-Благовещенскому монастырю. Написана между 1410—1417 гг.).

Новг. берест. гр. — Новгородские берестяные грамоты: А. В. Арциховский и М. Н. Тихомиров. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1951 г.). М., 1953; А. В. Арциховский. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1952 г.). М., 1954 [2].

Новг. гр. — Новгородские грамоты, опубликованные в изданиях: А. Маркс. Две старейших русских грамоты... Вкладная Варлаама Хутынскому монастырю после 1192 г.; К. Е. Напьерский. Грамоты, касающиеся до сношений Северо-Западной России с Ригою и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV в. СПб., 1857. Литографированные снимки — таблицы I^b (Договорная грамота князя Ярослава Володимировича и новгородцев с немецкими послами. Писана между 1189—1199 г.); I^a (Договор великого князя Александра

[2] Принимаем датировку берестяных грамот на основании палеографического и лингвистического анализа, предложенную в коллективном труде «Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот» (М., 1955).

Ярославича Невского и новгородцев с немецкими послами. Писан между 1257—1263 гг.); V (Грамота великого князя Андрея Александровича к людям датского короля в Колывань. Написана между 1294—1304 г.); IX (Рижский экземпляр охранной грамоты великого князя Андрея Александровича и посадника Семена 1301 г.); его же. Русско-ливонские акты. СПб., 1868. Грамоты №№ XXVI (между 1266—1272 гг.); L (между 1299—1307 гг.); XCVI (1373 г.); CXV (1392 г.); CCCLXVI (1516 г.); CCCLXIX; (1521 г.); CCCXCVIII (1588 г.); А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII и XIV века. «Иссл. по русск. яз.». Издание Отделения русского языка и словесности Академии наук, т. I. СПб., 1885—1895. Грамоты (договорные) №№ 1 (1265 или 1264 г.); 2 (1265 или 1264 г.); 3 (1270 или 1269 г.); 4 (между 1294—1301 гг.); 5 (между 1294—1301 гг.); 6 (между 1305—1308 гг.); 7 (1305—1308 гг.); 8 (1371 г.); 9 (1304—1305 гг.); 10 (1304—1305 гг.); 11 (1304—1305 гг.); 12 (1314 г.); 13 (1372 г.); 14 (1317 г.); 15 (между 1325—1327 гг.); 16 (между 1368—1371 гг.); 17 (1373 г.); 18 (1426—1461 гг.); 19 (1431 г.); 20 (1471 г.)[3]; И. П. Сахаров. Образцы древней письменности. СПб., 1841. Таб. III (Духовное завещание новгородца Климента до 1270 г.); Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографическою экспедициею Академии наук, т. I. СПб., 1836. Грамота № 1 (Грамота великого князя Андрея Александровича к людям на Двину между 1294—1304 гг.); Грамота № 2 (Грамота великого князя Иоанна Даниловича и новгородских посадника Данила и тысяцкого Авраама на Двину между 1328—1340 гг.); Е. Ф. Карский. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, стр. 121 (Московский экземпляр охранной грамоты великого князя Андрея Александровича и посадника Семена 1301 г.).

Перемышльск. гр. — Перемышльская грамота — В. Розов. Українські грамоти. Том перший. Грамота № 5 (Купчая Петра Радцеовского у Анны Радивонковой на землю с млином, корчмою и половиною става 1359 г.).

Полоцк. гр. — Полоцкие грамоты, опубликованные в изданиях: К. Е. Напьерский. Грамоты, касающиеся... Литографированные снимки — таблицы II[a] (Договорная грамота литовского князя Герденя с ливонским геррмейстером 1264 г.); II[b] (Грамота Полоцкого князя Изяслава ливонскому геррмейстеру и рижанам около 1265 г.); VI (Грамота Полоцкого епископа Иакова к рижанам около 1300 г.); VII (Договорная грамота Полоцка с Ригою о порядке веса и торговли около 1330 г.); И. П. Сахаров. Образцы древней письменности. Табл. XVII; № 20 (Рядная Тешаты с Якимом. До 1229 г.); А. Соболевский и С. Пташицкий. Палеографические снимки с русских грамот... Снимок № 43[a] (Грамота вдовы Полоцкого князя Андрея в Ригу о белке конца XIV в.); К. Е. Напьерский. Русско-ливонские акты. Грамоты №№ CXXII (1399 г.) CXXXIV (1400 г.?);

[3] Принимаем датировку новгородских грамот, предложенную А. А. Шахматовым.

CLII (1404 г.); CLIV (1405 г.); CLXIV (1407 г.); CLXV (1407 г.); CLXXII (1409 г.); CCXLIX (1465 г.); CCL (1465 г.); CCLIX (1470 г.); CCLXIII (1475 г.); CCLXIV (1476 г.); CCLXV (1478 г.); CCLXVI (вторая половина XV в.); CCLXXVIII (вторая половина XV в.); CCLXXIX (вторая половина XV в.); CCLXXX (вторая половина XV в.); CCCLXXXIV (1553 г.).

Пск. гр. — Псковские грамоты, помещенные в изданиях: А. Соболевский и С. Пташицкий. Палеографические снимки с русских грамот ... Снимок № 45 (Грамота псковского посадника Сидора в Ригу о выдаче Нездилца XIV в.); А. А. Шахматов. Грамота псковского князя Ивана Александровича. «Изв. ОРЯС», т. XVII, кн. 3, 1912 (грамота написана между 1463—1465 гг.); Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. Изданы Археографическою Комиссиею. СПб., 1838. Грамота № 2 (Правая грамота Псковского князя Ярослава Васильевича Снетогорскому монастырю, на проезд на реке Перерве 1483 г.)

Ряз. гр. — Рязанские грамоты. Рукопись Жалованной грамоты великого князя Рязанского Олега Ивановича Ольгову Богородицкому монастырю после 1356 г.; Собрание Государственных грамот и договоров, ч. 1. Грамота № 32 (Договорная грамота великого князя Рязанского Олега Ивановича с великим князем Димитрием Ивановичем и братом его князем Володимиром Андреевичем 1381 г.).

Смол. гр. — Смоленские грамоты, помещенные в книгах: К. Е. Напьерский. Русско-ливонские акты. Приложения: I (Торговый договор Смоленского князя Мстислава Давыдовича с Ригою и Готским берегом 1229 г. Списки Готландской редакции: A, B, C; списки Рижской редакции: D, E, F, G); II (Торговый договор неизвестного Смоленского князя с Ригою и Готским берегом около 1230 г.); К. Е. Напьерский. Грамоты, касающиеся... Литографированные снимки — таблицы III (Грамота рижского архиепископа к великому князю Федору Ростиславичу Смоленскому. Написана между 1281—1297 гг.); IV (Правая грамота Смоленского князя Федора Ростиславича по судному делу о немецком колоколе 1284 г.); VIII (Грамота Смоленского князя Александра Глебовича к рижанам о подтверждении прежних дружественных сношений Смоленска с Ригою около 1300 г.); Собрание Государственных Грамот и Договоров, ч. 2. М., 1819. Грамоты № 3 (Грамота Смоленского князя Федора Мстиславича в Ригу о свободной торговле и беспрепятственном сношении между Смоленском и Ригою 1284 г.); № 8 (Договорная грамота Смоленского князя Ивана Александровича с Ригою. Написана между 1330—1359 гг.).

Яросл. гр. — Ярославские грамоты, помещенные в изданиях: Архимандрит Амвросий. История российской иерархии, ч. VI. М., 1815 (Жалованная грамота Ярославского князя Василия Давидовича Спасскому Ярославскому монастырю. До 1345 г.)[4];

[4] Текст проверен нами на основе трудов: Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. IV. СПб., 1817; И. А. Вахрамеев. Исторические акты Ярославского Спасского монастыря, т. 1, Княжие и царские грамоты. М., 1896.

Акты Археографической экспедиции, т. 1. Грамоты № 15 (Жалованная грамота Ярославского князя Федора Федоровича Толгскому монастырю около 1400 г.); № 362 (Таможенная откупная грамота Ярославского Спасского монастыря села Федоровского крестьянину Савке Антонову 1595 г.); Н. П. Лихачев. Сборник актов, собранных в архивах и библиотеках, вып. I: Духовные и сговорные грамоты; вып. II: Грамоты правые. СПб., 1895. Грамота (в выпуске «Грамоты правые») III (Правая грамота докладная Спасскому монастырю на пожню Крестьцы. Написана между 1495—1497 гг.).

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР

Том VIII 1957

С. В. Бромлей

К ИСТОРИИ ОБРАЗОВАНИЯ ФОРМ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

(История взаимодействия двух типов образования форм сравнительной степени: с суффиксом *-*jьs* и с суффиксом *-*ějьs*).

К числу некоторых до сих пор еще недостаточно разработанных разделов русской исторической морфологии относится история образования форм ср. степени, представляющая для исследователя целый ряд сложных и интересных вопросов, решение которых важно не только для восстановления одного небольшого звена русской исторической грамматики, но и для изучения внутренних закономерностей в развитии грамматического строя русского языка.

Специальной литературы по истории форм ср. степени фактически нет. Бóльшая часть отдельных статей и заметок, посвященных степеням сравнения, не затрагивает истории форм, а касается главным образом общих вопросов их классификации в литературном языке и анализирует значение форм, характеризующихся разными формальными признаками. К числу таких работ принадлежит и наиболее крупная из них — монография А. С. Никулина «Степени сравнения в современном русском языке» (М.—Л., 1937). Материал памятников истории русского языка, привлеченный в ней лишь попутно и представленный немногочисленными и случайными примерами, не дает сколько-нибудь полной и правильной перспективы развития форм ср. степени тем более, что морфологический анализ в этой работе зачастую подменяется семантическим, в духе ложных теоретических установок так называемого нового учения о языке[1]. В курсах исторической грамматики русского языка, включая и новейшие[2], в связи с историей степеней сравнения затрагивается в основном лишь проблема утраты форм согласования нечленной разновидностью ср. сте-

[1] См. рец. на эту работу И. А. Фалева «К вопросу о степенях сравнения в современном русском языке» (сб. «Язык и мышление», т. IX. М.—Л., 1940), где отмечается ряд крупных недостатков работы, в частности, отсутствие в ней историзма. Однако рецензия также написана с марровских позиций и поэтому не может вскрыть основных пороков работы.

[2] Ср., например, П. Я. Черных. Историческая грамматика русского языка. М., 1952; Л. П. Якубинский. История древнерусского языка. М., 1953; П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. Морфология. Изд-во МГУ, 1953.

пени в предикативном употреблении, причем и этот вопрос излагается очень конспективно, с примерами, нередко переходящими из старых пособий в новые. Истории форм в работах такого рода также нет. Замечания по поводу отдельных форм носят случайный характер и, не будучи подкреплены анализом конкретного материала, нередко являются спорными и не выдерживают проверки при обращении к материалу.

Совершенно отсутствуют работы, где вопросы, связанные с историей форм ср. степени, ставились бы на широко привлеченном для этой цели материале древнерусских памятников и современных диалектов[3].

Между тем история форм ср. степени в русском языке представляет большой интерес, так как в этой области происходил целый ряд сложных процессов, которые привели к значительным изменениям в структуре форм ср. степени, в результате чего изменилось и само место ср. степени в грамматической системе русского языка.

Все разнообразие взаимоперекрещивающихся тенденций, действовавших в истории русского языка в сфере образования форм ср. степени, связывается в конечном счете с двумя факторами, в которых были заложены побудительные причины для развития этих форм. Один из этих факторов связан с условиями, сложившимися в доистории; это — наличие двух разновидностей образования форм ср. степени (с суффиксом -**jьs* и -**ějьs*) еще в языке общеславянской эпохи; другой — уже непосредственно на почве русского языка — явился следствием синтаксических процессов, охвативших своим действием нечленные формы ср. степени в предикативном употреблении. Взаимодействие этих факторов, осложненное отношениями, сложившимися в русском языке в результате переплетения в его истории тенденций, характеризующих разные жанры книжной речи, с тенденциями живого языка, — вот общая схема развития форм ср. степени, закономерности и внутреннее наполнение которой представляют еще почти не исследованную область в истории русского языка.

Настоящая статья посвящена изучению лишь одного из выдвинутых выше факторов, а именно двух типов образования форм ср. степени и их судьбы в русском языке XI—XVII вв.[4].

Под типом образования понимается вся система форм ср. степени в ее наречной, нечленной и членной разновидностях, соответствую-

---

[3] По приведенному материалу такой работой могла бы быть канд. дисс. Л. А. Туркиной «История степеней сравнения в русском языке XI—XVII веков». Л., 1952, однако, в центре внимания в данной работе стоят вопросы употребления и значения форм ср. степени, вопросы же образования форм разработаны в ней очень слабо, вследствие чего выводы в этой части малосодержательны и не историчны.

[4] Второй круг вопросов, более тесно связанный с синтаксическими процессами в истории форм ср. степени, предполагается рассмотреть в отдельной статье.

щая образованиям, с одной стороны, с суффиксом -*jьs* (один тип), и, с другой стороны, с суффиксом -*ějьs* (другой тип). Так, тип с суффиксом -*jьs* объединяет формы двух разновидностей основ: 1) формы с основой им.-вин. п. ед. ч. м. и ср. р. (в ср. р. выступает вариант суффикса -*jes*): *мьнии* (муж. род.)[5], *мьне* (ср. р.) и 2) формы с основой косв. п., распространенной посредством *j* в составе суффикса *-jo* для м. и ср. р. и *-ja* для ж. р. Так формировалась основа им. п. ед. ч. ж. р. и основа косв. п. всех родов: *тьп-jьs-j*>*тьп'ьš-*, откуда основа *мьньш-*. Аналогично этому тип с суффиксом -*ějьs* также объединяет формы 1) с основой (условно) им.-вин. п.: dobr-ějьs>dobrěi, откуда форма им. п. м. р. *добрѣи*; dobr-ějes>dobrěje, откуда форма им. п. ср. р. *добрѣк*; и 2) с основой (условно) косв. п.: *dobr-ějьs-j-*, откуда основа им. п. ед. ч. ж. р. и основа косв. п. *добрѣйш-*.

Вопрос о изучении форм ср. степени с точки зрения судьбы двух исторически различавшихся разновидностей образования (с суффиксом -*jьs* и *-ějьs*) в русском языке ни разу не ставился ни в одной из работ, посвященных формам сравнительной степени. Между тем, как известно, в современном русском языке все существующие способы образования форм ср. степени по своим формальным приметам до сих пор сохраняют связь с этими двумя типами образования; так, несогласуемые формы на *-ее* (*белее*, *скорее*) и согласуемые формы с суффиксами *-ѣйш-*, *-айш-* (*быстрейший*, *ближайший*) имеют формальные приметы, связывающие их с разновидностью образования с суффиксом -*ějьs*; несогласуемые формы на *-е*, *-ше* и согласуемые формы с суффиксом *-ш-* связываются по формальным признакам с разновидностью с суффиксом -*jьs*. Однако не нужно забираться далеко в глубь веков для того, чтобы убедиться в том, что имеющееся в современном русском языке, распределение материала основ качественных прилагательных и наречий между двумя разновидностями образования не является исконным. Уже обращение к материалу произведений писателей XVIII—XIX вв. говорит о том, что нормы распределения основ между разновидностями образования были несколько отличными от норм современного русского языка; ср., например: однако я за тебя, государь, не пойду, хотя бы ты был *богатее* султана (Сумароков. Опекун); в сей день она себе назначила наряд, который был *простее* (Богданович. Душенька); творец мой! оглушил *звончее* всяких труб! (Грибоедов. Горе от ума); в нашем языке меньше и *тонее* суть неко-

[5] Форма *мьнии* или *мьньи* из тьп'-jьs имеет два объяснения: 1) тьпь (конечное *s* исчезает закономерно) испытала влияние аналогичной формы с суффиксом -*ějьs* (dobrěi), получив конечное *i* (тьпьi); далее ь ассимилировался следующему *i* (тьпїi), оставаясь редуцированным; 2) форма *мьнии* объясняется как подстановка соответствующей членной формы. Первое объяснение более распространенное, его можно найти у В. Вондрака. К. Бругмана, в работах А. А. Шахматова, А. М. Селищева. Второе принадлежит А. Лескину (Грамматика древнеболгарского языка. Казань, 1915, стр. 174).

торым образом сословы (Шишков. Собр. соч. и переводов). Чем древнее памятники русского языка, тем больше в них отличий от современного языка в отношении распределения основ между разновидностями образования. Кроме того, современный русский язык располагает рядом дублетных форм от одной основы, различающихся по значению (ср. *хуже* и *худее*, *старше* и *старее*) или по синтаксическому употреблению (ср. *больше*, *меньше*, *дальше* и под. и *более*, *менее*, *далее* и под.); происхождение этих форм до сих пор не исследовано.

При изучении судьбы двух разновидностей образования форм ср. степени необходимо прежде всего учитывать историю этих разновидностей образования на общеславянской почве. Наиболее распространенная теория по вопросу о их происхождении в славянских языках, теория Вайана-Селищева, связывает закономерности распределения односложных основ между этими разновидностями образования с различием интонации гласного корня[6]. Так, односложные неаффиксированные основы с гласной, имевшей нисходящую интонацию, образуют формы ср. степени с суффиксом -**jьs*, односложные основы с гласной, имевшей восходящую интонацию, образуют формы ср. степени с суффиксом -**ějьs*. Двусло́жные основы и односложные основы, имеющие в своем составе суффиксальный элемент, образуют формы ср. степени только с суффиксом -**ějьs*. Хотя теория эта имеет ряд уязвимых мест[7], бо́льшая часть фактов подтверждает то, что связь между старой интонацией гласного корня и разновидностью образования форм ср. степени с суффиксами -**jьs* и -**ějьs* действительно имела место на каком-то этапе развития славянских языков. Однако тенденции, действовавшие некогда в оформлении этих разновидностей образования, уже к началу исторического периода письменности славянских языков в значительной мере оказались затемненными позднейшим воздействием аналогических факторов. Например, у ряда простых основ (без суффиксов) с гласной корня, имевшей нисходящую интонацию, формы ср. степени образуются с суффиксом -**ějьs*: *новъ*, серб. чак. nȏv, лит. naũjas, но *новѣкъ*, *сватъ*, лит. szveñtas, но *сватѣкъ*; *цѣлъ*, слов. cêl. (*ѣ* из краткого дифтонга *ǒi*), но *цѣлѣкъ*; *грубъ*, серб. *грȗб*, но *грубѣкъ*, *кривъ*, серб. *крȉв*, но *кривѣкъ*; *скупъ*, серб. *скȗп*, но *скупѣкъ* и др.

Наличие этих отклонений от первоначальных условий образования в языке старославянских памятников, а также наличие дублетных образований от одной основы (ср. *люштьшь* Мар. Ев., Мат. XII, 45 и *лютѣи* Супр. р., *оунѣкъ* Мар. Ев., Мат. V, 29 и *оуне* Супр. р.) без

[6] A. Vaillant. Le vocalisme des comparatifs slaves. Revue des études slaves, t. IX, f. 1—2. Paris, 1929 и Le comparatif slave en-*ějĭ*, там же, t. XI, f. 1—2. Paris, 1931; А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. II. М., 1952, §§ 107—110.

[7] См. замечания, сделанные мною в автореферате канд. дис.: С. В. Бромлей. История образования форм сравнительной степени в русском языке XI—XVII вв. М., 1954, стр. 4—5.

различия в значении объясняется тем, что в определенный период развития бóльшая часть славянских языков (в том числе болгарский и русский) утратила интонационные различия, которые в предшествующий период являлись базой для распределения двух типов образования форм ср. степени. В связи с этим уже в общеславянский период наметилась бóльшая продуктивность одной из разновидностей образования, именно, с суффиксом -**ějьs*, которая, видимо, еще до эпохи первых памятников славянской письменности выходит за рамки круга своего первоначального действия. Бóльшая продуктивность именно этой разновидности образования легко объясняется тем, что и в соответствии с первоначальными отношениями она была представлена гораздо более широким кругом основ, чем разновидность с суффиксом -**jьs*, которая включала в себя только образования от простых (неаффиксированных) основ с нисходящей интонацией гласного корня. Новообразования, которые, как правило, имеют аффиксированную основу, должны были поэтому иметь суффикс -**ějьs*. Следствием такого перевеса образований с суффиксом -**ějьs* еще в эпоху действия старых закономерностей в распределении формообразовательных средств явилось то, что с утратой интонационных различий образования с суффиксом -**ějьs* стали возможными и от основ, которые раньше могли образовывать формы ср. степени только с суффиксом -**jьs*. Это первоначальное взаимодействие разновидностей образования отражено, в частности, в памятниках старославянского языка. В дальнейшем, в ходе конкретной истории отдельных славянских языков взаимодействие разновидностей образования все усиливалось, входя в русло новых тенденций развития, складывавшихся в отдельных славянских языках.

Следовательно, для эпохи древнейших памятников славянской письменности образование форм ср. степени с тем или иным суффиксом уже не опиралось ни на какие живые закономерности языка и являлось, таким образом, лексически закрепленным за каждой отдельной основой. Следом того периода, когда сферы употребления суффиксов -**jьs* и -*ějьs* были разграничены в соответствии с первоначальными условиями, является тот факт, что противопоставление разновидности образования с суффиксом -**jьs* разновидности с суффиксом -**ějьs* в древнейших памятниках[8] имеет место только в пределах односложных или бывших односложных основ (в последнем случае имеем в виду русские полногласные основы), поскольку двусложные и многосложные основы искони были оформлены только суффиксом -**ějьs*, вследствие того, что подавляющее большинство из них включает в свой состав суффиксальные элементы большей или меньшей древности.

---

[8] Противопоставление это не полностью выдержано ввиду наличия ранних фактов обобщения суффикса -**ějьs*, отраженного уже в древнейших памятниках славянской письменности (см. выше).

Лексикализация словообразовательных средств неизбежно должна была стать причиной активного взаимодействия двух разновидностей образования форм ср. степени как двух словообразовательных моделей.

При наличии в языке синонимичных формальных средств возникающее взаимодействие между разновидностями образований часто идет по линии унификации в использовании этих средств. Унификация может выразиться или в полном вытеснении одной из разновидностей образования или в появлении тенденций к более четкому разграничению этих разновидностей. Во втором случае, если эти тенденции не связываются с дифференциацией по значению, унификация идет по линии формальных обобщений: по месту ударения, количеству слогов, конечному согласному основы или другим ее признакам. В основу взаимодействия между разновидностями образования форм ср. степени в русском языке легли, как будет показано ниже, эти последние формальные тенденции, хотя в отдельных случаях имела место и дифференциация по значению.

При изучении вопросов взаимодействия двух разновидностей образования особый интерес представляют односложные основы.

Переходя к изложению материала использованных нами памятников[9], сделаем некоторые замечания, касающиеся подачи материала.

Ввиду лексической закрепленности двух типов образования, история их, как двух словообразовательных моделей, прослеживается также дифференцированно, по каждой из односложных основ, т. е. основ того типа, внутри которого в древности только и было возможно противопоставление двух типов образования. Необходимость такого дифференцированного рассмотрения судьбы отдельных односложных основ диктуется большим количеством отклонений индивидуального характера от намечающихся в истории общих для отдельных групп основ тенденций. Эти отклонения связаны со значением отдельных основ, сферой бытования, фонетическим составом и другими причинами, которые часто, вопреки общим тенденциям, становятся определяющими в истории отдельных основ. Количественная неравномерность материала не позволяет в части случаев проследить полностью судьбу отдельных основ. Ср. степень является относительно редко встречающейся в речи категорией. Если при этом учесть неодинаковую употребительность ее в различных жанрах речи, — значительно большую употребительность в жанрах книжно-литературного характера, широко использующих разнообразные языковые средства, и гораздо более

[9] В настоящей статье вопросы, связанные с образованием форм ср. степени, излагаются как результат работы по этой теме над материалом более 70 памятников древнерусской письменности различных жанров, относящихся к периоду XI—XVII вв., а также над материалами картотеки Древнерусского словаря, хранящейся в Институте языкознания АН СССР. (См ук. выше дисс.).

ограниченную употребительность в жанрах деловой и бытовой письменности, характеризующихся скупым языком, изобилующим традиционными оборотами и формулами, — то неравномерность материала становится вполне понятной. Лучше всего в материалах представлены основы, обладающие более абстрактным значением. Это в первую очередь формы ср. степени, обозначающие временные (*прежде*, *старѣе*, *первѣе*), пространственные (*ниже*, *выше*, *ближе*, *дале*), количественные (*множае*, *мене*, *боле*) отношения, а также самые общие качественные оценки (*луче*, *хуже*, *добрѣе*, *зълѣе*). Употребительность форм ср. степени от основ с более конкретным характером значения в жанрах книжно-литературной речи связана в основном с возможностью использования их в переносном значении при описании качеств и свойств людей и при характеристике событий. В качестве примера таких основ можно назвать *тяг-* или *тяжък-*, *крѣп-* или *крѣпък-*, *льг-* или *льгък-*; *слад-* или *сладък-*; *твьрд-* и т. п.[10]. Эти же, а также другие, менее употребительные основы с узким объемом значения, типа *жид-(жиже)*, *рѣзък- (рѣзьчае)*, *рѣд- (рѣже)*, *глад- (глаже)* и т. п. в своем основном значении встречаются значительно реже, так как та сфера языка, в которой они наиболее употребительны, для изучаемого отрезка времени, в особенности первых веков письменности, беднее представлена в материалах.

Однако наличие во многих случаях соответствующих форм старославянского языка, с которым древнерусский язык в отношении образования ср. степени, как правило, обнаруживает сходство, а также судьба их в современном русском языке и диалектах дают возможность даже в случае недостаточности материала по отдельным основам представить в некоторой мере их судьбу в древнерусском языке. Общие же тенденции в образовании форм ср. степени, касающиеся целых групп и типов основ, вырисовываются на имеющемся материале вполне определенно.

Остальные основы ср. степени — дву- и многосложные, включающие суффиксальные элементы разной степени древности, — рассматриваются суммарно с выделением лишь отдельных групп основ (с определенными аффиксами), имевших особую судьбу в истории русского языка в отношении образования форм ср. степени.

При изложении материала, относящегося к той или иной односложной основе ср. степени, по мере необходимости при наличии соответствующего материала приводятся: а) основа положительной степени соответствующего прилагательного или наречия (в случаях, когда основа ср. степени несоотносительна с основой положительной степени или в современном языке соответствующая основа ср. степени вышла

[10] Ср. примеры подобного употребления: старость велми *крѣпльши* есть уности (Алекс., I, 25); житіе мое *лъжае* есть текущаго (Библ. Генн., 1499); гнѣвъ безоумънааго *тяжии* обоеи (Панд. Ант., XI в.); Память моа *слажьши* медоу (Изб. Свят., 83б); кременѣ *твьржии* и мѣди *сильнѣи* (См. мин., 95).

из употребления); б) указания на тип образования ср. степени в старославянском языке (всегда по мере наличия материала); в) указания на тип образования ср. степени в других славянских языках (при наличии колебаний в типе образования ср. степени как в древнерусском языке, так и в старославянском, или при отсутствии показаний старославянских памятников).

Если в материале на данную основу представлены примеры, характеризующие образование от нее форм ср. степени по обоим типам, то эти примеры даются отдельно по каждому типу.

Условно типы образования определяются как «тип образования с суффиксом -**jьs*» и «тип образования с суффиксом -**ějьs*». Такая формула удобна для обозначения всей совокупности признаков, связанных с целым типом образования. Ввиду происходивших в истории языка взаимодействий между типами образования, проявлявшихся, как будет показано, не только в возможности оформления одной и той же основы и по одному и по другому типу образования с сохранением для каждого из них всех типических признаков (например, *хуже — хужьший* и *худѣе — худѣиший*), а также, на более позднем этапе, и во взаимодействии отдельных морфем, признаки которых характеризовали некогда определенный тип образования (например, *ниже — нижьший*, но и *нижае — нижайший*, тогда как закономерным по типу с суффиксом *-ějьs* было бы *низѣе — низѣиший*), такое деление по типам образования иногда оказывается в значительной мере условным. Однако эта условность неизбежна и даже удобна для выявления закономерностей взаимодействия типов. Она проявляется в том, что за признак образования того или иного типа принимается суффиксальный элемент (восходящий к -**jьs* или -**ějьs*), а не признаки, характеризующие основу. Поэтому, например, форма *нижайший* помещается в тип с суффиксом -**ějьs*, хотя основа *ниж-* в ней восходит к образованиям другого типа. Аналогичным образом классифицируется материал и в других случаях; например, форма *крѣпьше* помещается в тип образования с суффиксом -**jьs*, а *крѣплѣи* в тип образования с суффиксом *-ějьs*, хотя основы в каждой из них (*крѣп-*, *крѣпл-*) соответствуют противоположным типам образования.

Материал древнерусских памятников, иллюстрирующий каждый из типов образования ср. степени от данной основы, располагается по следующей схеме:

нечленные формы[11] — а);
членные формы — в).

Выделение этих двух рубрик обусловлено наличием для многих основ существенных различий в образовании членных и нечленных форм ср. степени.

[11] Здесь помимо нечленных форм помещены также и наречные формы, которые выделяются отдельным абзацем лишь для основ, где наречное употребление требует особых оговорок.

Данные об образовании форм ср. степени в старославянском языке извлечены из текста Мариинского Четвероевангелия, изданного И. В. Ягичем (и приведенных в этом издании вариантов из других евангелий), а также из работ А. Вайана, А. М. Селищева, И. И. Срезневского. Данные об образовании форм ср. степени в других славянских языках извлечены из труда Ф. Миклошича «Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen», B. II, Wien, 1875.

Варианты к формам ср. степени, приведенные в Галичском Четвероевангелии из других русских евангелий, даются с сохранением сокращений этого издания.

Отдельные этимологии приводятся по Э. Бернекеру и А. Г. Преображенскому [12].

I. ОБРАЗОВАНИЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ ОТ ОДНОСЛОЖНЫХ ОСНОВ

1. Основы на задненебные согласные

Основа *благ-*, *болог-*. Ср. старослав. błažaje (по Миклошичу), *блаже* (Селищев, Старослав. яз., стр. 133).

В памятниках древнерусского языка отмечено образование ср. степени только по типу с суффиксом *-*ějьs*:

а) *блажейшю* (Ефр. Крм., 709); *блажаѥ* (Хр. Георг. Ам., 99а); *блажейше* (Библ. Генн.); *блажѣиша* (Иос. Флав., кн. 2., VII); *блажаиши* (ВМЧ, сент. 14—24); *блажайше* (Гражд. об. дет., 52);

б) *блажайшая* (Савв. Звн., 48 г.).

Формы ср. степени от основы *благ-* носят характер старославянизма и встречаются в основном в памятниках, связанных с церковнославянской традицией. Эта основа рано выходит из употребления в книжном языке; в значении 'праведный', 'благоверный' она уступает место основе *блажен-;* в значении же 'хороший' с ней издавна конкурируют основы *добр-* и *лу[ч]- (добрѣе, лоуче).*

Основа *наг-*. Образование ср. степени представлено лишь двумя примерами из одного памятника по типу с суффиксом *-*ějьs:*

нажѣѥ (Хр. Георг. Ам., 272, сп. XIII—XIV вв.); *нажѣи* (там же, сп. XV в.).

Основа *дорог-*, *драг-*. Ср. образование ср. степени в других славянских языках (по Миклошичу): serb. draži, oserb. dróžši, nserb. droši, čech. dražši, nsl. dražji, klrus. dorožšyi.

Материал древнерусских памятников:

От основы *дорог-*. По типу с суффиксом *-*jьs:*

а) *дороже* (Лож. отр. кн., сп. XVI в.; Дон. дела, II, 291; Курб., 120; Кугорн, Нов. креп., 1709; Птр., IV, 454; Катош., VII, 94).

---

[12] Сокращения наименований указанных источников см. в списке сокращений (в конце статьи).

По типу с суффиксом -**ějьs*:

а) *дарожея* (Пис. подметн., 1701 г.).

От основы *драг-*.

По типу с суффиксом -**jьs*:

а) *дражъша* (Сб. Свят., 15а); *дражьша* (Сл. мин., сент., 3б—4а); *драгъши* (Лавр. лет., 80); *драже* (ВМЧ, окт. 4—18).

По типу с суффиксом -**ějьs*:

а) *дражѣе* (Библ. Генн.); *дръжайши* (Твер. лет., 980 г.); *дражейша* (Соф. врем., 1430); *дражіе* (Алекс., 189); *дражайши* (Дом., к, сп. XVI в.); *дражая* (АК., X, — пис., 1714 г.); *дражае* (Мат. ист. АН, т. I, 6); *дражае* (Кн. земл., 66 об.).

б) *дражаишимъ* мраморо (Библ. Генн.); *дражайшому* (субст.) (Жит. Ал. Нев., сп. XVI в.); *дражаишїе* вина (Курб., 141); *в дражайшемъ* металѣ (Птр., II, 456); *дражайшаго* пана (Переп. Птр. с Екат., 1718 г.); *дражайшее...* сокровище (Косм. 1670., 397); моя *дражайшая* (обращение) (Куп. Иоанн., 249); *дражайшыя* вещи (Арифм. Магн., Пред., 16); *надражаишею* кровію (там же, 270); *надражаишіе* крови (там же, 308).

Как видно из приведенного материала, основа *дорож-*, *драж-* известна в основном по поздним памятникам, причем интересно отметить, что русская и старославянская фонетические разновидности основы распределились очень четко по двум типам образования: основа *дорож-* по типу с суффиксом -**jьs* (типу более древнему), основа *драж-* по типу с суффиксом -**ějьs*. В памятниках, близких к живому языку, употребляются преимущественно формы с полногласной основой; членные формы от полногласной основы совсем не употребляются в противоположность неполногласной основе, от которой они довольно широко представлены в конце XVII—начале XVIII в.

Основа *дълг-*, *долг-* (см. также в разделе основ на сонорные согласные образование ср. степени от основы *дол-*).

Двоякое образование ср. степени данного корня известно и в других славянских языках. Ср. данные, приводимые Миклошичем: serb. duži, dulji, duglji; čech. delši, dele, del, dýle, dyl; pol. dłuższy; oserb. dleši, dleje; nserb. dlejšy, dlej. В старосл. *длъжакъ* (Супр. р., 534[1] — см. Вайан, Руководство..., стр. 163).

Древнерусскому языку, начиная с древнейших памятников, был свойственен от основы *дълг-* (*долг-*) только тип образования ср. степени с суффиксом -**ějьs*:

а) *длъжакъ* (Срезн. — Гр. Наз. XI в., 21); *длъжѣе* (Панд. Ант., XI в.); *должае* (ВМЧ, дек. 31); *должѣе* (Библ. Генн.); *должаиши* (там же);

б) *длъжайшая...* досаженіа (ВМЧ, сент., 1—3, сп. XV в.); к животу *дол'жайшему* (Брун., Толк. Псалт., сп. XVII в.); *должаишіи* путь (Курб., 329); въ памяти *должаишеи* (там же, 276);

вдвое шіршій и *должайшіи* ординарныхъ другіх людей (Систима, 30, 1722 г.); нощь *должаишая* (Календ. Брюса, 28, 1724 г.).

Ср. степень с основой *долж-* (*длъж-* [13]) рано выходит из употребления; к XVI—XVII вв. формы от данной основы употребляются только в членной форме в памятниках, главным образом отражающих возвышенно-книжную манеру речи. В том же значении все большую употребительность получает основа *дъл-*, *дол-* (*доле*, *дольше*), — см. в разделе основ с исходом на сонорные согласные.

Однако в народных говорах основа *долг-* продолжает существовать; правда, нам известны от нее лишь формы по типу с суффиксом *-*jьs* (формы *долже*, *должи*), возникшие, вероятно, по аналогии с формами типа *ближе*, *ниже*.

Основа *льг-*. Ср. *льга* (*не льга* — 'нельзя', 'не следует'), *льгота* — облегчение', 'освобождение'; прил. *льготный*, *льгыни* — 'польза'. *Льг-*, *лег-* как основа прилагательного в древнерусском языке отсутствует; прилагательное с данным корнем образуется от основы, распространенной суффиксом *-ък: льгъкой*.

Ср. степень в старославянском языке могла быть образована и с суффиксом *-*jьs* и с суффиксом *-*ějьs*, ср. lьžij и lьžaj (по Миклошичу); другие славянские языки также указывают на двоякое образование ср. степени от данной основы, ср. данные Ф. Миклошича: nsl. ložji, laglje при lagleji и ležeše; serb. läglji [14]; pol. lżejszy, lżei; oserb. ložši, ložo (нар.); nserb. l'azej, l'ašy.

В древнерусском языке образование ср. степени от основы *льг-* (*лег-*) полностью идет по типу с суффиксом *-*ějьs*. И. И. Срезневский отмечает лишь в некоторых списках одного памятника форму им. п. ед. ч. м. р. *льжии* (Никон. панд., сл. 6.).

а) *льжаѥ* (Пам. кан. пр., № 2, сп. XIII в., — 3 раза); *лъжае* (Библ. Генн.); *льжѣе* (там же); *льжѣе* (Сузд. лет. 297); *льжѣе* (Ак. Прем., II, 59а); *лъжее* (Срезн. — Ев. толк. Θеоф., XV в.);

б) *льжаи* троудъ (в др. сп. *льжии*) (Срезн. — Ник. Панд., сл. 6).

Приведенный материал свидетельствует о том, что формы ср. степени от данной основы известны в ранних памятниках или списках ранних памятников, не позднее XV в. Параллельная форма от основы, распространенной суффиксом *-ък*, известная уже по древнейшим русским, а также старославянским памятникам, постепенно вытесняет корневое образование (см. в разделе основ на *-ък*).

Основа *тѧг-*. Старосл. *тѧжьи* (Клоц. сб.). Ср. образование ср. степени от данной основы в других славянских языках (по Микло-

---

[13] Старославянская огласовка, свойственная старославянским памятникам ранней русской редакции, а также графический прием, использовавшийся в эпоху второго югославянского влияния.

[14] Формы с *l* возникли по аналогии с основами на губные (см. у Ф. Миклошича).

шичу): nsl. težji; serb. teži; čech. těžší, tiže, tiž; oserb. c'ežši, c'eši; nserb. s'eży, s'ežej.

Прилагательное положительной степени того же корня образуется только от основы *тяжьк- (тяжькый)*.

По типу с суффиксом -**jьs*:

а) *тѧжии* (Панд. Ант., XI в.); *тяжиѥ* (Срезн. — Прол. XIV в., сент. 27); *тѧжіи* (Библ. Генн.); *тяже* (ВМЧ., ноябрь 13—15); *тяжше* (Уж. изм., 22);

б) *тѧжьшиихъ* (субст.) (Срезн. — Ефр. крм., 134); *тяжии* (Срезн. — Жит. Феод. Студ., 38); ноужа *тѧшата* (Корм. Балаш., 148—149, XVI в.).

По типу с суффиксом -**ějьs*:

а) кыи грѣхъ ѥсть *тяжии*, ѥже судити ближьнему, что того *тяжиѥ* ѥсть (Срезн. — Прол. XIV в., сент. 27);

б) *тяжайшее* иноплеменных нашествіе (Евфр. С., 110).

В качестве варианта в Гал. Ч.-Ев. для основы *тѧж-* (во фразе: и оставісте *тѧжьшѧта* закона. соудъ. и мл̃сть и вѣроу, — Мат., XXIII, 23) приведена форма ср. степени вѧшьша. из Остр. Библ. Киев. изд. 1788 г. и Евангелий XV—XVII вв.

Основа ср. степени *тяж-* характеризует ранние памятники и рано выходит из употребления, вытесняемая параллельной формой от основы, распространенной суффиксом *-ък*, известной уже по древнейшим памятникам (см. в разделе основ на *-ък*), а также основой *тяжел-*, причем последняя более свойственна живому языку (см. в разделе основ с исходом на сонорные согласные).

Основа *лу*[ч]-. Л. А. Булаховский[15] вслед за Э. Бернекером (Sl. et. W., I, 743) связывает корень с глаголом *лучити*, рус. *получити*, *случиться;* А. Г. Преображенский (Этим. сл.) считает этимологию корня неясной.

Ср. старосл. *лучии*, *луче*, *лучши* (Клоц. сб., Мар. Ев., Савв. кн., Остр. Ев. и др.). И. И. Срезневский для старославянского указывает *лоучии*, редко *лоучай*, последний пример без указания источника.

Мы рассматриваем данную основу в разделе основ с исходом на задненёбные, так как *ч* в старославянском могло быть только из *к* (в данном случае из *к* перед следующим *j*). Ср. степень от данной основы не имеет положительной того же корня и является супплетивной формой к положительной степени *благъ* или *добръ* в древнерусском языке. Первая из них — *благъ*, как лексическое заимствование из старославянского языка, была вскоре вытеснена, вторая — *добръ* — была вытеснена позднее прилагательным *хороший* [16].

---

[15] Деэтимологизация в русском языке. «Тр. Ин-та русск. яз. АН СССР», I, 1949, стр. 181—182.

[16] См. С. П. Обнорский. Прилагательное *хороший* и его производные в русском языке. «Яз. и лит-ра», III, 1929, стр. 241—251.

По типу с суффиксом -*jьs*:

а) *лоуче* (Панд. Ант., XV в.; Сб. Свят., 173а); *лоучьши* (Остр. Ев., Мат., XI, 12); *лоучьи* (Гал. Ч.-Ев., Мат. XII, 12); *лоучии* (Усп. сб., рнє); *лоуче* (Кир. Тур., сл. XI, 91); *лучьши* (там же, сл. VI, 54); *лоучи* (Хр. Георг. Ам., 53в.); *лоучъши* (Серап. Вл., V, сп. XIV в.); *лоуче* (Новг. 1 лет., Син. сп., 1204; Лавр. лет., 127, 242 и др.; Ипат. лет., 6655 г.; Дом., и); *лучши* (Дом., зд; Тв. лет., 1139 г.) и др.;

лутче (Жит. Ал. Нев., сп. XVI—XVII вв.; Дом., ис; Авв., 59); *лутчи* (Курб., 212; Патр. лет., 1541 г.); *лутчи* (РИБ — акты, 1615 г.; Сл. Дан. Зат., Чуд. сп.; Пис. рус. гос., 1619; Урус. Залаз., сп. XVII в.);

лутши (Лавр. лет., 255; Курб., 204).

б) дьрзновениѥ *лоучьшее* (Сл. мин., окт. 54б); *лучьшихъ* мужь (Новг. 1 лет. сп. XV в., 945 г.); премѣните на *лучьшее* (Серап. Вл., II, сп. XIV в.); словеса *лоучьшаѧ* (Хр. Георг. Ам., 46в); *лучьшие* мужи (Лавр. лет., 54); *лучиѣ* бояре (там же, 45); *лучшее* платьѧ (Дом., лг); торгъ *лучшiй* (Хожд. за 3 моря, сп. XVI в.); *лучшiи* мужи (Твер. лет., 997 г.);

лутчихъ людей (Акты арх. эксп., № 281, 1571 г.); *лутчихъ* людей (там же, № 268, 1564 г.); волостнымъ крестьяномъ *лутчимь* среднимъ и молодчимъ (там же, № 243, 1555 г.); посадскимъ людемъ *лутчимъ* и среднимъ и молодымъ (там же, № 234, 1552 г.); и переславскiе рыболове, *лутчiе* и средніе и молодчіе люди (там же, № 242, 1555 г.); *лутчихъ* торговыхъ нѣмець (Р.-Л. акты, CCCXCVII, 1588 г.); *лутчихъ* людей (РИБ — акты, № 42, 1595 г.); *лутчiе* и молотчіе люди (там же, № 74, 1604 г.); *лутчее* мѣсто (там же, № 188, 1601 г.); *лутчее* (субст.) (там же, № 188, 1601 г.); *лутчие*... суды (там же, № 38, 1587 г.); *лѫтчие* люди (Дом., иа); посадники и бояре и *лутчiе* люди (Пск. 1 лет., 1510 г.); *лоутшѣи* моужѣ Киѧнѣ (Ипат. лет., 6654 г.); дроужина *лоутшаѧ* (там же, 6644 г.); *лутшии* мужи Смолнѧны (там же, 6676 г.); а *лутшии* мужи со собою поѧ (там же, 6660 г.).

По типу с суффиксом -*ĕjьs*:

Имеется единственный пример, приведенный у И. И. Срезневского: Самъ Бъ давъ законъ ѡмѣтаеть, а інъ даеть *лучѣиши* (Срезн. — Паис. сб. 53, кон. XIV—нач. XV вв., библ. С.-Пет. Дух. Ак.), а также в позднем списке один пример наречной формы, образованной по данной модели: Которая тварь создавшему лучше всего на земли? *Лутчей* всего на земли человѣкъ (Лож. отр. кн., Беседа 3-х свят., сп. XVII—XVIII вв.).

В старославянском языке помимо *лоуче* в том же значении употреблялись формы ср. степени *сулеиши, оуне (оунѣе) добрѣе:* кольми паче вы есте *лоучьше* птицъ (Мар. Ев., Лук., XII, 24) — вариант *сулѣиши* (Ник. Ев.); *оунѣе* сму би было аште би камень жрънювьны

възложенъ на выѫ его (Мар. Ев., Лук., XVII, 2) — вариант *добрѣе* (Зогр. Ев.).

Те же варианты встречаются и в русской письменности древнейшей поры, однако *луче* (*лучше* и другие формы) в русских памятниках представляет наиболее обычный вариант к формам *соулѣе*, *добрѣе*, *оуне* (*оунѣе*). Ср. примеры: *добрѣѥ* (Гал. Ч.-Ев., Марк, IX, 45) — вариант *лоуче* (Ев. Добр., 1164 г.); *оуньши* (Гал. Ч.-Ев., Мат., VI, 26) — вариант *лоучьши* (*-ше*) (Остр. Ев., Арх. Ев., 1092 г., Нов. Зав. св. Ал.); *соулѣе* (Гал. Ч.-Ев., И., IV, 52) — варианты *лѫче* (Мст. Ев., XII в.); *лоучше* (Нов. зав. Кут. 1652 г., Брест. Ев., XV в., № 2). На русской почве частый вариант к *луче* — форма *легчае*; так, например, она выступает в большей части евангелий XV—XVII вв. Чисто русской, видимо, диалектной формой, проникшей в письменность, является вариант, отражающий полногласную основу *болог-* (ср. в старосл. *благ-*, ср. степень *блажае*), — *больжее* (Конст. Ев., 1388 г.). Наконец, следует отметить, что ср. степень от основы *луч-* выступает в качестве варианта к ср. степени от основы *лѣп-* (*лѣпше*), распространенной главным образом в памятниках, подверженных польскому влиянию (см. в разделе основ на губные согласные), так, например, она широко представлена в вариантах к форме *лѣпше* в Слове Даниила Заточника.

Как видно из примеров, характеризующих типы образования форм ср. степени от основы *лу*[*ч*]-, формы, приведенные на тип образования с суффиксом -**ějьs*, носят единичный и явно вторичный характер (ср. единичный пример наречной формы *лучей*[17] в сп. XVII—XVIII вв.).

Следует отметить сложные процессы фонетико-морфологического характера, выразившиеся в эволюции группы согласных *чш*, образовавшейся в исходе основы косвенных падежей в результате утраты редуцированного ь. Здесь нужно различать две стадии: 1) *тш;* 2) *тч*. Первая из них возникла, вероятно, в результате ложного «восстановления» конечного согласного основы положительной степени. Это легко заметить, сопоставив данное явление с аналогичными явлениями в области основ на зубные взрывные согласные (*т*, *д*) при образовании ср. степени по типу с суффиксом -**jьs*, — см. ниже такие образования, как *молодшей*, *молотшюю*, *худший*. Поскольку основы на *к* представлены очень малым количеством случаев (см. далее основу *мяк-*, рано вышедшую из употребления, и старосл. *пак-*), то при отсутствии соотносительной (того же корня) основы положительной степени в данном случае происходит ложная этимологизация основы на зубной в виде *лут-*. Вторая стадия — *тч* — свойственна главным обра-

[17] Формы подобного типа рассматриваем как один из видов позднего взаимодействия наречных форм, образованных по типу с суффиксом -**jьs* (типа *луче*, *выше*, *круче*, *вяще*, *шире*) с формами, образованными по типу -**ějьs* (*лютѣе*, *пустѣе* и под.), при сохранении места ударения, свойственного первому типу (т. е. на основе) при дальнейшей редукции до полного исчезновения конечного заударного *е*: *луч'еје* > *луч'ej*.

зом живой народной речи (ср. наличие этих форм в основном в документах деловой письменности, близких к живому языку, примерно с середины XVI в.). Основой процесса является, видимо, фонетический путь развития сочетания *тш* в *тч*, который в народном языке имеет место и в других морфологических категориях (например, в деепричастиях типа *пришотшы* > *пришотчи*). Однако характерно, что именно этот фонетический вариант связывается в изучаемой основе с членными формами, которые употребляются преимущественно в сочетаниях *лутчие мужи*, *лутчие люди* и обозначают людей из среды городского, главным образом торгового населения, зажиточных, известных, пользующихся уважением, почетом. Нам представляется вероятным, что закреплению этого варианта основы за членными формами в данном значении, где сравнительность совершенно утрачена и форма выступает как специальный термин в применении к определенной категории лиц, способствовала аналогия с продуктивным в древнерусском языке типом образования прилагательных с суффиксом *ч*, обозначающих деятеля, — ср., например, *кормчий*, *стряпчий*, *певчий*, *ловчий*, *зодчий* и т. п. Укрепление в указанных членных формах варианта основы с исходом на *тч* поддержало в письменности этот же вариант основы в неизменяемых формах ср. степени, который существовал наряду с вариантом на *тш*: *лутче* стало более употребительно в памятниках, чем *лутше*.

С этой точки зрения интересно привести материал из Домостроя, где встретилось 6 случаев употребления членных форм, причем 5 из них относятся к предметам и выступают в значении интенсивно проявляющегося признака ('очень хороший', 'самый хороший'); все они имеют основу с исходом на *чш:* и *лучшее* платьѧ всегда бы было в сѹпдѹкѣхъ (лг); ино *лучшее* платенко верьхнее и нижнее... блюсти (кв); плае берегутъ оу собѧ *лѹчшее* (кв); где быти ино в *лѹчшемъ* платьи (кв); а в одном случае, относящемся к характеристике определенной социальной группы людей, встречаем основу с исходом на *тч:* а *лѹтчие* люди которые торгую тѣхъ гдрь в столѣ оу себѧ сажае (на). См. аналогичные явления, связанные с основой *молод-*.

Основа *мѧк-*. В старосл. и других славянских языках прилагательные и ср. степень корня *мяк-* образуются только от основы, распространенной суффиксом *-ък* (ср. старосл. *мѧкъкый* — *мѧкъчаи*). Древнерусские памятники дают единичные примеры образования ср. степени от основы, не распространенной суффиксом *-ък*. Соответствующее прилагательное положительной степени того же корня здесь также отсутствует.

По типу с суффиксом *-*jьs:*

б) *мѧчии* (субст.) (Срезн. — Жит. Феод. Ст., 124, XIII в.); *мѧчьшимь* былы (Срезн. — Гр. Наз. с толк. Ир., XIV в.); *мѧчшими*... цѣлбами (Кормч. Балаш., 153², XVI в.).

Основа ср. степени *мѧч-* в древнерусском языке рано вышла из употребления, будучи вытеснена параллельной формой того же корня, распространенной суффиксом *-ък*, известной уже в ранних древнерусских памятниках, а также в старославянских (ср. *мѧкчаиша* — Супр. р., 118[20] — см. Вайан, Руководство, стр. 162).

Основа *пак-*. Ср. старосл. наречие *паκы* в значении 'очень', 'еще'. Ср. степень *паче* употребляется только в неизменяемой форме в значениях 'больше', 'лучше', 'скорее', 'выше', а также без значения ср. степени: 'гораздо', 'еще', 'сверх' (см. Срезн.).

В древнерусской письменности наречие ср. степени *паче* носит характер старославянизма и употребляется очень обильно в памятниках религиозного содержания (Остр. Ев., Сл. Мин., Злат. XI в., Панд. Ант., XI в., Усп. сб., Кир. Тур., Сл. Ипп. и др.), в житийной литературе (Жит. Ал. Нев., Авр. Смол., Жит. Стеф. Перм. и др.) и других жанрах древнерусской литературы, подверженной церковной традиции (Сл. Дан. Зат., Сказ. об Инд. Цар., Пов. об Азове, Девг. деян. и др.), а также в летописях, главным образом в тех местах, где летописцы прибегают к возвышенному слогу в соответствии с содержанием излагаемых событий.

Ср. примеры употребления: любы *паче* всѧкого похотѣния въ дш҃и твоѥи (Сл. мин., окт., 18 об.); Всего же *паче* субогы не забываите (Лавр. лет., 245); чтѧше же *паче* мѣры іерѣискыи и мнишьскыи чинъ (Сузд. лет., 152); и украси ю *паче* инѣхъ цр҃кви (Ипат. лет., 6669 г.) и мн. др.

Основа *лих-*. Ср. старосл. *лишии*, *лише*, *лишьши* (Супр. р., Савв. кн., Мар. Ев., Остр. Ев.)

а) *лишьшоу* (Панд. Ант., XI в.); *лише* (Сб. Свят., 99а); *лишьши* (Изб. Свят., 105); *ліше* (Гал. Ч.-Ев., И., X, 10); *лише* (Лавр. лет., 49; Акты арх. эксп., № 9; Жит. Стеф. Перм., 111); *лишшоу* (там же, 102); *ліше* (Авр. См., I, 7); *лишше* (Лож. отр. кн., сп. XVII в.).

б) *лишии* людье (Срезн. — Грам. Риж. ок. 1300 г.); Много въ Новъгородъ бѣлки *лишеи* было добре (Срезн. — Новг. 2 лет, 1586 г.); *Лишшее* тщася утвердити (М. Гр., I, 172); *Лишшій*: выборный, ѡсобли́вый, збы́тній, непотре́бный (Павма Берында, Лекс.).

Следует заметить, что из числа значений, указанных И. И. Срезневским для прилагательного *лихый* (*-ой*)[18], значение форм ср. степени той же основы корреспондирует лишь со значениями 'лишний' (вернее 'излишний'), 'бо́льший' и 'чрезмерный'. Ср., например: ѥгда сърѧчеши ближьнѧго почьсти и *лише* мѣры (Сб. Свят., 99а); подаваaху ему на потребоу и *ліше* потребы (Авр. См., I, 7); помню *лишшоу*, юже имѣ ко мнѣ, любовь (Жит. Стеф. Перм., 102). Ср. также наличие ср. сте-

[18] 'Лишенный', 'лишний', 'бо́льший', 'чрезмерный', 'печальный'='дурной', 'злой'='дурной'.

пени с основой *лиш-* в качестве варианта к ср. степени *больше* в фразе: сїи прїмоуть осуженьк *больше* (Гал. Ч.-Ев., Лук., XX) — *лiше* (Нов. Зав. св. Ал.); *лишее* (Конст. Ев. 1383 г. и Ев. XV—XVII вв.). Отрицательного характера значения ('печальный'='дурной', 'злой'='дурной') представлены в значении ср. степени редко, они явно более связаны с народной речью. Ср., например: будуть тобе, кнѧжо, *лишии* люди тую думу повѣдали (Срезн. — Грам. Риж., ок. 1300 г.).

В поздних литературных памятниках эта основа совсем не употребительна (ср. также отсутствие ее в современном литературном языке).

Основа *сух-*. Старосл. *соушаи* (в памятниках старослав. редакции), см. Вайан, Руководство, стр. 162.

В общих материалах имеются примеры образования ср. степени от данной основы только по типу с суффиксом -**ějьs*:

а) *сушеиши* (Хр. Георг. Ам., 184 г.); *сушае* (Кн. земл., 116 об.);

б) *сушайшаѧ* ровы (Сл. мин., сент., 73а); *сушáйшагѡ* (Скриж., IV, 110).

Основа *тих-*. Для старославянского языка форма tišajĭ приведена у А. Вайана[19]. В других славянских языках (по Миклошичу): serb. tiši; čech. tissi; pol. ciszsy, cichszy.

В материалах древнерусских памятников:

По типу с суффиксом **-jьs:*

а) *тише* (ДАИ, V, 1668—1669 гг.; Пох. жур., 37; Птр., VII, 127—128).

По типу с суффиксом -**ějьs:*

а) *тишае* (Спафарий, Китай);

б) *тишайшего...* царя (Акты юр., № 55, 1676 г.); *тишайшего...* государя (Авв., 464).

Число основ ср. степени на задненебные согласные в русском языке незначительно. В наших материалах их оказалось всего 12.

Особенностью в образовании ср. степени от основ на задненёбные является наличие чередования задненебного с шипящими, характеризующее оба типа образования (с суффиксом -**jьs* и -**ějьs*), поскольку как перед *j*, так и перед *ě* результат смягчения задненебных был одинаков. Это обстоятельство как будто бы должно было облегчать взаимодействие между двумя типами образования от таких основ. Однако оно представлено очень скудно, почти всегда единичными примерами из относительно поздних памятников (не ранее XIV в.); лишь в одном случае наблюдается сосуществование двух типов образования, но оно связано фактически не с одной, а с двумя основами: полногласной — русской и неполногласной — старославянской по происхождению (*дорог-* и *драг-*).

Отсутствие широкого взаимодействия двух типов объясняется особой судьбой многих форм ср. степени, образованных от основ на задненебные согласные, бóльшая часть которых очень рано вышла из

[19] A. Vaillant. Le comparatif slave en *-ějĭ*.

употребления, еще до начала наиболее интенсивных процессов взаимодействия между типами образования форм ср. степени. Если не учитывать основ *блаж-* и *пач-*, вытесненных ввиду их чужеродности для русского языка, то из числа основ на задненебные продолжают существовать лишь основы *дорож-*, *суш-*, *тиш-* и *луч-* (в ее разновидностях). Остальные в относительно раннее время перестают употребляться, заменяясь обычно вариантами однокоренных образований. Это относится к основам *долг-* (ср. совр. *дольше* от основы *дол-*), *льг-* (ср. совр. *легче* от основы *льгък-*), *тяг-* (ср. совр. *тяжелее* от основы *тяжел-*), *мяк-* (ср. совр. *мягче* от основы *мякък-*). Следует также отметить, что в конечном счете у всех сохранившихся в употреблении основ ср. степени, восходящих к основам на задненебные, несогласуемые формы ср. степени образуются по модели с суффиксом *-*jьs* (ср. *дороже*, *лучше*, *суше*, *тише*). Последние две основы (*суш-*, *тиш-*), как показывают материалы памятников, первоначально выступали с суффиксом *-*ějьs*. Данные, указывающие на переход этих основ в тип с суффиксом *-*jьs*, относятся в наших материалах к поздним памятникам: форма *тише* зафиксирована в памятниках деловой письменности (ДАИ, V, 1668—1669; Птр., VII, 127; Пох. журн., 37), для основы *суш-*, видимо, случайно, материала не оказалось.

Формы типа *сушае*, *тишае* рано выходят из употребления, и те из них, которые встречаются в поздних памятниках, принадлежат, видимо, влиянию норм диалектной речи. Позже, в эпоху оформления норм литературного языка, они оказываются в нем совершенно вытесненными. В литературном языке закрепление этого типа образования от основ на задненебные проявляется лишь в возможности употребления членных форм типа *тишайший*, *сушайший* с особой стилистической окраской. Со второй половины изучаемого периода эти образования с суффиксом *-айш-* становятся продуктивными, распространяясь на основы, первоначально шедшие по другому типу образования (ср. *тяжайшее*, — Ефр. С., 110). Влиянию этих форм обязаны своим происхождением и формы *нижайший*, *ближайший* от основ на зубные (*низ-*, *близ-*), имевшие также первоначальный тип образования с суффиксом *-*jьs* (*ниже*, *ближе*, *нижьши*, *ближьши* и др. — см. в основах на зубные).

Несмотря на относительно ограниченное число бывших основ на задненебные, которые сохранились в качестве основ ср. степени в русском языке, они имеют большое значение в истории образования форм ср. степени вообще. Наличие у них в обоих типах образования закономерно представленной основы на шипящий (т. е. наличие наряду с *дорож-е*, *лиш-е* также форм *блаж-ае* (*-ѣе*), *суш-ае* (*-ѣе*) и соответствующих им членных форм на *-айш-* или *-ѣйш-*) при отсутствии такого единообразия исхода основ в двух типах образования ср. степени от основ на зубные (ср. *ниж-е*, но *борз-ѣе; хуж-е*, но *тверд-ѣе; короч-е*, но *лют-ѣе; выш-е*, но *лыс-ѣе; толщ-е*, но *чист-ѣе*) открывало и для этих последних возможность обобщения шипящего в исходе основы

для обоих типов образования, а также облегчило и другие виды взаимодействия этих типов. Как будет видно из следующих разделов, различные виды взаимодействия широко осуществлялись в истории основ ср. степени.

Фонетически возникшее в формах типа *блажае*, *тишае* суффиксальное *а* (из *ē* суффикса -**ējĭs* в положении после шипящего)[20] уже на почве старославянского языка вытеснялось в формах ср. степени посредством *ѣ* и его замен под воздействием форм типа *добрѣе*, *старѣе*. Эта замена как явление позднее, — того времени, когда *ѣ* уже не переходило в *а* после шипящих[21], — для форм ср. степени отмечается А. М. Селищевым в старославянском языке (для Мар. Ев. и Савв. кн.). В древнерусских памятниках, примерно до XV в. включительно, это явление также находит отражение. Ср. примеры: *должѣе* (Панд. Ант., XI в.); *множѣишаꙗ*, *множѣѭ* (Гал. Ч.-Ев.); *сушеиши* (Хр. Георг. Ам., Сп. XIII—XIV вв.); *нажѣѭ* (там же); *льжѣе* (Суздал. лет., Ак. Прем., II, 59а; Библ. Генн.); *блажѣише* (там же); *должѣе* (там же); *блажѣиша* (Иос. Флав., кн. 2, VIII); *нажѣи* (Хр. Георг. Ам., сп. XV в.); ср. то же явление в аналогически возникших формах от основ на задненёбные: *дражѣе* (Библ. Генн.); *лучѣиши* (Срезн. — Паис. сб., 53, XV—XVI вв.); *дражіе* (Алекс.); *дражеиша* (Соф. Врем.); *дарожѣя* (Пис. Подм., 1701 г.); то же явление находит место и в аналогически образованных формах от основ на зубные: *ближѣиших* (Срезн., — Ефр. Крм., Крф., 120); *хуждіе* (Посл. еп. Сим. Влад., XV в.); *вышеиши* (Ипат. лет., 6683, по сп. Х. и П.); *вышее* (Пам. отр. лит., II сп. XVII в.); *хужее* (Птр., I, 795).

Начиная с XVI в. формы с гласной *ѣ* (*е*, *и*) почти не встречаются в памятниках книжно-литературного характера. Многочисленные членные формы, употребительные в поздних памятниках, имеют после шипящих лишь суффикс *-айш-* (ср. выше материал на основы *драг-*, *долг-*, *сух-*, а также приводимые ниже в разделе основ на зубные согласные членные формы от основ *низ-*, *близ-*). В связи с начавшейся нормализацией языка суффикс *-ѣиш-* после шипящих становится в жанрах, которые отражали книжно-литературный стиль речи, совершенно неупотребительным.

Вследствие процессов, имевших место в области ударения в формах от односложных основ, образованных по типу с суффиксом -**ějьs*, формы на *-ае* после шипящих стали возможными в позднейшее время только при условии наличия ударения на гласном суффикса. Однако формы от основ, первоначально принадлежавших к типу образования с суффиксом -**jьs* (ср. формы *вышее*, *хужее* вм. исконных *выше*, *хуже*),

---

[20] См. А. М. Селищев. Старославянский язык, §§ 134 и 173.

[21] Процесс изменения *е* в *а* в этом положении в историческую эпоху славянской письменности как фонетический уже не действовал; ср. сказанное по этому поводу: П. С. Кузнецов. О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке. «Изв. АН СССР. Отд. лит-ры и яз.», т. XI, вып. 1, 1952, стр. 66.

часто выступают с суффиксом *-ѣе* (*-ее*), что объясняется, видимо, сохранением в них ударения на основе, свойственного первоначальному типу образования[22]. По говорам, где различные процессы обобщения протекают свободнее, эти формы известны также с ударением на суффиксе.

2. Основы на зубные согласные

1) Основы на зубные фрикативные согласные

Основа *близ-*. Ср. старосл. ср. степень *ближии* (см. Вайан, Руководство, стр. 163). Прилагательное положительной степени того же корня образуется от основы, распространенной суффиксом *-ък: близък;* ср. также наречия *близу, близъ:* Егда же *близу* быхом... (Курб., 194).

По типу с суффиксом *-*jьs*:

а) *ближе* (Злат., V, стр. 66; Ак. Прем., III, 4; Лавр. лет., 133; Хр. Георг. Ам., 387 г.; Ипат. лет., 6686 г.; Воскр. лет., 1149 г., 1150 г.; РИБ — акты, № 188, 1601 г., № 141, 1625 г.; Юр. акты № 65, IV, 1679 г.; Суд. Ив. IV, 1550 г., сп. XVII в.; Птр., VI, 128; там же, VII, 167 и др.); *ближше* (Авв., 605; Кугорн, Нов. креп.; Мат. Ком. Ул., 43); *близши* (Срп. Н., 25, XVI в.);

б) *блйжшіи* (Сим. Пол., Бес.); *ближшія* (Мат. Ком. Улож., 43).

По типу с суффиксом *-*ějьs*:

а) *ближайше* (Авв., стр. 600); *ближайши* (Курб., 241); *ближее* (нар.) (Пос., Отеч. Поуч., 41); *ближая* (нар.) (Дем. Летавец, 613); *ближей* (нар.) (Птр., IV, 20; там же, VII, 467); *ближае* (Арифм. Магн., Пред., 12);

б) *ближѣишихъ* избирати (Срезн. — Ефр. Крм., Крф., 120); *ближайшіе* (Курб., 186).

Как видно из приведенного материала, первичный тип образования ср. степени от данной основы — с суффиксом *-*jьs*. Взаимодействие с типом с суффиксом *-*ějьs* (всегда при сохранении шипящего в основе) осуществляется лишь в поздних памятниках и закрепляется в истории литературного языка в виде членных форм, образованных по этому типу и до сих пор употребительных в литературном языке. В противовес этому, членные формы в типе с суффиксом *-*jьs* не получили развития, тогда как несогласуемая форма ср. степени возможна только по этому типу.

Основа *выс-*. Ср. старосл. *выше* (нар.): посади *выше* (Мар. Ев.); *вышен* (Супр. р.).

Прилагательное положительной степени образуется только от основы *высок-*.

Повсеместно в памятниках, без различия времени их написания и жанровой приуроченности, употребляется форма наречия ср. степени *выше*. Отмечено также употребление приставочных форм наречия:

[22] См. С. В. Бромлей. К истории места ударения в формах сравнительной степени в русском языке. «Докл. и сообщ. Ин-та яз. АН СССР», вып. 8. М., 1955.

повыше (Хожд. Стеф. Новг.; Дух. дог. гр., 1401 г.; Авв., 847; Юр. акты, № 93, II, 1674 г.; Пск. 1 лет., 1568 г. и др.);

возвышѣ (Пут. Ант. Новг., 5 г.; Пут. иг. Дан.);

превыше (Пут. иг. Дан.).

Нечленные формы в предикативном употреблении этого типа образования также не имеют жанровой приуроченности:

выший (Сб. Свят., 225а); *вышьши* (Хр. Георг. Ам., сп. XIII—XIV вв.); *вышьше* (Ипат. лет., 6660 г.); *вышше* (Лож. отр. кн., сп. XV в.); *сышши* (Курб., 244); *вышше* (Сим. Пол., 61—62); *вышши* (Авв., 629);

прѣвышии (Сб. Свят., 26а);

вышеши[23] (Пам. отр. лит., т. I, VIII, сп. XIV в.); *вышеши* (Ак. Прем., II, 12).

б) *вышьшиꙗ*... мчнца (Усп. сб., p̄si); *вышии* (там же, p̄ꙁ); *вы́ш'шимъ* оумомъ (Жит. Стеф. Перм., 111); *вышии* град (Срезн. — Цар. з. III, 3 по сп. XVI в.); на *вышшемъ*... мѣстѣ (АИ, IV, 1667 г.); *вышшая* святыня (Авв., 692); *вышій* (Арифм. Магн., 288); на *вышшемъ* горизонте (Кугорн, Нов. креп., 161);

по *выщей* мѣрѣ (Птр., II, 223); *превыщее* (Жит. Ал. Нев.);

высшее христьянство (там же, 1438 г.);

навышшему королю (Р.-Л. акты, 1517 г.); *навышшаго* короля (Патр. лет., 1514 г.).

По типу с суффиксом *-*ějьs:*

вышаѥ (Срезн. — Io, Лѣств., XII в.); власть же сана *вышейши* (Ипат. лет., 6683, по сп. X. и П.); как *вышей* про детей боярских... написано (АИ, т. II, 1611 г.); слово божіе *вышее* хлѣба есть (Пам. отр. лит., II, XVII в.).

Первичный тип образования форм ср. степени от основы *выс-* — с суффиксом *-*jьs*. Как и для основы *близ-*, случаи оформления ее по типу с суффиксом *-*ějьs* (также всегда с сохранением шипящего в исходе основы) относятся к позднему времени и носят единичный характер. Членные формы этого типа совершенно не свойственны основе *выс-*, они образуются от основы, распространенной суффиксом *-ок* (*высочайший*). Члепные формы, образованные по типу с суффиксом **-jьs* (*высшии*), стали закрепляться в жанрах книжной речи в значении, близком к 'лучший', 'больший' и других специальных значениях, связанных с этими. В памятниках деловой письменности они не отмечены. Начиная с XVI в. в этих формах отражается «восстановление» согласного основы (ср. также форму *высший*, закрепившуюся в современной орфографии); это же явление отмечается и в остальных членных формах с основой на шипящий (ср. сказанное о форме *лутший* и др., о которых речь будет ниже). В этих формах положение свистящего перед шипящими обусловливает его ассимиляцию последующему шипящему, таким образом, «восстановление» основы носит по существу

[23] Формы типа *вышеши* рассматриваются ниже вместе с подобными формами от других основ (ср. *вящеший*, *хуждошее* и др.).

в этих случаях характер лишь графического проявления этимологических связей с корнем основы положительной степени (*высокий*). Написание *щ* в двух случаях вероятнее всего отражает мягкость двойного *ш*; считать написание *щ* опиской (вместо *ш*) трудно, так как во всех остальных случаях в членных формах графически всегда отражается наличие двух согласных (*шш* или *сш*, *зш*), а из этого следует, что написание *щ* есть отражение также двойного согласного, видимо, мягкого в произношении писавшего.

Основа *выс-* характеризуется в отличие от большинства других основ ср. степени возможностью употребления с приставками (*прѣ-*, *воз-*), усиливающими значение основы; эти формы характерны для памятников литературно-книжного характера и являются старославянизмами. Сочетание этих приставок именно с данной основой объясняется спецификой ее значения, служащего часто для выражения определенных качеств христианской добродетели, ср. примеры из Служебных миней 1096 г.: Херовимъ и Сѣрафима паки сѧ *вышьши*, бце (сент., 150а), *Прѣвышьшиꙗ* а҃нглъ на земли, дво (сент., 44б); ꙗко соуща *превышьша* родитель (сент., 65а) и т. п.

Эта же основа с приставкой *съ-* употребляется только в форме наречия: приꙗтъ *съвыше* бжию росоу (Сл. мин., 113б); и възмъ растъкохъ стжк часть *съвыше* и до низу (Син. Пат., XI—XII вв.); и подобіе тверди надъ главою ихъ *свыше* (Авв., 606).

Основа *крас-*. Ср. (по Миклошичу): čech. krašši, nsl. kračji, klrus. krasšyi, kraščyi.

Прилагательное положительной степени того же корня образуется от основы *красьн-*(*красьный*) со значением 'прекрасный', 'красивый', 'приятный': дъвою женоу *красьноу* (Усп. сб., рма); понеже бо мудра бѣ и *красна* зѣло (Ист. рус. ц., сп. XVI в.); *красная* царевна, *красна* и хороша (Урус. Залаз.). Ср. также более позднее *красивый*.

Основа *крас-* выступает только с суффиксом *-*jьs*:

а) *крашьша* (Жит. Андр. Юр., сп. XIII в.); *краше* (Лож. отр. кн., сп. XIV в.; Сим. Пс., ли; Авв., 78; Леч. № 3, 1672 г.; Сим., Посл.; Урусл. Залаз., сп. XVII в.).

Форма ср. степени от основы *крас-* носит в современном русском языке народный характер. В памятниках религиозного содержания, связанных с старославянской традицией, основа *крас-* или совсем не встречается или является ярким русизмом. Как нам кажется, именно с народным характером данной формы связано отсутствие аналогических образований от этой основы по типу *-*ějьs*, которые в позднее время получают распространение (особенно в эпоху второго югославянского влияния) в книжных жанрах письменности. В литературном языке основа *крас-* почти полностью стала неупотребительной. В нем можно наблюдать лишь наличие отдельных фразеологических сочетаний, вроде *краше в гроб кладут*, заимствованных, видимо, из народ-

ных говоров. Членные формы данной основы не получили в языке распространения.

Ср. широкое распространение формы *краше* в фольклоре, например:

как мой миленкой *краше* был краснова золота (Песни Квашн., 926, XVII в.);

Испостроился да тутъ-де Новъ городъ

Краше Кіева, *краше* Питера,

Краше матушки славной каменной Москвы (Печ. был., 183).

Основа *низ-*. Ср. в старосл. *ниже*: изби вьсѧ отрокы... ѿ двою лѣтоу и *ниже* по врѣмени (Мар. Ев., Мат., II, 16; Остр. Ев.); см. у Срезн. *низъ* — нареч. 'вниз', *нижение* 'смирение'. Прилагательное положительной степени образуется только от основы, распространенной суффиксом -*ък* (*низъкыи* 'малый', 'невысокий ростом', 'незначительный', 'ничтожный').

По типу с суффиксом -**jьs*:

а) *ниже* (Син. Пат., XI—XII вв.; Пам. кан. пр., № 52, XV в.; Жит. Ал. Нев., сп. XV в.; Дух. дог. гр., 1401 г.; Суд. Ив. IV, 1550 г.; Акты арх. эксп., № 201, 1544 г.; Юр. акты, № 41, III, 1605 г.; Авв. 489); *нижьши* (Иос. Флав., кн. I, XXXV, сп. XVI в.); *пониже* (Пск. 1 лет., 1524 г.; там же, 1568 г., Курб., 271);

б) *нижшимъ* чинамъ (Док. в Сенате, I, 1711 г.); *нижшым* (субст.) (Сим. Пол., Бес.); *нижшаго* (субст.) (Пос., Отеч. поуч.); *нижшую* часть (Арифм. Магн.); *низшую*... цѣну (Док. в Сенате, II, 2, 1712 г.).

По типу с суффиксом -**ějьs*:

а) *нижае* (Пов. рел. сод., сп. XV в.; Упр. гор. Воб., 18; Сим. Пол., Бес., 23 об.; Кугорн., Нов. крѣп., 24; Аполлодор, 356); луна есть меншая планита и течетъ *нижеи* всѣхъ къ землѣ (Лож. отр. кн., сп. XVII—XVIII вв.); *нижайше* (Переп. Ал. Петр.; АК, IV, Пис. Птр., 1711 г.; там же, 1713 г.; Пис. рус гос., II, 46);

б) к *нижайшимъ* вратомъ (Курб., 194); *нижайший* рабъ (Птр., IV, 696); *нижайший* рабъ (Птр., 1725 г.).

Первичный тип образования форм ср. степени от основы *низ-* — с суффиксом -**jьs*. Появление форм ср. степени, образованных по типу с суффиксом -**ějьs* (всегда сохраняющих шипящий в исходе основы), относится ко времени не ранее XV в. Однако такое образование прочно закрепляется в двух видах: 1) в качестве наречия *нижайше*, получившего широкую употребительность в приказно-канцелярском языке со времен Петра Великого; 2) в членной форме, употребляемой, как и другие членные формы с суффиксом -*ѣиш-*, в жанрах высокого стиля.

Основа *уз-*. Ср. (по Ф. Миклошичу): nsl. ôžji; serb. uži, čech. užši, uže; oserb. vužši, vuši; pol. węższy.

Прилагательное положительной степени образуется только от основы, распространенной суффиксом -*ък* (*узъкый*).

Образование ср. степени от данной основы отмечено в наших материалах только по типу с суффиксом -**jьs*:

а) *уже* (Соф. врем., 1475; Арс. Сух., 35 и 96; Флор. ек., 195; Боргсдорф, Поб. креп.; Арх. Бароц.; Птр., III, 383); *поуже* Пам. ст. лит., Ск. о молодце);

б) *оуж'шаѧ* (Лопаточник, XVI в.).

Основа *бърз-*. Ср. (по Ф. Миклошичу): asl. brъžij; serb. brži; nsl. brže. Древнерусское прилагательное *борзый* в значениях 'скорый', 'бодрый': пѫтьи *бръзыихъ* гладъци (Панд. Ант., XI в.) и наречие *борзо* в значении 'скоро': А ходятъ *борзо* (Хожд. за 3 моря).

По типу с суффиксом -**jьs*:

а) *борже* (Ник. лет., 1219 г.; Ипат. лет., 6659 г.; Воскр. лет., 1220 г.; Сим. пс., 131).

По типу с суффиксом -**ějьs*:

а) *борзѣиша* (Хр. Георг. Ам., 46 г., сп. XIII—XIV вв.); *борзѣе* (Пам. дипл. с. М. Г. с нем. орденом, 1517 г.); *борзѣише* (АИ., 377, 1578 г.); *борзѣе* (Воскр. лет., 1255 г.; Сим. лет., 6979 г.); *борзѣиши* (Иос. дух. гр., 508); *борзее* (Дом., ле); *борзійшу* (ВМЧ, окт.; 19—31); и видѣ... лося бѣгуща и сугна его пѣшь, яко *борзые* (sic!) борзаго фарыша (Девг. д., Пып., 159); *борзея* (Булав. восст., 1707 г.);

боржае (АИ., I, 147; Евфр., Отразит. пис., 1691 г.);

б) *борзеишему*... дѣлу (Сл. похв. Ф.).

Первичным типом образования ср. степени от основы *бърз-* является тип с суффиксом -**jьs*. Об этом свидетельствуют показания старосл. языка; об этом же говорят и материалы древнерусских памятников (ср. форму наречия ср. степени *борже*, употребляемую летописями за ранние годы). Однако для этой основы характерно употребление форм, образованных по типу с суффиксом -**ějьs* (ср. примеры в сп. XIII—XIV вв. Хр. Георг. Ам.), причем, в отличие от всех рассмотренных выше основ на зубные фрикативные согласные, согласный исхода основы не меняет своего качества, как закономерно и должно быть при образовании форм с этим суффиксом, так как звуки *s* и *z* перед *ě* из *ē* не меняли способа своего образования. Отмечены только два примера (конца XV в. и конца XVII в.), где образование по модели с суффиксом -**ějьs* сопряжено с основой на шипящий (*боржае*).

Основа *бърз-* носит в русском языке народный характер и в истории языка мало проникала в литературно-книжные жанры письменности. Зато в произведениях фольклорного характера эта основа широко употребительна. В поздние века (XVI—XVII) формы косв. падежей от основы *борзѣйш-* в связи с особым стилистическим использованием в это время форм на *-ѣйш*, проникают даже в памятники религиозного характера.

Основа *дьрз-*. Ср. *дьрзо* в значении 'смело', 'отважно' (глоубины испытати *дьрзо*, — Сл. Мин., сент., 116) и прилагательное положительной степени *дьрзый* (*дерзый*) в значениях 'дерзкий', 'отважный' (*Дьрзыхъ* не съпалилъ еси, — Сл. Мин., окт.) ср. глагол *дерзить* и *дерзать* в совр. русском языке.

На образование ср. степени от данной основы по типу с суффиксом -*ějьs имеем всего один пример, приведенный у Срезневского (Мат.): *дрьзѣе* ѥсть (τολμηρός) (Гр. Наз., XI в., 44).

Основа положительной степени *дерз-* стала неупотребительной; ее вытеснило параллельное образование того же корня, распространенного суффиксом *-ък*. Образование ср. степени от основы *дерз-* стало малоупотребительным, впрочем так же, как и от основы *дерзък-* (*дерзче*), где это, видимо, связано со стечением согласных в исходе основы.

Почти у всех основ с исходом на зубные фрикативные исконным типом образования был тип с суффиксом -*jьs*. Большая часть из имеющихся в нашем распоряжении основ соотносится с положительной степенью прилагательных с основой, осложненной суффиксом *-ък*, в то время как основы, не включающие в свой состав суффикс *-ък*, как правило, идут по типу с суффиксом -*jьs*[24]. По этому же типу образуют ср. степень и основы *крас-* и *борз-*[25]. Основы на зубные свистящие, идущие по другому типу образования (с суффиксом -*ějьs*), единичны; можно назвать всего несколько таких основ, ср. степень от которых в современном языке или совсем не употребительна или мало употребительна (*бос-*, *кос-*, *лыс-*, *сиз-* и нек. др.). Примеров из памятников на такие основы не имеем.

В связи с этим представляет интерес тот факт, что в основах на фрикативные зубные согласные очень слабо представлены аналогические процессы типа *борже* → *борзѣе*. Основа *борз-* является единственным примером такого взаимодействия, причем относящегося к ранней эпохе. Характерно полное отсутствие при формах *выше*, *ниже*, *ближе*, основы которых принадлежат к одним из наиболее распространенных основ ср. степени, параллельных образований типа *высѣе*, *низѣе*, *близѣе*. В образованиях же от основ на взрывные зубные это взаимодействие представлено значительно шире, причем оно усиливается в поздние века в памятниках определенных жанров (см. ниже в разделе основ на взрывные зубные такие формы, как *твердѣе* и под.).

Эта особенность основ на зубные фрикативные может объясняться отсутствием среди них сколько-нибудь значительного количества основ, ср. степень от которых исконно имела суффикс -*ějьs*. Однако может быть это явление следует поставить в связь с другим обстоятельством. Как уже сказано выше, большая часть основ ср. степени на зубные фрикативные несоотносительна с основой положительной степени прилагательных того же корня, так как положительная степень образуется от основы, распространенной суффиксом *-ък*: ср. *выше* при *высокъ*, *ниже* при *низъкъ*, *ближе* при *близъкъ*. При осуществлении взаимодей-

[24] Однако основа *дьрз-* (ср. *дьрзъкъ*) могла образовывать ср. степень и с суффиксом -*ějьs*, см. выше пример: *дрьзѣе ѥсть* (Срезн. — Гр. Наз., XI в., 44).

[25] Последняя может выступать также с суффиксом -*ějьs* (см. выше).

ствий типа *тверже* → *твердѣе* положительная степень *твердый* являлась как бы опорным звеном, связывающим образования на *-ějьs* с исконными образованиями типа *поздый* — *поздѣе*. Такого опорного звена для осуществления аналогии типа *выше* → *высее* в языке не было. Формы *высокий*, *низкий*, *близкий*, представлявшие другую основу, не создавали непосредственных связей с элементами *выс-*, *низ-*, которые бы содействовали осуществлению аналогических взаимодействий. Возможность такого объяснения подтверждается отсутствием форм аналогического происхождения и в тех основах на взрывные согласные, где положительная степень образуется от основы, распространенной суффиксом *-ък* (например, *сладъкъ* — *слаже* и отсутствие *сладѣе*).

Членные формы исконного типа (с суффиксом *-*jьs*) имеются всего лишь от двух основ: *выс-* (*вышьший*, *высший*) и *низ-* (*нижьший*, *нисший*), неупотребительных в жанрах деловой письменности, близких к живому языку. Аналогически возникшие по модели с суффиксом *-*ějьs* членные формы ср. степени с сохранением шипящего в основе представлены двумя основами *ближ-* и *ниж-* (*ближайший*, *нижайший*). Закономерная для типа с суффиксом *-*ějьs* членная форма *борзѣйший* (с сохранением зубного в исходе основы) единична, ввиду ограниченности форм ср. степени от основ на свистящие, образующих ср. степень по типу с суффиксом *-*ějьs*. В литературном языке членные формы на *-ѣиш-* от основ на зубные свистящие не утвердились.

2) Основы на зубные взрывные согласные

Основа *корот-*, *крат-*. Ср. старослав. *краште* (Срезн. — в русском сп. XI в. Сл. Григ. Назианзина). Прилагательное положительной степени того же корня образуется только от основы, распространенной суффиксом *-ък*.

В памятниках древнерусской письменности отмечен только один тип образования с суффиксом *-*jьs*.

От основы *корот-*:

а) *короче* (ДАИ., X, 1683 г.; Сим., Посл., 178; Архит. Бароц., 1709 г.; Бринк, Опис. Артил., 1710 г.; Птр., I, 877; Зап. Нащокина, 175; Кон. зав., нач. XVIII в.);

коротоши[26] (Срезн. — Io. Мал. Хрон., сп. XV в.).

От основы *крат-*:

б) одежды *кратшія* (Гражд. об. дет., 43);

Кратовласъ... *кратоши*[26] (Срезн. — Io. Мал. Хрон., сп. XV в.).

Все имеющиеся в нашем распоряжении примеры относятся к поздним памятникам.

---

[26] Данная форма рассматривается вместе с другими (типа *вышеши*, *вящеши*, *хуждоше*) ниже.

Ср. степень от основы *корот-*, свойственная живой речи, отражена в текстах делового содержания в неизменяемой форме. Членные формы этой основы в языке не сохранились.

Основа *кр҃ат-*, явно чуждая русскому языку, представлена в наших материалах лишь одним примером членной формы (*кратшія*) с «восстановлением» согласного основы.

Эти формы не удержались в русском языке. Членная форма ср. степени данного корня стала возможна только от основы, включающей суффикс *-ък* (*кратчайший* — см. в разделе основ на *-ък*).

Основа *кр҃ж-*. А. М. Селищев приводит в качестве общеславянской основы им.-вин. п. ср. р. ср. степени krǫtjes- → krǫt'es- (Старосл. яз., II, стр. 133). В других славянских языках: čech. krutši — krutějši (по Миклошичу), серб. krüc'e (Селищев, там же).

Располагаем всего лишь двумя примерами неизменяемой формы ср. степени в поздних памятниках:

а) *круче* (Булав. восст., 1708 г.); аще великой здѣлать ціркуль, то *кручей*, а ежели малой ціркуль, то положей витіе будеть (Арх. Бароц.).

Основа *крот-*. Ср. по Миклошичу образование ср. степени от данной основы в старосл. и других славянских языках: asl. krotêj; čech. krotší; pol. krotszy, krócej; oserb. krótsi; nserb. krotšy. Прилагательное того же корня положительной степени образуется лишь от основы, распространенной суффиксом *-ък*: *кротъкый*, наречие *кротъко*.

Материал древнерусских памятников свидетельствует об образовании ср. степени от основы *крот-* только по типу с суффиксом *-*ějьs:*

а) *кротѣиша* (Усп. сб., рл̄); *кротѣиша* (Сл. мин., окт. 116а); *кротѣи* (Срезн. — Гр. Наз., XI в., 357); *кротѣи* (там же); *кротѣи* (Срезн. — Злат., XII в., 13); *кротѣи* (Срезн. — Ник. Панд., сл. 9);

б) *кротѣйшими* цѣлбами (Корм. Балаш., 153 г., XVI в.).

Основа ср. степени *крот-* рано вышла из употребления, будучи вытеснена параллельным образованием того же корня, распространенным суффиксом *-ък*, которое известно уже в древнейших русских памятниках, как и в старославянском языке (см. у Миклошича als. krotčaj).

Основа *лют-*. Ср. в старосл. образование ср. степени: поиметъ съ собою седмь инѣхъ дх̄ъ *люштьшь* себе (Мар. Ев., Мат. XII, 45). Однако уже на почве старосл. языка возникла конкурирующая форма *лютѣи* (см. Вайан, Руководство..., стр. 163, где эта форма отмечена для Супр. р. в 6 случаях).

По типу с суффиксом *-*jьs:*

а) *лющьши* есть (Срезн. — Гр. Наз., XI в., 307); *люще* (там же, 270); *лоушьша*[27] (Усп. сб., рі̄); *лоушьшю* (Злат., III, 30; там же, VII, 85, —

[27] В ряде случаев в ранних памятниках в формах ср. степени, образованных с суффиксом *-*jьs* от данной основы, встречается написание *оу* после *л*, видимо, в результате воздействия формы ср. степени *лоучьше* (супплетивная форма ср. степени к прилагательному *добръ*), так как на русской почве эти две формы различались только твердостью и мягкостью *л*, ср. *лоуче* и *люче*.

ср. вариант по сп. Цар. и Усп. — *лютеишю*; там же, III, 25, — ср. вариант по сп. Цар., Усп., Соф. — *лютѣйшю*); седмь... дхъ *лоушьшь* себе (Карп. Ев., XIII в.); *люче* (Срезн. — Ефр. Сир., XIV в.).

Ср. также наречие в форме тв. п.: Възможемъ *лющьшьми* оуязвити (Панд. Ант., XI в., 225);

б) *лючии* паче хрьстыаномъ сы, и сьуровьствмь не клико рещи, тажии цного и *лющии* (Срезн. — Жит. Феод. Студ., 38); врѣдъ *люштъи* (Панд. Ант., XI в.); *лоушьшии* огнь (Злат., VIII, 96).

По типу с суффиксом -**ějьs*:

а) *лютѣе* (Срезн. — Гр. Наз., XII в.); *лютѣишь* (Изб. Свят., 48); *лютѣишь* (Гал. Ч.-Ев., Мат., XII, 45); *лютѣиша* (К.-Печ. пат., л. 166); *лютѣйша* (Пам. кан. пр., № 38, 1415 г.); *лютѣиши* (Хр. Георг. Ам., 307 г., сп. XV в.; Алекс., III, 16); *лютѣиши* (Иос. Флав., кн. I, XXIV, сп. XV в.); *лютѣише* (там же, кн. 2, VI, сп. XVI в.); *лютѣйша* (Авв., 607); *лютѣе* (Соч. Ив. Пер., 83); *лютѣише* (ДАИ., V, 1667 г.); *лютѣе* (Евфр., Отразит. пис., 1691 г.); *лютѣи* (Сл. Дан. Зат., XLIV); *лютѣе* (Косм.);

б) огнь... *лютѣи* (Изб. Свят., 139); *лютѣишому*... проклятію (Пам. кан. пр., № 42, 1416 г.); *лютѣишаѧ*... муки (Пам. отр. лит., т. II, XIII, рук. XV в.); звѣря *лютѣишаго* (Жит. Ал. Нев., сп. XVI в.); *лютѣйшею* болѣзнью (Чел. Ник., 1665 г., IV); *лютѣишихъ* (субст.) (Авв., 318); *прелютѣишихъ* звѣрей (Курб., 171); *прелютѣишая* злость (там же, 216).

В текстах памятников в качестве вариантов к формам ср. степени от основы *лют-* выступают следующие формы: *вѧщьшю* по сп. Ч. и $А^{1-2}$ Златоструя к фразе: — лютыи сь недоугъ *лоучьшию* творить нищету (VII, 85); *горшоу* по сп. ПС и $А^{1-2}$ Златоструя к фразе — то по истінѣ тации *лоущьшю* подъимѫть моукоу (III, 30); *зълѣишь* в вариантах к фразе Гал. Ч.-Ев. — и поіметь съ собою седмь инѣхъ дхъ *лютѣишь* себе (Мат., XII, 45, — по Юр. Ев., 1118—1128 гг.; Ев. Нед. Тип. XII в.; Добр. 1164; Сум. 1270 и Ев. XV в. № 4); *горшихъ* в вариантах к этой же фразе Гал. Ч.-Ев. по Брест. Ев. XV в. № 2; *лѫкавнѣиш* в вариантах к этой же фразе Гал. Ч.-Ев. по Нов. Зав. св. Ал.; *болѣ* в сп. К. Слова Дан. Зат. во фразе — нѣсть на земли *лютѣи* женской злобы (XLIV).

Основа *лют-* уже в древнейших русских памятниках, как и в старославянском языке, имеет два типа образования ср. степени: с суффиксом -**jьs* и с суффиксом -**ějьs*. Первый из них широко представлен в древнейших русских памятниках (гл. образом старославянских памятниках русской редакции). Случаи употребления форм, образованных по этому типу, в памятниках позже XIII—XIV вв. единичны. В тех же памятниках, а также в более поздних, представлен тип образования с суффиксом -**ějьs* (без изменения способа образования конечного согласного основы); начиная с XIV—XV вв., он является уже единственно возможным типом образования ср. степ. от данной основы как для неизменяемой, так и для членной формы.

Следует отметить, что в типе образования с суффиксом -*jьs* в памятниках имеются, помимо старославянской основы *люшт-*, две основы *лющ-* и *люч-*, в первой из которых отражен старославянский рефлекс сочетания *tj*, во второй — русский. При этом старославянские рефлексы явно преобладают. Упорное сохранение старославянской фонетической черты в данной основе может свидетельствовать о том, что образование по типу с суффиксом -*jьs* русскому языку в древнейший исторический период было совсем не свойственно, ибо если бы соответствующая русская форма в то время существовала, то формы от данной основы в русской огласовке более решительно проникали бы в памятники взамен форм со старославянской огласовкой.

Основа *свѧт-*. Ср. по Миклошичу — образование ср. степени в других славянских языках: čech. světějši; oserb. svjec'iši.

Материал древнерусских памятников показывает, что от основы *свят-* образование форм ср. степени возможно только по типу с суффиксом -*ějьs*:

а) *стѣиши* (Сл. мин., окт. 23б); *стѣиши* (там же, сент., 41а); *стѣишоу* (там же, сент., 69а); *святѣйши* (Кир. Тур., сл. VIII, 69); *святѣиша* (Пам. кан. пр., № 38, 1415 г.);

б) *Святѣйшій* Варламъ митрополитъ (Соф. Врем., 1518 г.); *Святѣйшую* митрополію Русьскую (Акты арх. эксп., № 184, 1539 г.); не сѣлъ, пока места пѣли *святеишему* (РИБ — акты, № 103, 1589 г.); *пресвятѣйшему* и вселенскому патріарху (РИБ — акты, № 150, 1632 г.).

Формы ср. степени от данной основы в рассматриваемый период употреблялись главным образом в текстах религиозного содержания. Членная же форма встречалась исключительно в обращениях к лицам высшего духовного звания, а также в названиях высших духовных учреждений.

Основа *сыт-*. Ср. у А. М. Селищева (Старосл. яз., т. II, стр. 137) общеславянский вид основы ср. степени данного корня: *sytějes-*, *sytěis-*, *sytěiš-*.

В наших материалах имеется всего один пример образования ср. степени от данной основы по типу с суффиксом -*ějьs* в памятнике XVII в., отражающем живую речь: Кашеваръ живет *сытея* князя (Сим., Посл., 114).

В этом же разделе в ряду основ на согласный *t* считаем удобным упомянуть основу ср. степени *вящ-* неясной этимологии. А. М. Селищев возводит ее к основе **vęt-* со значением 'большой' (см. его Старосл. яз., т. II, стр. 134). Имеются и другие этимологии. Однако бесспорным является тот факт, что конечный согласный предполагаемой основы должен оканчиваться на *t* (или *kt*), поскольку только в этом случае при взаимодействии с последующим *j* суффикса -*jьs* возможно противопоставление старослав. *шт* (*вышше*) русскому *ч* (*вяче*, ср. имя *Вячеславъ*, по значению одинаковое с *Болеславъ*, где первая часть слова является по форме ср. степенью).

Основа *вящ-* (ср. степень) не имеет соотносительных (того же корня) прилагательного и наречия положительной степени. В несклоняемой форме *влште*, *вяще*, *вяче* имеет значение 'больше'. В качестве ср. степени прилагательного формы данной основы выступают в значениях 'больший', 'высший', 'старший', 'важнейший', 'старший по возрасту', 'лучший' (см. Срезн.).

Формы ср. степени с основой *вящ-* старосл. происхождения. Однако они очень обильно представлены во всех жанрах религиозного содержания, широко проникают в летописи, житийную литературу, а также в светские памятники возвышенной тематики. В жанрах, близких к живой речи, — документах делового характера, литературных жанрах, близких к народному языку, — эти формы почти не встречаются. Их чужеродность явственно подтверждается частой заменой этих форм близкими по значению формами, свойственными русскому языку.

Так, в одном ряду по значению с *вяще* идут в разных памятниках такие формы, как *боле*, *множае*, *пуще*, *лише*, *лоуче*, *тяжьше* (по вариантам, приведенным к тексту Гал. Ч.-Ев.).

Формы ср. степени от основы *вящ-* выступают в памятниках русской письменности с суффиксом -**jьs*, ср. примеры: *влще* (Злат., X, 108 и 118); *влщьшю* (Усп. сб., мz); *влщьшаго* мене оузьриши (Усп. сб., рл); и позва новгородьце на подрядъ: огнищане, гридь, купьце, *вячьшее* (Новг. 1 лет., Син. сп., 1166 г.); и бысть въ *вятшихъ* свѣтъ золъ (там же, 1255 г.).

Форма с суффиксом -**ějьs* от основы *вящ-* встретилась в древних памятниках только один раз: Анлъ *влщѣиши* паче всѣхъ (Срезн. — Паис. сб., 139, Варф., кон. XIV—нач. XV в.).

К этому же типу образования относим встречающуюся в произведениях Курбского неизменяемую форму *вящеи*: и бысть сее предреченныя битвы аки на четыре годины и *вящеи* (Курб., стр. 196 и др.).

Основа *год-*. На образование ср. степени от данной основы располагаем всего одним примером в двух списках: свѣтьлость дъщере нашеѧ *годѣиши* ми кость паче слнчьнаго сиѧниѧ быти (Усп. сб., Муч. св. Ирины); свѣтлость дщерї нашіѧ *годѣиши* ми є паче слнчнаго сиѧнїѧ быти (Пам. отр. лит., т. II, XIII, рук. XV в.).

Эту форму, видимо, можно связывать с приводимой Ф. Миклошичем формой ср. степени hezči чешского языка, которую он соотносит с положительной степенью прилагательного, реконструируя его для старославянского языка в виде *goždьkъ = 'hübsch'. Ср. древнерусское наречие *годѣ* в значении 'угодно', 'приятно': аще ти есть *годѣ* (Срезн. — Чис. XXII, 34 по сп. XIV в.).

Основа *гърд-*. Ср. образование ср. степени от данной основы в других славянских языках (по Миклошичу): nsl. grji; serb. grdji; čech. hrdší; oserb. hordžiši.

Значение прилагательного *гърдый* в древнерусском языке было отличным от современного; основные его значения по Срезневскому: 'высокий', 'важный', 'дивный', 'злой', 'страшный'. Немногочисленные из примеров ср. степени на данную основу отражают эти же значения.

В наших материалах имеется единственный пример образования ср. степени с суффиксом -**jьs*: ꙗко (Соломон) вышии бы и *горжии* всѣ цр҃ь батьствомь и славою (Хр. Георг. Ам., 92 г., сп. 13—14 в.).

По типу образования с суффиксом -**ějьs*:

а) чюдо чюда *гръдѣе* (Сб. Цар.; то же, Срезн. — Іо. екз. Сл. на Возн., сп. 1535 г.); не токмо по се время гордости убавилъ, но еще суровѣе и *гордѣе* поступаетъ (Птр., II, 638);

б) вышьшіи бысть и *гордѣи* всѣхъ царь богатством, Срезн. (источник не указан, ср. выше аналогичный текст из Хр. Георг. Ам. с формой *горжии*). Хинѧне чл҃вцы гордѣйшіи цр҃а своегѡ нарекоша Хоамь (Кр. изв. о хинск. служ., 235).

Основа *молод-*, *млад-*. Старосл. *млажде* (см. Селищев, Старосл. яз., т. II, стр. 133). Ср. образование ср. степени от данной основы в других славянских языках (по Миклошичу): nsl. mlaji; serb. mlâdjī; čech. mladšī; oserb. mlodši.

Материал древнерусских памятников:

От основы *молод-*.

По типу с суффиксом -**jьs*:

а) еси *моложе* нас (Пам. дипл. сн. М. Г. с Крымом, 1516 г.); потому писцовые книги *моложе* той их Соловецкаго монастыря жалованный грамоты (Дв. Гр., 1691, 269—70); лѣкари въ Оптекарскомъ приказѣ *моложе* меня (М. Мед., 271); Серебро... которое *моложе* тридцети лѣтъ то велите передѣлывать, а которое старее, не переделывать (Птр., V, 319); а Гюрги мнѣ братъ есть. Но *моложии* мене, а ꙗ старъ есмь (Ипат. лет., 6659 г.);

б) мужи новгородьскыя *моложьшая* (Новг. 1 лет., Син. сп., 1230 г.); брата своего *моложьшаго* Ярослава (Жит. Ал. Нев., сп. XV в.); *моложьшіи* (брат) (Воскр. лет., 1151 г.); *моложьшему* ся не могу поклонити (там же, 1151); а Новгородцы люди житіи и *моложшіи* (Пск. 1 лет., 1476 г.); мужи Новгородскіе *моложшаа* (Твер. лет., 1231 г.);

к моей братьи *молодшой* (Дух. дог. гр., 1402 г.); братье *молодшей* и меншей твоей братье (там же, 1462 г.); со своею братею *молодшею* (там же, 1367); ни под моею братею *молодшею* кнѧземъ Володимером и кнѧзем Юрием, ни под нашею братею меншею (там же, 1396 г.); приказываю тобѣ, сыну своему Семену, братью твою *молодшую* и кнѧгиню свою с меншими дѣтьми... (там же, 1339 г.); назваша Псковъ братъ Новугороду *молодшей* (Воскр. лет., 1347 г.); *молодшего* сына боярьского (Патр. лет.; 1538 г.); дружину свою *молотшюю* (Лавр. лет., 266).

Волостнымь крестьяномъ, лутчимъ и среднимъ и *молодчимъ* (Акты арх. эксп., 1555 г.; ср. там же: посадскимъ людемъ лутчимъ и среднимъ и *молодымъ*, 1552 г.); и переславскіе рыболове, лутчіе и средніе и *молодчіе* люди (там же, 1555 г.); а сказываютъ, что они люди *молодчие* и бѣдные (АИ., IV, 1645 г.); середнимъ и *молодчимъ* людемъ продажи не чинили (ДАИ., VI, 1672 г.).

От основы *млад-*.

По типу с суффиксом -**jьs:*

а) и старѣшѧ их затвори в темници, а от *млажьших* распѧ. В҃. (Иос. Флав., кн. 2, V, сп. XVI в.);

младший братъ (Мат. ист. АН, I, 1729 г.).

По типу с суффиксом -**ějьs:*

а) *младѣе* и менши всѣхъ ꙗзы́къ есмы кр҃ще́ны, после всѣ ꙗзыкъ кртихомсѧ (Жит. Стеф. Перм., 91);

б) аще оубо не ѕмрени чл҃че *младѧйшаѧ* себе́ ви́ди (Изм., 130ᵛ, сп. XVI в.).

В формах от основ *молод-*, *млад-* следует отметить явление, наблюдавшееся уже в формах от основ *дорог-*, *драг-*, а именно распределение двух вариантов основ — в русском и старославянском обличии — по двум типам образования. Основа *дорог-* связана с исконным типом образования с суффиксом -**jьs* (ср. данные старославянского и других славянских языков), основа *драг-* с типом образования с суффиксом -**ějьs*. В литературном языке, как известно, закрепилось образование от основы *млад-*, но по модели с суффиксом -**jьs*, как бы комбинирующее эти два типа. Оно представлено в наших материалах лишь двумя примерами. Малочисленность подобных образований следует отнести, по-видимому, за счет утверждения их в русском литературном языке в более поздний период. О процессах стабилизации исхода основы в членных формах ср. степени (типа *моложьший*), аналогичных тем, которые отмечены по поводу основы *лучш-* (*лутш-*, *лутч-*), см. в разделе основ с исходом на задненёбные согласные (основа *луч-*). Характерно, что полногласная основа ср. степени употребляется в языке тех жанров русской письменности, которые меньше всего подвержены влиянию церковнославянской письменной традиции и шире отражают нормы живой народной речи; эта основа встречается почти исключительно в документах делового характера и летописях. В памятниках, связанных с церковнославянской традицией, эквивалентами этих форм являются формы с основой *юн-*, *мьн-*.

Основное значение форм от основы *молод-* связано с возрастом; основой сравнения является своеобразное «качество» времени появления на свет, в связи с чем прилагательное *молодой* нельзя назвать формой положительной степени к сравнительной форме *моложе*, так как моложе другого может быть человек, которого по возрасту нельзя назвать молодым. В этом смысле форму ср. степени *моложе* надо считать не имеющей соответствующей положительной. То же отно-

сится к форме *старѣе* (позже *старше*) в возрастном значении. Второе значение, отмеченное только у основы *молодч-* членных форм, не заключает в себе сравнительности, но связано с характеристикой людей по их социальному и имущественному положению. Здесь еще ярче, чем в членных формах от основы *луч-*, выступает связь основ членных форм с исходом на *тч* со значением социально-общественной характеристики людей.

Основа *позд-*. Ср. др. русск. *поздый*: Канунъ Михайлову дни въ *поздой* обѣдъ (Срезн. — Явка Вт. Вас., 1579), а также наречие *поздѣ*, *поздо*: заутра же в середу выстаиа *поздѣ* (Срезн. — Кн. лет., 434); проходитъ в Петровъ пост *поздо* (РИБ — акты, 1603 г.).

Ср. образование ср. степени в старосл. языке: *поздѣи* (Супр. р.).

Ср. степень от данной основы известна только в неизменяемой форме и употребляется как наречие.

По типу с суффиксом -**ějьs* имеется лишь один пример в старославянском памятнике русской редакции: Аще ли и *поздѣи* приимеши не дъводоушьствоуи (Панд. Ант., XI в., 181—182).

По типу с суффиксом -**jьs* оформлена ср. степень во всех остальных случаях, например: и землю ихъ повоева и *позже* (Ск. Ал. Нев., 8); и что *позже*, то лутче (Пис. Птр., 1711 г.).

Вытеснение в литературном языке основы положительной степени *позд-*, известной еще с древнейших памятников, основой *поздьн-* сделало форму ср. степени *позже* не соотносительной с положительной. Материал не позволяет с полной достоверностью установить, насколько древним является в русском языке образование ср. степени по типу с суффиксом -**jьs*, так как имеющиеся примеры относятся к поздним памятникам.

Основа *послед-*. Ср. др. русск. наречие *последъ*, *послѣдь*, *послѣдъ*, *послѣди*: да не *последь* своего зъло съвѣтыа птоды болѣзньны пожнеть (Панд. Ант., XI в.); а того многолѣтнымъ заключеніемъ темничнымъ, *последи* же удавленіем погубиша (Курб., 272). Форма ср. степени от данной основы известна только в качестве наречия, причем чаще без значения ср. степени ('позже'), а в значении 'впоследствии', 'после', 'потом'; ср. образование наречия ср. степени в старосл. языке: *послѣжде*: *послѣжде* всѣхъ оумрѣть жена (Зогр. Ев., Марк, XII, 21).

Материал древнерусских памятников:

а) *Послѣжде* вьсе дрьзноутъ (Панд. Ант., XI в.): не можеши нынѣ по мнѣ итї. *послѣжде* по мнѣ идеши (Гал. Ч.-Ев., И., XIII, 36); Вѣра же хр^{с}ьаньскаа *послѣжь* бывльши^{б}, болши прьвыа бы^{б} (Сб. Царск.); И тогда *послѣдьже* повелѣхъ имъ словомъ моимъ (Пам. отр. лит., т. I, V_1); *послѣжде* и того благословляю и прощаю (Акты арх. эксп., № 184, 1539 г., митрополит Иосаф); и впредь заповѣдывали чада ваша всему роду, по васъ *послѣжде* бывшему, ни въ чесомъ прелести не послѣдовати (Авв., 322);

и въ цркви же преже вьсѣхъ обрѣтаюся и *послѣже* вьсѣхъ излазѧ

(Усп. Сб., стр. з҃л); о моуках различьнь хъ и ранахъ и съмьрьти *послѣже* (Сл. мин., окт., л. 8); аще бо б҃ преже на скверьную похоть желал. но *послѣже* прилежа к покаянью (Лавр. лет., 131).

Данная форма встречается исключительно в текстах религиозного содержания, подверженных влиянию старославянской письменной традиции, и, видимо, не была свойственна живому русскому языку (ср. преобладание форм в старославянской огласовке), в результате чего рано вышла из употребления.

Основа *пред-*, *перед-*. Как и от предыдущих двух основ, ср. степень образуется только в наречной форме, ср. наречие-предлог *предъ* // *передъ*. Старосл. форма *прѣжде*.

В древнерусском языке ср. степень образуется только по типу с суффиксом **-jьs*.

От основы *пред-*.

вѣдите ꙗко мене *прѣже* васъ възненавид҃ (Злат., IV, 47); *прѣже* съмьрти не блажи (Сб. Свят., 147б); *прѣже* вьсхъ сътвори чл҃вка (Усп. Сб., рм҃о.); аще не придеть отъстоупьникъ *прежде* (Сл. Ипп., 100); *прѣже* бо того палицами и камениемъ бьꙗхуса (Ипат. лет., 6622 г.); а *преже* сего... (Улож. Ал. Мих., IX, 19); яко хот ша сътворити *преже* сего (Авр. См., I, 11); сие смотреніе въ Бозѣ бысть *прежде* даже не создатися Адаму (Авв., 7); ухищренія неправеднаго короля не познасте, *преже* даже не ускорилъ мечь (Кат.-Рост.).

От основы *перед-*.

аже того убиите, убиете мене *переже* (Новг. 1 лет., Син. сп.; 1255 г.); а боудѣть *пьреже* на ней не былъ сорома (Р.-Л. акты, Дог. См. с Ригою, 1229 г.); как было *переж҃* сего (Дух. дог. гр., 1433 г.); и съѣхалса *переже* всихъ (Ипат. лет., 6859 г.).

В старославянских памятниках в качестве вариантов к форме *прѣжде* приводятся наречия ср. степени *древле* и *пръвѣе*. Ср. варианты к тексту Мариинского Евангелия: повели ми *древле* шедъше погрети отц҃а моего (Лук., IX, 59 — *прѣжде*, Сав. кн.); *древле* же повели отърешти ми сѧ (Лук., IX, 61 — *прѣжде*, Сав. кн.); съберѣте *пръвѣе* плѣвелъ (Мат., XIII, 30 — *прѣжде*, Асс. Ев.; *древле* — Остр. Ев.).

В русских текстах представлены те же соответствия. Так, по вариантам к Гал. Ч.-Ев. очень последовательно вместо *прѣже* в Нов. Зав. св. Ал. представлено *первѣѥ* (в 18 случаях); в качестве варианта к *пьрвѣѥ* формы *прежде* и *преже* встречаются в Юр. Ев. 1118—28 гг.; Мст. Ев. XII в.; Добр. 1164 г.; Сум. 1270; Карп. Ев. XIII в.; Конст. 1383 г.; Тип. Нед. XII в. и в Ев. XV в. № 2 и № 4. В Остр. Ев. в одном из этих случаев (при *прежде* в других евангелиях) выступает *древлѥ* (възберѣте *древлѥ* плѣвелы).

Таким образом, из числа вариантов к *прежде*, известных в старославянских памятниках, более употребительным в древнерусском языке является вариант *первѣе* (данные Нов. Зав. св. Ал. в этом отношении показательны, т. к. это евангелие вообще отличается свобод-

ным использованием русских вариантов). Вариант *древле* в русском языке носит на себе сильный отпечаток старославянизма.

Форма наречия ср. степени *прежде* в старославянской огласовке прочно укоренилась в русской письменности и впоследствии в литературном языке; полногласная форма, а также неполногласная с *ж* (вм. старосл. *жд*) стали характеризовать только некоторые местные говоры.

Следует отметить также характерную старославянскую конструкцию *прежде* (*преже*) *даже не* в значении 'раньше чем', 'прежде чем', ограниченную в своем употреблении памятниками, являющимися русской редакцией старославянских оригиналов. В более позднее время эта конструкция, как яркий старославянизм, выполняет стилистическую функцию архаизации языка в произведениях возвышенной тематики (ср. пример из произведений Катырева-Ростовского).

Основа *глад-*. Прилагательное положительной степени того же корня образуется только от основы, распространенной суффиксом *-ък* (*гладък-*).

глаже (Акты Кадаш. сл., 1630 г.); *глаже* (Флор. Ек.).

Несмотря на поздний характер примеров, данный тип образования можно считать исконным, благодаря принадлежности основы *глад-* к той группе основ, ср. степень от которых соотносительна с основами положительной степени прилагательных, распространенных суффиксом *-ък*.

Основа *рѣд-*. Ср. (по Миклошичу) serb. rjedji; čech. řidši. Прилагательное положительной степени данного корня образуется только от основы, распространенной суффиксом *-ък* (*рѣдък-*).

Мы располагаем примером неизменяемой формы ср. степени, образованной по типу с суффиксом *-*jьs*, только из позднего памятника: первой краскою против обрасца в сходстве, токмо ниткою толще и *реже*, второй против обрасца светлее, токмо ниткою толще и *реже* (Сукон. Дв., 1739 г.).

Однако данный тип образования следует считать исконным, по тем же причинам, что и для основы *глад-*. Ср. также примеры того же типа образования из сербского и чешского языков.

Основа *слад-*. Ср. образование ср. степени в старосл. языке *слажде:* что есть *слажде* свѣтъ имъ или тьма (Супр. р., 19). Прилагательное положительной степени того же корня образуется только от основы, распространенной суффиксом *-ък: сладъкый*.

По материалам древнерусских памятников образование ср. степени от данной основы целиком идет по типу с суффиксом *-*jьs*:

а) *слаже* (Сб. Свят., 173а); *слажьша* (там же, 5б); *слажьши* (Изб. Свят., 83б); *слаже* (Усп. сб., рк̃ꙋ); *слаждии* (Злат., VIII, 94); *слажии* (там же, VIII, 94); *слажьша* (Кир. Тур., VI, 55); *слажше* (Сл. Дан. Зат., XXIX); *слаждьши* (там же, XXV); *слажьше* (Срезн. — Пчела, И. публ. библ., 1—19); *сладжьша* (Соф. врем., 1430 г.); *слаще* (Авв., 117).

В связи с тем, что корень *слад-*, наряду с *солод-*, уже издавна был употребителен в русском языке в качестве корня прилагательного и наречия положительной степени (*сладько*, *сладкый*, ср. производное существительное *сладость*), основа ср. степени данного корня, судя по материалам, не имеет полногласного варианта, причем ее употребление даже в древних памятниках не имеет того стилистического оттенка, который обычно связывается с основами неполногласного варианта, ввиду их происхождения. Старославянское сочетание *жд* в исходе основы неизменяемой формы ср. степени не привилось в русском языке, по-видимому, из-за широкого использования данной формы в ее прямом бытовом значении. Утвердившаяся в литературном языке основа *слащ-*, видимо, восходит к основе косвенных падежей *слажьш-*, закрепившейся на той стадии, когда в результате утраты редуцированного между шипящими и осуществления регрессивной ассимиляции их по глухости образовался шипящий звук двойной длительности, сохранивший мягкость составлявших его элементов (ср. сказанное выше о формах типа *выщий* от основы *выс-*), так как мягкость шипящих в произношении сохранялась еще после утраты редуцированных в слабом положении. Однако с написанием через *щ* в наших материалах обнаружен всего один пример из Жития пр. Аввакума [28].

Членные формы от основы *слад-* не зафиксированы. Как и большинство образований по типу с суффиксом *-*jьs*, они не имели развития в русском языке. Членные формы ср. степени данного корня образуются только от основы *сладък-* (*сладчайший*), см. в разделе основ на *-ък*.

Основа *твьрд-*. Ср. старосл. *твръжде* (Вайан, Руководство, стр. 162) и примеры из других славянских языков (по Миклошичу): nsl. trji (zw. trd), čech. tvrdši, tvrze; pol. twardszy; oserb. tverdši.

Материал древнерусских памятников:

По типу с суффиксом *-*jьs*:

а) *твьрже* (Срезн. — Ефр. Крм., Крф., 138); *твръже* (Иос. Флав., I, 60); *тверже* (Соф. врем., 1475); *тверже* (Львов. лет., ч. I, 302); *тверже* (Корм. Балаш, 219, сп. XVI в.);

б) *тврьжии* (Сл. мин., 95); градъ... *твержій* (Иос. Флав., I, 218); сокровище... *тверждшее* (Скриж., V, 39).

По типу с суффиксом *-ějьs*:

а) *твердѣи* (Срезн. — Гр. Наз., XI, 100); *твердѣе* (Палея Толк., 1406 г., 331); *твердѣиша* (Акты арх. эксп., № 239, 1554 г., соборн. грам.); *твердѣишу* (ВМЧ, окт. 19—31);

б) *твердѣишимъ* игомъ (Библ. Генн.); *твердѣішаго* желѣза (Систима, Пред., 3); *твердѣйшей* надежди (Брун., 610); *твердѣйший* камени че-

---

[28] Ср. в XVIII в.: однако перьвое... гараздо *слаще* послѣдняго (Флор. ек.); чѣмъ больше холодъ, тѣмъ крупнѣе и *слаще* рѣпа бываетъ (там же).

ловѣкъ (Пам. ст. лит., сп. XVII в.); *твержайшими* крѣпостьми (Кат.-Рост.).

Как показывает материал, наряду с типом образования, характерным для старославянского языка (и других славянских языков), русскому языку уже с древней поры был знаком также и способ образования с суффиксом -**ějьs* с сохранением без изменения согласного основы. Образования по этому же типу, но с шипящими (*ж*) в основе, представлены одним примером членной формы из литературного памятника XVII в. Членные формы, образованные по типу с суффиксом -**jьs*, в языке не получили развития (ср. единственный пример, имеющийся в наших материалах, с основой, отражающей старославянский фонетический облик основы — *тверждшее*). Неизменяемая ср. степень со старославянским результатом развития сочетания **dj* не утвердилась в русском языке (ср. утвердившуюся форму *прежде*), причем причина этого явления, помимо естественного предпочитания формы в русском облике, могла быть и фонетической — неудобопроизносимость сочетания *ржд* в русском языке. Форма *тверше* (Корм. Балаш.) отражает бывшую основу косв. падежей (с элементом *ьш*); так как фонетически сочетание *рж* между гласными не могло измениться в *рш*, следовательно логичнее предположить, что это сочетание (*рш*) представляет результат эволюции сочетания *ржьш: ржьш → ржш → ршш → рш*. Каждая из стадий этого процесса легко объясняется фонетически-в целом процесс является естественным следствием утраты редуциро; ванного между шипящими, расположенными в позиции после согласе ного.

Основа *худ-*. Ср. в старославянском языке ср. степень *хоужд-* (Супр. р.). Прилагательное положительной степени *худый* известно в древнерусском языке с разнообразными оттенками значения отрицательного качества; ср. по Срезневскому: 'плохой', 'некрасивый', 'непрочный', 'слабый', 'малый', 'бедный' и др.

Образование форм ср. степени по типу с суффиксом -**jьs*:

а) *хоужде* (Изб. Свят., 33; 38); *хужьшю* (Гал. Ч.-Ев., Лук. I, 3); *хужьши* (Хр. Георг. Ам., 270 в., сп. XIII—XIV вв.); *хужи* (Лавр. лет., 135); *хуже* (Сб. Царск., ѣ); *хужьше* (К.-Печ. пат., 106); *хуже*, (Суздл. лет., 439); *хоужшу* (Жит. Стеф. Перм., 110); *худдьше* (Твер. лет., 1270 г.); *хуже* (Воскр. лет. 1246 г.); *хуже* (ДАИ, X, 98, 1683); *хуже* (Авв., 494); *хуже*, (Улож. Ал. Мих., IX, 15); *хуждши* (Лож. отр. кн., сп. XVII—XVIII вв.); *хужше*, (Пам. кан. пр., № 3, сп. XVII в.) и мн. др.;

б) *болѣи* и хоуждеи о єдиномъ пытаємо єсть (Изб. Свят. 23); *хужшаѧ* (Нов. Зав. св. Ал., Лук., XII, 26); большааго, ти *хуждьшааго* не приемл'ѧ (Изб. свят., 154); *хуждьшаа* (субст.) (Хр. Георг. Ам., 294б, сп. XV в.); *худшаѧ* (Библ. Генн.); *хоужшіи* в людехъ (Жит. Стеф. Перм., 110); *хуждшыя* и гурбшыя (сукна) (Ист. Евр. Пуф., 297); *хуждошее* (Сказ. Авр. Пал.).

По типу с суффиксом -**ějьs*:

а) *хоудѣи* (Срезн. — Гр. Наз., XI в.); *худѣйша* (Жит. Ал. Нев.); *худѣе* (Библ. Генн.); *хуждіе* (Посл. еп. Симона Влад., сп. XV в.); *худѣиши* (ВМЧ, дек., 6—17); *худѣйши* (Твер. лет., 1357 г.); *хужее* (Петр, I, 795);

б) *худѣйшаго* (Жит. Ал. Нев.); *худѣйшій* воздух (Кн. земл., 59); *худейший* (Систима, 212); *худѣйшаѧ* (Брун., 489); *худѣишими* рабы (Ск. Авр. Пал.); *у худѣйшихъ* изменниковъ (там же); *худѣйшими...* преступниками (Пам. ст. лит., сп. XVII в.).

Варианты к формам ср. степени от основы *худ-*: *горши* в сп. Р. Летописной повести о Борисе и Глебе к фразе: зълъ человѣкъ, тъщася на злое, не *хужеши* есть бѣса (Б. и Г. 38); *горши* в сп. Лавр. лет. (в том же контексте). К форме *мьньшї*: понкже не сътворїсте кдіномоу ѿ сіхъ мьньшї ни мънѣ сътворїсте (Гал. Ч.-Ев., Мат., XXV, 45) приведена форма *хужши* в Нов. Зав. св. Ал.

Помимо древнейшего типа образования ср. степени от данной основы с суффиксом -**jьs*, известного во всех славянских языках, в русских памятниках поздней поры, начиная с XVI в., появляются образования по типу с суффиксом -**ějьs* с сохранением качества конечного согласного основы. Этот тип распространился в виде форм с основой косвенных падежей, в особенности членных форм, в XVII в. в жанрах светского и литературного характера, что находится в полном соответствии с общей тенденцией распространения форм. ср. степени на *-ѣйш-* в поздние века изучаемого периода. Примеры образований по модели с суффиксом -**ějьs* с шипящим (*ж*) в основе единичны и относятся к поздним памятникам: *хужее* (Птр., I, 795); *хуждіе* (Посл. еп. Симона Влад.)[29].

Формы, образованные по типу с суффиксом -**jьs*, требуют следующих замечаний.

Формы со старославянской заменой конечного *d* основы в сочетании с *j* (суффикса -**jьs*) довольно широко представлены в жанрах религиозной тематики, однако, видимо, не как отражение живого произношения (особенно в формах, образованных от основы косвенных падежей, характеризующихся после падения редуцированных стечением трех согласных), а как определенный орфографический прием, входящий в сумму тех средств архаизации письменной речи, которые получили распространение в русской письменности в эпоху второго югославянского влияния. Это подтверждается еще и тем, что членные формы данной основы, где особенно часто отмечается сочетание *жд*, употребляются почти исключительно в памятниках церковно-религиозной тематики и не характерны для документов делового характера,

[29] Ниже эти формы объясняются, как и формы типа *нижей*, *ближей*, поздним взаимодействием исходных форм *хуже*, *ниже*, *ближе* с формами типа *скорее*, *скорей*, *белее*, *белей*.

отражающих в большей мере стихию живого языка. Видимо, членные формы от основы *худ-* рано перестали употребляться в живом языке. Этим объясняется и тот факт, что живые процессы, протекавшие в исходе членных форм, совершенно не нашли отражения в письменности. Помимо исходной русской формы *хужьший*, в наших материалах имеется лишь один пример, который отразил несомненно имевшийся уже в произношении вариант с «восстановленным» согласным исхода основы типа *худша* (Библ. Генн. 1499 г.), на что указывают и форма современного литературного языка, и наличие подобного рода форм у параллельных образований, получивших большее распространение в живом языке (ср. приведенные выше основы типа *молотший*). Отсутствует также и вариант *худчий*, *хутчий* (ср. подобные образования, рассмотренные в связи с основами *лу[ч]-* и *молод-*, связанные с определенным частным значением членных форм, которого не имеет данная основа).

Следует также отметить, что разнообразие значений, которое отмечается для прилагательного *худой*, в основном сохраняется у него и в ср. степени. Не углубляясь в оттенки значений, можно выделить следующие основные значения[30]: 1) 'плохой' — наиболее распространенное значение во всем многообразии оттенков, 2) 'незнатный', 'незначительный', 'ничтожный'[31]: акы последний *хужьши* всѣхъ и всѣмъ слуга вменься (К.-Печ. пат. 106); изволися мнѣ послѣ же всѣ *хоужши* (Жит. Стеф. Перм., 110); аще и *худѣйшій* за велікаго имѣтся (Систима, 212); 3) 'зловредный', 'заядлый', 'злостный': у *худѣйшихъ* изменников (Ск. Авр. Пал.); *худѣишеми*... преступниками себя показують (Пам. ст. лит., Легенда о покаян. князя, сп. XVII в); 4) 'некрепкий', 'непрочный': иже все мимоходить и *хуже* паучины (Сб. Царск., ѐ); отвръгъ богатство и славу суетную, иже есть *хутше* паучины (Воскр. лет., 1246 г.); 5) 'малый', 'слабый' (видимо одно из древнейших ответвлений значения): слнце... ни овомоу *хоужде*, овомоу же болѣ сиѧѧть (Изб. Свят., 38); Болѣи и *хоуждеи* о ѣдиномь пытаѧмо ѥсть (там же, 23); большааго, ти *хоуждьшааго* не приемлѧ (там же, 154); никако же достоино твоего чаѧнига прѣложение, Моеи же силы не *хуже* (Сб. Царск., ѐ).

Остальные примеры обеих основ свидетельствуют о значении 'плохой', которое с течением времени в литературном языке становится единственным.

Приведенные данные не дают оснований полагать, что разные типы образования связывались в древнерусском языке с разными оттенками значений.

Утрата в литературном языке прилагательного *худой* в значении 'плохой' сделала ср. форму *хуже* супплетивной к положительной *пло-*

[30] Значения приводятся в форме положительной степени.

[31] Ср. приведенные выше в качестве вариантов к ср. степени данной основы формы *меньші*, *мьньші*^{x}.

хой. Сравнительная же форма *худее* является по значению соотносительной с *худой* в значении 'худощавый' (антоним к *толстый*, *полный*). Становление такой дифференциации в наших материалах не отражено. Если это не результат случайной неполноты материала, то установление таких отношений по значению относится к более позднему периоду в истории русского языка.

В народных говорах *хуже* не является супплетивной формой ср. степени. Во многих из них прилагательное *худой* бытует в значении 'плохой'. Очень распространено также в говорах *худой* в значении 'рваный', 'дырявый', однако, ср. форма к нему — не *хуже*, а *худее* (или ее диалектные разновидности).

Основы с исходом на зубные взрывные представляют некоторое отличие от основ с исходом на зубные фрикативные в отношении образования форм ср. степени.

При явном преобладании, как и в основах на зубные фрикативные согласные, типа образования с суффиксом -**jьs*, среди основ на зубные взрывные относительно гораздо больше основ, образующих ср. степень с суффиксом -**ějьs* (ср. основы *лют-*[32], *крот-*, *позд-*, *свят-* и представленную лишь одним примером основу *сыт-*, предположительно имевшую тот же тип образования). Это обусловило возникновение более живых связей между типами образования внутри этой группы. Так, наряду с закономерными образованиями, здесь шире представлены образования по типу с суффиксом -**ějьs* с сохранением конечного зубного основы: *твердѣе* (Срезн. — Гр. Наз. XI в., 100); *худѣи* (Срезн. — Гр. наз. XI в., 349); *худѣе* (Библ. Генн.); *младѣе* (Жит. Стеф. Перм., 91) и соответствующие им членные формы на *-ѣиш-*, распространенные в основном в поздних памятниках (XVI—XVII вв.). Сюда же, вероятно, следует отнести и форму *гордѣе* (Сб. Царск.; Птр., и др.).

Следует заметить, что во всех случаях, где в основах на зубные взрывные представлено аналогическое взаимодействие, оно касается тех основ ср. степени, которые имеют соответствующую форму положительной степени той же основы, облегчающую взаимодействие (ср. ряд *хуже: худѣе* при *худой* и т. п., но отсутствие *слаже:* [*сладѣе*] ввиду отсутствия формы *сладый*); подробнее об этой закономерности см. в разделе основ на зубные фрикативные согласные.

Уже, чем в основах на зубные фрикативные согласные, отмечается образование от основ на зубные взрывные форм ср. степени по модели с суффиксом -**ějьs*, с шипящей согласной или сочетаниями *жд*, *шт* в исходе основы. Эти формы носят единичный и случайный характер;

---

[32] См. комментарии к этой основе, в которых высказано предположение, что русскому языку уже в начале исторической эпохи было свойственно образование ср. степени от основы *лют-* по типу с суффиксом -**ějьs*.

отмечено всего два таких примера среди нечленных форм (*хужее*, — Птр., I, 795; *хуждіе* — Посл. еп. Сим. Влад., сп. XV в.) и одна форма членная (*твержайшими* крѣпостьми, — Кат.-Рост.), причем все в поздних памятниках.

Аналогические взаимодействия шли и в направлении обратном, правда, обнаружились они только в одной основе *позд-*, ср. при первичной *поздѣе* форму *позже* в поздних памятниках, укрепившуюся впоследствии в литературном языке.

Из членных форм в типе образования с суффиксом *-*jьs* утвердились в языке лишь формы от основы *молод-*, *млад-* (первая в живом народном языке, вторая — в литературно-книжном). Членные формы на *-ѣиш-*, представленные в памятниках как от основ, шедших в отношении образования ср. степени первично по типу с суффиксом *-*ějьs* (*свят-*, *лют-*, *крот-*), так и от основ, шедших по типу с суффиксом *-*jьs* (*твьрд-*, *худ-*), распространены главным образом в поздних памятниках религиозно-возвышенной тематики (ср. *святѣйший*, *твердѣиший* и др.).

Спецификой форм ср. степени на зубные взрывные согласные является наличие старославянских фонетических замен **tj* и **dj* в образованиях по типу с суффиксом *-*jьs*. Обобщая сказанное относительно отдельных основ, следует отметить, что эти замены (для **tj* — *шт* или *щ*, для **dj* — *жд*), как правило, характеризуют только ранние памятники, являющиеся русскими списками старославянских оригиналов. Особенно редко встречается написание *шт*. Оно характеризует, по существу, одну основу *лют-*. Отражение старославянского рефлекса в виде *щ* более распространено; оно типично для старославянских памятников русской редакции[33]. Лишь в формах ср. степени от основы *вя*[*щ*]-, которая является лексическим заимствованием из старославянского языка, данная черта фонетики старославянских памятников закрепилась. Этому же способствовало и отсутствие основы положительной степени того же корня, которая могла бы прояснить этимологию исхода основы. Характерно также, что основа *корот-*, в сущности, известная в русских памятниках только в этом полногласном варианте, не имела *шт* или *щ* в исходе; правда, примеров из ранних памятников мы не имеем. Сочетание *жд* представлено несколько шире лишь в связи с бóльшим количеством основ на *д*, шедших по типу с суффиксом *-*jьs*. В основах *прѣд-*, *послѣд-*, *слад-*, *худ-* эта замена держится довольно долго в памятниках религиозно-возвышенной тематики, проникая и в летописи. В поздних памятниках эпохи второго югославянского влияния употребление сочетания *жд* в формах ср. степени несомненно имеет характер определенного графического приема архаизации письменного языка по

[33] Следует заметить, что под обоими написаниями (*шт* и *щ*) у русских писцов скрывается, видимо, одно и то же произношение, близкое к *ш'ч'*.

образцу старославянских текстов. Ср. примеры таких написаний в поздних летописных сводах: злый же человѣкь, тщашеся на злое, не *хуждьше* есть бѣса (Твер. лат., 1015 г.); никто же в мирѣ семъ не познахъ... *сладжьша* (sic!) его (Соф. врем.). Характерно полное отсутствие этой замены в основах с полногласием — *молод-* (ср. сказанное выше об основе *корот-*), а также в основах, значение которых носит более конкретный характер и не используется в переносном смысле для обозначения свойств и качеств человека (например, основы *глад-*, *рѣд-*, *твьрд-*), вследствие чего они редко встречаются в текстах возвышенного содержания. Подтверждением того, что употребление сочетания *жд* в формах ср. степени от основ с исходом на *д* было лишь графическим приемом, является и тот факт, что, несмотря на обилие таких написаний в памятниках позднего характера, фактически утвердилась в русском языке только форма *прежде* (целиком в старославянском фонетическом обличии). Факт закрепления данной фонетической черты в наречной форме объясняется, как нам кажется, свойственным наречиям вообще относительным безразличием к внутренней форме.

3) Основы на сочетание согласных ст-

Основа *густ-*. Ср. (по Миклошичу): čech. hustějši, hustši; nserb. husčejšy.

По типу с суффиксом *-*jьs*:

а) *густше* (Геогр. ген., 297, 1718 г.);

б) *гоушьшаѧ* (Хр. Георг. Ам.; см. Вайан, Руководство, стр. 162); *гу́стшіи* вѣтры (Арифм. Магн.).

По типу с суффиксом *-*ějьs:*

а) *густѣе* (Геогр. ген., 301, 1718 г.);

б) *густѣішіми* решетками (Систима, 194); *густѣишій* (Косм., XVIII в.).

Основа *ист-*. Данными по образованию ср. степени от этой основы в старосл. и других славянских языках мы не располагаем. Прилагательное положительной степени данного корня образуется лишь от основы, распространенной суффиксом *-иньн: истиньный* — 'настоящий', 'верный' (см. Срезн.). Близко по значению также прилагательное *истовый* — 'настоящий', 'истовый', 'верный', 'правдивый', 'возможный', 'вероятный', 'подлинный'.

В памятниках древнерусской письменности встречаются формы ср. степени от основы *ист-*, образованные только по типу с суффиксом *-*ějьs*. Наречие *истѣе* отмечено в следующих памятниках: Усп. Сб., о.ѳ.; там же. мз.; Б. и Г., 20; Б. и Г., 62; ВМЧ, Дек., 1—5; Авв., 466.

Основа *прост-*. Ср. в старославянском языке образование ср. степени *простѣе* (Супр. р.) и в других славянских языках (по Миклошичу): nsl. prostêji; pol. pros'ciejszy; oserb. prosc'iši.

Кроме одного примера неизменяемой формы из позднего памятника, имеются лишь примеры членных форм по типу с суффиксом -*ějьs:

а) *простѣе* (Зап. Болот., I);

б) *простѣйшааго* (субст.) (Сб. Свят., 30б); *къ простѣишимъ* (субст.) (Евфр. С., 104); *простѣйшимъ* (субст.) (Корм. (Балаш., 144 г); *въ простѣйшѧѧ* ризы (Иос. Флав., V); на дороге *простѣйшой* (Пам. дипл. М. Г. (П.—Лит.), III, 1570 г.); симъ *простѣйшимъ* (Чел. Ник., 1615 г.); *простѣйшему* народу (Авв., 307); *простѣiшiи* (Систима, 230).

Основа *пуст-*. Ср. степень к прилагательному *пустой* представлена в наших материалах лишь одним примером из позднего памятника: *пустѣе* (АИ, I, 342, 1571 г.).

Основа *тълст-*. В русских памятниках старославянской редакции — *тлъщша* (см. Вайан, Руководство, стр. 162).

По типу с суффиксом -*jьs:

а) *тлъщьшѫ* (Срезн.—Гр. Наз.); *тлъщша* (Хр. Георг. Ам., 288б, сп. XV в.); *толще* (Пск. 1 лет., 1400 г.); *толще* (там же, 1403 г.); *толъще* (Ист. рус. ц., сп. XV—XVI вв.); *толща* (Пам. дипл. М. Г. с Крымом, 1512 г., II, 89); *толще* (Арс. Сух., 26); *толще* (Арх. Бароц., I); *толще* (Кугорн, Нов. креп.); *толще* (Докл. в сенате, III, I, 1713 г.).

По типу с суффиксом -*ějьs:*

а) *толщѣѥ* (Хр. Георг. Ам., 184 г., сп. XIII—XIV вв.); *толщѣѥ* (там же); *толщеѣ* (Кугорн., Нов. креп., 1702 г.);

б) *толстѣiшыя* частiцы (Систима, 31); пища *толстѣишая* (Дамаскин, Афон. гора, нач. XVIII в.).

Основа *чѧст-*. Ср. старосл. *чѧште* (Селищев, Старослав. яз., стр. 133).

По типу с суффиксом -*jьs:*

а) наречие *чаще* (Птр., XII, 75; там же, IV, 316; Флор. ек., 160); наречие *чащей* (Птр., VII, 473).

По типу с суффиксом -*ějьs:*

а) *чѧстѣѥ* (Сб. Свят., 207б); *частѣиши* (Пам. отр. лит., т. II, VII, XIV в.); *частеише* (Курб., 187); *частѣе* (Перепис. Мих. Фед., 79); *чáстѣе* (Пос., Отеч. поуч., 59); *частѣе* (Меж., 407).

Основа *чист-*. Ср. в старосл.: сами сѫште вьсѣхъ *нечистѣише* (Супр. р.).

По типу с суффиксом -*ějьs:*

а) *чс̄тѣѥ* (Сл. мин., сент., 119а); *чистѣе* (там же, 108б); *чстѣйшоу* (там же, 69а); *нечистѣише* (Хр. Георг. Ам., 298а); *чистѣи* (Усп. Сб., р̄.); *чистѣѥ* (Злат., VIII); *чистѣе* (Сл. Ипп., 40); *чистѣйши* (Соф. вр., 1430 г.); *чистѣйша* (Авв.); *чистѣе* (Геогр. ген., 142);

б) *чистѣишии* пр̄къ (Сл. мин., сент., 112а); златомъ *чистѣишимъ* (Библ. Генн.); къ *чистѣишему* (субст.) (Иос. Флав., II, сп. XVI в.); *чистѣишему* свѣту (Авр. См., I, 113); вода... *чiстѣiшая* (Систима, 31).

По типу с суффиксом -*jьs:*

а) *чище* (Птр., IV); *чищши* (Пос., Отеч. поуч., 35); *чище* (Флор. ек.);

б) *чистшіи* (Сим. Перепл., XVII); *чистшыѧ*, (Сим. Пол., Бес., 139).

Основа *поу[щ]-*[34]. Ср. степень с основой *поущ-* не имеет соотносительных, того же корня, прилагательного и наречия положительной степени. Неизменяемая форма *пуще* в древнерусских памятниках имеет значение 'сильнее', 'больше', а также выступает в роли наречия со значением 'особенно' и предлогов *кроме*, *сверх*. В качестве ср. степени прилагательного формы данной основы выступают в значениях 'больший', 'более сильный', 'более тягостный', 'худший', 'низший', 'более жалкий' (см. Срезн.). Ср. ниже те же значения в текстах.

По типу с суффиксом *-*jьs:*

а) То же бы намъ все видяще предъ очима, лучьшимъ быти, мы же быхомъ *пушьщи* (Новг. 1 лет., Син. сп., 1230 г.); гордъ и любодѣи и ина *пушьша* сдѣлалъ кость (Жит. Андр. Юр.); *пущи* ны Игоревы смрти (Лавр. лет., 56); азъ же имамъ съвѣдѣтельство *пуще* Иоанова (Нов. Зав. св. Ал., И., V, 36); золчи и горести вкуша́ и не бы *пуще* оубожьства (Ак. Прем., II, 58); ненавидѧщи цѣсаревичю *поуще* пасынку (Иос. Флав., кн. I, XXIV, сп. XV в.); себя мнѣ *пущи* погубит (Урусл. Залаз., сп. XVII в.); *пущи* и первова взбѣсясь, в обѣдню ушелъ (Авв., 75); осердился на меня опять *пущи* старова (там же, 17); а Богъ *пущи* угнетает (там же, 33); *пущи* отца своего Никона надо мною бѣднымъ сотворили (Авв., 765); промышленные люди... чинить обиды и насильства болшіе, *пуще* служилых людей (ДАИ, IV, 1664); и тому далося *пущи* всѣхъ (Пск. 1 лет., 1609 г.); *пуще* ны Игоревы смерти (Твер. лет., 945 г.), *пуще* тошнота: ждем, да не дождемся (Пис. рус. гос., II);

б) *поущьщаго* (Сл. мин., окт., 58б); казаков... *пущихъ* (РИБ — акты № 56, 1594 г.); атамановъ и казаковъ *пущихъ* (там же); отьць мои *пущии* всѣхъ отьць (Иос. Флав., кн. I, XXX, сп. XVI в.); *пущіе* сѣверные места (АИ, т. II, 1609 г.); *пущій* врагъ (Пск. 1 лет., 1615 г.); *пущих* заводчиковъ (Разин. восст., 1670 г.); *пущей* завотчик (Птр., VII, 608); *пущая* докука (Птр., I, 672).

По типу с суффиксом *-*ějьs* оформлен лишь один случай употребления: что оубо паче словесъ сихъ боудеть злѣи и что живота *поущеѥ* (Хр. Георг. Ам., 66 г, сп. XIII—XIV вв.); *щ* в исходе основы свидетельствует о вторичном характере этой формы.

Формы ср. степени данной основы отмечены в качестве вариантов к следующим формам ср. степени (приводятся тексты Гал. Ч.-Ев., рядом указывается форма от основы *пущ-*, употребленная в соответствующих случаях в Нов. Зав. св. Ал.): азъ же имамъ съвѣдѣтельство *болѣ* Иоанова (И., V, 36), — *пуще*; и *горьші* дїра боудеть (Марк, II,

[34] Основу *поущ-* неясной этимологии считаем удобным рассматривать в данном разделе. Исконно русский характер этой основы дает основание считать конечный согласный основы — *щ* также звуком восточнославянского (русского) происхождения и, следовательно, рассматривать ее как основу на *ст* (или *ск*).

21), — *пѫщщи*; и боудеть послѣдьнаꙗ льсть *горшi* пьрвыꙗ (Мат., XXVII, 64), — *пѫщша*; и бывають посльднаꙗ члка того *горшꙗ* пьрвыхъ (Лук., XI, 26), — *поущши*.

Среди форм ср. степени от основ на сочетание *ст-*, как видно из приведенного материала, в древнерусском были формы двух типов образования. Основы *густ-*, *толст-*, *част-* первоначально давали образования ср. степени с суффиксом *-*jьs*; основы *ист-*, *прост-*, *пуст-* (к пустой), *чист-* — с суффиксом *-*ějьs*.

Об этом свидетельствуют примеры образования форм по этому типу в древнейших памятниках русской письменности, а также соответствующие (с тем же суффиксом) образования в старославянском языке или в ранних русских списках старославянских оригиналов.

Наличие двух типов образования от основ на *ст-* обеспечивало возможность аналогических взаимодействий между ними.

Так, от основ, шедших первоначально по типу с суффиксом *-*jьs*, в памятниках представлены и формы, образованные с суффиксом *-*ějьs*. Ср. *густѣе*, *частѣе* с восстановленным сочетанием согласных в исходе основы — и *толщѣе*, *поущѣе* с сохранением результата изменения сочетания согласных в двойной шипящий. Отдельные из них относятся к раннему времени — например, *частѣе* (Изб. Свят.), большая же часть таких форм относится к позднему времени — XVI—XVII вв. Характерно также, что членные формы от данных основ могут быть образованы только по типу с суффиксом *-*ějьs* без изменения сочетания конечных согласных (типа *густѣйший*, *толстѣйший*). С общей тенденцией распространения членных форм на *-ѣйш-* в поздних памятниках книжного жанра может быть связано употребление в них и неизменяемых форм того же типа образования, но от основы им. -вин. п. *густѣе*, *частѣе*, которые, как известно, в дальнейшем не укрепились в литературном языке, будучи вытесненными исконным типом образования (*гуще*, *чище*, *толще*). Из аналогических образований по модели с суффиксом *-*ějьs* с согласным *щ* в исходе основы на месте сочетания *ст* отмечена лишь одна форма *толщѣе*[35]; членных же форм с согласным *щ* в исходе основы (типа *чищайший*) нет совершенно. Членные формы, образованные закономерно по типу с суффиксом *-*jьs*, фактически не были употребительны, имеется только ранний пример *гоушьшаꙗ* (Хр. Георг. Ам.) и формы в поздних памятниках типа *чи́стшыꙗ* (Сим. Пол., Бес.), *густшія* (Арифм. Магн.), представляющиеся искусственными[36].

[35] Форма *поущее* непоказательна, так как исходная для образования ср. степени основа не известна в русском языке.

[36] Ср. форму *чистшіи*, *чистшыꙗ* также в поздних памятниках от основы, имевшей первичный тип образования ср. степени с суффиксом *-*ějьs*. Искусственность таких форм проявляется в неудобопроизносимости в них сочетания согласных для русского языка, сам же тип такого образования членных форм *густшія* вм. *гущьшия*) с «восстановлением» исхода основы известен уже по образованиям *молотший*, *нисший* и под.

www.ruslang.ru

У основ, имевших первоначальный тип образования с суффиксом *-*ějьs*, следует отметить также тенденцию к формированию неизменяемой формы ср. степени по типу с суффиксом *-*jьs*, ср. *чище* в поздних памятниках. В материалах на основы *прост-*, *пуст-*, *ист-* нет примеров образования подобных форм: от основы *прост-* имеются только членные формы, основа *пуст-* представлена лишь одним примером (*пустѣе*), а основа *ист-* рано вышла из употребления как основа ср. степени. Как показывает современный литературный язык, ср. степень от основы *прост-* также оформилась по типу с суффиксом *-*jьs* (*проще*). Таким образом, основа *пуст-* оказалась единственной из всех основ с исходом на *ст*, образующей неизменяемую сравнительную форму на *-ее* (т. е. по типу с суффиксом *-*ějьs*). Это объясняется тем, что образование от нее по типу с суффиксом *-*jьs* совпадало бы с ср. формой другого значения — *пуще*. Ввиду неясной этимологии последней формы, нельзя определить первичных отношений этих двух образований: являются ли они образованием от разных основ (ср. возможность происхождения последней формы от основы **pusk-*)[37] или представляют собой раннее разветвление значений одного корня (*pust-*) с распределением их по двум типам образования ср. степени подобно тому, как в современном литературном языке распределились по двум типам образования формы ср. степени от основы *худ-* в зависимости от значения.

Недостаточность материала по каждой из основ кроме *чист-* и *ну[щ]-* дает возможность лишь в очень обобщенном виде определить две основные, впоследствии совершенно четко откристаллизовавшиеся, тенденции в образовании форм ср. степени от основ с исходом на *ст-*: 1) образовывать неизменяемые формы по типу с суффиксом *-*jьs* (*чище*, *толще* и т. д.); 2) образовывать членные формы в книжном языке по типу с суффиксом *-*ějьs* с конечным сочетанием *ст* в исходе основы. Ср. отсутствие в современном литературном языке при форме *чаще* формы *чащайший* или *чащейший*, тогда как при форме *ниже* существует форма *нижайший*. Последнее обстоятельство следует особенно подчеркнуть, так как оно интересно в плане общих соображений о видах взаимодействия основ ср. степени (см. ниже).

Основы на зубные согласные, в отличие от основ на задненебные согласные, представляют ту особенность в образовании ср. степени, что два типа образования рознятся в них не только особыми суффиксальными элементами, но и различным оформлением исхода основы. Так, при образовании по типу с суффиксом *-*jьs* в исходе основы выступают шипящие согласные *ш* (из **sj*), *ж* (из **zj* и **dj*), *ч* (из **tj*), *щ*

[37] Отсутствие основы прилагательного-наречия *пуск-* в русском языке делает это предположение недоказуемым. Единственным намеком на ее существование может служить наречие *взапуски*, а также возможность его соотнесенности с глаголами *пускать*, *пустить*.

(из сочетания **stj*). Таким образом, исторически закономерными отношениями являются для этого типа основ следующие:

в основах на **z*: *ниже*, *нижьший*, но *борзѣе*, *борзѣиший*;
в основах на **s*: *выше*, *вышьший*, но [*лысѣе*, *лысѣиший*][38];
в основах на **d*: *хуже*, *хужьший*, но *твердѣе*, *твердѣиший*;
в основах на **t*: *люче*, *лючьший*, но *святѣе*, *святѣишии*;
в основах на **st*: *гуще*, *гущьший*, но *чистѣе*, *чистѣиший*.

Связь типов образования ср. степени от основ на зубные согласные с определенными вариантами основ (основы на шипящие — основы на зубные) определяет некоторые закономерности в их истории.

Материал форм ср. степени от основ на зубные согласные, помимо представленных в приведенной схеме исторически закономерных образований, отражает также взаимодействие между двумя типами образования. Это взаимодействие представлено в двух видах.

Первый из них проявляется в возможности оформления одной и той же основы по двум типам образования с сохранением закономерностей, присущих каждому типу. В качестве характерных примеров такого вида взаимодействия приведем основы *лют-*[39], *борз-* и *твьрд-*, два типа образования ср. степени, от которых известны уже по древнейшим памятникам, ср. *лючьшю* (Злат., XI в., VII, 85) и *лютѣйшь* (Изб. Свят., 48); *борже* (Патр. лет., 1219 г.) и *борзѣиша* (Хр. Георг. Ам., 46г, сп. XIII—XIV вв.); *тверже* (Срезн. — Ефр. Крм. Крф., 138) и *твердѣи* (Срезн. — Гр. Наз., XI, 100).

Этот вид взаимодействия можно охарактеризовать как наиболее древний, по времени уходящий в доисторию процесс взаимодействия типов образования с сохранением всей совокупности их признаков. Его специфика объясняется тем, что в эпоху возникновения этого взаимодействия фонетические отношения, связанные с образованием ср. степени от основ на зубные согласные, были еще актуальными, в силу чего механическое совмещение основ и суффиксов, принадлежащих к разным типам образования, было невозможным. Так, например, к основе ср. степени *люч-* (возникшей из *лют-* перед суффиксом *-*jьs*) нельзя было присоединить путем аналогических взаимодействий суффикс *-ѣиш-*, характеризующий образование от основ на зубные с суффиксом *-*ějьs* (ср. *святѣйшии*, *кротѣйшии* и подобные) в силу того, что в эту эпоху наличие *ч* из *т* перед *ѣ* (в предполагаемой форме *лючѣишии*) было невозможным; то же самое можно сказать для этой эпохи и о невозможности форм типа *хужѣе(-ае)*, *боржѣе(-ае)*, *чащѣе* и соответствующих им членных форм

---

[38] Основ на **s*, образующих ср. степень по типу с суффиксом **-ějьs*, в материалах не оказалось; таких основ из числа употребительных вообще очень мало в языке.

[39] Основа *лют-*, как показано выше, могла образовывать ср. степень по обоим типам образования и в старославянском языке.

в силу того, что *ж* из *з* или *д*, *ш* из *с*, *щ* из *ст* не могли выступать перед *ѣ* и его заменами.

В более позднюю эпоху, благодаря изменению фонетических норм, утрачивается фонетическая обусловленность шипящих качеством последующего гласного звука, что связано с целым рядом имевших место в языке фонетико-морфологических процессов[40]. Морфологизация чередований делает противопоставление зубных согласных шипящим в исходе основы признаком определенных морфем, вследствие чего, например, основы ср. степени на шипящий уже не являются по этому признаку лишь органической частью образований по типу с суффиксом -**jьs* (ср. *ниж-ьш-ий выш-ьш-ий* и под.); в качестве самостоятельной морфемы основа с шипящим в исходе может выступать с суффиксом другого типа образования. Так, наряду с отношениями типа *борже — борзѣе*, *люче — лютѣе* возникают новые отношения: *выше — вышѣе*, *ближе — ближѣе — ближайший*, *хуже — хужее*, где основа с признаком одного типа образования (с суффиксом -**jьs*) выступает с суффиксом другого типа образования (-**ějьs*).

Фактически только с момента появления таких отношений, проявившихся в образовании аналогических форм типа *нижѣе*, *вышее*, можно говорить об основе ср. степени на шипящий как о самостоятельной морфеме, противопоставляя ее основе ср. степени на зубной, губной и другие согласные и не связывая эти понятия одновременно с определенным типом образования или конкретной формой с признаками того или иного типа.

О более позднем характере таких отношений свидетельствует наличие форм такого характера в поздних памятниках или поздних списках ранних оригиналов — в основном в XV—XVII вв. Однако имеем два ранних примера: *ближѣйшихъ* избирати (Срезн. — Ефр. Крм., Крф., 120) и *вышаѥ* перваго вторые (Срезн. — Io, Леств., XII в.), указывающих на принципиальную возможность такого рода отношений уже в древнейшую пору.

Раннему появлению таких форм содействовали два обстоятельства. Первое и основное — это то, что в другой группе основ, в основах на задненебные согласные, конечный согласный основы в обоих типах образования был закономерно представлен в виде шипящего согласного (см. в разделе основ на задненебные согласные). Это обстоятельство явилось формальным выражением независимости основы на шипящий от типа образования и обеспечивало свободное функционирование таких основ с суффиксами обоих типов образования. Таким образом, наличие

[40] Детальное изложение вопроса о морфологизации этих отношений в русском языке с характеристикой тех фонетических процессов, которые создавали почву для морфологизации отношений *к — ч*, *г — ж*, *х — ш*, имеется в статье П. С. Кузнецова «О возникновении и развитии звуковых чередований в русском языке». Там же дается и общая схема процессов, приводящих к морфологизации фонетических чередований. См. Изв. ОЛЯ АН СССР, т. XI, вып. 1, 1952.

в языке форм типа *должае*, *должѣе* (от основы *долг-*), *сушае*, *сушѣе* (от основы *сух-*), *высочае*, *высочѣе* (от основы *высок-*) обеспечивало возможность возникновения наряду с закономерными формами *выше*, *ближе*, *тверже* (от основ *выс-*, *близ-*, *тверд-*) форм типа *вышае* (*-ѣе*), *ближае* (*ѣе*), *твержайший* и под.[41]

Тот факт, что формы от основ на зубные типа *ближѣе*, *твержайший* и т. п. возникали под воздействием форм от основ на задненебные типа *должае*, *сушае* подтверждается тем, что суффикс может выступать не только в форме *-ѣе*, но и в форме *ае*. Если бы взаимодействие основ и суффиксов проходило только внутри образований от основ на зубные, где было налицо только противопоставление форм типа *ниже* типу *поздѣе* (*ниж-е: позд-ѣе*), то суффикса *-ае* после основы на шипящий быть не могло[42]. Перебои суффиксов *-ае* и *-ѣе* в аналогически возникших формах типа *нижае* (*-ѣе*), *ближае* (*ѣе*), *вышѣе*, *боржае* и под. отражают соответствующее явление в том виде, как оно представлено в основах на задненебные согласные.

Второе обстоятельство гораздо более частного характера, которое также в некоторой мере могло содействовать морфологизации фонетического чередования в типе основ на зубные согласные, — это наличие в языке форм ср. степени от первичных основ на шипящие, ср. прилагательные типа *рыжий*, *свежий*, *пригожий*, *ражий*, *тощий*[43] и под. Все они образуют в современном русском языке ср. степень на *-ее*, т. е. по типу с суффиксом *-*ějьs*. Мы не располагаем примерами образования ср. степени от основ на шипящие (ср. пример из пам. XVIII в.: чѣмь *свѣжѣе* сметана тѣм лучше и желтѣе масло будет, Флор. ек.), но тот факт, что в современном языке из всех основ ср. степени на шипящий лишь этот тип основ образует ср. степень на *-ее*, в то время как остальные основы ср. степени на шипящий, чередующийся с задненебными и зубными в основах положительной степени, образуют ср. степень на *-е*, явственно свидетельствует о том, что это не образование, подравнявшееся по определенной модели, а традиционный тип образования форм ср. степени от данных основ. Однако существенного значения для структуры ср. степени вообще этот тип иметь не мог ввиду его крайней малочисленности в русском языке.

---

[41] Аналогичных образований от основ с исходом на согласный *т* не обнаружено, видимо, вследствие их малочисленности: лишь основы *корот-*, *лют-*, *крут-* из числа основ на *т* шли первоначально по типу образования с суффиксом *-*jьs*, причем основа *лют-* только в древнейших старославянских памятниках русской редакции. Основа *vet-* (*вяще* — ср. степень) давала подобные образования, ср. *вящѣиши* (Срезн., — Паис. сб., 139, Варф., кон. XIV—нач. XV в.), однако ввиду ее чужеродности и отсутствия положительной степени того же корня она не может быть поставлена в один ряд с приведенными выше образованиями.

[42] Как фонетический этот процесс в историческую эпоху протекать уже не мог (см. сказанное в разделе основ на задненебные).

[43] Данные основы восходят к общеславянским образованиям с суффиксом *-j-*.

В свете того, что сказано выше о причинах возникновения форм типа *вышѣе*, *ближае* и под., характерной является та картина, которая представлена в группе основ с исходом на *ст-* (*густ-*, *прост-* и др.). Здесь основы на шипящий (*щ*) не выступают с суффиксом, характеризующим другой тип образования (-**ějьs*); формы типа *чащѣе*, *чащѣиши*, *гущѣе*, *гущѣиший* отсутствуют в языке, так как в нем не было модели для такого взаимодействия.

Наличие единичных основ положительной степени с исходом на *щ* типа *тощий*, *нищий*[44] не могло сыграть существенной роли. Единственной основой, от которой встретилось образование такого типа (т. е. *щ* на месте конечного *ст* при образовании по типу с суффиксом -**ějьs*), является основа *толст-*, ср. *толщѣе* (Хр. Георг. Ам.) и *толщеѣ* (Кугорн., Нов. креп., 1702 г.).

Следует особенно подчеркнуть то обстоятельство, что благодаря имевшимся в языке двум моделям образования ср. степени с основой на шипящий (т. е наличию пар типа *лише — сушае* или аналогически возникших пар типа *ниже — нижае*) и отсутствию подобных условий для основ ср. степени на зубные согласные (т. е. отсутствию модели для образования при формах типа *святѣе*, *поздѣе* также форм *свяше*, *позде*), формообразовательные возможности у основ на шипящие оказались шире, чем у основ на зубные согласные[45].

Приведенный выше материал показывает, что если из форм с основой на зубные согласные употреблялись только формы типа *сеятѣе — святѣйший*, то от основ на шипящие были употребительны две соответственные пары *ниже — нижъший* (*нисший*) и *нижае — нижайший*. Правда, как видно из материала, не от всех основ ср. степени на шипящий были возможны все четыре формы (это связано с индивидуальной судьбой тех или иных основ), а также не все они остались употребительными позже в литературном языке.

Наличие двух вариантов образования у основ ср. степени с основой на шипящие согласные (*выше — сушае*) обеспечивало в этих основах возможность осуществления аналогических процессов в том и другом направлении, т. е. от *сушае* к *суше* и от *выше* к *вышае*. В противоположность этому основы ср. степени на зубной согласный могли выступать только в форме типа *лютѣе*, *лютѣйший*. Это обстоятельство в истории образования неизменяемой формы ср. степени имело, как будет показано дальше, ведущее значение в формировании всей системы образования ср. степени в русском языке.

[44] Последнее прилагательное чаще встречается не как основа качественного значения, а в субстантивированном употреблении, обозначая определенный социальный слой людей, и в этом значении, естественно, не может иметь ср. степени.

[45] Отсутствие этого вида взаимодействия (т. е. форм типа *позде*, *чисте*, *худе* и под.) может объясняться также тем, что такие формы при раннем совпадении заударных *е* и *ѣ* в одном звуке могли совпадать с наречиями на *ѣ* (из **oi*), ср., например: *худѣ* (Б. и Г.), *поздѣ* (Остр. Ев.), а также от других основ: *добрѣ* (Злат., VI, 80); *новѣ*, *малѣ*, *спешьнѣ* и др. (см. Срезн.).

Переходя к конкретным видам взаимодействия двух типов образования, в основах на зубные согласные, следует сказать о некоторых ведущих тенденциях, выявляющихся на этом материале.

1. Первый из описанных выше видов взаимодействия двух типов образования форм ср. степени от основ на зубные согласные протекал следующим образом.

В направлении от типа с суффиксом -**jьs* к типу с суффиксом -**ějьs* шли процессы, касающиеся разных периодов истории данных образований. Для некоторых основ, искони выступавших с суффиксом -**jьs*, имеются весьма ранние примеры образования ср. степени по типу с суффиксом -**ějьs*. К таким основам принадлежат *борз- худ-*, *горд-*, *тверд-*, *лют-*[46], *част-*. Одни из этих основ (*лют-*, *борз-*, *част-*, *горд-*) и в более поздних памятниках употребляются в формах, соответствующих типу образования с суффиксом -**ějьs*, успешно конкурирующих с другим типом образования; другие (*худ-*, *тверд-*) в основном продолжают идти по типу с суффиксом -**jьs*; ср. при единичных *твердѣе* (Срезн. — Гр. Наз., XI в., 100), *худѣи* (там же) последовательное употребление форм *хуже*, *хужьши*, *хужьший*, *тверже*, *тверждшее*, *твержии* в памятниках более позднего периода. Впоследствии формы типа *лютѣе — лютѣиший* становятся единственно возможным типом образования ср. степени от данной основы, а ср. степень от основы *борз-* в обоих ее вариантах (*борзѣе*, *борже*) выходит из употребления.

Некоторое усиление взаимодействия в том же направлении наблюдается в XV—XVII вв. с вовлечением в него ряда других основ, например, *младѣе* (Срезн. — Перм.).

Характерно, однако, что формы типа *твердѣе*, *младѣе*, *частѣе* не оказались устойчивыми в языке и уступили место исконным образованиям по типу с суффиксом -**jьs*. Относительная продуктивность их в поздние века (XVI—XVII) связана, как нам кажется, с распространением членных форм того же типа образования (с суффиксом -*ѣйш-*), которые искусственно поддерживались в жанрах письменности, тяготевших к высокому стилю речи. Показательно в этом смысле отсутствие как форм типа *твердѣе*, *младѣе*, *частѣе*, так и соответствующих им членных форм с суффиксом -*ѣйш-*, в жанрах бытовой и деловой письменности, в большей мере отражающих нормы живого языка. Так, например, если образования от основы *худ-* по типу с суффиксом -**jьs*, помимо произведений религиозно-возвышенного содержания, широко отражены и в деловой письменности, и в летописях: ср. *хуже* (Пам. дипл. М. Г.; Авв.; Птр., VII); *хужи* (Лавр. лет.); *хуже* (Суздл. лет.; Акты исторические; Улож. Ал. Мих.; Сим., Посл.); *хужше* (Воскр. лет.); *хуждьши* (Твер. лет. и др.), то формы, образованные по типу

[46] Предположительно считаем образование до типу -**ějьs* от основы *лют-* исконным для русского языка древнейшей поры (см. комментарии к данной основе).

с суффиксом -*ějьs*, встречаются в основном в произведениях религиозного характера: *худѣи* (Срезн. — Гр. Наз., XI в.); *худѣе* (Библ. Генн.); *худѣйша* (Жит. Ал. Нев.: Великие Минеи Четьи); *худѣйшего* и др. членные формы (Жит. Ал. Нев., Кн. земл., Систима, Сказ. Авр. Павл., Пам. ст. лит.); в летописи позднего извода встретилось образование по этому типу всего один раз: *худѣиши* (Твер. лет., 1357 г.).

Если же принять во внимание тот факт, что позже в литературном языке образования в неизменяемой форме типа *твердее*, *частее* вышли из употребления, уступив место формам, образованным по типу с суффиксом -*jьs* (*тверже*, *чаще*), а членные формы получили более ограниченное употребление, то факт их неорганического существования в русском языке XVI—XVII вв. становится очевидным.

В противоположность этим процессам, не получившим закрепления в литературном языке, процессы обратного порядка совпали с тенденцией языка образовывать неизменяемую форму с основой на шипящий по типу с суффиксом -*jьs* (на *-е*). Эти взаимодействия носят поздний характер, они отмечены в основном в памятниках XVI—XVII вв. В наших материалах они представлены довольно скудно основами *позд-* и *чист-*: *позже* (Пис. Птр. и Ск. Ал. Нев.); *чище* (Птр., IV; Флор. ек.; Пос., Отеч. поуч.). Однако, как показывает современный русский язык, сюда же присоединились и неизменяемые формы ср. степени от основ *прост-*, *густ-* (*проще*, *гуще*), ранее шедшие по типу с суффиксом -*ějьs*.

Подводя итог сказанному относительно первого вида взаимодействия типов образования ср. степени от основ на зубные согласные, следует отметить, что в формировании нечленных форм ср. степени явно возобладал тип образования с суффиксом *-*jьs*. Типичными для этих основ, вне зависимости от первоначального типа образования каждой отдельной основы, стали формы типа *реже*, *позже**, *ближе*, *выше*, *толще*, *чище**, *гуще**, *проще**, *короче*, *круче*[47]. Наоборот, неизменяемые формы на *-ѣе* (*-ее*) с зубным в исходе основы (т. е. образования по типу с суффиксом -*ějьs*) типа *лютѣе*, *святѣе* постепенно становились исключением. Из довольно большого числа основ, первоначально шедших по данному типу образования[48]: *кротѣе*, *лютѣе**, *святѣе*, *поздѣе*, *сытѣе*, *дерзѣе*, *борзѣе**, *густѣе*, *истѣе*, *простѣе*, *пустѣе*, *чистѣе*[49] в дальнейшем

---

[47] Формы, помеченные звездочкой, с большим или меньшим основанием следует считать имевшими первичный тип образования ср. степени с суффиксом -*ějьs*.

[48] Формы, отмеченные звездочкой (см. материал соответствующих основ), имели с древнейшей поры параллельные образования по типу с суффиксом -*jьs*: *-люче*, *-борже*; первая из них была свойственна в основном старославянским памятникам в русской редакции.

[49] К этому перечню следует присоединить также и форму *желтѣе*, встретившуюся нам только один раз в памятнике XVIII в.: чѣмъ свѣжѣе смѣтана, тѣм лучше и *желтѣе* масло будет (Флор. ек.), а также некоторые основы на свистящие, малоупотребительные в языке, вроде *лысее*, *косее* и под., примеров на которые в наших материалах не оказалось.

вышли из употребления формы *кротѣе*, *дерзѣе*, *борзѣе*, *истѣе*, формы же *поздѣе*, *густѣе*, *простѣе*, *чистѣе* стали образовывать ср. степень по типу с суффиксом *-*jьs* (см. выше). Формы аналогического происхождения типа *твердѣе*, как сказано выше, в языке не удержались. В результате всего этого в языке остались, как след исконного типа образования с суффиксом -**ějьs* в пределах форм ср. степени от основ на зубные, только *лютѣе*, *святѣе*, *сытѣе*, *пустѣе* и некоторые другие (см. сноску [49]). Устойчивость формы *пустѣе* можно объяснить как результат того, что в языке уже имелась форма ср. степени *пуще* другого значения, совпадавшая с формой по типу с суффиксом -**jьs*, которая могла бы аналогическим путем возникнуть от основы *пуст-*, как во всех остальных основах на *ст-*. Форма *худѣе* закрепилась в языке, видимо, благодаря тому, что связалась с другим значением, отличным от значения формы *хуже*.

2. Второй вид взаимодействия, проявившийся в возможности сочетать основы на шипящий с суффиксами *-ѣе*, *-ѣйш-* (*-ае*, *-айш-*), относится к позднему периоду (XV — XVII). Ранние примеры такого взаимодействия единичны: *вышаѥ* (Срезн. — Io. Лѣств. XII в); *ближѣишихъ* (Срезн. — Ефр. Крм. Крф., 120). По характеру употребления в памятниках подобные формы очень близки к формам типа *твьрдѣе*, *худѣе* (вм. *тверже*, *хуже*) в том отношении, что, как и последние, они становятся особенно употребительными в памятниках религиозно-возвышенной тематики и мало отражены в более близких к живому языку жанрах. Причем, если формы типа *твьрдѣе*, *худѣе* встречаются исключительно от основ на взрывные согласные, то формы типа *вышаѥ* отмечены в основном — и более последовательно — от основ на фрикативные согласные (*низ-*, *выс-*, *близ-*), тогда как наличие таких форм от основ на зубные взрывные носит эпизодический характер. Обнаружены всего три формы: *хужее* (Птр., I, 795), *хуждіе* (Посл. еп. Сим. Влад., сп. XV в.), *твержайшими* крепостьми (Кат.-Рост.).

Ср. памятники поздних веков, где встречаются формы от основ на фрикативные зубные: *ближее* (Пос., Отеч. Поуч.); *ближае* (Дем. Летавсц); *ближае* (Арифм. Магн.); *ближайше* (Авв.); *ближайши* (Курб.); *вышее* (Пам. стр. лит.); *вышеиши* (Ипат. лет. 6683 г. по сп. Х. и П.); *нижае* (Пов. рел. сод.; Упр. гор. Воб.; Сим. Пол., Бес.; Кугорн., Нов. креп.; Аполлодор); *нижайше* (наречие) (Переп. Ал. Петр.; АК., IV; Пис. рус. гос.); *нижайшимъ* и др. членные формы (Курб.; Птр., IV); *боржае* (АИ, Ефр., Евфр., Отразит. пис.), и др.

Следует отметить, что и соответствующие формы от основ на задненёбные, которые послужили образцом для создания подобных от основ на зубные, в поздних памятниках также становятся специфичными только для определенных жанров, мало связанных с живой народной речью, где они были вытеснены параллельными формами, образованными по типу с суффиксом -**jьs* (*тише*, *суше*), — см. в разделе основ на задненёбные согласные.

Непосредственно связаны с данными формами по своему происхождению формы типа *ближей*, *вышей*, *нижей*, *кручей*, *вящей*, *чащей*. Их спецификой является редукция до нуля конечного безударного гласного (*вышеје* → *вышеj*). Этот фонетико-морфологический процесс, связанный с безударным положением суффикса *-ѣе* (*-ее*), свидетельствует о том, что формы типа *вышей*, *кручей* имели накоренное ударение, свойственное основам, шедшим первоначально по типу суффиксом *-*jьs*[50]. Это обстоятельство заставляет и в исходных формах типа *ближее*, *вышее*, *вящее* и под. предполагать накоренное ударение. Формы с редукцией конечного гласного зафиксированы только в поздних памятниках, преимущественно конца XVI — начала XVIII вв.

Таким образом, характеристика второго вида взаимодействия дополняется тем, что основа выступает в той разновидности, которая присуща образованиям с суффиксом *-*jьs*, о чем свидетельствует не только качество конечного согласного основы, но и место ударения (на основе).

Характерно, что формы с редукцией конечного гласного никогда не имеют суффикса *-ай* (формы *нижай*, *вышай* совершенно не отмечены). Это вполне объясняется тем обстоятельством что редукция в заударном слоге связана была с южнорусскими говорами, где формы на *-ае* не распространены, в противоположность севернорусским, где они сохранились до сего времени без редукции конечного гласного.

Основные тенденции, связанные с формированием ср. степени, можно обобщить для всех основ, где исторически было представлено чередование с шипящими в исходе основы при образовании форм ср. степени, т. е. для основ на задненёбные и зубные согласные. Формы типа *тише*, *суше*, *выше*, *ниже*, *ко́роче*, *дороже* становятся постепенно единственным видом образования неизменяемой формы ср. степени с исходом основы на шипящий согласный. Исключением является лишь очень немногочисленная группа форм, образованных от основ на шипящий (исторически восходящих к основам, распространенным суффиксом *-j-*), например: *рыжее*, *свежее*, *тощее* и нек. др., мало употребительные в языке.

В качестве членных форм образования по типу с суффиксом *-*jьs* от основ на зубные и задненёбные согласные утвердились в языке от очень небольшого числа основ (*выс-*, *низ-*, *млад-*, *молод-*,[51] *худ-*,*лу*[*ч*]-), причем не все они в одинаковой мере свойственны народному языку. Образованные по типу с суффиксом *-*ějьs* членные формы как с шипящим, так и с зубными согласными в основе, например: *сушайший*, *ближайший*, *твердѣйший*, *лютѣйший*, из жанров письменности XVI—

[50] См. об этом подробнее в статье С. В. Бромлей: К истории места ударения в формах сравнительной степени в русском языке. «Докл. и сообщения Ин-та языкознания АН СССР», вып. 8. М., 1955.

[51] Впоследствии формы типа *моложьший*, *молотший*, *молотчий* (см. соответствующую основу) вышли в литературном языке из употребления.

XVII вв., характеризующихся высоким стилем языка, перешли одним из компонентов в литературный язык, где бытуют и до настоящего времени при определенной лексической и стилистической ограниченности в их употреблении. Эти членные формы, наряду с немногочисленной группой неизменяемых форм ср. степени типа *лютѣе*, *ситѣе*, а также чрезвычайно ограниченной группой форм от основ на шипящие типа *рыжее*, *свежее*, являются вообще единственным вкладом образований с суффиксом -**ějьs* от основ на задненёбные и зубные согласные в литературный язык.

В заключение следует остановиться на явлении «восстановления» согласного основы, характеризующем эти основы. Сущность этого явления заключается в том, что возникшие в результате фонетического чередования шипящие в исходе основы (из сочетания конечного задненёбного или зубного перед *j* суффикса -**jьs*), затемнявшие этимологию корня, который вследствие этого слабо ассоциировался с соответствующей основой положительной степени, начинали устраняться посредством замены их соответствующим исходным согласным или сочетанием согласных. Среди представленных в памятниках явлений такого «восстановления» согласного основы следует выделять явления различного порядка. Приведем имеющийся в нашем распоряжении материал.

драгъши (Лавр. л., 80);
молодший, *молотший*, *молотчии* и под. формы (летописи, дух. дог. гр. и другие грамоты);
лутшие, *лутчие* и под. (в документах делового характера);
вятших (Новг. 1 лет.; Жит. Ал. Нев);

близши (Срп., Н., XVI в. и др.);
навысшего короля (Соф. вр.);
высшее христьянство (там же);
в высшем секретѣ (АК, 1718 г.);
Низшую. . . цѣну (Док. в Сенате, II, 2, 1712 г.);
Густшіи (Ариф. Магн.. 1703 г.);
густше (Геогр. ген., 1718 г.);
чистшіи (Сим., Перепл., XVII);
чустшыѧ (Сим. Пол., Бес.).

В левом столбце приведены формы, где графическое «восстановление» согласного основы могло в произношении давать вариант, отличный от исходной формы (если учесть отсутствие в произношении редуцированного между согласными основы и суффиксальным *ш*), так как восстанавливался звук взрывный или аффриката, которые с последующим шипящим не ассимилировались. Как уже сказано в разделах соответствующих основ, формы *молотшие (молотчие)*, *лутшие (лутчие)*, *вятших* встречаются главным образом в документах делового характера и их соответствие нормам живого произношения не вызывает сомнения.

Второй столбец содержит примеры позднего характера (XVI—XVII вв.) — эпохи установления определенных орфографических норм, усиления регламентации письменного языка, — что и проявилось, как

нам кажется, в их орфографии. Часть из приведенных здесь форм относится к основам на свистящие, которые, находясь непосредственно перед следующим *ш*, неизбежно должны были в произношении ассимилироваться с ними по месту образования и глухости и составить долгий твердый шипящий звук (как это и находим в современном произношении: *н'ӣш̄ый*, *вы̄ш̄ый*). Остальные формы относятся к основам на *ст* — группа, которая в соседстве со следующим *ш* образует неудобопроизносимое сочетание. Поэтому написания *густшіи*, *чистшыѧ* как и *близши*, *низшіе*, *высшее* следует объяснять закрепившимся в нормах орфографии данных форм стремлением к восстановлению этимологических связей с соответствующими однокоренными образованиями (*густой*, *чистый*, *близок*, *близость; низ*, *низок*, *низость; высок*, *высота* и т. п.).

Большие трудности для интерпретации представляют формы *кратошій*, *коротошій* (Срезн. — Io., Хр. Мал., сп. XV в.), суффиксальный элемент которых трудно вычленим и неясен по происхождению. Лишь в порядке предположения их можно связать с формами типа *крепоше*, *легоше*, которые обнаружены в говорах Псковской области[52], так как и те и другие, вероятно, образованы от основы, распространенной суффиксом *-ък (крѣп-ък-*, *крат-ък-)*. Отношение к этим формам форм *хуждошее* (Ск. Авр. Пал.), *вышеши* (Ак. Прем., 11, 15), *вящешю* (К.-Печ. пат., л. 90) также неясно. Судить о происхождении форм типа *кратошій* и сходных можно будет только в результате детального изучения соответствующего диалектного материала.

3. Основы на губные согласные

Основа *глѫб-*, *глыб-*. Ср. старосл. *глѫбл'ии* (Вайан, Руководство.., стр. 162).

Прилагательное того же корня образуется только от основы, распространенной суффиксом *-ок* (глубокий): стоуденьць *глѫбокъ* кость (Срезн. — Io. Лѣств., XII в.).

По типу с суффиксом *-*jьs*:

а) *глубльше* (Панд. Ант., XIV в.); *глубле* (Библ. Генн.); *глубле* (ВМЧ, окт.1 —3); *глубльша* (там же, дек. 6—17) *глублѣ* (Сим. лет., 6983 г.); *глубле* (Твер. лет., 6912 г.); *глыблѣ* (Пск. 1 лет., л. 293);

---

52 Ср. наличие этих форм в материалах, собранных для «Атласа русских народных говоров северо-западных областей РСФСР» по Псковской обл.: *пал'агбо́ше*, *пакр'апбо́ше*, д. Малы Печорского р-на; *пал'агбо́шы*, д. Стукалово Палкинского р-на; *л'агбо́ше*, с. Дядина Качановского р-на; *пакр'апбо́шы*, д. Сунево Пыталовского р-на; *паспарбо́ше*, *м'агбо́шы*, д. Петрово Псковского р-на; *пакр'апбо́шы*, д. Углы Новосельского р-на; *л'авбо́ше*, *слаббо́ше*, д. Васильево Псковского р-на; *кр'апбо́шы*, д. Сысоево Псковского р-на; *кр'апбо́шы*, д. Дрени Пыталовского р-на; *кр'апбо́шы*, д. Пустошки Островского р-на; *крепбо́ша*, *лавбо́ша*, д. Мельница Пушкиногорского р-на; *паталбо́ше*, д. Крутицы Новоржевского р-на; *лавбо́ше*, д. Палкино Ашевского р-на.

глѫбьшъ (Панд. Ант., XI в.); *глыбѣ* (Пск. 1 лет. Ак. сп.); *глубѣ* (там же, Снег. сп.);

глубьже (Сим., Посл., 138); *глубже* (Птр., VI, 98; там же, IV, 482); *глубже* (Реглам. шхип., 1724 г.); *глубже* (Флор. ек., 321);

б) *глоубльшихъ* (субст.) (Апокал., 26г, XII—XIII вв.); *глубльшии* черноризци (ВМЧ, ноябрь, 13—15);

глоубьшиихъ (субст.) (Панд. Ант., XV в.); *глоубьшаѧ* (субст.) (Хр. Георг. Ам., сп. XIII—XIV вв., 39б).

По типу с суффиксом -**ĕjьs*:

а) *глоублѣк* (Хр. Георг. Ам., сп. XIII—XIV вв., 189а); *глублѣи* (Авиас, 281, 1483 г.);

глубѣе (С., IV, 289); *глубѣе* (Авв., 881);

глубжае (Упр. гор. Воб., 131); *глубжѣе* (Прот. Верх. Тайн. Сов., 1, III, 1726 г.).

Отметим особенность, связанную с исконным типом образования ср. степени с суффиксом -**jьs*, а именно отмеченную поздними памятниками, несогласуемую форму *глубже*. Если сопоставить этот факт с имеющимся в нашем распоряжении примером от основы с исходом на *б* — *слабже* (см. ниже), а также с наличием формы *слабже* в народных говорах, то можно, как нам кажется, сделать вывод, что в формах косвенных падежей от основ на звонкий губной взрывной согласный типа *глубьше* имел место следующий процесс: в результате утраты редуцированного между звуками *б* и *ш* между этими согласными, оказавшимися в непосредственном соседстве, видимо, могла идти в отдельных диалектах прогрессивная ассимиляция по звонкости. Форма *глубже* утвердилась впоследствии в литературном языке, форма же *слабже* имеет яркую диалектную окраску, принципиально ничем не отличаясь по морфологическому составу от литературной формы *глубже*; она появилась, видимо, в результате более позднего процесса аналогии к фонетически закономерно возникшей форме *глубже*, так как первичным типом образования от основы *слаб-* был тип с суффиксом -**ĕjьs (слабѣе)*.

От этой же основы неизменяемой формы ср. степени *глубж-* образованы и формы аналогического происхождения по модели с суффиксом -**ĕjьs* после шипящих *(глубжае, глубжѣе)*, зафиксированные в поздних памятниках.

Членные формы от основы *глуб-*, образованные по типу с суффиксом -**jьs (глубльший, глубьший)*, не утвердились в языке. Примеры их употребления относятся в основном к ранней поре русской письменности (до XIV в.).

Образование по типу с суффиксом -**ĕjьs* от основы *глубл-* хотя и встречается в раннем русском списке Хроники Георгия Амартола (XIII—XIV вв.), однако не получило в русском языке распространения.

Членная форма ср. степени с корнем *глуб-* стала в озможной только

от основы, распространенной суффиксом *-ок*, совпадающей с основой прилагательного положительной степени *(глубочайший)*.

Основа *гржб-*. Ср. в старосл. форму *гржбл'ии* (Супр. р., 280; см. А. Вайан, Руководство.., стр. 162); в других славянских языках (по Миклошичу): serb. grublji; čech. grublji; pol. grubszy; klruss. hrubšyi.

По типу с суффиксом *-*jьs*:

б) *грубльших* (ВМЧ, ноябрь, 13—15);

грубшыя... сукна (Ист. евр. Пуф., 294).

По типу с суффиксом *-*ějьs*:

а) *грубѣйша* (Жит. Ал. Нев., сп. XVI в.); *грубѣе* (Кон. зав., нач. XVIII в., 2 л.);

б) *гржбѣишіхъ* (субст.) (Срезн. — Гр. Наз., XI в., 335); *грубѣишихъ* (ВМЧ, ноябрь, 13—15).

Поздний характер примеров не позволяет установить, насколько древним в русском языке является вариант образования по типу с суффиксом *-*ějьs*, однако данные современного русского литературного языка показывают, что этот тип закрепился как в несогласуемой, так и в членной формах *(грубее, грубейший)*, вытеснив полностью тип образования, подтверждаемый старославянским языком и другими славянскими языками.

Основа *люб-*. Старосл. *любѣе* (Супр. р.) Ср. у Срезневского др.-рус. *любый* — 'милый', 'любимый' (Сноу мои *любыи* — Сб. Свят.), 'нравящийся', а также наречие *любо* — 'нравится', 'хорошо', 'угодно'.

В древнерусских памятниках образование ср. степени известно от данной основы только по типу с суффиксом *-*ějьs*:

а) *Любѣе* (Срезн. — Гр. Наз., XI в., 46); *любѣѥ* (Усп. сб., стр. рѫ); *любѣе* (Изб. Свят., 174).

Наречие *любѣе* имеется только в самых ранних памятниках, являющихся русской редакцией старославянских оригиналов.

Основа *слаб-*. Ср. у Селищева (Старосл. яз., II, стр. 137) в качестве общеславянской основы ср. степени приведены: słabějes-, słaběis-, słaběiš-; а также у Вайана (Руководство.., стр. 161) форма *слабѣи* старосл. языка.

По типу с суффиксом *-*ějьs*:

а) *Слабѣиша* (Злат., IX, 102); *слабѣиша* (Усп. сб., стр. ѕ); *слабѣиши* (Иос. Флав., кн. 3, VII, сп. XVI в.); *слабѣиши* (Курб., 17—18); *слабѣе* (Степ., 497); *слабѣя* (Кугорн., Нов. Креп., 152); *слабѣе* (Укр. гор. Воб.);

б) *слабѣишими...* былы (Кормч. Балаш., 154, XVI в.); о *слабѣишихъ* (субст.) (Курб., 15); *слабѣишихъ* человѣцехъ (Степ., 567).

По типу с суффиксом *-*jьs*:

а) *слабже*[53] (Сим., Перепл., I, 7).

Основа *трѣб-*. Ср. старосл. *наитрѣбьши* (Супр. р., — Вайан, Руководство.., стр. 162). Прилагательное положительной степени *трѣбый*

[53] См. об этой форме в комментариях к основе *глуб-*.

употреблялось в древнерусском языке в значениях 'нужный', 'значительный', 'важный' (см. Срезн.).

По типу с суффиксом -**jьs*:

а) *требьши* суть (Срезн. — Апост. XIV в., Кор. 1, XII, 22);

б) *требльшаѧ* други (Срезн. — Апост. XIII в., Дѣян. X, 24); *требльшая* оученія (Срезн. — Кир. Иерус. Огл.).

По типу с суффиксом -**ějьs*:

а) *трѣбѣе* (Злат. XI в., VIII, — варианты по сп. сокр. извода Усп., Цар., Соф. — *треблѣ*).

Ср. степень от основы *трѣб-*, как и соответствующее прилагательное положительной степени, употреблялась в русской письменности ранних веков исключительно в текстах религиозного содержания и являлась в них церковнославянизмом. В более поздних памятниках эта основа уже неупотребительна.

Основа *крѣп-*. Ср. старосл. *крѣплеи* (гр. *κρατεῖ* *крѣплеи* мене въ слѣдъ мене, — Мар. Ев., Марк, I, 7), а также, в том же контексте, *крѣпли* (Зогр. Ев.); *крѣплиі* (Савв. кн.); *крѣплии* (Остр. Ев.)

Ср. у И. И. Срезневского древнерусское прилагательное *крѣпый* в значениях 'сильный', 'мужественный', 'твердый', 'упорный', 'жестокий'; *крѣпоу* къ рати быти (Гр. Наз. XI в., 31); о жестокый моужоу и *крѣпыи* храбъре (Злат., XII в.) и другие примеры, а также наречие *крѣпѣ* в значениях 'сильно', 'жестоко', 'твердо'.

Материалы древнерусских памятников:

По типу с суффиксом -**jьs*:

а) *крѣпльшь* (Срезн. — Гр. Наз., XI в.); *крѣплии* (Сб. Свят., 109б.); *крѣпльшѫ* (там же, 162 б); *крѣплии* (Остр. Ев., Лук., III, 16); *крѣпльи* (Гал. Ч.-Ев., Мат., III, 2); *крѣплѣ* (Алекс., III, 6); *крѣпльше* (там же, I, 38); *крѣпльша* (там же, III, 30); *крѣпльше* (Иос. Флав., кн. 2, XVI); *крѣпльше* (там же, XVI); *крепле* (там же, кн. 3, VII); *крѣплши* (Кн. земл., 28 об.);

крѣпьшь (Панд. Ант., XI);

б) с *крѣплѣшиимъ* (субст.) (Сб. Свят., 149б — 150а; *ѣ* вм. *ь* рассматриваем как описку. — *С. Б.*); *крѣпльи* (Гал. Ч.-Ев., Лук., XI, 22); *крепльшими* (субст.) (Иос. Флав., кн. 1, I); *крѣпльшемоу* цр҃ю (Алекс., I, 43); *крѣпльшаѧ* звери (там же, III, 30); оуношь *крѣпльшіих* (там же, кн. 2, XVII); въ *крѣпльшихъ* хранилищахъ (Арифм. Магн., Пред., 16); *крѣпшеі* (Нов. Зав. св. Ал., Марк, I, 7);

По типу с суффиксом -**ějьs*:

а) *крѣплѣи* (Иос. Флав., кн. 3, VI); *крѣплѣиши* (Ипат. лет., 6719), *крѣплѣиша* (ВМЧ, дек.); *крѣплейшѫ* (Изм., 340^2, сп. XVI в.); *крѣплийшиу* (Требник, 310, XVI в.);

крѣпѣѥ (Хр. Георг. Ам., 130г); *крѣпѣиши* (Ефр. Крм., 18); *крѣплѣиши* (Алекс., III, 16);

б) человекъ *крѣплѣи* (Твер. лет., 1319 г.); *крѣплѣишіи* (Библ. Генн.); *крѣплѣишим* (Иос. Флав., 3 кн., VII).

Как видно из приведенных выше значений прилагательного *крѣпый*, оно употреблялось преимущественно для характеристики моральных качеств человека, что составляло один из важных моментов литературы религиозной тематики, в которой описание христианских добродетелей святых духовных лиц занимает большое место. С этим же значением связана и большая употребительность форм ср. степени от основы *крѣп-* в памятниках книжных жанров. Этот круг значений корня в прилагательном *крепкий* современного литературного языка очень сузился, и в отношении к человеку это прилагательное стало употребляться почти исключительно для характеристики физических качеств. Корень *креп-* в литературном языке в качестве основы прилагательного и ср. степени полностью вышел из употребления, будучи вытеснен существовавшим издавна параллельным образованием того же корня с суффиксом *-ък (крѣпък-)*. В связи с этим употребление форм ср. степени от основы *крѣп-* в XVI—XVII вв. значительно уменьшается вне сферы литературы религиозной тематики.

Основа *лѣп-*. Ср. древнерусское прилагательное *лѣпый* со значениями (по Срезн., Мат.): 'красивый', 'хороший', 'прекрасный', 'годный', 'нежный', 'добрый', 'кроткий', а также наречие *лѣпо* (*лѣпо* есть) — 'прилично', 'годится', 'следует'.

Ср. образование ср. степени в старославянском: нѣсть доброты *лѣпѣиша* того (Супр. р.) и в других славянских языках (по Миклошичу): serb. ljepši; klruss. lipšyi; čech. lepší; pol. lepszy; oserb. lepši; nserb. lepšy.

Материалы древнерусских памятников:

По типу с суффиксом *-*jьs*:

а) *лѣпле* (Ник. Панд., сл. 6); *лѣпле* (Ипат. лет., 6662 г.); *лѣпле* (там же, 6669 г.); *лѣпле* (там же, 6655 г.); *лѣплѣ* (Воскр. лет., 1148 г.);

лепше (Пам. кан. пр., № 2, сп. XIII в.); *лѣпше* (Лавр. лет., 254); *лѣпши* (там же, 245); *лѣпши* (Ипат. лет., 6795 г.); *лѣпьши* (там же, 6648 г.); *лѣпше* (Сл. Дан. Зат., XXXVII); *лѣпше* (там же, XXX); *лѣпше* (там же, XI); *лѣпши* (Иос. Флав., кн. 1, I); *лѣпе* (Тр. Л., 297); *лѣпе* (там же, 200); *лѣпе* (там же, 291);

б) *лепьшихъ* людий (Новг. 1 лет., Син. сп., 1141 г.); села *лѣпшаго* (Суздл., лет., 348); *лѣпшиѣ* мужи (там же, 415); князи *лѣпшии* (там же, 250); с *лѣпшею* дружиною (там же, 227); для *лепъшее* твердости (Р.-Л. акты, 1478 — Полоцк); по городу... *лепшему* (Ипат. лет., 6667 г.); Кияны *лѣпшиа* (там же, 6669 г.); *лѣпшюю* волость (там же, 6675 г.); моужь *лѣпшихъ* (там же, 6648 г.); *лѣпшихъ* (Иос. Флав., кн. 1, I, сп. XV в.); *лѣпшюю*... дружину (там же, кн. 1, XVIII, сп. XV в.); въ *лѣпшихъ* портехъ (Жит. Андр. Юр., сп. XVI в.); *лѣпшихъ* людій (Твер. лет., 1141 г.);

Римского *налѣпшаго* синклита (Курб., 136); о мужу *налепшіи* (Курб., 289); *наилѣпшее* (субст.) (там же, 150).

По типу с суффиксом *-*ějьs*:

а) *лѣплѣе* (Лавр. лет., 252); *лѣплѣи* (Ипат. лет., 6655 г. по сп. Х. и П.); *лѣплѣи* (там же, 6655 г.); *лѣплѣе* (Ист. рус. ц., сп. XIV—XV вв.); *лѣпѣи* (Ипат. лет., сп. Х. и П., 6662 г.); *лѣпеи* (там же, 6655 г.); *лѣпѣиша* (Срезн. — Обр. глав. Мин. чет., февр. 273, XV в.); *лепшеи* (Сл. Дан. Зат., XXX); *лѣпѣе* (Сказ. Авр. Пал., 536); *лѣпѣе* (Леч., 3, 1672 г.); *лѣпие* (Тр. Л., 337); *лѣпие* (там же, 191); *лѣпие* (там же, 264).

б) *лѣпшайшее* село (Иос. Н., 42); *лѣпшайшими* конми (там же, стр. 27).

Варианты к формам с основой *лѣп-* от других основ: *лѣпше* слышати пр ьніе умных нижели наказаніа безумных (Сл. Дан. Зат., XXX) — в сп. К. *лутше*; *лѣпше* бы ми смерть, ниже Курское княжение (Сл. Дан. Зат., XI, стр. 10) — в сп. XVI в. *лучше*; то же и в других случаях.

Формы ср. степени от основы *лѣп-*, довольно широко распространенные в русской письменности средних веков, в более позднее время совершенно выходят из употребления. Характерно также и полное отсутствие форм от этой основы в ранние века. Употребительность этих форм в средние (XV—XVI) века следует, как нам кажется, отнести за счет усиления в этот период влияния западного и юго-западного славянского мира на русскую письменность, в частности более оживленных отношений с Польшей. Из изученных нами памятников употребление форм ср. степени от основы *лѣп-* характеризует в особенности Ипатьевскую летопись, из которой взят материал, относящийся к событиям в Юго-западной Руси, и Слово Даниила Заточника в его древнейшей редакции. Эти формы имеются в актах XV в. (сношения Полоцка с Ригой). Характерно также, что в языке князя Курбского формы ср. степени от данной основы встречаются всегда с приставкой *най- (на-)*, несомненно связанной с влиянием польского языка.

Среди членных форм ср. степени, образованных с суффиксом -**jьs*, формы в сочетаниях *лѣпшие люди*, *лепшие мужи*, кнѧзы *лѣпшиѧ* в качестве социального термина выступают, видимо, без значения сравнительности, как и форма *лутчие* в подобных же сочетаниях (см. в разделе основ на задненёбные основу *лу*[*ч*]-).

Следует отметить своеобразные формы, в которых на основу косвенных падежей *лѣпш-*, образованную по типу с суффиксом -**jьs*, наслоился суффикс, характеризующий основу косвенных падежей другого типа образования, — *лѣпш-айш-ее*, нар. *леп-ш-ей* [54].

Основа *прѧм-*. Ср. у Срезн. *прѧмый* в значениях 'прямой', 'ровный', 'правильный', 'совершенный', 'истинный', 'справедливый'.

По типу с суффиксом -**ějьs*:

прямее служат (Дух. дог. гр., 1572 г., № 104); *прямѣе* (Докл. в сенате, I, 1711 г., 356); *прямѣе* (Римск. имп. д., II, 290); *прямѣе* (А. Юш., 1589 г., 254);

Основа *нов-*. Ср. приведенные А. М. Селищевым (Старосл. яз., т. II,

[54] Ср. сходные формы от основ *глубж-*, *меньш-*, *ширш-*.

стр. 137) основы ср. степени для общеславянского языка: *novějes-*, *nověis-*, *nověiš-*.

Материалы древнерусских памятников:

По типу с суффиксом -**ějьs*:

а) *новѣѥ* (Сл. Мин., сент., 164а); *новѣише* (Требник, 368, XVI в.); *лоновѣе* (РИБ-акты, № 268, 1641 г.).

б) *новѣишаѧ* злобѣсовьствиѧ (Хр. Георг. Ам., 39 в., сп. XIII—XIV вв.); *новѣйшее* чюдо (Львов. лет., ч. I, 264); *чудо новѣишее* (Степ., 597); *новѣйшія*... табулы (Док. в Сенате, II, 1, 1712 г.); въ *новѣйшіе* бунты (Птр., VII, 290).

Основа *пьрв-*. Ср. в старославянском языке форму *пръвѣе* (Вайан, Руководство .., стр. 161). В древнерусском языке ср. степень от данной основы употреблялась главным образом в наречной форме со значениями 'раньше', 'прежде', 'предпочтительнее', а также без значения ср. степени — 'сначала' (см. Срезн., Мат.). В последнем случае она совпадала по значению с соответствующим наречием положительной степени *пьрво* или *пьрвоѥ*. Формы ср. степени прилагательного от основы *пьрв-* употребляются соотносительно с положительной степенью *пьрвый* в значениях 'первоначальный', 'древний'; 'первый по значению', 'важный'; 'первый по качеству'.

В значении наречия:

и ведошѧ и къ Аннѣ *пьрвѣѥ* (Остр. Ев., И., XVIII, 13); иньдиискыѧ просвѣтилъ ѥси разоумы, *пьрвѣѥ* омраченыѧ (Сл. Мин., окт., 10з); повѣдаи ты *пръвѣѥ* грѣхы своѧ (Изб. Свят., 114); нъ аще кто къ вамъ придеть... *пьрвѣѥ* роуцѣ въздежѣте (Син. Пат.); ѥмоу же Арѣѥви *пьрвѣѥ* столпъ поставишѧ (Хр. Георг. Ам., 21а); заплатити Немчину *первѣѥ* (Р.-Л. акты, 1229 г.); се же столпъ *первѣѥ* ста на трапезници каменьи (Лавр. л., 248); нача *первѣе* кнѧжи (там же, 4); и то мѣсто опустѣ *первее*, нынѣ жѣ фрязи обновили суть (Пут. иг. Дан.); вниде въ храмо-тъ иже *первѣе* тощьи, молитвами преподобнаго отца нашего Феодосья полнъ сущь мукы (К.-Печ. пат., 72); и помолиѧ *первѣе* мл҃твою сено̀ къ Г҃оу Бу҃ (Жит. Стеф. Перм., 18); старыи же, *пръвее* размыслив поити на противнаго, блюдется (Алекс., I, 25); *пѣрвьвіе* (так! — *С.Б.*) имѣти страхъ божіи (Дом., кд҃); и *первѣе* побѣгоша Поршане (Суздл. лет., 322); какъ и *пѣрвѣи* перед симъ было (Р.-Л. акты, CCLXIII, 1475 г.); не бѣ бо в землѣ Роусцѣи *первее*, иже бѣ воевалъ землю Чьшьскоу (Ипат. лет., 6762 г.); *первее* сего подъялся местеръ Белгеръ (Воскр. лет., 1353 г.); и опять Господь дарова свѣтъ якоже и *первѣе* (Пск. 1 лет., 147 в); Бѣ бо князь великій Дмитрей *пръвѣе* сею проси у митрополита (Твер. лет., 1377 г.); нѣсть ничтоже въ Божіей Троицы *первѣе* бывше (Авв., 629).

В предикативной и атрибутивной функциях:

градыи по мънѣ прѣдъ мноѭ бысть ѩко *пьрвѣи* мене бѣ (Остр. Ев., И., I, 15); тъ ѥсть градыи по мънѣ. ѩко *пьрвѣи* мене бѣ (там же, И.. I, 27); Се нап'саныѥ *пьрвѣѥ* бы (Гал. Ч.-Ев., Лук. II, 2); ѩко *пьрвѣиші*

заповѣдь ѥсть всѣхъ (Гал. Ч.-Ев., Марк, XII, 29); си *пьрвѣиши* всѣхъ заповѣдьи (там же, Марк, XII, 30); и родиши сна въ плóти Адама *первѣиша* (Лож. отр. кн., О рож. Хр., сп. XV в.);

первѣйшее (субст.) (Жит. Ал. Нев.).

По типу с суффиксом -**jьs* имеется всего один пример: братіе, оже того убіете, убійте мене *перше* (Твер. лет., 1255 г.).

В качестве вариантов к *пьрвѣе* (в наречном значении) в древнерусских текстах выступают наречия ср. степени *прежде (преже, переже)* и *древле*; примеры см. в разделах, посвященных этим формам.

Наречие *пьрвѣе (первѣе)* было очень употребительно во всех жанрах древнерусского языка, будучи, видимо, широко распространенным также в живом народном языке. Ср. замечание Ф. И. Буслаева[55]: «*перво* и *первее* употребительны не только в древнерусском языке и народном, но и в литературном языке XVIII века».

Единственный пример образования ср. степени от данной основы по типу с суффиксом -**jbs* — *перше* (с результатом упрощения группы согласных *рвльш*) следует обьяснять влиянием белорусского языка, заметным в этом памятнике, написанном «четкою белорусскою скорописью нач. XVII в.», как сказано в предисловии к изданию летописи в XV т. Полного собрания русских летописей.

Сама возможность образования форм ср. степени основы *пьрв-* связана с качественным значением, которое было присуще данной основе в древнерусском языке и сохранилось в некоторой мере и до настоящего времени[56].

Основа *древ-*. Ср. старосл. *дрѣвле*: *древле* же повели отърешти ми сѧ (Мар. Ев., Лук., IX, 61); ср. степень от данной основы известна только в наречной форме в значениях 'в древности', 'никогда', 'прежде' (см. Срезн.).

Наречие *древле* по своему употреблению в древнерусской письменности обнаруживает неисконный для русского языка характер. Оно встречается почти исключительно в произведениях, связанных с церковной традицией, и главным образом характеризует древнейшие из текстов религиозного содержания — евангелия, минеи, жития. В поздних памятниках (как, например, у Курбского, протопопа Аввакума), а также в летописях поздних изводов употребление наречия *древле* явно обусловлено стилистическим заданием и является одним из средств архаизации языка.

Уже в старославянском языке наречия *древле*, *прежде*, *пръвѣе* взаимно замещали друг друга в разных памятниках. Ср. примеры: *древле* повели отърешти ми сѧ (Мар. Ев., Лук., IX, 61) — в Сав. кн. *прѣжде*;

---

[55] Ф. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, ч. 1—2. Изд. 5-е. М., 1881, § 216.

[56] Ср. возможность в современном русском языке таких словосочетаний, как *первейшая обязанность*, где значение положительной степени ближе всего можно передать как 'главная', 'важная'.

повели ми *древле* шедъше погрети отца моего (Мар. Ев., Лук., IX, 59) — в Сав. кн. *прѣжде*, съберѣти *пръвѣе* плѣвелъ (Мар. Ев., Мат., XIII, 30) — в Ассем. Ев. *прѣжде*, в Остр. Ев. *древле*. Эти же отношения повторяются в памятниках русской редакции с явным, однако, преобладанием вариантов *пьрвѣе*, *прежде (преже)*, а также *ране (раньше)*.

Основа *прав-*

кто... ко государю *правѣе* того бъ болши и почтить (АИ., IV, 1649 г.); *правѣе* рещи (Систима, 97); да *правѣе* речемъ (Геогр. ген., 117).

Ср. степень от основы *прав-* известна только в наречной форме со значением 'правильнее', 'вернее'. В литературном языке она отсутствует.

Образование форм ср. степени от основ на губные согласные представляет некоторое своеобразие. С точки зрения первоначальных отношений, характеризующих образование ср. степени по двум типам, они сходны с основами на зубные согласные. Как и последние, они характеризуются чередованием согласных в исходе основы при образовании форм ср. степени по типу с суффиксом -**jьs*, вследствие чего создается противопоставление основы ср. степени в этих образованиях основе ср. степени в образованиях с суффиксом -**ějьs*. Но если в основах на зубные это противопоставление выражалось отношением шипящего согласного к соответствующему зубному, то в основах на губные согласные оно выражается отношением группы «губной + *л*» к соответствующему губному согласному: ср. *глѫбле — любѣе*, *древле — новѣе* в основах на губные и *хуже — поздѣе*, *круче — святѣе* в основах на зубные. Это различие в выражении противопоставления основ разных типов образования ср. степени во многом обусловило разную судьбу форм ср. степени на губные и зубные согласные.

Ряд факторов различного характера и происхождения содействовал тому, что это противопоставление у основ на губные оказалось недостаточно весомым и очень быстро было устранено.

Одной из таких причин было то, что в наследство от старославянского языка через посредство русской редакции памятников религиозного содержания в русскую письменность проникли формы ср. степени от основ на губные, с отсутствием *л* эпентетического, образованные по типу с суффиксом -**jes*. Это объясняется тем, что уже в XI в. в старославянских памятниках отразилось изменение, происшедшее в языке болгарских славян: утрата эпентетического *л* не в начале слога[57], которой в большей части южных и в восточных славянских языках, в том числе и русском, не произошло.

[57] См. об этом у В. Н. Щепкина «Рассуждение о языке Саввиной книги» (ИАН ОРЯС, СПб., 1899, т. IV, кн. 1), где дано также детальное описание процесса утраты и его условий. Подробно останавливается на характеристике явлений, связанных с судьбой *л* эпентетического также и А. М. Селищев (Старославянский язык, ч. 1, М., Учпедгиз, 1951, § 203—206).

Однако это явление характеризовало не все диалекты болгарского языка. Западноболгарские говоры сохраняли эпентетическое *л*. Поэтому, как замечает В. Вондрак[58], употребление *л* в среднеболгарской письменности в значительной степени зависит от личности писца. Как предполагает В. Н. Щепкин, в некоторых старославянских памятниках, легших в основу соответствующих русских редакций, последовательно употреблялось *л* эпентетическое. Так, например, факт последовательного употребления *л* эпентетического в Остромировом Евангелии, по мнению В. Н. Щепкина, не может быть истолкован исключительно как русизм[59], а должен быть отнесен за счет наличия *л* эпентетического в старославянском оригинале Евангелия.

Однако подобное проникновение в русскую письменность форм ср. степени от основ на губные без *л* эпентетического (что можно видеть, например, в Панд. Ант., сп. XI в. — *глубьшихъ*, *глѫбьшъ*, *крѣпьшь*, раннем списке Хр. Георг. Ам. — *крѣпѣе*) не могло, конечно, послужить причиной для устранения *л* эпентетического в формах ср. степени в русском языке в целом, так как оно сохранялось во всех других случаях и морфологических категориях (ср. в современном русском языке последовательно представленные ряды *ступить — ступлю — преступление*, *земной — земля — приземляться* и т. д.). Что касается ср. степени от основ на губные в чисто русских памятниках, то об устранении в них *л* эпентетического можно говорить лишь для второй половины изучаемого периода, для эпохи после падения редуцированных. При этом совершенно очевидно, что утрата *л* была здесь связана только с определенной фонетической позицией, в которой носила характер упрощения группы согласного, и лишь отсюда распространилась путем аналогии на другие позиции. Действительно, помимо примеров из памятников, являющихся русской редакцией старославянских оригиналов, где формы без *л* могут идти от оригинала, все остальные примеры отсутствия *л* в чисто русских памятниках относятся ко времени не раньше XIV в.; причем почти все эти случаи характеризуют формы, образованные от основ косвенных падежей, т. е. отражают фонетически закономерный процесс изменения сочетаний типа *пльш*, *бльш* в *пш* в результате утраты редуцированного с последующим оглушением и утратой звука *л* перед *ш*; ср. примеры

---

[58] V. Vondrak. Zur kritik der altslovenischen Denkmale Sitzungsberichte Wien. Ak., t. CXII, S. 12.

[59] Этого же мнения придерживается и Н. Каринский в работе «Остромирово Евангелие как памятник древнерусского языка» (ЖМНП, 5, 1903), который опровергает мнение Буслаева, считавшего последовательное употребление *л* эпентетического чертой русской фонетики, и солидаризуется с предположениями А. А. Шахматова и А. И. Соболевского о том, что постоянное *л* могло быть в оригинале Остромирова Евангелия (См. А. А. Шахматов. «Грамматика церковнославянского языка» Лескина А., пер. с нем., стр. 158 и А. И. Соболевский. Древнецерковнославянский язык, М., 1891, стр. 121).

лепьшихъ (Новг. 1 лет., син. сп.); *крѣпшеі* (Нов. Зав. св. Ал.); *лѣпше, лѣпши, лѣпшему* и др. (Ипат. лет.); *лепъшее* (Р.-Л. акты, 1488 г.) и др.

Устранение *л* в формах, образованных от основ косвенных падежей, могло влиять и на другие категории. Правда, указания на отсутствие *л* в других фонетических условиях в наших материалах единичны. Однако наречная форма *лѣпе* в трех примерах из одного памятника (Тр. Л.), широко отражающего народный язык, говорит о том, что в народном языке эти формы были представлены шире, чем они смогли отразиться в памятниках.

Параллельно с этим в основе своей фонетическим процессом вытеснения эпентетического *л*, это *л* могло устраняться и нефонетическим путем, в процессе взаимодействия типов образования ср. степени от основ на губные.

Как и в основах на зубные (см. выше), процесс взаимодействия шел здесь двумя путями. Первый из них — взаимодействие типов образования с сохранением всех признаков, характеризующих каждый из типов, — шел в формах от основ на губные только в направлении от типа с суффиксом -**jьs* к типу с суффиксом -**ějьs*. Ср. примеры: *трѣбѣе* (Злат., XI в., VIII); *крѣпѣиши* (Срезн. — Ефр. Крм., Вас., 18); *крѣпѣк* (Хр. Георг. Ам., сп. XIII—XIV вв.); *грубѣиша* (Жит. Ал. Нев.); *крѣпѣиши* (Алекс., III, 16); *лѣпѣи* (Ипат. лет., сп. X. и П.); *грубѣишихъ* (ВМЧ, ноябрь, 13—15); *лѣпѣе* (Сказ. Авр. Пал., 536); *глубѣе* (С., VI, 1666); *лѣпие* (Тр. Л., 337, 191, 164); *лѣпѣе* (Леч., 3, 1677 г.); *грубѣе* (Кон. зав.).

Следует отметить, что этот вид взаимодействия, хотя он и представляется нам, по характеру употребления соответствующих форм в памятниках, более близким к тенденциям живого языка, закрепился впоследствии в литературном языке только в формах *грубее — грубейший*. Это связано, как нам кажется, прежде всего с количественной ограниченностью таких форм, где мог проявиться данный вид взаимодействия: среди основ на губные только *глуб-*, *груб-*, *крѣп-*, *лѣп-*, *трѣб-* и *древ-* шли первоначально по типу с суффиксом -**jьs*, причем основы *лѣп-*, *трѣб-*, *древ-* не были исконно русскими и не укрепились в языке (см. в разделах соответствующих основ). Таким образом, фактически речь идет о трех основах: *глуб-*, *груб-*, *крѣп-*, разошедшихся в своей индивидуальной судьбе (см. комментарии к этим основам).

В нашем распоряжении нет ни одного примера взаимодействия обратного порядка, при котором основа, шедшая первоначально по типу с суффиксом -**ějьs*, имела бы формы, образованные по типу с суффиксом -**jьs*, вроде [*слабле*], [*первле*], кроме поздних примеров диалектного характера от основ косвенных падежей без *л*: *слабже, перше* от основы *пьрв-* (см. выше). Ср. наличие среди форм ср. степени от основ на зубные *позже, чище* и т. д. при первоначальных *поздѣе, чистѣе* и т. п.

Второй вид взаимодействия, при котором в отношения вступают отдельные морфемы того и другого первичного типа образования, имеет место и среди форм ср. степени от основ на губные, как это было показано выше для основ на зубные. Как и для последних, для форм от основ на губные можно назвать факторы, содействовавшие морфологизации фонетических признаков исхода основы, в результате наличия которых морфемы с этим признаком, первоначально обусловленным способом образования определенного типа, получают возможность свободно вступать во взаимодействие с формальными элементами другого типа образования. Одним из таких факторов является то, что само по себе сочетание «губной + *л*» в исходе основы не является обязательной характеристикой форм ср. степени, образованных с суффиксом -**jьs*. В типе образования с суффиксом -**ějьs* «губной + *л*» может характеризовать как исход основы положительной степени, так и исход основы форм ср. степени, ср. примеры *теплый — тепльe*, *дряблый — дряблѣе*, *щуплый — щупльe*, *хлюплый — хлюпльe*, *доблии — доблѣе (ае)*[60]. Таким образом, сочетание «губной + *л*» в исходе основы при наличии в языке одновременно отношений:

грубый — грубле, *грубльший*

и *теплый — тепльe*, *тепльший*

не являлось исключительным признаком одного из типов образования ср. степени.

Аналогичную картину мы видели в формах ср. степени от основ на зубные, где закономерное отношение типа *хуже — поздѣе*, *чаще — чистѣе* существовало в языке наряду с отношением основ *свежий — свежѣе*, *тощий — тощѣе*. В обоих случаях наличие таких отношений должно было способствовать морфологизации фонетических признаков исхода основы и распространению того вида основы, который первоначально характеризовал тип образования с суффиксом -**jьs* (*хуж-*, *ниж-* для основ на зубные, *глубл-*, *крѣпл-* для основ на губные): становятся возможными формы *хужѣе*, *нижае — глубльe*, *крѣпльe*. Ср. материал от основ на губные: *глоубльe* (Хр. Георг. Ам., сп. XIII—XIV вв.); *глубльи* (Авиас, 231, 1483 г.); *крѣпльи* (Иос. Флав., кн. 3, VI, сп. XVI в.); *крѣпльиши* (Ипат. лет., 6719 г.); *крѣпльиша* (ВМЧ, дек.); *креплѣйшѫ* (Изм., 340[2], сп. XVI в.); *крѣплийшу* (Требник, 310, XVI в.); *крѣпльи* (Твер. лет., 1319 г.); *крѣпльишіи* (Библ. Генн., 1499 г.); *крѣпльишим* (Иос. Флав., 3 кн., VII, сп. XVI в.); *лѣпльи* (Ипат. лет. 6635 г., сп. X. и П.); *лѣпльe* (Ист. рус. ц., Поуч. Луки Жидяты, сп. XIV—XV вв); *лѣпльe* (Лавр. л.) и др.

[60] Часть из этих форм представлена в наших материалах (см. основы на сонорные); все они закономерно образуют ср. степень по типу с суффиксом -**ějьs*, поскольку *л* в них исторически является суффиксом (кроме формы *доблии*, где *л* уже в форме положительной степени является эпентетическим, так как основа *доб-* была осложнена суффиксом *-j-*). На сочетание *вл* в исходе основы положительной степени нет примеров.

Формы подобного типа, как видно из материала, в XVI—XVII вв. уже не встречаются.

Обратное направление данного вида взаимодействия, т. е. такое, при котором основы форм ср. степени, образованных по типу с суффиксом -**ějьs* (например, *слаб-*, *глуп-*, *прям-*, *прав-* и под.), выступали бы с формальными элементами, свойственными другому типу (вроде [*слабе*], [*глупе*], [*пряме*], [*праве*] и под.), не отмечено. То же было установлено и для основ на зубные согласные, где формы вроде [*борзе*], [*позде*], [*святе*], [*чисте*] или [*борзьши*] и под. также не встречаются в памятниках. При этом, если среди форм от основ на зубные согласные не было таких, которые могли бы послужить моделью для аналогических образований, то в основах на губной такие формы возникали в результате утраты *л* эпентетического (см. об этом выше). Однако это касается лишь форм, образованных от основы косвенных падежей (т. е. с элементом *-ьш*: *крѣпше*, *лѣпше*)[61]. Более правильно поэтому отсутствие таких аналогий объяснить наличием в древнерусском языке наречий положительной степени на *-ѣ* (из дифтонга **oi*) типа: *горьцѣ* (Срезн. — Кир. Гур., 29) — от *горьк-; довълѣ* (Срезн. — Ип. лет.); *кротъцѣ* (Панд., Ант., XI в., 247) — от *кротък-; лютѣ* (см. Срезн.); *добрѣ* (там же); *малѣ* (там же); *новѣ* (там же); *поздѣ* (Остр. Ев., Мат., XIV, 15); *трѣбѣ* быть (см. Срезн.); *хытрѣ* (там же), *ґавѣ* (там же), с которыми совпали бы образования подобного типа (*ѣ* в заударном положении в русском языке рано перестало отличаться по своей судьбе от *е*).

Подводя итог сказанному о распределении типов образования в формах ср. степени от основ на губные, следует подчеркнуть, что оба вида взаимодействия между формами разных типов образования проходили только в одном направлении — от форм типа с суффиксом -**jьs* к формам типа с суффиксом -**ějьs*. При этом формы типа *крѣпѣе*, *грубѣе* зафиксированы более ранними памятниками, чем формы типа *глублѣе*, *крѣплѣе*, однако последние быстро выходят из употребления, будучи вытесненными, вероятно, образованиями первого типа (ср. наличие форм типа *крѣпѣе*, *грубѣе* и в поздних памятниках).

Процесс вытеснения форм типа *грублѣе*, *крѣплѣе* формами типа *грубѣе*, *крѣпѣе* объясняется тем, что, будучи вовлеченными в продуктивный тип образования форм ср. степени (куда входили все формы с основой не на шипящий[62]), эти основы уже не нуждались в добавочном признаке «губной + *л*», характеризовавшем их как основы ср. степени в отличие от наречий положительной степени в тех случаях, когда они входили в тип образования с суффиксом -**jьs*. Ср. бывшее противопоставление *грубѣ* (наречие) — *грубле* (ср. степень), которое после утраты

[61] Форма *лѣпе*, отмеченная лишь в одном памятнике, носит, видимо, диалектный характер (см. выше).

[62] Ср. возможность образования форм ср. степени с основой на зубные (*с*, *з*, *т*, *д*, *ст*) только по этому типу (как и очень многочисленной группы с основой на сонорный).

фонетического различия заударных *ѣ* и *е* осуществлялось только посредством отношения *б : бл*, и новое противопоставление *грубо (грубый)* и *грубѣе*, проявляющееся в различии формативов; наличие при этом *л* эпентетического (*грублѣе*) являлось бы уже лишним средством противопоставления ввиду наличия в других основах отношений: *свято — святее*, *бело — белее* и под.

В результате действия этих процессов произошло полное вытеснение форм, закономерно образованных по типу с суффиксом -**jьs*. Сюда относятся, как было показано, формы с наличием *л* эпентетического и без него (т. е. типа *глубле*, *глубльши* и *глубе — глубьши*). Образования типа *глубле* сохранились лишь в диалектах. Показателем продуктивности подобных форм в некоторых диалектах является вторичное оформление ср. степени от основ с исходом на «губной + *л*» (например, *тепл-*, *дрябл-*) по типу с суффиксом -**jьs : тёпле*, вместо первичного *теплѣе* при отсутствии аналогии такого типа (т. е. по модели образования со старым суффиксом -**jьs* для других основ не на шипящий согласный. Такого рода аналогии, по-видимому, возможны только при наличии в говоре форм ср. степени на *-пле*, *-бле*, *-вле* как живой и продуктивной модели. В литературе церковно-книжного характера тип образования долго держался в форме *древле* благодаря изолированности и неизменяемости ее как наречия. В современном русском языке единственным реликтом таких образований является несогласуемая ср. степень *дешевле* (см. в разделе двусложных основ).

Тип образования с суффиксом -**ějьs*, наоборот, полностью сохранился в несогласуемой форме, как и в членных (в той мере, в которой последние остались употребительны в современном литературном языке от каждой данной основы).

Такое решительное устранение типа образования с суффиксом -**jьs* как формообразовательной модели для форм ср. степени от основ на губные, при сохранении и продуктивности в исторический период этого типа в образованиях от основ на зубные (*выше*, *ниже*, *хуже*, *круче*, *чаще*), должно объясняться, как нам кажется, не только немногочисленностью основ на губные, первоначально шедших по данному типу образования (см. об этом выше), но также возникшей в языке тенденцией к распределению типов образований несогласуемой формы ср. степени в зависимости от конечного согласного основы. Критерий такого распределения был принят следующий: все основы с исходом на шипящий образуют несогласуемую форму ср. степени с суффиксом *-е* (т. е. по типу с бывшим суффиксом -**jьs*), основы же на «нешипящий» согласный образуют ср. степень с суффиксом *-ее* (т. е. по типу с бывшим суффиксом -**ějьs*). Такое распределение совершенно четко наметилось, как показано выше, и среди форм, образованных от основ на задненёбные и зубные. В формах от основ на задненёбные, где всегда в исходе основы представлен только шипящий, несогласуемые формы ср. степени образуются лишь с суффиксом *-е (тише*, *туже*,

суше и др.). В основах на зубные могло быть два типа образования несогласуемых форм. При наличии в исходе основы шипящего ср. степень имеет суффикс *-е (выше, ниже, хуже, короче, чище)*, при наличии в исходе основы зубных (такие формы единичны) ср. степень имеет суффикс *-ее* (*святее, лютее, косее, сизее* и еще немногие подобные). Формы же от основ на сонорные согласные, как будет показано ниже, также подчиняются этой тенденции в пределах жанров письменности, на основе которых сформировались впоследствии нормы литературного языка (см. ниже: *мудрее, белее*; но если в образование включается суффикс *-ьш*, то форма оканчивается на *-е*: *больше, меньше, раньше*, при возможности *бóлее, мéнее, рáнее*; исконные формы *боле, мене, ране* сохранились лишь в некоторых диалектах).

В свете таких отношений, сложившихся в процессе образования несогласуемых форм, противопоставление основ ср. степени на шипящий основам на «нешипящий» в отношении распределения способов образования (суффиксов) оказалось более весомым, чем противопоставление в том же плане основ на «губной + *л*» основам на губной (*глубле*, но *слабѣе*); и те и другие как основы на «нешипящий» оказались противопоставленными по типу образования основам на шипящий и объединились в типе образования с суффиксом *-ѣе* (*грублѣе, слабѣе*) с дальнейшим устранением *л* морфологическим путем (*грубѣе, слабѣе*). Однако индивидуальная судьба основ на губные (утрата некоторых из них и замена образованиями от других основ того же корня) привела к тому, что в современном русском языке лишь несогласуемая форма *грубѣе* сохранилась как след этого исторического пути, пройденного основами на губные, принадлежавшими к бывшему типу образования с суффиксом *-*jьs* (исходные формы *грубле — грубльший*). Форма *глубже*, укрепившаяся в литературном языке, объясняется нами как закономерное фонетическое развитие форм от основы косвенных падежей исконного типа образования — с суффиксом *-*jьs* (см. комментарии к этой основе). Наличие шипящего в исходе основы несогласуемой формы обеспечило этой основе возможность сохранить исконный тип образования (с суффиксом *-*jьs*), поскольку его структура совпадала с охарактеризованной выше тенденцией распределения типов образования.

4. Основы на сонорные согласные

Основы ср. степени на сонорные согласные очень многочисленны в русском языке. Это объясняется тем, что у многих из них конечный сонорный согласный восходит к древним суффиксам *l*, *n*, *r*, которые были продуктивны еще в общеславянскую эпоху. Так, по данным, приводимым у А. Мейе[63] и А. М. Селищева[64] к древним суффиксаль-

[63] А. Мейе. Общеславянский язык. М., 1951, стр. 281—285.

[64] А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. II, стр. 77—81.

ным образованиям относятся, например, образования с суффиксом *-l*: *теплъ*, *гнилъ* (Мейе) *круглъ*, *кислъ* (Селищев); с суффиксом *r*: *остръ*, *добръ*, *рьдрь* (Мейе), *бъдръ*, *хитръ*, *мокръ*, *пьстръ* (Селищев); с суффиксом *-n*: *чьрнъ* (Селищев). Во многих из подобных образований можно обнаружить наличие такого суффикса путем сопоставления с другими однокоренными образованиями русского и других славянских языков (ср. gni-lъ — gni-ti; bъd-rъ — bъd-ě-ti; chyt-rъ — chyt-i-ti и др. [65]

Как показывает А. М. Селищев, от основ, осложненных суффиксами, формы ср. степени могли быть образованы только с суффиксом *-*ějьs*.

Из других основ с исходом на сонорные формы ср. степени с суффиксом *-*jьs* могли быть образованы первоначально только от основ *бол-*, *гор-*, *дол-*, *дал-*, *мьн-*, *ран-*, *тън-*, *ун-*, *шир-*; в позднее время к этому же типу образования (с суффиксом *-*jьs*) примкнула и основа *стар-* в одной из разновидностей значений (первоначально формы ср. степени от основы *стар-* могли идти только по типу с суффиксом *-*ějьs*). Если учесть, что аналогические взаимодействия между двумя типами образований ср. степени от основ с исходом на сонорный шли (помимо основы *стар-*) исключительно в сторону образований с суффиксом *-*ějьs*, захватывая лишь перечисленные выше основы, в то время как в подавляющем большинстве основы на сонорные, шедшие исконно по типу с суффиксом *-*ějьs*, оставались неизменными в отношении типа образования, то естественно, что основной интерес в данном разделе представляет история перечисленных выше основ. Исходя из этого, раздельное изложение материала на каждую отдельную основу (как это делалось в предыдущих разделах) даем только для этих основ. Материал остальных основ получает суммарную характеристику; отдельно приводится лишь материал, характеризующий основу *стар-*.

Основа *бол-*. Ср. старосл. *боле*, *больше* и др.: азъ же имамъ съвѣдѣтельство *боле* Иоанова (Мар. Ев., И., V, 36). Наречие *боле* (*больше*, *больши*) выступает в значениях 'больше' (по величине и по количеству), 'лучше', ср. *болѥ* и хоуждѥ о ѥдиномъ пытаѥмо ѥсть (Изб. Свят., 45); несогласуемая форма с отрицанием *не*, *нѣтъ* может, утрачивая значение ср. степени, употребляться как наречие 'уже не', 'впредь не', ср.: и *боле* его не биша (Новг. 1 лет., Син. сп., 1141 г.); *боле* ему не вели творити тако (Пам. кан. пр., № 2, сп. XIII в.). Формы ср. степени с основой *бол-* были соотносительны первоначально с положительной степенью *велии*, *великыи*. Кроме того, с древнейшего времени формы ср. степени с основой *бол-* соотносились по значению и с при-

[65] Следует отметить, что суффиксальные образования могут относиться и к более древним эпохам (до эпохи общеславянского единства). В таких основах как *mil-*, *рьrv-*, *рьln-* элементы *n*, *v*, *l*, тоже выделяются как суффиксы, однако, об этом может свидетельствовать только сопоставление с однокоренными образованиями других индоевропейских языков.

лагательным положительной степени *мъногый*, которое могло также иметь форму ср. степени той же основы *мъножаи*.

Сложные семантические отношения, при которых формы ср. степени с основой *бол-* одновременно были соотносительны с формами положительной степени, двух семантических рядов (мъного—мъногий, с одной стороны, и *велико — велий — великый*, с другой стороны), оказались на протяжении изучаемого периода в значительной степени преобразованными, что мы попутно и постараемся показать ниже.

Формы с основой *бол-* чрезвычайно широко распространены в памятниках исконно русского характера (в евангелиях русской редакции, летописях, оригинальной житийной литературе. памятниках деловой письменности и т. д.).

Ввиду обилия форм от основы *бол-* в памятниках приведем примеры лишь выборочно.

По типу с суффиксом -**jьs*:

а) Наречие: вдовица си оубогаѧ *болѥ* вьсѣхъ въврьже (Остр. Ев., Лук., XXI, 3); оному же ср̄дце *боле* остр̄шесѧ на любъвъ бж̄ию (Усп. Сб., нв̄); не створи имъ ряду, нъ *боле* раздьра (Новг. 1 лет., Син. сп., 1153 г.); а *боле* не можемъ терпети (Р.-Л. акты, 1301 г.); *болѣ* прогнѣваемъ (Серап. Влад., V); и *боле* же чтите гость (Лавр. лет., 246); оному сердце *боле* остряшеся на любовь Божию (К.-Печ., пат.); но *боле* ...почьсти и (Ак. Пр., II, 97); за два м̑ца или за *боле* (Жит. Стеф. Перм., 77); и Всеволодъ *боле* поча молитисѧ Мстиславу (Суздл. лет., 297); и быша тамо въ полону *болѣ* года (Пск. 1 лет. 1444 г.); ихъ пришло 2000 или *болѣ* (Твер. лет., 1228 г.); товару на два рубля или *болѣ* дву рублевъ (Юр. акты, № 122, 1549 г.); мужи бо сѧ доищуть *болше* сего (Лавр. лет., 198); Вѣсу Полоцкому быти Ризького полупудом *болши* (Р.-Л. акты, CLXIV, 1407 г.); друга *болши* ставить (Юр. акты, № 111, 1654 г.); азъ же *болше* тебе прилежа (Пам. ст. лит., о 2-х сапожн., сп. XV в.); волоку мало *болши* полуверсты (РИБ-акты, № 213, 1638 г.); высотою саженей с двѣнадцать и *больше* (РИБ-акты, № 43, 1597 г.); а будеть въ той половинѣ *болше* обыскныхъ людей (Акты арх. эксп., № 281, 1571 г.); и ту начаша приходити к нему, якоже и *болши* прежняго (Авр. См., IV, 38); потрудится *больше*, *больше* и прѣиметъ (Авв., 559).

Нечленные формы в предикативном и атрибутивном употреблении: нѣсть рабъ *болии* господина своѥго (Остр. Ев., И., XIII, 16); сїи примоуть осоуженыѥ *больше* (Гал. Ч.-Ев., И., XX, 47); ничьто же *боле* надежѧ (Изб. Свят., 168); градъ же яко яблъковъ *боле* (Новг. 1 лет., Син. сп., 1157 г.); и посла к нему дары *больша* первы (Лавр. лет., 71); правая рука *болши* передового и сторожевого полку (Юр. акты, № 48, 1646 г.); *больше* сея заповѣди любве нѣсть (Твер. лет, 1319 г.).

б) Славы *большаѧ* (Сл. мин, сент., 170 б); болеѥ и хоужденѥ (субст.) (Изб. Свят., 23); *большаѧ* часть (Усп. Сб., оо̄); хотяй быти ...*болій*

(Кир. Тур., XIII сл., 107); *болшее* зло (Лавр. лет., 262); у *больши҃* его братьи (Дух. дог. гр., 1389 г.); городъ ...*болии* (Сузд. лет., 348): *болшую* печаль (Сл. Дан. Зат.); *болшаго* наместника (Акты арх. эксп., № 115, 1486 г.); сына *болшего* (РИБ — акты, № 59, 1594 г.); *болшую* мл҃ть (Дом., з҃д); бысть распря ...между *большими* и меньшими (Авв., 274).

По типу с суффиксом -**ěj̆ьs*:

яко *болѣе* пятинадесять тысячь (Курб., 73); а еще болѣе сожалею (Речь Ив. гр.); градъ великъ въ ширину *болѣе* версты (Пут. иг. Дан.); их же *болѣе* не вспоминаеши (Сим. пс., стр. о҃s); яко *болѣе* двухъ сотъ лѣтъ (Авв., 324); *болѣе* тмы мужей невоздержанныхъ (Пам. ст. лит., сп. XVII в.); изволиш ты ведат обо мне нечем *более*. что ходит за приказными делами (Фр. Ск., 85); въ городъ (сено) *болѣе* не свозить (Птр., VII, 428); а остался (ветер) *болѣе* къ осту (Пох. журн. 1714 г.); чего для *болѣе* стали думать (там же); *болѣе* извѣстенъ будетъ ис писем ево (Птр., IV); дабы не изволили чинить *более* трудности (Пис. рус. гос., II, 1717 г.).

В качестве вариантов к формам ср. степени с основой *бол-* в текстах евангелий (по материалам, приведенным в Гал. Ч.-Ев, 1144 г.) выступают формы *множае*, *пуще*, *вяще*, *лише* и др. формы от этих основ. В Острожской Библии 1571 г. *боле* выступает в качестве варианта к *соулѣе* — форме, употреблявшейся в старосл. текстах в значении 'лучше'. Ср.: Въпрашаше же годіны ѿ нихъ в коую *соулѣе* ѥмоу бы҃ (Гал. Ч.-Ев., И., IV, 52); это доказывает, что значение 'лучше', отраженное в древнейших памятниках (ср. Любо *боле*, любо *хоужде*, — Изб. Свят. 1073 г.; *Болѥ* то и *чьстьнѣе*, — Срезн. — Гр. Наз. XI в., 373), у формы *боле* продолжало существовать довольно долго.

Выделим особо тот материал, который характеризует употребление несогласуемой (условно, наречной) формы ср. степени с основой *бол-* в значении, соответствующем положительной степени *много*.

ꙗко вдовица си оубогаꙗ *болѥ* вьсѣхъ вьврьже (Остр. Ев., Лук., XXI, 3; ср. в Мар. Ев. и некоторых русских евангелиях *мъножѣе*, *множае* в том же контексте); боудеть ли *боле* кунъ, то рчи ѥму тако: ... (Рус. Пр., 52); которых есть *боле* мертвых ли или живыхъ (Алекс., III, 6); а Руси с нима *боле*.л҃. чл҃вькъ (Сузд. лет., 481); Аже надобѣ ѥмоу *болше* помъчи (Р.-Л. акты 1229 г.); а *болши* дву мѣсяць не волочить (Акты арх. эксп., № 91, 1471 г.) и мн. др.

Насколько древними являются эти отношения, отраженные уже древнейшими памятниками, судить трудно. Однако несомненно, что их нельзя считать исконными ввиду наличия форм ср. степени с основой *мног-* (ср. старосл. *множае*, *множайшии* и др., а также подобные формы в древнерусской письменности). Бытование этих форм преимущественно в жанрах древнерусской письменности древнего периода, наиболее тесно связанных с церковнославянской традицией, и отсутствие их в жанрах, отражающих живую речь, а также в современном русском языке и народных говорах может объясняться или заимство-

ванным характером этих форм, или, что более вероятно, ранним процессом вытеснения их формами с основой *бол-* в результате перестройки соотношений в семантике двух ранее соотносительных рядов: *мъного — мъножае* и *велико — боле* (с соответствующими формами прилагательных). Постараемся разобраться в этих отношениях, привлекая к анализу формы от основы *мъног-*.

Прилагательное *многъ, многыи* в древнерусском языке могло выступать в качестве определения к существительному не только в форме мн. ч., обозначая неопределенно большое количество однородных предметов (лиц, понятий), как и в современном русском языке[66], но также в значениях 'многочисленный', 'большой', 'сильный' могло относиться к существительным в форме ед. ч.

Ср. примеры: *народъ многъ* събьра (Усп. сб., ра); съ *многою истиною* (там же, і); надѣяся на *многу силу* Брянску (Воскр. лет., 1310 г.); бѣста бо отягчели отъ *многа труда* (там же, 1319 г.); и *кровь многу* изшедшу изъ язвъ (там же, 1319 г.); возвратишася во свояси съ *полономъ многымъ* (там же, 1203 г.); и полон *многъ* взя (там же, 1222 г.); не бѣ бо слышати плача во *мнозѣ плачи* (там же, 1238 г.); со *многою дружиною* (Пут. иг. Дан.) и мн. др.

В таких же отношениях к определяемому слову могли выступать и формы ср. степени прилагательного с основой *мъног-*:

Мн. число: *множайша убийства* (Б. и Г., 38); *ины рабы множаишѧ* пьрвыхъ (Гал. Ч.-Ев., Мат. XXI, 36); но *множайши* от нихъ крѣтишаса (Жит. Стеф. Перм., 29 и др.).

Ед. число: *множаи народъ* приде (Усп. Сб., реі); и тоу начаша болѣ приходити и *ученіе* его *множаишее* быти (Авр. См., I, 7); пребывати же ему внутрь монастыря съ великою крѣпостію и *множайшимъ хранениемъ* (Акты арх. эксп., № 239, 1554 г.) и др.

Заметим, что помимо существительных, обозначающих предметы, лица и понятия, которые мыслимы в количественном измерении (в том числе собирательных, типа *народ, дружина*) прилагательное *многъ, многыи* может быть отнесено и к названиям предметов, не измеряемых количественно. Именно в этих случаях оно совершенно отчетливо выступает в значении 'большой', 'сильный', 'великий', вторгаясь в круг значений прилагательного *велии, великъ, великыи*. Поэтому в таком употреблении формы ср. степени от основы *мног-* являются одновременно соотносительными с положительной степенью *велии, великъ*.

В тех случаях, где значение количественной характеристики налицо, оно выражено, как мыслимое в самом предмете, ср. пример: *многы* дасть дары (вм. *много даров* — в современном языке). Потебня, рассматривая оборот *малые люди* в значении 'мало людей', пишет,

---

[66] Ср. примеры: и ина *многа чюдеса* сътвори (Усп. сб., раі), быша громове страшніи и *вѣтри мнози*, и вихри велици (Воскр. лет., 1280 г.); *мнозы* дасть *дары* (там же, 1220 г.); *многи скорби* приходят праведномѵ (Сим. пс., лг).

что «понятие количества получается отвлечением от понятий измеряемого»; «разница между количеством вещей и величиной каждой из них формально не выражена и установляется контекстом: *малые люди* может значить не только parvi homines (когда каждый мал ростом или мал в общественном, нравственном отношении), но и pauci homines, в нов. яз. *мало людей*. Новый язык ставит этот последний оборот, т. е. выражает количество наречием из существительного (что — в связи с переходом субъектных оборотов в бессубъектные), кроме случаев, где прилагательные количества (многие люди, multi h.) лексически отличны от прилагательных величины (великие люди)»[67].

Форма *много*, как в значении наречия — глагольного признака (грѣхолюбивыи бо бѣсъ *много* пронырoуеть на ны, — Панд. Ант.), так и в значении несогласуемого количественного слова (типа *много людей*), в древнерусском языке имела форму ср. степени того же корня (*множае*, *множайше*). Ср. пример последнего значения: да и ледъ снесло, и *множае* шкоты учинило (Пск. 1 лет., 1479 г.).

Материалы некоторых памятников, где приведены варианты к формам ср. степени с основой *мног-* по другим спискам и редакциям, показывают, что формы *множае* (и другие данной основы) и *болѥ* (и другой данной основы) издавна взаимно замещают друг друга в древнерусских памятниках. Ср. примеры: и се *множѣѥ* Соломона сьде (Гал. Ч.-Ев., Лук., XI, 32) — *болѥ* Соломона (Юр. Ев. 1118 — 28 г., Добр. 1164 г., Брест. Ев. XV в., № 2); вдовіцѧ сї оубогаѧ *множѣѥ* всѣхъ вѣвьрже (Гал. Ч.-Ев., Марк, XII, 40) — *боле* всѣ^{х} (Ев. Добр. 1164 г.) и начаты и постр҃кати вящьша и горьша съдѣяти и *множаиша* убииства (Б. и Г., 38) — *болше* (по сп. У.); вдовіцѧ си оубогаѧ *болѥ* всѣх вѣвьрже (Гал. Ч.-Ев., Лук., XXI, 3) — *множае* (Конст. Ев. 1383 г. и почти во всех Ев. XV—XVII вв.); и се *болѥ* Соломона сьде (Гал. Ч.-Ев., Мат. XII, 42) — *мнбжае* (Нов. Зав. св. Ал.); да плодѣ *болши* сътворитъ (Гал. Ч.-Ев., И., XV, 2) — да *множае* плод принесетъ (Нов. Зав. св. Ал.).

Возможность употребления форм ср. степени с основой *бол-* в соответствии с положительной от основы *мног-* объяснятся, как нам кажется, тем, что, как было показано выше, прилагательное *многъ*, *многый* могло характеризовать существительное не только с количественной стороны, но и со стороны качества. Такой ход развития значений прилагательного *многъ*, *многый* связан, вероятно, в основном с теми сочетаниями, где оно выступало в качестве определения к существительным со значением собирательности. Так, в сочетаниях типа *народъ многъ*, *со многою дружиною*, приближение значения к 'большой' (по величине), 'сильный' представляется вполне закономерным. Закрепление значения, связанного с характеристикой качества предмета,

[67] А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике, т. III, стр. 496, 498.

за прилагательным *многъ, многый*, вторжение последнего в семантический круг прилагательного *велии*, имеющего в качестве ср. степени супплетивную форму с основой *бол-* (*боле, большии*), привело к тому, что эти формы от основы *бол-* стали выступать в качестве ср. степени также и к прилагательному *многъ, многый*, вытеснив формы от основы *мног-* (*множае, множаишии*). Утвердившись в качестве ср. степени к прилагательному *многъ, многый* [68], ср. степень от основы *бол-* стала выступать не только в своих основных значениях 1) 'больше' plus, 2) 'лучше', 'выше' — melior, praestantior (см. Срезн.), но также и в значениях, первоначально характеризовавших формы ср. степени от основы *мног-*, т. е. 'многочисленнее', 'больше по количеству', вытесняя их во всех значениях. Ср. соотносительность в современном русском языке несогласуемой сравнительной формы *больше* с наречием положительной степени *много*.

Многие особенности в истории форм ср. степени с основой *бол-* связаны со значением членных форм от данной основы. Как отмечалось уже и для членных форм от других основ, образованных по типу с суффиксом -**jьs*, значение этих форм в живом языке фактически утрачивает сравнительность (в особенности в определенных условиях употребления). И. И. Срезневский для формы *болшии — большой* выделяет следующие значения: 1) maior, μειζων, 2) старший, 3) лучший, высший, 4) в сочетаниях: *большой* воевода, *болшимъ* людям. Утрата сравнительности связана в первую очередь со значением 'старший' [69] (ср. Се далъ сыну своєму *болшему* Семену, — Дух. дог. гр., 1339 г. и подобные), а также со значениями, выделенными И. И. Срезневским четвертым пунктом, а именно с теми, где членные формы ср. степени употреблены для обозначения общественного положения (ср. аналогичные значения членных форм *лучьший, молотшый* в сочетаниях: *лучьшие* люди, *молотшие люди*). Ср примеры:

Отъ князя Ярослава ко Рижаномъ и к *болшимъ* и к молодымъ (Р.-Л. акты, XXVI, 1266—1272 гг.); ино судитъ и казнитъ *большей* наместникъ (Акты арх. эксп., 1486 г.); и к *болши*^{м} и к середни^{м} и скорбны^{м}... какову быти (Дом., Огл.); а въ *болшихъ* у нихъ былъ Аракъ богатырь (Патр. лет., 1549 г.); поднялися всякіе люди, *болшіе* и меншіе (Пск. 1 лет., 1609 г.); А сын мой Иван держит на Москве *болшаго* своего наместника (Дух. дог. гр., 1572 г.).

Отсутствие положительной степени того же корня и утрата в определенных условиях значения ср. степени членными формами создавало

---

[68] Прилагательное *многъ, многый* в ходе истории русского языка в значении количественного определения сохранилось лишь в формах мн. ч. (*многие люди, многие бедствия* и т. д.), а также в форме ед. ч. ср. р. *многое* в субстантивированном употреблении. В других формах ед. ч. это прилагательное перестало употребляться в результате сложного процесса взаимодействия его в истории языка с прилагательным *велий* и *большой*.

[69] См. об этом в связи с основой *молод-*.

предпосылки для их формального перехода в живом народном языке в прилагательное положительной степени. Все ранние примеры, в которых с большей или меньшей уверенностью можно видеть значение прилагательных положительной степени, относятся к памятникам деловой письменности и датируются по нашим данным не ранее начала XV в. Ср. примеры:

и ѓаз ему велѣлъ дати блюдо свое *болѣшее* двоколечное (Дух. дог. гр., № 29, 1433 г.); даю крестъ золот с чепью з *болшою* (там же, № 74, 1481 г.); да поѓас золот *болшои* (там же, № 74, 1481 г.); да солонка *болшаѓа*, да двѣ малых глатких... да ковшъ *болшои*... да двѣ чарки *болших*, да четыре чарки малых (там же, № 88, 1503 г.); ожерелье сожено с пуговицами с *болшими* (там же, № 87, ок. 1503 г.); монисто *болшое* золото (там же); стану въ *болшомъ* селѣ (Акты арх. эксп., № 139, 1504 г.); прислал князь великій къ Живоначалной Троицы *болшой* колоколъ (Пск. 1 лет., 1518 г.); да миса *болшаѓа*... да три блюдечка малые (Дух. дог. гр., № 99, 1521 г.); а колѝ пиръ *болшѝи* ино всюды самомѹ̀ дозирати (Дом., и); и погорѣ отъ *болшой* стѣны и до старого Застѣнья (Пск. 1 лет., 1550 г.); а съ меду со всякіе кади, съ *болшіе* и съ средніе и съ меншіе по денгѣ, а съ шолку съ литры съ *болшіе* и съ средніе и съ худой, по полуденгѣ (Акты арх. эксп., № 330, 1585 г.); и жемчюгъ *болшой*, и средней, и мелкой, и скатной (РИБ-акты, № 162, 1636 г.).

Утверждение членных форм ср. степени в качестве прилагательных положительной степени сопровождалось переносом ударения с основы на окончание. Поэтому для того, чтобы (помимо значения контекста) на основании формальных признаков утверждать в каждом данном случае, выступает ли форма в качестве прилагательного положительной степени или в качестве членной формы ср. стéпени, нужно иметь данные о месте ударения. Имея дело с неакцентированными памятниками, установить место ударения в большинстве случаев невозможно, если при этом не изучена фонетическая система каждого данного памятника. В нашем распоряжении имеется лишь один пример, где ударение стоит на окончании: пир *болшóй* (Домострой, н̄); в остальных же случаях косвенные показания по вопросу о месте ударения могли бы дать только формы, где в окончаниях представлено *е* или его замена *о*. Однако и эти данные могут дать материал для выводов лишь при детальном изучении фонетических отношений отдельно для каждого памятника.

Поэтому в нашем анализе отправным является контекст высказывания, в частности — наличие форм. положительной степени в качестве однородных членов к интересующим формам (ср., например, фразу: и жемчюг *болшои*, и средней, и мелкой, и скатной, — РИБ-акты, № 162, 1636 г.; или: да солонка *болшаѓа* да двѣ малых, — Дух. дог. гр., № 88, 1503 г.), а также лексические соответствия этим формам в других памятниках.

Так, в памятниках XIV в., где даются бытовые описания с характеристикой отдельных предметов, в том же значении найдем только различные падежные формы прилагательного *великъ*: корчагу *велику* зѣло (К.-Печ. пат., 69); островъ вельми *великъ* (Пут. иг. Дан.); дебрь *велика*... *велика* рѣка течеть... лѣсъ *великъ* (там же) и мн. др.

В «Духовных и договорных грамотах великих и удельных князей XIV—XVI вв.», откуда приведена большая часть примеров на употребление прилагательного *большой*, в документах, относящихся к XIV—XVI вв., также употребляется в однородном контексте прилагательное *великъ*: ковшь *великии* золотъ гладъкии... чепь *великую* золоту (№ 4, 1358 г.); круги *великие* (№ 89, 1506 г.); ковшь *велик* серебрен (№ 98, 1506 г.).

В более поздних документах делового содержания прилагательное *великъ* в значении 'большой' полностью вытесняется прилагательным *большой*.

По вопросу о взаимодействии типов образования применительно к данной основе следует заметить лишь следующее: основа *бол-* очень последовательно представляет исконный тип образования с суффиксом **-jьs*; взаимодействие с другим типом образования (с суффиксом **-ějьs*) проявляется только в позднее время (с XVI в.) и касается лишь несогласуемой формы. Форма *болѣе* употребляется в памятниках, характеризующих литературный язык эпохи XVI—XVIII вв., ср. ее наличие в произведениях Курбского, Ивана Грозного, Авраамия Палицина, в Повести о Фроле Скобееве, документах Петра I и под. Эта форма зафиксирована в основном в наречном употреблении.

Основа *мьн-*. Ср. в старослав. *мьне*, *мьньши* и др.: а ѥмоу же *мьне* отъда сѧ (Мар. ЕВ., Лук., VII, 47).

Ср. степень с основой *мьн-* является супплетивной к прилагательному положительной степени *малъ*, *мала*, *мало*. При этом, как и формы положительной степени, формы ср. степени совмещают в себе значения, связанные с исходными 'малый по величине' и 'малый по количеству', которые были тесно связаны в языке древнего строя (ср. сказанное об отношениях *многъ-множай*, *великъ-больше*). Ср. сказанное у А. А. Потебни об обороте *малые люди* в древнерусском языке[70].

Сравнивая объем значений основы *мьн-* (в паре *мало—мьне*) и основы *мног-* (в парах *много—множае*, *много—боле*), можно установить существенное различие.

За основой *мног-* в ходе истории языка закрепились только значения, связанные с количественными отношениями, причем, в качестве основы ср. степени она совсем вышла из употребления, будучи вытеснена формами ср. степени с основой *бол- (боле, больше)*, а в качестве основы положительной степени она почти во всех случаях была

---

[70] См. приведенную выше цитату: А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике.

вытеснена в более позднее время прилагательным *большой*. Это произошло, по-видимому, вследствие того, что наряду с парой *многъ—множай*, совмещавшей первоначально значения, связанные как с количеством, так и с величиной, существовала пара *великъ—болии*, где основным было значение, связанное с величиной. В процессе взаимодействия этих двух пар основа *мног-* стала употребляться только со значением количества, причем преимущественно в качестве наречия *(много)* и лишь весьма ограниченно в качестве прилагательного (в формах мн. ч. *многие*, *многих* и др. и в форме ед. ч. ср. р. *многое*). Ввиду отсутствия наряду с парой *малъ—мьньше* (совмещавшей значения, связанные с количеством и величиной) пары, где было бы представлено только одно из этих значений, обе сферы значений пары *малъ-мьньше* сохранились доныне, причем одна преимущественно связана с формой наречия, другая — с формами прилагательного; формы же ср. степени в равной мере совмещают те и другие значения.

Помимо этих значений формы ср. степени от основы *мьн-* и связанных с ними переносных (например, 'меньше по значению', 'по религиозному благочестию' — значение часто выступающее в памятниках религиозного содержания), ей свойственно также значение 'младше' (ср. *мьнии* сынъ, — Остр. Ев., Лук., XV, 12), распространенное и в современных русских говорах, а также 'хуже' (ср.: въписахъ азъ грѣшьный Нестор. *мьнии* вьсѣхъ в манастыри, — Усп. сб., чѕ); последнее значение встречается только в древнейших памятниках. Наличие указанных значений подтверждается вариантами *(юньйший, хужши)*, которые приведены в конце материала по данной основе.

Материал древнерусских памятников.

По типу с суффиксом -**jьs*:

а) наречие: ѥмоу же *мьнѥ* отъпоущаетьсѧ (Остр. Ев., Лук., VII, 47); *мене* хлопотовъ ино лутьчи (Акты. арх. эксп., №239, 1554 г.); присуживати целование в рублѣ, а *менѣ* рубля съ жеребья право (там же, №255, 1560 г.);

аще ли ѿ възгноушениꙗ ·к· дни, аще ли ѿ напрасныꙗ болѣзни, а *мне* (Пам. кан. пр.,№2, сп. XIII в.; сп. Д., XVI в. — *мнее*); и *мне* сего врѣмя ѡбрѣѧмъ повелѣвающе (Срезн. — Прав. Іо. Митр., Син. корм. кн., 1280 г.);

ѥмоуже мало ѡставлѧѥтсѧ, *меньше* любитъ (Конст. Ев. 1383 г. Лук., VII, 47); в десятинном сборѣ будетъ *менше* (РИБ-акты, №188, 1603 г.); в твоемъ брюхѣ томь не *менше* робенка бабья накладено бѣды-тоя (Авв., 281); вода елико чистѣе есть толь *меньше* замерзаетъ (Геогр. ген., 142);

а будет боле того или *менши*, ино по тому розочту (Дух., дог. гр., 1389 г.); тому де года съ два и *менши* (РИБ-акты, №176, 1639 г.); товару безъ вѣсу *менши* дву рублевъ (Юр. акты, №122, 1549 г.); а всѣхъ 20 мужь паде... или *менши* (Воскр. лет, 1241 г.); доведется иску его доправить *меньши* того, чего он искал (Улож. Ал. Мих., X, 19).

Нечленные формы в предикативном и атрибутивном употреблении:

аще къто хощеть старѣи быти да бѫдеть вьсѣхъ *мьнии* (Остр. Ев., Марк, IX, 35); служи ѥако рабъ *мьньшоу* брату (Усп. сб., рав); иже бѣ *мьнии* блженнааго Ѳеодосия (там же, мд); и самому *меньши* быти всѣхъ (К.-Печ. пат., 52 л.); Бутурлин был *менши* дѣда его *меншого*... Салтыкова (Юр. акты, № 58, 1686 г.); а будет кадь *мениши* семи пудъ (Акты арх. эксп., № 230, 1551 г.); хто съ кѣмъ в одномъ полку посланъ, тотъ того *менши* (Патр. лет., 1556 г.); да блюдо болшее, да другое *поменьши* (РИБ-акты, № 268, 1641 г.); листвие аки камепитьева трава, но острѣе и *мене* (Тр. Л., 163);

...яко азъ *мний* есмь (Б. и Г., 9); аз ѥсмъ *мнии* тебе (Лавр. лет., 238).

б) *мьнии* сынъ (Остр. Ев., Лук., XV, 12); отъ... братъ моихъ *мьньшихъ* (там же, Мат., XXV, 40); *мьнии* же въ црвьи бжьи больи ѥго ѥсть (Гал. Ч.-Ев., Лук., VII, 28); отъ всѣхъ старѣишихъ и отъ всѣхъ *меньшихъ* (Новг. гр., № 1, 1265 г.); к *меншимъ* любовь и наказанье (Лавр. лет., 184); *меньшей* братъ (Девг. д., 149); почтенъ отъ старѣишихъ и до *меншихъ* (Суздал. лет., 312); посадиша Андрѣа *мѣньшаа* выгнаша (Ипат. лет., 6683 г.); по *меншей* цѣнѣ (РИБ-акты, № 95, 1611 г.); твоеи братье молодшей и *меншей* твоей братье (Дух. дог. гр., № 63, 1462 г.); крестъ золотъ с чепью с золотою с *меншою* (там же, 1481); *меньшей* прежде старого не умирывалъ (Авв., 332);

хотяй быти въ васъ болій, да будеть всѣхъ *мній* (Кир. Тур., XIII, 107); *мний* бѣ въ братьи своей (Б. и Г., 6); азъ грѣшный Нестер, *мний* всѣхъ в монастыри (К.-Печ. пат., 93); азъ бо есмь *мніи* бѣхъ въ братїи моеи и хоутшїи въ людехъ и *мѣншеи* въ члцехъ (Жит. Стеф. Перм., 110).

По типу с суффиксом -**ějьs*.

От основы *мьн-*, *мн-*:

а) Наречие: а не *мнѣе* древнаго мора измори (Хр. Георг. Ам., 294а, сп. XV в.); *мнее* даеть (ВМЧ, сент., 14—24); аки лѣто кдино или *мнѣе* (Курб., 330); мало *мьнѣе* двою сотъ сохъ (Степ., 594); не можетъ вящше *мнѣіші* разделена быти (Приемы циркуля, 1709 г., 15); шесть тысящей, або мало *мнѣише* (Курб., 201).

Нечленные формы в предикативном и атрибутивном употреблении:

Созда же церквь величествомъ и красотою не *мнѣи* сущю прѣвыхъ (Ипат. лет., 6768 г., по сп. Х. и П.); а мѣсто оно не мало, мало что отъ Виленского *мнѣиша* (Курб., 196);

б) братия их *мнѣишая* (Курб., 243); и другии *мнѣйшіи* (субст.), (там же, 286); в сей святѣи Троице... ничтоже более или *мнѣе* (Авв., 7); *мнѣишую* дочь (Катош., гл. 1, 6); *мнѣйшее* (субст.), (Пам. ст. лит., сп. XVII в.); *мнѣйшая* точка (Приемы циркуля, 1709 г., 15); лѣты... *мнѣишыя* (Кн. земл., 3).

От основы *менш-*

цена становится *меншее* (ДАИ, X, 1699 г.);

меншаішему отъ ученіковъ его (Моск. вед., вып. 2, 1719 г.)

От основы *мен-*:

тѣм же смиряшеся *меней* всѣхъ ся творя (К.-Печ. пат., 38).

К формам ср. степени с основой *мьн-* (*мен* и др.) в текстах Гал. Ч.-Ев. приводятся в качестве вариантов по другим спискам формы от других основ; к тексту: и рече *мьньи* сн҃ъ кю о҃цю (Лук., XV, 12) приведен вариант *юнѣишїи* из Конст. Ев. 1383 г. и Ев. XV—XVII вв.; к тексту: събравъ все *мьньи* сн҃ь ѿиде на страноу далече (Лук., XV, 13) приведен вариант *оунѣи* из Нов. Зав. св. Ал.; к тексту: и ты Вi҃леоме землѭ иудова нї чїм҃ же *мьньшї* ксї въ в҃лкахъ иудовахъ (Мат., II, 6) приведен вариант *хужши* из Нов. Зав. св. Ал.; к тексту: понѭже не сътворісте ѥдіномоу ѿ сїхъ *мьньш҃і*, ни мънѣ сътворїсте (Мат., XXV, 45) приведен вариант *хужшїи* из Нов. Зав. св. Ал.; к тексту: ѭже *мьне* ѥсть всѣхъ сѣменъ ѥгда же въздрастеть болѥ ѥсть (Мат., XIII, 32) приведен вариант *малѣиши* (*-ше*)[71] из Остр. Библ. и Ев. XV—XVII вв., кроме Ев. XV в. № 2 и № 4.

О специфике значения членной формы ср. степени *меньший* можно сказать то же, что сказано о форме *больший*. Как в литературном языке, так и в народном приближение их к прилагательным положительной степени в значении 'младший' (есть у мене единь сынь *меншій* дома, — Твер. лет., 993 г.), а также в значении, связанном с характеристикой людей по их социальному положению (ср., например, текст: а из среднихъ людей по два человѣка, а изъ *меншихъ* людей по два человѣка, а изъ казаковъ по два человѣка, — Акты. арх. эксп., № 268, № 1564 г.), не завершилось полным переходом в прилагательное положительной степени, как это произошло с формой *большой*; лишь в отдельных случаях форма *меньший* (*-ая*, *-ое*) употребляется совершенно равноправно с прилагательным *малый*, *маленький* (ср., например: крестъ золот с чепью с золотою с *меншою*, — Дух. дог. гр. № 63, 1462 г. — и рядом: да солонка большаѧ да два *малыхъ* гладких, — там же, № 88, 1503 г.).

---

[71] Следует заметить, что ср. степень от основы *мал-* образование весьма позднее. Помимо приведенной выше формы, все остальные, имеющиеся в наших материалах, — членные; они относятся ко времени XVI — нач. XVIII вв. и отмечены в памятниках литературно-книжного характера: не даст ей погрѣшити ни в *малейшей* чертицѣ божественных... канонов (Авв., стр. 880); ѭже есть всѣмъ отцѣмъ начало *малийшимъ* и велікымъ (Сб. Друж., XVI в.); а *малѣишия* же зміи около великого змія множество же (РБЭ, Сказ. о вавил., сп. XVIII в.); грѣхъ вѣрныхъ и *малѣишіи* и невольный (Посл. Стеф. Явор., 1718 г.); и *малѣйшего*... награжденія не искать (Дух. регл., прибавл., 1721 г.) и др. нач. XVIII в. Форма *малейший* явилась в литературном языке превосходной степенью в ряду *мал — меньше — малейший*, поскольку форма *меньшии*, как и все членные формы, образованные с суффиксом *-*jьs* (*-ш-*), не обладает значением превосходной степени и может выражать это значение лишь в сочетании с *самый*: например, *самое меньшее*.

Народный язык знает форму *меньшóй* ('младший') с ударением на окончании, что говорит о ее формальном сближении с прилагательными положительной степени, однако по своему значению формы *меньшой*, как и *старшой* (см. ниже), занимают особое место: утратив значение сравнительности (ср. отсутствие соотносительности с *малый*, *старый* как формами положительной степени), они в то же время не стали и прилагательными качественными. Их значение сопоставимо со значением таких прилагательных, как, например, *первый*, *последний*, которые, в связи с их происхождением от порядковых слов, не могут иметь форм ср. степени.

Отметим особенности в распределении вариантов основ, связанных с судьбой редуцированного, между двумя типами образования.

В образованиях по типу с суффиксом -**jьs*, несомненно исконных для данной основы, выступает первоначальный вид основы с наличием редуцированного, по крайней мере, в графике (ср. формы типа *мьне*, *мьнии*, *мьньши* и др.), и ее фонетические варианты, связанные с дальнейшей судьбой редуцированного.

Тип образования с суффиксом -**jьs* имел постоянное накоренное ударение, следовательно, редуцированный в основе этих форм находился всегда в сильной позиции (первый слог слова под ударением). Поэтому в эпоху после падения редуцированных закономерными являются те формы, где выступает гласный полного образования *е* (ср. формы типа *мене*, *меньши*, *меньша* и т. п.). Однако зафиксированы и формы с отсутствием редуцированного. Ср. форму наречия *мне* (два примера в памятниках XIII в.), а также форму им. п. ед. ч. м. р. *мний* (в памятниках XIII—XVI вв.). Поскольку на почве образований с суффиксом -**jьs* этот вид основы не мог возникнуть, считаем его перенесенным по аналогии из другого типа образования. Заметим, что форма *мний* употребляется вплоть до XVI в. в памятниках книжно-литературного характера, в то время как в живом языке уже безраздельно господствует форма от основы косвенных падежей с основой *мен- (меньший, -ей, -ой)*.

В образованиях по типу с суффиксом -**ějьs*, несомненно вторичного характера, закономерно выступает лишь вариант с графически обозначенным редуцированным (в ранних памятниках) или с его отсутствием (ср. формы *мнѣе*, *мнѣиши*, *мнѣйшия* и др.). Утрата редуцированного в первом слоге свидетельствует о его безударности, так как только в условиях безударности редуцированный в этих формах оказывается в слабом положении (перед слогом с *ѣ* суффикса)[72].

---

[72] Подробнее об ударении в этих формах см. в указанной выше статье С. В. Бромлей «К истории места ударения в формах сравнительной степени в русском языке». Там установлено, в частности, что в формах с суффиксом -**ějьs* от односложных основ, имевших бывший краткий или редуцированный гласный, ударение падало на *ѣ* суффикса.

Таким образом, если вариант основы *мен-* связан с формами, имевшими ударение на основе, то вариант основы *мн-* связан с ее безударностью.

Лишь один пример *меней* (наречие) в Киево-Печерском патерике указывает на то, что основа *мен-* уже во второй половине изучаемого периода может выступать с суффиксом этого типа образования; в позднее же время эти образования утвердились в языке (ср. форму *ме́нее* современного русского литературного языка, а также в приводимых ниже материалах аналогичные ей формы *долее*, *тонее* и подобные). Основа *мен-* в этих образованиях несет на себе ударение, как в формах того типа (с суффиксом -**ějьs*), откуда она отвлечена.

Наиболее поздний вид взаимодействия формообразовательных средств отражают формы *меншее* (несогласуемая форма), *меншаíшему* (конец XVII — нач. XVIII в.), где бывшая основа косвенных падежей, образованная по модели с суффиксом -**jьs* (*меньш-*), послужила в свою очередь основой для образования форм по типу с суффиксом -**ějьs*. Подобные образования (по-видимому, искусственные) не укрепились в языке [73].

Основа *гор-*. Ср. в старосл.: и бѫдѫтъ послѣдьнѣ чл҃вка того *горьша* пръвыхъ (Мар. Ев., Мат., XII, 43); *горе*, — вин. п. ср. р. (Сав. кн.); *горьшеѥ* (Супр. р.).

Ср. степень с основой *гор-* не имеет соответствующей положительной степени той же основы. Основными значениями являются: 1) 'хуже', 2) 'сильнее', 'могущественнее', 'больше' (ср. у Срезн.: тако покаряется вящщее *горшемоу*, — Никиф. М. посл. Влад. Мон.; и *горьші* дїра боудеть, — Гал. Ч.- Ев., Марк, II, 21).

В древнейших памятниках формы от основы *гор-* известны, в основном, с суффиксом -**jьs*; ср. некоторые примеры:

да не *горе* ти чьто бѫдеть (Остр. Ев., И., V, 14); ꙗко пиꙗница бѣсьнааго *гории* ѥсть (Сб. Свят., 89б);

горьша. . . ꙁвы (Сл. мин., сент., 98б.); на *горьшеѥ* (субст.), (Изб. Свят., 128).

Однако взаимодействие с другим типом образования в пределах форм данной основы сказалось довольно рано, но не захватило членные формы. Ср. примеры форм, образованных по типу с суффиксом -**ějьs*: всего же того *горѣе* есть гордость (Кир. Тур., XI сл., 90); и тъ мене не послоушаѥть нъ всѣхъ ли *горѣи* ѥстъ (Прол. XIII в., 28[4]); *горѣе* всѣхъ сдꙗхомы грехы (Лавр. лет., 225) и др.

Формы ср. степени с основой *гор-* представляются чуждыми живому народному языку образованиями, идущими от старославянской книжной традиции. Об этом говорит их употребление в основном в произведениях религиозного содержания, а также в тех произведениях, которые в той или иной мере были подвержены церковно-книжной традиции (в произведениях протопопа Аввакума, у А. Курбского,

[73] Ср. подобные же образования от основ *ширш-*, *лѣпш*, *глубж-*.

И. М. Катырева-Ростовского). Поэтому часто в др.-рус. списках формы с основой *гор-* оригинала заменяются формами от основ *пущ-*, *лукав-*, *худ-*; см. варианты к текстам Галичского Четвероевангелия (Мат., XXVII, 64; Лук., XI, 26 и др.).

Характерно, что и в современном русском литературном языке, в той мере, в какой они употребительны (причем только образования по типу с суффиксом -**jьs*: *горше*, *горший*), они несут на себе резкую стилистическую окраску возвышенности слога В ходе истории языка образования с основой *гор-* заменяются формами *хуже — худший*; в народном языке, помимо *хуже*, этим формам соответствуют также ср. степень *пуще*.

Основа *тън-*. Ср. образование форм. ср. степени (в других славянских языках (по Миклошичу): nsl. tanji; serb. tanji; čech. tonšyi; nserb. s'an'šy; oserb. c'en'ši; pol. cienszy.

Прилагательное положительной степени того же корня образуется только от основы, распространенной суффиксом *-ък*: *тънъкый*.

По типу с суффиксом -**jьs:*

а) форма *тоне* отмечена в следующих памятниках; Акты Кадаш. сл., 1630; Хоз. Мор., 1660 г.; Птр., I, 684; Бринк, Опис. артил., 1710 г.

По типу с суффиксом -**ějьs:*

От основы *тън-*, *тн-:*

тнѣе (Хр. Георг. Ам., 184 г, сп. XIII—XIV вв.); *тънѣиша* (там же, 288б., сп. XV в.).

От основы *тон-*:

тонѣе (Кугорн, Нов. креп., 1702 г.); *тонѣе* (Док. в Сенате, I, 1711 г.).

Славянские языки показывают, что древнейшим типом образования форм ср. степени от основы *тън-* является тип с суффиксом -**jьs*; однако в наших материалах примеры образований этого типа относятся только к поздним памятникам. Имея конкретное бытовое значение, формы этой основы, видимо, не использовались (или редко использовались) в древнерусском языке в переносном значении и поэтому слабо проникали в древнерусскую письменность в связи с ее жанровой и стилистической ограниченностью. Лишь позднее, в особенности, начиная с XVI в., когда деловая письменность уже представлена массовым материалом, эти формы проникают в памятники.

Формы, образованные по типу с суффиксом -**ějьs*, имеют две разновидности. Первая из них и, видимо, более ранняя по времени[74], с основой *тн-*[75], представлена двумя примерами по сп. XIII—XIV вв.

[74] См. ниже об этой и аналогичных формах (от основ *мьн-*, *дьл-*) и их хронологии.

[75] Буква ъ в форме *тънѣиша* в списке XV в. связана с традиционным написанием, так как в случае наличия ударения на ней, ъ должен был измениться в *о*, в случае же переноса ударения на суффикс, ъ в слабом положении должен был исчезнуть.

и сп. XV в. Хроники Георгия Амартола (*тнѣе*, *тънъиша*). Другая разновидность этого же типа, с основой *тон-* (*тонѣе*), относится в наших материалах к началу XVIII в. и принадлежит языку памятников официально-делового характера.

Для данной основы, как и для основы *шир-* (см. ниже), характерно, что форма *тонѣе* (как и *ширѣе*) не удержалась в литературном языке, тогда как подобные формы от всех других основ на сонорный, первоначально шедшие по типу с суффиксом *-*jьs* (*более*, *ранее* и др.), укрепились в научно-официальном языке (см. об этом ниже).

Членные формы не только типа с суффиксом *-*jьs* (*-ьш-*), которые вообще весьма ограничены в языке, но и типа с суффиксом *-*ějьs* (*-ѣиш-*), полностью отсутствуют. Они возможны только от основы, распространенной суффиксом *-ък* (*тончайший*).

Основа *ран-*. Ср. в древнерусском языке наречие *рано* и прилагательный *раный* 'ранний', 'утренний' (дъждь *раныи* и *поздьныи*, — Библ. Генн., 1499 г.; и ѡдождить на дождь *ранъ* и позденъ, — Срезн. — Пов. вр. лет., 6576 г.). Ср. степень от основы *ран-* известна только в форме наречия ср. степени.

По типу с суффиксом *-*jьs:*

ране (Гр. Сиб. Милл., II, 388, 1631 г.); *ране* (Птр., I, 552).

По типу с суффиксом *-*ějьs:*

ра́нее (Дом., s̄i — *ра́нее*) Пом. дипл. М. Г., III, 1563 г., 127; РИБ-акты, № 188, 1603 г.; там же, № 90, 1611 г.; Птр., VII, 66; Док. в Сенате, II, 2, 1712 г.; Гр. ук. о крест., 1714 г.).

Ср. степень от основы *ран-* имеется только в документах делового характера, относящихся ко времени не ранее XVI в. Видимо, эта форма, свойственная живому народному языку, в ранние века слабо проникала в письменность в силу ее жанрово-стилистической ограниченности (ср. тот же факт, связанный с формами ср. степени от основы *тън-*). Ее эквивалентами в жанрах церковно-книжного характера были формы *древле*, а также *прежде* и *пьрвѣе*; две последние нечужды были и живому народному языку.

Поздний характер примеров не позволяет с полной достоверностью утверждать, какой из двух представленных в наших материалах типов образования (*ране* и *ранѣе*) является исконным. Однако, учитывая тот факт, что в основах на сонорный аналогия типов образования (за исключением основы *стар-*) не шла в сторону образований по типу *-*jьs*, а также наличие ударения на основе (ср. пример из Домостроя — ра́нее), следует форму *ранѣе*, хотя и более продуктивную в поздних памятниках, считать вторичной по сравнению с *ране*.

Основа *дъл*[76]. Ср. образование ср. степени в других славянских

[76] Образование форм ср. степени с тем же значением от основы, осложненной элементом *g* (*dъlg-*) в разделе основ с исходом на задненёбные. От этой же основы образуется и прилагательное положительной степени, соотносительное с рассматриваемыми формами (*дългыи*).

языках (по Миклошичу): čech. delši, déle, dél; oserb. dleši, dleje; nserb. dlejšy, dlej.

Ср. степень от основы *дъл-* известна только в форме наречия.

По типу с суффиксом -*jьs.*

Форма *доле* отмечена в следующих памятниках: Пам. дипл. с. М. Г. с нем. орденом, 1518 г.; Ворон. А., 1698 г.; Сим., Посл., 178; Реглам. шхип., 1724; Тр. Л., 572; Арх. Бароц; Докл. в Сенате, I, 293, 1711 г.;

дольше (дадите ми *дольше* оученіе сътворити), Злат., VIII.

По типу с суффиксом -*ějьs:*

От основы *дл-*:

длѣе (Кир. Б., 53, сп. XVII в.; Сим. Перепл., IV).

От основы *дол-*:

долѣе (Птр., VII, 345; Кугорн, Нов. креп.; Флор. ек., 227).

Из вариантов основы *дъл-*, *дълг-* первый является более распространенным в качестве основы форм ср. степени в живой народной речи.

Если для древних памятников церковно-книжной традиции характерна употребительность форм ср. степени, от основы *дълг-* и полное отсутствие форм от основы *дъл-*, то в позднее время формы от основы *дъл-*, *дол-*, образованные по типу с суффиксом -*jьs* (*дóбле*), стали широко проникать в письменность через документы делового характера.

В XVII—нач. XVIII в. они употребительны и в научно-официальном языке (ср. Док. в Сенате, Арх. Бароц. и др.).

Формы, возникшие в результате взаимодействия с другим типом образования (с суффиксом -*ějьs*), представляют две разновидности, отличающиеся вариантами основы (*дл-ѣе*, *дол-е*) и местом ударения (во втором случае на основе)[77]; ср. соответствующие явления в основах *мьн-*, *тън-*. Первая из разновидностей вышла из употребления, вторая — укрепилась в научном и официальном языке.

Основа *дал-*. Ср. в старосл.: і тъ творѣаше сѧ *дале* ити (Мар. Ев., Лук., XXIV, 28).

Прилагательное и наречие положительной степени того же корня образуются лишь от основы, имеющей в своем составе суффикс *-ек*: *далеко*, *далекый*. Наречная форма *дале* может выступать в древнерусском языке и без значения ср. степени как вариант к *далеко*, *далече* (см. приведенные вслед за материалом варианты к форме *дале* по спискам изученных памятников.).

По типу с суффиксом -*jьs*:

а) *дале* (Новг. гр., № 15, 1325 г; Лож. отр. кн., сп. XIV в.; Новг. 1 лет., сп. XV в., 854 г; Суд. Ив. III; Библ. Генн.; Ипат.

---

[77] См. об этом в указанной выше статье С. В. Бромлей «К истории места ударения в формах сравнительной степени в русском языке».

лет., 6648 г., Алекс., I, 41; Акты арх. эксп., 1561 г.; Суд. Ив. IV; Курб., 74; Дом., 3г; Улож. Ал. Мих.; Авв., 629; Пск. 1 лет.; РИБ-акты, № 254, 1616 г.; Птр.; IV; 595);

дальше моря менше горя (Сим., Посл., 211);

б) *дальшего*. . . указу (Птр., VII, 303); *далшого* проізверженія (Кугорн, Нов. креп.); до *далшихъ* распръ (Птр., 539—40, 1724 г.)[78].

По типу с суффиксом -**ějьs*:

а) *далꙗкѣ* (Срезн. — Гр. Наз. XI в., 298);

далѣе (Пут. иг. Дан.; Ипат. лет., 1601 г. сп. Х. и П.; Арс. Сух., 1653; Кн. земл. — (*дáлѣе*); Птр., I, 19; VII, 36; I, 23; Пох. журн., 1714 г.);

далѣи (Дух. дог. гр., 1349 г.; Сказ. о св. мест.; Ипат. лет., 1621 г., сп. Х. и П.; Птр., V, 745);

б) от *далеишихъ* странъ (Курб., 156, Арх. сп.; в других списках — *далечайшихъ*).

Варианты по спискам памятников, приводимые к формам ср. степени с основой *дал-*:

к тексту: і тъ творѣаше сѧ *дале* ити (Мар. Ев., Лук., XXIV, 28) приводится вариант из Остр. Ев., Зогр. Ев., Ник. Ев. — *далече*; к тексту: а ѡци наши *дале* соуть (Ипат. лет., 6698 г.) — по сп. Х. и П. *далече*.

Наречие ср. степени *дале* распространено во всех видах письменности и особенно широко — в произведениях делового характера и в летописях. Оно употребительно вплоть до XVIII в. (см. в документах Петра Великого). Однако в поздние века с ним начинают конкурировать формы, образованные по типу с суффиксом -**ějьs* с сохранением места ударения на основе (*дáлѣе* — см. Кн. землед. или *далей*).

Следом весьма давнего процесса взаимодействия типов образования является очень ранний пример образования ср. степени по типу с суффиксом -**ějьs*: *далꙗкѣ* (Гр. Наз. XI в., 298); *а* суффикса является закономерным результатом изменения *ē* после палатального согласного (ср. старосл. *добл'аи*, — Вайан, Руководство. . ,).

Обращают на себя внимание членные формы с суффиксом *ш* (восходящие к формам, образованным с суффиксом -**jьs*). Они встретились лишь в документах эпохи Петра I. Эти формы полностью лишены значения ср. степени и приближаются по значению к прилагательным *следующий*, *новый*.

Основа *шир-*. Ср. образование ср. степени в старосл. языке (по Ф. Миклошичу): širij.

Прилагательное положительной степени того же корня образуется только от основы, распространенной суффиксом *-ок* (*широкый*).

---

[78] Ср. в середине XVIII в. такие же формы, встречающиеся в Мат. Ком. ул.: и *далшего* вреда избѣгнуть; ибо ежели *дальшія* запрещаются, то кольми паче ближшія.

По типу с суффиксом -**jьs*:

а) наречная форма *шире* отмечена два раза в Актах арх. эксп. в сочетании с глаголом *писать*: писала быхъ до тебя... о томъ *шире* (№ 138, 1503 г.); с тяжкое жалости не могу и писати *шире* (там же);

ширьшоу (Сл. мин., сент., 9б); *ширьше* (Хр. Георг. Ам., 16а, сп. XIII—XIV вв.); *ширша* (Хр. И. Малалы, VI); *ширше* (Б. и Г., 157); *шире* (Пут. иг. Дан.); *шире* (Девг. деян., 136); *ширше* (ДАИ, V, 1666 — 1667 г.); *ширѣ* (Боргсдорф, Поб. креп.); *шире* (Архит. Бароц);

б) сторона *ширша*ѧ (Лопаточник); *шіршіи*... другіх людей (Система, 30).

По типу с суффиксом -**ějьs*:

а) *ширѣе* (Хр. Георг. Ам., 403 г, сп. XV в.; Кугорн, Нов. креп.; Упр. Гор. Воб.);

ширей (Курб., 63—64); *ширѣйше* (Библ. Генн.);

б) в землю *ширѣишꙋю* (Библ. Генн.).

От основы *ширш-*:

шїршее (Алярд., Нов. кораб.).

Первичный тип образования (с суффиксом -**jьs*) прослеживается по памятникам всех жанров (ср. также в современном языке *ширe*). Формы, возникшие в результате аналогических взаимодействий с другим типом (с суффиксом -**ějьs*), встречаются только с XV в., в памятниках книжного характера. Форма *шїршее* в позднем памятнике говорит о сложном напластовании словообразовательных средств: на основу косвенных падежей типа с суффиксом -**jьs ширш-* наслоился суффиксальный элемент *-ее*, характеризующий другой тип образования.

Форма *ширѣе* в литературном языке не утвердилась; ср. бытование в современном языке подобных форм от других основ на сонорный *(менее, более, ранее, долее, далее)*, шедших первоначально по типу с суффиксом -**jьs*. Такую же судьбу имела форма *тонѣе* (о причинах см. ниже).

Членные формы обоих типов образования от основы *шир-* (*ширший, ширѣиший*) оказались неупотребительными. Они образуются в литературном языке только от основы, распространенной суффиксом *-ок* (*широчайший*).

Основа *ун-*. Ср. в старосл. языке *оунѣе*: *оунѣе* бо ти естъ да погыблетъ единъ оудъ твоихъ, а не вьсе тѣло твое (Мар. Ев., Мат., V, 29) — и *оуне* (Супр. р.).

Ср. степень с основой *ун-* не имеет соответствующей положительной того же корня. В старосл. языке и древнерусских текстах формы ср. степени данной основы выступают в значении 'лучше', 'лучший'.

Уже на почве старосл. языка формы ср. степени от основы *оун-* могли быть образованы по двум типам, ср. *оунѣе* (Мар. Ев., Клоц. сб.) и *оуне* (Супр. р., Мар. Ев.). Эти же два типа прослеживаются и

в русских памятниках при заметно большей употребительности форм, образованных по типу с суффиксом -*jьs*. Ср. примеры:

По типу с суффиксом -*jьs*:

оуне бо бѣ имъ не познати пѫти правьдьнааго (Изб. Свят., 91); *уне* бы с тобою умрети ми, неже уединену и усирену отъ тебе в семь житии пожити (Б. и Г., 40); не боитесѧ оубо мнозѣхъ птіць *оуньше* ксте вы (Гал. Ч.-Ев., Лук., XII, 7) и др.

в дѣло ѹньшеѥ (Лавр. лет., 214) и др.

По типу с суффиксом -*ějьs*: *оунѣѥ* ксть не женитися (Гал. Ч.-Ев., Мат., XIX, 10); ако *оунѣѥ* ксть кдному чл҃коу умеретї за люди (там же, И., XVIII, 14) и др.

Формы ср. степени от основы *оун-* со значением 'лучше' в древнерусском языке являются старославянизмом. Это совершенно отчетливо явствует из наличия их почти исключительно в текстах религиозного содержания, причем даже в этих текстах они на русской почве часто заменяются формами *луче*, *лучше* и др. (см формы, приведенные в качестве вариантов к формам с основой *ун-* в Галицком Четвероевангелии — Мат., XIX, 10; Лук., XII, 7 и др.).

Неясными остаются отношения форм ср. степени с основой *оун-* в значениях 'лучше — лучший' к прилагательному *юный* (старосл. форма), *уный* (русская форма) и к соответствующей ему форме ср. степени. Все немногочисленные примеры форм с основой *оун-*, выступающие в значении 'юнее-юнейший', образованы по типу с суффиксом -*ějьs*: *унѣи* в дому отца своего (Б. и Г., 6); от *оунѣишиих* несъвръшеныих възрастом (там же, 166); и рѣша *оунѣишии* Оурособѣ (Лавр. лет., 278; сп. А. — *молодый*).

Совмещение в формах ср. степени одной основы значений 'лучше', с одной стороны, и 'меньше' и 'младше', с другой, представляется странным ввиду того, что противоречит другим фактам языка: ср., например, основу *мьн-*, которая совмещает значения 'меньше', 'младше' со значением 'хуже' (см. основу *мьн-*), что и логически представляется более закономерным. Заметим, что И. И. Срезневский ср. степень с основой *оун-* в значении 'лучше — лучший' ставит отдельно, не соотнося этимологически с прилагательным *оуный* (*юный*) и соответствующими ему формами ср. степени.

Помимо рассмотренных выше, все остальные основы на сонорные в древнерусском языке в образовании форм. ср. степени шли по типу с суффиксом -*ějьs*, не обнаруживая при этом никаких тенденций к взаимодействию с тем типом образования, который представлен рассмотренными выше девятью основами[79]. Само собой разумеется, что явное преобладание в основах на сонорный согласный типа образования с суффиксом -*ějьs*, устойчивого в своих признаках, а также одина-

[79] Единственным исключением является основа *стар-*, данные о которой приводим ниже.

ковая основа в обоих типах образования (*шир-е* и *шир-ѣе*) обеспечивали немногочисленной группе основ, принадлежащих к типу с суффиксом -**jьs*, возможность активного взаимодействия с другим, преобладающим типом образования.

Это взаимодействие, как и в основах с исходом на другие согласные, имело две разновидности: в более раннюю эпоху происходило взаимодействие типов образований с сохранением всех закономерностей каждого из типов; в более позднюю эпоху во взаимоотношения вступают отдельные морфемы, характеризовавшие первоначально каждый из типов образования.

Основы на сонорные согласные, как и основы на задненёбные согласные, характеризуются отсутствием двух вариантов основ (по признаку вариации конечного согласного), которые соответствовали бы двум первоначальным типам образования. Установление двух хронологически и принципиально отличающихся видов взаимодействия способов образования ср. степени возможно поэтому в основах на сонорный только для основ, имеющих в составе звуков корня редуцированный гласный. К таким основам принадлежат: *мьн-*, *дъл-*, *тън-*, исконно образовывавшие формы ср. степени с суффиксом -**jьs*.

Примеры, обнаруживающие наличие аналогических взаимодействий с другим типом образования (с суффиксом -**ějьs*) от этих основ, представлены в двух разновидностях. Одна из них, более ранняя, характеризуется основой с утраченным редуцированным (*мн-ѣе*, *дл-ѣе*, *тн-ѣе*). Как показывает анализ отношений двух вариантов основы *мьн-*, соответствующих судьбе в них редуцированных гласных (*мен-* и *мн-*), вариант основы с отсутствием редуцированного является закономерным развитием основы *мьн-* на почве образований с суффиксом -**ějьs* при наличии ударения на *ѣ* суффикса[80]. Этот вариант не мог быть заимствованным из образований с суффиксом -**jьs*, так как там редуцированный основы всегда находился в сильном положении в связи с постоянным ударением на основе, свойственным этому типу образования.

Судьбу редуцированных в *тнѣе*, *длѣе*, *мнѣйший*, *тнѣйша* и под. следует связывать, таким образом, только с закономерным их исчезновением на почве образования по типу с суффиксом *-ějьs*. А это в свою очередь служит указанием на то, что образование подобных форм имело место в древнейшую эпоху, во всяком случае, до падения редуцированных.

Формы *мнѣе*, *длѣе*, *тнѣе* (членные формы от этой разновидности основ известны только у основы *мн-*), свойственные в основном

---

[80] См. о закономерности такого ударения для форм с редуцированным гласным корня, образованных с суффиксом -**ějьs*, в ук. выше статье С. В. Бромлей «К истории места ударения в формах сравнительной степени в русском языке».

памятникам, отражающим влияние церковно-книжной традиции, не удержались в языке; исчезнув, они не оставили в современном русском языке никаких следов своего существования.

Другая разновидность, возникшая под влиянием типа с суффиксом -*ějьs, представлена формами *долѣе*, *тонѣе*, *менеи*. Основа с гласным полного образования на месте редуцированного не могла закономерно (фонетически) возникнуть на почве образований с суффиксом -*ějьs. Изменение редуцированного в гласный полного образования можно рассматривать безусловно лишь как признак основ в формах с суффиксом -*jьs, обусловленный наличием ударения на основе (см. подробнее в разделе, посвященном основе *мьн-*). Таким образом, если предыдущий вид взаимодействия осуществлялся путем оформления основы согласно всем закономерностям того типа образования, в который она вовлекается, то вид взаимодействия, представленный формами типа *долѣе*, *тонѣе*, *менеи* является совмещением основ, обладающих признаками одного типа образования (о чем свидетельствует судьба редуцированного), с формальными элементами другого типа образования.

К этой же эпохе и к памятникам того же характера относятся и формы *болѣе*, *ранѣе*, *далѣе*, *ширѣе*, а также *ширей*, *болей*, *далей*[81] и др., для которых оформление по типу с суффиксом -*ějьs также является вторичным. Как показывают акцептированные памятники (ср. примеры: *бóлее*, Сим. пс., *рáнее*, Дом., *дáлѣе*, Кн. земл.), а также место ударения в тех формах, которые сохранились в современном русском литературном языке, эти формы имели ударение на основе. Между тем среди этих основ есть такие, которые имеют гласные звуки, восходящие и к редуцированным (в основах *мен-*, *тон-*, *дол-*), и к бывшим кратким гласным (в основах *бол-*, *дол-*), и к бывшим долгим гласным общеславянского языка (*ран-*, *шир-*). А это значит, что вне зависимости от качества корневого гласного, т. е. от того, являлся ли он по происхождению редуцированным, кратким или долгим, формы этой разновидности имели, по крайней мере в поздних памятниках, ударение на основе. Поскольку место ударения (на основе или на суффиксе) в типе образования с суффиксом -*ějьs зависело от качества гласного (см. мою статью, посвященную месту ударения в формах ср. степени), постоянное место ударения на основе в этих формах следует отнести за счет того, что ударение на корне выступало в них как признак, характеризующий основу в том виде, как она существовала первично в типе образования с суффиксом -*jьs (т. е. постоянно на основе). Данное предположение подтверждается следующим: это ударение сохранялось в таких условиях, когда в самóм исконном типе образования с суффиксом -*ějьs действовала

[81] Происхождение форм на *-ей* (из *-ее*) связывалось первоначально с безударностью суффикса (см. указанную выше статью «К истории места ударения в формах сравнительной степени в русском языке»).

тенденция к обобщению места ударения на суффиксе, приведшая к тому, что в современном русском литературном языке все односложные основы с суффиксом *-ее* имеют ударение на суффиксе. Группа рассматриваемых основ, имеющая ударение на основе, представляет исключение из правила, причем этот ее признак является «родимым пятном», указывающим на то, что первично она шла по типу образования с суффиксом -**jьs*.

Таким образом, формы *долѣе*, *тонѣе*, *болѣе*, *ширѣе* и под. представляют собой совмещение основы, имеющей признаки (ударение и судьба редуцированного) одного типа образования (с суффиксом -**jьs*), с суффиксальным элементом другого типа образования, восходящим к -**ějьs*, т. е. принципиально то же явление, что и формы типа *нижае*, *ближае*, *хужее* и под. от основ на зубные, где шипящий в исходе основы, присущий типу образования с суффиксом -**jьs*, сочетается с суффиксальным элементом другого типа образования.

Однако ввиду того, что различение этих двух видов взаимодействия в основах, имеющих исконные гласные полного образования, идет только по линии ударения (на основе или на суффиксе), хронологическое разграничение их по памятникам и определение вида взаимодействия, проявляющегося в каждой данной форме, крайне затруднено. Об этих двух видах взаимодействия для основ на сонорный можно говорить только как о двух различных тенденциях, одна из которых характеризует ранние, другая — поздние памятники.

Одновременно с формами типа *менее*, *тонее* в жанрах письменности, ближе стоящих к живой народной речи, еще широко используются формы исконного типа: *дале*, *ране*, *ширe*, *тоне*, *доле*, *меньше (-ши)*, *больше (-ши)* и т. п. Ср. их широкое употребление в летописях и документах делового характера (актах, грамотах и т. п.)., а также в официальном и научном языке XVI—нач. XVIII в., где они конкурируют с формами типа *болѣе*, *ранѣе*. Дублетные формы не имеют еще той жанровой и грамматической разграниченности, которую приобретают позже. Ср. употребление форм обоих разновидностей в функции наречия в языке документов Петра Великого, например: *далѣ* (Птр., I, 553; IV, 595), но и *далѣе*, (Птр., I, 19, 23; VII, 36); *ране*, (Птр. I, 552); но и *ранѣе* (Птр., VII, 66). Как показывает современный русский язык, дальнейшая судьба форм типа *болѣе*, *ранѣе* в литературном языке пошла по линии ограниченного их употребления в чисто наречной функции, в связи с чем сузился круг основ, могущих выступать в этой форме (ср. невозможность употребления в современном литературном языке форм *тонее*, *ширее*). Кроме форм *более*, *менее*, начавших употребляться (уже за пределами изучаемой эпохи) в составе аналитических форм ср. степени (*более поучительный*, *менее деятельный* и под.), остальные чрезвычайно сузили круг своего употребления, став исключительно признаком научного и официального языка.

Однако для того, чтобы составить правильное представление о месте в структуре форм ср. степени этих девяти основ (*бол-*, *мен-*, *шир-*, *тон-*, *дол-*, *дал-*, *ран-*, *гор-*, *оун-*), следует рассматривать их судьбу на фоне других основ на сонорный.

Как уже было сказано, остальные основы на сонорный[82] очень многочисленны в русском языке в связи с тем, что конечный сонорный в большей части этих основ представляет собой древний суффикс, продуктивность которого до исторической эпохи дала большое количество простых (односложных) основ на сонорный. В формах ср. степени эти основы искони выступали с суффиксом -**ějьs* и не обнаруживали в истории языка никаких тенденций к переходу в другой тип образования. В стилистическом отношении эти формы нейтральны и характеризуют в равной мере все жанры письменности.

Наличие форм типа *мудрѣе*, *круглѣе*, *бѣлѣе*, *добрѣе* и т. п. (с двумя типами ударения, ср. *мýдрѣе*, но *добрéе*) при описанных выше видах несогласованной формы ср. степени от основ, первоначально шедших по типу с суффиксом -**jьs*: 1) *ранѣе*, *болѣе* и под., 2) *ране*, *боле* и под. 3) *меньше*, *больше*, *горьше*, *уньше* (только от данных основ), — создает большой разнобой в образовании форм ср. степени на сонорные. Процессы взаимодействия между группами форм ср. степени от основ на сонорные не привели к выработке одной общей формы. По существу, исторически различавшиеся два типа образования в основах на сонорные продолжают различаться, только эти различия выражаются другими средствами. Каждый из трех представленных видов образования несогласованной формы от немногочисленной и непродуктивной группы основ, шедших первоначально по типу с суффиксом -**jьs*, имел особую судьбу.

Формы типа *ранѣе*, *болѣе* и под. составили совершенно замкнутую группу с особой стилистической и грамматической функцией (см. выше). В нее впоследствии вошли только основы, формы ср. степени от которых по преимуществу выполняют функции наречия. Поэтому из девяти рассмотренных выше основ основы *шир-* и *тон-*, формы ср. степени от которых преимущественно выполняют функцию определения, впоследствии утратили возможность употребляться в литературном языке в форме *ширее*, *тонее*. Существование такой изолированной по способу образования малочисленной группы основ, не подвергающейся разрушению даже от воздействия продуктивных образований, возможно только в высоко организованном литературном языке, обладающем хорошо разработанной системой средств, закрепленных за разными его стилями.

---

[82] В наших материалах из памятников имеются формы от основ *бѣл*, *зъл-*, *мил-*, *мал-*, *кругл-*, *тепл-*, *явл-*, *сул-*, *добр-*, *мудр-*, *остр-*, *скор-*, *храбр-*, *мокр-*, *быстр-*, *хытр-*, *чьрн-*, *юн-*. Материал на основу *мал-* приведен в комментариях к основе *мьн-*.

Два последние вида форм: *боле*, *мене*, *ране*, *тоне* и под. и *больше*, *меньше*, *уньше*, *горьше* (только от данных основ) не находятся между собой в отношениях, обусловленных стилистически или грамматически. Оба эти вида форм в одинаковой мере свойственны живому народному языку. В изучаемый период перебои форм *боле*, *мене* и форм *больше*, *меньше* (с явным преобладанием последних) нужно относить за счет не установившейся еще четко нормы, колеблемой вторжением разнодиалектных влияний. Дальнейшая их судьба сложилась в полном соответствии с теми тенденциями, которые уже выявились при обобщении материала по другим группам основ. Формы на *-е* в образованиях от всех рассмотренных выше основ в истории языка закрепились за формами ср. степени с основой на шипящий (ср. *суше* вм. первичной *сушае*, *позже* вм. *поздѣе*, *проще* вм. *простѣе*, *глубже* вм. *глубле* и т. п.). Формы типа *боле*, *мене*, *тоне* и под. (всего девять основ) оказались, таким образом, изолированной группой в системе образования, так как остальные формы ср. степени с основой на «нешипящий» согласный могли образовывать несогласуемую форму ср. степени только с суффиксом *-ѣе* (*-ее*). Поскольку в языке под влиянием совершенно других факторов от некоторых из этих основ (а именно *бол-*, *мен-*) появились формы на шипящий (*больш-*, *меньш-*)[83], то они и положили начало перехода данной группы основ к образованию форм ср. степени с шипящим в исходе, наращенным за счет суффикса *-ш-* основы. Ср. в современном русском языке формы *тоньше*, *раньше*, *дальше*, *дольше*, а в диалектах также форму *ширьше*. Процесс такого обобщения лежит за пределами изучаемой эпохи, так как формы эти в наших материалах не отмечены[84]. Реликтом форм без суффикса *-ш-* в современном русском языке является форма *шире*, а из двусложных основ — *дешевле*, форма на *-е* от основ на «нешипящий».

Таким образом, в итоге исторического процесса в области образования форм ср. степени от основ на сонорный имеем вновь два продуктивных типа: формы с основой на «нешипящий» (в данном случае сонорный) с суффиксом *-ее* (*мудрее*, *злее*, *скорее* и т. д.)[85] и формы с основой на шипящий с суффиксом *-е* (*меньше*, *больше*, *дольше*, *тоньше* и т. д.). Выпадает из общей системы образования лишь функционально и стилистически обособленная группа из пяти основ, образующих кроме форм на *-ше* формы с безударным *-ее* (*бо́лее*, *ме́нее*, *да́лее*, *ра́нее*, *до́лее*).

---

[83] Наличие суффикса *-ше* (*-ши*) в некоторых основах объясняется влиянием основы соответствующих членных форм. См. мою диссертацию (гл. II).

[84] Формы на *-е* от данных основ (в разной степени) были еще употребительны в литературном языке середины XIX в. (ср. наличие их у Пушкина).

[85] Обобщение места ударения отражено в памятниках XVI—XVII вв. (см. указанную выше статью об ударении «К истории места ударения в формах сравнительной степени в русском языке»).

В памятниках самого конца изучаемого периода (конец XVII—начало XVIII в.) несогласуемые формы ср. степени от основ на сонорные, идущие по типу образования с суффиксом -*ějьs, могут быть образованы с суффиксом -*ае*, который проникает в эти образования, по-видимому, под влиянием форм с основой на шипящий типа *громчае, нижае*. Однако такие формы (ср., например, *скоряя*, — Ворон. А., 1688 г.; *бодряя*, — Пос., О скуд. и бог.) не рассматриваются в данной статье, так как не имеют отношения к проблеме взаимодействия типов образования (подробнее об этих формах см. в моей диссертации, гл. II).

В заключение настоящего раздела приводим материал, характеризующий образование форм ср. степени от основы *стар-* в связи со своеобразием ее истории. Ср. образование ср. степени в старослав.: бѣ же снъ его *старѣи* на селѣ (Мар. Ев., Лук., XV, 25) и др. Ср. значения ср. степени *старѣи* — (Срезн.): 'старший по возрасту', 'старший по времени', 'исконный', 'старший по значению', 'первенствующий', 'главный', 'начальствующий', 'владычественный', 'знатный".

Материал древнерусских памятников.

По типу с суффиксом -*ějьs*:

а) стольному кнѧзю и *старѣишю* вьсѣхъ (Усп сб., пи); врагъ... вниде въ сердьце брату его, иже бе *старѣи* (Б. и Г., 6); и съступися Твьрдиславъ посадничьства... *старѣишю* себе (Новг. 1 лет., Син. сп. 1211 г.); яко азъ сего *старѣи* есмь (К.-Печ. пат., 179); кто будеть *старѣиши*, тому пол-тамгу, а молодшимъ двумъ пол-тамги (Дух. дог. гр., 1350—1351 г.); вышеупомянутые отпускные той ихъ истцовой поступной и отпускной *старѣе* (Юр. акты, № 13, 1687 г.); и холопа по сыску отдати тому, чья крѣпость *старѣе* (Улож. Ал. Мих., XX, 21); ...у кого на него крѣпость будет *старѣе* (там же, 5Q); а которая (докладная) будетъ *старѣе* и тому тотъ холопъ (Суд. Ив. IV); серебро, которое моложе тритцати лѣт, передѣлывать, а которое *старѣе*, того не передѣлывать (Птр., V, 730);

б) *старѣи* сынъ (Изб. Свят., 13); ѥмоу же *старѣишии* бѣшѧ Сельвестръ (там же, 55); имѣи *старѣишаѧ* акы отьцѧ (Сб. Свят., 112б); *старѣишааго* дн҃ьми почьстити не лѣнисѧ (там же, 9а);кротькъ боуди къ вьсѧкомоу чл҃вкоу. и къ *старѣишѫоумоу* тебе и къ мьньшюоумоу (там же, 32б); ходѧ же съ *старѣишиимь* тебѣ неходи прѣдъ нимь (Син. пат.); *Старѣишии* же ѥго братъ прѣблжныи Меѳодии... (Усп. сб., p̄z); и сь бѣ *старѣи* мытаремъ (Гал. Ч.-Ев., Лук., XIX, 2); поимавъ *стареишие* мужи (Новг. 1 лет., Син. сп., 1205 г.); послаша мужи *стареишии* къ Гюргю (там же, 1222 г.); ты еси *старѣишеи* братъ (Лавр. лет., 149); ѩко то есть *старейшеи* градъ въ земли во всеи Кыевъ (там же, 230); мнози бо суть нынѣ дѣтескы князи, не покоряющеся *старѣишимъ* (Б. и Г., 25); брату своему *старѣишему* (Соф. врем., 1471 г.); *старѣи* сынъ ея Дмитрей приведенъ бысть (там же, 1471 г.); *стареишимъ* себѣ честь воздава̀ и поклонѐнїе твори (Дом., з̃); и призвавъ сына своего

прьвѣе болшаго, князя Василья, на *старейшій* путь (Сл. о жит. Дм. Ив.); Андрѣи нача рядити полкъ отца своего, бѣ бо тогда *старѣишій* во братьи (Воскр. лет., 1151 г.); въ нихъ же *старѣи* именемь Василей Румянець (Твер. лет., 1392 г.); о презрѣніи *старѣишихъ* совѣту (Курб., 213).

По типу с суффиксом -**jьs*:

а) я де человѣкъ молодой, скажу у себя въ волостѣ, кто меня *старѣ* (РИБ-акты, № 138, 1623—28 гг., — тюменьский воевода);

б) имѣти въ собѣ любовь всѣ̃ менши̃ и к *старшимъ* (Лавр. лет., 184, по сп. Р.); паче же имѣти... покоренье и послушанье ко *старшимъ* (там же, по сп. Р. и А.); и сѣде Кыевѣ Мстиславъ сн̃ъ кго *старшии* (Суздл. лет., 295 — по сп. Р.); сн̃а *старьшаго* (там же, 348, по сп. Р.); бѧхоу же имена Литовьскихъ кнѧзеи се *старьшіи* Живинъ боудъ... (Ипат. лет., 6723 г., по сп. Хлеб. и Погод.); ты ми братъ *старший* (Б. и Г., — чет. мин. 1489 г.); а въ *старшихъ* съ ними былъ Хотѣтовский (Польск. д., I, 1490 г.); и была на нихъ власть *старшая* Русская (Курб., 281); ты господинъ, ты отецъ братъ наю *старшій* (Твер. лет., 1180 г.); а *старшаго* ти брата сынъ и есть мужъ доблій (Летописец Тв. княж., 1363 г.); одному голова отсѣчена, другой *старшей* ихъ, повешенъ (Пох. Журн., 1705 г.); тогда надлежитъ младшему капитану предъ *старшимъ* посворотить (Г. сигналы фл., 1710 г.); и по немъ *старшій* совѣтнікъ (Ген. регламент, 1720 г.).

Появление форм (почти исключительно — членных), образованных по модели с суффиксом -**jьs*, взамен исконных типа *старѣи* — *старѣишій*, датируется по памятникам XV в. (ср. наличие членных форм с основой *старш-* в Радзивиловском и Академическом списках Лаврентьевской и Суздальской летописей). Из всех значений, указанных И. И. Срезневским, которые представлены и нашими материалами, эти формы стали закрепляться в значении 'старший по возрасту' (ср. *старший* сын, *старший* брат), а также в значении 'старший по значению' и др. близких, связанных с характеристикой социального положения (ср. *старший* капитан, *старший* советник и др.). Все эти значения, как уже было сказано и относительно членных форм от основы *молод-*, обладающих тем же комплексом значений, не имеют отношения к значению сравнительности. Ср. несоотносительность форм в этих значениях с прилагательным *старый*, а также отсутствие вообще всякого подвижного признака, по отношению к которому данные формы являлись бы ср. степенью; то же следует сказать и о членных формах на -*ѣиш-* (*старѣи* — *старѣиший*) в тех же значениях, взамен которых появились формы на -*ьш-* (-*ш*) (ср., например: даю вы сынъ свои *старѣишии* Костянтин, — Новг. I лет. 1205 г.; ѿ всѣхъ *старѣишихъ* и ѿ всѣхъ меньшихъ, — Новг. гр., № 1, 1265 г.; иже аще хощеть въ васъ быти *старѣи*. да будеть вашь рабъ, — Остр. Ев., Мат., XX, 27; и пожже градъ, и *старѣишаа* града изыма, — Твер. лет., 946 г.).

Из нечленных форм, образованных по модели с суффиксом *-*jьs*, в наших материалах имеется только одна форма *старѣ* в позднем документе (РИБ-акты, 1623—1628 гг.). Это свидетельствует о том, что переход основы *стар-* в указанных выше значениях осуществлялся на почве именно членных форм. Нечленная же (точнее, несогласуемая) форма возникла к готовой уже членной *старший* по модели *меньший — мене* (*меньше*). Однако в изучаемый период несогласуемая форма со значением, соответствующим членной форме *старший*, употреблялась еще в основном с суффиксом *-ѣе* (*-ее*), т. е. ее образование еще не перешло в тип с суффиксом -**jьs* (*старе — старьше*); ср. приведенные выше примеры: кто кого лутче и *старѣе* и ко Государю правѣе (АИ., IV, 1649 г.); кто кого *старѣе* въ чину... (Катош.).

Причина перехода основы *стар-* в значениях 'старший по возрасту', 'старший по положению' в тип образования с суффиксом -**jьs* представляется нам связанной теснейшим образом с судьбой членных форм на *-ѣйш-* в живом народном русском языке. Уже в XIII—XIV вв. употребление членных форм с суффиксом *-ѣиш-* было в живом языке чрезвычайно ограничено (см. гл. II моей диссертации). Форма *старѣиший* была единственной из числа членных форм с суффиксом *-ѣйш-*, употребительных в живом языке. Она относится к числу основ ср. степени, выражающих основные понятия в ряду таких как *больший — меньший*, *лучший — худший*, *младший (молодшый) — старѣиший*, для которых в живом русском языке сохранились членные формы, вообще очень немногочисленные в русском языке. Все они входят в тип образования с суффиксом -**jьs* и имеют суффиксальное *-ш-* в исходе основы. Это обстоятельство и объясняет, почему переход основы *стар-* в тип образования с суффиксом -**jьs* осуществился на почве именно членных форм. Отношение *младший* (*молодший*) — *старѣиший* при отсутствии в живом языке этого периода других членных форм с суффиксом *-ѣиш-* и одновременном наличии отношений *больший — меньший*, *лучший — хужьший* (*худший*) явилось непосредственной причиной возникновения формы *старший* взамен формы *старѣиший*.

Есть данные, позволяющие думать, что возникновение формы *старший* вместо *старѣйший* шло не путем аналогии, т. е. подстановки формы *старший* к *старый* по образцу *худой — хужьший* (*худший*). Такой ход процесса маловероятен уже потому, что само по себе отношение *худой — хужьший* (*худший*) не является регулярным в языке. В пределах того небольшого круга основ, от которых образуются членные формы с суффиксом *-ьш-*(*-ш-*), форма *хужьший* (*худший*) является единственной, соотносительной с той же основой положительной степени (ср. *малый — меньший*, *великый — больший*, *добрый — лучший*), причем даже в этом случае полисемантизм прилагательного *худой*, видимо, очень рано во многих говорах (в частности тех, которые легли в основу формирования литературного языка) привел к расхождению между значением *худой* и *худший* (см. сказанное об основе *худ-*). Таким обра-

зом в языке не существовало, по существу, модели для возникновения формы *старший* путем аналогии.

Памятники содержат данные, указывающие на другой путь подравнивания членных форм от основы *стар-* к формам типа *меньший*, *лучший* и под.

Ср. следующие примеры, которые нельзя причислить ни к одному из типов образования:

А сына своего кнѧзѧ Василья благословлѧю на *старишии* путь (Дух. дог. гр., 1389 г.; 2 раза); чтите и слушаите своего брата *старишего* (там же, 1389 г.); а людем *старишем* (там же, 1396 г.); брате *стариши* (там же, 1428 г.); брат *старишии* (там же 1433 г.); братом *старишим* (там же, 1434 г.; 1461 г., 1472 г.); брате *старишой* (там же, 1483 г.); якоже тому *старишю* всѣхъ сущу (К.-Печ. пат., 93); ср. также: въ *старишинствѣ* (Дух. дог. гр., 1433 г. — 2 раза; 1441 г.);

брату *старѣшему* (Дух. дог. гр., 1445 г.; 1447 г.; 1448 г.; 1472 г.); братом *старѣшимъ* (там же, 1445 г.); *старѣшим* (там же, 1456 г.); оуи его рекъ *старѣшюю* поими и вдасть ему Лию *старѣшюю* (Лавр. лет., 93); бѧхоу же имена Литовьскихъ кнѧзеи се *старѣшеи* Живинъбоудъ, .. (Ипат. лет., 6723 г.);

а сына Ивана благословлѧю на *старешыи* путь (Дух. дог. гр., 1401 г.); брату *старешому* (там же, 1434 г.); братом *старешим* (там же, 1445 г., 1446 г., 1447 г., 1448 г., 1450 г., 1483 г.); брате *стареши* (там же, 1447 г., 1450 г.); брата *старешего* (там же, 1477 г., 1504 г.); брат *старешеи* (там же, 1477 г.).

Характерно, что образования этого типа (с суффиксом *-ѣш-*, *-иш-*, *-еш-*) из всех основ, имевших исконный тип образования с суффиксом *-*jьs*, характеризуют только членные формы от основы *стар-*[86]. Если же учесть, что основа *стар-* является в то же время единственной из основ этого типа, перешедшей в тип образования с суффиксом *-*jьs*, то приведенные выше формы можно смело связывать с этим процессом перехода тем более, что зафиксированы они как раз почти исключительно в деловой письменности (большая часть примеров из «Духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV и XVI вв.»).

Данные формы, несомненно, отражают процесс своеобразного фонетического сближения формы *старѣиший* с формой *старший* как конечным результатом процесса подравнивания к ряду *меньший*, *худший* и под. Этот процесс мог осуществиться только на почве деградации суффикса *-ѣйш-*, который, благодаря отсутствию других членных форм

---

[86] Сходство формы *вышеишь*, *вяшеши* (см. стр. 405) лишь внешнее, так как эти формы принадлежат другому типу образования. Указания на наличие в некоторых славянских языках (полаб., слов., луж.) суффикса ср. степени *-eš-*, *-iš-* (см. статью: А. Л. Погодин. Образование сравнительной степени в славянских языках. «Изв. ОРЯС», VIII, вып. 1 и указанную там лит-ру) не имеют, по-видимому, отношения к русскому, где суфф. *-ѣш-* (*-иш-*, *-еш-*) отмечен только в основе *стар-*.

на *-ѣйш-* в живом языке XIV—XV вв., утрачивает основное свойство всякого живого формального элемента — повторяемость в аналогичных образованиях. Вследствие этого элемент *-ѣйш-* становится слабым звеном слова, ибо он в связи со своей деэтимологизацией очень легко поддается действию фонетических процессов.

Для понимания данных форм следует, кроме того, выяснить вопрос о месте ударения в этих формах. Если исходить из этимологических отношений, то в формах ср. степени от основы *стар-*, образованных по типу с суффиксом *-*ějьs*, должно было быть ударение на основе, как и во всех формах этого типа, имеющих в основе бывший долгий гласный. Однако процесс унификации места ударения в формах ср. степени от односложных основ привел к тому, что ударение в них стало падать всегда на суффикс. Поскольку время прохождения этого процесса в живом языке точно не выяснено, то остается неизвестным, имеем ли мы дело при изучении процесса перехода основы *стар-* в другой тип образования форм ср. степени с исходными формами, в которых ударение падало на основу, — или с формами, в которых уже установилось ударение на суффиксе[87]. В последнем случае переход основы в тип образования форм ср. степени с суффиксом *-*jьs* должен был бы, помимо смены формального элемента (суффикса), выразиться также в переносе ударения на основу (как в формах *меньший*, *больший*, *худший* и под.).

Предположение об ударенности суффикса *-ѣш-* в его разновидностях (*-иш-*, *-еш-*) наталкивается на следующую трудность. В случае ударенности суффикса буквы *ѣ*, *е*, *и* следовало бы рассматривать как отражение рефлексов *ѣ* под ударением.

Буква *е*, действительно, очень часто выступает в образованиях с суффиксом *-ѣйш-* в памятниках этого времени, отражая совпадение *ѣ* и *е* под ударением во многих русских говорах. Однако *и* в этом положении в формах ср. степени с суффиксом *-*ějьs* является очень редким исключением в памятниках; например, среди форм этого типа образования от основы *стар-* в наших материалах имеется всего лишь одна форма — *старіиши* (Дух. дог. гр., 1496 г.). В то же время в изучаемой группе примеров формы с суффиксом *-иш-* занимают значительное место, — в наших материалах имеется 10 таких примеров. Это обстоятельство ставит под сомнение предположение об ударенной позиции суффикса. Да и сам процесс изменения *-ѣйш-* в *-ѣш-* (или *-еш-*, *-иш-* соответственно рефлексам *ѣ*) в ударенном слоге представляется сомнительным.

Предположение о том, что формы с суффиксом *-ѣш-* (*-иш-*, *-еш-*) отражают эволюцию элемента *-ѣйш-* в заударном слоге, происшедшую

---

[87] Ср., однако, употребление формы *старее* еще во времена Грибоедова: что *стáрее*, то хуже (Горе от ума); форма эта (с ударением на основе) встречается и в современных говорах.

вследствие его изолированности и утраты им в связи с этим характера живой для языка морфемы, кажется нам более оправданным.

В ослабленной позиции неконечного заударного слога в эпоху уже развившейся в части говоров редукции безударных слогов такое произношение, отражающее утрату *j* перед согласным, а в части случаев (имеем в виду примеры с *и*) и редукцию гласного, являющегося рефлексом *ѣ* в заударной позиции, вполне возможно. Передача редуцированного звука переднего ряда через *и* представляется явлением обычным и закономерным, если учитывать средства русской графики[88].

На основании этого следует считать, что процесс «сближения» формы *старѣйший* с членными формами на *-ш-* начался в тот период, когда основа *стар-* выступала в формах ср. степени, образованных по типу с суффиксом *-*ějьs*, с ударением на основе.

Дальнейшее развитие связано с безударным положением элемента *-ѣйш-*, переставшего быть в языке самостоятельной морфемой. Приведенные выше формы на *-ѣш-* (*-иш-*, *-еш-*) отражают промежуточную стадию этого процесса; последующее полное устранение гласного следует объяснять непосредственно влиянием форм типа *меньшии*, *лучший*, от которых формы *старѣший*, *стариший*, *стареший* отличаются только его наличием.

II. ОБРАЗОВАНИЕ СРАВНИТЕЛЬНОЙ СТЕПЕНИ ОТ ДВУСЛОЖНЫХ И МНОГОСЛОЖНЫХ ОСНОВ

1. Общая характеристика образований от разных типов основ

Как показывает материал древнерусских памятников, имеющиеся в нашем распоряжении дву- и многосложные основы образуют ср. степень с суффиксом *-*ějьs*. Это вполне согласуется с положением А. М. Селищева о том, что образование ср. степени с суффиксом *-*ějьs* было свойственно первоначально, помимо односложных основ с восходящей интонацией, также всем суффиксальным прилагательным (с разной интонацией)[89]. Среди дву- и многосложных основ прилагательных абсолютное большинство относится к суффиксальным. Лишь в очень небольшой группе прилагательных, имеющихся в наших материалах, двусложность относится за счет наличия исторически вычленяемого префикса; к таким основам относятся *убог-*, *удоб-*, *сугуб-*, *съдрав-*, *полог-*, *удал-*. Все они образуют ср. степень также по типу с суффиксом *-*ějьs*: Всеволодъ... в Олговичехъ всихъ *оудалѣе* рожаемь

---

[88] Ср. хотя бы распространенные школьные ошибки, когда ученики пишут букву *и* взамен безударного звука переднего ряда, выступающего на месте *е* или *ѣ* (*в доми*, *овиро* и др. под.).

[89] См. А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. II, стр. 136—138.

и воспитаемь (Ипат. лет., 6704 г.); тобя силнее и *удалее* нигдѣ нет (Урус. Залаз.); а богатырей нѣтъ твоихъ *удалѣя* во всѣхъ земляхъ (Пам. ст. лит., сп. XVII в.); а ежели малой ціркуль, то *положей* витіе будеть (Архит. Бароц. — 1709 г.); чьто бо ѥсть *оудобѣѥ* рещи (Остр. Ев., Мат., IX, 5); что же бл҃гыхъ оудобѣѥ (Хр. Георг. Ам., 267б, сп. XIII—XIV вв.); *соугоубѣи* васъ (Гал. Ч.-Ев., Мат., XXIII, 15); того *сугубѣише* воиньство Русское (Патр. лет., 1522 г.); *съдравѣиша* (Панд. Ант.); *оубожѣишаѧ* (Алекс., III, 16); *убожаишую* чадь (Курб., 58).

Все остальные основы относятся к суффиксальным (с суффиксами большей или меньшей древности). Ср. двусложные основы, представленные в наших материалах: *ветъх-*, *богат-*, *готов-*, *истов-*, *дешев-*, *лукав-*, *ленив-*, *любим-*, *весел-*, *тяжел-*, *свѣтьл-*, *довъл-*, *бѣдьн-*, *ближьн-*, *блудьн-*, *больн-*, *вѣрьн-*, *видьн-*, *главьн-*, *гнусьн-*, *грѣшьн-*, *грозьн-*, *дивьн-*, *дължьн-*, *древьн-*, *красьн-*, *людьн-*, *мирьн-*, *мощьн-*, *огньн-*, *поздьн-*, *прочьн-*, *радьн-*, *сильн-*, *скверьн-*, *скърбьн-*, *скотьн-*, *скудьн-*, *славьн-*, *смыслн-*, *спѣшьн-*, *срамьн-*, *страшьн-*, *студьн-*, *тѣсьн-*, *умьн-*, *хульн-*, *чьстьн-*, *чюдьн-*, *цѣньн-*, *явьн-*, *ясьн-*, *блажен-*, *чьрлън-*; сюда же следует отнести и довольно обширную группу основ с суффиксами *-ък-*, *-ьк-*, *-ок-*, *-ек-* (материал приводится ниже). Трехсложные и многосложные основы не имеют других отличающих их суффиксов прилагательных; многосложность их идет за счет одновременного наличия префиксов или за счет образования от основы существительного, осложненной аффиксами: ср. например, *изрѧдьн-*, *немощьн-*, *прилежьн-*, *мерзостьн-*, *ѥвъствен-*, *дѣиствен-*, *мучителн-* и др. Особую группу составляют формы ср. степени от сложных основ типа *благородьн-*, *благочестив-*, *благоразумьн-*, *высокопрестольн-*, *цѣломудрен-* и др.

Все эти основы, как показывает материал памятников, имеют исконный тип образования с суффиксом *-*ějьs*, причем этот тип образования устойчиво сохраняется на протяжении времени во всех неодносложных основах. Исключение в этом отношении представляют только отдельные основы и группа основ, характеризующихся суффиксами с приметой *к*. При этом взаимодействие с другим типом образования проявляется у этих основ в соответствии с тенденциями, которые выявились при изучении односложных основ.

Как видно из приведенного выше перечня основ, абсолютное большинство из них составляют основы на сонорные или губные (ср. суффиксы *-ов(-ев)*, *-ав*, *-ив*, *-им*, *-ел*, *-ьл*, *-ъл*, *-ьн;* последний особенно продуктивен в древнерусском языке).

В соответствии с рассмотренными выше тенденциями в односложных основах на сонорные, взаимодействия с формами, образованными с суффиксом *-*jьs*, в этих основах также фактически не было. Все основы с перечисленными выше суффиксами сохранили свой первичный тип образования (с суффиксом *-*ějьs*).

В наших материалах имеется лишь две основы, формы от которых в поздних памятниках образованы по типу с суффиксом -**jьs*. Это основы *тяжел-* и *дешев-*. Ср материал:

Основа *тяжел-*.

По типу с суффиксом -**ějьs*: *тяжелѣй* (Р.-Л. акты; 1330 г., дог. Полоцка с Ригой); *тяжелѣишаго* (ДАИ, X, 1686 г.).

По типу с суффиксом -**jьs*: *тяжелѣ* (Гр. ук. о крест., 1621 г.); *тяжеле* (ДАИ, IV, 1659 г.); *тяжеле* (Спафарий, Китай, 305).

Основа *дешев-*.

По типу с суффиксом -**ějьs*: *дешевяе* (Дух. регламент, 1712 г.);

По типу с суффиксом -**jьs*: *подешевле* (Дом., мв); *дешевлѣ* (РИБ-акты, № 114, 1612 г.); *дешевле* (Улож. Ал. Мих., 81); *дешевле* Птр., 1717 г.); *дешевле* (Птр., II, 381).

Вследствие позднего характера примеров их нельзя брать в основу определения первичного типа образования. Однако от других основ, содержащих те же суффиксы, имеются достоверные данные о том, что они идут по типу образования с суффиксом -**ějьs*, как и другие суффиксальные основы прилагательных, — и это дает возможность считать переход рассматриваемых основ в тип образования с суффиксом -**jьs* вторичным явлением; ср., например:

азъ *готовѣи* тебе есмь (Алекс., III, 23); соуровѣиши моужи (Жит. Стеф. Перм., 31); *истовѣе* же вьсего кость мждрость (Изб. Свят., 151); мирьскымъ же легчѣѥ и *веселѣе* (Хр. Георг. Ам., 151б, сп. XIII—XIV вв).

Форма *тяжеле* в настоящее время носит диалектный характер; в литературном языке утвердилась форма *тяжелѐе*. Форма же *дешевле* является единственной в литературном языке из форм с основой на губные, образованной по типу суффиксом -**jьs* от основы им. п. с наличием *л* эпентетического. В наших материалах она встречается преимущественно в документах делового характера, шире отражающих живую речь. Бытование ее в литературном языке очевидно связано с широким распространением подобных форм (образованных по типу с суффиксом **-jьs* от основы им.-вин. п. с *л* эпентетическим) в диалектах. Такая форма могла возникнуть при наличии в говорах закономерных с исторической точки зрения образований типа *глыбле*, *крепле*.

Среди суффиксальных основ с исходом на зубные можно отметить только основы прилагательных с суффиксом -**at*, , представленные в наших материалах лишь двумя основами *богат-*, *продолговат-*. Они стоят в одном ряду с основами таких прилагательных современного русского языка, как, с одной стороны, *бородатый*, *косматый*, *полосатый* и, с другой стороны, *грязноватый*, *беловатый*, *вороватый*. Несогласуемая форма ср. степени от таких основ в современном русском языке может быть образована только с суффиксом *-ее*. Тот же тип образования является исконным для этой группы основ, ср.: и как

дѣлати нашего Рускаго кирпича у́же да *продолговатѣе* и тверже (Соф. Врем., 1475 г.).

Однако основа *богат-*, несомненно имеющая исторически тот же суффикс, стоит в этом ряду особняком, видимо, в связи с ранней утратой внутренней формы, которая привела к процессу опрощения между основой и суффиксом. Это, возможно, сыграло роль в особой судьбе основы в отношении образования ср. степени. Из всей обширной группы основ на *-ат* (*-чат*, *-ават*) она оказалась единственной, разделившей судьбу большей части основ на зубные согласные в отношении образования форм ср. степени по типу с суффиксом *-*jьs — богаче* (ср. *короче*).

Таким образом, первоначальный тип образования с суффиксом *-*ějьs* был сменен типом с суффиксом *-*jьs* при несомненном влиянии форм от односложных основ; ср. материал.

По типу с суффиксом *-*ějьs*:

а) *богатѣи* (Срезн. — Гр. Наз., XI в., 121); *богатѣишѧ* (там же, 35); *богатѣише* (Злат., V, 75); *богатѣе* (Пут. Ант. Новг., 9б); *богатѣи* (Сл. Дан. Зат., XXII, 17); *богатѣе* (Ск. дьяка Ал.); *богатеиши* (Иос. Флав., кн. 2., XVI);

б) *бо̀гатѣишему* (субст.) (Сузд. лет., 371); всѣхъ богатых *богатѣишій* (Авв., 505); *пребогатѣишіе* (Курб., 243).

По типу с суффиксом *-*jьs*:

богаче (Речь Ив. Гр.); *богатче* (Пис. рус. гос. № 14, прилож., 1619 г.).

В диалектах, наряду с формой *богаче*, широкое распространение получили и формы, относящиеся к исконному типу образования (*богатее*, *-ей*).

Суффиксальные основы с исходом на задненёбные представлены в материалах четырьмя отдельными основами *полог-*, *убог-*, *ветъх-*, *мъног-*[90]: *положей*[91], *убожѣйшѧ*[91], *ветшѣи* (*Ветшѣи* въ епископии раздѣлѣть, — Срезн. — Ефр. Крм., Крф., 118), а также группой основ, имеющих суффиксы с приметой *к* (*-ък*, *-ьк*, *-ок*, *-ек*). Первые три основы, исконно шедшие по типу с суффиксом *-*ějьs*, в современном русском языке не имеют несогласуемой формы ср. степени.

2. Основы с суффиксами *-ък*, *-ьк*, *-ок*, *-ек*[92]

Группа основ с суффиксом *-ък* включает в себя старые общеславянские основы на *-й*, распространенные суффиксом *-ко*. Это доказывается

[90] Материал на основу *мъног-*, представляющую интерес главным образом в семантическом плане (ввиду ее соотносительности по значению с основой *бол-*), приведен частично в разделе, посвященном основе *бол-*. Образование форм ср. степени отмечено только с суффиксом *-*ějьs*. См. стр. 423—424.

[91] См. примеры выше.

[92] Истории групп ыприлагательных с этими суффиксами посвящена специальная статья Н. Трубецкого. См. N. Troubetzkoy. Les adjectifs slaves en *-ъкъ*. Bulletin de la société linguistique de Paris, t. 74. Paris, 1924.

наличием соответствий с другими индоевропейскими языками: *сладъкъ* из *soldŭ-ko, ср. лит. saldùs; *кротъкъ*, ср. лит. kratùs; *мѧкъкъ*, ср. санскр. mankuḥ; *тънъкъ*, ср. санскр. tanúḥ; *льгъкъ*, ср. санскр. laghúḥ, латыш. lains; *гладъкъ*, ср. лит. glodùs; *жзъкъ*, ср. санскр. aháḥ; *тѧжькъ*, ср. лит. tingùs.

Суффикс *-ьк* восходит к суффиксу *-*йко* присоединенному к смягченным основам (*горькъ*, *тѧжькъ*). Суффикс *-ок*, восходит к *-*око* и характеризует узкую группу форм *высокъ*, *широкъ*, *глѫбокъ*, *жестокъ*, *далекъ* (последняя с мягкой основой).

Судьба двух групп основ прилагательных с суффиксом *-ък (-ьк)*, с одной стороны, и суффиксом *-ок (-ек)*, с другой стороны, различна в истории русского языка.

1) Основы с суффиксами -ък, -ьк

По типу с суффиксом *-*ějьs*:

а) *льгчѧе* (Сб. Свят., 96а); *тѧжьчѣи* (Панд. Ант., XI в.); *горьчѣе* (там же); *кротъчаи* (Изб. Свят., 143); *горьчак* (там же, 136); *тѧжьчаіша* (там же, 92); *горьчаиша* (там же, 93); *сладъчѣе* (Злат., VIII, 95, сп. Ц. и У.); *легчѣк* (Хр. Георг. Ам., 151б, сп. XIII—XIV вв.); *горцаиши* того бысхомъ на зло (Новг. 1 лет., Син. сп., 1230 г.); *легчяиши* (Прилож. к комисс. сп. Новг. 1 лет., 506); *сладъчѧе* (Алекс., III, 15); *слатчейши* (Сл. Дан. Зат., XXIX); *горчае* (Сл. о жит. Дм. Ив.); *легчае* (там же); *тяжчае* (Соф. Вр., 1490 г.); *легчее* (Изм., 20, XVI в.); *тѧ*чáиши* (там же, 375); *легчае* (Пск. 1 лет., 1535 г.); *крѣпчае* (Воскр. лет., 1159 г.); *горчае* (ВМЧ, 24 дек.); *сладчаиши* (Пис. рус. гос., № 58, 1619 г.); *кротчайши* (Жит. Нифонта, XVII—XVIII вв.); *мѧгчѣиша* (Пч., 28); *крѣпчайше* (Авв., 674); *прытчае* (Рат. стр., 2); *тончае* (Кн. земл., 117 об.); *жарчае* (там же, 116 об.); *тончаиши* (Сим., Перепл., I, 7);

б) путь... *горчайший* (Пам. отр. лит., т. II, 1345 г.); *крѣпчайшая*... похвалы (Пам. кан. пр., № 23, 1382 г.); Дв͡да *кротчаишего* (ВМЧ, апр. 22—30); *тяжчаишую* дань (РБЭ, Сказ. о кн. Влад., сп. XVI в.); *тяжчаишая* напасти (Жит. Ал. Нев.); дела... *тягчайшіе* (Римск. имп. д., I, 1518 г.); *тяжчайшими* веригами (Курб., 314); в *лехчаишую* темницу (там же, 296); *горчаишее* согрешеніе (там же, 17); О бѣда *претѣхчаишая* (там же, стр. 270); О мужу... *наикрѣпчаиши* (Курб., 289); *крѣпчайшіи* (субст.) (Евф͡д͡р., Отразит. пис., 1691 г.); ризы... *мяхчейшая* (Евфр., Уст., 513); *глачайшее* оученіе (Брун.); *тяжчайшими* клятвы (Авв., 306—307); *сладчайшему* меду (Пис. рус. гос., № 58, 1619 г.); вѣтры... *тончайшие* (Нзр., 7); *тончаішія* фортуны (Систима, 182); яблоки *слачайшія* (Кн. земл., 30 об.); земля же *тяжчайшее* тѣло есть (Геогр. ген., 51); *крѣпчайший* благодѣтель (Птр., VI, 312); *крѣпчайшее* остоянie (Боргсдорф, Поб. креп.); пропорцію *крѣпчаішую* (Бринк,

Опис. Артил., 1710 г.); *кратчаишие* дни (Зак. Птр., I, 1718 г.); день *кратчаишии* (Календ. Брюса, 18).

По типу с суффиксом -**jьs*:

а) *льгче* (Р.-Л. акты, 1229 г.); *мѧгче* (Ак. Прем., IX, 8); *горче* (Новг. 1 лет., Ком. сп., 980 г.); *легчи* (Ак. прем., II, 60а); *тѧгчи* (Правила, Вопр. Кир., XVI в.); *мѧгче* (Сим. пс., нд); *мякче* (ВМЧ, апр. 22—30); *крѣпче* (Патр. лет., 1552 г.); *крѣпче* (РИБ-акты, № 43, 1597 г.); *лехче* (Пис. рус. гос., № 50, 1619 г.); *мельче* (там же, № 254, 1616 г.); *крѣпче* (ДАИ, VII, 1676 г.); *мелче* (там же, X, 1689 г.); *мягче* (Сим., Посл., 203); *лехче* (Леч., № 2); *лехче* (Переп. Птр. с Екат., 1717 г.); *кратче* (Боргсдорф, Поб. Креп., 1709); *мелче* (Алярд, Нов. кораб.); *крѣпче* (Пох. журн., 1721 г.); *мѣльче* (Флор. ек.).

Прежде всего следует отметить, что не от всех основ с суффиксами *-ък (-ьк)* могут быть образованы формы ср. степени. Так, например, от основ *низък-*, *близък-*, *узък-*, *дьрзък-* формы ср. степени не образуются.

Если формы последних двух основ могут случайно отсутствовать в материалах ввиду редкой их употребительности, то формы от основ *низък-*, *близък-*, обозначающих одни из основных понятий, связанных с характеристикой качества, не могли бы не встретиться по недостатку материала, если бы они существовали в языке (ср. основы *близ-*, *низ-* — одни из наиболее распространенных основ ср. степени). Образования ср. степени от данных основ не отмечены также в старославянском и других славянских языках за исключением словацкого, где Ф. Миклошич отмечает наряду с niži также nizkêjši, а А. М. Селищев форму rezkejši (к прил. rezký)[93]. Однако это формы с «восстановленным» *к* основы, что наводит нас на мысль о том, что, возможно, причина отсутствия форм ср. степени от основ *низък-*, *близък-*, *узък-*, *дьрзък-* фонетическая.

Во всех этих случаях основа оканчивается на зубной свистящий согласный, который после утраты следующего за ним редуцированного должен был в соседстве со звуком *ч* дать звук *щ* (*зч* > *сч* > *щ*), что значительно затемнило бы этимологию основы.

На пути такого объяснения стоят два обстоятельства.

Это, во-первых, отсутствие форм ср. степени типа *низъчае*, *близъчае* в ранних памятниках старослав. языка, где можно ожидать еще сохранения слабых редуцированных. Однако следует учесть тот факт, что употребление форм ср. степени от основ с суффиксом *-ък* было в древнейших как старославянских, так и русских памятниках чрезвычайно ограничено; например, такие формы совершенно не отмечены в Мариинском Евангелии, Остромировом Евангелии, Галичском Четвероевангелии, Служебных минеях; в Златоструе представлены двумя

[93] См. А. М. Селищев. Славянское языкознание. М., Учпедгиз, 1941, § 105, стр. 158.

формами от основ *горьк-* и *сладък-*; в обоих сборниках Святослава отмечены всего лишь в шести случаях (от основ: *горьк-* — 3 раза, *кротък-*, *льгък-*, *тѧжък-*). В это время гораздо более употребительными были формы ср. степени от простой, неосложненной суффиксом основы тех же корней (см. в разделе односложных основ об употребительности форм ср. степени от основ *гор-*, *крот-*, *льг-*, *тѧг-*, *слад-*, *мѧк-*, *глѫб-* и др., которые впоследствии выходят из употребления).

Во-вторых, наличие в современном русском языке формы *резче* (от основы **рѣзък-*), в произношении *р'ёш'ш'ъ*. Мы не располагаем данными памятников по истории данной основы; однако, зная общую тенденцию к образованию несогласуемой ср. формы от основ на зубные без участия суффикса *-ьш* (*ближе*, *хуже* и др.), нельзя предположить, что *р'ёш'ш'ъ* является результатом эволюции формы *рѣжьше*. Единственно возможный и закономерный путь ее возникновения — это путь фонетических эволюций исходной формы *рѣзче*[94]. Таким образом, форма *р'ёш'ш'ъ* представляет единственное из образований от основ на *-ък*, где суффикс *-ък* был присоединен к основе на зубной свистящий. Однако это исключение имеет особые причины для своего возникновения. Дело в том, что в языке были две основы *рѣз-* и *рѣд-*, различавшиеся лишь фрикативным и взрывным характером конечного зубного звука. При образовании от них форм ср. степени по типу с суффиксом *-*jьs*[95] конечные зубные звонкие давали один и тот же результат палатализации перед начальным суффиксом — в обоих случаях должна была возникнуть форма *рѣже*. Естественно, в языке должен был появиться способ различения форм ср. степени от двух разных основ. При сохранении основой *рѣд-* своего первоначального образования ср. степени, несогласуемая форма ср. степени с корнем *рѣз-* стала образовываться по типу форм *легче*, *крѣпче*, сменивших *легчае*, *крѣпчае* и под.[96] (см. ниже). Таким образом, форма *резче* (*р'ёш'ш'ъ*) позднего характера и своим происхождением обязана стремлению языка к устранению омонимичных форм.

Учитывая все сказанное, причину отсутствия форм ср. степени от основ *низък-*, *близък-*, *узък-*, *дьрзък-* можно видеть в указанных выше факторах фонетического порядка.

---

[94] Форму *рѣзъче* с редуцированным в составе суффикса как исходную нельзя предположить, поскольку появление форм типа *легче*, *мягче* и под. вместо *легчае*, *мягчае* — явление позднее (см. ниже).

[95] Не имея данных памятников письменности о первичном типе образования форм ср. степени от основы *рѣз-*, мы, однако, можем считать, что эта основа шла по типу с суффиксом *-*jьs*, как формы от всех основ ср. степени, которые соответствуют основам положительной степени с суффиксами *-ък*, *-ьк*, *-ок*, *-ек* (см. А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. II, § 107, стр. 132).

[96] Говорить о возможности образования от основы *рѣз-* формы *рѣзъчае*, как предшествующей форме *резче*, не имеем оснований из-за отсутствия материала памятников.

От большинства других основ на *-ъкъ (-ьк)*, *-окъ (-ек)* формы ср. степени образуются совершенно свободно, причем исконным является тип образования с суффиксом *-*ějьs*, о чем свидетельствует материал древнейших памятников. В древнейших памятниках, как старославянских русской редакции, так и чисто русских, формы от основ с суффиксом *-ъкъ* сосуществуют с формами, образованными непосредственно от корня, без всяких ощутимых оттенков значений, закрепленных за той или иной разновидностью основы: ср. в Златоструе XII в. формы от основы *горьк-* и от основы *гор-*, от основы *сладък-* и от основы *слад-*; в Сборниках Святослава 1073 и 1076 гг. формы от основы *горьк-* и от основы *гор-*, *тѧжьк-* и *тѧг-*; в Новгородской I летописи формы от основы *горьк-* и от основы *гор-*; в Хронике Георгия Амартола (сп. XIII—XIV вв.) формы от основы *тѧжьк-* и от основы *тѧг-*; в Лаврентьевской летописи формы от основы *горьк-* и от основы *гор-* и т. п.

Наличие у всех основ прилагательных с суффиксом *-ъкъ* параллельных образований форм ср. степени непосредственно от корня свидетельствует о большой древности этих последних образований. «Образование таких основ сравнительной степени, — пишет А. М. Селищев, — происходило в то давнее время, когда существовали формы прилагательных и без этих суффиксов»[97]. Л. П. Якубинский также усматривает в образованиях типа *ниже* (от *низъ*), *гаже* (от *гадъ*) факты глубокой древности, когда «имена *низъ*, *гадъ* были столь же существительными, сколь и прилагательными, обозначали и предмет и свойство; иначе от них не могла быть образована степень сравнения»[98].

Древнейшие памятники русской письменности, а также памятники старославянского языка указывают на лишь начавшуюся эпоху продуктивности образования форм ср. степени от основ с суффиксом *-ъкъ*. Об этом свидетельствует, с одной стороны, широкая употребительность еще в этот период многих форм, образованных непосредственно от корня (типа *мѧчии* при *мѧкъкъ*, *гории* при *горькъ*, *льжаи* при *льгъкъ*, *крѣплии* при *крѣпъкъ*, *тажии* при *тѧжькъ*), впоследствии, в течение двух-трех веков, замененных образованиями от основ с суффиксом *-ъкъ* (*-ьк*); с другой стороны, все возрастающая продуктивность форм ср. степени от основ, распространенных суффиксом *-ъкъ (-ьк)*.

Материал памятников показывает, как постепенно из двух формообразовательных дублетов (от основы-корня и от основы, осложненной суффиксом) в языке получает право на существование только один — в большинстве случаев от основы на *-ъкъ*.

Ход процесса вытеснения основы-корня из этих образований в древнейших памятниках выражается в замене их образованиями от основы

---

[97] См. А. М. Селищев. Старославянский язык, ч. II, § 107, стр. 132.

[98] См. Л. П. Якубинский. Из истории имени прилагательного. «Докл. и сообщ. Ин-та языкознания АН СССР», вып. 1. М., 1952.

на *-ъкъ* по типу с суффиксом *-*ějьs*; однако несколько позже, в основном, с XIV в. — эпохи утраты согласования нечленными формами в предикативном употреблении и образования несогласуемой формы — наметилась тенденция к переходу основ с суффиксом *-ъкъ* (*-ькъ*) в тип образования ср. степени с суффиксом *-*jьs*. Это вполне согласуется с общей тенденцией, установленной выше на материале односложных основ, к образованию несогласуемой формы ср. степени с основой на шипящий. Эта тенденция проявляется раньше всего в памятниках деловой письменности. Первый пример употребления формы, образованной по типу с суффиксом *-*jьs*, отмечен в договоре Полоцка с Ригою 1229 г. (*льгче* — Р.-Л. акты). Начиная с XV в. эти формы прочно входят в письменность, проникая и в произведения литературных и книжно-религиозных жанров; ср. наличие форм этого типа в летописях, Великих Минеях Четьих, Симоновской псалтири, Пам. кан. пр. (Вопросы Кирика, сп. XVI в.), послании Черноризца Иакова и др.

В живом языке широко распространенные формы от основ на *-ъкъ (-ькъ)*, образованные по этому типу, постепенно становятся господствующими.

Наличие двух параллельных типов образования форм от основы, осложненной суффиксом *-ъкъ*, один из которых (более новый) связан в первую очередь со стихией живой народной речи, значительно осложняет характеристику процесса вытеснения основы-корня и придает ему в некоторой мере лексико-стилистический характер.

Раньше всех, еще в течение XIII—XIV вв. были вытеснены основы *льг-*, *мѧк-*, *тѧг-* (ср. первоначальные *льжаи*, *мячии*, *тяжии*) формообразовательными вариантами от соответствующих основ, осложненных суффиксом *-ъкъ (-ькъ)*, которые сначала шли по типу с суффиксом *-*ějьs* (*легчае*, *мякчае*, *тяжьчае*), затем — по типу с суффиксом *-*jьs* (*легче*, *мякче*, *тяжьче*); однако от последней основы подобные образования если и существовали в языке (см. единственный пример с «восстановлением» согласного основы *тѧгчи*, — Вопросы Кирика, сп., XVI в.), то очень непродолжительное время, уступив место образованию от основы *тяжел-* (материал см. выше). Утвердились и некоторые формы от других основ, включающие суффикс *-ъкъ (-ькъ)*, ср., например, формы *мельче*, *жарче*, *горче*[99]. Более свойственные старым основам на сонорный, подобные формы не удержались от основ на взрывные зубные, ср. отсутствие *сладче*, *гладче*, *кротче*, *коротче* и под.

Однако формы типа *легче*, *мягче*, хотя они и появились, видимо, первоначально на почве живого народного языка, не получили в нем всеобщего распространения. Памятники письменности до самого конца изучаемого периода указывают на бытование параллельных форм типа

---

[99] Форма *горче* известна только в значении 'более горький' (т. е. как антоним к *слаще*); значение 'хуже', присущее основе *гор-* (см. соответствующий материал), а также формам типа *горчае-горчайщий*, этой форме не свойственно.

легчае, *мягчае* как в книжной, так и в народной речи; они широко представлены и в поздних летописных сводах (см. выше примеры из Софийской, Тверской, Львовской, Ермолинской и других летописей), Актах исторических, Уставе ратных дел, у Посошкова, в научно-официальном языке Петровской эпохи (ср. примеры из Геогр. ген.; Бринк, Опис. Артил., 1710 г.; Кн. земл.; Кугорн, Нов. Креп., 1709 и др.). Окончательное вытеснение форм типа *легчае*, *мягчае* из литературного языка и замена их формами типа *легче*, *мягче* совершилась позже, за пределами изучаемого периода.

В современных диалектах широко распространены формы от основ с суффиксом *-ък*, образованных по типу с суффиксом *-*ĕjьs*. Эти формы бытуют в двух разновидностях: с суффиксом *-ае* и с суффиксом *-ее*. Формы с суффиксом *-ае* по преимуществу принадлежат севернорусским говорам, а формы с суффиксом *-ее* — южнорусским говорам[100]. Последние в письменности позднего периода почти полностью отсутствуют, что указывает, видимо, на наличие в этот период форм на *-ае* в языке тех диалектов, которые принимали непосредственное участие в формировании норм литературного языка, а следовательно на то, что граница употребления форм на *-ае* проходила несколько южнее, чем в настоящее время, захватывая территорию и бывшего Московского княжества (ср. наличие форм на *-ае* в Улож. Ал. Мих.: *крепчае*, 277 об.; в Рат. стр.: *мельчáе*, 45 об.; *крепчáе*, 49; *будчáе*, 211 об.).

Несколько особый характер имеет судьба членных форм от основ на *-ък*, *-ьк*. Как показывает материал, образование их возможно только по типу с суффиксом *-*ĕjьs*. Это вполне объясняется тем, что другой тип образования, выступающий в нечленных (несогласуемых) формах, принадлежит по происхождению народной речи, где членные формы вообще весьма ограничены в своем употреблении.

Наоборот, членные формы, образованные по типу с суффиксом *-*ĕjьs* (то есть формы на *-ъйш-*, *-айш-*), являясь традиционными в книжных жанрах письменности, приобретают особую продуктивность в XV—XVII вв. как элемент возвышенно-архаизирующей манеры речи; поэтому формы от основ на *-ък*, *-ок* типа *рѣдчайший*, *сладчайший* наряду с другими формами на *-айш-*, *-ъйш-*, также становятся широко употребительными.

Следует отметить некоторые процессы на стыке корня и суффикса, помимо широко отраженного оглушения конечной звонкой согласной корня перед аффрикатой *ч* вследствие утраты между ними слабого редуцированного (ср. *слатчеиши*, Сл. Дан. Зат.). Это, во-первых, процесс

[100] Ср. наличие в севернорусских одновременно форм на *-ае* и от основ на шипящий, принадлежащий корню (*строжае*, *ближае*), а также от основ на «нешипящий» (*миляе*, *сильняе*), что говорит о прошедшем в этих говорах процессе унификации форм, в которой формы на *-ае*, исконно относящиеся к основам на шипящий, оказали влияние на образование форм того же типа от других основ. В южнорусских говорах процесс шел в обратном направлениии. ср. формы типа *громчее*, *шипчее*.

диссимиляции между взрывным задненёбным согласным и аффрикатой *ч*, вызывающий появление фрикативного звука *х*, ср. *претѣхчаишая* (Курб., 270); *мяхчейшаа* (Евфр., Уст., 513); *лехче* (Пис. рус. гос., 1619 г.; Авв.; Фр. Ск.) и др. Возможно, что процесс диссимиляции сопутствовал процессу оглушения, так как для основ на звонкий задненёбный совершенно нет случаев с написанием *хч*: основы *льг-* (*лег-*) *тяг-* пишутся всегда или через *гч* или через *хч*. На почве такого раннего совпадения конечного задненёбного звонкого или глухого в звуке *х* перед суффиксальным *ч* в основе *мяк-* очень рано проявилась ложная этимологизация звука *г* исхода основы, закрепленная и в современной орфографии: ср. *мѧгче* (Ак. Прем., IX, 8); *мѧгчѣиша* (Пч., 28); *мѧгче* (Сим. Пс., нд); *мягче* (Сим., Посл. 203) и др.

Один пример начала XVII в. свидетельствует о наличии мягкости конечного *л* корня перед суффиксальным *ч* — *мельче* (РИБ-акты, № 254, 1616—1624 гг.), ср. также в XVIII в. *мѣльче* (Флор. ек.). В современном русском литературном языке в этой позиции сонорные *л* и *н* также мягки (ср. *звóн'ч'ь*), — в наших материалах примеров с конечным *н* корня не имеется.

Материал по отдельным диалектам дает указания на сохранение твердости конечного согласного основы.

Наконец, следует отметить особенность, характеризующую образование форм ср. степени от основы *тѧжьк-*. Это единственная основа, где на месте конечного задненёбного согласного корня представлен шипящий. В результате этого в формах ср. степени данной основы в памятниках позднего характера отмечено «восстановление» конечного согласного основы, что делает формы ср. степени отличными по этому признаку от основы положительной степени: ср. при *тѧжькъ* — *тягчѧиши* (Иос. Флав., кн. I, сп. XV в.); тягчи (Правила, Вопр. Кир., рук. XVI в.); *тягчаиши* (Авр. См., VII, 85); *тягчяя* (Ерм. лет., 187); ср. в современном русском языке членные формы с этим же признаком — *тягчайший*. Поскольку это явление относится только к формам ср. степени от данной основы и не имеет места в форме положительной степени, то правомерно предположить, что в развитии его сыграло роль соседство двух шипящих (*жч* > *шч*); закономерно эволюция этого сочетания должна была привести к образованию долгого мягкого шипящего (ср., например, слово *мужчина* в современном русском литературном произношении), что привело бы к затемнению внутренней формы слова.

2) Основы с суффиксами -ок, -ек

а) *высочѣе* (Панд. Ант., XI в.); *жесточаиши* (Пам. отр. лит., т. I, IV, сп. XV в.); *высочае* (АИ, I, 293, 1552 г.); *высочае* (Львов. лет., ч. II, 509; Патр. лет., 1552 г.); *высочае* (ВМЧ, дек.); *жесточаише* (Курб., 121); *далечаишъ* (Курб., 163); *далечайша* (Чел. Ник., 1665, IV/с, 29); *далечѣиши* (Соф. врем., 1430 г.);

б) *высочаишихъ* (субст.) (Панд. Ант. XI в.); *высочайшія* (субст.) (Посл. еп. Симона Влад.); *на высочайшемъ мѣстѣ* (там же); *высочайшее* (Жит. Ал. Нев.); во *далечáишихъ* странахъ (Спаф., Сивл., XVI в.); въ *далечаишее* разстояніе (Курб., 90); на *высочаишѣе* месце (там же, 185); *глубочаишаго*... совѣта (там же, 215); *жесточяйшая* (субст.) (АИ, I, 377, 1578 г.); по *далечейшимъ* пустынямъ (Степ., XVI в.); постничеством... *жесточайшимъ* (Патр. лет., 1530); *далечайшему* пути (Письма рус. гос., № 23, 1619 г.); *превысочайшее* архіерейство (там же, № 39, 1619 г.; № 19, 1619 г.); брань *жесточайшая* (Кат.-Рост.); *широчайший* конецъ (Брун., 584); *далечайшія* (звезды) (Арифм. Магн., 1703 г.); *жесточаішии* пріступъ (Кугорн., Нов. креп., 1709 г.); в *глубочайшею* войну (Птр., II., 269); *далечайшимъ* походомъ (Птр., VII, 348); з *глубочайшею* покорностию (Переп. Ал. Петр., 1727 г.).

Формы от основ, осложненных суффиксом *-ок* (*-ек*), разошлись в своей судьбе с формами от основ, осложненных суффиксом *-ъкъ* (*-ькъ*). Это сказалось в том, что формы от основы с суффиксом *-ок* (*-ек*) не перешли в тип образования с суффиксом *-*jьs* в период оформления несогласуемой формы ср. степени. Можно привести всего лишь один ранний пример оформления основы с суффиксом *-ок* по этому типу образования, зафиксированный Срезневским: Доубиѥ ѿ вѣтръ зыблемо *глоубоче* корениѧ съпущаѥть (Іо. Льств., XII в.).

Отсутствие форм типа *глубоче*, *высоче*, возможно, свидетельствует о том, что основы с суффиксом *-ок* вообще не были свойственны русскому языку. Распространение форм ср. степени от этих основ с суффиксом *-*ějьs* (*глубочайший*, *высочае* и т. п.) в письменности связано, видимо, с книжной традицией использования этих форм и имеет своим источником старославянские оригиналы[101]. Ср. судьбу форм ср. степени от основ с суффиксом *-ок* (*-ек*), образованных по типу с суффиксом *-*ějьs* (*высочае — высочайшии* и под.), полностью совпадающую с судьбой форм от основ с суффиксом *-ъкъ* (*-ькъ*) исконного типа образования (*легчае — легчайший* и под.).

ВЫВОДЫ

Анализ материала показывает, что уже в языке древнейших памятников русской письменности имели место процессы взаимодействия двух типов образования, ср. древнейшие дублетные формы: *унѣе — уне*, *лютѣе — люче*, *борзѣе — борже* и некоторые другие.

[101] Ср., например, в русском литературном языке сосуществование форм *жестокъ* и *жесткъ*, которое объясняется бытованием в языке рядом с исконно русской формой с суффиксом *-ък* (*жесткий*) формы, идущей от старослав. языка, с суффиксом *-ок* (*жестокий*). Ср. также характерное для подобных случаев распределение значений: более отвлеченное связывается со старослав. формой (*жестокий*), более конкретное — с русской (*жесткий*). В говорах имеются и другие примеры взаимодействия образований с суффиксами *-ък* и *-ок*, ср., например, форму *глыпко* (в значении 'глубоко').

Установлено, что взаимодействие двух типов образования протекало в двух видах.

Древнейшим является уходящий в доисторию процесс взаимодействия типов образования во всей совокупности признаков, характеризующих каждый из них, — фонетических изменений конечного согласного основы и места ударения. Этот процесс уже в древнейших памятниках выражается в возможности оформления одной и той же основы по двум типам образования с сохранением в каждой из форм всех закономерностей соответствующего типа. Примерами такого взаимодействия являются формы типа *борзѣе* при *борже*, *лютѣе* при *люче*, *мьнѣе* > *мнѣе* при *мьне* > *мене*, *тънѣе* > *тнѣе* при *тъне* > *тоне* и подобные. Сохранение старых фонетических отношений выражается в наличии закономерных соответствий зубного согласного перед *ě* суффикса -**ějes* (*борзѣе*, *лютѣе*) шипящему согласному перед *j* суффикса -**jes* (*борже*, *люче*). Сохранение отношений, связанных с местом ударения, исконно присущим каждому из типов образования, отражается в судьбе основ с редуцированными гласными. Изменение редуцированных гласных корня в гласные полного образования в формах с суффиксом -**jes*//-**jьs* (*мене*, *меньши*; *тоне*, *тоньши*) связано с накоренным ударением в этом типе образований[102]. Исчезновение редуцированных в образованиях с суффиксом -**ějes*//-**ějьs* (*мнѣе*, *мнѣиши*; *тнѣе*, *тнѣйши*) связано с ударением в этих формах на суффиксе и положением редуцированного перед гласным *ě* суффикса. Сохранение всех этих отношений свидетельствует о том, что в период возникновения этого вида взаимодействия они были еще актуальны.

Более поздний характер имеет другой вид взаимодействия, примеры проявления которого в древних памятниках единичны и становление которого протекает на протяжении изучаемого периода, в основном со второй его половины. Этот вид взаимодействия опирается на осуществившуюся морфологизацию фонетических чередований и места ударения в образовании форм степени, благодаря чему во взаимоотношения вступают не типы образования в целом, а отдельные морфемы с признаками того или иного типа образования. Так, например, основы *ниж-*, *хуж-*, *мен-*, *тон-* с признаками типа образования с суффиксом -**jьs* (в первых двух основах таким признаком является судьба конечного согласного, в двух последних — судьба редуцированного гласного) могут вступать во взаимодействие с формальными элементами другого типа образования, восходящими к -**ějьs*, образуя формы типа *нижае* — *нижайший*, *хужее*, *менее*, *тонее*. Место ударения в них также морфологизовано — закреплено за основой.

В результате обобщения закономерностей более частного и более общего характера, вытекающих из исследования материала, можно

[102] В формах, образованных от основы косвенных падежей, сильное положение связано, кроме того, с наличием в следующем слоге редуцированного гласного (*мьньше*, *тъньши*).

сделать следующие общие выводы о специфике взаимодействия двух типов образования ср. степени в истории русского языка.

Перераспределение лексического материала основ качественных прилагательных и наречий между типами образования (имеем в виду лишь их суффиксальные признаки) подчинялось тенденциям, связанным с качеством конечного согласного основы в формах ср. степени. В соответствии с этим в пределах основ на разные типы согласных действовали следующие тенденции.

В основах на задненёбные и зубные согласные в языке памятников, отражающих нормы живого языка, в той его разновидности, которая составила в дальнейшем базу формирования литературного языка, осуществляется тенденция к оформлению несогласуемой ср. степени по типу с суффиксом *-*jьs* с шипящим в исходе основы. Эта тенденция проявилась:

1) в устранении образований от основ на задненёбные согласные типа *тишае*, *сушае*, *громчае* и замене их формами типа *тише*, *суше*, *громче*. В современном русском языке эта тенденция осуществилась полностью;

2) в замене исконных образований от основ на зубные типа *простѣе*, *чистѣе*, *толстѣе*, *поздѣе* формами типа *проще*, *чище*, *толще*, *позже*. Тенденция не осуществилась до конца, однако формы от односложных основ на *-тее*, *-дее*, *-сее*, *-зее* являются в современном русском литературном языке единичными и сохранение большей части этих образований имеет особые причины семантического порядка;

3) в полном отсутствии форм типа *позде*, *святе*, теоретически возможных как результат второго вида взаимодействия образований типа *хуже* и *поздѣе*, *круче* и *святѣе*.

В результате осуществления этих тенденций основы ср. степени на шипящий (восходящий как к зубным, так и к задненёбным согласным) стали в несогласуемой форме характеризоваться суффиксом *-е*: *тише*, *ниже*, *выше*, *круче*, *проще*, *хуже*, *позже* и др. Исключением является лишь группа основ, конечный шипящий в которых принадлежит основе прилагательного (ср. *рыжий — рыжее*, *свежий — свежее* и др. единичные).

В жанрах книжной речи продолжали существовать образования вне русла данной тенденции. Так, образования с суффиксом, восходящим к *-*ějьs*, как от основ на задненёбные, так и на зубные согласные здесь широко известны в качестве членных форм ср. степени — ср., например, формы типа *тишайший*, *нижайший*, *ближайший*, *простейший*, *густейший* и подобные.

В диалектах известны как формы на *-ае*, *-ее* после шипящих, главным образом исконного типа, так и формы на *-ее* после зубных согласных.

В пределах основ на губные и сонорные согласные продуктивным оказался тип на *-ѣе (-ее)* благодаря тому, что у подавляющей части

основ на сонорный (имеем в виду здесь многочисленные суффиксальные образования) исконным был тип образования с суффиксом -**ějьs*. Сравнительно немногочисленная группа основ на губные примкнула к основам на сонорные. Эта тенденция проявилась:

1) в полном отсутствии того вида взаимодействия, согласно которому основы, первоначально оформлявшиеся по типу с суффиксом -**ějьs*, переходили бы в тип образования с суффиксом -**jьs*: формы типа *слабе*, *мудре* отсутствуют. Исключение составляет лишь основа *стар-* (в некоторых значениях), имевшая особую судьбу, что связано с бытованием членных форм на *-ьиш-* в народном языке;

2) в том, что немногочисленные образования с суффиксом -**jьs* исконного типа: *боле*, *мене*, *доле* и др., *крепле*, *лепле*, *глубле* и др. (и их варианты с отсутствием *л* эпентетического) оказались изолированными в формирующейся системе образования и, для того чтобы попасть в русло одной из двух основных тенденций, должны были перейти в тип на *-ье (-ее)*: *более*, *менее*, *долее*, *далее*, *ранее*, *тонее*, *ширее* или, подравниваясь к образованиям от основ на зубные и задненёбные, приобрести шипящий в исходе основы: *больше*, *меньше*, *дольше*, *глубже* и т. п.

В современном русском литературном языке реликтом старых образований от основ на сонорные согласные с суффиксом *-е* является форма *шире*.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Авв. — Житие протопопа Аввакума им самим написанное; челобитные, послания, поучения и письма. Памятники истории старообрядчества XVII в., кн. I, вып. 1, РИБ, т. XXIV. Л., 1927.

Авиас — Логика Авиаса. Рукопись 1483 г. б-ки б. Киевского Михайловского Злат. монастыря, № 493.

Авр. См. — Жития преподобного Авраамия Смоленского и службы ему. Подготовил к печати С. П. Розанов. Памятники древнерусской литературы, вып. 1. СПб., 1912.

АИ. — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссиею, т. I—V. СПб., 1841—1842.

АК. — Архив кн. Ф. А. Куракина [1661—1727], кн. I—X. СПб., 1890—1902.

Ак. Прем. — Григорьев А. Д. Повесть об Акире Премудром. М., 1913.

Акты Кадаш. сл. — Акты Кадашевской слободы [1613—1698]. Крепостная мануфактура в России, ч. III. Л., 1932.

Акты арх. эксп. — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи археографической экспедицией Академии наук, т. I. СПб., 1836.

Алекс. — Истрин В. Александрия русских хронографов. М., 1893 (1-я редакция).

Алярд, Нов. кораб. — Новое галанское карабельное строение... вместе снесено чрез Карлуса Алярда. М., 1709.

Аполлодор — Аполлодора Грамматика Афинейского библиотеки или о богах. М., 1725.

Арифм. Магн. — Арифметика, сиречь наука числительная... Леонтия Магницкого. М., 1703.

Арс. Сух. — Арсений Суханов Проскиниторий [1649—1653]. Под ред. Н. И. Ивановского. Православный палестинский сборник, т. VII, вып. 3. СПб., 1889.

Архит. Бароц. — Правило о пяти чинех архитектуры Якова Бароция де Вигнола. М., 1709.

Асс. Ев. — Ассеманиево евангелие (примеры даются по Мар. Ч.-Ев., изд. И. В. Ягичем).

А. Юш. — Акты XIII—XVII вв., представленные в разрядный приказ... Собрал и издал А. Юшков, ч. I, 1257—1513 гг. (сп. XVII в.). Чтения ОИДР, 1898, кн. 2—3.

Библ. Генн. — Книги ветхого и нового завета. Писаны в 1499 г. в Новгороде при дворе архиеп. Геннадия. Рук. б. Синод. б-ки, № 1.

Б. и Г. — Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им. Изд. ОРЯС. Памятники древнерусской литературы, вып. 2. Пг., 1916.

Боргсдорф, Поб. креп. — Побеждающая крепость к счастливому поздравлению славной победы над Азовым... от Е. Ф. бар. ф. Боргсдорфа... в лето 1696. М., 1709.

Бринк, Опис. артил. — Описание артиллерии чрез Тимофеа Бринка. Перевод с галанск. яз. на славенск. М., 1710.

Брун. — Брунона Вирцбургского толкование на Псалтирь. Перевод с лат. Дим. Герасимова. Рук. б. Синод. б-ки, № 77/305, XVII в.

Булав. восст. — Булавинское восстание. Тр. Ист.-археограф. Ин-та АН СССР, т. XII. М., 1935.

Вайан, Руководство — Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.

ВМЧ — Великие Минеи-Четьи, собранные всероссийским митрополитом Макарием. Изд. Археографической комиссии (XVI в.).

Ворон. А. — Воронежские акты [1599—1705]. Материалы для истории Воронежской и соседних губ., т. I. Воронеж, 1887.

Воскр. лет. — Летопись по воскресенскому списку. ПСРЛ. Изд. Археографической комиссии, т. VII. СПб., 1856.

Гал. Ч.-Ев. — Четвероевангелие Галическое 1144 г. Изд. Амфилохием Сергиевским, т. I, М., 1882; т. II, М., 1883.

Ген. регламент — Генеральный регламент или устав. СПб., 1720.

Геогр. ген. — География генеральная небесный и земноводный круги купно с их свойствы и действы в трех книгах описующая. Перев. с лат. М., 1718.

Гражд. об. дет. — Гражданство обычаев детских (конец XVII в.). В. В. Буш. Памятники старинного русского воспитания. Пг., 1918.

Гр. Сиб. Милл. — Миллер Г. Ф. История Сибири. I—II грамоты [1556—1661]. М.—Л., 1937—1941.

Гр. ук. о кр. — Памятники истории крестьян XIV—XIX вв. Изд. Н. Н. Клочкова. М., 1910.

Г. сигналы фл. — Генеральные сигналы назираемые во флоте его царского величества. М., 1710.

ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археогр. ком., т. I—XII. СПб., 1846—1872.

Дамаскин — Афонская гора и Соловецкий монастырь. Труды чудовского иеродиакона Дамаскина [1701—1706]. Сообщил архиерей Леонид. СПб., 1883 (пам. древн. письм. № 43).

Дв. гр. — Грамоты двинского уезда XVII—XVIII вв. (1649—1748 гг.). Сборник грамот Коллегии экономии, т. II, 1929.

Девг. деян. — Девгениево деяние. Сперанский М. Девгениево деяние. К истории его текста в старинной русской письменности. Исследование и тексты. Сб. ОРЯС, т. 99, № 7, II, 1923.

Дем. Летавец — Демон Летавец. Жданов И. Н. Русский былевой эпос. СПб., 1895.

Док. в Сенате — Доклады и приговоры, составлявшиеся в Правительствующем

Сенате в царствование Петра Великого. Изд. АН под ред. Н. В. Калачова, т. I—VI. СПб., 1880—1901.

Дом. — О р л о в А. С. Домострой по Коншинскому списку и подобным. Изд. ОИДР. М., 1908.

Дон. дела — Донские дела, кн. 2 (1640—1646 гг.). РИБ, т. 24.

Дух. дог. гр. — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.—Л., 1950.

Дух. регламент — Духовный регламент. СПб., 1721.

Евфр., Отразит. пис. — Отразительное писание о новоизобретенном пути самоубийственных смертей... Сообщение Х. Лопарева. СПб., 1895 (Пам. древн. письм. № 108).

Евфр. С. — Житие пр. Евфросинии Суздальской по сп. XVII в. Сост. монах Григорий. С предисл. и примеч. В. Г. Георгиевского (Тр. Владимирской ученой архивной комиссии. Владимир, 1899, кн. 1), сп. XVII в.

Евфр., Уст. — Иноческий устав преп. Евфросина (XV в., сп. XVI в.). Чтения ОИДР, 1908, кн. 4.

Ерм. лет. — Ермолинская летопись (XV в., сп. XV—XVI вв.). ПСРЛ, т. 23. СПб., 1910.

Ефр. Крм. — Древне-славянская кормчая XIV титулов без толкований (сп. XII в.). Труд Бенешевича В. Н., т. I. Изд. ОРЯС, 1906.

Жит. Ал. Нев. — В. Мансикка, Житие Александра Невского. СПб., 1913.

Жит. Андр. Юр. — Отрывки из Жития Андрея Юродивого по спискам XIII, XIV и XVI вв. С р е з н е в с к и й И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, XXX̆I—XC. СПб., 1879.

Жит. Стеф. Перм. — Житие святого Стефана епископа Пермского, написанное Епифанием премудрым. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1897.

Зак. Птр. — В о с к р е с е н с к и й Н. А. Законодательные акты Петра I [1697—1724 гг.], т. I. М.—Л., 1945.

Зап. Болот. — Записки Андрея Тимофеевича Болотова [1738—1795], т. I. Изд. 3-е. СПб., 1875.

Зап. Нащокина — Записки Василия Александровича Нащокина 1752 г. СПб., 1842.

Злат. — Десять слов Златоструя XII века. Труд Малинина В. Н. СПб., 1910.

Зогр. Ев. — Зографское евангелие (примеры даются по Мар. Ч.-Ев. Изд. И. В. Ягичем).

Изб. Свят. — Изборник великого князя Святослава Ярославича, 1703 г. с греческим и латинским текстами с предисловием Барсова и запискою А. А. Дювернуа. Чтения ОИДР. Изд. Барсова, кн. 4. М., 1883.

Изм. — Измарагд. (XIV—XV вв., сп. XVI в.). Рукопись БАН, XVI в., 13.2.7 (Ящ. 7).

Иос. Дух. Гр. — см. ВМЧ, сент. 1—13, стлб. 499—615.

Иос. Н. — Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным (сп. XVI в.). Чтения ОИДР, 1903, кн. 3, стр. 13—44.

Иос. Флав. — La prise de Jerusalem de Josephe le Juif. Texte vieux-russe publ. intégralement. Par V. Istrin, t. 1—2. Paris, 1934—1938.

Ипат. лет. — Ипатьевская летопись, ПСРЛ, т. II. СПб., 1908.

Ист. евр. Пуф. — Введение в историю европейскую через Самуила Пуфендорфия... СПб., 1718, перевод с лат.

Ист. рус. ц. — Митрополит Макарий. История русской церкви, ч. I и II (Приложение). СПб., 1868.

Календ. Брюса — Календарь или месяцослов христианский по старому штилю или исчислению... М., 1724.

Катош. — К а т о ш и х и н Григорий. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1894.

Кат. Рост. — Повесть князя Ивана Михайловича Катырева-Ростовского (1-я редакция)

Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени. РИБ, т. 13. СПб., 1892.

Кир. Б. — Житие Кирилла Белого Новоезерского, XVI в., с чудесами. Рук. Ундольского № 1308, XVII в.

Кир. Тур. — Кирил митрополит Туровский. Соч. Калайдович. Памятники российской словесности XII века. М., 1821.

Клоц. Сб. — Клоцев сборник (примеры даются по Мар. Ч.-Ев., изд. И. В. Ягичем).

Кн. земл. — Книга зовомая земледелателная... Сложенная Агапием монахом критским... в Венетии 1674... переведеся в Великом Новеграде 1705 лета... Рук. БАН 34.5.23.

Кон. зав. — Рукопись о конских заводах в 74 главах из собр. Перетца В. Н., № 23 (XVIII в.).

Корм. Балаш. — Кормчая Балашева с прибавлениями XVI в. Рук. БАН 21.5.4.

Косм. — Книга глаголемая космография, сиречь описание сего света, земель и государств великих (сп. 1670 г.). СПб., 1878—1881.

К.-Печ. пат. — Киево-Печерский патерик. Памятники славяно-русской письменности. Изд. Археографической комиссии, т. II. СПб., 1911 (Арсениевская ред.).

Кр. изв. о хинск. служ. — Краткое известие о хинском служении. Рукопись 1731 г. б-ки Смоленск. пед. ин-та, № 121.

Кугорн, Нов. креп. — Новое крепостное строение на мокром или низком горизонте. Кугорна. М., 1709.

Куп. Иоанн. — История о российском купце Иоанне и о прекрасной девице Елеоноре. В. В. Сиповский, Русские повести XVII—XVIII в. СПб., 1907.

Курб. — Сочинения князя Курбского, т. I. Сочинения оригинальные. РИБ, т. XXXI. СПб., 1914.

Лавр. лет. — Лаврентьевская летопись. ПСРЛ, т. I, вып. 1. Л., 1926.

Летописец Твер. княж. — Летописец тверского княжения. ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863.

Леч. — Русские лечебники. Исследование в области нашей древней врачебной письменности Л. Ф. Змеева (XVII—XVIII вв.). Пам. древн. письм., № 112. СПб., 1895.

Лож. отр. кн. — Ложные и отреченные книги русской старины, собранные А. Н. Пыпиным. Памятники русской литературы и древности, изд. Кушелевым-Безбородко, вып. 3. СПб., 1862.

Лопаточник — Из истории отреченных книг. III. Лопаточник (XV в., сп. XVI в.). Текст и материал; собрал и приготовил к изд. М. Сперанский. СПб., 1900 (Пам. древн. письм. и иск., № 137).

Львов. лет. — Львовская летопись, ч. 1—2 (сп. XVI в.). ПСРЛ, т. XX. СПб., 1910—1914.

Мар. Ев. — Мариинское четвероевангелие с примечаниями и приложениями. Труд Ягича И. В. Изд. ОРЯС АН. СПб., 1883.

Мат. ист. АН — Материалы для истории имп. Академии наук, т. I—III. СПб., 1885—1886.

Мат. ком. ул. — Исторические сведения о Екатерининской комиссии для сочинения проекта Нового Уложения [1767—1768 гг.]. Сб. Русск. ист. об-ва. СПб., 1869—1911.

М. Гр. — Сочинения преподобного Максима Грека (сп. XVI—XVII в.). Изд. при Каз. дух. акад., ч. 1. Изд. 2-е. Казань, 1894.

Меж. — Междоречие (конец XVII в.). Тихонравов А. Русские драматические произведения 1672—1725 гг., т. I. СПб., 1874.

М. мед. — Материалы для истории медицины в России, вып. I—IV, 1881—1885.

Нзр. — Книга глаголемая «Назиратель», сиречь «Уряд домовных детель» (2-я половина XVI в.). Рукопись Барсова (Ист. Муз.), № 371. Перев. с лат.

Ник. Панд. — Пандекты Никона Черногорца. Рук. б. Патриаршей б-ки, № 836, 1296.

Новг. гр. — Новгородские грамоты XIII—XV вв. Изд. Шахматова А. А. «Исследования по русскому языку», т. I. ОРЯС АН, 1885—1895.

Новг. 1 лет. — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, Изд-во АН СССР, Л., 1950.

Нов. Зав. св. Ал. — Новый Завет ... святителя Алексія (1355 г.) изд. фототипически митропол. Леонтием. М., 1892.

Остр. Ев. — Остромирово Евангелие, изд. Востоков. СПб., 1843.

Палея Толк. — Толковая Палея по списку, сделанному в Коломне в 1406 г. Труд учеников Тихомирова Н. С. М., 1892.

Памва Берында, Лекс. — Лексикон славенороссий и имен тлъкование Памвы Берынды. Киев, 1627.

Пам. дипл. М. Г. — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским [1560—1571], т. III. М., 1892.

Пам. дипл. с. М. Г. с Крымом — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Крымом, нагаями и Турциею, т. I—II. Сб. Русск. ист. об-ва, т. 41, 95. СПб., 1884, 1895.

Пам. дипл. с. М. Г. с нем. орденом — Памятники дипломатических сношений Московского государства с немецким орденом в Пруссии 1516—1520 гг. Изд. под ред. Карпова Г. Ф. Сб. Русск. ист. о-ва, т. 53. СПб., 1887.

Пам. кан. пр. — Вопросы Кирика, Саввы и Ильи с ответами Нифонта, епископа новгородского и других иерархических лиц. Памятники древнерусского канонического права. РИБ, VI. СПб., 1880.

Пам. отр. лит. — Памятники отреченной русской литературы, собраны и изданы Тихонравовым Н., т. I. СПб., 1863; т. II. М., 1863.

Пам. ст. лит. — Памятники старинной русской литературы, изд. Кушелевым-Безбородко, под ред. Костомарова. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи, вып. 1—2. СПб., 1860.

Панд. Ант. — Пандекты Антиоха по сп. XI в. Воскресенского Новоиерусалимского монастыря. М., 1913.

Парт. лет. — Патриаршая или Никонова летопись. ПСРЛ, т. XIII.

Переп. Ал. Петр. — см. Пис. рус. гос., т. III.

Перепис. Мих. Фед. — см. Пис. рус. гос., т. I.

Переп. Птр. с Екат. — см. Пис. рус. гос., т. I.

Песни Кващ. — Сперанский М. Н. Из материалов для истории устной песни (конец XVII в.). Изв. АН СССР, ООН, 1932, № 10.

Печ. был. — Печорские былины. Записал Н. Ончуков. СПб., 1904.

Пис. подм. — Подметные письма Голосова, Посошкова и др. (1700—1705 гг.). Чтения ОИДР, 1888, кн. 2.

Пис. Птр. — Письма, указы и заметки Петра I (1704—1725 гг.). Собраны и изданы Бычковым А. Ф. Сб. Рус. ист. об-ва, т. 11. СПб., 1873.

Пис. рус. гос. — Письма русских государей и других особ царского семейства. Изд. Археографической комиссии, т. I. М. 1848; т. II, М., 1861; т. III, М., 1862.

Пов. об Аз. — Орлов А. Исторические и поэтические повести об Азове. М., 1906.

Пов. рел. сод. — Повести религиозного содержания, древние поучения и послания, извлеченные из рукописей Николаем Костомаровым. Памятники русской литературы и древности, изд. Кушелевым-Безбородко, вып. 3. СПб., 1862.

Польск. д. — Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским, т. I—V. СПб., 1882—1913.

По Миклошичу — F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd. II. Vergleichende Stammbindungslehre, Wein, 1875, стр. 322—327.

Посл. Дан. Зат. — см. Сл. Дан. Зат., вып. 2. Послание Даниила Заточника.

Посл. еп. Сим. Вл. — Послание смиренного епископа Симона Владимирского

и Суздальского к Поликарпу черноризцу Печерскому. Калайдович. Памятники российской словесности XII века. М., 1821.

Посл. Стеф. Явор. — Послание преосвященнейшего Стефана Яворского... к преосвященному Алексею Сарскому... [1718]. Чтения ОИДР, 1862, кн. 4.

Пос., О скуд. и бог. — Книга о скудности и богатстве [1724]. Сочинения Ивана Посошкова. Изд. М. Погодиным. М., 1842.

Пос., Отеч. поуч. — Завещание отеческое. Сочинение И. Т. Посошкова (1719 г.). Изд. под ред. Е. М. Прилежаева. СПб., 1893.

Пох. журн. — Походный журнал 1695—1726 года. СПб., 1853—1855.

Правила. Вопр. Кир. — Материалы для истории древнерусской покаянной дисциплины, Смирнова С. И. Чтения ОИДР, 1912, кн. 3. (Сп. XIII—XVII вв.).

Приемы циркуля — Приемы циркуля и линейки или избраннейшое начало во математических искусствах. М., 1709.

Прилож. к комисс. сп. Нов. 1 лет. — Статьи, находящиеся в рукописи Археографической комиссии, № 240, вместе с Новг. 1. летописью (комисс. списком).

Прол. XIII в. — Отрывки из пролога мартовской половины года. Рук. БАН 4.9.31.

Прол. XV в.—Пролог мартовской половины года перв. пол. XV в. Рук. БАН № 106.

Прот. Верх. Тайн. Сов. — Протоколы, журналы и указы Верховного тайного совета [1726—1730], изд. под ред. Н. Ф. Дубровина. Сб. Русск. ист. об-ва, т. I—VIII. СПб., 1886—1898.

Пск. 1 лет. — Псковская первая летопись, ПСРЛ, т. IV, 1848.

Птр. — Письма и бумаги имп. Петра Великого, т. I—IX. СПб., М.—Л., 1887—1950.

Пут. Ант. Новг. — Путешествие новгородского епископа Антония в Царьград в конце XII столетия. СПб., 1872.

Пут. иг. Дан. — Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым. (Путешествие игумена Даниила), т. II, кн. 5—8. СПб., 1849.

Пч. — Древняя русская Пчела по пергаменному списку (XIII в., сп. XIV—XV вв.). Труд Виктора Семенова.

Разин. восст. — Крестьянство и националы в революционном движении. Разинщина (1666—1671 гг.). М.—Л., 1931.

Рат. стр. — Учение и хитрость ратного строения пехотных людей. М., 1647.

РБЭ — Жданов. Русский былевой эпос. СПб., 1895.

Реглам. шхип. — Регламент шхиперам и протчим приходящим на торговых кораблях в порты Российского государства. СПб., 1724.

Речь Ив. Гр. — Речь царя и великого князя Ивана Васильевича к панам радам королевского и великого княжества литовского, через их посла переданная. Чтения ОИДР, 1848, кн. 9.

РИБ-акты — Акты, касающиеся событий со второй половины XIV века до половины XVII века, РИБ, т. II, 1875.

Римск. имп. д. — Памятники дипломатических сношений с Римской империею, т. I—IX. СПб., 1851—1868.

Р.-Л. акты — Русско-ливонские акты. Изд. Напьерский. СПб., Археографическая Комиссия, 1868.

Рус. пр. — Русская правда (Краткая ред.). Изд. ИФЛИ. М., 1941.

С. — Материалы для истории раскола за первое время его существования. Под ред. Субботина. т. I—VIII. М., 1875—88.

Савв. Звн. — Житие Саввы Звенигородского, писано ок. 1549 г. по поручению митрополита Макария Маркеллом игуменом Хутынск. мон. (сп. XVI в.). Рук. б. Рум. музея, № 557.

Савв. кн. — Саввина книга (примеры даются по Мар. Ч.-Ев., изд. И. В. Ягичем).

Сб. Друж. — Дружинин В. Г. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI века. Лет. зап. Археогр. ком. за 1908 г., вып. 21. СПб., 1909.

Сб. Свят. — Сборник Святослава, 1076. Шимановский. К истории древнерусских говоров. Варшава, 1894.

Сб. Царск. — Сочинения митрополита Илариона по сборнику XIV в., называемому сборником Царского. Изд. Бодянский О. М. «Чтения ОИДР», 1848, № 7.

Селищев, Старослав. яз. — Селищев А. М. Старославянский язык, ч. II. М., Учпедгиз, 1952, §§ 107—110.

Серап. Влад. — Петухов Е. В. Серапион Владимирский, русский проповедник XIII века. СПб., 1888 (приложения: сб. XIV в. «Златая цепь»).

Сим. лет. — Симеоновская летопись (сп. XVI в.). ПСРЛ, т. 18. СПб., 1913.

Сим., Перепл. — Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного художества на Руси... (XV—XIX вв.). Тексты. Материалы. Снимки. Собрал и примечаниями снабдил П. Симони. СПб., 1903.

Сим., Посл. — Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII—XIX столетий. Собрал и приготовил к печати П. Симони, т. I—II. Сб. ОРЯС, т. 66, № 7. СПб., 1899.

Сим. пс. — Древнеславянская псалтирь симоновская до 1280 г., сличенная по церковно-славянским и русским переводам. Изд. Амфилохием. М., 1881.

Син. Пат. — Из Патерика Синайского. И. Срезневский. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках, XXXI—XC. СПб., 1879.

Систима. — Книга Систима или состояние мухаммеданския религии. СПб., 1722.

Сказ. Авр. Пал. — Сказание Авраамия Палицына (сп. XVII в.). Памятники древней русской письменности, относящиеся к смутному времени. РИБ, т. 13, 1925.

Сказ. об инд. цар. — Сказание об индейском царств. Н. Тихонравов. Летописи русской литературы и древности, т. II. М., 1859.

Сказ. о св. мест. — Сказание о святых местах. М. Н. Сперанский. Из старинной новгородской литературы XIV в. Л., Изд-во АН, 1934.

Ск. Ал. Нев. — Сказание о подвигах и жизни святого благоверного и великого князя Александра Ярославича Невского (по сп. XIII в.). Сообщ. арх. Леонид. СПб., 1882 (Пам. древн. письм., № 36).

Ск. дьяка Ал. — Сказание дьяка Александра о Цареграде. ПСРЛ, т. IV, прибавления. СПб., 1848.

Скриж. — Скрижаль Арсения Грека. М., 1656.

Сл. Дан. Зат. — Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Памятники древней русской литературы, вып. 3. Л., Изд-во АН СССР, 1932.

Sl. et. W. — Berneker E. Slavisches etimologisches Wörterbuch. Heidelberg, 1924.

Сл. Ипп. — Слово святого Ипполита об Антихристе в славянском переводе по списку XII в. Невоструева К. М., 1868.

Сл. мин. — Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг. Труд Ягича. Памятники древнерусского языка, т. I. СПб., 1886.

Сл. о жит. Дм. Ив. — Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русского. ПСРЛ, т. IV, прибавления. СПб., 1848.

Сл. похв. Ф. — Инока Фомы слово похвальное (1453 г., сп. 2-й пол. XVI в.). Сообщение Лихачева Н. П. Пам. древн. письм. и иск., № 168. СПб., 1908.

Соф. врем. — Софийский временник, изд. П. М. Строевым, ч. II. СПб., 1821.

Соч. Ив. Пер. — Сочинения И. С. Пересветова (1546—1549 гг., сп. XVII в.). Ржига В. Ф., И. С. Пересветов, публицист XVI века. «Чтения ОИДР», кн. 1. М., 1908.

Спафарий, Китай — Статейный список посольства Н. Спафария в Китай (1675—1678 гг.). Изд. Ю. Арсеньева. Вестн. археол. и ист. СПб., 1906, вып. 17, отд. 2.

Спаф. Сивл. — Книга о сивиллах Николая Спафария (1672, 2-я пол. XVII в.). Рук. б. Рум. музея, № 227.

Срезн. — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка,

т. I—III. СПб., 1890—1912. Сохраняются сокращения, принятые Срезневским (см. т. I, Указатель сокращений, стр. 1—49).

Срп. Н. — Житие Сераиона архиепископа новгородского, XVI в., Рук. Ундольского, № 357.

Степ. — Книга степенная царского родословия, ч. 1—2 (сп. XVI—XVII вв.). ПСРЛ, т. XXI. СПб. 1908—1913.

Суд. Ив. III — Судебник Великого князя Иоанна Васильевича (III). Собрание важнейших памятников по истории древнерусского права. СПб., 1859.

Суд. Ив. IV — Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича (IV). Собрание важнейших памятников по истории древнерусского права. СПб., 1859.

Сузд. лет. — Суздальская летопись по Академическому списку. ПСРЛ, т. I, вып. 2.

Сукон. Дв. — Московский суконный двор (1706—1813 гг.). Крепостная мануфактура в России, ч. V. Л., 1934.

Супр. р. — Супрасльская рукопись (примеры даются по Мар. Ч.-Ев., изд. И. В. Ягичем).

Твер. лет. — Летописный сборник, именуемый Тверской летописью, ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863.

Требник — Требник. Рукопись БАН, Арханг. собр. (Кандалакш. мон.) Д. 72, инв. № 4146 (2-я пол. XVI в.).

Тр. Л. — Травник (Лечебник), перевод немчина Николая Любчанина, 1534 г. Рукопись Уварова А. С. № 2192, XVII в.

Уж. изм. — Ужасная измена сластолюбивого жития с прискорбным и нищетным. С предисл. И. А. Шляпкина. Пам. древн. письм. и иск., т. XXVIII. СПб., 1882.

Укр. гор. Воб. — Истинный способ укрепления городов, изданный от славного инженера Вобана... СПб., 1724.

Улож. Ал. Мих. — Соборное уложение царя Алексея Михайловича (1649 г.). Ист.-филол. фак. МГУ, М., 1907.

Урус. Залаз. — Сказание о Еруслане Лазоревиче. Тихонравов. Летописи русской литературы и древности, т. II. М., 1859.

Усп. сб. — Сборник XII века Московского Успенского собора, вып. I. Изд. под наблюдением А. А. Шахматова и П. А. Лаврова Обществом истории и древностей российских. М., 1889.

Уст. рат. дел. — Устав ратных пушечных и других дел, касающихся до военной науки... ч. 1—2 (XVII в.). Изд. Рубана, 1777—1781.

Флор ек. — Флоринова економия. Изд. 3-е. СПб., 1775.

Фр. Ск. — История о Фроле Скобееве XVII в., Рукопись Ундольского № 945.

Хожд. за 3 моря — Афанасий Никитин. Хождение за три моря, 1466—1472 гг. (Троицкий список). М.—Л., Изд-во АН СССР, 1948.

Хожд. Стеф. Новг. — Хождение Стефана Новгородца в Константинополь в середине XIV века. Сперанский М. Н. Из старинной новгородской литературы XIV в. Л., Изд-во АН СССР, 1934.

Хоз. Мор. — Хозяйство боярина Б. И. Морозова, ч. I—II. (1624—1674 гг.). Мат. по ист. феод.-креп. хоз., вып. 1—2. М.—Л., 1933—1936.

Хр. Георг. Ам. — Истрин В. М. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе. Л., 1930.

Хр. И. Малалы — Истрин В. М. Хроника Иоанна Малалы в славянском переводе (XIII в., сп. XV в.).

Чел. Ник. — Материалы для истории раскола за первое время его существования, под ред. Н. Субботина, т. IV, 1883.

Этим. сл. — Преображенский А. Г. Этимологический словарь, вып. 5—14. М., 1910—1916.

Юр. акты — Акты, относящиеся до юридического быта древней России, под ред. Калачова Н. В., тт. I, II. СПб., 1857.

ТРУДЫ ИНСТИТУТА ЯЗЫКОЗНАНИЯ АН СССР
Том VIII 1957

Н. С. Рыжков

МОРФОЛОГИЯ И СЕМАНТИКА ИМЕННЫХ (ОТСУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ) НАРЕЧИЙ В ДРЕВНЕРУССКИХ ПАМЯТНИКАХ XI—XIV ВЕКОВ

Несмотря на то, что наречие по сравнению с другими грамматическими категориями (существительным, глаголом и т. д.) представляет собой явление вторичное, возникшее на основе готового языкового материала, на базе «разрушения» других частей речи, — оно, однако, является очень древней грамматической категорией, возникновение которой относится к глубокому доисторическому времени.

Древнее происхождение наречия подтверждается, во-первых, существованием данной грамматической категории в самых древних языках индоевропейской семьи (оно было известно уже таким древним языкам, как санскритский, зендский, древнегреческий, латинский, древнеславянский и др.); во-вторых, наличием в современных языках таких наречных образований, которые отражают древнейшие стадии языкового развития (ср. русск. *где*, древнерусск. *къде*, вед. *kuva*, санскр. *kuha*, ав. *kū*)[1].

Наречие возникло и оформилось в непосредственной связи с возникновением и развитием абстрактного мышления, возникло как средство выражения отвлеченных логических категорий (пространства, времени и пр.), как обстоятельственная характеристика действия или состояния, выраженного глаголом-сказуемым.

Возникнув из потребности выражения отвлеченных понятий и дифференциации высказываемой мысли, наречие явилось своеобразным магнитом, который стал притягивать к себе и переплавлять в единый лексико-грамматический массив многочисленные и разнородные флексийные формы. Вот почему наречие морфологически соотносительно со всеми знаменательными частями речи и не теряет с ними своей лексической и функциональной связи на протяжении многих веков.

Характерной чертой наречия является также и то, что на протяжении всей истории языка оно выступает как одна из самых живых, подвижных и наиболее продуктивных категорий, беспрерывно пополняющихся новыми образованиями.

---

[1] Ср. А. Мейе. «Наречия отчасти продолжают индоевропейское состояние; они нередко являются падежными формами, окаменевшими в более или менее древнюю эпоху». (Общеславянский язык. М., 1951, стр. 377).

В начале исторического периода русского языка наречие выступает уже как морфологически сложная и богатая значениями грамматическая категория, соотносительная со всеми знаменательными частями речи.

В древнерусском языке лексически многочисленную группу составляют наречия, образовавшиеся от косвенных падежей (беспредложных и с предлогами) имени существительного: родительного, дательного, винительного, творительного и местного. Однако степень адвербиальной продуктивности у перечисленных падежей не одинакова: одни из них дали большое количество наречий, другие меньшее, третьи — единичные случаи.

Перейдем непосредственно к анализу наречий, происшедших от имен существительных. В настоящей статье мы рассмотрим наречия, происходящие из форм родительного и винительного падежей без предлогов и с предлогами.

РОДИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Древнерусские наречия, соотносительные с формами родительного падежа существительных, в подавляющем большинстве своем восходят к предложным конструкциям родительного. Наречий же, образованных от имен существительных в родительном падеже без предлога, в древнерусском языке, как и в современном, очень мало. В обследованных памятниках древнерусской письменности из морфологических типов наречий, образованных от родительного падежа без предлога, нам встретилось только два: *вчера* и *дома*[2]. Первое наречие имеет временно́е значение, второе — пространственное. Наречие *вчера* первоначально означало 'вечером', затем — 'в день, предшествовавший текущему дню' или 'в ближайшее прошедшее время'; наречие *дома* означает: 'у себя в доме', 'на месте жительства', 'на родине'. Оба эти наречия встречаются уже в самых ранних памятниках как переводной, так и оригинальной литературы.

Приведем примеры употребления наречия *вчера* и *дома* из древнерусских текстов XI—XIV вв.

Примеры с наречием *вчера*: *Вьчера* въ годину семую остави и огнь (Остром. ев. 19); *вьчера* клѣветьникъ бестоуденъ, дьньсь доброхвальнъ и кротъкъ (Изб. Св., 1073,98); *вчера* Елинъ Владимиръ нарицаяся, днесь крьстьянъ Василии наричается (Чт. Бор. Гл. 4); (велии еси Г҃и чюдна дѣла твоꙗ. *вчера* чтимь от ч҃лвкъ) а (днь) поругаемъ (Лавр. лет. 6496, 117); заоутра же собравъ избытокъ Новгородець ꙗрославъ р҃е. о люба моꙗ дружина юже *вчера* избихъ (а нн҃ѣ быша надобе) (Лавр. лет. 6523, 141); И се слышавъ, Ярославъ заутра собра новгородцовъ избытокъ, и сътвори вѣче на полѣ, и рече к ним: «люби-

[2] Развитие наречий из форм дательного, творительного и местн. п. существительного без предлогов и с предлогами будет рассмотрено в отдельной статье.

мая моя и честная дружина, юже вы исѣкохъ *вчера* въ безумии моемъ, не топѣрво ми ихъ златомъ окупитѣ (Новг. лет., 6524, 175); и рѣ единъ Деревлянинъ. азъ видѣхъ яко *вчера* спехнуша с мосту (Лавр. лет., 6485, 75); и гла мѵтль отвергъшемоуся ха почто *вчера* не отвержеся га дабы моукъ не (приялъ...о) нъ же отвѣща ісмоу (Прол. XIII в., л. 21—ДС); *Вчера* съ разбоиникомъ сраспинахомтися, днесь съ тобою съвоскресахомъ... *вчера* съ креста съ Никодимомъ снимахомъ тя, днесь съ магдалынею воскресита видимъ тя; *вчера* с Иосифомъ в гробѣ тя полагахомъ, днесь яко и Мария радостныя глаголы твоя слышимъ (Кир. Тур., 17).

Примеры с наречием *дома*: Марига *дома* сѣдѣаше (Остром. ев., 138); якоже бо оць мои *дома* с ѣдѧ. изумѣаше е языкъ въ томь бо чть есть от инѣхъ земль (Лавр. лет. 6604, 246); Василко же отпрѣсл река. не могу ждати еда буде рать *дома* (Лавр. лет. 6605, 258); И наре оба Изяслава оставити *дома* (Суздл. лет. 6654, 313); и приде ѥдинъ старъ мужь ко кпязю. и рѣ ѥму ѥдже. есть оу мене ѥдинъ снъ меншеи *дома*. а с четырми ѥсмь вышелъ. а он *дома* (Лавр. лет., 6500, 122—123); Аже оумреть смердъ, то задница ѥдзю; аже боудоуть дъчери оу него *дома*, то дати часть на нѣ (Р. П., 90, 128); не бысть милости межи нами, нъ бяше туга и печаль, на уличи скърбь другъ съ другомъ, *дома* тъска, зряще дѣтии плачюще хлѣба, а другая умирающа (Новг. лет. 6738, 71); а чему ся хотите учити, да учитеся *дома* у своих мужеи (Дан. Зат. 30); И отъ того святаго свѣта вжигаютъ кандила въ своихъ церквахъ и канчивають пѣние вечернее *дома* (Дан. иг. 65); Мнози бо *дома* суще, въ мѣстѣхъ своихъ (там же, 2).

Оба наречия *вчера* и *дома* к историческому периоду настолько утратили семантическую и грамматическую связь с исходными формами, что некоторые языковеды отрицают их происхождение из родительного падежа.

Так, известный индоевропеист Б. Дельбрюк в своем Сравнительном синтаксисе указывает, что в литовском языке vakar, которое соответствует русскому *вчера*, восходит к аккузативу, вследствие чего он ставит под сомнение происхождение в славянских языках *вчера* из генитива [3].

Большинство же ученых возводит наречие *вчера* к существительному *вечеръ* в форме родительного падежа без предлога: *вечера*. На этой точке зрения стоят К. Бругман [4], В. Вондрак [5], А. Мейе [6], И. Добров-

[3] B. Delbrück. Vergleichende Sintax der indogermanischen Sprachen, B. III. Strassburg, 1893. S. 550.

[4] K. Brugmann. Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen. Strassburg, 1904. S. 452.

[5] W. Vondrak. Vergleichende slavische Grammatik, B. II, 1906. S. 6.

[6] А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 379.

ский[7] и многие русские языковеды[8], причем, считая бесспорным происхождение наречия *вчера* из родительного падежа имени существительного *вечера*, они почему-то не объясняют происшедшие в нем затем фонетические изменения: перенос ударения на конечный слог и выпадение первосложного гласного *е*.

Причина же внешних изменений родительного падежа (*вéчера — вчерá*) заключается, на наш взгляд, в семантико-синтаксическом сдвиге данной формы. Очевидно, что возникшее различие в лексико-грамматическом значении между существительным и наречием одного и того же слова привело и к акцентологическому различию; иначе говоря, переход имени существительного в наречие повлек за собой и перемещение ударения в слове («омонимическое отталкивание»), что является естественной закономерностью русской адвербиализации. Ср.: *бéгом — бегóм, вéрхом — верхóм, крýгом — кругóм*, а также *вéчер — вечóр, ввечерý* и т. д. Об этой закономерности говорит в своей книге «Русский язык» В. В. Виноградов, подчеркивая как раз у наречий, образованных от существительных и внешне сходных с последними, тяготение именно к наконечной акцентовке[9]. Таким образом, акцентологический сдвиг в наречии *вчера* (*вéчера — вечерá*) объясняется семантико-грамматическим сдвигом данного слова.

Выпадение же звука *е* в слове *вечера*[10] обусловлено переносом ударения с первого на последний слог, а именно: ударный звук *е* первого слога в связи с акцентологическим сдвигом стал неударяемым и, оказавшись во второй позиции по отношению к ударению, ослаб, а затем превратился в редуцированный ъ[11]. В эпоху же падения редуцированных гласных ъ, будучи слабым редуцированным звуком, исчез.

Итак, изменение *вечера* в *вчера* произошло в связи с тенденцией в языке к внешней дифференциации имени и наречия[12]. Путь же пере-

---

[7] И. Добровский. Грамматика языка славянского по древнему наречию, ч. 1. СПб., 1833, стр. 490.

[8] С. К. Булич. Синтаксис русского языка, 1906—1907, стр. 278; Ф. И. Буслаев. Историческая грамматика русского языка, ч. 1, 1881, стр. 163; В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики, 1935, стр. 194.

[9] В. В. Виноградов. Русский язык. М. — Л., 1947, стр. 382.

[10] Выпадение безударных гласных полного образования в середине слова имело место и в ряде других грамматических категорий и форм. Например: *пятьнадесяте — пятнадцать, дъвадесяти — двадцать*, где превращение безударного числительного *десять* в формальный элемент слова — аффикс приводит к редукции, а затем и к исчезновению звука *е; жерело—жерло, скоролупа—скорлупа, нынѣча—нынче, сутолока—сутолка, гороностай—горностай, леда—л'да, камень—камня*. Ср. также диалектные: *Хритон, гворит, млодец, вертено* и др. (См. А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. М., 1907, стр. 98).

[11] Следует заметить, что звук ъ в данном наречии является типичным для древнерусских (и старославянских) памятников старшего периода. Ср: *вьчера игрьць, дьньсь цѣломоудрьникъ; вьчера винопиица, дьньсь водопиица* (Изб. Св. 1073, 98). См. также *вьчера* в Жит. Феод. 77.

[12] Ср. замечание М. В. Ломоносова. Российская грамматика, стр. 101.

оформления существительного *вечера* в наречие *вчера* таков: *вéчера — вечерá — въчерá — вчерá.*

Что касается наречия *дома*, то генетическая связь его с родительным падежом многими лингвистами оспаривается.

По вопросу происхождения наречия *дома* в литературе предмета обнаруживается в основном два теоретических взгляда.

Одни ученые, к числу которых относятся Бругман[13], Дорич[14], Вондрак[15], Богородицкий[16] и др., возводят наречие *дома* к родительному, то есть отложительному падежу существительного основы на *-о*: domo, род. п. domō, откуда — наречие *дома.*

Другие ученые, к числу которых принадлежат Зубатый, Погодин, С. К. Булич, Г. А. Ильинский, И. М. Эндзелин, Кречмер, Э. Бернекер, А. Мейе и др., видят в наречии *дома* местный падеж существительного основы на *-и**domō[17], при этом они ссылаются на наличие в литовских диалектах рефлексов древнего окончания местного падежа на *-о*, развившегося в дифтонг *ůо* или *uo* (например, лит. viduo)[18].

Трудность этимологического анализа наречия *дома* заключается в том, что в нем выступает явное несоответствие между значением древнего родительного падежа и значением данного наречия. Наречие *дома* по внешнему оформлению имеет сходство с родительным падежом существительного *дома*, но лексическое его значение обнаруживает в нем скорее не родительный падеж, а местный, так как история русского языка, как и вообще славянских языков, не знает употребления родительного падежа без предлога в значении обстоятельства места, отвечающего на вопрос «где?»[19]. Поэтому приведенная теория происхождения наречия *дома* из местного падежа заслуживает особого внимания.

Известно, что в индоевропейских языках довольно широко был распространен отложительный, или исходный падеж (аблатив), который указывал на отделение, удаление от чего-либо и отвечал обычно на вопрос

---

[13] K. Brugmann. Kurze Vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen, S. 452.

[14] A. Doritsch. Gebrauch der altbulgarischen Adverbia. Leipzig, 1910, S. 157.

[15] W. Vondrak. Vergleichende slavische Grammatik, B. II. Gottingen, 1906, S. 5 и сл.

[16] В. А. Богородицкий. Общий курс русской грамматики, стр. 194.

[17] См. ст. Зубатого в «Archiv für slavische Philologie, S. 14, 1891, стр. 150 и сл., Погодина в «Русском филологическом вестнике», 35, 1896, стр. 138; С. К. Булич. Синтаксис русского языка, стр. 270; Г. А. Ильинский. Праславянская грамматика. Нежин, 1916, стр. 336; И. М. Эндзелин. Славяно-балтийские этюды. СПб., 1911. стр. 179; А. Мейе. Общеславянский язык, стр. 378—379.

[18] Ср. замечание Г. А. Ильинского по этому поводу: «При наличии в литовском языке рефлексов (ок. м. п. *о*) гипотеза, что та же флексия заключается в форме *дома*, не может быть признана слишком смелой» (Праславянская грамматика, стр. 336).

[19] Ср., например, замечание С. К. Булича о том, что родительный места «в славянских языках отсутствует» (Синтаксис русского языка, стр. 222).

«откуда?», в отличие от местного (локатив), обозначавшего место действия и отвечавшего на вопрос «где?».

Как аблатив, так и локатив имели один и тот же падежный показатель *ō*, развившийся из *ou*[20] в локативе и *od*[21] в аблативе и впоследствии изменившийся в славянских языках в долгий звук *а*.

Оба указанные падежа могли совпадать не только по форме, но и функционально[22]. Поэтому слово *дома* в зависимости от контекста отвечало как на вопрос «где?», так и на вопрос «откуда?[23].

Позднее в процессе дифференциации падежей эта форма удержалась за аблативом, к которому примкнуло единственное слово на *-а* с местным значением.

Затем, когда аблатив и генитив, вследствие многих синтаксических точек соприкосновения, функционально и отчасти формально слились в один родительный падеж[24], наречие *дома* стало ассоциироваться с формами родительного падежа. Многие лингвисты именно в форме древнего аблатива видят источник нашей формы родительного падежа единственного числа на *-а*.

Так, например, Н. К. Грунский пишет: «тепер уже цілком панує погляд, що праслов'янська форма генстива є форма колишнього аблятива, що на слов'ян. грунті спався з генетивом»[25].

Таким образом, наречие *дома* развилось из древнего локатив-аблатива, сохранив функцию локатива и формант *-а*, являющийся рефлексом более древнего падежного окончания *-ō*, который был закреплен сначала за аблативом, а затем перешел в родительный падеж. Послед-

---

[20] Ср. А. Мейе: «Форма на -*ou в общеиндоевропейском языке чередовалась с формой на -*ō, от которой славянские языки сохранили след в виде наречия *дома*» (Общеславянский язык. стр. 332).

[21] Ср. лат. gnaivōd, → gnaivō, meritōd — meritō, а также литовск. istōd → istō, menōd — menū.

[22] Подобный синкретизм падежей вообще был характерной чертой древних языков. См. B. Delbrück Ablativ lokalis, instrumentalis im Altindischen, Lateinischen, Griechischen und Deutschen. Berlin, 1867.

Ср. также замечание Е. Ф. Карского: «В синтаксическом отношении смешение падежей, означающих пространственные функции, было вполне возможно» (Русские наречия *домой* и *долой*, 1895, стр. 9).

[23] Употребление одной о той же формы для выражения различных значений свойственно было славянским языкам и в более позднее время. Так, например, наречие *коуѣдѣ* в древнерусских памятниках употребляется как и в значении 'куда?', так и в значении 'где?'. Наречия *камо*, *тамо* могут отвечать на вопрос *гдѣ?* и на вопрос *куда?* Ср. также: И тамо *горѣ* (где?) живетъ патриархъ (Дан. иг.) — възлѣсти же есть *горѣ* (куда?) по степенемъ (там же).

[24] Ср. также высказывание А. Мейе о смешении отложительного и родительного падежей (Общеславянский язык, стр. 311).

[25] Проф. М. Грунський та П. Ковальов. Історія форм української мови. Харьков, 1931, стр. 22. Ср. также Г. А. Ильинский:»... в целых категориях (как, например, в основах на *о*) отложительный падеж всецело вытеснил род. пад. еще в праславянском языке» (Праславянская грамматика, стр. 338).

ний же по своей природе не мог выражать место совершения действия, поэтому-то беспредложные наречия места от родительного падежа не встречаются ни в древнерусском, ни в современном русском языке.

Наречия места и времени от родительного падежа без предлога — непродуктивные наречия.

Наречие *дома*, как указано выше, является уникальным[26] в системе наречий и не имеет функционального соотношения с формами родительного падежа.

Наречие *вчера* также является единственным наречием от родительного падежа без предлога и не имеет подобных параллелей во временных падежных формах, ибо не только в русском, но и вообще в славянских языках родительный времени, выраженный существительным без определения, не наблюдается[27].

А такие формы, как *полоунощи*, *полоудьне* и т. п., встречающиеся в древних памятниках, мы считаем не родительным падежом, а местным.

Примеры: идеть къ немоу *полоунощи* и речеть имоу дроуже даждь ми възаимъ три хлѣбы (Остром. ев. 275); Прысну море *полунощи*; идутъ сморци мьглами (Слово, 27); сторожеве же прибѣгоша к нему *полунощи*. рекуще идеть Володимерко (Суздал. лет. 6659, 336); Не оставихъ цркве Бжиа. вечеръ ни заоутра ни *полоудне* (Сб. Св. 1076, 109[6]); спанье есть от Ба присужено *полудне*. отъ чина бо почиваеть. и звѣрь. и птици. и члвци (Лавр. лет. 6604, 247); И пришъдьши *нощи* вьсие оусъноуть (Сб. Св. 1076, 135); В то же время *нощи* загорѣся на Волосовѣ улицѣ (Новг. лет. 6856, 360).

Трудно, конечно, определить в приведенных примерах падежи подчеркнутых слов[28], ибо формы родительного и местного падежей данных основ к началу исторического периода не различались ни морфологически, ни функционально, однако косвенные факты убеждают нас в том, что перед нами, несомненно, формы местного падежа.

Это подтверждается, во-первых, тем, что указанные формы в старых памятниках сочетаются в подавляющем большинстве случаев с предло-

---

[26] Встретившийся в «Житье и хоженье] Данила игумена» (стр. 61) пример наречия места от род. п. *горы*: а фряжьская кандила повѣшена бяху *горы* (-горѣ), считаем опиской.

[27] См. Е. К. Тимченко. Функции генитива в южнорусской языковой области. Варшава, 1913, стр. 130. Ср. также замечание Ф. Миклошича о том, что в славянских языках «родительный времени ограничен в своем употреблении лишь на известные определения времени и большей частью имеет при себе местоимение или прилагательное» (Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, B. II. Wien. 1874, стр. 509.).

[28] Возможно, что в наречиях *полоудьне*, и *полоунощи* вторая часть — *дьненощи* с этимологической точки зрения есть форма родительного падежа единственного числа по требованию управляющего существительного *полоу*, однако данные сочетания (*полоудьне*, *полоунощи*) еще в доисторическую эпоху выступали как сложные и неделимые лексемы, по первой части которых (*полоу*), имевшей значение и форму локатива, все слово в целом стало восприниматься как форма местного падежа.

гом *в* и представляют собой в данных сочетаниях бесспорные местные падежи.

Примеры: Скочи отъ нихъ лютымъ звѣремъ *въ плъночи* изъ Бѣлограда, обѣсися синѣ мьглѣ (Слово, 25); Бы пожаръ в Володимери городѣ... *в полъночи* зажжесѧ. и горѣ мало не до вечера (Суздл. лет. 6701, 409); и *въ полунощи* бываетъ хрещение водѣ (Дан. иг. 24); Бысть знамение въ лунѣ *въ полунощи* (Псков. 1 лет. 6939 — Срезн.); съпѧщю имоу *въ полудне* въ храминѣ своеи (Жит. Феод. 56); Томь же лѣтѣ бысть знамение въ солнци *въ полъдни*, и бысть яко мѣсяць, и съмерчеся, и по мале времени напълнися и пакы просвѣтися (Новг. лет. 6695, 38); да къждо *въ нощи* свою часть измелѣшеть на състроѣние хлѣбомъ (Жит. Феод. 55); Овогда же пакы *въ нощи* прихожаху къ нему; страхъ творѧче в мечтѣ ѣко се многъ народъ с мотыками (и) и лыскарѣ глѣще. раскопаѥмъ печеру сию. и сего загребе здѣ (Лавр лет. 6582, 197); то се не столпъ водѧше ихъ, но англь идѧше пре ними *в нощи* и *въ дне* (там же, 6618, 285); и бѣ ѣрославъ любѧ цр̀ковныѣ оустановы... и книгамъ прилежа и причитаѣ е часто *в нощи* и *въ дне* (там же, 6545, 151—152).

Во-вторых, на местный падеж данных слов указывают такие формы с аналогичным, временны́м значением, как *оутрѣ*, *лѣтѣ*, *веснѣ*, *зимѣ*, которые имеют различное оформление в родительном и местном падежах.

Нам, например, ни разу не встретились слова *оутро*, *лѣто*, *зима*, *весна* без предлога и определения в форме родительного падежа: *оутра*, *лѣта*, *весны*, *зимы*, тогда как в местном падеже они довольно часты.

Например: Аще же сѣно сельное. дьньсь сущеѥ: а *оутрѣ* въ пещь въмѣтаѥмо (Остром. ев. 262об); Дьньсь сею, *а оутрѣ* дроугаго (Панд. Ант. XI в. 193 — Срезн.); *утрѣ* же вознзи стрикусы, — отвори врата Новуграду (Слово, 25); Идоша *веснѣ* на Половцѣ. Стополкъ. Володимеръ. Двдъ. и дошедше Воинѧ и воротишасѧ (Суздл. лет. 6619, 289); Загорѣся *веснѣ* на Яневѣ улици и погорѣ Загородчкыи конець и Людинь конець до Лукинѣ улицѣ (Новг. лет. 6941, 416); а *лѣтѣ* ѥздити на озвадъ звѣри гонитъ (Новг. грам. 9, 246); молите же сѧ. да не будеть бѣство ваше. *зимѣ* (Остром. ев. 145); Въ то же лѣто, *зимѣ*, побѣди Мьстиславъ... новгородци Олга на Кулацьскѣ,... кое говение (Новг. лет. 6605, 19).

Итак, в древнерусском языке адвербиальный родительный падеж имен существительных представлен только двумя наречиями: *вчера* и *дома*.

В древнерусских памятниках значительно распространены наречия, образовавшиеся из сочетания родительного падежа существительных с различными предлогами.

Соотносительность их с предложными формами родительного падежа

имен существительных достаточно прозрачна и не вызывает каких-либо разногласий в лингвистической литературе.

Рассмотрим образование этих наречий и приведем примеры употребления их в древнерусской письменности.

1. Наречия, происшедшие от существительных в форме родительного падежа с предлогом *изъ(ис)*[29]: *(изъ)вноу*, *(изъ)дъноу*, *(изъ)низоу*, *(изъ)оутри*, *(изъ)поди*, *(изъ)дали*, *(изъ)кони*, *(изъ)начала*, *(изъ)оутра*, *(изъ)вѣка*, *(изъ)стари*, *(изъ)ряди*, *(изъ)ручь*, *(изъ)незапа*, *(изъ)полоу* и др.

Наречия *(изъ)вноу*, *(изъ)низоу*, *(изъ)вѣка*, *(изъ)полоу*, *(изъ)незапа* образовались от существительных мужского рода *вънъ*, *низъ*, *вѣкъ*, *полъ*, *незапъ(заапъ)* в форме родительного падежа единственного числа путем присоединения к ним предлога *изъ*, который обычно употребляется как *из* (т. е. без ъ), а в положении перед начальным глухим согласным переходит в *ис*.

Наречия *(изъ)дъноу*, *(изъ)начала*, *(изъ)оутра* восходят к родительному падежу единственного числа имен существительных среднего рода *дъно*, *начло*, *оутро* и предлогу *изъ*.

Наречия *(изъ)дали*, *(изъ)оутри*, *(изъ)поди*, *(изъ)кони*, *(изъ)стари*, *(изъ)ручь*[30] явились в результате слияния предлога *изъ* с формами родительного падежа существительных женского рода основы на *-i*: *даль*, *оутрь*, *подь*, *конь*, *старь*, *ручь*, которые, как правило, имели параллели в мужском роде; например: *передь — передъ*, *задь — задъ*, *цвѣть — цвѣтъ*, *конь* (ср. *коньць*) — *конъ*, *близь — близъ* и т. д.

Так как существительные *оутрь*, *подь*, *конь*, *старь*, *ручь* рано вышли из употребления, сохранившись лишь в составе наречий, структура последних является несколько затемненной для современного сознания, и сами наречия воспринимаются как устаревшие, отживающие формы, на что указывает и В. В. Виноградов, отмечая архаичность наречий типа *искони*, *исстари*[31].

Примеры употребления наречий с предлогом-префиксом *изъ* в древних памятниках: *(изъ)вѣноу* (*изовѣноу*, *извѣноу*, *извоноу*, *извѣноу*, *извноу*, *звну*) имеет значение 'извне', 'снаружи', 'вон': имже нѣсть ѣстьва съвокго плодъ осщние, но *изъвонѣноу* приводно осщние (Изб. Св. 1073, 14); а не *извѣноу* вънов ь вѣвѣсти доб-

---

[29] В наречиях, образованных от предложно-падежных конструкций, с целью сохранения их первоначального фонетико-морфологического состава, предлоги-префиксы заключаем в скобки.

[30] Слово *ручь* восходит, вероятно, к неизменяемым именам типа *испълнь*, *свободь*, поэтому при замене одного предлога другим, например, *изъручь — въручь*, форма *ручь* не изменяется. Возможно, что форма *ручь* стала осложняться предлогами позднее, когда *ручь* выступало уже как наречие. Ф. И. Буслаев видит в *ручь* сокращение формы *ручи* (Историческая грамматика русского языка, ч. 2, стр. 325).

[31] В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 353.

роты (там же, 153); Кръвь же аште не на пролитиѥ *изъвноу*, то вънутрь исоучи ю соухотою ѣади да приимеши бѣштанига (Сб. Св. 1076, 135); а одежа кго бѣ свита власѣна остра на тѣлѣ *извьноу* же на пеи и ина свита (Жит. Феод. 64); О семь бы разумети комуждо насъ: которыи епископъ тако украси святую Софѣю, притворы испьса, кивотъ створи и всю *извъну* украси (Новг. лет. 6664, 29); Есть церкви Святая Святыхъ дивно и хитро создана моусиею издну и красота ея несказанна есть, кругла образомъ создана; *извну* написапа хитро и несказанна, стѣны еи избьены досками мраморными другаго мрамора и помощена есть красно мраморными дъсками (Дан. иг. 15); И верхъ исписанъ издну мусиею хитро и несказанно. а *звну*[32] верхъ побиенъ есть былъ мѣдию позлащеною (там же); Ты же, аще не *извну*, то внутрьюду иссуши ю токмо нужнѣи погребь тельси касаяся (Кир. Тур. 116);

(изъ)дъноу (*издъноу*, *издьноу*, *издноу*, *изноу*) употребляется в значении 'изнутри', 'снизу', 'внутри':

Ноздь мои *из дноу* възгорѣстася (Полик. посл 6 — Срезн.); хитростию, врата суть сдѣлана, мѣдию позлащеною покована была, *издну* исписана хитро была по мѣди, а извну желѣзы покована была твердо (Дан. иг. 16); И верхъ (дверей) исписанъ *издну* мусиею хитро и несказанно (там же, 15); Мѣдью позлащеною были покованы *изнудъ*, подписаны были хитро по мѣди (там же, 22); Срцю *из дьноу* злобою горящю (Нект. о Феод. 352 — Срезн.);

изъутри (*изоутри*, *изутрь*, *изноутри*, *извноутри*, *извноутрь*) означает 'изнутри', 'из середины', 'из нутра', 'внутри': ѣако чрьвь грызяи дрѣво *изутри* (Мих. Упыр. толк. — Срезн.); Отвѣща нькы *изутри* (Пат. Син. XI в. 174 — Срезн.); Егда отишиѥ имамъ *изутри* отъ вънѣшнѣга допасти (Гр. Наз. XI в. — Срезн.); *Изоутрь* вълкъ сы (Иппол. Ант. 6 — Срезн.); И видѣша людие вретища на тѣлѣ его *изутрь* (Георг. Ам. 119 — Срезн.); а *изноутри* оукрашена драги[ми] каме[ни]ем (Сказ. об инд. цар. 73—ДС); *Извнутрь* зелено, а внутри червлено (Воскр. лет. 70, 157—ДС.);

(изъ)поди (*исъподи*, *исподи*, *испода*, *исподѣ*, *высподи*) 'снизу', 'внизу', 'исподнизу'. Особенно часто это наречие встречается в «Житьи и хоженьи Данила игумена»: И есть гробъ святыя Богородица *исподи* подъ великимъ олтаремъ тоа церкви (Дан. иг. 18); И ту есть создана церкви велика и пещера подо алтаремъ есть *исподи* (там же, 19); Церкви же *исподи* дубляста есть вся; и мощи святыхъ ту лежать (там же, 31); и есть пещерка та подъ мостомъ *исподи* утвержена вельми (там же, 36); И ту есть *исподи* подъ церковию тою пещера велика (там же, 38); *Исподи* подъ церковцею пещерка мала и церквица другая,

---

[32] Здесь наблюдается отпадение начального безударного гласного, которое имеет место в украинском и белорусском языках и некоторых русских говорах (ср. *голка*, *вакуация*).

предъ пещеркою тою призданa (там же, 40); *Исподѣ*[33] же подъ тою трапезою камень тои святыи одѣланъ досками мороморяными (там же, 52); Ни постель *испода*, ни покровъ съ горы (Жит Ник. 40 — Срезн.); Налѣзоша и Ольга *высподи* трупыѧ (Лавр. лет. 6485, 96). Наречие *высподи* в данном случае употреблено в значении предлога. Второй предлог (*в*) присоединился к слову *исподи*, может быть, по аналогии с такими наречиями, как *въвьрху*, *вънизу* и т. п.;

(изъ)кони (*исъкони*, *искони*, *исконѣ*) 'издавна', 'сначала', 'изначала', 'вначале', 'сперва', 'издавна'. Встречается чаще в текстах церковного характера: *Искони* бѣ слово (Остром. ев. 2); и вы же съвѣдѣтельствоуѥте. ако *исъкони* съ мъною ѥсте (там же, 170); *Искони* бо бѣсъ жену прельсти. си же мужа. тако в си роди много волхвують жены (Лавр. лет. 6579, 180); Въстави дыѧволъ вражду. *искони* ненавидѧи добра роду чл҃вчку. и борѧсѧ с хотѧщими сѧ спсти. (Суздл. лет. 6694, 400); Видѣвъ же диѧволъ и *искони* ненавидѧи добра чл҃вка (Ск. Бор. Гл. 15); Градскыя и торговыя и всякаа мѣрила, спуды, извѣсы, ставила от бога *исконѣ*, како установлено святителю блюсти бес пакости, не умалити, ни умножити (Новг. лет., 479);

(изъ)начала (*изъ начала*, *изначала*, *из начала*) 'сначала', 'сперва', 'первоначально':

Ничесомоу же *изначала* съ Бм҃ь всѣхъ бывъше, ѥльма же вьсе прѣведено отъ нѥго (Изб. Св. 1073, 25); аще хощеши послушати да ска(жю) ти *из начала*. чьсо ради сниде Бъ҃ на землю (Лавр. лет. 6494, 87); ибо Жидовьскии ро҃ѧ в мори очистима от Еюпетьскаго злаго нрава. понеже вода *изначала* бы првое (Лавр. лет. 6494, 105); Новгородци бо *изначала* ѧ Смолнѧне. и Кыѧне. ѧ всѧ власти. ѥко на домоу на вѣча сходѧтсѧ (Суздл. лет. 6684, 377);

(изъ)вѣка (*изъ вѣка*, *из вѣка*), *(изъ)стари* (*исъстари*, *исстари*, *исстарь*, *истарь*), *(изъ)старины* (*изъстарины*) 'издревле', 'издавна', 'с давних времен', 'с самого начала': А мыта не҃ примышлѧти. но как *из вѣка* пошло (Юж. грам. 7); Оже купилъ панъ Вѧтславъ Дмитровскии дворище и съ землею ѥко *из вѣка* слушано (Грам. 1351 — Срезн.); Где что ни есть *истарь*[34] потягло по тои (Дв. грам. 19); Что ни есть и тои деревни *истарь* (там же); Пожаловалъ есми игумена съ братиью Толсково деревнею Куколцинымъ, и съ лѣсомъ и съ пожнями, куды топоръ ходилъ, куды коса ходила, съ пошлою землею, что къ неи *изъ старины* тянуло (Жал. гр. Толг. мон. 1400 — Срезн.); Что къ

---

[33] В наречии *исподѣ* конечный *ѣ* вместо *и*, очевидно, под влиянием твердой основы *под*(ъ). Не исключена также возможность, что мы имеем здесь бывший местный падеж: в старых памятниках *исподъ* встречается не только как наречное образование, но и как существительное. Ср. *Весь црквныи исподъ* (Срезн.).

[34] См. замечание о наречии *изручь* на стр. 479. Форма *исстари* в исследованных нами памятниках не встретилась, но и в более поздних она наблюдается очень часто.

тои деревни и къ тѣмъ пустошемъ потягло *изъ старины* (Жал. гр. Соф. Вит. Ферап. мон. 1408 — Срезн.);

(изъ)незапа (изънезапа, изнезапа, изнезапы) 'внезапно' 'неожиданно', 'вдруг': Михалку не доѣхавше Володимерѧ за .е. верстъ. срѣте и Мстиславъ с своею дружиною *изънезапа* (Сузд. лет. 6684, 376); ѩда поиду *изънезапа* ратью на на (там же, 6683, 372); И выступи полкъ из загорыѧ. вси во бронѧхъ. ꙗко во всѧкомь леду и оудари на нихъ. *изнезапа* и подъꙗша. стѧгъ (Ипат. лет. 6684, 601); Володарь же оувѣдавъ. оже идуть противу ему. не да съвъкупитисѧ. и вдари на ни *изнезапы*. и много ихъ изби а инѣхъ руками изоимаша (там же, 6675, 526);

(изъ)полоу (исъ полоу, ис полоу, исполоу) 'наполовину', 'с половины'. *Ис полоу*[35] горѧщи... дроугыи же полъ ѩ не горя прѣбываше (Ник. Панд. 32 — Срезн.); Да не оубо *ис полоу* Гра знаимъ (там же); ср. также: И мнѣ мнится окаянному, яко *ис полу* есмь чернецъ (Посл. Ив. IV Кир.-Бел мон. 1574);

(изъ)ручь (изъручь, изручь, издручь) 'рукопашно', 'вручную', 'из рук': *Издроучь* поразивыи (Ефр. Крм. Вас. 8 — Срезн.); Сѣкшимь имь весь днь *изручь* (Жит. Ал. Мак. — Срезн.); Она же держаста гнѣвъ. про зажьженье первое. одва посласта. занеже острогъ проломити хотѧхоу. *изроучь* бодѧхоусѧ (Ипат. лет. 6759, 811). Ср. позднее: Наука, как ѩдра дѣлать огненые и *изручь* бросати въ преступные люди (Воинск. кн. XVII в.);

(изъ)ряди (изъ рѧди, изрѧдь, изрядь) 'очень', 'особенно', 'из ряда вон': Милостивъ *изрядь* (Жит. Ниф. XIII в. 62 — Срезн.); Нъ плачютьсѧ члвци. дьни мъногы *изрѧдь* оумирающихъ дѣлѧ рабъ и тьщеты имѣниꙗ (Златостр.); Частяаше *изрядь* паче къ Иоанноу и къ Маркианоу (Мин. чет. 147 — Срезн.);

(изъ)оутра (из оутра, изоутра) 'рано', 'поутру', 'с утра': и вьси людиѥ *изоутра* прихожаху къ немоу (Остром. ев. 120); *Из оутра* (Юрьев. ев. 1119 — Срезн.); Подобно ѥсть цртво нбное члку домовиту, иже изиде *изоутра* наимова дѣлателѧ (Рук. Син. биб. — Дюв.)[36].

А. Х. Востоков считает наречием сочетание *изъ нощи*. Так, в своем «Словаре церковно-славянского языка» он помечает: «*Изнощи* нар. ночью, в ночи», и приводит примеры: изношти ютрьнюетъ дхъ мои къ тебѣ (Пс. толк. XI в.); въстанѣ изнощи (Парем. 1271 г.)». Он также относит к наречиям выражения: *изъ отрочины* ('с малолетства'), *изъ*

---

[35] Как наречие рассматривает это слово и А. Дорич.

[36] А. Дювернуа (Материалы для словаря древнерусского языка, 1894, стр. 69) считает *изутра* наречием и сравнивает его с лат. mane, что значит 'утром', 'рано'.

дѣтьска ('с младенчества') и пишет их слитно: *изъотрочины*, *изъдѣтьска*[37], А. Х. Востоков приводит также редкий пример наречия *издола*: *отърѣзанномъ издола исеемъ* (Изб. Св. 1073)[38].

2. Наречия, происшедшие от существительных в форме родительного падежа с предлогом *съ*: *(съ)вьрхоу*, *(съ)низоу*, *(съ)долоу*[39], *(съ)зада*, *(съ)переди*, *(съ)переда*, *(съ)горы*, *(съ)начала*, *(съ)оутра*, *(съ)заоутрия*, *(съ)рядоу*, *(съ)полоу*, *(съ)поди*[40] и др.

Наречия *(съ)вьрхоу*, *(съ)низоу*, *(съ)зада*, *(съ)переда*, *(съ)рядоу*, *(съ)полоу* возникли из существительных мужского рода *вьрхъ*, *низъ*, *передъ*, *задъ*, *рядъ*, *полъ* в форме родительного падежа единственного числа в соединении с предлогом *съ*.

Наречия *(съ)зади*, *(съ)переди*, *(съ)поди*, восходят к существительным женского рода *задь*, *передь*, *подь*, с формами родительного падежа единственного числа которых слился предлог *съ*.

Наречия *(съ)начала*, *(съ)оутра*, *(съ)заоутрия* включают в свой состав формы родит. падежа существительных среднего рода и предлог *съ*[41].

Примеры употребления данных наречий в древних памятниках:

Имѣник бо свѣта сего рѣцѣ подобьно ѥсть. соуда. отъидеть вънизъ и пакы *съвьрхоу* приходить (Сб. Св. 1076, 16[об]); погорѣ бо мало не весь городъ. И зборна҃ а цркы. . . и та загорѣсѧ *сверху* (Сузд. лет. 6693, 392); все то потре каменье *сверху* пада҃ а. и столы и скамьи (там же, 6738, 454); Приступльши *съ зади*. коснусѧ въ скрилии ризы его (Остром. ев. 100); Пришьдъши в народѣ *съ зади*[42] прикоснусѧ ризѣ ѥго (там же, 243[об]); Не дъвѣма бо дьсятьма, ни сътоу чл҃къ *съ зада* и *съ пр҃ди*[43] идоущемъ ѥго (Златостр.) Меньшыи ихъ братъ заѣде *созади* Амира царя и удари его межь плечь, и долу его съ коня сверже, и ухвативъ же его за власы и примча его ко братии своеи (Девг. д. 153); И посрѣдѣ пр҃стола и окр҃стъ пр҃стола .д. животна исплнь очесь *спереди* и *сзади* (Апок. 25—26, XII—XIII вв. — ДС); И видѣхъ въ десници. сѣдѧи на пр҃столѣ. книгы исписаны. . . *спереди* и *сзади*

---

[37] То же самое наблюдаем и в «Словаре древнего славянского языка» А. В. Старчевского; причем, если у А. Х. Востокова перед словами *изъотрочины*, *изъдѣтьска* дается пометка «в виде неречия», то у А. В. Старчевского они уже безоговорочно названы наречиями.

[38] Нам подобные наречия, кроме одного указанного случая в Изборнике Святослава (1073 г.), нигде не встретились.

[39] Как наречие отмечено также в Словаре Ф. Миклошича.

[40] В наречии *споди* приставка *с*, по-видимому, сокращение приставки *исъ*. Встретилось только один раз.

[41] Наречия *(съ)начала*, *(съ)заоутрия* имеют двойные предлоги-префиксы: *съна-чала*, *съза-оутрия*.

[42] В Евангелиях XIII в. старославянизм *съваждa*: пришьдъди въ народѣ *съваждa*. В списках XVI в. встречается и руссифицированная форма: *съважа*.

[43] Неполногласная старославянская форма.

(там же, 27[06]); прѣимъшемъ истѣсемъ съгоры[44] сѣмѧ (Изб. Св. 1073, 74); Ни постель испода, ни покровъ *съ горы* (Жит. Ник. 40 — Срезн.); *Съ горы* и до дола (Жит. Ниф. XIII в. 34 — Срезн.); Земля *съ года*[45] напаѧѥма чисто въсѣѧною въ ню сѣмя съ прибыткъмъ възвращаѥть (Панд. Ант. XII в. 147 — Срезн.); *Съ рѧду* (*-тотчас*) повѣдати о вышшихъ чюдесехъ (Жит. Еут. 86 — Срезн.); Да не обрѧщемъсѧ ѥго *съ полоу* хранѧще (Жит. Феод. Студ. 106 — Срезн.); Мряху бо *сполу* на борзѣ и рѣдкии отъ нихъ осташася живи (Пск. 1 лет. 6860 — Срезн.); Посадники же Псковския за все *сполу*... дали на вечь 130 рублевъ (там же, 6876); *Споди* же подъ распятиемъ, идѣже есть глава, тако же призданo есть яко церквица мала и красно исписана есть твердо (Дан. иг. 16); горе въстающи *съоутра* ква͡гонѧщи и жо͡ущимъ вѣра с гусльми и с со͡пѣми и бубны играние (Сл. и поуч. против языч. 194 — ДС); и ре͡ имъ аще кто не приступить *с оутра*. предатисѧ имамъ Печенѣгомъ (Лавр. лет. 6476, 66); *съ заоутрыа* сѣде в не͡ (в Переяславле). а до обѣда выгна и Гюрги. приѣхавъ с полко͡ на нь (Сузд. лет. 6640, 301); *Съ зарания* въ пятницу потопташа поганыя плъкы половецкыя (Слово, 13); Си ночь *съ вечера* (*-когда?*) одѣвахуть мя, рече, чрѣною паполомою на кровати тисовѣ (там же, 19); Того же лѣта съгорѣ церкы от грома святого Луки въ Людинѣ конци июня въ 10, *съ вечера* (Новг. лет. 6742, 73); звѣзда превелика луче имущи акы кровавы. восходѧщи *с вечера* по заходѣ солнечнѣмь (Лавр. лет. 6573, 164).

3. Наречия, происшедшие из сочетания предлога *отъ* с существительными мужского и женского рода в форме родительного падежа единственного числа: *(отъ)вьрхоу*, *(отъ)низоу*, *(отъ)вѣка*, *(отъ)вечера*, *(отъ)горы*, *(отъ)срѣды*[46], *(отъ)части*, *(отъ)лани*[47] и др.

Примеры: Ти дають Двину свободну *от вьрху* и до низоу въ мъре (Смол. грам. 1229); Сут' же инии стлъпове мнози по граду стоятъ от камени мраморе, много на нихъ писание *отъ връха* и до долоу писано рытию великою (Хожд. Стеф. Новг. 51 — ДС); *От части* приобрѣте (Златостр. 55); И видѣ же ины ограды. ѥже бѧхоу обросли *отъ горы*[48] до долоу. плоды добровольныими и красныими (Изб. Св. 1076, 269[6]);

---

[44] *(Съ)горы* 'сверху'. Как наречие отмечено также в Словарях А. Х. Востокова и А. В. Старчевского.

[45] *(Съ)года* 'во-время', 'в пору', как наречие отмечено в Словаре Х. В. Востокова.

[46] Наречие *(отъ)срѣды* отмечено также в Словаре А. В. Старчевского.

[47] Наречие *(отъ)лани* приводится в Словаре А. Х. Востокова. Нам эти наречия не встретились.

[48] А. Дорич приводит *(отъ) горы* в качестве наречия в примере, взятом из Зограф. ев.: видѣти юношѧ... облѣчена въ котыгу льнѣну раздърану *отъ горы* до долоу (ук. соч., стр. 158).

В се же врема приде Бонякъ с Половци г Кыеву. В нелю *от вечера* (Лавр. лет. 6604, 231);

(отъ) вѣка (отъ вѣка, от вѣка) 'некогда', 'издавна', 'с незапамятных времен': *Отъ вѣка* нѣсть слышано. ꙗко отвьрьзе както очи слѣпорожденоу (Остром. ев. 40); Благодатьнаꙗ. *от вѣка* нѣсть свѣта видѣли да не можемъ възьрѣти. горѣ (Хожд. Бог. 23 — 24); ꙗко бо *от вѣка* видѣхомь свѣта. и дн҃ь видимъ свѣть тебе ради Бце. (там же, 27); даруи ми даръ его же дарова *отъ вѣка* угодникомъ (Чт. Бор. Гл. 5); и тамо пришьдъшю како бы въ уготовано прити и црьство же бжи и *отъ вѣка* (Сб. Св. 1076, 18[a]); И потомъ сведеть ю въ пропасть, идѣже затворены суть душа грѣшныхъ *отъ вѣка* (Кир. Тур., 97); Буди, господи боже милостивыи человѣколюбче, въ ономь вѣцѣ стати со всѣми угодившими ти *от вѣка*, иже кровь свою прольяша за святую Софью, животъ свои отдавше честно (Новг. лет. 6676, 87); А суженого не посужати, суженое, положеное, даное, поручное, холопу, робѣ судъ *отъ вѣка* (Дог. грам. 1368, 48); холопа, робу, должника, поручьника, татя, разбоиника, душогубца, рубежьника выдати по исправе *отъ вѣка* (Дог. грам. 1402, 67).

4. Наречия, происшедшие от родительного падежа существительных в сочетании с предлогом *до*: *(до) вьрхоу, (до) низоу, (до) долоу, (до) горы*[49] *(до) вѣка, (до) года, (до) коньца, (до) сыти, (до) оутра*[50] и др.

Наречия *(до) вьрхоу, (до) низоу, (до) долоу, (до)вѣка, (до) коньца* состоят из предлога *до* и существительных мужского рода *вьрхъ, низъ, долъ, вѣкъ, коньць* в форме родительного падежа единственого числа.

Наречия *(до) горы, (до) сыти* восходят к форме родительного падежа единственного числа существительных женского рода *гора (верх)* и *сыть* (основа на *i*) в сочетании с предлогом *до*.

Примеры из памятников: и рѣ ста си *до вьрха* суть вьвьржени въ пламени огньныи. которыи соуть ее (Хожд. Бог. 22); и не *до вьрха* плода творать. а иже на земли добрѣ (Остром. ев. 95); Гла имъ Ис. напълните водоносы воды. и напълнишꙗ *до вьрха*[51] (Остром. ев. 12); И тако беспрестани по вся дни влачаше, и наполни *до вьрха* (Новг. лет. 6738, 70); И видѣ ины сады иже бахоу от горы *до долоу*[52] обросли плоды добровольными (Жит. Ниф. 1219, 282 — ДС); тогда Ефимьянъ въскочивъ с престола скоро и раздравъ ризы своя от горы и *до долу* и сѣдины своя терзаше (Жит. Ал.); Опона црьковьнаꙗ раздьрася

[49] *(До) горы* как наречие отмечает Ф. Миклошич в работе «Slavisches etimologisches Wörterbuch», Bd. I, 1924.

[50] С. К. Булич приводит как пример наречия времени выражение *до утра* (см. его «Синтаксис русского языка», стр. 272).

[51] Как наречие отмечено также у А. Дорича.

[52] *До долоу, до низоу* отмечены как наречия еще у И. Добровского. К наречиям относит указанные слова и А. Дорич, только видит в них не родительный, а дательный падеж.

на дъвоѥ отъ горы доже *до дола* (Юрьев. ев. 148 — Срезн.); Ти дають Двиноу свободноу от върхоу *до низоу* въ мъре (Смол. грам. 1229); а по томъ не надобѣ въступатися дѣтемъ моимъ, ни внучатомъ, ни всему роду моему *до вѣка (-никогда)* въ люди церковныя, ни въ вси суды ихъ (Новг. лет. стр. 480); аж бы миро былъ и *дъ вѣка (всегда, вечно)* (Смол. грам. 1229); А быша ся правда дьржати *до века* (там же); и тобѣ дамъ землю ту и сѣмени твоему *до вѣка* и азъ буду съ тобою (Дан. иг. 35); Давати цареви по 2000 гривенъ сребра *до года (-ежегодно)* (Ипат. лет. 6698, 668); Прохоръ... собираеть же лободоу и роукама стираше, творяше хлѣбы, и симъ питашеся и се готовляше *до года*, и тако весь животъ свои пребываше безъ хлѣба (Полик. посл. — Срезн.); *До года* чаще выступает как составная часть наречных выражений: отъ года до года, отъ года и до года, годъ до года и т. п.: Пребысть имѣ оуже на собѣ *от года и до года* и боле (Жит. Сим. ст. XIII в. 2 — Срезн.); Тако же чтуща днии... творять *отъ года до года* (Георг. Ам, 138 — Срезн.); Уладися Ростислав съ Андрѣемь о Новъгородъ, и вывѣдоста Мьстислава, Гюргевъ вънукъ, седевъшю ему *годъ до года* без недѣлѣ (Новг. лет. 6669, 31).

Довольно часты в старых памятниках наречия *(до) коньца*, *(до) сыти*. Первое из них означает 'совсем', 'совершенно', 'окончательно', второе — 'достаточно', 'вдоволь', 'с излишком', 'досыта'.

Примеры: *(до) коньца (до коньцѧ, до конца)*[53]; Да не *до коньца* приходащи. застоить мене (Остром. ев. 114); темь же и им же *до коньца* отълучитьсѧ прѣльсть (Изб. Св. 1073, 155); и лазорь тамо *до коньцѧ* оутѣшаѥтьсѧ съ авраамъмь (Сб. Св. 1076, 126); ти идеть тамо *до коньцѧ* осоуженъ (там же, 130[6]); и порѣжете лозы не *до коньца* въздрастъша. а плодъ имоуща (Ск. Бор. Гл. 21); милосердыи господь посла милость свою въскорѣ, не хотя смерти грѣшнику *до конца* (Новг. лет. 6776, 87); не попусти богъ *до конца* диаволу порадоватися, нь възвеличано бысть крестияньство в род и род (там же, 6867, 366); того Иерихона Иисусъ Навгинъ взялъ и разорилъ *до конца* (Дан. иг. 24); И побѣди Иисусъ *до конца* и тогда солнце заиде (там же,25);

(до) сыти (до сыти, досыти, досыть): И не ту бы того *до сыти* зла, но приде Изяславъ с погаными Половци в силѣ тяжцѣ и Михаило с черниговци подъ Кыевъ, и взяша Кыевъ (Новг. лет. 6743, 74): И не *досыти* бы зла, нъ еще боле того: възмятеся всь городъ, и поидоша съ вѣца въ оружии на тысячьского Вяцеслава (там же, 6736, 67): Не дають имъ *до сыти* пасти (Златостр.); и *до сыти* ми пересердиѥ оучинила еста н^{и}ы же всего того не поминаю (Ипат. лет. 6656, 366); А што ѥсмы казалъ сѣна насѣчи *досыть*. и на твои приздъ. и на стадо твоѥ. то на буцеви. насѣчено ѥго *досыть* за ·д̄· гривны (Юж. грам. 18, 1386).

[53] Наречием также считают и пишут слитно *доконьца* А. Х. Востоков и А. В. Старчевский.

В наречиях *(до) нынѣ, (до) дьньсь* предлог *до* присоединился тогда, когда *нынѣ* и *дьньсь* были уже морфологическими наречиями, поэтому он не повлиял на звуковое оформление данных слов.

Примеры: Се же и *до нынѣ* островъ тъ зовомъ ѥсть болгаровъ (Жит. Феод. 54); И бысть манастырь славьнъ: иже и *до нынѣ* ѥсть (там же); Есть знати гдѣ же была баня та *до днесь* (Дан. иг. 14); и есть кладязетъ и *до днесь* подъ горою тою у пути близь (там же, 34); И бывають ту, на мѣстѣ томъ у креста того знамения велика и чюдеса и *до нынѣ* (там же, 6).

5. Наречия, происшедшие от существительных в форме родительного падежа един. числа с предлогом *безъ: (безъ)прѣстани, (безъ)вѣсти*, (ж. р.); *(безъ)запа, (безъ)года, (безъ)коньца, (безъ)оума, (безъ)ряду* (м. р.); *(безъ)числа* (ср. р.) и др.;

(безъ)прѣстани (бес прѣстани, бес престани, бес перестани, бесприѣстани, беспрестани, бесперестани)[54] 'беспрерывно', 'постоянно': Много ти трѣбе и исповѣдание, сльзы горькы, крѣпок бъдениѥ, *беспрестани алъчьба* (Изб. Св. 1073, 96); *Молѧшасѧ бес престани*, призывающа стаа стпца, иже не презрѣста ю, нъ спсающа и заступающа и пособьствующа бысьа има (Чт. Бор. Гл. 26); Милостыню же *бес престани* творите, та бо омоваеть вся прегрѣшения отъ нас и небесная врата отверзаеть (Кир. Тур. 88); аще инѣ млтвъ не оумѣете молвити. а Гі помилуи зовѣте *бес престани* втаинѣ (Лавр. лет. 6604, 245); Володимеру же шедшю Новугороду. по верховьниѣ воѣ на Печенѣгы. бѣ бо рать велика бес *перестани* (там же 6505, 127); Отвѣщавше же дружина рекоша Володимеру. кнѧже нѣту ти в томъ грѣха. да они всегда к тобѣ ходяче ротѣ губѧть землю Русьскую. и кровь хрьнску проливають бесперестани (Лавр. лет. 6603, 227); И тако *беспрестани* по вся дни влачаше, и наполни до вьрха, иже бысть в неи числомь 3000 и 30 (Новг. лет. 6738, 70); И монастыреве велицы поставлени быша, и черноризец в нихъ исполнено бысть, *беспрестани* славяще бога в молитвахъ, въ бдѣнии, в постѣ и в слезахъ, ихъ же ради молитвъ миръ стоитъ (Новг. лет. 103); Виситъ же въ гробѣ Господни 5 кандилъ великихъ съ масломъ и горятъ *беспрестани* кандила свята день и нощь (Дан. иг. 9—10).

Наряду с наречием *беспрѣстани* в древних памятниках встречается наречие *непрѣстаньно* с тем же значением: *непрѣстаньно* Гоу о насъ молисѧ (Мин. 1097, 156—Срезн.); Млтвоу дѣати о всѣхъ *непрѣстанно* (Панд. Ант. XI в. 249—Срезн.).

Поэтому первое наречие с предлогом-префиксом *безъ*, сохраняющим в некоторой степени значение «предметности», вытесняется последним,

[54] Неполногласная форма *(беспрѣстани)* заимствована из старославянского языка, полногласная *(бесперестани)* — восточнославянского происхождения; первая употребляется как в церковных, так и в светских памятниках, вторая только в светских.

в большей степени выражающим качественную характеристику действия. Впоследствии появляется дублетная форма, образованная, как и последняя, от качественного прилагательного *престанныи* с предлогом *безъ*. Обе эти формы (*непрестанно* и *беспрестанно*) бытуют в русском языке и теперь, имея различную стилистическую окраску.

(безъ)запа (без заапа, безъ запа) 'нечаянно', 'неожиданно', 'внезапно': *Безъ заапа* будеть премъ (Жит. Андр. Юр. 34 — Срезн.); *Безъ запа* вшедъ (там же); Дивно се бѣаше Епифану видящу *бе-запа* преложена языка хлапа (там же, 12, 61); *Безъ запа* текши птица (Александр. — ДС).

(безъ)коньца (бес коньца, бес конца) 'бесконечно', 'беспредельно': тъжде грѣхъ съгрѣшивыи, тъжде соудъ подъиметь, нъ овъ кротъчаи, овъ же зѣло опытьнѣи, овъ же зѣло *бес коньца*, овъ же правьдьнѣ (Сб. Св. 1073, 143); зане радость имоу и вѣньць и покои *бес коньца* боудеть (Сб. Св. 1076, 246); и вѣньци мнози правьдьнимъ. вѣчьни крови жизнь *бес коньца*. радость неизглана. отъ ота и сна и стго дха (тем же, 108);

(безъ) врѣмене (без врѣмене, безъ времене, безврѣменьне)[55]: 'несвоевременно', 'не во-время', 'некстати', 'не в надлежащее время': исходить же и стыи дхъ *безврѣменьнѣ* и бесплътьнѣ (Изб. Св. 1073, 50); очима вредъ пища творить. тако и старость *безъ врѣмене* (-преждевременно) приводить (Сб. Св. 1076, 238[6]); и зъло *без врѣмене* пожьнкние (Григ. Наз. XI в. 306 — Срезн.); аще вса та похотѣниа дѣяти будеть *безъ времене* и безъ мѣры. то грѣхъ будеть въ дши. а недугъ в телеси (Сл. и поуч. языч. 137 — ДС);

(безъ) вѣсти (безъ вѣсти, без вѣсти, безвѣсти) 'неизвестно', 'бесследно', 'тайно': кгда ли пакы въстанетъ (спи) то та т'ма в' ню же мьжааше, *безвѣсти* погыбнетъ. (Ио. экз. Шест. 21 — Срезн.); Мьстиславу сѣдящю на обѣдѣ. приде кму вѣсть, яко Олегъ на Клязмѣ. близь бо бѣ пришелъ *безъ вѣсти* (Лавр. лет. 6604, 239); а наѣхаша (Чюдь) на товары *безъ вѣсти*, новъгородци же побегоша съ вѣча въ товары, и поимавше оружие и выбиша е ис товаръ (Новг. лет. 6725, 57); а инѣи погорѣлѣ без останка, а инии истоплѣ *безъ вѣсти*, поплылѣ внизъ по Тфѣрци (там же, 6880, 372); а иныхъ *без вѣсти* не бысть (там же, 6776, 86);

(безъ) оума (безъ оума, безо оума, без оума)[56] 'напрасно', 'попусту', 'беспричинно', 'без основания': аште многашьды приималъ кси нечистоты тоя, то чьто са троудиши *безоума* (Изб. Св. 1073, 74); аще не гь съзиждеть домоу. то *безоума* са троудиша зиждюштеи (там же, 86); Не томиса гнѣвъмь. не быти дьржимоу похотьу: не *без оума* гнѣватиса на ближьнаго (Сб. Св. 1076, 105); *Без оума* ся кси отъвьрьглъ (Пат.

---

[55] Как наречие отмечено также в Словаре А. В. Старчевского.

[56] Как наречие отмечено также в словарях А. Х. Востокова и А. В. Старчевского. См. также Н. Некрасов. Очерк сравнительного учения о звуках и формах древнего церковнославянского языка. СПб., 1889, стр. 225.

Син. XI в. 289 — Срезн.); *Безо ума* скрыша мне пагоубоу (Псалт. XII в. — Срезн.); Корить *безъ оума* (Златостр.); хощеши ли сѧ власти не боꙗти. злаго не твори и похвалить тѧ. аще ли зло творишь боисѧ. не бо *безъ ума* мечь носить (Лавр. лет. 6714, 422);

(безъ) года (безъ года, без года) [57] 'не вовремя', 'безвременно', 'безмерно': боуде ли ѥмоу часъ доспѣлъ. или *безъ года* ѥ пострадалъ (Изб. Св. 1073, 116); Не пии *безъ года*, но здоволъ, а не до пианьства (Лук. Жид. — Срезн.); Ходящю ему *без года* по обычаю (Жит. Андр. 71 — Срезн); Узрѣвъ полаты высоки и церкви издобрены *без года* камениемъ и древомъ (Ио. экз. Шест. — Срезн.);

(безъ) числа (безъ числа, без числа, безчисла, бесчисла, бещисла) 'бессчетное множество', 'много', 'неисчислимо'; встречается только в оригинальных памятниках, причем чаще в искаженной форме *бещисла*, что указывает на высокую степень адвербиализации данной предложно-падежной конструкции.

Примеры: наутриа же изиде Володимеръ с попы прицыны. и с Корсуньскыми на Дънѣпръ. и снидесѧ *бе-щисла* людии (Лавр. лет. 6496, 117); Възьвратисѧ вспѧть Чернигову. поимавъ имѣнье Ꙗрославле *бещисла* (Суздл. лет. 6683, 366); Звѣрь многъ ту и свинии дикии *бещисла* много, и пардуси мнози, ту суть львове же (Дан. иг. 23); видѣхомъ... множьство народа *безчисла* тогда пришедше къ водѣ (там же); всю нощь ту пѣние бываетъ изрядно и свѣщь *безчисла* горящихъ и въ полунощи бываеть крещение водѣ (там же, 23—24); и древеса много овощнаа стоять *бесчисла* (там же, 35); градотъ Самария стоить межи двѣма горама высокима, источници воднии мнози студени посредѣ града того текуть красно и древеса овощная *безъ числа* ту суть всяка (там же, 46).

Особенно часто наречие *бещисла* встречается в Новгородской 1 летописи: Тъгда даша посадьницьство Твьрдиславу Михалковицю, и даша дъщкы Дмитровы Святославу, а бяше на нихъ *бещисла* (Новг. лет. 6717, 51); и поточи я князь къ отцю, а на инѣхъ серебро поимаша *бещисла* (там же); а скровища ихъ изискаша и поимаша *бещисла* (там же); Костянтинъ же одари честью князи и новгородьци *бещисла* (там же, 6724, 56); и товаръ поима *бещисла*, и опять пусти (там же, 6725, 57); Приде князь Всѣволодъ в Новъгородъ, и владыка и вси мужи одарени *бещисла* (там же, 6730, 60); и Михаило створивъ прелесть на Данилѣ и много би галичанъ и *бещисла*, Данило же едва уиде (там же, 6743, 74); В то лѣто придоша иноплеменьници, глаголемии Татарове, на землю Рязаньскую, множьство *бещисла*, акы пруси (там же 6746, 74); см. также *бещисла* на стр. 40, 52, 57, 63, 64, 65, 77, 78, 83, 86, 88.

(безъ) рядоу (безъ рядоу, без рядоу, безрядоу) 'беспорядочно', 'вне порядка', 'некстати', 'несвоевременно': они же воевавше тамо и легоша на ночь. а ко рати своеи не шедше и бе сторожѣ и доспѣхы своѣ со-

[57] Как наречие отмечено также у А. Х. Востокова.

имавше. тогда же оутече от нихъ бѣглѣчь единъ до города. и нача повѣдати горожаномъ тако: онамо людье лежать на селѣ *безъ рѧдоу* (Ипат. лет. 6785, 877); *Безъряду* имати мысль сию (Пат. Син. XI в. — Срезн.).

Следует отметить, что не все из приведенных образований имеют одинаковую степень адвербиальности. Одни из них являются более или менее законченными наречиями, другие находятся на различных ступенях онаречивания, начиная с еле заметного (зачаточного) заглушения субстантивного значения предложной формы имени существительного и кончая почти полной завершенностью этого процесса. Поэтому некоторые из них к категории наречия безоговорочно отнести нельзя. Так, например, бесспорными наречиями можно считать такие формы, как *(изъ)кони*, *(изъ)поди*, *(изъ)вьноу*, *(изъ)стари*, *(съ)переди*, *(съ)зади*, *(безъ)прѣстани*, *(съ)вьрхоу*, *(до)сыти*, *(изъ)ручь* и т. п., в которых значение предметности утрачено, а предлоги и падежные флексии выполняют роль наречных аффиксов, в связи с чем при указанных словах и невозможны какие бы то ни было определения.

Слияние предлога и имени в одно целое неизменяемое слово произошло в результате нового, ставшего господствующим, обстоятельственного значения, полученного в речи данными предложно-падежными конструкциями: они превратились в качественно-обстоятельственную характеристику действия или состояния, обозначаемого глаголом.

Но такие предложные конструкции, как *(отъ) начала*, *(отъ) вечера*, *(отъ) вѣка*, *(изъ) оутра*, *(изъ) начала*, *(изъ) старины*, *(съ) оутра*, *(съ) вечера*, *(съ) зарания*, *(до) вѣка*, *(до) коньца*, *(безъ) коньца*, *(безъ) вѣсти*, *(безъ) оума* и т. п., еще не утратили грамматической и лексической связи со своими исходными формами и сохраняют в какой-то мере значение предлогов и падежных форм существительных, от которых они происходят. Поэтому подобные сочетания, в которых прежнее значение предлога и падежной формы не совсем разрушено, и внешне ничто не изменилось по сравнению с именной предложной конструкцией, представляют собой переходные явления и воспринимаются не как наречия, а как наречные выражения, занимающие различное промежуточное положение между наречиями и именами.

Процессу онаречивания обычно подвергаются предложные формы родительного падежа тех существительных, которые наряду с конкретным значением (как, например, *гора*, *долъ*, обозначающие конкретные предметы, или *вьрхъ*, *низъ*, обозначающие отдельные части предметов) имеют еще значение общих понятий. Сочетаясь с предлогами, указанные формы родительного падежа при определенных синтаксических условиях теряют свое конкретное значение и получают широкий и обобщенный смысл, в результате чего легко превращаются в наречную категорию.

Переход предложно-падежной конструкции в наречие заключается в утрате существительным субстантивности и приобретении им более об-

щего значения, значения отвлеченного признака, а также в потере грамматических значений (рода, числа, падежа) и, следовательно, принадлежности к системе флективных форм. Вследствие указанных причин происходит сращение падежной формы и предлога в одно слово, которое, однако, не составляет простой суммы слагаемых, ибо падежная форма и предлог, слившись, образуют лексически единое целое[58], не распадающееся на форму родительного падежа и предлог, и качественно отличное по значению от предложной конструкции, породившей соответствующее наречие.

Следовательно, в образовании наречия из падежа с предлогом принимают участие оба компонента словообразования, как существительное, так и предлог; отсюда значение наречия определяется не только лексико-грамматическим значением существительного, но и функцией предлога. Предлог, слившись с именной формой в одно слово, превращается в наречный формант и заменяет собой бывшую падежную флексию, значение которой менее конкретно, чем значение предлога.

Однако переход падежной формы в наречие возможен не для каждого предлога. Одни предлоги, как, например, *съ*, *изъ*, в сочетании с адвербиальной формой родительного падежа легко теряют свое лексическое значение и превращаются в словообразовательные элементы наречия (*съвьрхоу*, *съзади*, *изъвъноу*, *изъручь*), другие: *отъ*, *до*, *безъ*, ослабляя в той или иной степени свое прямое значение, не выпадают, однако, «из круга свободных сочетаний предлогов с падежными формами существительного»[59] (*отъ начала*, *до вѣка*, *безъ коньца*); третьи: *ради*, *для*, *черезъ*, *сквозѣ*, *противѣ*, *кромѣ*, при любых условиях сохраняют свое лексическое значение, не допуская наречных образований. Большую степень наречности имеют конструкции с предлогом *съ*, причем не со всяким существительным: если существительное, входящее в данную конструкцию, имеет обобщенное пространственное значение, то оно легко адвербиализуется; формы же с временным значением в сочетании с предлогом *съ* обычно не являются адвербиально продуктивными, и такие выражения, как: *съ вечера*, *съ оутра*, *съ зарания*, *съ заоутрия*, удобнее рассматривать как слова, стоящие на пути превращения в наречия.

Предлог *съ*, выражая пространственно-временные отношения, обозначает направление движения или исходный момент, с которого начинается действие, поэтому при сочетании с формами родительного падежа существительных с широким и общим пространственным значением он легко изменяется в наречный префикс. Предлог *изъ* в древнерусском языке в сочетании с родительным падежом имеет в основном

---

[58] «Предлог, — пишет В. В. Виноградов, — сочетаясь с падежной формой существительного, может слиться с ней в одно слово. Значение предлога как бы всасывается в вещественное значение существительного» (Русский язык, стр. 353).

[59] В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 359.

то же значение, что и предлог *съ*, и выступает как синоним последнего. Ср.: *съподи — исъподи, съполоу — исъполоу, съначала — изъначала* и т. д.

Предлог *до*, означающий предел, границу движения, и *безъ*, имеющий значение лишения, отсутствия, мало дают наречных образований, что объясняется их большей конкретностью. Эти предлоги обычно сохраняют свое прямое значение, которое не способно ослабить предметность существительного и придать ему более широкий смысл, каким отличаются наречные формы. Более адвербиально продуктивны данные предлоги в тех конструкциях, которые выражают не пространственно-временные понятия, а указывают на признак действия или степень его совершения, например: *(до)сыти, (до)сыть, (до)коньца, (безъ)рядоу, (безъ)запа, (безъ)числа, (безъ)прѣстани* и т. д.

Все рассмотренные нами наречия, образованные от родительного падежа имен существительных, можно разделить на две основных семантических группы: обстоятельственные, «обозначающие временные и пространственные обстоятельства, при которых совершается действие» и определительные, «обозначающие качество действия, образ и способ действия или же обозначающие количественные оттенки действия, состояния и качества»[60].

Обстоятельственные наречия времени и места, образованные от родительного падежа имен существительных посредством присоединения к ним предлогов *съ, изъ, отъ*, указывают на начальный момент, исходную точку действия во времени или пространстве и отвечают на вопросы: «с какого времени?», «с каких пор?»: *(изъ)кони, (изъ)начала, (изъ)вѣка, (изъ)оутра, (изъ)старины, (изъ)стари, (съ)оутра, (съ)заоутрия, (съ)вечера, (съ)начала, (отъ)вѣка, (отъ)вечера, (отъ)начала* и т. д. — наречия времени; «откуда?»: *(изъ)вѣноу, (изъ)дѣноу, (изъ)поди, (изъ)оутри, (съ)зади, (съ)переди, (съ)вьрхоу, (отъ)низоу, (отъ) вьрхоу, (отъ)горы, (отъ)долоу* и т. д. — наречия места.

Наречия, образованные посредством предлога *до*, служат для обозначения конечного момента, предела движения во времени или пространстве и отвечают на вопросы: «до какого времени?», «до каких пор?», например: *(до)вѣка, (до)вечера, (до)оутра* и т. д. — наречия времени; «куда?», «докуда?», например: *(до)вьрхоу, (до)горы, (до)долоу, (до)низоу* и т. д. — наречия места.

Наречия, образованные с помощью предлога *отъ*, в древних памятниках весьма редки. Объясняется это тем, что предлог *отъ*, в данном значении (как синоним предлога *съ*) очень рано стал вытесняться предлогом *съ*: *(отъ)вьрхоу— (съ)вьрхоу, (отъ)горы — (съ)горы, (отъ)низоу — (съ)низоу, (отъ)начала — (съ)начала.*

Среди определительных наречий следует выделить:

---

[60] Современный русский язык. Морфология. Изд. МГУ, 1952, стр. 362—363.

1) качественные наречия, обозначающие образ или способ действия и отвечающие на вопросы: «как?» «каким образом?», например: *(съ)рядоу, (съ)полоу, (изъ)ручь, (изъ)незапа, (отъ)части, (безъ)времене, (безъ)вѣсти, (безъ)запа, (безъ)года, (безъ)рядоу, (безъ)оума, (безъ)прѣстани;*

2) количественные наречия, обозначающие предел, высшую степень действия или состояния, и отвечающие на вопросы: «как много?», «до какой степени?», например: *(до)коньца, (до)сыти, (безъ)коньца, (безъ)числа.*

ВИНИТЕЛЬНЫЙ ПАДЕЖ

Винительный падеж, по мнению многих лингвистов, первоначально употреблялся для обозначения страдательного объекта, т. е. указывал на пассивное состояние лица или предмета, и с грамматической точки зрения был всегда прямым дополнением при глаголе[61].

Но это общее положение объекта имело такое множество различных оттенков, «такое разнообразие в употреблении, что самый термин объекта при распространении его на разнообразные случаи употребления винительного расплывается в нечто неопределенное, неуловимое»[62].

Многообразное употребление винительного падежа[63] обусловливалось еще и тем, что число переходных глаголов в глубокой древности было гораздо больше, и переходность сама по себе имела более широкий смысл, поэтому в древнейшую эпоху славянских языков, по-видимому, могли существовать такие выражения, как *иду гору, плыву море, хожу мѣста*, где глаголы *иду, плыву, хожу* имели переходное значение, а существительные с локальным значением — *гору, море, мѣста* — представлялись прямым объектом действия (ср. греч. πλέω θάλασσαν, лат. eo Romam, а также др.-русск. похожю святыя места, иде Новгородъ, т. е. пошел в Новгород).

«Що дали ми заглубляемся в найдавніших забутних индоевропейських языков, — пишет Е. К. Тимченко, — то постерегаемо що-раз ширше вживания акузативу, себ-то закрес діеслів, що з ними сполучається имення в акузативі, в давність що-раз ширшае, як більшае разом з тим і лічба речівникових категорій, здатных до такого сполучения, і різноманітність іменних сполучень»[64].

В дальнейшем с переходом ряда действительных глаголов в средние и развитием косвенных падежей широкое употребление винительного падежа суживается, большая часть его функций вытесняется

---

[61] А. В. Попов. Синтаксические исследования, стр. 13.

[62] Там же, стр. 164.

[63] Это необыкновенное разнообразие в употреблении винительного падежа дало повод некоторым исследователям видеть в нем наиболее древний косвенный падеж, который «некогда был общим косвенным падежом».

[64] Е. К. Тимченко. Акузатив в українській мові. Київ, 1928, стр. 3.

другими падежами — родительным, дательным и особенно местным, от которого винительный падеж функционально почти не отличался.

О былой нерасчлененности функций винительного и местного падежей А. В. Попов пишет следующее: «... значение винительного пространственного обнимало прежде и значение местного и, следовательно, первоначальным пространственным значением винительного не могло быть ни значение на вопрос *куда*, ни значение на вопрос *где*, а соединение того и другого, т. е. безразличие между *куда* и *где*»[65]. Но в процессе развития языка эти первоначально близкие и смешивающиеся между собой падежные формы постепенно получают семантическое и функциональное разграничение, которое постепенно растет, увеличивается и в конце концов приводит к совершенно различным грамматическим категориям.

«Винительный пункта места, — пишет А. В. Попов, — при глаголах движения из неопределенного значения, составляющего нечто среднее между значениями на вопрос *где* и *куда*, развил преимущественно значение на вопрос куда, причем значение на вопрос *где* за немногими случаями перешло на местный падеж[66].

В некоторых случаях винительный падеж перешел в наречие *(и вставъ иде вонъ)* или предлог, если за ним стояло другое существительное в родительном падеже *(сидимъ кругъ стола)*. Многие беспредложные формы винительного падежа заменились предложными, которые, по словам А. И. Соболевского, частично известны были уже в общеиндоевропейскую эпоху. Следовательно, история развития винительного падежа без предлога представляет ряд постепенных вытеснений и ограничений его употребления.

В древнерусском языке имеется группа наречий, восходящих к так называемому независимому винительному падежу[67]. Это был падеж пространственного или временного значения, который не зависел ни от залога, ни от глагола вообще и поэтому мог сочетаться в предложении с любым глаголом-сказуемым.

Судьба винительного независимого падежа места и винительного независимого времени не была одинаковой. Первый, в силу ряда причин, сравнительно рано был вытеснен другими грамматическими категориями. Второй же оказался более устойчивым и сохранил свою независимость вплоть до настоящего времени.

Так, винительный падеж места на вопрос «где?» еще в доисторическую эпоху сменился местным падежом, а винительный на вопрос

---

[65] А. В. Попов. Ук. соч., стр. 17.

[66] Там же.

[67] Ср. А. И. Соболевский: «Независимое употребление винит. падежа восходит к глубине общеиндоевропейского периода, и все индоевр. языки получили из него этот винительный. Он отвечает на вопросы «где?», «куда?», «откуда?» и совпадает по значению со всеми локативными падежами». (Русский исторический синтаксис, стр. 80).

«куда?» стал употребляться только с предлогом, поэтому наречий от беспредложного винительного падежа места в древнерусском языке весьма немного. Сюда можно отнести: *вонъ, близъ(ь), черезъ, середъ(ь), задъ(ь), вьрхъ, низъ, кругъ, коло, сторонь, лиць, искрь, коньць, междоу (межю), прямъ(ь), ниць, утрь(ъ), оусть, прочь, пакъ* и некоторые другие. Почти все они в старых памятниках употребляются также и в функции предлогов *(близъ себѣ, конець поля)*. Такое двоякое употребление их можно объяснить следующим:

В древнюю эпоху славянских языков указанные слова употреблялись лишь как существительные и наречия, но затем в связи с расширением семантики предлогов и ростом предложных конструкций, когда прежняя система предлогов оказалась недостаточной для выражения развивающихся синтаксических категорий и потребовались новые источники ее пополнения, эти слова стали также выступать и в функции предлогов.

Существительные *близъ, низъ, передъ, середъ, кругъ, вьрхъ* и др. обозначали часть предмета или пространства и, находясь в винительном падеже, обычно имели при себе управляемый родительный падеж. Абстрактность такого существительного (оно обозначало *вообще* какую-то часть предмета или пространства и, следовательно, лишено было конкретной предметности; ср., например, *близъ шатра, середъ поля* и т. п.), свободное, вследствие этого, сочетание с любым другим существительным в родительном падеже *(вьрхъ ручья, вьрхъ поля, вьрхъ горы)*, частичная утрата субстантивности — все это приводит к тому, что оно при родительном падеже превращается в наречный предлог.

Таким образом, процесс утраты подобными существительными субстантивности шел в двух направлениях: по пути образования наречий, с одной стороны, и предлогов, с другой.

Приведем несколько примеров из древнерусских памятников, в которых одно и то же слово в зависимости от контекста выступает или как наречие, или как предлог.

Винительный падеж места в роли наречия

вьрхъ (верхъ) 'вверх', 'в вышину': и пожнѧ от Ивановицевъ межи от ивовъго куста. *верхъ* до коньць логу (Дв. грам. 5, XV в.); А рубежъ Щытову сыну, кнѧзю Семену, з братом с Васильемъ, по Ондрѣеву розъѣзду по Горохову, от городка от Щытова по Нарь вверхъ до Усищова двора, по кремичну вверхъ да к Воскресенью, а от Воскресеньа по задней *верхъ* под ѣкимов дворъ, а от ѣкимова двора на верхъ Мочи к Сохинскому рубежу (Дог. грам. 12, 1401); *низъ* 'внизу', 'вниз', 'по направлению к земле': И рече ѥмоу аще сн҃ъ ѳси Бж҃ии. вьрзисѧ *низъ* (Остром. ев. 261 об); ѥлико на земли *низъ* (Исх. 20, 4 — Срезн.); Азъ же възрѣвши *низъ* и видѣхъ (Прол. XIV в. 53 — ДС); Александръ

же, дръжа за руку, приведе и къ дебри и ринувъ его *низъ* (Александр, 30);

передъ (передь, предъ, прѣдъ, прѣдь) 'впереди', 'прежде': посла же пре сна своего Мьстислава Кыеву (Лавр. лет. 6577, 173); и думашеть з дружиною свею о томь. г которы поидемъ *передь* и здумаш пре ити к Переславлю (Суздл. лет. 6677, 358);

близъ (близь) 'близко', 'на небольшом расстоянии', 'около': посълании же приидоша отъ Стопълка на льто ночь и подъстоупиша *близъ* и слышаша гласъ блаженааго страстотьрпьца поюща псалтырь (Ск. Бор. Гл. 16); И отътолѣ начаша не съмѣти *близъ* приступати. нъ съ страхомь поклонѧахоуса (там же, 29); іако придоста *близь* видѣста свѣщѣ многы надъ печерою (Лавр. лет., 6599, 211); Мстиславу сѣдашю на обѣдѣ. приде ѥму вѣсть ѩко Олегъ на Клязмѣ. *близь* бо бѣ пришелъ без вѣсти (там же, 6604, 234); и тако сташа *близъ* противу собѣ, ожидающе свѣта (Новг. лет., 6776, 87); и стоя *близъ* не весь день (там же, 6649, 26); и приѣхаша *близь* к воротоу и начаша Татарове молвити. знаете ли кнѧжича вашего. Володимера (Суздл. лет., 6745, 461); см. также на стр. 372, 442, 483, 516; Оттуду на востокъ лиць *близъ* суть ворота гораднаа, тѣми вороты исходятъ къ Гепсимании (Дан. иг. 15); И ту есть *близь* на горѣ село велико вельми и сѣдятъ въ немъ Срацини мнози (Дан. иг., 39); см. там же употребление наречия *близь*: стр. 4, 7, 12 (3 случая), 14 (3), 15, 20, 21 (5), 23, 26, 29, 34, 35, 36 (2), 38, 39, 57 (2);

вънъ (вонъ) 'прочь', 'наружу', 'за пределы': И имъше и. извлѣкошѧ и *вънъ* из винограда и оубишѧ (Остром. ев., 79); отпусти ѩ *вънъ* вьсѧ, ни кдиногоже оу себе оставивъ (Жит. Феод., 92); и пакы боѩзни въ любъви нѣсть съвьршенаѩ. любы *вънъ* измещеть страхъ (Ск. Бор. Гл., 14); А которыи будутъ покупили, а тѣмъ лѣзти *вонъ* (Дог. грам., 11, 1392); Выведоша новгородьци изъ Пльскова Ярослава Ярославича и посадиша его на столѣ, а Василья выгнаша *вонъ* (Новг. лет., 6763, 80); Чюдь же побѣгоша сами *вонъ*, и исѣкоша ихъ, а товаръ новгородци князю Дмитрию всь даша (там же, 6776, 86); и лѣзѣ *вонъ*, а Двдъ с Василкоу сѣдоста (Лавр. лет., 6605, 259); и повелѣ слузѣ своему ити *вонъ* (там же, 266); кнзь съ кнѧгинею очютивъ огнь изиде *вонъ* (Суздл. лет., 6806, 484);

противъ (вин. п. м. р.), *противу* (вин. п. ж. р.)[68] 'напротив', 'навстречу'. По вопросу происхождения и падежной формы последнего слова среди ученых нет единства, одни видят в *противу* дательный падеж, другие винительный, а третьи — местный. В древнерусских памятниках, особенно в летописях, наблюдается масса случаев употребления наречия *противу*.

---

[68] В старославянском языке *противѫ*.

Татарове же *противъ* пустиша (Суздл. лет. Пр. 516); и не може прополкъ стати *противу*. и затворисѧ Киевѣ с людми своими и съ Блудомъ (Лавр. лет. 6498, 76); Всеслав же поиде *противу* (там же, 6577, 173); рече же Олегъ к Борисови. не ходивѣ *противу*. не можевѣ стати противу четыремъ кнѧземъ (там же, 6586, 201);

ниць 'навзничь', 'вниз лицом', 'распростершись на земле': И паде *ниць* на ногоу ѥго (Остром. ев. 109); и прѣшьдъ мало паде *ниць* (там же, 159 [06]); И падъ *ниць* просѧше прощенига (Чт. Бор. Гл. 24); опроворотилъ таковыи съсоудъ тъщь и *ниць* положилъ (Жит. Феод. 79); Он же въ оужасти паде *ниць* (Ск. Бор. Гл. 16); и митрополита оужасть обиде. бѣ бо нетвердъ вѣрою к нима и падъ *ниць* просѧше прощеныа (Лавр. лет. 6580, 182);

таи 'тайно', 'скрытно', 'без ведома': Пришедъ вышегородоу ночь *таи* призъва поутьшоу и вышегородьскыѣ моужѣ и рече имъ (Ск. Бор. Гл. 15); онъ же въставъ нощию и не вѣдоущю никомоу же. *таи* изиде из домоу своѥго не имыи оу себе ничсо же (Жит. Феод. 44);

оутрь 'внутри', 'внутрь': Петръ издалеча въ слѣдъ ѥго иде *оутрь* въ дворъ старѣишины жьрьчьска (Юрьев. ев. 1119, 14, 54 — Срезн.); Кроугъ *оутрь* въ иномь кроузѣ (Изб. Св. 1073, 45); не вѣсть оубо диѧволъ, ѥсть ли ти христосъ владыка *оутрь* въ оумѣ, или нѣсть (там же, 64); *Оутрь* трѣбьникъ чистаа съвѣсть. *оутрь* оцѣстиле грѣховьноѥ дховьныа сльзы. *оутрь*. иерлимъ веселоюштѧ дшѧ (Сб. Св. 1076, 119); ѥгда сѧ родать *оутрь* въ срдци лоукавьныи помысли. затварѧимъ ѥже о вънѣшниихъ исходъ (там же, 95[6]—96); нама оубо съпщема и инѣмъ мъножаишемъ *оутрь* въ тьмьници. вънезапоу бысть (Ск. Бор. Гл. 36); ѩко же бо и струпъ, доньдеже изгнѣздитьсѧ *оутрь* и покрываѥтьсѧ съвьрхоу, въ глоубинѣ простираѥтьсѧ (Изб. Св. 1073, 123);

лиць (*лицъ*) 'лицом', 'передней стороной', 'в направлении от чего-либо'; Се же столпъ первѣе ста на трапезници каменѣе... и потомъ ступи на верхъ акы ко востоку *лиць*. и потомъ невидимъ бы (Лавр. лет. 6618, 284); ѩвисѧ звѣзда на западѣ луча имущи. ѩко и хвостъ к горѣ и полуденью *лиць* (Суздл. лет. 6810, 486); И предъ градомъ къ западу *лиць* есть вода добра зѣло, и есть глубоко въ земли, по степенемъ влѣсти къ неи (Дан. иг. 17); Сионъ же гора есть велика и высока есть, отъ юго *лиць*. а отъ Иерусалима полога и равна (там же, 28); см. также употребление *лиць* на стр. 11, 12, 14(4), 17(3), 18, 21, 25(2), 26(3), 27, 28(3), 29(6), 31(3), 32(3), 38, 54;

прочь (*проче*, *проць*)[69] 'вон', 'прочь отсюда': и отпустиша *прочь* послы ихъ (Новг. лет. 6732, 62); Князь же того не послуша и поеха *проче* (там же, 6777, 88); Тако пошло Новгородѣ отпоустите ихъ *проць* (Новг. грам. 3, 1270); см. также на стр. 46, 66, 74, 75, 77, 78, 80, 82, 88, 89; Кыѧне же начаша стужати ѥму рекуще поѣди кнѧже *прочь*.

[69] Форма существительного *прочь* в древности, вероятно, выступала как мягкий вариант формы *прокъ*. Ср. подобные варианты: *передъ—передь*, *середъ—середь*, *близъ—близь* и т. д.

и сами побѣгоша *прочь* и Берендѣи с ними (Суздл. лет. 6658, 327); также стр.: 323, 336, 339, 345, 356, 481, 492;

прямь (*прямъ*, *прѧмь*) 'прямо', 'вперед', 'против': то бечиньнѣе буде, коже не вѣровати *прѧмь* (Изб. Св. 1073, 2); Добро ли есть *прямь* исповѣдовати грѣхы наша. дховьныимь мужемъ (там же, 110); А зерно горющноѥ *прѧмь* рече синапръ (Вопр. Кирика 1100, 56—ДС); Въ то же лѣто архиепископъ Нифонтъ поби святую Софию свиньцемь всю *прямь*, извистию маза всю около (Новг. лет. 6659, 28—29); *Прямь* пишемъ и *прямь* чтемъ (Ефр. Сир. XIV в. — Срезн.);

сторонь (*странь*) 'подле', 'рядом', 'в стороне', 'на сторону': И аште о семь не покажетесѧ, нъ поидете къ мнѣ *странь*, поиду и азъ къ вамъ гнѣвъмь странь и поражу вы азъ седмишьты (Изб. Св. 1073, 103); *Сторонь* же с безъкоимитами ста мчница Иулыания в тѣлѣ лежи (Сказ. Ант. Новг. XI в. — Срезн.); и^{х} же емше, овѣхъ растинаху. другыа акы *странь* поставлѧюще. и стрѣлѧху въ нѧ (Лавр. лет. 6449, 44);

перекъ 'поперек', 'наперерез': Хотѣ же ѣхати полемь *перекъ*. возлѣ Соулоу (Ипат. лет. 6693, 637).

Винительный падеж места в роли предлога

Вънъ острова сего изыти (Прох. Жит. Ио. Богосл. 28 — Срезн.); В то же веремѧ стояше Изѧславъ верхъ (ХП вруху) Соупоа. и тоу присла к немоу Володимиръ. повѣдаа емоу Игорево оубииство (Ипат. лет. 6555, 354); и рѣпище *верхъ* кожуева ручьа (Дв. грам. 11, 1400); взѧ из Вышегорода. икону стоѣ Бци... въскова на ню боле л гривенъ золота *проче* (ХП — опроче) серебра, *проче* (XII — *опроч*) камени дорогого и великого жемчюга (Ипат. лет. 6663, 482); Стояху рати прямо себе, а промежу ими врагъ крутъ *прямь* царьскихъ двьрии (Новг. крм. — Срезн.); и съкры я въ полостьници *близъ* шатра (Новг. лет. 6726, 58); Проидоша бо ти Таурмени всю страну Куманьску и придоша *близъ* Руси, идеже зоветься валъ Половьчьскы (там же, 6732, 62); И потомъ входять в святыи градъ Иерусалимъ вси людие съ радостию великою враты сущими *близь* сына Давидова (Дан. иг. 8); *Оутрь* града (Прол. XIII в. — Срезн.); зарѣза Редедю *предъ* пълкы касожьскыми (Слово, 9); Друзи же мои и ближнии мои и тии отвръгошася мене, зане не поставих *пред* ними трепезы много различных брашенъ (Дан. Зат. 9); Приде единъ *таи* дроуга (Пат. Син. XI в. 171 — Срезн.); Печаль жирна тече *средь* земли Рускыи (Слово, 18); Стрѣлы собравъ на городѣ или *кругь* заборолъ (Пск. 1 лет. 6779 — Срезн.); Единъ бы *низъ* стѣноу низверженъ (Прол. авг. XIV — Срезн.).

Наречия *прямь(ъ)*, *близъ(ь)*, *передъ(ь)*, *середъ(ь)*, *низъ*, *ниць*, *оутрь* и подобные образованы, по-видимому, еще в ту эпоху истории языка, когда существительное и прилагательное не различались или различались только синтаксически. По значению их легко можно отнести как к существительным, так и к прилагательным, форма же

у них произвольна: то они имеют основу мужского рода на *-о*, то женского на *-и* (ср. *близъ—близь*, *середъ—середь*, *срѣдъ—срѣдь*, *задъ—задь*, *прямъ—прямь*, *оутръ—оутрь* и т. д.). Безразличие к роду или основе особенно наглядно представлено в предложных формах данного разряда слов: *съзада*, *съзаду*, *съзадѣ*, *съзади* и пр.

Наречия *прямь*, *ниць*, *лиць* наряду с локальным значением имеют также значение образа действия.

Например: и отъ востока *лиць* на стѣнѣ написано есть мусиею Христосъ на крестѣ распятъ, хитро и дивно, *прямь* живъ (Дан. иг. 11); *прямь* пишемъ и *прямь* чтемъ (Ефр. Сир. — Срезн.); и паде *ниць* на ногу ѥго (Остром. ев. 17, 16); И тако *ниць* положихъ (Жит. Феод. 79); В приведенных предложениях *прямь*, *ниць*, *лиць* отвечают на вопрос «каким образом?» и, следовательно, являются обстоятельствами образа действия.

Наречия *близъ*, *передъ*, *середъ* употребляются также и в функции обстоятельства времени: *Близъ* бѣ пасха Июдеиска (Остром. ев. 8); оувы мънѣ ѩко *близъ* дьнь гнь (Сб. Св. 1076, 36^{6}); и се уже грядуще *близъ* (Ск. Бор. Гл. 10). В предложении: и стоя *близъ* не весь день (Новг. лет. 6649, 26) — *близъ* означает степень качества.

Особо следует остановиться на таких наречиях, как *коньць*, *сторонь*, *оусть* и т. п. Отличительная черта этих наречий состоит в том, что они, не до конца утратив значение предметности, сочетаются обычно с родительным падежом существительного и управляют последним; например: половина логу *конець* хлюпина озерка (Дв. грам. 22, XIV в.); Хощу бо, — рече, — копие приломити *конець* поля Половецкого, съ вами, русици (Слово, 10—11); Съвѣршиша церковь камяну святого пророка Илие на Хълмѣ, *коньць* Славьна, и святи ю владыка Митрофанъ на праздникъ (Новг. лет. 6710, 45); И поставиша другую скудьлницю на поли, *коньць* Чюдиньчевѣ улици (там же, 6738, 71); Преставися княгыни Ярославляя... и положена бысть, *сторонь* сына своего Федора (Новг. лет. 6752, 79); и *сторонь* пути того, за горою, было то (село), на правои руцѣ тамо идуще отъ Иерусалима къ Яфу (Дан. иг. 41); Стыи же поиде в корабльници и срѣтоша оусть ('при устье') Смадины, ѩко оузрѣвъ, възрадовасѧ дшею, они же, оузрѣвъ, омрачахусѧ (Чт. Бор. Гл. 35); и сташа въ Невѣ *устье* Ижеры, хотяче всприяти Ладогу (Новг. лет. 6748, 77); Се купи... *усть* Ижмы рѣки колъ рыба ловити (Новг. купч. XIV в. — Срезн.).

Указанное положение наречных слов *коньць*, *сторонь*, *оусть* и т. п. сближает их и с существительными, и с наречиями, и с предлогами, поэтому среди языковедов нет единства во взгляде на данный тип слов. Е. С. Истрина, например, считает их существительными в именительном падеже[70], Ф. Миклошич — винительными падежами[71], А. В. По-

[70] Е. С. Истрина. Синтаксические явления Синодального списка 1 Новгородской летописи. ИОРЯС АН, т. XIV, кн. 2. Пг., 1923, стр. 158.

[71] F. Miklosich. Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen, Bd. IV, 394.

пов[72] и А. И. Соболевский[73] — винительными независимыми, А. Н. Пыпин[74], И. И. Срезневский[75], Г. А. Ильинский[76] — наречиями.

В связи с тем, что винительный падеж места с течением времени стал употребляться исключительно с предлогом, русский язык сохранил только одно наречие места, восходящее к беспредложному винительному, — наречие направления *вон*. Другие же наречия от беспредложного винительного падежа места или осложнились предлогами (*вокруг*, *около*, *вперед*, *назад*, *вниз*, *наконец*, *внутрь*, *впрямь*) или сохранились лишь в качестве предлогов (*близ*, *перед*, *через*, *средь*).

Слова *конец*, *круг*, *край*[77] в современном русском литературном языке употребляются лишь как существительные, но в различных диалектах русского языка и в других славянских языках они продолжают сохранять также и функцию предлога.

Винительный падеж времени в древнерусском языке встречается чаще винительного пространства и употребляется в двух основных значениях: в значении протяжения времени, в значении момента времени.

Винительный падеж с первым значением обозначает время, в течение которого что-либо совершается: и стоꙗ Ольга *лѣто*. (и) не можаше взѧти града (Лавр. лет. 6454, 56); И приде въ градъ свои Киевъ съ снмъ своимъ Стославомъ. и пребывши *лѣто едино* (там же, 60); Галичане же *всю неделю* бишасѧ по Иванѣ с Володимеро и нужею отворишасѧ (Ипат. лет. 6652, 317); И прѣсѣдѣста братыꙗ оу него ту *нощь всю* (там же, 6582, 178); И ту лежахомъ *нощь едину* въ селѣ томъ (Дан. иг. 39).

Винительный падеж со вторым значением обозначает время, в один из моментов которого совершается действие: въставъ *вечеръ* и иде въ храмъ тъ (Жит. Феод. 58): нападоша *нощь* на лѧхы (Ипат. лет. 6579, 810); Помѧни оуставъ ꙗко и сице твои. мънѣ заоутра, тебѣ *дньсъ* (Сб. Св. 1076, 154).

Первый винительный падеж, указывающий на то, что действие захватывает все обозначенное им время, в связи с точностью семантики, наречий не дал. Из второго винительного, указывающего на то, что действие захватывает только часть обозначенного им времени, развился в древнерусском языке ряд наречий со значением времени, например: *оутро*, *оутрь*, *вечеръ*, *вечоръ*, *дьнь*, *ночь*, *лѣто*, *осень*, *зиму*, *канунъ*, *межень* и некоторые другие.

Примеры: *оутро*, 'утром', 'на утро', 'на следующий день': ꙗко гость бо пришьдъ въ миръ сь. сътърпить бештьꙁ гды своꙗ понеже

---

[72] А. В. Попов. Синтаксические исследования, стр. 104.

[73] А. И. Соболевский. Русский исторический синтаксис, стр. 81—82.

[74] А. Н. Пыпин. Материалы для сравнительного и объяснительного словаря и грамматики, т. 2, ч. 4—6. СПб., 1856, стр. 112.

[75] И. И. Срезневский. Материалы для древнерусского словаря. т. 1—3.

[76] Г. А. Ильинский. Праславянская грамматика, стр. 393.

[77] В древнерусском языке *край* употребляется только как существительное.

оутро надѣѥтьсѧ оити (Сб. Св. 1076, 34⁶—35); *оутро* сѧ покаѥши (там же, 242); (и) азъ *оутро* послю по вы (Лавр. лет. 6453, 56); и людье повѣдоша ѥму ꙗко оутро хотѧт сѧ людье передати Печенѣго (там же, 6505, 127); *оутро* же повелѣ послати по Печенѣгы (там же, 6505, 128); не суть бо бзи на (но) древо. днь есть. а *оутро* изъгнееть (там же, 6491, 82—83); днь живи. а *оутро* мртви (там же, 6604, 253); и въставше *оутро* обрѣтошасѧ трупы мртвы (Суздал. лет. 6771, 480);

вечеръ 'вечером', 'вечером предшествующего дня': не вѣсте бо когда гь домоу придеть *вечеръ* ли. или полоунищи или въ коуроглашениѥ. или заоутра (Остром. ев. 229⁰⁶); Не оставихъ цркве бжиѧ. *вечеръ* ни заоутра ни полоудне (Сб. Св. 1076, 109⁶); *вечеръ* въставъ и иде въ храмъ тъ (Жит. Феод. 58); и приде въ село то и *вечеръ* вьниде ѥдинъ въ хлѣвиноу тоу. идеже бѣси жилище имѧхоуть (там же, 80); не хоже^{ше} зать по невѣсту. но приводаху *вечеръ*. а завътра приношаху по неи что вдадуче (Лавр. лет. Вступ. 13); в нелю Масленую *вечеръ*. по обычаю цѣловавъ браю (Лавр. лет. 6582, 183); *вечеръ* водворитсѧ плачь а заоутра радость (там же, 6604, 154); и въ Вторь ве в соуморо; поѧхъ с собою. в. Брата и почахъ копати (там же, 6599, 210);

ночь (*нощь*) 'ночью', 'в ночное время': пришедъ вышегородоу *ночь* и таи призъва поутьшоу и вышегородскыѣ моужь и рече имъ (Ск. Бор. Гл. 15); и *ночь* проимавъ помостъ на Берестовѣмь (там же, 13); Посълании же приидоша отъ Стопълка на льто *ночь* и подъстоупиша близъ (там же, 16); и пришьдъ *нощь* премѣри гроба... и тако же *нощь* отъиде (там же, 38); приятели его начаша повѣдати. кнже дѣють людье. вече *ночь* а хотѧть тѧ ѥти (Ипат. лет. 6738, 537); и сторожь сами нарѧживаите. и *ночь* отвсюду нарѧдивше около вои. тоже лазите, а рано встанѣте (Лавр. лет. 6604, 246); и тои же осени и вода бысть велика, и выломи ледомъ, *ночь*, мережю, у великого мосту 7 городень, и жилотускии мостъ снесе (Новг. лет. 6944, 112);

осень 'осенью': а въ роусоу ти кнже ѥздити *осень*. а лѣ не ѥздити (Новг. грам. 1, 1265); *Осень* оумре половечьскыи кнѧзь (Лавр. лет. 6590, 205); Въ то же лѣто *осень*, ... опять приде Все... къ Новугороду (Новг. лет. 6577, 17); и съдумавъше новгородьце, и показаша путь из Новагорода и выгнаша и на Гюргевъ день, *осень*, Ярослава князя (там же, 6704, 43); Томь же лѣтѣ, *осень*, погорѣ Неревьскыи коньць от Иванъковее, и церквии съгорѣ 5 (Новг. лет. 6685, 35);

межень 'в середине лета', 'в жаркое летнее время': А куда пошлю соудии твоемоу ѥздити. по волости ехати имъ *межень* по Петровѣ дни (Грам. новг. 2, 1264).

Наречие *межень* произошло от существительного *межа* ('середина', 'граница') путем присоединения к корню *меж* суффикса *-ень*

(ср. 'гребень', 'плесень', 'поршень', 'печень', 'голубень', 'теребень').

Некоторые из рассмотренных выше наречий, в частности наречия, образованные от существительных — названий частей года (*лѣто, зима, осень, весна*), а также частей суток (*день, ночь, утро*), могли иметь при себе частицу *сь*: *лѣтось, зимусь, осенесь, веснусь, дьньсь, ночьсь, утрось*. Эти формы возникли, вероятно, еще на почве существительных, когда появилась необходимость в формальном выражении ближайшего отрезка времени. Как наречия они означают 'прошлую или эту часть года', 'прошедшую или эту часть суток'.

Частица *сь* в этих наречиях была когда-то указательным местоимением, но потом через посредство постпозитивного члена превратилась в неизменяемый аффикс-прилепу, отграничивающий наречия от сходных форм имен существительных.

Примеры: *лѣтось* не дать... оубогыимъ (Пат. Син. XI в. 107 — Срезн.); *Лѣтось* ся бѣ оженилъ (Жит. Сим. 11 — Срезн.); не забываи, еже ми еси *ночесь* обѣщалъ (Ипат. лет. 6582, 159); *зимусь*[78] кси ночи на свободу разбое[ѧ] оударилъ. а конѣ на пути кси разбилъ (Суздл. лет. 6792, 482); а пришла ми вѣсть *ночьсь* оже Мьстиславъ въ Василевѣ (Ипат. лет. 6679, 280).

Древнейшим представителем данного типа наречий является *дьньсь*, которое встречается уже в самых ранних памятниках: Аще сѣно сельноѥ *дьньсь* сущеѥ, а оутрѣ в пещь въмѣтаѥмо (Остром. ев. 62[об]); тъ и намъ *дн҃ь* мощьнъ ѥсть пищю подати (Жит. Феод. 75); *дн҃ь* блаженыи Феодосии оумьре (там же, 93); выслa князь Гюрги съ поклономъ къ княземъ: «не деите мене *днесь*, а заутра поиду из города» (Новг. лет. 6724, 56); нашю землю *днесь* отъяли, а ваша заутро възята будеть (там же, 6732, 62); то вѣси ли что (ти) хощеть быти *дн҃ь* (Лавр. лет. 6759, 181); *дн҃ь* живи а оутро мр҃тви. *дн҃ь* в славѣ и въ чр҃ти. а заутра в гробѣ (там же, 6604, 253); ꙗко из вѣка слушало к тому дворищю вшитци. вжиткове што *дн҃ь* суть и потомъ могуть быти (Юж. грам. 9, 1370); *Днесь* весна красуется, оживляще земное естество (Кир. Тур. 21); см. также стр. 4 (3 случая), 5(3), 6(5), 10, 11, 22, 23, 24.

Ранним образованием наречия *дьньсь* объясняется, очевидно, отсутствие в древнерусских памятниках наречия *дьнь*: вместо него везде имеем *дьньсь*[79]. Адвербиальная форма *дьнь* входит лишь как составная

[78] *Зиму* в значении наречия встретилось один раз: в то же лѣто *зиму* бысть дороговь, купляху хлѣбъ по 2 ногатѣ (Новг. 2 лет. 11—ДС).

[79] Древность наречий на *-сь* подтверждается: а) наличием их в самых ранних письменных памятниках: Златоструй XII в. (*ночьсь*), Пат. Син. XII в. (*лѣтось*), Жит. Нифонта 1229 (*утрось*), Сав. ев. (*утросъ*) и др.; б) существованием их в других славянских языках: болг. (*ноштéс, јесенéс, зимáс*), серб. (*ноћас, јесенес, зимус*), слов. (*nočes*, zimus).

часть в наречные сочетания: *дьнь и ночь, и дьнь и ночь, дьнь аче дьнь, дьнь отъ дьне* и т. п.:

ꙗко обрѣтохъ недостоинъ сы такъ даръ ѥже ми сѧ пооучати словесьмъ твоимъ *дьнь и ношть* (Сб. Св. 1076, 3[6]); се же то все терпѧще. приимаше раны и наготу (и) студень. *дн҃ь и нощь* (Лавр. лет. 6582, 196); и сѣдоша около церкви *день и нощь* коромолници, стрегуще его (Новг. лет. 6841, 100); бѧхуть бо дождове велми мнози *дн҃ь и нощь* (Суздл. лет. 6736, 451); Тои же осени наиде дъжгь великъ *и день и ночь* (Новг. лет. 6736, 66); *Дн҃ь аче дн҃ь* омрачашеся в безаконии ходя (Жит. Ниф. 1219 — Срезн.) и не отълагаи *дн҃ь отъ дн҃е* напрасно бо изидеть гнѣвъ гн҃ь. и въ врѣмѧ мьсти погыбнеши (Сб. Св. 1076, 135)[80].

В связи с ранней заменой беспредложного винительного падежа предложным в древнерусском языке наблюдается большое количество наречий, соотносительных с существительными в винительном падеже с разными предлогами: *въ, на, за, по, о(об)* и др. Особенно часты случаи употребления наречий с предлогами-префиксами *въ* и *на*.

1. Наречия с предлогом-префиксом *въ(вьс): (въ)вьрхъ, (въ)задъ, (въ)нутрь, (въ)передъ, (въ)кругъ, (въ)начало, (въ)конець, (въ)сторонь, (въ)доль, (въ)поперекъ, (въ)глубь, (въ)ширь, (въ)вѣкъ, (въ)вѣки), (въ)канунъ, (въ)прокъ, (въ)старину, (въ)врѣмя, (въ)прямь, (въ)незапу, (въ)ручь, (въ)преки, (възъ)ничь, (въ)истину, (въ)таи, (въ)доложь, (въ)правьду, (въ)слѣдъ, (въ)купь, (вьс)краи, (вьс)тять* и др.

Следует отметить, что в некоторых из приведенных предложных форм процесс онаречивания не является до конца завершенным, и они находятся еще «на полпути к кристаллизации» в наречия. К таким полунаречиям можно отнести: *(въ)старину, (въ)канунъ, (въ)время, (въ)правьду, (въ)заморозъ* и др. Близко к наречию стоят такие выражения, как *въ вечеръ, въ день, въ ночь, въ утрие, въ лѣто, въ зиму, въ осень, въ годъ*, обозначающие время, в один из моментов которого совершается действие[81].

Примеры употребления наречий с предлогом *в*: *(въ)вьрхъ (въверхъ, вверхъ, оувьрхъ)* 'вверх', 'ввысь'; 'по направлению к истоку реки': и есть посредѣ градка того церкви велика, создана *вверхъ* и исписана добрѣ была вся (Дан. иг. 17); И есть нынѣ на мѣстѣ томъ создана была церкви *вверхъ* (там же, 40); от морѧ даꙗмо свободно. кто хочете по Двине ꙗхати *оу вьрхъ*[82]. или оу низъ (Смол. грам. 1229);

---

[80] Существительное *дьнь* в значении наречия 'сегодня' встретилось нам лишь один раз, в Ипат. лет.: и почаша молвити. *день* того казнилъ, а насъ заутра.

[81] А. Дорич относит к наречиям не только такие предложно-приставочные формы, как *въ коньць, въ вѣки, въ правьду, въ истину*, но и *въ дьнь, въ ношь, въ годъ* (см. его Gebrauch der altbulgarischen Adverbia, стр. 165).

[82] Здесь имеет место переход *в* в *у* в начале слова перед следующим согласным, что свойственно и теперь некоторым русским говорам.

А рубежъ Щытову сыну, кнѧзю Семену, з братом с Васильемъ, по Ондрѣеву розъѣзду по Горохову, от городка от Щытова по Нарѣ *вверхъ* до Усищова двора, по Кремичну *вверхъ* да к Воскресенью (Дог. грам. 12, 1401) от ивового. куста. *въ вверхъ* до конечь логу (Дв. грам. 1); А межи нас роздѣлъ земли по реку по Оку, от Коломны *вверхъ* по Оцѣ... а на низъ по Оцѣ, по реку по Тцну, от усть Тцны *вверхъ* по Тцснѣ (Дог. грам. 10, 1382);

(въ)низъ (внизъ, оунизъ) 'вниз', 'по направлению к земле'; 'по течению реки': имѣник бо свѣта сего рѣцѣ подобьно кєть. соуда отъидеть *вънизъ* и пакы съвьрхоу приходить (Сб. Св. 1076, 16[об]); И бѣша сѣдяще Углицѣ по Днѣпру *вънизъ*, и посемь приидоша межи Бъгъ и Днѣстръ, и сѣдоша тамо (Новг. лет. 6430, 109); а инии истоплѣ безъ вѣсти, поплылѣ *внизъ* по Тфѣрци (там же 6880, 372); Гюргеви же со Олговичи хотѧщю поступити *внизъ* к Витечевьскому броду (Суздл. лет. 6659, 331); и ту отрѧдиша Всеволода с вои многими и послаша ко кнѧзю Костѧнтину. а сами поидоша по Волзѣ *внизъ* (там же, 6724, 493); и людие его вси. поѣдоша *внизъ* (там же, пр. 501); оттуда поиде *внизъ*, и взѧ Любець. и посади мужь свои (Лавр. лет. 6390, 23); от морѧ дакмо свободно. кто хочете по Двине кхати оу вьрхъ. или *оу низъ* (Смол. грам. 1229); Покелѧ Марецкая волость оттулѧ *оунизъ* по Неману (Грам. Влад. 1387 — Срезн.);

(въ)задъ (взадъ) 'назад', 'обратно': серебро взѧти *взадъ* (Р. П. См. 5, 3); мнози же доходивше до Иерусалима идутъ *в задъ*, многа добра не видѣвше (Дан. иг. 3); Князь же Иванъ, слышавъ, яко взят бысть Орѣховець от Нѣмцовъ, поиха из Новагорода *взадъ*, не принявъ владычня благословлениа и новгородчкого челобитья (Новг. лет. 6856, 360); Медливъ же князь долго, поиха в Новъгород; отъихавши от Торжьку до Ситна, и поиха *взадъ* на Москву (там же); Усрѣтоша его на пути... и поиде съ ними въ рати его *в задъ* (Псков. 1 лет. 6934 — Срезн.);

(въ)слѣдъ (вслѣдъ) 'позади', 'вслед за', 'следом': Рече же и вѣровавшимъ *въ слѣдъ* ити въ стълпъ (Муч. св. Ирины, 110); Володислав, посадник ладозьскыи, съ ладожаны, не ждя новгородьць, гонися в лодияхъ по нихъ *въ слѣдъ*, кде они воюють, и постиже я и бися с ними (Новг. лет. 6736, 65); и не бѣ никогоже *вследъ* гонѧщего. и бежаху с нимъ (Лавр. лет. 6527, 145); Дроузии, идоуще *въ слѣдъ*, побирахоу съ мнозѣмъ оусьрдиѥмь (Жит. Ниф. XIII в. — Срезн.); възьмъшю кънигы, *въслѣдъ* ити (Гр. Наз. 83 — Срезн.); и погнаша Татарове *в слѣдъ* (=предл.) кго. и постигоша и оу города Переѧславлѧ (Суздл. лет. 6760, 437)

(въ)нутрь (внутрь) 'внутрь', 'внутри', 'в середине': и въшъдъ *вънутрь* сѣдѣаше со слоугами (Остром. ев. 179[об]); Пакы бѣаху *вънутрь* оученици кго (там же, 11); Онъ же прирече Гь съ тобою. *вънутрь* скоро зъваше пришьдъшаго (Златостр.) Всѣко художьство имъ *въноутрь* оучимобѣ (Жит. Феод. Ст. 100 — Срезн.); Кръвь же аште не на пролитиѥ извъноу. то *въноутрь* тоугою и сухотою ѣди (Сб. Св. 1076, 35); внидохомъ *внутрь*. и се свѣтъ безмѣрьнъ. съ гърдыми вонѧми. и срѣ-

тоу ны мнози (Жит. Ниф. 374 — ДС); Того. лѣ. Кирилъ еппъ. Ростовскыи... приде в Суждаль... хотѧ лѣчити свою немочь. ꙗже бѣ ѥму *внутрь* (Сузд. лет. 6737, 452).

Необходимо отметить, что в памятниках религиозного содержания в значении наречия *вънутрь* употребляется сложное слово, заимствованное из старославянского языка *въноутрьюдоу*: ꙗви сѧ *въноутрьюдоу* сы црквѐ съ бмь гла̀, оучениче бодъхновене, сщеникъ бывъ достодивьне (Мин. 1096 — Срезн.); тогда отвръзутся врата сѣвернаа, и изыдуть силы языческыя, яже бѣху затворени *вънятрьядоу* и подвижится въсѣ землѣ от лица ихъ (Пам. отр. лит. 2, 1345, 224 — ДС);

(въс)пять, (*вспѧть*, *вспять*)[83] 'назад', 'обратно', 'снова', 'опять': възложь роукы своѥ на рало и обращьсѧ *въспѧть* (Жит. Феод. 50); и тако възвратистасѧ *въспѧть* (там же, 75); и стоявъ подъ Мосальскомь, и въспятися *въспять*, истративъ обилия мъного (Новг. лет. 6739, 71); в се же лѣ Новѣгородѣ иде Волховъ. *вспѧть* днѝи .ѐ. (Лавр. лет. 6571, 163); см. также *въспять* на стр 28, 44, 46, 51, 60, 62, 85, 174, 180, 206, 240, 271. В то же лѣ *вспѧть* оуладисѧ Всеволодъ. с шюринома своима. и да има Новъгородъ (Суздл. лет. 6648, 309); см. *въспять* также на стр. 340, 364, 365, 413, 415, 427, 428, 460, 509;

(въ)незапоу (*вънезаапоу*, *внезапоу*, *вънезапы*, *вънезапь*) 'внезапно', 'неожиданно', 'вдруг': и абие *вънезаапоу* бысть въ истоуплении и видѣ видѣние (Ск. Бор. Гл. 33); лѣствици же вънѣ лежащи извлечень. въ нощи *вънезаапоу* (там же, 36); ѥгда погрѧзение *вънезапы* приимеши (Сб. Св. 1076, 57б—58); и отчаꙗвъсѧ *вънезапь* бысть любленикъ бжии (Златостр.); И нача князь полкъ ставити около себе, и се *внезапу* Татарове приспѣша (Новг. лет. 6746, 76); чисту сущю небу, *внезапу* померче солнце яко на час (там же, 6829, 96); и се *внезапу* поидоша Татарове (Суздл. лет. 6745, 465); и ѣдучи к Прилуку городу. и срѣтоша ны *внезапу* Половечьскыѣ кнѧзи .и. тысѧчь (Лавр. лет. 6604, 248); см. *внезапу* также на стр. 136, 164, 195, 201, 245, 272;

(въ)истиноу (*воистиноу*) 'действительно', 'правдиво' 'правильно', 'верно': Не озълоби раба дѣлающта *въ истиноу* (Сб. Св. 1076, 159); Философъ же ре. *въистину* в того вѣруемъ (Лавр. лет. 6494, 87); тако и тъ *во истину* стыи Стославъ Бии оугодникъ. избраныи въ всѣ кнѧзехъ (Суздл. лет. 6682, 836); бъ бо се *во истину* по Иову око слѣпы. и нога хромы. и рука неимущи оутѣшеныѧ (там же, 6726, 443);

(ъ)вѣкъ (*въ)вѣкы* (*въ вѣки*, *во веки*, *в вѣки*, *оу вѣки*) 'всегда', 'вечно', 'навсегда', 'никогда': Гла ѥму Петръ: не умыѥши мою ногу *въ вѣкъ* (Остром. ев. 154); Едыи хлѣбъ сь живъ будеть *въ вѣкъ* (там же, 24); О вьсѧкомъ дѣлѣ боуди бъдръ. и *въ вѣкъ* недоугъ не пристоупить къ

[83] *Въспять* восходит к *въз + пѧть*.

тобѣ (Сб. Св. 1076, 166[об]); правьдьници *въ вѣкы* (вин. п. мн. ч.) живоуть — и отъ га мьзда имъ и строєниє имъ от вышнѣго (Ск. Бор. Гл. 16); возверзи на Господа печаль свою, [и] тои тя препитает *во веки* (Дан. Зат. 56); и егоже желавъ, прия царство небесное и радость неисконьцяему *въ вѣкы*, аминъ (Новг. лет. 6704, 42); да аще кто дѣть в нашю вѣру ступи. то паки оумръ въстанеть и не оумрти ему *в вѣки* (Лавр. лет. 6495, 106); Абы *в вѣкы* стояло... а быша сѧ тои правде дьржали *в вѣки* (Смол. грам. 1229); ана продала петрашкови радъцѣовьскомоу свою дѣднину и вотнину *оу вѣки* (Юж. грам. 5, 1359); купилъ панъ вѧтславъ. *оу вѣки*. оу Василѧ (там же, 9, 1370);

(въ)правдоу[84] (*въ правдоу*, *в правдоу*,) 'правдиво', 'справедливо', 'без обмана': Ни ли ты боишисѧ Ба. ѩко въ томь же осужденъ єси и вѣ же *въ правьду* (Остром. ев. 200); на томъ ти на всемь. хъ цѣловати. по любъви безъ всѧкого извета. *въ правьдоу*. при нашихъ послехъ (Новг. грам. 2, 1265); то ти мнѣ повѣдати *въ правду*, без примышления по целованью (Дог. грам. 7, 1362); а на семь на всемь князь Михаило. цѣловалъ хртъ къ намъ. по любви *въ правду*. безъ всѧкого извѣта (Новг. грам. 14, 1317); А что ти слышевъ о нашемь добрѣ или о лисѣ отъ крестьѧнина или отъ поганина, то ти намъ повѣдати *в правду*, безъ примышленьѧ, по челованью, безъ хитрости (Дог. грам. 13, 1390);

(въ)прокъ (*в прокъ*) 'на будущее', 'навсегда': А село Павловьское дал есмь (свѧтому) Олександру *впрокъ*, собѣ в памѧть (Дог. грам. 4, 1358); Далъ князь великии Дмитреи Ивановичь святои Троице в Сергиевъ монастырь на Москвѣ площадку и пятно Ногаиское *в прокъ* во веки (там же, 15, 1393);

(въ)коупь 'вместе': *Въкоупь* ѩдушта сърастъшасѧ вешию, єдино видѧшти присно любъве сама въ себѣ *въкоупь* възвращаюшта (Гр. Наз. XI в. 39 — Срезн.); сице и многыима словесы похвалиша блгородьство же *въ коупь* и великооумиє (Ск. Бор. Гл. 38); *(въ)таи* (*втаи*) 'тайно', 'скрытно' 'тайком': тое же зимы кнзь Михаило Твѣрьскыи подвелъ *втаи* рать Литовъскую на град Переѧславль (Суздл. лет. Пр. 534); Посла того отпусти... на Рязань да к ордѣ *втаи* великого князя (Соф. вр. 138—ДС); Слышахом бо, яко нѣции *втаи* дѣти своя заколаху (там же, 377);

(въ)преки (*впреки*)[85] 'навстречу', 'наперекор', 'против': *въпреки* написавъ непобѣдимо ороужиє (Мин. 1096 — ДС); Есть же церкви та вся-мокачна, сажень 30 и *впреки* (*-поперек*) и вдлѣ, исходы же 4-ри (Дан. иг. 16); и тако вси они князи ордистии начаша царю бити челомъ за великого князя, и *въпреки* съ нимъ глаголати (Воскр. лет. 8,96 — ДС);

(въ)врѣмя 'вовремя', 'своевременно', 'в надлежащий срок': рече бо двдъ прркъ вьсѧ от тебе чають ги. дати пищю имъ *въ врѣмѧ* давъшю

[84] Как наречие отмечено в словаре Е. К. Тимченко.

[85] Винительный падеж множественного числа.

тебе имъ съберoутьсѧ (Златостр.); Не *въ врѣмя* врачьство пакость боудеть (Ник. Панд. 2 — Срезн.);

(въ)коньць (*вконецъ*) 'наконец', 'в конце': И бысть сеця у городьныхъ воротъ, и побѣгоша на онъ полъ, а друзии *въ коньць*, и мостъ переметаша (Новг. лет. 6726, 59); и ты господинѣ... не подиви на насъ о семъ: понеже... слышу, что божественное писание самъ *вконецъ* разумѣеши и чтешь (Посл. к Кир. Звен. кн. Георг. Дмитр. 1422, 56 — ДС);

(въ)послѣдъкъ 'под конец', 'напоследок', 'после': и они почьтшуѧ прославетсѧ *вѣпослѣдъкь* нежели пръвѣѧ (Кн. Еноха, 35—ДС); таины своюго свѣдѣниѧ *въ послѣдокъ* обавлѧють (Пал. 1406 — Срезн.);

(въ)прямь (*в прямь*) 'напрямик', 'в прямом направлении': А межи съ морского конца по рѣки по Сярты да въ море *в прямь* (Новг. купч. XIV в. 34 — Срезн); Въ Ленину курью *в прямь* (там же, 35).

Отметим довольно редкие наречия, представленные в исследованных нами памятниках одним-думя случаями:

бѣ бо оуже *в заморозъ* (Лавр. лет. 6524, 142)[86]; *в начало* створи Бг нбо и землю. въ первыи днь (там же, 6494, 87); А отъ Кариа острова до Патма острова верстъ 60, *въ сторонь* далече въ морѣ Патм. островъ (Дан. иг. 9); Оступиша *въ кроугъ* (*-вокруг*) около его (Жит. Стеф. Перм. — Срезн.); блаженыи же бѣ *въскраи* (-предл.) юго сѣдѧ. и долоу нича (Жит. Феод. 87); а тако продалъ. тако самъ держѧлъ. и с нивами. и сѣножатми. и стави. и со лѣсы. и з дубровами. и с пасеками. со всѣми границами. и *вдоложь* (*в длину*). и пуперекъ. того села. и дворища того жаворонковича (Юж. грам. 33, 1400).

Словосочетание *въ мѣсто* в рассматриваемый период еще не превратилось в наречие, ибо употребляется с дополнением, которое ставится внутри данного сочетания и тем самым разделяет предлог *въ* и существительное *мѣсто*: Аще убью брата своего, имѣти тя хочю *во отца мѣсто*, и многу честь возьмешь от мене: не язъ бо почалъ братью бити, но онъ (Лавр. лет. 6488, 54)[87].

Необходимо также отметить, что наречие *(в)передъ* ни разу не встретилось в обследованных нами памятниках; не зарегистрировано оно и в словаре И. И. Срезневского. Вместо *въпередъ* в древних памятниках обычно употребляется *напередъ* с тем же значением. Самый ранний, известный нам, случай употребления в письменных памятниках наречия *въпередъ* отмечен В. И. Борковским в Грамоте царского воеводы в Пскове Никиты Романовича Трубецкого в Ригу от 25 июня 1588 года:

и в то Тимохино место Рижанъ и всехъ Неметцкихъ городовъ лутчихъ торговыхъ Немець изо Пскова не отпущу, и *впередъ* торгъ Рижскимъ и всехъ Неметцкихъ городовъ во Пскове за то не будетъ[88].

---

[86] Отмечено как наречие в словаре Е. К. Тимченко.

[87] А. Дорич выражение *въ мѣсто* считает наречием.

[88] В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение). Львов, 1949, стр. 386.

2. Наречия с предлогом-префиксом *на: (на)вьрхъ, (на)низъ, (на)передъ, (на)задъ, (на) въспять, (на)купь, (на)послѣдокъ, (на)вѣкъ, (на) вѣкы, (на)воропъ, (на)полы, (на)коньць, (на)заоутрие, (на)оутрия, (на) завтрее, (на)искупъ, (на)възничь, (на)прокъ* и др.;

(на)верхъ (наверхъ)[89] 'вверх', 'на высоту', 'в более высокое место': Се же столпъ первѣе ста на трапезници каменѣи. ꙗко не видѣти бы крта. и постоꙗвъ мало. съступи на црквь. и ста надъ гробомъ Феодосьевы. и пото ступи *на верхъ* акы ко востоку лиць. и пото не види бы (Лавр. лет. 6618, 284);

(на)низъ 'вниз', 'к основанию чего-либо'; 'по течению реки': А межи нас роздѣлъ землѣ по рѣку по Оку, от Коломны вверхъ по Оце... а *на низ* по рецѣ по Оцѣ по реку Тьсну, от устья Сны по Тснѣ (Дог. грам. 19, 1402); И поидоша *на низъ* к Сараю (Тип. лет. 132 — ДС);

(на)передъ (напередь, наперед, напредь, напьрьдъ, напредъ) 'наперед', 'впереди', 'раньше', 'скорее' 'сначала': Нъ мы се остави выше пакы *на передъ* възидемъ (Ск. Бор. Гл. 38); дѣтьска повѣдаꙗ отънюдоу же ѥмоу и въ предъсѣданиѥ *на предь* (Жит. Аф. 7); Аже латинескыи гость. смолнꙗны. прикдѣть на вълъкъ. тотъ. мьтати жереб҃и. кого *напьрьдъ* вѣсти ко смольньскоу (Смол. грам. 1229); и хотѣхо с ними ради битисѧ. но оружье бѧхомъ оуслали *напередъ* на повозѣхъ (Лавр. лет. 6604, 248); Переꙗславци же дерзи суще. поѣхаша *напередъ* с Михалкомъ (Сузд. лет 6677, 360); Ростиславу Гюргевичу с братомъ свои Андрѣемъ. ходящю *напередь* с Половци. ставши имъ оу муравицѣ бы в нощь пополо̑ золъ (там же, 6657, 323); см. также *напередъ* на стр. 315, 334, 340, 389, 507, 540. тогды. на роцѣ. *напре̑* реченымъ. стронамъ. в медыцѣ. в недѣлю. на вутре... аже гдрь. нашь. кроль. влодиславъ. *напре̑* реченыи ближши есть. к тому мѣсту... (Юж. грам. 38. 1404).

Интересно отметить, что наречие *напередъ* особенно часто встречается в Суздальской летописи и в памятниках деловой письменности. В Повести же временных лет оно наблюдается весьма редко.

(на)задъ (назадь) 'назад', 'назади', 'обратно': Не часто озираисѧ *назадъ* (Сб. Св. 1076, 255[6]); и побегоша не успѣвъше ничтоже Половци *назадъ* и потъпташа бежаще станы русскыхъ князь (Новг. лет. 6732, 63); князь же отсла полкы *назадъ* (там же, 6877, 88); князь же отсла полкы *назадъ* (там же, 6774, 85); а тоу грамотоу кнже отꙗлъ ѯси. а та грамота кнже дати *назадъ* (Новг. грам. 3, 1270); дати имъ *назадъ* по исправѣ (там же, 14, 1317); ажь наидуть у немьцина не чистыи. товаръ. у руской земьли поити ему назадъ. с товаромъ. у ригу. тамъ его свои князь. судить (Пол. грам. 1330); А что кнꙁь Михаило...

[89] *(на)вьрхъ* встретилось нам лишь один раз.

пограбил в нашеи оцинѣ... то кнѧзю *назад* (Дог. грам. 7, 1371); Володимерко же выступѧсѧ *назадъ* за твердь ста (Суздл. лет. 6660, 337); Олговичи же поидоша *назадъ* (там же, 6714, 427); и поидоша *назадь* к Переѧславлю (там же, 6792, 483); см. также *назадъ* на стр. 297, 323, 324, 447, 451, 486;

(на)коньць (наконець) 'наконец', 'в конце чего-либо': мудръ же бѣ. а *наконець* погибе. се же бѣ невѣголосъ. а *наконець* обрѣте спньe (Лавр. лет. 6488, 80); и бы мдръ но *наконець* попользесѧ црьтвовавъ лѣ .м. и оумре (там же, 6494, 97); *Наконець* дъвѣма львома на сънѣдь преданъ отъ мира (Стих. 4 — ДС);

(на)въспять (наоуспять, навспять) 'обратно', 'назад': того же лѣта иде Волхово *навъспять* по семь днии (Новг. лет. 6684, 223); В се же лѣто в Новѣгородѣ иде Волховъ *на въспять* (Новг. лет. Ак. 6571); Аже роусинъ коупить. оу латинеского члвка товаръ. а възмьть к собѣ. тоть латинескомоу. не взѧти товара *на оуспѧть* роусиноу томоу платити (Смол. грам. 1229);

(на)послѣдъкъ 'наконец' 'под конец', 'напоследок': До врѣмене сътрьпить дълготрьплѣвыи и *на послѣдъкъ* дасть веселиѥ (Сб. Св. 1076, 185); Да не раскаѥшисѧ *на послѣдъкъ* (Панд. Ант. XI в. — Срезн.); Събоудоущѥися *на послѣдокъ* (Ник. Панд. 8 — Срезн.); Самомоу же *на послѣдокъ* ишедшю в малѣ дроужинѣ и ставъ, позрѣ (и) повелѣ всѣмъ сѣсти (Гр. Ам. 217 — Срезн.);

(на)оутрия (наоутриѧ, наоутрьıѧ, наоу́трѣя, наоутрии) 'утром', 'в следующее утро', 'в следующий день': и *на оутриѧ* ишьдъ. изьмъ дъва съребрьника. дасть гостиньникоу (Остром. ев. 103[об]); и *на оутриѧ* же Стополкъ созва болѧръ. и Кыѧнъ и повѣда имъ оже бѣ ему повѣдалъ Двдъ (Лавр. лет. 6605, 259); *наоутриѧ* же изиде Володимеръ с попы црцины. и с Корсуньскыми на Днѣпръ (там же, 6496, 117); см. также *наоутриѧ* на стр. 72, 74, 107, 123; а *наоутриѧ* вниде Гюрги в Переѧславль (Суздл. лет. 6657, 332); см. также *наоутрия* на стр. 332, 342, 416, 432; *наутрѣя* же увѣдавше город всь (Новг. лет. 6847, 350);

(на)заоутрия (назаоутрие, назаоутреи, назаоутрея, назаоутрѣе, назаоутрье); (на)завтрея (назавтрие, назавтрее, назавтрѣе, назавтрѣя) — значение то же, что и *наоутрия*: *Назаоуе* ѧже въ. кд... бы плачь великъ (Лавр. лет. 6601, 223); *на заоутрье* же налѣзоша Тугоркана мертвого и взѧша и Стополкъ. акы тьстѧ своѥго и врага (там же, 6604, 232); А *на заоутрие* обрѣтеся крѣст честныи Володимирь у святѣи Софиѥ Новѣгородѣ (Новг. лет. 6677, 17); а *на заоутрье* на Славковѣ улици сгорѣ церкы святого Дмитрия, а дворовъ добрыхъ 50 (там же, 6769, 83); а *на заоутреи* в понельникъ побѣжа всѧ свобода та и другаѧ (Суздл. лет. 6792, 482); А пѣти в празьдникъ владыцѣ... а *на завтрѣе* пѣти архимандритоу святого Егоргия (Грам. кн. Всев. 1136 — Срезн.); *На завтрѣя* нѣмци приидоша.. въ силѣ тяжцѣ (Псков. 1 лет.

6849 — Срезн.); *Назавтрее* же Святополкъ созва бояре и Киане (Ник. лет. 6605, 130 — ДС);

(на)полъ, *(на)полы*[90] 'пополам', 'наполовину'; наречие *наполы* особенно широко представлено договорными грамотами XIV—XV вв: А из свинеи из моихъ Самуилѣ даите боровъ лутьшии; а въ скотѣ, въ овцяхъ и в свиньяхъ розделить съ женою моею *наполъ* (Грам. Новг. 105, 1270); а товаръ съ ними роздѣлиша *на полы* (Новг. лет. 6711, 45); А что моихъ стадъ коневыхъ, и жерепцевъ, и кобылиць, а то сыну моему, кнѧзю Дмитрию, и сыну моему, кнѧзю Ивану, то имъ *наполы* (Дог. грам. 4, 1358); А инаѧ места Рязаньскаѧ отмѣньнаѧ сыномъ моимъ, кнѧзю Дмитрью и кнѧзю Ивану, подѣлатсѧ *наполы*, безъ обиды (там же); А городъ и станы дѣтем моим *наполы* (там же, 17, 1401); см. еще 10 случаев употребления *наполы* в этой грамоте;

(на)вѣкы (навѣки)[90] — значение то же, что и *(въ)вѣки*. Имеет широкое распространение в южных грамотах: и рѣ к нкы архистратигъ. сь ѥсть иже приклады имаше на злато своѥ и на сребро. да за то *на вѣки* моучитьсѧ (Хожд. Бог. 24); да того ради тако сѧ моучатисѧ *на вѣкы* (там же, 25); дали ѥсмо *на вѣки*. тои. млинъ. и мѣсто. оу млина (Юж. Грам. 10,1375); А купилъ ѥсть Иванъ Губъка изъ братомъ своѥмъ. *на вѣки* (там же, 13, 1378); а николи ни в одно времѧ не отставати. а ни отступити и *на вѣки* (там же, 21, 1388); и оуздалъ ѥсть влдка передъ нами. пану ѳашкови Испрувъскому. та дворища. *на вѣки* (там же, 24, 1391);

(на)коупь (накоупъ, наскоупъ) 'вместе', 'совместно', 'совокупно': и по литоургии вьсѧ братиѧ и обѣдаша вси *на коупь*. и праздьноваша праздьньство свѣтьло (Ск. Бор. Гл. 32); И отпѣвше литургию, обѣдаша братья вси накупъ, коиждо съ бояры своими И с любовию великою (Новг. лет. 6580, 197); *На купь* съ ними (Жит. Андр. Юр. 21, 229 — Срезн.); и изыдоша Древлѧне противу и снемъшемасѧ обѣма полкома *на купь* (Ипат. лет. 6454, 46); оуладившесѧ с нимъ. *на скупъ* и пустиша и (там же, 6698, 672).

3. Наречия с предлогом-префиксом *о(об)*; *(о)пять*, *(о)коло*, *(о)крьстъ*, *(о)кроугъ*, *(о)середь*, *(о)даль*, *(о)дерень*, *(о)собь*, *(о)причь*, *(об)ьль* и др.

Примеры: *(о)пять* 'назад', 'обратно', 'опять', 'снова': многие исследователи, например, Миклошич, Вондрак, Лескин, Ильинский, Преображенский и др., возводят наречие *опять* к сочетанию *о+пѧть*, состоящему из предлога *о* и имени в винительном падеже ед. ч. *пѧть* (ср. *пята*, *пятиться*), хотя одни в *пять* видят прилагательное основы *и*, другие — существительное той же основы. Данное наречие имеет самое широкое распространение в древнерусской письменности. Ни одно из рассмотренных наречий не встречается в таком большом количестве в любом памятнике, как наречие *опять*. Роусиноу. не оузати-

[90] Винительный падеж множественного числа с предлогом *на*.

оу Латинеского. товара своего *опѧть* (Смол. грам. 1229); а кде будеть конечнии тать, то *опять* воротять челядина, а свои поиметь (Р. П. 38, 90); Паки ли приимешь на немь кунъ, то *опѧть* ѥму воротити куны, что будеть приналъ (там же, 60, 111); а *опѧть* сѣлъ кнзь великыи Михаило. на фектистовѣ грамотѣ (Новг. грам. 12, 1314); аже не выкупить его на тотъ рокъ. имѣеть держати то село. *опѧть* до другого року (Юж. грам. 16, 1386); слышавше же деревлѧне ѩко *опѧть* идеть. сдумавше со кнѧземъ своимъ. Маломъ (Лавр. лет. 6453, 54); см. также *опять* на стр. 10, 50, 71, 116, 146, 150, 156, 179, 242, 270; Иде Вълхово *опять* на взъводье по пять днии (Новг. лет. 6684, 35); см. также *опять* на стр. 17, 21, 23 (3 случая), 24(2), 25, 31, 32, 33, 35, 38, 43, 46, 60(3), 61, 63, 66, 71, 73, 74(3), 78; Ярославъ ходи на Половци за Долъ. и не обрѣтъ ихъ вороти *опѧть* (Суздл. лет. 6636, 292); см. также *опять* на стр. 295, 296, 297, 301, 302(3); 303, 304, 305, 306, 307(2), 314(2), 319, 323, 328, 329(2), 340, 361(2), 411, 427, 429, 509;

(о)коло 'возле', 'подле', 'вокруг', 'кругом': и прибѣжа Дорожь, и рече: «а уже, княже, обишли нас *около* (Новг. лет. 6746, 76); еще *около* на стр. 42, 76; потомъ же пришедъшемъ воемъ от въстока. Памъфиръ деместик. съ .м. тысѧщь... обидоша Русь *около* (Лавр. лет. 6449, 44); И рѣ ему воевода отень Свѣнделъ. поиди кнѧже на конихъ *около* стоѧть бо Печенѣзи в прозѣ (там же, 6479, 73); и ночь от всюду нарѧдивше *около* вои. тоже лѧзите. а рано встанѣте (там же, 6604, 246); а сами лѣсомъ ихъ обидоша *около* (Лавр. лет. 6636, 302); а Мордва давше и путь а сами лѣсо обидоша ихъ *около* (Суздл. лет. 6737, 451); и рѣ. а оуже кнѧже обошли су на *около* татары (Суздл. лет. 6646, 519); Есть пещерка та святаа одѣлана *около* краснымъ мраморомъ яко имѣнъ и столпьци *около* краснымъ мраморомъ стоятъ числомъ 12 (Дан. иг. 10); и есть градомъ одѣланъ весь *около* монастыретъ (там же, 24); см. *около* еще на стр. 19, 38, 54;

(о)кръстъ (окрестъ) 'вокруг', 'около', 'кругом': остави ю и се лѣто. доньдеже ю окопаю *окрьстъ* (Остром. ев. 289); Попалѧѧть *окрьстъ* врагы ѩго (Гр. Наз. XI в. 134 — Срезн.); Вышши же есть Фаворьскаа гора всѣхъ, сущи *окрестъ* (-предлогу) ея, и есть уединена кромѣ всѣхъ горъ (Дан. иг. 53);

(о)кроугъ 'вокруг', 'кругом': и разроуши грады ты и всѧ *окроугъ* живоущаѧ (Изб. Св. 1073, 109); Отврьзоша ти сѧ врата раѧ, ѩвѣ въ немь же радостьно... *о кроугъ* ходѧ и ликъствоуѧ (Мин. 1097, 156 — Срезн.); Выше же акы одежю въздоуха *окро(у)гъ* (Ио. экз. Бог. — Срезн.); и *окроугъ* коло ея (церкви) и основание и еже обходиши *округъ* (-предлогу) ея (Посл. Епиф. к Кир. 1415 — ДС);

(о)дерень (одьрьнь, одьрень, одьрень, одернь) 'совсем', 'вовсе', 'сполна', 'совершенно', 'в полную собственность'.

Наречие *одерень* широко представлено в памятниках, относящихся к сфере правовой, административной и коммерческой деятельности, и употребляется чаще как юридический термин.

Примеры: О, горе тъгда, братье, бяше: дѣти свое даяхуть *одьрень* (Новг. лет. 6723, 54); и даяху отци и матери дѣти свое *одьрень* ис хлѣба гостьмъ (там же, 6738, 71); се коупи собѣ *одѣрень* и своимъ дѣтемъ въ вѣкы (Дв. грам. 33, 1353); Даю за все за то два села съ обильемь, и съ лошадьми, и съ боръ тью. и съ малыми селищи, и пьнь, и колода, *одерень*. святому Гергью (Грам. Новг. 105, 1270); А как есть взѧл Торжек, а кто ти с(ѧ) будет продал пословицею новоторжан *одернь*, или будет(ь) серебро на ком дал пословицею, тѣх ти отпустити по целованию, а грамоты дерноватыи подарити (Дог. грам. 9, 1375);

(об)ьль (-объ+вьль)[92] 'вполне', 'совершенно', 'в полное рабство': аже закуп бѣжить от господы, то *обель* (Р. П. 56, 110); Продасть ли господин закупа *обьль*, то наимиту свобода во всех кунах (там же, 61, 111); ср. также: А продалъ есми имъ *обель*, вѣчно и непорушно (Купч. 1508 — Срезн.);

(о)собь 'особо', 'отдельно', 'самостоятельно': И сударь иже бѣ на главѣ кго. не с ризами лежѧщь нъ *особь* (Остром. ев. 207об); ни ово слнце *особь* наречеть, ово же пакы свѣтъ отълоученѣ (Изб. Св. 1073, 34); оубо въ истиноу вѣроуу трии кожьдо *особь* разоумѣваемо и нарицаемо (там же, 51); Изѧславъ постави митрополита Клима. калугера. Русина *особь* с шестью епны (Суздл. лет. 6655, 315); Чиньно *особь* сн. сти (Новг. крм. 1280, 460 — Срезн.).

4. Наречия с предлогом-префиксом *по-*: *(по)сторонь*, *(по)одаль*, *(по)перекъ* и др.

(по)сторонь 'возле', 'рядом', 'в сторонке'. Употребляется в большинстве случаев с дополнением и, таким образом, приближается к предлогу: Того же лѣта заложиста Твьрдиславъ съ Федоромь церковь камяну святого Михаила, а другую святыхъ три отрокъ *посторонь* малу, съвьршиша ю въ 4 дни (Новг. лет. 6727. 59); Томь же лѣтѣ дѣлаша мостъ новъ чересъ Волхово *по сторонь* вѣтъхаго (там же, 6696, 39); Тои же зимы. престависѧ Борисковна. в Кидекши и положена бы. в цркви Борису и Глѣбу. *посторонь* оца и мтре. именемь Ефросинья (Суздл. лет. 6710, 417);

(по)перекъ (поперек, попрекъ, пуперекъ) 'поперек', 'в ширину', 'наперерез': и ꙗко приближисѧ Игорь к полкомъ своимъ. и переѣхаша *по перекъ* и тоу ꙗша. единъ перестрелъ. одале от полку своего (Ипат. лет. 6693, 142); границѧ. от рознова. чере. поле. *попере*. на устье. волово (Юж. грам. 54, 1424); а от дуба *попрекъ* (-предлогу) лѣса

[92] См. А. Преображенский. Этимологический словарь русского языка, вып. 9, 1914, стр. 626, а также Н. В. Горяев. Этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896, стр. 233.

простѣ. оу горохолину (там же, 37, 1404); и вдоложь. и *пуперекъ* (там же, 33, 1400).

5. Наречия с предлогом-префиксом *за*: *(за)мужь*, *(за)оутра*, *(за)оутрие*, *(за)втра*, *(за)собь*.

(за)мужь 'замуж', 'обручиться', 'вступить в брак': Оже боудеть сестра въ домоу, тъ то задница не надобѣ, нъ отдадать ю *за моужь* братьа, како си могоуть (Р. П. 95, 129); а мати имъ поидеть *за моужь* (там же, 99, 132); А иже жена вьрчетьсѧ сѣдѣти по моужи, а ростерѧкть добытокъ и поидеть *за моужь*, то платити ѥи вьсе дѣтемъ (Р. П. 101, 129); Сынове по смерти отцове мають дѣвкы *за мужъ* выдать (Уст. Влад. Ягел. — Срезн.); Тогда законьно (жена) да идеть *за мужь* (Рязан. крм. 256, 1284 — Срезн.); А по грехом, от(ъ)имет б(о)гъ с(ы)на которог(о) из с(ы)н(о)въ моих, а останетсѧ ег(о) жена, а не поидет *замуж*, и сноха моѧ и своими дѣтми сидит в мужа своег(о) удѣле до своег(о) жывота, а дан(ь) дает ко казнѣ великог(о) кн(ѧ)зѧ по уроку, что в сеи грамоте писано (Дог. грам. 17, 1401); А оу которои жены мужь помрет без рукописаниа и останется отчина или жывот, ино жене его кормится до своего жывота, толко не поидет *замуж*, а поидет *замужь*, ино еи нет (Пск. Суд. грам.).

Превращение сочетания *(за)мужь* в наречие связано с ранним приобретением существительным *мужь* в форме винительного падежа единственного числа флексии *-а* (*мужа*), вследствие чего именная предложная форма *за мужа* и наречие *замуж* разошлись не только семантически, но и формально.

(за)собь[93] 'друг за другом', 'попеременно', 'опять': Тишинѣ сущи и морю оукротившюсѧ. абье бу̑ѧ въста с вѣтромъ. и волнамъ велыѧмъ въставшемъ *засобь* безбожныхъ Руси корабль смѧте и к берегу приверне (Лавр. лет. 6374, 21);

(за)оутра (*заоутро*, *заоутрие*, *заоутрее*, *заоутрия*) 'утром', 'рано', 'утром следующего дня', 'на другой день': Не оставихъ цр҃кве бж҃иѧ. вечеръ, ни *заоутра* ни по̑лоудне (Сб. Св. 1076, 119[6]); а *заутра* въвѣдоша опять Антония архиепископа и посадиша с нимь 2 мужа (Новг. лет. 6731, 67); и быста *заутра* печаль и сѣтование в радости место (там же, 6780, 90); см. также *заутра* на стр. 48, 50, 54, 69, 70, 79 (2), 82, 88; *заоутра* призва Игорь слы и приде на холмъ кде стоѧше Перунъ (Лавр. лет. 6453, 54); се слы̑вше Нⷪовгородци рѣша Ꙗрославу. ѩко *заоутра* перевеземъсѧ на не (там же, 6524, 142); дн҃ь живи а *заутра* в гробъ (там же, 6604, 245); см. *заутра* еще на стр. 8, 59, 66, 141, 147, 156, 173, 248, 268, 271, 296; и *заоутра* миръ створиша (Суздл. лет. 6647, 308); приѣдемъ к тобѣ *заоутра* вси (там же, 6662, 346); см. еще на

[93] А. И. Соболевский возводит *собь* к притяжательному местоимению *совъ* и сравнивает с лит. savas (См. РФВ, № 1, 1914, 15—20); Е. М. Галкина-Федорук видит в *собь* бывшее прилагательное.

стр. 311, 369, 376, 484, 489, 496, 499, 500, 501, 504; И ту, опочивше добрѣ нощь ту, и *заутра* вставше рано идохомъ къ Вифлеему (Дан. иг. 39);

(за)втра (завътра) — значение то же, что и 'заоутра': ту же *завътра* в среду хрестъ цѣловаша (Ипат. лет. 6619, 266); перележаша нощь ту. и *завътра* в среду поидоша к Сугрову и пришедше зажьгоша и (там же); не хоже[ше] зать по невѣсту. но приводаху вечеръ. а *завътра* приношаху по неи. что вдадуче (Лавр. лет. Вступ. 13); Въ четвергъ придоша с Дона. а в пятницю *завътра*... собрашасѧ Половци (Ипат. лет. 6619, 266).

Наречие *завътра* образовалось из сочетания предлога *за* с именем существительным *оутро*, причем последнее имело форму не родительного падежа, как считают многие лингвисты, а винительного. Данное положение можно подтвердить следующим: во-первых, русскому языку не свойственно употребление форм родительного падежа имен существительных с предлогом *за*; во-вторых, в древних памятниках наряду с формой *заоутра* встречается и первоначальная, еще не подвергшаяся изменениям форма *заоутро*: нашю землю днесь отъяли, а ваша *заоутро* възята будеть (Новг. лет. 6732, 62); в-третьих, в тех же памятниках наблюдаются частые случаи употребления формы *завтрее* рядом с *завтрея*, а также *наутрие* параллельно с *наутрия*, которые без сомнения являются предложными формами винительного падежа. Наречие *заоутро* изменилось в *заоутра* возможно под влиянием акающих говоров (ср. *завтрак* из *завтрокъ* ← *завтръкъ*), которое было поддержано влиянием семантически родственного *вчера*, часто употреблявшегося рядом с *заоутра*, а, может быть, и воздействием однокоренных форм *съ оутра*, *изъ оутра* и т. п.

Переход же звука *у* в *в* (*заутра* — *завтра*) не вызывает сомнения. По этому вопросу А. И. Соболевский в «Лекциях по истории русского языка» писал следующее: «Гласный *у*, находясь без ударения перед гласными и согласными, там, где стечение согласных не требовало нахождения полного гласного звука, во многих случаях перешел в *у*, не составляющее слога и передаваемое в старых текстах то через *у*, то через *в*; а это *у* в свою очередь перешло в *в*» [94].

По значению наречия, образованные от предложных форм винительного падежа существительных, можно подразделить на следующие группы:

---

[94] А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. М., 1907, стр. 122. Ср. также высказывание по этому вопросу Л. А. Булаховского, который пишет, что изменение звукового облика *заоутра* вызвано «известной тенденцией переносить ударение с звуков *у*, *и* на предшествующие гласные *а*, *о*, *е* и, переводя *у*, *и* в звуки *в*, *й*, создавать, таким образом, дифтонгические сочетания» (Деэтимологизация в русском языке. «Тр. Ин-та русск. яз. Ан СССР», т. 1, 1949, стр. 197).

1. Наречия места: *(въ)вьрхъ, (въ)низъ, (въ)зад, (въ)передъ, (въ)нутрь, (въс)пять, (въ)доль, (въ)сторонь, (въ)глубь, (въ)кругъ, (въ)доложь, (въ)слѣдъ, (о)коло, (о)крьстъ, (о)кругъ, (о)пять, (о)даль, (на)вьрхъ, (на)низъ, (на)задъ, (на)въспять, (на)передъ, (по)сторонь, (по)перекъ, (въ)коньць.*

2. Наречия времени: *(въ)вѣкъ, (въ)вѣкы, (въ)старину, (въ)канунъ, (въ)врѣмя, (въ)заморозъ, (въ)прокъ, (въ)послѣдъкъ, (на)послѣдокъ, (на)оутрия, (на)заоутрия, (за)оутрия, (за)оутрие, (за)вътра, (на)коньць.*

3. Наречия образа действия: *(въ)прямь, (въ)незапу, (въ)ручь, (въ)прекы, (въ)истину, (въз)ничь, (въ)таи, (въ)правьду, (въс)пять, (въ)купь, (на)полы, (на)купь, (на)скупь, (на)воропъ, (о)дерень, (об)ьль, (о)собь.*

Некоторые из рассмотренных наречий полисемантичны и могут употребляться в двух или даже трех обстоятельственных значениях, что обусловливается обычно конкретными условиями речи.

Так, наречия *опять, въспять, напередъ, въслѣдъ* и т. п. в зависимости от контекстного окружения выражают как пространственные, так и временные отношения, а наречия, *въпрямь, въдоложь, поперекъ, въкругъ, около* выступают в роли обстоятельства места и обстоятельства образа действия. Ср.: Ярославъ ходи на Половци за Донъ. и не обрѣтъ ихъ вороти *опѧть* ('назад', 'обратно') (Суздл. лет. 6684, 292); Новгородьци же послаша къ Гюргю по сынъ, и дастъ имъ *опять* ('снова', 'второй раз') сынъ свои Всеволодъ (Новг. лет. 6730, 61).

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

Александр. — Александрия. Хрестоматия по древнерусской литературе, состав. Н. К. Гудзий. М., 1948.

Грам. новг. — Грамоты Великого Новгорода и Пскова, под ред. С. Н. Валка, М.—Л.. Изд-во АН СССР. 1949.

Дан. Зат. — Слово Даниила Заточника по редакциям XII—XIII вв. и их переделкам. Памятники древнерусской литературы. вып. 3, подготовил к печати Н. Н. Зарубин. Л., Изд-во АН СССР, 1932.

Дан. иг. — Житье и хоженье Данила Руськыя земли игумена (1106—1108), под ред. А. А. Чудинова. Русская классическая библиотека, вып. XIV. СПб., 1896.

Дв. грам. — Двинские грамоты XV века. См. А. А. Шахматов. Исследование о двинских грамотах XV века. «Исследования по русскому языку и словесности», т. II, вып. 3. ОРЯС АН. СПб., 1903.

Девг. Д. — Девгениево деяние. ОРЯС АН, т. XCIX, № 7, изд. М. Сперанским. Пг., 1922.

Дог. грам. — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. Подготовил к печати Л. В. Черепнин, М.—Л., Изд-во АН СССР. 1950.

ДС — Картотека словаря древнерусского языка Института языкознания АН СССР. Список сокращенных наименований памятников см. в ук. картотеке.

Жит. Ал. — Житие Алексея, божьего человека. Хрестоматия по древнерусской литературе, состав. Н. К. Гудзий. М., 1948.

Жит. Аф. — Житие Афанасия, архиепископа Александрийского. Сб. Московского Успенского собора, вып. 1. Изд. под наблюдением А. А. Шахматова и П. А. Лаврова Об-вом истории и древностей российских. М., 1899.

Жит. Феод. — Житие преподобного Феодосия, игумена Печерского. Там же.

Златостр. — Златоструй XII в. (по списку имп. публичной б-ки).

Изб. Св. 1073 — Изборник великого князя Святослава Ярославича 1073 г. с греческим и латинским текстами. Изд. Об-ва истории и древностей российских, кн. 4, 1883.

Ипат. лет. — Ипатьевская летопись. Полное собрание русских летописей, т. II. Изд. 2-е, исполненное А. А. Шахматовым. СПб., 1908.

Кир. Тур. — Сочинения Кирилла Туровского. Памятники российской словесности XII века. Изд. К. Калайдовичем. М., 1821.

Лавр. лет. — Повесть временных лет по Лаврентьевскому списку. Полное собрание русских летописей. Изд. Историко-Археографической комиссии АН СССР, т. I, вып. 1, ред. Е. Ф. Карского. Л., 1926.

Муч. св. Ирины — Мучение св. Ирины. Сб. Московского Успенского собора, вып. 1. Изд. под наблюдением А. А. Шахматова и П. А. Лаврова Обществом истории и древностей российских. М., 1889.

Новг. грам. — Новгородские грамоты XIII—XV вв., см. А. А. Шахматов. Исследование о языке новгородских грамот XIII—XIV века «Исследования по русскому языку и словесности» т. I, ОРЯС АН. СПб., 1885—1895.

Новг. лет. — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1950.

Остром. ев. — Остромирово евангелие 1056—1057 года, с приложением греческого текста евангелий и с грамматическими объяснениями. Изд. А. Х. Востоковым. СПб., 1843.

Парим. 1271 г. — Паримийник 1271 г. И. И. Срезневский. Древнейшие памятники русского письма и языка. Изд. 2-е. СПб., 1882; Д. И. Абрамович. Памятники древнерусской литературы, т. II, Пг., 1916.

Пол. грам. 1330 — Полоцкая грамота 1330 г. «Грамоты, касающиеся до сношений северо-западной России с Ригою и Ганзейскими городами в XII, XIII и XIV вв.». Изд. Археографической комиссии 1857 г. Документ № VII.

Посл. Ив. IV Кир.-Бел. мон. 1574 — Послание Ивана IV Кирилло-Белозерскому монастырю. 1574 г. Акты исторические. Изд. Археографической комиссии, т. I. СПб., 1841.

Пск. Суд. грам. — Псковская судная грамота. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1914.

Р. П. — Правда Русская, т. I. Изд. под ред. Б. Д. Грекова. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1940.

Сб. Св. 1076 — Сборник Святослава 1076 г. Изд. В. Шимановским в книге «К истории древнерусских говоров». Варшава, 1887.

Ск. Бор. Гл. — Сказание о св. мучениках Борисе и Глебе. Сб. Московского Успенского собора, вып. 1. Изд. под наблюдением А. А. Шахматова и П. А. Лаврова Обществом истории и древностей российских. М., 1889.

Слово — Слово о полку Игореве. Изд. под ред. А. С. Орлова. М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946.

Смол. грам. 1229 — Договорная грамота Смоленского князя Мстислава Давидовича с Ригою и Готским берегом 1229 г., Изд. К. Е. Напьерским в сб. «Грамоты, касающиеся до сношений Северо-западной России с Ригою и Ганзейскими городами в XII XIII и XIV веке». СПб., 1857.

Срезн. — Материалы для словаря древнерусского языка И. И. Срезневского. . ., т I. СПб., Изд. ОРЯС АН, 1893; т. II. СПб., 1902; т. III. СПб., 1912. Список сокращенных наименований памятников см. в указанных «Материалах. . .» И. И. Срезневского.

Суздл. лет. — Суздальская летопись по Лаврентьевскому списку. Полное собрание русских летописей. Изд. Историко-археологической комиссии АН СССР, т. I, вып. 2 и 3. Приложение. Под ред. Е. Ф. Карского. Л., 1927.

Хожд. Бог. — Хождение Богородицы по мукам. Изд. Н. С. Тихонравовым в Памятниках отреченной русской литературы, т. II. М., 1863.

Чт. Бор. Гл. — Чтение о житии и о погублении блаженных страстотерпцев Бориса и Глеба. Жития святых мучеников Бориса и Глеба и службы им, подготовлено к печати Д. И. Абрамовичем. Пг., Изд. ОРЯС АН, 1916.

Юж. грам. — Южнорусские грамоты, собранные Владимиром Розовым, т. I. Киев, Изд. ОРЯС АН, 1917.

ОСОБЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

При цитировании древних памятников сохранялась в соответствии с изданиями их орфография: сокращенное написание слов, диакритические знаки, буквы ъ, ь, ѧ, ѣ.

Отступления сделаны нами лишь в следующем:

1) буквы *и*, *і*, ѵ переданы одной буквой — *и*;

2) буквы *у* и ѫ переданы одной буквой — *у*;

3) буквы *о* и ѡ обозначаются буквой — *о*, в связи с чем сочетание ѿ передано нак — *от*.

БИБЛИОТЕКА Института Языкознания АН СССР

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие 3

Л. П. Жуковская. Из истории языка северо-восточной Руси в середине XIV в. (Фонетика галичского говора по материалам Галичского евангелия 1357 г.) 5

О. А. Князевская. К истории русского языка в северо-восточной Руси в середине XIV в. (Палеографическое и фонетическое описание рукописи Московского евангелия 1358 г.) 107

Т. Н. Кандаурова. К истории древнепсковского диалекта XIV в. (О языке псковского Пролога 1383 г.) 178

В. И. Борковский. Бессоюзные сложные предложения в древнерусских грамотах 287

С. В. Бромлей. К истории образования форм сравнительной степени в русском языке 350

Н. С. Рыжков. Морфология и семантика именных (отсуществительных) наречий в древнерусских памятниках XI—XIV вв. 471

ИРЯ
институт русского языка
www.ruslang.ru

Труды Института языкознания,
том VIII

Утверждено к печати Институтом языкознания Академии наук СССР

Редакторы издательства
Т. В. Вентцель и *А. Т. Лифшиц*
Технический редактор *Т. В. Полякова*

РИСО АН СССР № 11—97В. Сдано в набор 10/VII 1957 г. Подписано к печати 21/XI 1957 г.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Печ. л. 32,5 = 41,68.
Уч.-изд. л. 37,8. Тираж 2000. Т—10825.
Изд. № 2084. Тип. зак. № 228.
Цена 23 руб. 70 коп.

Издательство Академии наук СССР
Москва, Б-64, Подсосенский пер., 21
1-я типография Издательства АН СССР
Ленинград, В-34, 9 линия, 12

7

ИСПРАВЛЕНИЯ И ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
31	7 сн.	w͡вре	w͡вре
41	8 св.	wфонасьӧй	wфонасьи
116	3 св.	въ земмлѧ	вьземлѧ
116	4 св.	въ землѫ	вьземлѫ
120	14 сн.	вверзъте	Вверзѣте
127	19 сн.	(на месте «ь»	(на месте «ъ»
133	4 сн.	на месте [у] слабого	(на месте [ў] слабого
136	17 св.	. . . приставке *сў* (*sq* =)	приставке *сў* (sǫ-)
149	21 св.	*ветвеы*	*вѣтвены*
160	21 св.	звуков [ě] и [е]	звуков [ê] и [е]
170	21 сн.	непь ‖ шюю	непь ‖ щюю
183	8 сн.	*с, м, ж, з*	*с, ш, ж, з*
184	17 св.	Лимоносия	Лимонисия
185	1 св.	освешения	освящения
194	15 св.	*о земьлѧ*	*о земьли*
200	16 св.	клеветанъ	оклевѣтанъ
213	24 св.	лл. 48—49	лл. 48—98
226	5 св.	*тривуна*	*тиуна*
232	12 св.	Ѳаслаты	Ѳаслати
236	8 св.	пустушы	пустуши
356	17 св.	*рѣзъчае*	*рѣзъчае*
425	9 св.	praestautior	praestantior
460	7 сн.	*жестокъ* и *жесткъ*	*жестоко* и *жестко*
516	18 св.	1889	1899
516	11 сн.	1889	1899

На стр. 382, 19 строка св.: и землю ихъ повоева и *позже* (Ск. Ал. Нев., 8) пример приведен ошибочно.

23 р. 70 к.